

РБ(4/9)
Н 69

Э.А.НИТОБУРГ

ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА НА КУБЕ

Социалистическая революция у порога США — цитадели современного империализма — потрясла весь американский континент. Почему именно маленькая Куба, последней в Латинской Америке освободившаяся от испанского колониального господства, стала родиной социализма в Западном полушарии? Ответ на этот вопрос дает история Кубы и кубино-американских отношений.

Книга рассказывает о том, как «жемчужина Антилл» — Куба стала фактической колонией американского империализма, о героической борьбе ее народа за свободу; о революции 1933 г. и деятельности Временного революционного правительства Кубы; о том, как «добрые соседи» из США душили освободительное движение на Кубе и как начинал свою кровавую карьеру диктатор Батиста.

Анализируя разнообразные источники, в том числе архивные документы, дипломатическую переписку, материалы прессы США, Европы и Латинской Америки, автор обнажает тщательно скрываемые тайные мотивы и пружины политики Вашингтона, показывает самую «кухню» американской дипломатии.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Э. А. НИТОБУРГ

**ПОЛИТИКА
АМЕРИКАНСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА
НА КУБЕ
1918 – 1939**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва • 1965

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
член-корреспондент АН СССР
А. В. ЕФИМОВ

социалистическая революция на Кубе, у самых стен цитадели современного империализма — Соединенных Штатов Америки, потрясла весь американский континент. Продолжая дело Великого Октября в Западном полушарии, она убедительно подтвердила справедливость положения о том, что основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, и показала, что изменения, происходящие в связи с этим в мире, затрагивают все континенты.

Кубинская революция вдребезги разбила всякого рода «теории» о том, что географическая близость к Соединенным Штатам, а также более чем полувековое монопольное господство американского империализма, полностью контролировавшего экономику Кубы и ее армию, заранее якобы обрекали освободительную борьбу патриотов на неудачу. Подвиг кубинского народа, первым разорвавшего цепи угнетения в районе, издавна считавшемся «заповедником» американского империализма, вдохновляет на борьбу за свободу всех латиноамериканцев. Революционная Куба стала маяком, показывающим народам Латинской Америки путь к прогрессу, свободе и счастью.

Естественно, поэтому, что многие — как друзья, так и враги героического кубинского народа — задают вопрос, почему именно маленькая Куба, последней среди стран Латинской Америки освободившаяся от испанского колониального господства, первой из них добилась подлинной свободы и независимости и стала родиной социалистической революции в Западном полушарии?

Отвечая на этот вопрос, авторы вышедших за последние годы в США многочисленных работ, посвященных Кубе и Кубинской революции, как правило, пытаются скрыть правду об этой революции, ее характере и причинах, затушевывать роль

народных масс Кубы в освободительной борьбе, изобразить дело так, будто социалистическая революция на Кубе — случайное для Западного полушария явление, результат «деятельности внешних сил», происков «международного коммунизма» и т. д. «За тридцать лет моей работы в газете «Нью-Йорк Таймс», — свидетельствует член редколлегии этой газеты и автор книг о Кубе Герберт Мэтьюз, — я никогда не видел, чтобы какое-либо крупное событие было бы так неправильно понято, плохо освещено и неверно истолковано, как революция на Кубе».

Правильно оценить все значение, причины и особенности Кубинской революции можно только обратившись к ее истокам, ибо революция, победившая 1 января 1959 г., своими корнями глубоко уходит в прошлое. Историческое развитие Кубы, совпадая в основном и главном с общими тенденциями развития латиноамериканских стран, обладало также рядом специфических особенностей, которые и послужили объективной основой того, что именно Куба стала «первой свободной территорией Америки».

Основатель Компартии Кубы Х. Мелья называл свою родину «страной, которая никогда не знала свободы», и вся история Кубы — это прежде всего история ее борьбы за свободу и независимость. Ни одной стране Америки не пришлось так долго и упорно бороться за них, как Кубе. «...Чем была наша история, — говорит Ф. Кастро, — как не борьбой против национальных и иностранных сил, которые препятствовали осуществлению... справедливых устремлений нашей нации?»¹ Победа революции была подготовлена всей героической и яркой историей освободительной борьбы кубинского народа и позволила, наконец, осуществить мечты великого революционера Хосе Марти, мечты, с которыми поднимались на борьбу кубинские патриоты в 1868, 1895 и 1933 гг.

Поэтому нельзя правильно ответить на поставленный выше вопрос, не зная истории борьбы кубинцев против колониального ига Испании, не зная истории социально-экономического развития Кубы и кубино-американских отношений в XX в., и, особенно, не зная истории их в период между двумя мировыми войнами, когда закабаление Кубы монополиями США и размах освободительной борьбы против «империализма янки» достигли кульминационного в предреволюционные десятилетия уровня и когда знаменосцем этой борьбы впервые стал кубинский пролетариат.

¹ Ф. Кастро. Речи и выступления. М., 1960, стр. 247.

КОЛОНИЯ ЯНКИ (1918 — 1929 гг.)

1. Республика с петлей на шее

Антильские острова, протянувшиеся длинной дугой от полуострова Флорида в Северной Америке до устья р. Ориноко в Южной, и особенно самый крупный из них — «жемчужина Антилл» — Куба, всегда манили к себе взоры правящих кругов США. «На протяжении всей истории Соединенных Штатов,— свидетельствует видный представитель американской правящей элиты, миллиардер и бывший посол в Гаване Г. Гугенхейм,— Куба занимала особое место в нашей внешней политике. Никакая другая страна не привлекала столь постоянного внимания нашего государственного департамента»¹.

Не имея достаточных сил для того, чтобы самим овладеть Кубой, США на протяжении всего XIX века старались не допустить перехода ее из рук слабеющей Испании в руки какой-либо другой державы. В результате Куба до 1898 г. оставалась испанской колонией². А когда кубинский народ, взявшись за оружие, после 30 лет героической борьбы за независимость был уже близок к победе над испанскими колонизаторами, империалисты США вмешались в борьбу, чтобы украсть плоды этой победы.

¹ Н. F. G u g g e n h e i m. The United States and Cuba. New York, 1934, p. 1.

² См.: Ф. С. Ф о н е р. История Кубы и ее отношений с США, т. 1—2. М., 1963, 1964; E. Roig de Leuchsenring. Cuba no debe su independencia a los Estados Unidos. La Habana, 1950; он же. Hostilidad Permanente de los Estados Unidos contra la independencia de Cuba. La Habana, 1960.

К этому времени экономически Куба уже в значительной мере зависела от Соединенных Штатов. Их капиталовложения там достигли 50 млн. долл., а товарооборот с Кубой — 100 млн. долл. Североамериканские компании скупали сахарные заводы и плантации, железные и марганцевые рудники, строили на острове железные дороги. В 1880-х годах четверть торгового флота США, занятого внешней торговлей, обслуживала шесть паромных линий, связывающих кубинские и американские порты. В начале 1890-х годов кубинский экспорт в США по стоимости в 8—9 раз превышал кубинский экспорт в Испанию. США покупали 90% всего вывозимого Кубой сахара³.

Стремясь помешать кубинцам собственными силами завершить разгром испанской армии с тем, чтобы в новой обстановке, возникшей в результате ликвидации испанского владычества, поставить Кубу под свой контроль, империалистические круги США стали искать повод для вмешательства в борьбу. Желанный повод был найден, когда на рейде Гаваны (15 февраля 1898 г.) взорвался американский крейсер «Мэйн», посланный туда под предлогом «защиты интересов американских граждан» на Кубе, без всякого разрешения на то испанских властей. Желтая пресса в США забила в набат, объявив виновниками взрыва испанцев и требуя «отомстить за «Мэйн»!». Подобные же призывы раздались в американском конгрессе⁴.

Не допустив объективного расследования причин взрыва и предъявляя идущей на всяческие уступки Испании все более неприемлемые требования, правительство США использовало гибель крейсера для разжигания в стране шовинистического угара и завершения последних приготовлений к войне. 12 апреля 1898 г. конгресс США принял знаменитую «совместную резолюцию» (сената и палаты представителей), в которой говорилось, что «народ Кубы... должен быть свободен и независим» и президент США уполномочен ради обеспечения этой цели использовать вооруженные силы с тем, чтобы после изгнания испанцев «оставить управление и контроль над островом его народу»⁵.

Эта резолюция, одобренная президентом, была насквозь фальшивой и имела целью обмануть как народ Кубы, так и

³ Н. Е. Friedlaender. Historia económica de Cuba. La Habana, 1944, p. 462; А. М. Зорина. Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961, стр. 65—67; Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1961, стр. 228, 312—314.

⁴ См.: Л. Ю. Слезкин. Испано-американская война 1898 года. М., 1956; Л. С. Владимиров. Дипломатия США в период американо-испанской войны. М., 1957.

⁵ Statutes-at-Large, v. XXX. Boston and Washington, 1900, p. 738—739. Цит. по: R. H. Fitzgibbon. Cuba and the United States, 1900—1935. Menacha, 1935, p. 269.

народ Соединенных Штатов, значительная часть которого была уверена, что война с Испанией действительно начинается ради освобождения Кубы⁶.

21 апреля 1898 г., Соединенные Штаты фактически начали военные действия, хотя официально объявили войну Испании лишь 25 апреля. «Прекрасная маленькая война», как цинично назвал ее государственный секретарь Д. Хэй, длилась всего 3,5 месяца и была решена на море разгромом устаревшего испанского флота.

Это была первая война за передел уже в основном поделенного капиталистами мира, первая главная историческая веха эпохи империализма. По своему характеру испано-американская война 1898 г. была империалистической как со стороны Соединенных Штатов, воевавших за захват колоний, так и со стороны Испании, стремившейся сохранить в колониальной зависимости народы Филиппин, Кубы и Пуэрто-Рико⁷.

Представители кубинского народа не были даже приглашены на конференцию по выработке мирного договора с Испанией⁸. Подписанный 10 декабря 1898 г. Парижский мирный договор передал под власть Соединенных Штатов острова Гуам и Пуэрто-Рико, а также — за денежную компенсацию в 20 млн. долл. — Филиппины. Что же касается Кубы, то после эвакуации испанских войск остров подлежал оккупации войсками США. О независимости Кубы в договоре даже не упоминалось, и длительность оккупации определена не была⁹. Так «американский империализм украл победу кубинского народа, установив свою военную гражданскую власть в бывшей испанской колонии»¹⁰.

1 января 1899 г. произошла официальная передача управления Кубой Соединенным Штатам. Колониальную власть Испании сменила власть североамериканских интервентов. На острове был установлен военно-оккупационный режим. Это стало возможным прежде всего благодаря предательству крупных ку-

⁶ В 1961 г. была обнаружена изданная в Филадельфии в 1898 г., т. е. в то самое время, когда США вели войну «за свободу Кубы», карта Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин под общим весьма красноречивым названием «Наши новые колонии».

⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164. См. также А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1961.

⁸ F. Portuondo del Prado. De la colonia a la colonia. La Habana, 1960, p. 14.

⁹ См.: W. Malloy. Treaties, conventions, international acts, protocols and agreements between the USA and other powers, v. II. Washington, 1910—1923, p. 1691.

¹⁰ А. Нуньес Хименес. Империя янки — враг Латинской Америки. М., 1962, стр. 91.

бинских помещиков, сахарозаводчиков и коммерсантов, связанных с американским рынком и зависящих от него. Они никогда не возражали против возможности присоединения Кубы к США. Буржуазно-помещичьи круги, возглавлявшие национально-освободительное движение и оказавшиеся теперь перед выбором — либо мобилизация масс на дальнейшую борьбу за независимость против новых колонизаторов-янки и, следовательно, углубление революции, либо обещания формальной независимости и роль младшего партнера в эксплуатации своего народа, — предпочли последнее. Кубинская национальная буржуазия только складывалась, была еще слаба, по характеру своей деятельности связана с латифундистами и нередко с американским капиталом. Она так же, как и латифундисты, боялась народных масс, их требований и видела в американской армии силу, способную помешать дальнейшему развитию революции.

Со своей стороны «американское военное правление поддерживало и поощряло реакционные классы, продолжало разбазаривать государственную казну, способствовало экономической колонизации, дискриминации негров, деформации национального духа и попыталось, хотя и безуспешно, насадить религию новых завоевателей, чтобы заменить ею религию старых...»¹¹. Оккупанты навязали Кубе обращение североамериканских денег и обучение в школах английскому языку и истории США.

И если, несмотря на предательство национальных интересов верхушкой имущих классов Кубы, американский империализм не решился все же тогда аннексировать остров, то главной причиной этого было сопротивление, оказанное оккупантам кубинским народом¹². Оно заставило правительство США признать независимость Кубы. Но одновременно Вашингтон сделал все, чтобы максимально ограничить эту «независимость» и превратить ее в чисто формальное понятие. С этой целью военный губернатор Кубы Леонард Вуд — «шулер в чине генерал-майора», как назвал его Марк Твен, заставил Учредительное собрание, которое должно было выработать конституцию Кубинской республики, включить в нее в качестве особого дополнения, определяющего характер будущих американо-кубинских отношений, так называемую поправку Платта¹³. Автором ее был председатель специального комитета по вопросам отношений с Кубой, созданного в сенате США, сенатор Орвилл Г. Платт.

¹¹ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional. Informes, resoluciones, programa, estatutos. La Habana, 1960, p. 676.

¹² См.: Л. С. В л а д и м и р о в. Указ. соч., стр. 246—247.

¹³ Ф. К а с т р о. Речи и выступления. М., 1960, стр. 417—418; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt. Una interpretación de la realidad cubana, t. I. La Habana, 1964, p. 151—160, 185—234; M. Riera. Cuba Política, 1899—1955. La Habana, 1955, p. 27.

«Поправка Платта», определявшая характер будущих кубино-американских отношений, запрещала Кубе уступать или сдавать в аренду третьим странам какую-либо часть своей территории; правительство США получало «право» в целях «поддержания порядка» и «защиты независимости» Кубы оккупировать «в случае необходимости» ее территорию своими войсками и т. д. Президент США уполномочивался вывести американские оккупационные войска с Кубы только после того, как условия «поправки» будут включены в кубинскую конституцию¹⁴.

Так американский империализм, обманув кубинцев лицемерными обещаниями «помощи» в борьбе за освобождение Кубы и воспользовавшись их героической борьбой против испанских колонизаторов в своих корыстных целях, подчинил молодую Кубинскую республику своему господству. «Республика,— отмечалось в Программе Народно-социалистической партии Кубы,— родилась с накинутаой на шее петлей «поправки Платта»...¹⁵ По существу тем самым были как бы перечеркнуты восемьдесят лет героической борьбы кубинского народа против испанской монархии за независимость.

Только добившись включения «поправки Платта» в кубинскую конституцию и превращения Кубы, по словам президента Т. Рузвельта, «в часть политической системы Соединенных Штатов», правительство США вывело свои оккупационные войска и 20 мая 1902 г. передало власть первому правительству Кубинской республики. Однако перед этим Вашингтон позаботился также и о том, чтобы кубинское правительство состояло из людей, которые «всегда начинали с того, что спрашивали, что думают об этом американцы... Большинство этих людей никогда не знало того, что и как думают кубинцы. Они прежде всего интересовались тем, что думали американцы»¹⁶. Первым президентом стал Томас Эстрада Пальма — человек, проживший в США тридцать лет, который, по словам американского историка Фитцджеральда, «по-видимому, никогда не возражал против идеи присоединения Кубы к Соединенным Штатам» и «был, вероятно, более платтистом, чем сам Платт»¹⁷. 22 мая 1903 г. его правительство подписало с Соединенными Штатами так называемый Постоянный договор, составленный почти в тех же выражениях,

¹⁴ Полный текст «поправки Платта» см. в: «Statutes-at-Large», v. XXXI, p. 897—898.

¹⁵ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional, p. 664—665.

¹⁶ Ф. К а с т р о. Указ. соч., стр. 455.

¹⁷ R. Fitzgibbon. Op. cit., p. 108, 112.

что и «поправка Платта», и закрепивший (статья 3) «право» США на интервенцию на Кубе¹⁸.

В том же году, что и Постоенный договор, было подписано соглашение об аренде Соединенными Штатами у Кубы территории для военно-морских баз в Байя-Онда (провинция Пинар-дель-Рио) и Гуантанамо (провинция Ориенте)¹⁹. В бухте Гуантанамо США создали крупнейшую в Карибском море военно-морскую базу, контролирующую подступы к «ключу двух океанов» — Панамскому каналу.

Политика правительства США в отношении Кубы была ярким примером «того обмана, который систематически проводят империалистические державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства»²⁰. «Поправка Платта» как раз и должна была замаскировать подлинный характер господства американского империализма на Кубе. Использование подобных, прикрытых видимостью «юридической» законности, форм колониального закабаления стало в XX в. одной из специфических черт американского империализма.

Даже американские авторитеты по международному праву вынуждены были квалифицировать статус Кубы как «протекторат»²¹. Мнение кубинцев по этому поводу выразил крупнейший кубинский юрист А. Санчес де Бустаманте. «Мы, кубинцы,— сказал он,— единодушно считаем, что «поправка Платта»... превращает Кубу в колонию Соединенных Штатов, в разновидность протектората Белого Дома»²². «Куба,— заявил, выступая в нижней палате кубинского конгресса, один из наиболее видных кубинских ученых — Фернандо Ортис,— независима не больше чем Лонг Айленд»²³. Народ Кубы никогда не признавал унижительной «поправки Платта» и не прекращал борьбы за отмену ее и подлинную независимость своей страны.

¹⁸ Договор ратифицирован и вошел в силу 2 июля 1904 г. Текст его см. в: W. Malloy. *Treaties...*, v. I, p. 362—364.

¹⁹ W. Malloy. *Treaties...*, v. I, p. 359—361. От права на аренду территории в Байя-Онда США в 1912 г. отказались. «*Diario de Sesiones del Senado. República de Cuba*», 1912, v. XXI, № 12, p. 2—3. «С тех пор, как мы купили у индейцев Манхэттен,— писал в 1964 г. американский публицист А. Ф. Стоун,— мы не заключали столь мошеннической и столь выгодной сделки, как сделка с Гуантанамо». См.: «Правда», 19.II 1964.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 167.

²¹ См.: A. S. Hershey. *The Essential of International Public Law and Organisation*. New York, 1927, p. 19.

²² «*Revista Diplomática*», IV, 1929, v. 4, p. 5.

²³ F. Ortiz. *En la Tribuna*, v. I. La Habana, 1923, p. 147. Лонг Айленд — остров, район Нью-Йорка.

Экономическое положение трудящихся слоев населения, особенно крестьян и сельскохозяйственных рабочих, и после ликвидации испанского господства оставалось очень тяжелым. Правительство Эстрада Пальма ничего не сделало для того, чтобы облегчить их участь. Недовольство народных масс вылилось в августе 1906 г. в восстание, охватившее почти весь остров и переросшее в широкое антиимпериалистическое выступление. В нем участвовали негритянские трудящиеся, городские и сельскохозяйственные рабочие, мелкие крестьяне-колоны. Общее число повстанцев достигало 15—20 тыс. Восстание было направлено против империализма США. Повстанцы трюмили принадлежавшие американскому капиталу предприятия и плантации²⁴.

Правительство США немедленно же заявило о том, что на основании статьи 3-й Постоянного договора оно посылает на Кубу свои войска. Оккупанты подавили освободительное движение и установили жесткий военный режим. Военный губернатор Ч. Магун, — писал один из кубинских государственных деятелей, — «сосредоточил всю власть в стране — в одно и то же время он правил и издавал законы: царь России, дополненный шахом Персии и турецким султаном»²⁵. В каждом ведомстве были посажены американские советники. Один из них, полковник Энох Краудер, возглавил специальную комиссию, выработавшую для Кубы новые законы, позволившие американцам контролировать выборы и ставить у власти свою агентуру.

Только обеспечив «избрание» президентом Кубы своего нового ставленника — лидера либералов Хосе Мигеля Гомеса, правительство США отозвало (28 января 1909 г.) американские войска с острова.

В США в эти годы правило правительство президента У. Тафта, проводившее в отношении Кубы так называемую превентивную политику. Вашингтон присвоил себе — якобы на основе Постоянного договора — «право» не только осуществлять интервенцию, но и следить за тем, чтобы не возникало причин для нее. Угрожая вооруженной интервенцией, правительство США стало теперь постоянно вмешиваться во внутренние дела Кубы, что привело к усилению ее зависимости от американского империализма. Лишь «между 1906 г., когда США снова, на три года, захватили контроль над Кубой, и 1917 г. они, — как пишет современный американский автор, — вмешивались военным и политическим путем в ее дела восемь раз»²⁶.

²⁴ См.: «Вопросы истории», 1951, № 5, стр. 61, 64; «Исторический архив», 1961, № 3, стр. 45—46.

²⁵ M. Marques Sterling. Las Conferencias del Shoreham. México, 1933, p. 17.

²⁶ T. Freeman. The Crisis in Cuba. New York, 1963, p. 36.

Так, когда в 1912 г. в провинции Ориенте вспыхнуло восстание негритянского населения против расовой дискриминации, возглавленное «Независимой партией цветных», то Вашингтон, не обращая ни малейшего внимания на протесты кубинского правительства, направил туда отряды морской пехоты. Восстание было жестоко подавлено, причем около 3 тыс. повстанцев были убиты. В 1913 г. США не допустили принятия закона об амнистии находившихся в тюрьмах участников восстания²⁷.

С 1913 по 1921 г. президентом Кубы был лидер Консервативной партии генерал Марио Гарсия Менокаль (1866—1941). «Он был, говоря просто, выдвинут в президенты от сахара...»²⁸ Инженер по образованию, воспитанник Корнельского университета, Менокаль был больше американцем, чем кубинцем. В войне за независимость он получил чин генерал-майора, а во время первой американской оккупации был назначен главой полицейского департамента Гаваны и отличился разгромом первой всеобщей забастовки на Кубе. Он стал преуспевающим владельцем больших плантаций, завязал тесные связи с американскими дельцами и в годы второй оккупации занял пост генерального управляющего «Кьюбэн-америкэн шугэр компани» — «Кубино-американской сахарной компании» — одной из крупнейших американских монополий, действовавших в то время на Кубе. Вплоть до своего избрания в президенты Менокаль оставался поверенным главы этой компании — американского конгрессмена и дельца Хаули. Сделавшись президентом, он продолжал поддерживать тесную связь с Хаули, ставшим — наряду с американским посланником на Кубе — одним из ближайших его советников.

Политика репрессий в отношении трудящихся и подчинения экономики страны североамериканскому капиталу, проводимая правительством Менокалья, вызывала все большее возмущение в стране. Фальсификация в пользу Менокалья результатов очередных президентских выборов (1916 г.) привела в феврале 1917 г. к восстанию, возглавленному видными деятелями Либеральной партии. Опираясь на поддержку населения, восставшие захватили власть в городе Сантьяго-де-Куба и в ряде других населенных пунктов. И если бы не помощь Вашингтона, «сахар-

²⁷ «Diario de Sesiones del Senado. República de Cuba», v. XXI, № 1, p. 2; № 15, p. 9; № 26, p. 2—3; v. XXII, № 34, p. 8—9; v. XXVII, № 19, p. 2—5; S. Portuondo Linares. Los independientes de color. La Habana, 1950, p. 19, 56, 197—277. См. также донесения полковника русского Генерального штаба А. К. Боде от 23 мая и 12 июня 1912 г. «Исторический архив», 1961, № 3, стр. 49—53.

²⁸ C. Beals. The Crime of Cuba. Philadelphia — London, 1934, p. 218.

ный президент» Менокаль едва бы удержался у власти на второй президентский срок.

США объявили, что они считают восстание «незаконным актом» и будут поддерживать существующее правительство. Военное министерство США поспешило передать этому правительству 10 тыс. ружей и 5 млн. патронов. Затем «для оказания помощи в охране порядка» на Кубе была снова высажена американская морская пехота. В марте 1917 г. войска интервентов вынудили повстанцев покинуть Сантьяго и другие занятые ими города провинции Ориенте²⁹.

6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии. 8 апреля их примеру последовало правительство Менокаля. Восстание сразу же было объявлено «либерально-германским заговором», а участники его — «германофилами» и «предателями». Правительство США заявило, что оно будет «рассматривать лиц, которые восстали против конституционного правительства, как своих собственных врагов»³⁰. В июле и августе 1917 г. на Кубе высадились 2,5 тыс. солдат морской пехоты и американской армии, оккупировавших почти всю провинцию Ориенте и часть провинции Камагуэй. И хотя восстание было полностью подавлено уже в июле 1917 г., американские войска оставались на Кубе почти пять лет — до конца января 1922 г.

В последние годы первой мировой войны контроль американского империализма над Кубой увеличился еще больше. В Гавану прибыли военная и военно-морская миссии США. Американского военного атташе на Кубе пресса открыто называла военным советником кубинского правительства. Американские офицеры наблюдали за осуществлением цензуры в прессе, на почте и телеграфе, они контролировали даже фабрику по производству обмундирования для солдат кубинской армии. В марте 1919 г. в Гавану снова прибыл, но теперь уже в чине генерала, Э. Краудер. Им — в сотрудничестве с помощником начальника латиноамериканского отдела государственного департамента С. Уэллесом — был разработан новый избирательный закон для Кубы, запрещавший на период выборов все общественные собрания и лишавший избирательных прав значительную часть трудящихся. По этому закону победивший на президентских выборах кандидат мог занять свой пост только с согласия кубинского Верховного суда³¹.

²⁹ L. H. Jenks. Our cuban colony, a study in sugar. New York, 1928. p. 191—192; R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 157—158.

³⁰ «Papers relating to the Foreign Relations of the USA — 1917». Washington, 1926, p. 404, 407. (См. далее: «Foreign Relations — 1917»); E. Roig de Lenchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. I, p. 315—317; M. Riera. Op. cit., p. 224—229.

³¹ L. H. Jenks. Op. cit., p. 195, 224; C. E. Chapman. A History of the Cuban Republic. New York, 1927, p. 401.

Американская оккупация, а затем «поправка Платта» создали особые, совершенно исключительные условия для проникновения на Кубу американского капитала. Американские компании стали в еще более широких масштабах, чем прежде, скупать там земли, создавать крупные сахарные комбинаты-сентралы, строить железные дороги, брать концессии на коммунальные предприятия и добычу минеральных богатств острова.

В 1898 г., по окончании войны за независимость, на Кубе имелось 120 крупных табачных фабрик, многие из которых принадлежали иностранцам, главным образом англичанам, но ни одной — американцам. В 1902 г. американским капиталом был учрежден так называемый табачный трест, скупивший 291 марку сигар и 85 марок сигарет. В результате почти половина всего производства сигар и сигарет на острове и 90% экспортной торговли гаванскими сигарами оказались в руках американского капитала³².

Военный губернатор Л. Вуд предоставил 218 концессий на разработку минеральных ресурсов: залежей асфальта, угля, графита, меди, железа, марганца, золота, серебра, свинца и цинка, причем большинство из них получили американцы.

В 1900 г., отмечает Л. Дженкс, «четыре пятых площади Кубы оставалось необработанной. Это была плодородная и абсурдно дешевая земля. С начала нашей оккупации началась продажа этой земли». Причем американские дельцы скупали ее за смехотворную цену: стоимость одной кабальерии (13,42 га) земли не превышала иногда стоимости пачки сигарет³³.

В 1903 г. сенатор Мануэль Сангили, пытаясь предотвратить дальнейшее расхищение основного достояния кубинского народа — земли, внес в конгресс Кубы проект закона, запрещавшего иностранцам приобретение недвижимой собственности, создание усадеб и поселков на территории республики. Но под нажимом США законопроект был провален. В феврале 1909 г. та же судьба постигла подобный проект закона, внесенный на рассмотрение кубинского конгресса Эмилио Артеага³⁴.

Чтобы еще крепче привязать Кубу к США, ее заставили в 1903 г. подписать Договор о взаимном режиме наибольшего

³² Manual de capacitación cívica. La Habana, 1960, p. 104—105, 196; J. Le Riverend. Historia económica de Cuba. La Habana, 1963, p. 214—215.

³³ L. H e n k s. Op. cit., p. 130, 131, 141, 142. См. также: Cuadernos de historia habanera: Curso de introducción a la historia de Cuba, t. III. La Habana, 1938, p. 396.

³⁴ M. Sanguily. Defensa de Cuba. La Habana, 1948, p. LIII—LIV, 109—111; E. Roig de Leuchsenring. Los Estados Unidos contra Cuba Republicana, t. I. La Habana, 1960; p. 91—94.

благоприятствования в области торговли. По этому договору Куба снизила пошлины на ввоз американских товаров на 25—40 % по сравнению с пошлинами на ввоз таких же товаров из других стран. В обмен США снизили на 20 % пошлину на кубинский сахар³⁵. Но выгоды от этого получил главным образом американский сахарный трест. Подобная «взаимность» привела к тому, что кубинские пошлины оказались запретительными для товаров третьих стран, и Куба почти лишилась возможности торговать с кем-либо, кроме США. Торговый договор 1903 г. помог американским монополиям постепенно вытеснить с кубинского рынка европейские, прежде всего английские, товары и капитал и полностью подчинить себе экономику острова. К концу 1914 г. инвестиции США здесь достигли 265 млн. долл. и впервые превысили весь остальной иностран- ный капитал, вложенный в экономику Кубы³⁶.

Американский капитал опирался на прямую поддержку Вашингтона, стремившегося создать для действующих на Кубе монополий США преимущественное положение не только в отношении европейского, но и в отношении национального кубинского капитала. Ради того, чтобы обеспечить высокие прибыли американским финансистам, государственный департамент США не останавливался перед открытой угрозой интервенции по «поправке Платта»³⁷.

Еще в последней четверти XIX в. сахарная промышленность Кубы подверглась коренной реорганизации. Место небольших сахарных заводов — инхениос — заняли крупные «центральные заводы» — сентралы, каждый из которых по мощности был равен десяткам инхениос. Раньше помещик снабжал свой инхенио тростником, выращенным рабами-неграми на своих же плантациях. Теперь процессы выращивания сахарного тростника и производства сахара-сырца оказались разграничены, и производителю тростника — колону — пришлось отвозить свой тростник для переработки ближайшему сентралю. Часть колонов была помещиками, большинство же их состояло из крестьян-собственников земли и арендаторов, сдававших по контрактам тростник сентралам и постепенно закабаляемых компаниями. По

³⁵ См.: E. Roig de Leuchsenring. Los Estados Unidos contra Cuba republicana t. I, p. 153—206; O. Pino Santos. El Imperialismo Norteamericano en la Economía de Cuba. La Habana, 1960, p. 29—31.

³⁶ G. Gutierrez. El desarrollo económico de Cuba. La Habana, 1952, p. 229; M. Winkler. Investments of United States capital in Latin America. Boston, 1929, p. 275.

³⁷ «Foreign Relations — 1912». Washington, 1919, p. 381, 383; Л. И. Зубок. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. М., 1948, стр. 291—293.

установившемуся обычаю, колон получал определенную часть сахара, выработанного из его тростника; остальной сахар в качестве платы за переработку забирал сентраль³⁸.

Важную роль в дальнейших судьбах Кубы сыграла война 1914—1918 гг., вызвавшая усиленный спрос на кубинский сахар. В процессе начавшейся еще до войны реконструкции кубинской сахарной промышленности американскими капиталистами, а также крупными местными землевладельцами и сахарозаводчиками строились новые сентральи, прокладывались частные железные и шоссейные дороги. Всего с 1902 по 1914 г. было создано 17 новых сентралей, в том числе несколько гигантских (таких, как Морон и Стюарт в провинции Камагуэй или Чапарра, Делисиас и Манати — в Ориенте). В то же время продолжался начавшийся еще в конце XIX в. процесс концентрации производства: общее число сентралей уменьшилось с 207 в 1899 г. до 170 в 1915 г. Но мощность их более чем удвоилась — к началу войны Куба производила почти 2,6 млн. т сахара-сырца в год³⁹.

В связи с порожденной войной нехваткой сахара во всем мире цены на него стали быстро расти. В 1913 г. за фунт кубинского сахара-сырца платили 1,93 сента, а в августе 1917 г. — 6,75 сента. Это вызвало подлинную «сахарную лихорадку» на Кубе. За годы войны было построено и реконструировано 40 сентралей. Причем большинство новых сентралей возникло в восточных провинциях Камагуэй и Ориенте, где по очень низкой цене продавались обширные участки земли, покрытые лесом, который беспощадно вырубался для того, чтобы очистить место под плантации сахарного тростника⁴⁰.

Американские сахарные магнаты скупали плантации и заводы, принадлежавшие кубинцам, объединяли предприятия и создавали новые компании. Так, в 1915—1916 гг. была создана одна из крупнейших американских компаний на острове — «Кьюбэн кэйн шугэр корпорейшн», располагавшая 14 (а позже даже 18) сентральями, на долю которых приходилась шестая часть всего урожая сахарного тростника на Кубе⁴¹.

Большая производственная мощность новых предприятий требовала значительного увеличения поставок сахарного трост-

³⁸ R. Guerra y Sánchez. La industria azucarera de Cuba. La Habana, 1940, p. 99.

³⁹ Historia de la nación cubana. Publicada bajo la dirección de R. Guerra y Sánchez, J. M. Perez Cabrera, J. J. Remos, E. S. Santovenía, t. IX. La Habana, 1952, p. 313—351; R. Guerra y Sánchez. Azúcar y población en las Antillas. La Habana, 1942, p. 263.

⁴⁰ «Economic Geography», VII 1939, v. 15, № 3, p. 313; Historia de la nación cubana, t. IX, p. 313—314.

⁴¹ L. Jenkins. Op. cit., p. 177—181.

ника для них. В связи с этим центральные усиленно развивали свою собственную железнодорожную сеть⁴². Скупая большие земельные площади, центральные ставили крестьян, обрабатывающих эти земли, в зависимое от себя положение, либо разоряли и сгоняли их с земли. Появилась категория так называемых зависимых колонов, живущих во владениях центральных и связанных с ними грабительскими контрактами. Число их быстро возрастало. Сахарные компании стремились также иметь свое плантационное хозяйство, используя в нем наемных рабочих с тем, чтобы обеспечить центральные сырьем по цене, более низкой, чем они платили колонам.

Образовалась, таким образом, система огромных сахарных латифундий, располагающих десятками тысяч гектар земли. В то же время десятки тысяч разоренных и обезземеленных крестьян превратились в наемных плантационных рабочих. Ради того, чтобы еще больше удешевить стоимость рабочей силы для плантаций и еще больше увеличить свои прибыли, американские компании добились разрешения на ввоз ими батраков-негров с Гаити и Ямайки⁴³.

Тенденции, наметившиеся в первые полтора десятилетия XX в. в экономическом и политическом развитии Кубы, получили свое наиболее полное и яркое выражение в 20-х годах и привели в начале 30-х годов к важным сдвигам как в социально-экономической структуре и политической жизни Кубы, так и в ее отношениях с Соединенными Штатами.

2. США и Куба в первые послевоенные годы

«Пляска миллионов».

Краудер диктует политику в Гаване

В 1919 г. продукция сахара на Кубе, впервые в ее истории, превысила 4 млн. т, а стоимость ее достигла 472 млн. песо. Капиталовложения США здесь в 1920 г. перевалили за 0,5 млн. долл., составив четверть всех их инвестиций в Латинской Америке⁴⁴. Североамериканские компании, действовавшие на

⁴² С 1899 по 1929 г. общая протяженность железных дорог на Кубе выросла в 4 раза.

⁴³ С 1913 по 1921 г. на Кубу были официально ввезены 81 тыс. гаитян и 75 тыс. ямайцев. Кроме того, десятки тысяч их ввозились контрабандой. См.: R. Guerra y Sánchez. Azúcar y población en las Antillas. p. 179.

⁴⁴ R. Guerra y Sánchez. Azúcar y población en las Antillas. La Habana, 1942, p. 263; C. Beals. America South. London, 1938, p. 436—437.

Кубе, широко использовали в целях наживы выгодную конъюнктуру военных лет. Почти сразу же после вступления Кубы в первую мировую войну правительство США установило — в качестве меры военного времени — контроль над сбытом кубинского сахара. Для закупки его была создана специальная организация — «Шугэр экуэлизэйшн боард» во главе с Гербертом Гувером. Цена за фунт сахара-сырца была установлена в 4,6 цента (позже 5,5 цента). А когда кубинские производители сахара отказались заключать контракты на основе этой цены, заниженной по сравнению с ценой, сложившейся на мировом рынке, Вашингтон приостановил отправку импортируемого Кубой из США продовольствия и угля. На острове возникли серьезные перебои с продуктами. И только после того, как контракты на основе цены, навязанной Вашингтоном, были подписаны, мука и другие товары стали снова поступать на Кубу.

На скупке и перепродаже кубинского сахара **урожая 1918—1919 г.** США получили 42 млн. долл. чистой **прибыли**. «Если бы не было контроля над рынком, эти 42 млн. долл. пошли бы производителям сахара на Кубе..., — вынужден признать Дженкс. — Куба согласилась на контроль над сбытом ее сахара отнюдь не из-за привязанности ее к полосам и звездам (т. е. к Соединенным Штатам. — Э. Н.) или ненависти к немцам. Она согласилась на него потому, что была вынуждена сделать это. Союзники имели суда и продовольствие. Она подчинилась контролю и установленной для нее цене»⁴⁵.

После войны, когда контроль над сбытом сахара был снят, а Европа еще нуждалась в кубинском сахаре, цена на него стала расти еще быстрее. В феврале 1920 г. она составляла уже 9 центов, а в конце мая 1920 г. достигла кульминационного уровня — 22,5 цента за фунт сахара-сырца. И хотя производство сахара в 1920 г. несколько уменьшилось по сравнению с 1919 г. (3,7 млн. т), стоимость продукции более чем удвоилась, составив 1022,3 млн. долл. Стремительный рост цен сопровождался дикой спекуляцией. «Ни в какой части мира спекулятивная лихорадка не была более сильна, чем на Кубе», — свидетельствует тот же Дженкс⁴⁶. Американские компании скупали

⁴⁵ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 203—204. Герберт Гувер заявил даже, что благодаря этим мерам контроля цена на сахар, уплачиваемая американским народом во время войны, была на 4 цента меньше, чем она была бы в противном случае. «Если это правда, — пишет кубинский автор, — то для Кубы это означает жертву в 600 млн. долл.» (J. A. Lliteras. Relations between Cuba and the United States. «International Conciliation», I, 1934, № 296, p. 12).

⁴⁶ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 206, 217, 224—25; Historia de la nación cubana, t. IX, p. 351—352.

сахар-сырец, а также плантации и сентралы. В 1919—1920 гг. сменили своих прежних кубинских и испанских хозяев около 50 сахарных заводов (т. е. четверть общего числа их на острове).

На росте цен наживались, однако, не только сахарозаводчики и сахарные компании, но также крупные и средние колоны-кулаки. Для защиты своих интересов они в 1919 г. объединились в Ассоциацию колонов. Крупные колоны наживали сотни тысяч долларов. Появились колоны миллионеры. Эти новые богачи покупали и строили себе в Гаване роскошные особняки, обзаводились американскими автомобилями и т. д. Торговцы и спекулянты создавали в несколько недель целые состояния.

Но послевоенный сахарный бум, вошедший в историю под названием «пляски миллионеров», длился очень недолго. Мировой экономический кризис, разразившийся в 1920—1921 гг., нанес катастрофический удар по экономике Кубы, продукция которой перестала находить сбыт на мировом рынке. «В 1920 г. казалось, что процветание никогда не кончится. Но в сентябре эти иллюзии улетучились. Банки отказывали в предоставлении новых кредитов. Общий объем торговли в течение нескольких недель резко упал. Цена за сахар снизилась до 7 сентаво за фунт в начале октября, а в середине декабря она уже составляла 3,75 сентаво⁴⁷. Деньги, казалось, исчезли. Банки не располагали достаточным количеством денежных знаков, чтобы платить своим вкладчикам, и правительство декретировало платежный мораторий. Многие собственники разорились. Фабрики сократили свое производство. Экономический кризис быстро охватил все отрасли торговли и производства»⁴⁸.

Повышение пошлин на ввоз сахара в США в 1921 и 1922 гг., в общей сложности на 76%, еще более усугубило положение.

Разорились сотни сахарозаводчиков и помещиков, а также тысячи колонов, оказавшихся не в состоянии вернуть займы, полученные ими у банков в период бума. В результате банки не смогли выплатить деньги вкладчикам. Особенно пострадали предприятия, принадлежавшие кубинскому и испанскому капиталу. Американские предприятия, обладавшие, как правило, большим капиталом, оказались устойчивее в конкурентной борьбе. В 1921 г. около двух десятков кубинских и испанских банков, в том числе крупнейшие из них — «Банко насьональ де Куба» и «Банко эспаньол», потерпели банкротство. Общая

⁴⁷ 1 сентаво = 1 центу.

⁴⁸ Blas Roca. Los Fundamentos del Socialismo en Cuba. La Habana. 1961, p. 72. Имеется русский перевод седьмого издания этой книги. В нашей работе ссылки даются по последнему — восьмому изданию.

сумма их задолженности превышала 130 млн. долл. Обанкротились сотни коммерческих, строительных и других фирм. Государственная казна также оказалась пуста. Правда, государственные доходы в 1920/21 финансовом году были самыми высокими в истории Кубы и составили 108 млн. долл., но расходы оказались намного выше и достигли 182 млн. долл.⁴⁹

Крупные американские банки — «Нэйшнл сити банк оф Нью-Йорк», «Чейз нэйшнл банк», «Ферст нэйшнл банк оф Бостон», а также «Ройял банк оф Канада» проникли на Кубу еще до первой мировой войны. Теперь финансовые магнаты Уолл-стрита не преминули воспользоваться тяжелым экономическим положением Кубы. Американские банкиры пришли «на помощь», но взамен завладели значительной частью кубинской сахарной промышленности⁵⁰.

Американский капитал завладел также многими предприятиями общественного пользования. В 1923 г. американские капиталовложения на Кубе достигли 1,2 млрд. долл., т. е. увеличились в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Американские банки стали ведущими финансовыми учреждениями на острове⁵¹.

В первые же месяцы послевоенного экономического кризиса правительство Менокаля обратилось за помощью к Соединенным Штатам, и в декабре 1920 г. в Гавану — для «изучения финансовой системы» Кубы — прибыл бывший заместитель министра финансов США Альберт Рэтбон. Это было настолько неожиданным для кубинского министра финансов, что он немедленно подал в отставку. Спустя две недели Рэтбон отбыл восвояси, оставив правительству Кубы свои «рекомендации». Важнейшими из них были требования прекратить выпуск бумажных денег с тем, чтобы законным средством обращения был доллар, и заключить у американских банкиров крупный заем⁵².

Не успел Рэтбон покинуть Гавану, как туда еще более неожиданно⁵³ нагрянул новый эмиссар американского империа-

⁴⁹ R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 166, 170; C. E. Chapman. Op. cit., p. 398—399; J. Le Riverend. Op. cit., p. 226—227.

⁵⁰ См.: Л. Марперо. География Кубы. М., 1953, стр. 105.

⁵¹ E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II, p. 172.

⁵² C. Beals. The Crime of Cuba, p. 384; L. Araquistain. La agonía antillana. El imperialismo yanqui en el mar Caribe. Madrid, 1930, p. 236—237; С. Ниринг и Д. Фримэн. Дипломатия доллара. Л., 1926, стр. 150—151.

⁵³ Кубинское правительство даже запросило о цели его миссии и протестовало против подобных действий без предварительной консультации.

лизма, хорошо знакомый уже кубинцам генерал Э. Краудер. На сей раз он прибыл сюда в качестве личного представителя президента В. Вильсона, «чтобы, — как заявил заместитель государственного секретаря США Норман Дэвис, — встретиться с президентом Менокалем для обсуждения политического и финансового положения Кубы»⁵⁴.

На Кубе к этому времени действительно сложилось не только тяжелое экономическое, но и довольно острое политическое положение. Второй срок пребывания Менокаля на президентском посту заканчивался в самый разгар экономического кризиса. Консерваторы во главе с Менокалем, понимая, что им больше не удастся удержать власть в своих руках и в обмен на обещание сохранить для их людей «теплые местечки», решили поддержать на выборах 1920 г. так называемую Кубинскую народную партию, созданную накануне выборов отколовшейся от либералов группой политиканов во главе с Альфредо Сайясом. Во время выборов Сайяс пользовался широкой поддержкой как со стороны политической машины Консервативной партии, так и со стороны властей, не остановившихся при подсчете голосов перед фальсификацией. Избирательное право было выхолощено, и выборы происходили в условиях насилия и преследований. Либералы, возглавляемые Х. М. Гомесом, опротестовали результаты выборов и потребовали вмешательства США с целью создания временного правительства, которое бы провело честные выборы. Обстановка накалилась до предела и грозила вновь, как это произошло в 1917 г., вылиться в вооруженную борьбу на острове. Но вашингтонское правительство, по совету Краудера, заявило о своем признании президентом Сайяса, и в мае 1921 г. он вступил на этот пост⁵⁵.

Один из кубинских журналов следующим образом описывал первые дни пребывания Краудера в Гаване: «Высокий, сухопарый, он отдавал распоряжения, сидя у себя в каюте на крейсере «Миннесота», стоявшем на якоре в Гаванской бухте. Политики, коммерсанты, банкиры, лица самых разнообразных занятий — все шли туда... Палубы внушительного крейсера из-за постоянного наплыва публики напоминали улицы. Перемещение с берега на крейсер и с крейсера на берег не прекращалось ни на секунду. Все спешили повидаться с посланцем Вильсона. У него в каюте перебивало больше людей, чем в кабинете у президента Кубы. Здесь была истинная власть»⁵⁶.

⁵⁴ См.: L. H. J e n k s. Op. cit., p. 239.

⁵⁵ M. R i e r a. Op. cit., p. 259—260; C. E. C h a p m a n. Op. cit., p. 402—406. «А. Сайяс был водворен на президентский пост с помощью Соединенных Штатов», — пишет современный американский автор (R. T a b e r. M — 26. The biography of a revolution. New York, 1961, p. 21).

⁵⁶ Цит. по: А. В а р е л а. Куба революционная. М., 1962, стр. 258—259.

В 1921 г. в Вашингтоне также произошла смена декораций — демократов сменили у власти республиканцы. Однако новый хозяин Белого дома — президент У. Гардинг — оставил Краудера в качестве своего личного представителя в Гаване. Ему предстояло заняться осуществлением рекомендаций Рэтбона и обеспечить максимально благоприятные условия для «деятельности» американских промышленников и банкиров на Кубе. Так начался период двухлетней «дипломатической интервенции», которая, по словам американского исследователя кубино-американских отношений, превзошла все известное до тех пор в применении «превентивной политики»⁵⁷.

Правительство Сайяса направило в США специальную делегацию для переговоров о займе, и в связи с этим на Кубу прибыли представители американских банковских кругов. В октябре 1921 г. банкирский дом «Д. П. Морган энд компани» согласился предоставить правительству Сайяса заем в 5 млн. долл. для осуществления первоочередных финансовых мероприятий. Что же касается крупного займа, то Краудер, используя отчаянное финансовое положение кубинского правительства, рекомендовал Вашингтону обусловить согласие на этот заем предоставлением посланнику США права контролировать бюджет Кубы⁵⁸.

В феврале 1922 г. Краудер от имени государственного департамента потребовал на основании «поправки Платта» формального признания Кубой права на обследование представителями правительства США деятельности любого кубинского министерства. И хотя Сайяс протестовал против подобной интерпретации «поправки Платта», Краудер начал осуществлять это «право», требуя у различных ведомств специальные доклады и другую информацию. Одновременно Гавану ошастливили своим присутствием различные «эксперты», прибывшие из США: комиссия во главе с Д. Хордом «изучала» налоговую систему и рекомендовала увеличить ставки налогов; другая комиссия, возглавляемая американским военным атташе на Кубе, расследовала контракты на общественные работы; третья — под руководством бывшего председателя Федерального резервного совета США У. Хардинга — в течение пяти недель «упорядочивала» банковское законодательство и еще раз рекомендовала кубинскому правительству получить заем в 50 млн. долл. на Уолл-стрит⁵⁹.

⁵⁷ См.: R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 168.

⁵⁸ R. L. Buell. Cuba and Platt Amendment. «Foreign Policy Association. Information Service», 1929, v. V, № 3, p. 58; R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 173.

⁵⁹ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 258; C. E. Chapman. Op. cit., p. 430—432.

Собрав таким путем необходимую ему информацию, Краудер направил затем президенту Сайясу 15 так называемых меморандумов, содержащих критику различных аспектов деятельности кубинского правительства и требования осуществить целый ряд мероприятий в интересах дальнейшего укрепления позиций американского капитала на Кубе. Так, например, 13-й меморандум, датированный 21 июля 1922 г. содержал требования заключить внешний заем в 50 млн. долл., вдвое сократить государственный бюджет, ввести новые налоги, согласиться на контроль американских держателей акций над кубинской банковской системой. Краудер настаивал также на создании «честного» кабинета министров, который бы покончил с коррупцией в государственном аппарате⁶⁰.

Кубинская общественность с возмущением протестовала против непрерывного и наглого вмешательства посланца Вашингтона во внутренние дела страны. Сенат Кубы даже принял две резолюции протеста против «нового расширения превентивной политики». Государственный департамент США выступил, однако, с заявлением, в котором подчеркнул свое полное доверие к Краудеру и выразил надежду на то, что выдвинутая последним программа будет принята. В конце концов под большим нажимом Краудера и самого Сайяса кубинский конгресс провел ряд предложенных в «меморандумах» реформ, в том числе закон о займе в 50 млн. долл.⁶¹

В июне 1922 г. большинство министров кабинета Сайяса вышло в отставку, было сформировано новое правительство, состав которого был согласован с Краудером. На Кубе это правительство так и называли — «кабинет Краудера». Сайяс остро нуждался в займе и, не имея иного выхода, «вынужден был править совместно с американским генералом, стремившимся давать советы даже в деталях, с невысказанной прямо, но маячившей вдали угрозой интервенции, если он не примет этих советов»⁶². Сложившееся положение нашло яркое отражение в карикатуре юмористического еженедельника «Ла политика комика» от 16 июля 1922 г. Карикатура называлась «Два президента». На ней был изображен подписывающий документ Сайяс, рукой которого водит стоящий за ним Краудер. Под рисунком было написано: «Какое же имя мне подписать — Краудер или свое?»⁶³.

В конце 1922 — начале 1923 г. были завершены, наконец, переговоры и подписано соглашение о долгосрочном займе, на

⁶⁰ «Heraldo de Cuba», 5.VIII 1922. См.: C. E. Chapman. Op. cit., p. 427, 436—437, 544; L. H. Jenkins. Op. cit., p. 259—261.

⁶¹ R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 174, 177.

⁶² L. H. Jenkins. Op. cit., p. 247.

⁶³ Ibid., p. 260—261.

весьма обременительных для Кубы условиях. В преамбуле соглашения говорилось о признании Кубой юрисдикции Соединенных Штатов над ее финансовыми делами на основе «поправки Платта», а также об одобрении займа правительством США, как одной из важнейших гарантий его. Использование займа было тщательно оговорено. «...Генерал Краудер заставил правительство Кубы взять у банкирского дома Моргана заем в 50 млн. долл., под обеспечение которого Куба должна была отдать все свои таможенные доходы и десять процентов ежегодных бюджетных поступлений...»⁶⁴. Процентная ставка была одной из самых высоких — 5,5% годовых. Реально, за вычетом комиссионных и др., Куба получала 48,4 млн. долл. По словам одного из членов кубинского конгресса, этот заем явился «новым звеном в золотой цепи, приковывающей Кубу к колеснице Соединенных Штатов»⁶⁵.

Оценивая деятельность Краудера как «интервенцию де-факто», Фитцджеральд пишет: «Роль Краудера на Кубе в 1921—1922 гг. была уникальной. Органы кубинского правительства действовали в течение этих лет внешне без изменений. В действительности наиболее примечательным изменением в правительственном аппарате в Гаване был отъезд посланника Соединенных Штатов. Но, невзирая на необычность положения Краудера, он был наиболее влиятельным лицом в кубинском правительстве в течение этого времени. Он был «в» правительстве, хотя и не входил в него, и, применяя стереотипное выражение, его слово было почти законом»⁶⁶.

В конце 1922 г. Краудер покинул Гавану, а в феврале 1923 г. вновь вернулся туда, но уже не в качестве личного представителя президента США, а в качестве первого американского посла на Кубе⁶⁷. Возведение дипломатической миссии США в Гаване в ранг посольства имело целью польстить самолюбию кубинцев и в какой-то мере ослабить их возмущение вмешательством американского империализма во внутренние дела страны.

Возвращение же Краудера на Кубу, несмотря на многочисленные протесты кубинцев против его деятельности там, было вызвано прежде всего требованиями банков и корпораций, вложивших на Кубе свои капиталы. Об этом свидетельствуют документы.

Так, представитель банкирского дома Моргана Дуайт Морроу, сообщая в конфиденциальном письме (от 28 декабря

⁶⁴ А. Норден. Так делаются войны. М., 1951, стр. 28.

⁶⁵ «New York Times», 15.VII 1922.

⁶⁶ R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 171—172.

⁶⁷ До 1923 г. США так же, как и другие страны, имели на Кубе посланника.

1922 г.) государственному секретарю Ч. Э. Юзу о «пожелании» банкиров видеть Краудера на посту посла в Гаване, прямо подчеркивал, что «благополучие» предоставляемого Кубе займа в 50 млн. долл. зависит «в большой мере от умения американского представителя, поддерживаемого государственным департаментом, руководить кубинским правительством»⁶⁸.

Тогда же Американская торговая палата в Гаване, наметившая целую программу мероприятий в интересах американского бизнеса на Кубе, обратилась к заинтересованным предпринимателям и коммерсантам в США с заявлением о том, что для осуществления этой программы и защиты американских вложений на Кубе было бы весьма важно продлить миссию Краудера и назначить его послом США в Гаване⁶⁹. Подобного рода аргументы повторялись и в других письмах, направленных с этой целью в государственный департамент и членам сената⁷⁰. Выполняя требования «деловых кругов», конгресс США принял специальный закон, позволивший Э. Краудеру получить дипломатический статус, не уходя в отставку из армии.

На посту посла в Гаване Краудер находился до лета 1927 г., но уже не пользовался правом такого же контроля над кубинским правительством, как это было в 1921—1922 гг. Более того, когда Сайяс в апреле 1923 г. решил освободить свое правительство от четырех министров, особенно тесно ассоциируемых с именем Краудера, Вашингтон ограничился лишь чисто формальным запросом о причинах замены. Это обстоятельство и вообще отказ государственного департамента США от политики открытого диктата в отношении кубинского правительства, осуществлявшейся Краудером в 1921—1922 гг., дал ряду историков повод утверждать, что, начиная с 1923 г., Соединенные Штаты отказались от «превентивной политики»⁷¹.

Однако в действительности изменилось отнюдь не существо политики, а лишь методы «влияния»⁷².

Как свидетельствуют факты, Вашингтон действительно, начиная с 1923 г., несколько изменил свою тактику, стараясь об-

⁶⁸ Цит. по: R. Smith. The United States and Cuba. Business and Diplomacy, 1917—1960. New York, 1960, p. 95.

⁶⁹ См.: R. Smith. Op. cit., p. 95.

⁷⁰ Ibid., p. 96.

⁷¹ См.: C. E. Chapman. Op. cit., p. 448; L. H. Jenks. Op. cit., p. 265; R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 179; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. I, p. 322—323.

⁷² «Поправка Платта», — пишет Р. Смит, — оставалась, но государственный департамент с 1920 г. предпочитал орудие займа и другие «мирные» средства. Он также считает, что это определялось укреплением позиций американских монополий на Кубе и тем, что «государственный департамент не желал вызывать антагонизм со стороны других латиноамериканских стран» (R. Smith. Op. cit., p. 98, 99—101).

ходиться без оккупации Кубы своей морской пехотой и без посылки в Гавану высокопоставленного надсмотрщика, открыто диктующего свою волю кубинскому президенту и правительству, как это делал Краудер. Двумя основными факторами, побудившими американский империализм пойти на это, были бурный подъем в Латинской Америке, и в частности на Кубе, рабочего и антиимпериалистического движения, вступившего после Октябрьской социалистической революции в качественно новый этап своего развития, а также установление монопольного господства финансового капитала США над кубинской экономикой.

Подъем рабочего и студенческого движения. Образование Коммунистической партии Кубы

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула угнетенные народы мира и зажгла огонь надежды в сердцах борцов за свободу на всем земном шаре. «Октябрьские события, имевшие место в далекой России,— пишет Родней Аризмэнди,— указали путь мексиканской революции, привели в волнение мелкобуржуазные университетские круги латиноамериканских стран, пробудили беспокойство среди национальной интеллигенции; во многих случаях они помогли теоретически осмыслить и сделать более воинствующим чувство протеста, испытываемое всей Латинской Америкой при виде преступлений американского империализма и дубины, занесенной им над Южной Америкой... Идеи Октября, несомненно, оказали воздействие на национальную борьбу народов Латинской Америки»⁷³.

Куба не была исключением среди латиноамериканских стран, тем более, что кубинское рабочее и освободительное движение имело уже к этому времени свои традиции. Первые стачечные выступления были отмечены здесь еще в шестидесятых годах XIX в., и тогда же появились первые организации рабочих и ремесленников — общества взаимопомощи⁷⁴. В 1880—1890-х годах возникли первые профсоюзы — табачников и портовых рабочих, а также железнодорожников Кубы. И в эти же годы в кубинское рабочее движение начинают проникать идеи научного социализма.

В 1890-х годах пропаганду научного социализма на Кубе и среди кубинских эмигрантов в США вели Карлос Балиньо (один из соратников Хосе Марти и основателей Кубинской революционной партии) и писатель Диего Висенте Техера.

⁷³ Р. Аризмэнди. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае. М., 1957, стр. 9.

⁷⁴ Blas Rosa. Op. cit., p. 161.

В 1900 г. была основана Народная партия — первая на Кубе партия трудящихся. Она не была социалистической партией, хотя и объединяла в своих рядах передовые элементы рабочего движения. Но просуществовала она недолго⁷⁵.

Большую роль в распространении идей марксизма и опыта европейского рабочего движения в начале XX в. сыграли «Клуб социалистической пропаганды», возглавляемый Карлосом Балиньо, и газета «Ла Вос Обрера». Результатом их неустанной агитации за создание самостоятельной рабочей партии было образование в 1904 г. Рабочей социалистической партии Кубы. Она провозгласила своей доктриной марксизм и заявила о солидарности с Интернационалом⁷⁶.

Предвоенное десятилетие ознаменовалось на Кубе значительным усилением забастовочного движения. Оно развернулось уже в период первой американской интервенции — в 1899—1902 гг. В 1906 г. бастовали рабочие-строители, а в 1907 г. — табачники, железнодорожники, деревообделочники, водопроводчики, дворники, возчики, официанты, повара, портовые грузчики. В 1910—1911 гг. по острову прокатилась новая волна забастовок⁷⁷.

Затем стачечное движение несколько ослабло, но с началом войны оно опять заметно активизировалось. Рабочий конгресс, состоявшийся в Гаване в 1915 г., принял резолюции протеста против войны и убийства Жореса. В этом же году произошли серьезные забастовки на сахарных заводах в районе Гуантанамо. В 1917 г. положение рабочего класса значительно ухудшилось, что привело к серии забастовок рабочих гаванского порта, стачек в сахарной промышленности (в провинциях Матансас, Лас-Вильяс, Камагуэй). «Волна стачек и беспорядков, сопровождавшихся угрозой революции, была важной причиной американской интервенции в 1917 г.», — свидетельствует современный американский историк⁷⁸.

В 1918 г. забастовки, вспыхивавшие одна за другой в разных районах острова, вылились в ноябре во всеобщую стачку. Эта забастовка, начавшаяся в поддержку бастующих портови-

⁷⁵ Manual de capacitación cívica, p. 171—173; G. J. García Galló. Biografía del tabaco habano. La Habana, 1961, p. 172—175.

⁷⁶ G. J. García Galló. Op. cit., p. 176—177, 197—199; См. также: J. Rivero Muñiz. El movimiento obrero durante la primera intervención. La Habana, 1961; он же. El primer partido socialista cubano. La Habana, 1962.

⁷⁷ Cuadernos de historia habanera: Curso de introducción a la Historia de Cuba, t. III, p. 451; J. Rivero Muñiz. El movimiento obrero durante la primera intervención p. 30—144; J. Rivero Muñiz. El movimiento obrero cubano durante 1906—1911. La Habana, 1962, p. 32—127.

⁷⁸ R. Smith. Op. cit., p. 83; Cuadernos de historia habanera: Curso de introducción a la historia de Cuba, t. III, p. 451—452.

ков Гаваны, приняла боевой характер. Рабочие столицы подняли красные флаги с лозунгом «Долой кубинского кайзера!» (так народ называл в те годы президента М. Менокаля). Забастовка была подавлена силой, но почти все требования портовиков были удовлетворены.

К этому времени на Кубе начало проявляться влияние социалистической революции, совершенной рабочими и крестьянами далекой России. «Несмотря на то, что идеи научного социализма пришли на Кубу еще в прошлом веке, с ними тогда была знакома лишь небольшая группа рабочих и интеллигентов,— пишет один из основателей Компартии Кубы Фабио Гробарт.— Победа Великой Октябрьской революции в России наполнила сердца кубинских трудящихся радостью, надеждой и открыла перед ними новые горизонты. У кубинских рабочих, которые в 1917 г. вели забастовочную борьбу против дороговизны жизни и за повышение зарплаты, развилось классовое самосознание, появилась большая уверенность в своих силах. Октябрьская революция показала им необходимость усиления организованности, укрепления единства»⁷⁹. Первая кубинская массовая демонстрация солидарности с Октябрьской революцией произошла 1 мая 1918 г., когда на большом митинге в Гаване была принята резолюция протеста против военной интервенции империалистических держав во Владивостоке. Похороны убитого полицией рабочего проходили под лозунгом «Да здравствуют Советы!». Власти под предлогом «заговора за установление советской республики» начали аресты лиц, выражавших солидарность с Советской Россией»⁸⁰.

Рабочее движение на острове приобретало все больший размах и большую политическую зрелость. 15 января 1919 г. началась стачка железнодорожников и телеграфистов в Гаване, а в провинции Лас-Вильяс в том же месяце забастовали рабочие сахарных плантаций. В феврале в столице целую неделю не выходили газеты. В марте разразилась новая всеобщая забастовка, в ходе которой в Гаване произошли серьезные столкновения между рабочими и полицией. Рабочее движение уже ставило перед собой политические задачи защиты и популяризации русской революции. 1 мая 1919 г. кубинский пролетариат снова протестовал против интервенции в Советской России. Листовки, выпущенные рабочими организациями, призывали следовать примеру трудящихся России. 22 мая началась забастовка железнодорожников и полиграфистов, переросшая

⁷⁹ «Правда» 2.XI 1964.

⁸⁰ Хулио Ле Риверенд. Первые отклики кубинского народа на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Новая и новейшая история», 1963, № 5, стр. 23—24.

в третью всеобщую стачку менее чем за один год. Она была жестоко подавлена властями. Группа участников ее была предана суду по обвинению в организации большевистской пропаганды с целью установления на Кубе советской власти. В декабре 1919 г. полиция обстреляла демонстрацию женщин-работниц⁸¹.

Рост рабочего движения на Кубе вызвал тревогу в Вашингтоне. Когда в начале 1919 г. в Гаване начались отмеченные выше забастовки, США послали в гаванский порт крейсер, две канонерки и около десятка истребителей. Только в связи с тем, что кубинское правительство привлекло руководителей забастовщиков к суду и подавило стачки, — свидетельствует американский историк Р. Смит, — «морская пехота не была высажена» в столице Кубы⁸².

В 1920 г. также имели место многочисленные стачки. Бастовали портовики, телеграфисты, трамвайщики, шоферы, дворники и т. д. В апреле произошло серьезное столкновение между полицией и студенческой молодежью. Правительство отменило действие конституционных гарантий и использовало для подавления забастовок солдат.

В 1919 г. население Кубы составляло 2 889 тыс. человек, (в том числе 785 тыс. негров и мулатов). Самодеятельное население составляло 948,8 тыс. человек. Почти половина его (48,5%) была занята в сельском и лесном хозяйстве и рыболовстве, пятая часть (191,3 тыс.) — в промышленности и ремесленном производстве (в том числе 82,2 тыс. — в Гаване), 147,8 тыс. человек — в транспорте и торговле, 115 тыс. — в обслуживании и т. д. Общая численность пролетариата, включая рабочих, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и строительстве, превышала 500 тыс. человек. В том числе до 300 тыс. рабочих насчитывалось в сахарной промышленности. Наиболее крупными отрядами городского пролетариата были рабочие табачной промышленности (25 тыс.), деревообделочники и плотники (22 тыс.), строители и каменщики (20 тыс.), механики, мотористы, машинисты (20 тыс.), железнодорожники (11 тыс.). По три тысячи рабочих были заняты в печатном деле и в телефоно-телеграфной связи, 6,5 тыс. — в кожевенно-обувном, и более 11 тыс. (главным образом женщины) — в швейном производстве и т. д.

Значительную часть пролетариата, особенно среди рабочих сахарных плантаций, табачников, строителей, деревообделочников, чернорабочих, рабочих и работниц прачечных и швейно-

⁸¹ J. Le Riverend Brusone. La República: Dependencia y Revolución. La Habana, 1961, tema X, p. 6—7; Cuadernos de historia habanera: Curso de introducción a la Historia de Cuba, t. III, p. 452.

⁸² «The Cuba Review», 1919, IV, p. 11; R. Smith. Op. cit., p. 83.

го производства, составляли негры и мулаты. В сфере обслуживания удельный вес их превышал 40%.⁸³

В апреле 1920 г. состоялся конгресс профсоюзов, а в ноябре того же года была создана Рабочая федерация Гаваны (в числе лидеров которой наряду с реформистом Хосе Браво был выдающийся рабочий деятель того периода Альфредо Лопес). Это событие ознаменовало важный шаг в развитии рабочего движения на Кубе; от обществ взаимопомощи к местным профсоюзам, а от них — к объединению в отраслевые и затем — в провинциальные профорганизации. Объединения рабочих в национальном масштабе тогда еще не существовало, но создание Рабочей федерации Гаваны, отражавшее рост классового самосознания рабочего класса, было важным шагом на пути к такому объединению. Оно способствовало созыву в апреле 1922 г. нового профсоюзного конгресса и сближению двух важных отрядов кубинского пролетариата — железнодорожников и рабочих сахарной промышленности⁸⁴. В 1922 г. бастовали полиграфисты, сельскохозяйственные рабочие, железнодорожники.

Рабочее движение росло и набиралось опыта. Революция в России, показав ложность анархистских проповедей, положила начало постепенному спаду анархистского влияния на рабочий класс Кубы. К тому же часть анархистов открыто включилась в антисоветскую кампанию. Но рабочее движение еще не соединилось с марксизмом. Рабочая социалистическая партия пережила ряд спадов и подъемов в своей деятельности, так и не став массовой партией кубинского рабочего класса. Октябрьская революция, которую основатель Компартии Кубы Х. Антонио Мелья назвал «решающим событием XX в.», вызвала размежевание в рядах Рабочей социалистической партии. Большинство членов этой партии заявило о своей солидарности с пролетарской революцией в России и порвало с оппортунистами и ревизионистами.

В 1919 г. анархистские элементы во главе с М. Салинасом создали свою группу и даже пытались называть ее «коммунистической партией». В 1920 г. была основана радикал-социалистская партия, в числе руководителей которой оказались Хуан Аревало и Луис Фабрегат, делавшие все, чтобы повести

⁸³ Censo de la República de Cuba. Año de 1919. La Habana [1922], p. 279, 369, 377, 622, 662—663; Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (далее: ЦГАОР), ф. 5659, оп. 1, д. 439, л. 1. В то же время в сфере квалифицированного и особенно умственного труда негров и мулатов были единицы. В частности, они составляли лишь $\frac{1}{10}$ всех учителей, $\frac{1}{20}$ всех врачей, $\frac{1}{30}$ всех инженеров и $\frac{1}{40}$ всех адвокатов. (Censo de la República de Cuba. Año de 1919, p. 662—663).

⁸⁴ J. Le Riverend Brusone. La República: Dependencia y Revolución, tema X, p. 7; tema XVI, p. 3—6.

эту партию по пути реформизма. В том же году появились первые, вначале малочисленные и слабо связанные с рабочим классом, коммунистические группы (ассоциации). В них входили как марксистские элементы Рабочей социалистической партии, так и представители нового поколения революционных рабочих, интеллигентов, студентов. К 1924 г. такие группы существовали уже в Гаване, Гуанабакоа, Сан-Антонио-де-Баньос, Мансанильо. Гаванская группа издавала газету «Ла луча де класес» («Борьба классов») ⁸⁵.

Послевоенный экономический кризис, положивший конец «пляске миллионов» на Кубе, резко ухудшил положение трудящихся, вызвал массовую безработицу, разорение тысяч крестьян, ремесленников, владельцев мелких торговых и других предприятий. Значительно увеличилась концентрация трудящихся в промышленных центрах. Кризис ускорил развитие рабочего движения и способствовал усилению антиимпериалистических чувств у мелкой буржуазии и студенчества, начавших с этого времени иногда выступать вместе с рабочими. Недовольство масс вылилось в новую волну стачек, крестьянских и студенческих выступлений. «Забастовки в Гаване были почти непрерывными и почти всегда успешными», — свидетельствует Л. Дженкс ⁸⁶. Рабочему классу удалось добиться принятия ряда законов социального характера («О трудовых увечьях», «О рабочем надзоре в портах», «Проект кодекса о труде» и др.).

О быстром росте в эти годы классового самосознания трудящихся, а также о растущих симпатиях народных масс к идеям социализма свидетельствуют следующие факты. В 1921 г. алькальд (мэр) расположенного напротив кубинской столицы (на другой стороне Гаванской бухты) городка Регла Антонио Бош Мартинес издал декрет, по которому день 1 Мая в этом муниципальном округе был объявлен официальным нерабочим днем в честь трудящихся. Спустя три года — 24 января 1924 г. — тот же А. Бош Мартинес издал декрет, призывавший все население муниципального округа Регла в день похорон «великого гражданина мира» — В. И. Ленина почтить его память двухминутным молчанием, прекращением работы всех предприятий, учреждений, транспорта и посадкой на холме Эль Фортин оливкового дерева ⁸⁷.

Этот призыв вызвал волну сочувственных откликов в Гаване и по всему острову. Председатель профсоюза столяров

⁸⁵ Организаторами гаванской группы, возникшей в середине мая 1923 г., были Карлос Балиньо, Алехандро Баррейро, Хосе Пенья Вилабоа, Хосе Пери, Хосе М. Перес и др. См.: J. Arnault. Cuba et le Marxisme. Paris, 1962, p. 33; «Noticias de Hoy», 7.VIII 1959.

⁸⁶ Л. Н. Денкс. *Op. cit.*, p. 226.

⁸⁷ Профсоюзы Кубы. М., 1963, стр. 30; «Правда», 21.IV 1963.

призвал членов союза присутствовать при посадке «Ленинского дерева». Столичные газеты «Ла noche» и «Эль Мундо» приветствовали инициативу А. Бош Мартинеса, а поэт Ф. Симон посвятил ему сонет, написанный на смерть В. И. Ленина. И, хотя в день посадки оливкового дерева лил проливной дождь, эта торжественная церемония состоялась и на ней присутствовало более 2 тыс. человек.

Значительную часть населения на Кубе составляла мелкая буржуазия. По переписи 1919 г., в стране насчитывалось более 70 тыс. коммерсантов, владельцев магазинов и лавок, мелких торговцев, более 3 тыс. содержателей меблированных комнат, постоянных дворов и трактиров, 16 тыс. продавцов и приказчиков, 7 тыс. учителей и 9 тыс. других представителей интеллигенции (адвокаты, врачи, инженеры, научные работники, журналисты, артисты и музыканты), 11 тыс. государственных служащих, 13 тыс. служащих банков, торговых, транспортных и промышленных компаний и т. д.⁸⁸

Октябрьская революция в России оказала очень большое влияние на мелкую буржуазию, в том числе на деятелей культуры и университетские круги большинства стран Латинской Америки. Особенно ярко это влияние освободительных идей Октября проявилось в тот период в так называемом движении за университетскую реформу, которое, по словам выдающегося перуанского марксиста Х. К. Марпатеги, «следует рассматривать как одно из свидетельств процесса глубокого обновления Латинской Америки»⁸⁹.

«Движение за университетскую реформу» началось в марте 1918 г. в Кордове (Аргентина), а затем распространилось на другие латиноамериканские страны, в том числе и на Кубу. Движение проходило под лозунгами демократизации всей системы образования. Студенческая демонстрация в Гаване 26 апреля 1920 г., разогнанная властями, была связана с этим движением. Конец 1922 г. ознаменовался забастовкой студентов-медиков Гаванского университета против профессоров-реакционеров и взяточников и против тяжелых условий, в которых оказалось студенчество. В январе 1923 г. на общем собрании студентов и профессоров Гаванского университета студенты потребовали принятия закона об автономии университета, возвращения университету ряда его старых зданий, строительства спортивных сооружений и т. д. В том же году студенты Гаванского универ-

⁸⁸ Censo de la República de Cuba. Año de 1919, p. 662—663.

⁸⁹ Х. К. Марпатеги. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, стр. 160, 163—164. Подробно об этом движении см.: R. Roa. Retorno a la alborada. t. I. La Habana, 1964, p. 229—258; C. Rafael Rodríguez. La Reforma Universitaria. «Cuba Socialista», 1962, № 6, p. 24, 27.

ситета взяли за оружие и два дня сами управляли университетом⁹⁰.

В активной борьбе за реформы, которой руководил один из наиболее выдающихся представителей кубинского освободительного и рабочего движения — Хулио Антонио Мелья — родилась Студенческая университетская федерация. «Новое поколение, — пишет А. Нуньес Хименес, — восприняло революционную идеологию и развило ее. Началась «университетская революция»; проповедуемые ею идеи экономического, политического и социального обновления разнеслись от Аргентины до Мексики. Героем и руководителем этой революции, отдавшим жизнь за счастье кубинского народа, был Хулио Антонио Мелья...»⁹¹ Но уже в те годы наметились два течения в студенческом движении — одно реформистское, позже организовавшее Студенческий университетский директорат, и второе — революционное, создавшее позже так называемое Левое студенческое крыло.

В 1923 г. группа радикально настроенных студентов и молодых интеллигентов (среди которых были историк Э. Ронг де Леучсенринг и начинающие литераторы, ставшие впоследствии ведущими кубинскими поэтами и критиками — Рубен Мартинес Вильена, Хуан Маринельо, Феликс Лисасо и др.) выступила с так называемым «протестом тринадцати». Этот документ, имевший открыто антиправительственный характер, требовал «обновления и очищения» Кубы «как в области политико-социальной, так и в области художественно-литературной»⁹².

В 1923 же году состоялся национальный студенческий съезд под председательством Хулио Антонио Мелья, где впервые прозвучало требование выйти на улицу и приобщить народ к сокровищам культуры. Съезд обратился к правительству с требованием признать Советскую Россию и принял решение основать Народный университет имени Хосе Марти для пропаганды культуры и знаний среди широких масс трудящихся. Президентом университета стал Хосе Тальет, секретарем и фактическим руководителем — Мелья. В числе первых его преподавателей были Рубен Мартинес Вильена, Рауль Роа, Хорхе Виво, венесуэлец Густаво Мачадо и др. «Именно с тех пор, — пишет кубинский историк, — научный социализм стал завоевывать в массах все больший авторитет. Можно утверждать, что с тех

⁹⁰ J. Le Riverend Brusone. La República: Dependencia y Revolución, tema XVI, p. 1—2; L. de la Torriente. Mi casa en la Tierra. La Habana, 1956, p. 120—124; R. Roa. Op. cit., t. I, p. 237—251.

⁹¹ Куба. Историко-этнографические очерки, стр. 27.

⁹² Revaloración de la historia de Cuba por los congresos nacionales de historia. La Habana, 1961, p. 245—246.

пор начался подъем народного движения, приведший к социалистической революции на Кубе»⁹³.

Активизировалось в те годы и женское движение. В 1923 г. в Гаване состоялся первый национальный конгресс женщин. Хотя у руководства движением стояли тогда еще представители мелкой буржуазии (и на самом конгрессе бросалось в глаза отсутствие работниц, крестьянок, негритянок), оно сделало важный шаг вперед. Борьба кубинских женщин вышла из искусственного и фальшивого русла борьбы против «господства мужчин» и начала превращаться в совместную борьбу трудящихся женщин и мужчин против режима социально-экономического угнетения⁹⁴.

Послевоенный кризис в кубинской сахарной и табачной промышленности особенно тяжело отразился на положении крестьян-собственников и арендаторов, а также сельскохозяйственных рабочих. Одним из главных лозунгов борьбы мелких колонов было улучшение условий контрактов с центральями. В ходе борьбы образовались крестьянские союзы, насчитывавшие в общей сложности до 60 тыс. человек. В 1922 г. имели место волнения крестьян в провинции Ориенте. В 1925 г. дело дошло до отказа колонов убирать урожай сахарного тростника до тех пор, пока компании не пойдут на уступки и не увеличат цену за сдаваемый им тростник. Попытки заставить колонов собрать урожай привели к тому, что многие из них стали поджигать свои плантации.

В этот же период в большинстве провинций впервые возникли союзы рабочих сахарной промышленности. В общей сложности в эти местные союзы входило по некоторым данным до 150 тыс. человек. Организуя на местах многочисленные забастовки, эти союзы нередко заставляли владельцев центральных идти на уступки рабочим.

В 1924 г. возникло Братство железнодорожников Кубы. Объединение железнодорожников существовало еще с 1907 г., но допускались туда лишь высокооплачиваемые слои железнодорожников. В начале 1923 г. рабочие железных дорог потребовали увеличения зарплаты. Хозяева отказали. Рабочие ответили 24-часовой забастовкой, в ходе подготовки которой родилась национальная организация железнодорожников. Бастующие одержали победу, и железнодорожным компаниям пришлось признать Братство.

⁹³ «Новая и новейшая история», 1963, № 5, стр. 25; L. de la Torriente. Op. cit., p. 125; R. Roa. Op. cit., t. I, p. 115, 252—254. Съезд получил приветственную телеграмму от наркома просвещения Советской России Луначарского.

⁹⁴ V. Espín. La Mujer en la Revolución Cubana. «Cuba Socialista», 1961, № 4, p. 61.

Однако у руководства новой организацией оказались реформисты. Во время начавшейся вскоре в Сагуа ла Гранде (провинция Лас-Вильяс) так называемой трехнедельной забастовки железнодорожников реформистские руководители Братства использовали эксцессы, вызванные анархистами, и вмешательство правительства для того, чтобы договориться с хозяевами. В обмен на некоторое повышение зарплаты руководство Братства обязалось впредь не объявлять стачек без всеобщего голосования рабочих. Были созданы «комитеты соглашения», превратившиеся на практике в органы, призванные в зародыше уничтожать всякий протест рабочих.

Первое большое предательство руководство Братства совершило в октябре 1924 г., когда благодаря усилиям одного из лидеров железнодорожников Энрике Варона, понимавшего значение единства всех сил рабочего класса и добивавшегося объединения трудящихся сахарных заводов и плантаций, объявили забастовку рабочие ряда центральных провинций Камагуэй и Ориенте. Их поддержали рабочие Северной железной дороги. Но руководители Братства открыто выступили против стачки, на стороне правительства и хозяев. Власти под предлогом «защиты американской собственности» послали солдат и подавили забастовку военной силой. Сотни рабочих были брошены в тюрьмы и высланы. Около двухсот рабочих было убито⁹⁵.

Однако репрессии не сломили дух кубинского рабочего класса. В феврале 1925 г. на II национальном рабочем конгрессе в городе Сьенфуэгосе было решено организовать национальный профцентр. В августе того же года на III рабочем конгрессе, в городе Камагуэй, была основана Национальная конфедерация рабочих Кубы (КНОК). В нее вошло большинство существовавших тогда профсоюзов, объединившихся на основе боевой классовой программы борьбы за насущные требования и права трудящихся. Общее число членов КНОК достигало в то время 150 тыс. рабочих.

В середине 1920-х годов развитие рабочего движения на Кубе и появление там студенческого движения, связанного с революционным социалистическим движением, в котором активную роль играл Хулио Антонио Мелья, привели к созданию революционной партии кубинского рабочего класса. В начале 1925 г. существовавшие в стране группы марксистов решили созвать конференцию. Она состоялась 16—18 августа 1925 г. в Гаване и явилась учредительным конгрессом, на котором была создана Коммунистическая партия Кубы. В 1925 г. она насчитывала немногим более двухсот человек. Но с этого времени рабочие

⁹⁵ По материалам ЦГАОР.

Кубы имели свою собственную партию, вдохновенную идеями марксизма-ленинизма, призванную обогатить рабочий класс передовой идеологией, знанием законов общественного развития и умением их использовать, способную вооружить рабочих необходимой для победы стратегией и тактикой, помочь им перейти от разрозненных усилий в борьбе за насущные экономические цели к политической борьбе за социальные и политические преобразования в стране. Появление такой партии ознаменовало новый этап в развитии кубинского рабочего движения, вступившего в полосу быстрого подъема.

В числе основателей молодой Компартии Кубы были ветераны рабочего и освободительного движения, соратник Марти — Карлос Балиньо (1848—1926), олицетворявший преемственность и связь двух поколений борцов за свободу кубинского народа, Х. Пенья Вилабоа — первый генеральный секретарь партии, Х. М. Перес, Ф. Гробарт и Хулио Антонио Мелья — пламенный вожак университетской молодежи, блестящий оратор и публицист, выросший в признанного лидера рабочего класса Кубы. На съезде он был избран членом ЦК и секретарем по агитации и просвещению, а позже стал генеральным секретарем ЦК партии⁹⁶.

Хулио Антонио Мелья родился в Гаване 25 марта 1903 г. в обеспеченной семье, учился в католическом колледже. В 1921 г. поступил в Гаванский университет и благодаря выдающимся способностям, смелости и принципиальности, завоевывал огромный авторитет среди студенчества. Он был создателем и редактором университетского журнала «Альма Матер» и одним из организаторов комитетов солидарности с Советской Россией. Мелья возглавил движение за университетскую реформу, в котором видел прообраз грядущей социальной революции «русского типа». В 1923 г. он вступил в созданную в Гаване К. Балиньо коммунистическую группу, и тогда же он написал свою первую политическую брошюру «Куба — страна, которая никогда не была свободной». Мелья был организатором народного университета «Хосе Марти».

Летом 1925 г., когда на Кубу пришло первое советское судно «Вацлав Воровский», власти не разрешили ему войти в Гаванский залив, и оно стало на рейде порта Карденас. Мелья вплавь добрался до судна, вручил от имени рабочих острова советским морякам кубинский национальный флаг и пригласил их на учредительный съезд Коммунистической партии Кубы. Четыре часа провел он на корабле и тем же путем вернулся с ответным подарком — красным флагом Советской стра-

⁹⁶ J. Arnault. Op. cit., p. 34; «Noticias de Hoy», 29.I 1963.

ны. В результате возглавленной коммунистами кампании протеста власти были вынуждены пустить советских моряков на берег. А в городе Мансанильо по случаю прибытия советского корабля состоялся митинг протеста против клеветы и нападков на Советский Союз.

Наряду с усилившимся рабочим, крестьянским и студенческим движением в стране быстро нарастало общенародное чувство протеста против интервенционистской политики «империализма янки». Заметно возросло национальное самосознание. Движение за вывод с Кубы американских войск, высаженных в 1917 г., за возврат ей суверенитета над островом Пинос⁹⁷ охватило все слои населения. Официальный предлог пребывания этих войск на острове — «обучение в связи с военными успехами» — потерял после окончания войны всякий смысл, и кубинцы все настойчивее требовали их вывода. Однако американские железнодорожные и сахарные компании, действовавшие на Кубе, старались помешать этому. В 1921 г. президент «Кьюбэн компани» Герберт Лэйкин даже ездил специально с этой целью в Вашингтон и посетил государственный департамент, министерство внутренних дел и военное министерство. В письме государственному секретарю Юзу от 18 августа 1921 г. он писал:

«Солдаты морской пехоты были посланы в Камагуэй в июле 1917 г. немедленно после того, как наша железнодорожная компания потерпела убыток в 7 млн. долл. в результате возглавленной Хосе Мигелем Гомесом революции против президента Менокаля. Их лагерь находится на нашей земле, близ наших железнодорожных мастерских. Они были весьма существенной поддержкой для нас и их присутствие спасло нас от гораздо больших волнений, чем те, что имели место... Эта часть Кубы является рассадником большевизма. Большевики склоняют народ к разрушению собственности. Присутствие морской пехоты препятствует им в этом деле»⁹⁸.

Проконсультировавшись с Краудером, Юз поддержал просьбу Лэйкина о сохранении солдат морской пехоты США в провинции Камагуэй.

Последовавшие затем аресты служащих железной дороги — кубинцев — американскими солдатами достаточно ясно показали, какова была подлинная задача американских войск на Кубе. Под нажимом общественного мнения палата представителей кубинского конгресса 5 декабря 1921 г. приняла резолюцию, требовавшую вывода морской пехоты США. Ряд кубинских органов печати развернул активную кампанию в поддержку

⁹⁷ Cosme de la Torriente. Mi misión en Washington. La Habana, 1952, p. 91—94..

⁹⁸ R. Smith. Op. cit., p. 105.

этой резолюции. В частности, одна из гаванских газет поместила статью под заголовком «Ненависть к североамериканцам станет религией кубинцев!» Движение за вывод американских войск было настолько сильным, что 26 января 1922 г. остатки их были эвакуированы из провинции Камагуэй на военную базу США в Гуантанамо⁹⁹.

В 1924 г. в Гаване и других городах появились отделения кубинской секции Всеамериканской антиимпериалистической лиги, призывавшей латиноамериканцев к борьбе с засильем в их странах иностранного империализма. Организатором и вдохновителем Лиги на Кубе был Хулио Антонио Мелья. Характеризуя обстановку этих лет, Блас Рока писал, что в стране происходили «волнения студентов во главе с Мелья, требовавших проведения университетской реформы, массовые выступления в поддержку требования установления кубинского суверенитета над нашим островом Пинос, забастовки железнодорожников, сахарников, собрания, которые привели к организации в 1925 г. Национальной конфедерации рабочих Кубы, и почти одновременно к созданию Коммунистической партии...»¹⁰⁰.

Антиимпериалистические настроения, требования покончить с оскорбительной «поправкой Платта» и вмешательством «империализма янки» в дела Кубы усилились не только среди трудящихся, но и в кругах национальной буржуазии, все настойчивее требовавшей после войны защиты от американского капитала и буржуазной интеллигенции. В 1923 г. несколько сот человек, представителей этих кругов, создали так называемую Хунту национального обновления и от ее имени обратились к народу с манифестом, осуждавшим коррупцию и продажность пресмыкавшихся перед янки кубинских правителей и конгрессменов и требовавшим радикальных перемен в политической и социальной жизни страны. Среди подписавших этот документ лиц были люди различных взглядов и профессий — от ученого Фернандо Ортиса до президента респектабельного делового клуба «Ротариос» в Гаване Марио Макбета. Публикуя текст манифеста, газета «Эральдо де Куба» отмечала, что люди, подписавшие его,

⁹⁹ R. Smith. Op. cit., p. 106—107; H. L. Matthews. The Cuban Story. New York, 1961, p. 240. В результате мощного движения протеста кубинского народа США вынуждены были отказаться от своих намерений завладеть островом Пинос и подписать в марте 1925 г. соглашение о передаче его под суверенитет Кубы.

¹⁰⁰ Blas Roca. Op. cit., p. 117. Вместе с Мельей в создании Антиимпериалистической лиги участвовали: Р. Мартинес Вильена, Х. С. Тальет, Х. Вальдес, К. Балиньо, С. де ла Пласа и один из ветеранов коммунистического движения в Латинской Америке — ныне член Политбюро Коммунистической партии Венесуэлы Густаво Мачадо.

являются «кубинцами самых высоких достоинств, в том числе многие из них — выдающиеся фигуры в науке... и почти все они — люди, стоящие вне политических партий...»¹⁰¹. Фернандо Ортис (р. 1881 г.) — крупный юрист, социолог, историк и этнограф, являвшийся председателем Хунты национального обновления, в знак протеста против коррупции демонстративно сложил с себя полномочия члена кубинского конгресса, куда он неоднократно избирался.

Правившая буржуазно-помещичья верхушка не могла не считаться с этими настроениями, а отдельные ее представители были и сами не прочь облачиться в тогу «патриотов». В действительности, однако, устремления патриотически настроенных кругов буржуазной интеллигенции, выражавших взгляды кубинской мелкой городской и средней национальной буржуазии, разоряемой и ущемляемой американским капиталом и искренне желавшей освобождения своей страны от гнета «империализма янки», конечно, не имели ничего общего с так называемым национализмом финансистов, сахарозаводчиков, крупных коммерсантов-импортеров и других представителей верхушки кубинской буржуазии¹⁰², интересы которой стали уже к тому времени переплетаться с интересами действовавших на Кубе североамериканских компаний. В обмен на гарантированную долю дивидендов эти паразитические элементы готовы были «сотрудничать» с американским капиталом в деле эксплуатации и ограбления своего народа. Представители этих кругов — лидеры буржуазно-помещичьих партий, профессиональные политики, сами владевшие сахарными заводами и плантациями, охотно использовали лозунги и фразеологию националистического характера в целях обмана народа, для маскировки предательства ими национальных интересов, а также ради личной популярности для того, чтобы пробраться к власти.

Р. Смит называет их тактику «официальным», или «дело-

¹⁰¹ «Heraldo de Cuba», 4.IV 1923. Цит. по: С. Н. Шарман. *Op. cit.*, p. 522. В ходе широкого движения против разложения, коррупции и рабского подчинения правительства Сайяса империализму янки в 1923 г. возникла так называемая Гражданская ассоциация ветеранов и патриотов. В организованной ею кампании против политики Сайяса участвовали многие искренние патриоты (в том числе Рубен Мартинес Вильена, Хуан Маринельо и др.), боровшиеся за революционное изменение режима. Однако в руководстве Ассоциации взяли вверх соглашательские элементы, сторонники ориентации на Вашингтон и компромисса с правительством. Это ускорило распад Ассоциации в 1924 г. (См.: E. Roig de Leuchsenring. *Historia de la enmienda Platt*, t. I, p. 321—322; G. García Galló. *Op. cit.*, p. 204).

¹⁰² По переписи 1919 г., на Кубе насчитывалось 2,6 тыс. банкиров, крупных дельцов и владельцев недвижимой собственности (*Censo de la República de Cuba. Año de 1919*, p. 662).

вым национализмом»¹⁰³. В качестве наиболее яркого примера такого «делового национализма» Смит, вслед за некоторыми другими американскими историками, приводит историю принятия кубинским конгрессом так называемого закона Тарафа.

Кубинский железнодорожный и сахарный магнат полковник Хосе Мигель Тарафа в августе 1923 г. внес в конгресс проект закона, имевшего целью объединить несколько железных дорог общественного пользования на Кубе, закрыть 47 частных портов, через которые сахарные компании вывозили свой сахар, и добиться вывоза ими своей продукции на экспорт по объединенным железным дорогам, через государственные порты.

Этот с виду «патриотический» и «отвечавший национальным интересам» законопроект в действительности прежде всего отвечал интересам американского железнодорожного магната У. Вудина, спустя десять лет ставшего министром финансов в первом правительстве Ф. Рузвельта. Тарафа и некоторые другие кубинские дельцы тоже попрели себе руки на этом деле, но мелкие кубинские держатели акций оказались разорены. Зато Вудину, чьим орудием был Тарафа, и связанным с ним американским «деловым интересам» оно принесло 9 млн. долл. дополнительной прибыли.

Обсуждение законопроекта вскрыло острые противоречия между железнодорожными и сахарными компаниями. В конце концов было достигнуто соглашение, по которому последние могли использовать для перевозки сахара-сырца свой подвижной состав, а железнодорожные компании разрешали перевозку его по своим линиям по сниженному на 50% тарифу. Система скидок позволяла предприятиям, контролируемым Вудином, выигрывать в борьбе с конкурентами¹⁰⁴.

Практически, замечает Р. Смит, хотя этот «законопроект рекламировался как «националистическое» начинание, он объединил американские и кубинские интересы под американским контролем»¹⁰⁵. Принятие «патриотического» законопроекта стоило монополиям США немалой суммы денег. Кубинским конгрессменам было уплачено в связи с этим 26 тыс. долл., а президенту А. Сайясу — 500 тыс.

Ловкий и достаточно беспринципный политик А. Сайяс вполне устраивал монополистов США в качестве кубинского президента. Он сделал все, что они потребовали, и заслужил их благосклонность. «Нью-йоркские банкиры расцвели при нем», — свидетельствует Дженкс. И не случайно один из наиболее влиятельных деятелей Уолл-стрит Ч. Э. Митчелл из «Нэйшнл

¹⁰³ R. Smith. Op. cit., p. 138; см. также: M. Zeitlin and R. Sheer. Cuba: tragedy in our hemisphere. New York, 1963, p. 46.

¹⁰⁴ L. de la Torriente. Op. cit., p. 136—137; C. Beals. Op. cit., p. 363.

¹⁰⁵ R. Smith. Op. cit., p. 101, 138.

сити банка» в августе 1923 г. на банкете провозгласил тост за Кубу — «платежеспособную нацию, имеющую прекрасное правительство»¹⁰⁶. Глава этого правительства значительно облегчил американским монополиям возможности наживаться за счет эксплуатации народа Кубы. Но он не забывал и себя. «Поставив 44 членов своей семьи на ключевые должности..., Сайяс повел правильную осаду государственной казны. 367 тыс. долл. было потрачено на ремонт несуществующих мостов. Он приобрел у церкви по баснословно завышенной цене в 2 350 тыс. долл. монастырь в Санта-Клара, получив взятку в 1 млн. Противники Сайяса считали, что за время своего президентства он «заработал» таким путем от 2 до 14 млн. Однако если он и запустил длинные пальцы в казну, то в этом ему по-королевски помогали американские подрядчики, концессионеры и так называемые респектабельные деловые интересы»¹⁰⁷. В народе Сайяс получил прозвище «похитителя песет» или казнокрада.

3. Диктатура Мачадо

Американская сахарница

Послевоенный экономический кризис, как уже отмечалось, расчистил крупнейшим американским банкам путь к захвату ключевых позиций в хозяйстве Кубы, и к концу 1920-х годов они стали в полном смысле слова вершителями экономических судеб острова. «Закончилась война и наступил спад в нашей экономике... — говорит об этом Фидель Кастро. — Чрезвычайно взвинченные цены на сахар, являвшиеся огромным стимулом для его производства на Кубе, по окончании первой мировой войны резко упали, в результате чего многие кубинские сентралы разорились и перешли в руки... североамериканских банков. В то время, как кубинские банки разорялись, североамериканские банки обогащались. Такое положение длилось целое десятилетие — вплоть до 1930 г.»¹⁰⁸

В частности, «Нэйшнл сити банк оф Нью-Йорк» располагал к 1928 г. на Кубе 26 отделениями. Значительное число отделений там имели также «Чейз нэйшнл банк», «Первый национальный бостонский банк», «Королевский банк Канады». За ними следовали «Бостонский резервный банк», «Федеральный резервный банк Атланты», «Банк Нова Скотиа», «Канадский коммерческий банк» и др. Под контроль этих банков перешло боль-

¹⁰⁶ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 263.

¹⁰⁷ C. Beals. Op. cit., p. 232. Альфредо Сайяс (1864—1934) в 1909—1913 гг. — вице-президент, в 1921—1925 гг. — президент Кубы.

¹⁰⁸ Ф. Кастро. Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. М., 1960, стр. 22.

шинство разорившихся в период кризиса предприятий, принадлежавших кубинским или испанским владельцам. Это особенно относится к сахарной промышленности. Только в течение 1921—1922 гг. в Нью-Йорке было продано акций кубинских сахарных компаний на 67 млн. долл.

Если накануне первой мировой войны принадлежавшие американскому капиталу сентралы давали 35%, а в 1920 г. — 48,4% всей кубинской продукции сахара, то к 1927 г. они произвели уже более двух третей ее. По данным, приведенным Л. Дженксом, из действовавших к тому времени на острове 175 сахарных заводов американскому капиталу целиком, или почти целиком, принадлежало 75. Но это были наиболее крупные заводы, дававшие 62,5% всего производимого сахара. Кроме того, 14 заводов, принадлежавших смешанному кубино-американскому капиталу, давали еще 8% общей продукции сахара. Под контролем канадского и кубино-канадского капитала были десять заводов, на долю которых приходилось лишь 4% всей продукции ¹⁰⁹.

«Нэйшнл сити банк оф Нью-Йорк», целиком захвативший либо контролировавший несколько десятков сентралей, создал для управления ими специальную компанию — «Дженерал шугэр компани». С ним же (через фактический контроль над акциями, взаимопереплетающиеся директораты, специальное финансирование и т. д.) были тесно связаны «Кьюбэн-американ компани», «Кьюбэн-доминикэн шугэр компани», «Кьюбэн компани», «Атлэнтик фрут энд шугэр компани», «Нэйшнл шугэр рифайнинг компани». С «Нэйшнл чейз банком» были связаны «Кьюбэн трэйддинг компани», «Лаури энд компани», «Пунта алегре компани», «Кьюбэн кэйн компани», «Истерн кьюбэн компани», «Франсиско шугэр компани», «Матансас шугэр компани». «Менее крупные предприятия, — отмечал Л. Дженкс, — практически все контролируются 15 банками или маклерскими домами. «Королевский банк Канады» контролирует большинство заводов, принадлежащих британскому капиталу» ¹¹⁰.

Каждая из американских сахарных компаний владела десятками, иногда сотнями тысяч гектар земли, наиболее пригодной для выращивания сахарного тростника. Общая площадь приобретенной либо контролируемой ими в порядке долгосрочной аренды земли к 1928 г. составляла свыше 3 млн. га. Им же принадлежали 6,4 тыс. км железных дорог. Кроме того,

¹⁰⁹ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 139, 284; G. Gutierrez. Op. cit., p. 233—234. По данным Карльтона Билса, в 1929 г. американский капитал контролировал 69,9% всего урожая сахарного тростника (C. Beals. Op. cit., p. 301).

¹¹⁰ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 288.

американский капитал владел плантациями бананов, сизалья и т. д.¹¹¹.

Наступление американского капитала с целью захвата ключевых позиций в экономике Кубы велось в 1920-х годах по всему фронту. Так, филиал связанной с интересами Моргана мощной американской корпорации «Электрик бонд энд шэйр» — «Америкэн энд форин пауэр компани» начала в 1921 г. скупать мелкие местные энергетические предприятия. Уже к концу 1923 г. эта компания снабжала электроэнергией, газом и водой более 80 населенных пунктов на острове. В 1926 г. «Америкэн энд форин пауэр компани» поглотила «Гавана электрик лайт энд пауэр компани» и создала «Ла компаниа кубана де электрисидад» — «Кубинскую электрическую компанию», постепенно монополизировавшую снабжение электроэнергией почти всей Кубы. Трамвай в Гаване, Сантьяго, Камагуэе находился в руках «Гавана электрик рэйлуэй компани», созданной еще до первой мировой войны консулом США Ф. Штейнгардтом и его друзьями.

Другая крупнейшая корпорация из группы Моргана — «Интернэйшнл телефон энд телеграф корпорейшн» — через свой кубинский филиал — «Кьюбэн телефон компани», начавшую действовать на острове еще в 1908 г., монополизировала в 1920-х годах всю телефонную, телеграфную и радиосвязь. И лишь совсем недавно, после победы народной революции на Кубе, выяснилось, что концессия, предоставленная этой компании президентом Гомесом, была незаконной. Главные доки в Гаване принадлежали «Порт оф Гавана докс компани», в правлении которой сидели те же люди, что и в правлении «Интернэйшнл телефон энд телеграф компани». Другие важные доки в столице также принадлежали североамериканцам.

Принятый в 1923 г. закон о консолидации железных дорог был использован американским капиталом в своих интересах. Система железных дорог восточной части острова — «Феррокаррилес консолидадос де Куба» (около 2,3 тыс. км) — оказалась под контролем того же «Нэйшнл сити банка оф Нью-Йорк» и связанной с ним американской монополии «Кар энд фаундри компани». Кроме того, американский капитал контролировал ряд линий местного значения. Железные дороги западной части острова, объединенные в компанию «Феррокаррилес унидос де ла Гавана» (около 2,8 тыс. км), находились под преобладающим контролем английского капитала. В 1927 г. крупнейшая американская авиационная компания «Панамери-

¹¹¹ E. C. Kirkland. A History of american economic life. New York, 1932, p. 696; Сб. «Кризис в странах Латинской Америки». М., 1932, стр. 203.

кэн айруэйз» открыла свою первую международную линию из Кп-Уэст (Флорида) до Гаваны.

Куба занимала одно из первых мест в капиталистическом мире по запасам железной руды. Еще в годы второй оккупации (1906—1909 гг.) американская стальная монополия «Бетлихем стил корпорейшн» получила концессию на разработку запасов высококачественной железной руды, оцениваемых в 1 млрд. т., в провинции Ориенте. Накануне первой мировой войны через свои дочерние компании «Спэниш-Америкэн айрон компани» и «Бетлихем айрон майнз компани» она контролировала на Кубе более 100 тыс. га земли с запасами руды в 1,8 млрд. т, а в 1916—1917 гг. приобрела еще 8 тыс. га земли с запасами руды в 300 млн. т. Другая американская стальная монополия — «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» — через дочернюю компанию «Пилото майнинг компани» контролировала на острове 6 тыс. га земли с запасами руды в 200 млн. т. «Истерн стил компани» (Пенсильвания) владела 5 тыс. га с запасами руды в 50 млн. т, а «Гуантáнамо эксплорейшн компани» — 7 тыс. га с запасами руды более 200 млн. т.

«Бетлихем стил корпорейшн» захватила в свои руки крупные залежи марганцевой руды в районе Кристо (провинция Ориенте) и месторождения хромовой руды в провинциях Камагуэй и Ориенте. Месторождениями медной руды, открытыми накануне первой мировой войны в Матаамбре (провинция Пинар-дель-Рио), завладела в 1921 г. «Америкэн металз компани». Однако добыча как железной, так и других руд, была невелика. Вся добываемая руда вывозилась в США. О создании металлургических предприятий на Кубе не было и речи.

Американский капитал был вложен также в табачную и цементную промышленность, скотоводческие ранчо, различные предприятия пищевой промышленности, в доходные отели, увеселительные и зрелищные предприятия, в торговлю и т. д. Даже некоторые гаванские газеты («Эль Мундо», «Ла Пренса», «Гавана пост», «Гавана телеграм») принадлежали американцам¹¹².

Куба стала своего рода магнитом для американского капитала. По подсчетам Кубино-американской торговой палаты общий объем американских капиталовложений там достиг в 1927 г. огромной суммы, превышающей 1,5 млрд. долл., т. е. был большим, чем в любой другой стране мира, за исключением Канады и Германии¹¹³. А по уровню иностранных вложений

¹¹² См.: «Foreign Affairs», 1928, v. 6, № 2, p. 232—233; L. H. Jenks. Op. cit., p. 109, 284—297; M. Winkler. Op. cit., p. 188—196; C. Beals. Op. cit., p. 295, 377, 380—381, 401—403; H. Guggenheim. Op. cit., p. 116—118; Л. Марперо. Указ. соч., стр. 186, 193, 252.

¹¹³ См.: P. D. Dickens. A New Estimate of American Investments Abroad. Washington, 1931, p. 16.

на душу населения (500 долл.) Куба занимала первое место в мире.

Инвестиции США составляли к этому времени почти 85 % всех иностранных вложений на Кубе и распределялись следующим образом:¹¹⁴

Таблица 1

Отрасль	Объем вложений (в млн. долл.)	%
Сахарная промышленность	800	53,1
Табачная промышленность	50	3,3
Другие отрасли обрабатывающей промышленности	50	3,3
Горнодобывающая промышленность	35	2,3
Железные дороги	120	8,0
Коммунальные предприятия	110	7,3
Недвижимость	150	10,0
Торговые предприятия	40	2,7
Банковское дело	25	1,1
Государственные бумаги	110	7,3
Прочие	15	1,0
Итого	1505	100

В 1929 г. иностранные капиталовложения на Кубе достигли 1,8 млрд. долл., в том числе вложения США, — 1 525,9 млн. долл. Английские инвестиции здесь составляли в этом году 237,8 млн. долл. и не могли поколебать монопольного господства американского капитала на острове¹¹⁵.

Девять десятых американских инвестиций представляли собой частные прямые капиталовложения, направленные на создание предприятий колониального типа, поставляющих сырье или полуфабрикаты. На долю обрабатывающей промышленно-

¹¹⁴ M. Winkler. Op. cit., p. 183—184; «Revista Bimestre Cubana», № 22, p. 756. Эти расчеты считаются общепринятыми (См.: P. G. Wright. The Cuban situation and our treaty relations. Washington, 1931, p. 120; Л. Марреро. Указ. соч., стр. 105). Л. Дженкс приводит данные Бюллетеня американской торговой палаты на Кубе за август 1927 г., оценивавшего вложения США там в 1495 млн. долл., в том числе в сахарную промышленность — 800 млн. долл. Но сам он считает, что вложения в сахарную промышленность не превышали 600 млн. долл. и что более половины этой суммы составлял не ввезенный, а реинвестированный капитал (См.: L. H. Jenks. Op. cit., p. 299, 340).

¹¹⁵ См.: M. Winkler. Op. cit., p. 183—184, 278, 283; «The South American Journal» (London), 19.III 1949, p. 138.

сти, исключая сахарную, приходилось менее 7% общей суммы этих инвестиций. 950 млн. долл., или 63% всего американского капитала на Кубе, было вложено в производство продукции, предназначенной на экспорт¹¹⁶.

Крупные запасы различных полезных ископаемых и другие природные ресурсы, имеющиеся на Кубе, могли бы стать основой для развития здесь разнообразных отраслей как легкой, так и тяжелой промышленности, а также многоотраслевого сельского хозяйства. Однако монополии США, наложившие руку на экономику страны и желавшие сохранить ее в состоянии полуколониальной зависимости, стремились не допустить создания кубинцами своей металлургической и машиностроительной промышленности, не допустить полной переработки сырья на самой Кубе. Правда, «Куба иногда получала из Соединенных Штатов машины и промышленное оборудование. Но эти машины были собственностью североамериканских вкладчиков, монополий, трестов и компаний Соединенных Штатов. Они никогда не принадлежали Кубе... Эти машины присылали не для того, чтобы они служили Кубе, их присылали для того, чтобы эксплуатировать и грабить Кубу»¹¹⁷.

Характерно, что вся добываемая в стране руда вывозилась либо в естественном состоянии, либо в виде концентратов, а выплавка металла из нее производилась в США. Но и горнодобывающая промышленность была развита слабо. Американские компании, захватившие под видом концессий контроль над большинством месторождений полезных ископаемых, рассматривали их как свою резервную базу и не форсировали добычу.

Крупнейшей отраслью обрабатывающей промышленности являлась сахарная. Но она производила лишь сахар-сырец. До 1926 г. рафинадной промышленности в стране практически не было, и кубинцам приходилось ввозить из США свой собственный сахар в очищенном виде¹¹⁸. Из отраслей обрабатывающей промышленности, обслуживавших внутренний рынок, наиболее значительными являлись: пищевкусовая, текстильно-швейная, строительная, кожевенно-обувная, для которых характерны мелкие и средние предприятия. Металлообработка была представлена механическими и железнодорожными ремонтными мастерскими, доками, а также небольшими предприятиями, производившими запасные части для оборудования сахарных заводов, плуги и другие несложные сельскохозяйственные орудия, мелкие металлические изделия.

¹¹⁶ P. G. Wright. Op. cit., p. 120.

¹¹⁷ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional, p. 192.

¹¹⁸ Report on Cuba... F. A. Truslow, Chief of Mission. Baltimor — London, 1951, p. 89. К началу 1950-х годов на Кубе рафинировалось лишь 10% всего производимого там сахара.

800 млн. долл. (53% инвестиций США на Кубе) было вложено американскими банками и компаниями в производство сахара. В результате сахар стал осью, вокруг которой вращалась вся кубинская экономика. И это обстоятельство оказало чрезвычайно пагубное влияние на экономическую и социальную жизнь острова.

Политика североамериканского империализма, подчинившего своему господству Кубу, меньше всего считалась с интересами ее народа, а была обусловлена прежде всего стремлением обеспечить магнатам Уолл-стрит наилучшие возможности для эксплуатации богатств острова и извлечения максимальных прибылей. В погоне за наживой американские компании старались снизить себестоимость производства сахара путем введения более мощного оборудования, более полного извлечения содержащейся в тростнике сахарозы и увеличения таким образом продукции сахара-сырца. Поэтому, хотя общее число централей на Кубе продолжало из года в год уменьшаться¹¹⁹, компании с каждым годом увеличивали объем своей продукции. В 1925 г. на Кубе впервые было произведено 5 млн. т сахара-сырца¹²⁰. Если бы мешки с этим коричневым сладким порошком можно было расположить в одну линию, то она бы опоясала весь земной шар по экватору.

К этому времени уже полностью определилось перемещение центра сахарного производства на острове в восточные провинции Камагуэй и Ориенте. До 1895 г. на их долю приходилась лишь десятая часть всей продукции сахара, в 1916—1917 гг. — треть (при общей продукции в 3 млн. т.), в 1921—1922 гг. — 55% (при общей продукции в 4 млн. т), во второй половине 1920-х годов — более 60%¹²¹. Причем число централей в этих провинциях было значительно меньшим, чем в остальных (41%), но там находились почти все крупные централы, обладавшие мощными сахарными заводами и опромными земельными массивами¹²². К тому же на востоке были неистощенные земли, так как крупная сахарная промышленность в этом районе возникла лишь в XX в., когда там обосновались американские сахарные компании.

Перемещение центра производства сахара на восток как раз и отражало переход собственности и контроля над сахарной промышленностью острова из рук более мелкого кубино-испанского

¹¹⁹ В 1919 г. их было 198, в 1924 г. — 188, 1925 г. — 183, 1927 г. — 177, 1928 г. — 172, 1929 г. — 163.

¹²⁰ P. G. Wright. Op. cit., p. 57.

¹²¹ «На аграрном фронте», 1933, № 6, стр. 87; «Economic Geography», VII 1939, v. 15, № 3, p. 313.

¹²² E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II, p. 181; Historia de la nación cubana, t. IX, p. 316.

капитала в руки североамериканского, действовавшего с более низкими издержками производства.

Владения сахарных компаний составляли пятую часть территории острова, но, кроме того, значительную площадь эти компании контролировали на правах аренды. «Сахарные предприятия занимают теперь около 20% всей площади Кубы и контролируют около 40% ее», — отмечал Ф. Райт¹²³.

Положение усугублялось тем, что три четверти всех этих огромных земельных владений принадлежало американскому капиталу. Причем американцам принадлежали наиболее крупные латифундии. Достаточно сказать, что четыре американские сахарные компании: «Кьюбэн-америкэн шугэр компани», «Кьюбэн кэйи компани», «Дженерал шугэр компани» и «Юнайтед фрут компани» владели к этому времени не меньше, чем 43 261 кабальерией (580 тыс. га. — Э. Н.) земли и 29 сахарными заводами. Иными словами, четверть площади всех земель, предназначенных для возделывания сахарного тростника, была сосредоточена в руках четырех американских компаний... Такие сахарные заводы, как Чапарра, Делиспас и Кунагуа, владели огромными угодьями в тысячи и тысячи кабальерий земли»¹²⁴.

По данным кубинского министерства сельского хозяйства, в 1929 г. под сахарным тростником было занято около двух третей (61%) всей обрабатываемой земли на острове. От сахарной промышленности зависело 75% сельского населения¹²⁵. Кроме того, с ней были связаны значительные слои городского населения (в том числе железнодорожники, портовые рабочие и т. д.). В 1920-х годах сахар и побочные продукты его производства (меласса, патока, ром и др.) составляли от 85 до 95% стоимости всего кубинского экспорта. Куба с населением в 3 млн. человек производила пятую часть мировой продукции сахара.

Мало было в мире стран, экономика которых была бы в такой степени подчинена одной отрасли, как экономика Кубы — производству сахара-сырца. Куба выделялась в этом отношении даже среди остальных стран монокультуры Карибского моря. Правда, важной, имеющей экспортное значение культурой был также табак, но под ним было занято не более 3% обрабатываемой площади, и роль его в экономике страны не шла ни в какое сравнение с ролью сахара. За 30 лет, с 1899 по 1929 г., экспорт табака и табачных изделий с Кубы вырос в 1,8 раза, экспорт продукции всех отраслей промышленности, включая табачную,

¹²³ P. G. Wright. Op. cit., p. 95; Cuadernos de historia habanera: Curso de introducción a la Historia de Cuba, t. III, p. 396.

¹²⁴ А. Нуньес Хименес. Аграрная реформа на Кубе. М., 1961, стр. 27; R. Guerra y Sánchez. Op. cit., p. 94—95. Кабальерия = 13,42 га.

¹²⁵ «Press Releases». Department of State, USA, 25 VIII 1934, p. 120.

но без сахарной, — в 2,2 раза, а экспорт сахара — более чем в 11 раз ¹²⁶.

Чрезвычайно узкая, однобокая специализация сельского хозяйства, навязанная иностранным капиталом, привела к вытеснению продовольственных культур, под которыми было занято менее трети всей посевной площади. Куба — аграрная страна, обладавшая огромными резервами пустовавшей плодороднейшей земли и идеальным для сельского хозяйства климатом, — не могла прокормить себя и расходовала многие миллионы песо на ввоз продовольствия, хотя производство его можно было наладить на месте. В 1919—1928 гг. продовольствие и напитки составляли 38% стоимости кубинского импорта. До 1927 г. Куба в среднем ежегодно ввозила 44 тыс. т сала, 46 тыс. т мяса, почти всю потреблявшуюся пшеничную муку, рис, значительное количество овощей, молочные продукты и даже фрукты ¹²⁷.

Ф. Райт не мог не признать, что «зависимость Кубы от продуктов питания вызвана главным образом ее специализацией на сахаре» ¹²⁸.

Но была и другая причина нехватки собственного продовольствия — латифундарная система землевладения. Крупные земельные собственники, на долю которых приходился один процент всех хозяйств, владели почти тремя пятыми всей территории острова (6,6 млн. га). Однако большая часть этой земли не обрабатывалась и пустовала. В частности, крупнейшие латифундисты в стране — американские и кубинские сахарные компании, владевшие и арендовавшие свыше 3 млн. га, использовали только треть этой огромной площади, а две трети ее сохраняли в качестве резерва. По данным переписи 1931 г. следует, что в хозяйствах размером менее 50 га обрабатывалось 40% их общей площади, а в хозяйствах размером более 1000 га — всего лишь десятая часть их общей земельной площади ¹²⁹.

В результате гипертрофированного развития сахарной промышленности за счет других отраслей хозяйства и поглощения ею большей части капиталов, земли и рабочих рук экономика Кубы оказалась в полной зависимости от развития одной культуры — сахарного тростника. А так как производство сахара было рассчитано на внешний рынок, то благосостояние страны стало в еще большей степени, чем раньше, зависеть от внешней

¹²⁶ P. G. Wright. Op. cit., p. 108—109.

¹²⁷ Historia de la nación cubana, t. IX, p. 335; Report on Cuba, p. 741; «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 119.

¹²⁸ P. G. Wright. Op. cit., p. 52.

¹²⁹ Blas Roca. Op. cit., p. 39, 41; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II, p. 73. Результаты переписи 1931 г. были опубликованы лишь в 1938—1939 гг. небольшим тиражом частными издателями и не полностью.

торговли и прежде всего от вывоза сахара-сырца, составлявшего более четырех пятых всего кубинского экспорта. «Экономика Кубы построена главным образом на экспорте сахара и его побочных продуктов», — признавалось в пресс-бюллетене государственного департамента США¹³⁰. Другими важнейшими статьями экспорта были табак и табачные изделия, а также минеральное сырье. Около двух пятых импорта Кубы составляло продовольствие; важными статьями импорта были также текстильные товары, машины и оборудование.

Экспорт Кубы обычно значительно превышал по стоимости ее импорт. Но это отнюдь не означало, что положительное saldo внешнеторгового баланса могло быть обращено на развитие национальной экономики. Куба должна была вывозить за границу больше товаров, чем она ввозила для того, чтобы за счет выручки оплачивать проценты по внешним займам, дивиденды иностранным вкладчикам капитала, стоимость услуг иностранных пароходных, страховых и других компаний и т. д. На уплату процентов и дивидендов по американским капиталовложениям ежегодно уходили многие десятки миллионов долларов¹³¹.

О полукOLONиальном характере кубинской экономики свидетельствовала не только структура экспорта и импорта, но также и направление внешнеторговых связей. Свыше четырех пятых всего экспортируемого сахара вывозилось в Соединенные Штаты. На долю США приходилось в 1920-х годах от 67% до 85% экспорта и от 61% до 76% импорта Кубы. Второе место в кубинской внешней торговле (8—16% экспорта и 4—5% импорта) занимала Англия¹³². Правители Кубы забыли предупреждение Хосе Марти о том, что «исключительное влияние одной страны в торговле другой превращается в политическое влияние»¹³³.

В своей известной работе по географии Латинской Америки видный американский географ П. Джемс писал, что Куба в сущности «представляет собой экономический придаток Соединенных Штатов... Положение Кубы вблизи крупнейшего рынка сахара способствовало росту сахарного производства на Кубе, но вместе с тем Куба потеряла, точнее сказать, не успела приобрести свою хозяйственную самостоятельность»¹³⁴. В итоге тридцатилетнего американского господства экономическое благополучие страны стало решающим образом зависеть от способ-

¹³⁰ «Press Releases», 25.VIII 1934, p. 120.

¹³¹ P. G. Wright. Op. cit., p. 171; «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 117; Manual de capacitación cívica, p. 119.

¹³² P. G. Wright. Op. cit., p. 59, 144; «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 120; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la hacienda Platt, t. II, p. 312—313.

¹³³ J. Martí. Obras completas, t. 2. La Habana, 1953, p. 262.

¹³⁴ П. Джемс. Латинская Америка. М., 1949, стр. 662.

ности рынка США поглотить кубинский сахар. Между тем в 1920-х годах североамериканский рынок для кубинского сахара начал сокращаться. Повышение в 1921 и 1922 гг. почти вдвое пошлин на ввозимый в США сахар стимулировало развитие сахарной промышленности в самих Соединенных Штатах, а также в находящихся под американским флагом Гавайях, Пуэрто-Рико и Филиппинах. Сахар из этих американских владений пошлиной не облагался, тогда как сахар с Кубы — формально независимой страны — облагался пошлиной. В связи с этим доля сахара с Гавайев, Филиппин и Пуэрто-Рико во всем потребляемом в США сахаре стала быстро возрастать. В 1923 г. она составляла 19,5%, а в 1932 г. — 48%. Соответственно доля кубинского сахара сократилась за эти годы вдвое — с 57% до 28,3%¹³⁵.

На мировом рынке также сложилась неблагоприятная для Кубы конъюнктура. Европейские страны восстановили свою сахарную промышленность и увеличивали производство свекловичного сахара. В то же время росло и производство тростникового сахара в Британской Индии, Индонезии и некоторых других тропических странах. Удельный вес Кубы в мировом производстве сахара сократился с 24% в 1919—1920 гг. до 21,4% в 1924—1925 гг. и 15,4% в 1927—1928 г.¹³⁶ И если до 1924 г. мировое производство сахара почти не превышало потребления, то в последующие годы рост потребления стал заметно отставать от роста мировой продукции сахара (в тыс. т)¹³⁷.

Таблица 2

Хозяйственные годы	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Мировое производство	21 390	24 883	26 021	24 701	26 676	26 437
Мировое потребление	21 243	23 058	24 542	24 553	25 742	25 237

Все это привело к заметному увеличению на Кубе нераспроданных запасов сахара и падению цены на кубинский сахар-сырец с пяти центов в 1923 г. до менее чем двух центов за фунт в 1929 г.¹³⁸ Чтобы остановить падение цен, избавиться от ско-

¹³⁵ R. L. Buell. Caribbean Situation. «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 85.

¹³⁶ Report on Cuba, p. 799.

¹³⁷ Сб. «Кризис в странах Латинской Америки», стр. 208.

¹³⁸ R. Guerra y Sánchez. Op. cit., p. 212, 263; W. Lippman and W. O. Scroggs. The United States in world affairs — 1933. New York, 1934, p. 173.

пившихся на складах излишков сахара и избежать нового кризиса, кубинское правительство попыталось — сначала само, а затем на международной основе — ограничить производство сахара. С этой целью в 1925 г. был принят закон о снижении урожая сахарного тростника 1926 г. на 10% по сравнению с объемом урожая предыдущего года. В 1926 г. был принят еще более жесткий закон в отношении урожая 1927 г. и определен общий объем производства сахара на этот год в 4,5 млн. т. Каждому центральному району была установлена твердая квота. За каждый лишний мешок продукции налагался штраф в 5 песо. Сроки уборочного сезона устанавливались властями.

Эти меры вызвали временное небольшое повышение цены на сахар, но ожидаемых результатов не принесли. Попытки посланных (в 1928 и 1929 гг.) в Европу представителей кубинского правительства добиться международного соглашения об ограничении мирового производства сахара также не увенчались успехом. В 1928 г. правительство отменило контроль над сахарной промышленностью, и в 1929 г. на Кубе было выработано максимальное в ее истории количество сахара — 5156 тыс. т.¹³⁹

Это, однако, вовсе не значило, что увеличились и доходы страны. Непрерывное падение цен на сахар привело к резкому уменьшению стоимости всего экспорта Кубы. Так, в 1924 г. в США было ввезено 3 163 054 т кубинского сахара-сырца по средней цене 4,186 цента за фунт. Общая стоимость его составила 317 519 тыс. долл. В 1929 г. США закупили даже несколько больше кубинского сахара — 3 376 345 т, но уже по средней цене 2,001 цента за фунт. Общая стоимость его оказалась 137 609 тыс. долл. Иначе говоря, в 1929 г. Куба получила за свой сахар лишь 43% суммы, полученной ею в 1924 г. за меньшее количество сахара¹⁴⁰. Соответственно, стоимость всего экспорта Кубы сократилась с 434 865 тыс. долл. в 1924 г. до 272 440 тыс. долл. в 1929 г. (на 38%), а стоимость импорта за те же годы сократилась с 289 831 тыс. долл. до 216 215 тыс. долл. (на 20%)¹⁴¹. Сахарные компании старались компенсировать уменьшение своих доходов за счет сокращения закупочных цен на сахарный тростник и зарплаты, т. е. за счет колонов и сельскохозяйственных рабочих. Положение их резко ухудшилось.

Отмечая, что «положение сахарной промышленности является основным фактором, определяющим объем и характер им-

¹³⁹ R. Guerra y Sánchez. Op. cit., p. 209, 263; L. Nelson. Rural Cuba. Minneapolis, 1950, p. 98. Лишь в 1950-х годах продукция сахара на Кубе превысила уровень 1929 г.

¹⁴⁰ «Press Releases», 25.VIII 1934, p. 121. И если в период с 1903 по 1924 г. национальный доход на душу населения рос, то начиная с 1925 г. он стал стремительно падать (Report on Cuba, p. 40).

¹⁴¹ «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 117.

порта Кубы», Ф. Райт писал, что «кубинское „просперити“ целиком зависит от цены на сахар... Когда мировая цена на сахар высока — Куба процветает, когда цена низка — Куба бедствует»¹⁴². Колебания цен на сахар определяли взлеты и падения уровня национального благосостояния.

Используя то обстоятельство, что экономическая жизнь Кубы и благополучие большей части ее населения находились в прямой зависимости от конъюнктуры, сложившейся на североамериканском рынке (в том числе от таможенных пошлин на ввоз сахара), правительство США оказывало давление на кубинские правящие круги, заставляло их идти на различные уступки американскому капиталу. Заключенный между США и Кубой в 1903 г. «Договор о взаимности гарантировал преференциальные тарифы для американских товаров на Кубе и кубинских — в Соединенных Штатах. Но вместо установления обеими странами тарифных таблиц для их соответствующих продуктов они (США.— Э. Н.) по своему усмотрению устанавливали или изменяли свои тарифы, когда им было угодно, без всякого учета интересов партнера, согласования и даже предварительной консультации с ним»¹⁴³.

Больше того, льготные пошлины на ввоз кубинского сахара очень скоро потеряли всякое практическое значение для Кубы. Пока в США ввозился сахар не только с Кубы, но и из других стран, цена его в Нью-Йорке держалась на уровне мировой цены плюс полная пошлина, и поэтому экспортеры кубинского сахара получали за него (за счет льготной пошлины) больше мировой цены. Но уже с 1910 г., и особенно с 1913 г., производство сахара на Кубе и ввоз его в США настолько увеличились, что импорт сахара из других стран почти полностью прекратился. С 1913 г. по 1929 г. кубинский сахар обычно составлял более 95% всего ввозимого в США из-за границы сахара. В связи с этим нью-йоркская цена теперь представляла собой мировую цену плюс не полная пошлина, а льготная пошлина на кубинский сахар¹⁴⁴.

В то же время для американских товаров торговый договор 1903 г. создал на Кубе привилегированное положение. Почти монопольное хозяйничанье американских компаний на кубинском рынке позволяло им завышать цены на свою продукцию и получать дополнительные прибыли. В частности, постоянная нехватка продуктов питания на острове давала возможность американским фирмам взвинчивать цены на ввозимое ими продовольствие, спекулируя на голоде народных масс. О значении,

¹⁴² P. G. Wright. Op. cit., p. 150, 164.

¹⁴³ J. R. Lliteras. Op. cit., p. 8.

¹⁴⁴ P. G. Wright. Op. cit., p. 59, 65, 68, 167—168; R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 213.

которое Куба приобрела в качестве импортера промышленной и сельскохозяйственной продукции США, говорит тот факт, что в 1924 г. эта маленькая страна была шестым по величине рынком сбыта американских товаров¹⁴⁵. «Куба является нашим первым рынком для многих товаров, включая обувь, и нашим вторым рынком для муки и хлопчатобумажной одежды», — писал автор статьи о кубино-американских отношениях в журнале «Форин Эфферс» за январь 1928 г.¹⁴⁶

Хозяйничанье американских монополий на Кубе немало облегчалось и тем обстоятельством, что она вынуждена была допустить у себя свободное обращение доллара США. Кубинское песо и доллар были официально одинаковы по материалу, весу, паритету, и оба выступали как валюта или основные деньги на территории Кубы. Но, кроме того, доллары являлись кубинскими девизами, т. е. международными деньгами, которыми Кубе приходилось пользоваться в своих расчетах с другими странами. Иначе говоря, доллар был здесь и валютой, и девизом, а песо — только валютой.

Таким образом, экономически Куба к концу 1920-х годов попала в полную зависимость от империализма США. Американский капитал превратил ее в страну монокультуры, как бы в огромную плантацию сахарного тростника, в страну, являвшую собой яркий пример уродливого, чудовищно однобокого развития хозяйства. Вся экономическая жизнь Кубы зависела от ее сахарной промышленности, а сахарная промышленность — от американского рынка. По существу Куба была привязана к США экономической зависимостью сильнее всяких договорных обязательств. Сахарная промышленность, контролируемая монополиями США, превратилась в петлю, накинутаю на Кубу, в символ ее колониального порабощения.

В кабале у монополий

Американский капитал не только полностью подчинил себе экономику Кубы, закрепил монокультурный характер ее хозяйства и превратил эту страну в аграрно-сырьевой придаток США. Проникновение и господство американского капитала привело к серьезным сдвигам в социально-экономических и, в частности, в аграрных отношениях, усилив существовавшие на Кубе пережитки феодализма, тормозившие национальное развитие и препятствовавшие быстрому прогрессу страны. Эти пережитки феодализма проявлялись:

во-первых, в том, что большая часть пригодной для обработки земли входила в состав латифундий, принадлежавших кучке

¹⁴⁵ «Press Releases», 25.VIII 1934, p. 119.

¹⁴⁶ «Foreign Affairs», I 1928, v. 6, № 2, p. 235—236.

крупнейших помещиков и иностранных компаний. То обстоятельство, что крупнейшими латифундиями владели североамериканские монополии, означало, что империализм США стал первым и главным латифундистом Кубы;

во-вторых, в том, что продолжали существовать такие формы аграрных отношений, как издольщина, колонат, цензовые сборы и т. д. Причем они были широко распространены не только в производстве сахарного тростника, но также и в возделывании кофе, табака и других культур;

в-третьих, в том, что в результате концентрации земли в руках небольшой кучки латифундистов и наличия пережитков феодального способа производства в стране образовалась огромная масса безземельных крестьян. Эти крестьяне вынуждены были работать, арендуя землю или (и таких было большинство) выплачивая издольщину, что оставляло в руках крупных землевладельцев-эксплуататоров основную часть плодов труда и усилий крестьян, вынужденных жить в условиях крайней нищеты и отсталости¹⁴⁷.

По данным кубинской переписи 1931 г., более 71% всех хозяйств имели менее трех кабальерий земли каждое и владели в общем 11% всей земли. 18% хозяйств, располагавших каждое от трех до десяти кабальерий, владели 9% всей земли. 8% хозяйств, с земельной площадью от 10 до 50 кабальерий, владели 22% земли. И, наконец, 1,2% хозяйств, имевших свыше 50 кабальерий каждое, владели 58% ~~всей земли~~¹⁴⁸. Иначе говоря, мелким хозяевам, составлявшим почти три четверти всех хозяйств, принадлежало лишь 11% земли, тогда как 1,2% хозяйств — кубинским помещикам и иностранным капиталистам — принадлежало около трех пятых всей земли. «...Намного больше половины общей земельной площади всех имеющихся на Кубе хозяйств было сконцентрировано в руках кучки всемогущих собственников, в то время как тысячи крестьян, согнанных со своей земли, бродили по дорогам или просто просили подаяние в городах, — пишет Блас Рока. — ...Латифундистская монополия на землю была... главной, хотя и не единственной, основой эксплуатации и угнетения крестьянства и причиной отсталости сельского хозяйства...»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ «Одной из самых удивительных черт экономического развития Кубы является растущая концентрация обрабатываемых земель в руках крупных компаний и соответственное уменьшение числа мелких хозяйств, — говорилось в отчете обследовавшей Кубу в 1934 г. комиссии американской Ассоциации внешней политики. — Сегодня Куба насчитывает 38 105 мелких хозяйств (треть которых имеет менее двух кабальерий земли) по сравнению с 60 711 хозяйствами в 1899 году». *Problems of the New Cuba*. New York, 1935, p. 51.

¹⁴⁸ См.: Blas Roca. *Op. cit.*, p. 40.

¹⁴⁹ *Ibid.*, p. 39—40, 44.

Для полноты картины следует вспомнить, что небольшое число крупнейших латифундистов, не составляющее и десятой доли одного процента всех хозяйств, главным образом американские сахарные компании, захватили в свои руки миллионы гектар плодородных земель.

На Кубе имелись тогда три основные категории производителей сахарного тростника:

1. Плантации сахарного тростника, принадлежащие сентралам и обрабатываемые наемными рабочими. По некоторым данным на их долю приходилось примерно от 15% до 25% всего урожая тростника.

2. Независимые колонны, к которым относились не только крестьянские, но и помещичьи хозяйства, сдававшие свой сахарный тростник сентралам.

3. Зависимые колонны — безземельные крестьяне, арендующие землю у сентралей (либо из собственного земельного фонда сахарных компаний, либо из фонда земель, арендуемых ими).

В начале XX в. на долю первой и последней категорий приходилось около двух третей, а на долю независимых колоннов — несколько больше одной трети всего поступавшего в переработку сахарного тростника. Но затем, по мере захвата сахарной промышленности американским капиталом, положение стало меняться. Особую роль в этом сыграла железнодорожная политика американских военных губернаторов на Кубе, предоставивших сахарным компаниям специальные льготы для строительства частных железных дорог. Полностью значение этой политики сказалось лишь в последующие десятилетия.

Постройка сентралем своих железнодорожных линий (а иногда и своего порта) втягивала в сферу его влияния большие земельные площади, занятые под сахарным тростником, но не принадлежавшие сентралу. Благодаря наличию собственных железных дорог и портов сентраль был свободен от всякой конкуренции в скупке сахарного тростника у колоннов данного района ¹⁵⁰. Частная железная дорога лишала колону возможности перевозки тростника на более далекое расстояние, которую он бы имел при наличии государственной железной дороги, и ставила его в полную зависимость от сентраля. Колонны, даже независимые, не имели никакого иного выхода, так как сахарный тростник, в отличие от сахарной свеклы, должен поступать в переработку почти сразу же после уборки его ¹⁵¹, а они не имели

¹⁵⁰ 60 из 80 имевшихся на Кубе портов были частными. Из 13 981 км железных дорог 9094 км принадлежали сентралам.

¹⁵¹ После того, как сахарный тростник убран, его нужно доставить на сахарный завод и в течение 48 часов извлечь из него сок. В противном случае начинается ферментация тростника, которая приводит к ежедневной потере 2% выхода сахара.

возможности транспортировать его в другие места. Пользуясь этим, сахарная компания могла диктовать цену на тростник.

Распространяя свой контроль на соседние районы, компания, владеющая сентралем, скупала все новые и новые земельные участки. Окружаемые постепенно землями сентралей, лишенные государственной железной дороги, которой они могли бы воспользоваться для перевозки своего тростника, независимые колоны — в том числе даже крупные помещики — вынуждены были рано или поздно продавать свою землю либо сдавать ее в долгосрочную аренду сентралю. Некоторые из колонов получали от сентралей кредит под залог своей земли. Невозвращение кредита в установленный срок вело к тому, что земля колона переходила к сентралю. Таким путем, особенно в годы экономических кризисов, было разорено и потеряло землю большое число независимых колонов. Часть из них превратилась в зависимых колонов — арендаторов.

«Сахарные предприятия выросли до гигантских размеров, частные железные дороги расширили их границы... Независимые производители были уничтожены»¹⁵². В 1920-х годах число независимых колонов сокращалось так быстро, что к концу этого десятилетия они составляли всего две-три тысячи хозяйств¹⁵³. В восточных провинциях Ориенте и Камагуэй земли под сахарным тростником принадлежали почти исключительно сентралям и обрабатывались сельскохозяйственными рабочими либо сдавались в аренду колонам и крупным арендаторам.

Если в 1904—1905 гг. 33,2% площади, занятой под сахарным тростником, приходилось на долю зависимых колонов, арендовавших землю, и 36,5% — на долю независимых колонов, располагавших своей землей, то в 1932 г. на долю первых приходилось 66,4%, а вторых — лишь 8,9% занятой под тростником площади¹⁵⁴. Таким образом, главным поставщиком сахарного тростника сентралям стали теперь безземельные колоны-арендаторы. Во многих районах они пользовались землей даже на правах субаренды, арендуя ее у крупных арендаторов-предпринимателей.

Система кабальной контрактации еще более усиливала зависимость колонов от сентралей. Заключая контракт с колоном, сентраль предоставлял ему в кредит определенную сумму денег и минеральные удобрения, так как колон-арендатор, как правило, не располагал достаточными средствами для обработки плантации и уборки урожая. Условия кредита обычно были настоль-

¹⁵² J. A. Lliteras. Op. cit., p. 12; См. также: L. Nelson. Rural Cuba, p. 95.

¹⁵³ Historia de la nación cubana, t. IX, p. 319—320; R. Guerra y Sánchez. Azúcar y población en las Antillas, p. 117, 178, 181.

¹⁵⁴ Problems of the New Cuba, p. 270—271.

ко тяжелы, что рано или поздно колон попадал в постоянные задолжники. Одним из главных пунктов контракта была цена за сахарный тростник, сдаваемый колоном. Расплата с ним производилась натурой в виде определенной части сахара-сырца, выработанного из доставленного тростника. Обычно колоны получали четыре-пять арроб¹⁵⁵ сахара за каждые 100 арроб сахарного тростника. При среднем выходе сахара в 10% это означало приблизительно 40—50 арроб сахара за тонну сахарного тростника. Но сбыть этот сахар колон мог только тому же сентралю. При желании он мог получить плату за сданный тростник и деньгами в соответствии со средними ценами на сахар, устанавливавшимися в начале и середине каждого месяца.

По контракту зависимый колон должен был сеять на арендуемой земле только сахарный тростник. Ему запрещалось выращивать какие-либо другие культуры, в том числе и овощи, даже в незначительных количествах для собственного потребления. Он не имел права разводить домашнюю птицу и содержать скот (кроме рабочего)¹⁵⁶. Все продукты он обязан был покупать по дорогой цене в лавках сентраля, отдавая сахарной компании, таким образом, почти весь свой доход. Лишь в редкие годы хороших урожаев и высоких цен на сахар колонам удавалось покрыть все связанные с выращиванием тростника расходы и выйти из задолженности. В большинстве же случаев условия контрактов были так невыгодны для колона, что после сдачи своего тростника он часто не мог даже расплатиться за кредит и оставался постоянным должником сентраля¹⁵⁷. «Это означает..., — вынужден был признать Ф. Райт, характеризуя положение зависимых колонов, — что большая часть населения Кубы живет под ярмом экономического деспотизма», находясь на положении крепостных рабов. Причем «экономический... их положение гораздо хуже, чем при крепостном праве»¹⁵⁸. Законы, регулировавшие отношения между сентралями и колонами (о контрактации, кредите и др.), сахарные компании при поддержке подкупленных ими чиновников местных органов юстиции обходили самым наглым образом.

Предпринятое правительством во второй половине 1920-х годов «регулирование производства сахара» путем сокращения посевных площадей под тростником также ударило прежде всего по зависимым колонам, так как сахарные компании предпочитали в этих условиях получать сырье с собственных планта-

¹⁵⁵ Арроба = 11,5 кг.

¹⁵⁶ «Diario de la Marina», 31.XII 1928.

¹⁵⁷ В частности, с 1924 по 1928 г. в связи с падением цен на сахар, доходы колонов сократились со 187 до 106 млн. долл. («На аграрном фронте», 1933, № 6, стр. 76).

¹⁵⁸ P. G. Wright. Op. cit., p. 172.

ций. В связи с этим они даже увеличили ввоз дешевой наемной рабочей силы с Гаити и Ямайки.

Латифундизм и другие пережитки феодализма в аграрных отношениях привели к тому, что сотни тысяч мелких крестьян-собственников и арендаторов, исполщиков и колонов, возделывавших сахарный тростник и работавших на кофейных плантациях, мелких животноводов и огородников, задавленных низкими ценами на сельскохозяйственные продукты, измученных высокими налогами и дороговизной, страдали от ужасной нищеты, недоедали, не имели средств, чтобы удовлетворить свои минимальные потребности, жили без врачей и медикаментов, в антисанитарных условиях, подавленные отсталостью, бескультурьем, болезнями.

Быстрое развитие в первой трети XX в. сахарной промышленности на Кубе оказало непосредственное влияние на рост ее населения. Средний годовой прирост его составлял: в 1899—1907 гг. — 3,9%; в 1907—1919 гг. — 3,3%; в 1919—1931 гг. — 3,1%. Такой высокий уровень прироста объяснялся большим притоком иммигрантов. За 30 лет, с 1902 по 1932 г., сюда иммигрировало свыше 1250 тыс. человек (в том числе 800 тыс. испанцев). В эти десятилетия Куба занимала по числу иммигрантов третье место в Латинской Америке (после Аргентины и Бразилии). В 1920-х годах, когда производство сахара на Кубе достигло своего максимума, туда ежегодно прибывало в среднем 50 тыс. иммигрантов¹⁵⁹. При этом быстрее всего росло население восточных провинций — Камагуэй и Ориенте. Если в 1907 г. Ориенте по численности населения была на третьем месте, то в 1919 г. она вышла на первое место и оказалась первой кубинской провинцией, число жителей которой превысило миллион¹⁶⁰. В 1931 г. население Кубы составляло 3 962 тыс. человек, 47,3% его жило в городах, число которых заметно выросло. Население «Большой Гаваны» превысило 700 тыс., Сантьяго — 100 тыс. жителей.

Значительную часть иммигрантов составляли негры с Ямайки и Гаити, ввозимые сахарными компаниями для работы на плантациях. Только с 1921 по 1926 г. их было ввезено 155 тыс.¹⁶¹ Швейцарская газета «Журналь де Женев» писала в связи с этим, что американские «компании предпочитают использовать труд негров, а белое население, доведенное до нищеты и пролетаризированное, постепенно вытесняется со своей земли и в конце концов с острова. Каждый год он теряет от

¹⁵⁹ L. Araquistain. Op. cit., p. 193; Л. Марреро. Указ. соч., стр. 90—93.

¹⁶⁰ Historia de la nación cubana, t. IX, p. 307; L. Nelson. Op. cit., p. 24—26.

¹⁶¹ P. G. Wright. Op. cit., p. 100; L. Araquistain. Op. cit., p. 193.

20 до 30 тыс. человек, которые заменяются неграми»¹⁶². Не зная испанского языка, не имея даже собственных жилищ, гаитяне и ямайцы оказывались в полной зависимости от компаний, попадали в долговую кабалу и обычно не могли уйти из централа. Они подвергались дискриминации, составляя самую бесправную группу плантационных рабочих. В плантаторских кругах Кубы существовала поговорка: «Убить гаитянина — все равно, что убить собаку».

В 1932 г. на Кубе работало примерно 100 тыс. гаитян и 35 тыс. ямайцев¹⁶³. Между тем общая численность промышленных и сельскохозяйственных рабочих на Кубе достигала к этому времени примерно 600—700 тыс., из которых 460—470 были заняты в производстве сахара (в том числе более 50 тыс. на сахарных заводах, остальные — в поле). В период сафры на плантациях работало до 200 тыс. сезонных рабочих. Более 100 тыс. рабочих было занято на плантациях кофе и табака¹⁶⁴.

Рабочие сахарной промышленности, составлявшие основной отряд кубинского пролетариата, подвергались наиболее жестокой эксплуатации, испытывая на себе всю тяжесть гнета американского империализма. Рабочий день на Кубе не регулировался никаким законодательством. На сахарных заводах он составлял 12 часов, половину которых рабочий должен был отработать днем, а другую половину — ночью. На плантациях в период сафры рабочий день длился по 16, а то и по 18 часов. Но сафра продолжалась обычно три-четыре месяца; остальную часть года большинство сельскохозяйственных рабочих оставалось без постоянной работы и разбредалось по городам, продавая свой труд за бесценок. Ввоз батраков-негров с Гаити и Ямайки еще больше увеличивал безработицу и способствовал снижению заработной платы остальных рабочих.

В период описанной выше «пляски миллионов» (1919—1920 гг.) средняя заработная плата рабочих сахарной промышленности достигала 3,5 песо в день. Но затем началось непрерывное падение зарплаты, и к концу 1920-х годов плантационный рабочий получал 0,7 песо в день, а рабочий сахарного завода — 1,1 песо. Женщины за ту же работу получали вдвое меньше. Заработок обычно выдавался не деньгами, а бонами, действительными лишь в лавках на территории своего централа.

¹⁶² Цит. по: As our neighbours see us. Stillwater, 1940, p. 170. Так, в 1920 г. иммиграция на Кубе составила 232,7 тыс. человек, эмиграция — 120,6 тыс. человек, а в 1925 г. соответственно — 128,4 и 92,8 тыс. человек (Secretaria de hacienda. Inmigración y movimientos de pasajeros año de 1926. La Habana, 1927).

¹⁶³ Historia de la nación cubana, t. IX, p. 301.

¹⁶⁴ «На аграрном фронте», № 10, 1930, стр. 107; «Кризис в странах Латинской Америки», стр. 205—206. Сафра — уборка урожая.

Если колонны жили в бойо — тростниковых или деревянных хижинах с земляным полом и крытой пальмовыми листьями крышей, то плантационные рабочие вообще не имели своего жилища. Они ютились в барраконес — длинных и узких дощатых бараках, принадлежавших сахарной компании, в условиях огромной скученности и полного отсутствия гигиены. Здесь не было даже «классических» нар: кровати рабочим заменяли гамаки из мешковины¹⁶⁵.

В издававшемся в Гаване журнале (в апреле 1927 г.) сахарный маклер кубинец писал, что американские компании владеют пятой частью площади его провинции и что «в этих огромных районах торговля не является свободной; централь осуществляет полную монополию, обязывая поставщиков торговать только через посредство его магазинов»¹⁶⁶. «В пределах этих территорий..., — подтверждал автор статьи в газете «Диарио де Куба», — любое лицо может быть объявлено нежелательным и изгнано частной охраной...»¹⁶⁷.

Режим казарм-бараков, при котором ограничивалось даже свободное передвижение рабочих, особенно ввезенных по контрактам с соседних островов, оплата труда бонами и кредит в лавках централя, в результате которого плантационный рабочий становился вечным должником, — таковы были некоторые из методов эксплуатации кубинского рабочего класса монополиями США.

«Система земельной собственности, состоящей из больших владений, всегда была плоха, но при отсутствующих собственниках оказалась еще хуже, — писал кубинский автор. — А когда собственниками, как случилось на Кубе, являются иностранные компании, это неизбежно ведет к социальной деградации и политическому упадку»¹⁶⁸. «Куба, — подтверждал американский автор, — быстро движется к варварству... И чем сильнее был наплыв американского капитала, тем быстрее Куба приходила в упадок...»¹⁶⁹.

Еще в 1880 г. на Кубе было провозглашено обязательное и бесплатное обучение для детей в возрасте от 7 до 14 лет. Но если в 1900 г. на каждую тысячу человек населения школу посещали 75 детей, то в 1920 г. — уже 50, в 1924 г. — 24, в 1932 г. — 12 детей. Не удивительно поэтому, что процент неграмотных кубинцев из года в год увеличивался. В 1908 г. они составляли около 30 %, к 1924 г. — 53 %, а к 1933 г. — более 60 % всего населения. К началу 1930 г. в стране не было ни одной сельскохо-

¹⁶⁵ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 439, л. 1, 3; д. 440, л. 11—13.

¹⁶⁶ «Cuba Foodstuff Record», IV 1927, p. 44.

¹⁶⁷ «Diario de Cuba», 5.VIII 1925.

¹⁶⁸ J. A. Lliteras. Op. cit., p. 15.

¹⁶⁹ C. Beals. Op. cit., p. 302.

зайственной школы, а имевшаяся ранее единственная промышленная школа была закрыта. Зато проституция достигла небывалых масштабов и пропорционально к количеству населения была распространена в Гаване значительно больше, чем даже в Париже, Берлине или Марселе. «Гавана,— отмечает Альфредо Варела,— считалась самым изысканным домом терпимости Соединенных Штатов». Открытые притоны и публичные дома существовали в самом центре кубинской столицы, между деловыми зданиями и частными домами¹⁷⁰.

Бразильский ученый Жозуэ де Кастро в своей книге «География голода» писал, что мясо, молоко, яйца, многие овощи были редкостью на столе кубинского крестьянина. Основными продуктами питания трудящихся являлись бобы, кукуруза, бананы, корнеплоды. Неполноценное питание, в частности отсутствие в пище необходимого количества белков и некоторых других веществ, было причиной высокой заболеваемости и смертности. Почти треть населения страдала кожными заболеваниями. Смертность от туберкулеза на Кубе была в 13 раз выше, чем в США. Особенно высока она была среди негров, составлявших вместе с мулатами 27,2% населения (в 1931 г.— 1079 тыс.). Зарплата их была обычно ниже, жилища и питание — хуже, нищета — еще больше, чем у белых рабочих. Результатом являлась огромная детская смертность и более медленный естественный прирост «цветного» населения по сравнению с белым¹⁷¹.

Положение большей части мелкобуржуазных слоев населения — ремесленников, владельцев лавок, мелких торговцев, рыбаков и людей различных других профессий было немногим лучше положения рабочих и крестьян и зависело от общего состояния страны. Если нищета охватывала всю страну, она была также и по мелкобуржуазным слоям населения. Конкуренция североамериканской промышленности, наводнявшей Кубу своей продукцией, приводила к тому, что ремесленники и вообще мелкие товаропроизводители не только разорялись, но многие из них были лишены даже возможности стать рабочими, ибо национальная промышленность почти не развивалась, а хроническая безработица достигала огромных масштабов.

Господство империализма и латифундизма тормозило национальный прогресс. Оно способствовало отсталости сельского населения, сохранению экстенсивного земледелия, убивало инициативу крестьянина, препятствовало применению научных ме-

¹⁷⁰ F. Ortiz. *La decadencia cubana*. La Habana, 1924, p. 11, 21—23; C. E. Chapman. *Op. cit.*, p. 592—593, 603—604; C. Beals. *Op. cit.*, p. 297; L. Nelson. *Op. cit.*, p. 227, 235, 239, 241.

¹⁷¹ Жозуэ де Кастро. *География голода*. М., 1954, стр. 153—155; Г. Олден. *США над Латинской Америкой*. М., 1956, стр. 22—23; L. Nelson. *Op. cit.*, p. 28, 210.

тодов обработки земли и повышения ее плодородия. Безземелье крестьян и сельскохозяйственных рабочих, составлявших большинство населения страны, ограбление их латифундистами и сахарными компаниями, ростовщиками, лавочниками и спекулянтами — все это обусловило крайне низкую покупательную способность трудящихся, а следовательно, и относительную узость внутреннего рынка. Последнее обстоятельство сдерживало развитие национальной промышленности и внутренней торговли. В то же время конкуренция североамериканских монополий, часто проявлявшаяся в виде демпинга, разоряла многих местных промышленников и коммерсантов, не связанных с импортом иностранных товаров. Наконец, имел место и прямой нажим североамериканских монополистов через государственный департамент на кубинские правительства с целью не допустить создания и развития на Кубе предприятий и даже отраслей по производству определенных видов продукции.

Казалось бы, что Куба — «жемчужина Антильских островов», с ее чудесным климатом и роскошной тропической растительностью, с ее богатейшими минеральными ресурсами и полями, на которых можно собирать по несколько урожаев в год, это — сказочный остров, самой природой предназначенный для счастья и благоденствия народа. Но кубинский народ не видел счастья. Американский империализм жестоко эксплуатировал трудящихся Кубы, ограничивал ее суверенитет, деформировал ее экономику, душил ее культуру, проповедовал расовую ненависть и принес кубинцам хроническую безработицу, нищету, голод, социальные болезни.

Нерон XX века

Монопольный по существу контроль американского капитала над кубинской экономикой еще больше усилил политическую зависимость Кубы. «Само собой разумеется,— пишет Хуан Маринельо,— что следствием экономического господства США на Кубе явилось их влияние на политическую жизнь страны. Все правительства, сменявшие друг друга..., либо навязывались Вашингтоном, либо приходили к власти при его поддержке. Империализм более или менее открыто использовал в своих целях кубинские власти, армию и полицию, во главе которых стояли его агенты»¹⁷².

¹⁷² Сб. «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М., 1960, стр. 139—140. Даже Ч. Чэпмэн не мог не признать этого. «...Нельзя отрицать,— писал он в 1928 г.,— что иностранный капитал, особенно американский, господствует в экономической жизни Кубы и вследствие этого оказывает большое влияние на социальные и политические условия» (С. Е. С h a r m a n. Op. cit., p. 620).

Североамериканские корпорации, контролировавшие экономику острова, не только оказывали все возрастающее влияние на политику Вашингтона, но стали мощным фактором, непосредственно воздействовавшим как на экономическую, так и на политическую жизнь Кубы. Вместо испанской короны на острове утвердили свою власть некоронованные финансовые короли Соединенных Штатов, ставившие и убиравшие кубинских президентов и министров, диктовавшие внутреннюю и внешнюю политику кубинских правительств.

Особенно ярким примером того, как это делалось, служит история восьмилетнего правления Херардо Мачадо, сменившего в 1925 г. А. Сайяса на посту президента Кубы.

Выше уже отмечалось, что в начале 1920-х годов Вашингтон несколько изменил методы своей политики в отношении Кубы, решив на время отказаться от практики открытого диктата и военной оккупации. Опираясь на «сотрудничество» кубинской крупной буржуазии и помещиков, Вашингтон предпочитал в новых условиях использовать для поддержания «политической стабильности» на острове более гибкие, «мирные» методы.

Р. Смит пишет по этому поводу, что поскольку кубинское правительство платило по своим иностранным долгам, постольку США «не настаивали на наличии честности и демократизма в управлении». Эта политика в общем виде была разъяснена в ноябре 1924 г. в «меморандуме Уайта» о том, каким образом Соединенные Штаты могут «поддерживать политическую стабильность и отбивать охоту к революции» в Карибском районе¹⁷³. Р. Смит приводит впервые публикуемый им конфиденциальный документ, составленный главой латиноамериканского отдела государственного департамента Ф. Уайтом и адресованный заместителю государственного секретаря Джозефу Грю. В этом любопытном документе как в зеркале отразилась политика империалистов США в отношении Кубы: «Соединенные Штаты,— говорилось в нем,— добьются значительно лучших результатов, если... мы позволим местным уроженцам самим принимать решения с помощью и при поддержке наших дипломатических представителей, но не связывая себе рук каким-либо данным курсом действий, поскольку жители страны смогут прийти к какому-то обещающему на определенный период стабильность решению, даже если оно не согласуется с нашими понятиями о республиканском демократическом управлении и даже если оно не будет соответствовать их собственной напечатанной конституции»¹⁷⁴.

¹⁷³ R. Smith. Op. cit., p. 102.

¹⁷⁴ Memorandum: «Our Central American Policy». Francis White to Joseph

По существу в меморандуме говорилось, что не будет ничего плохого, если власть в стране окажется в руках диктатора, разорвавшего в клочки конституцию и правящего с помощью штыков, лишь бы он обеспечивал необходимую монополистам США «стабильность». Как показали факты, именно такую политику проводили все вашингтонские правительства на Кубе в последующий период.

В частности, в связи с приближавшимся окончанием срока пребывания А. Сайяса на президентском посту заинтересованные монополистические круги США решили поставить во главе нового кубинского правительства «сильного человека», который сумел бы справиться с революционным движением и помог им хозяйничать в стране, обходясь методами «косвенного давления». Выбор пал на одного из деятелей Либеральной партии, отставного генерала, сенатора Херардо Мачадо-и-Моралес.

Херардо Мачадо-и-Моралес родился в Вильяклара, в 1871 г. Еще в период испанского господства Херардо Мачадо был хорошо известен в провинции Санта-Клара, где он вместе со своим отцом совершал налеты на чужие стада крупного рогатого скота. Затем он участвовал в войне за независимость. Позже, добившись избрания на должность мэра города Санта-Клара, Мачадо организовал поджог здания суда, где хранились документы, уличающие его отца в уголовных преступлениях. В правительстве президента Х. М. Гомеса (1909—1913 гг.) Мачадо занимал пост министра внутренних дел, позволивший ему не только получить большой опыт управления политической машиной, но и завязать весьма цепные связи. Это министерство ведало предоставлением концессий, и, раздавая их американским и местным компаниям, его глава никогда не забывал о собственном кармане.

К началу 1920-х годов Мачадо владел торговыми предприятиями, цементным заводом, был совладельцем нескольких небольших электростанций и т. д. Как раз в это время одна из крупнейших американских электроэнергетических монополий — «Электрик бонд энд шэйр компани» протянула свои щупальца на Кубу. В 1921 г. она начала скупать местные электростанции и другие предприятия коммунального обслуживания. С этой целью на остров прибыл Генри Кэтлин, ставший президентом нового филиала «Электрик бонд энд шэйр компани» — «Кубинской электрической компании». Вице-президентом (и, конечно, пайщиком) последней, по его совету, был сделан Херардо Мачадо. Скупив за умеренную цену большинство местных электростанций на Кубе, Кэтлин и Мачадо затем продали их

«Электрик бонд энд шэйр компани» и поделили прибыль между собой. К 1923 г. «Кубинская электрическая компания» обслуживала электричеством, газом и водой более 80 населенных пунктов острова, а к 1925 г.— почти весь остров, исключая Гавану.

При прямой поддержке президента «Кубинской электрической компании» Генри Кэтлина, тесно связанного с «Чейз нэйшнл банком» и «Нэйшнл сити банком», Мачадо оказался в 1924 г. кандидатом в президенты республики сразу от двух партий — Либеральной и Народной — и был благополучно водворен в президентское кресло. Тем, кто стоял за спиной Кэтлина, это обошлось в 0,5 млн. долл. Из них 80 тыс. долл. получил президент Сайяс, которого выдвинула своим кандидатом в президенты Народная партия. За эту сумму он согласился снять свою кандидатуру в пользу Мачадо и оказывал ему всяческую поддержку во время предвыборной кампании¹⁷⁵. В круглую сумму обошелся и подкуп руководителей съезда Либеральной партии, собравшегося для выдвижения кандидата в президенты.

Мачадо помогло также и то обстоятельство, что его главный соперник по партии — полковник Карлос Мендиэта — допустил серьезную тактическую ошибку, заявив в интервью, что «будущее Кубы зависит от того, насколько тесно она пойдет рука об руку с Соединенными Штатами»¹⁷⁶. Сам Мачадо действовал более искусно, изображая себя противником «поправки Платта» и поборником «национального возрождения». Еще в мае 1922 г. он заявил: «Поправка Платта» никоим образом не влечет за собой ограничения нашей независимости или нашего суверенитета... Я всегда считал, что «поправка Платта» не дает правительству США права на какое-либо вмешательство в наши внутренние дела...»¹⁷⁷.

Во время избирательной кампании Мачадо ловко использовал националистические настроения ущемленной послевоенным кризисом и недовольной засильем иностранного капитала мелкой и средней буржуазии. Он не скупился на демагогические заявления и обещания, рассчитанные на завоевание голосов на выборах, и выступал «как сторонник либеральных реформ»¹⁷⁸. В своем предвыборном манифесте он заявил о необходимости

¹⁷⁵ C. E. Chapman. Op. cit., p. 484—485; L. H. Jenks. Op. cit., p. 311; C. Beals. Op. cit., p. 235. Кубинский историк Марио Ризра утверждает даже, что Мачадо вручил Сайясу 4 млн. песо (M. Riera. Op. cit., p. 317—318).

¹⁷⁶ «Heraldo de Cuba», 19.V 1924.

¹⁷⁷ «El Dia», 9.V 1922. Цит. по: L. H. Jenks. Op. cit., p. 270—271.

¹⁷⁸ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 570; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. I, p. 327.

пересмотра «поправки Платта» и выдвинул программу, главными пунктами которой были обязательства создать честное правительство, осуществить в широких масштабах общественные работы, не допустить дальнейшего увеличения государственного долга.

«Официальный национализм», — пишет Р. Смит, — был хорош для внутреннего употребления и, стремясь стать кандидатом в президенты, Херардо Мачадо постарался создать себе репутацию врага «поправки Платта». Однако «американские бизнесмены знали Мачадо и не беспокоились по поводу его будущей политики»¹⁷⁹.

В числе других обещаний Мачадо было обязательство покончить с коррупцией и не добиваться переизбрания президентом на второй срок. «Когда я передам власть своему преемнику после четырех лет пребывания на посту..., никакая сила на земле не сохранит меня на нем ни на один день больше», — заявил он. «Президент-либерал не может быть переизбран. Это теперь благородная традиция — самая благородная традиция этой партии»¹⁸⁰.

Единственным соперником Мачадо на состоявшихся 1 ноября 1924 г. выборах оказался кандидат консерваторов бывший президент М. Менокаль, растерявший к этому времени всякие остатки популярности. В этих условиях во всех провинциях, кроме Пинар-дель-Рио, победу одержал Мачадо. Сразу же после выборов он выехал в Вашингтон для встречи с президентом США Кулиджем и руководителями государственного департамента. Он заявил им, что одной из главных задач его правительства будет расширение экономических связей Кубы с Соединенными Штатами. В ответ ему была выражена надежда на то, что американские вкладчики капитала встретят на Кубе справедливое отношение. Как сообщал один из руководителей государственного департамента американскому послу на Кубе, Мачадо произвел в департаменте «благоприятное впечатление». Из Вашингтона будущий кубинский президент проследовал в Нью-Йорк, где был принят воротилами американского «большого бизнеса»¹⁸¹. 20 мая 1925 г. Мачадо вступил на пост президента республики.

Придя к власти, Херардо Мачадо щедро отблагодарил своих покровителей, дав «Электрик бонд энд шэйр компани» возможность скупить все мелкие электроэнергетические предприятия на острове. Затем брат Мачадо внес в конгресс проект

¹⁷⁹ R. Smith. Op. cit., p. 113.

¹⁸⁰ R. L. Buell. Op. cit., p. 38.

¹⁸¹ J. Le Riverend Brusone. La República: Dependencia y Revolución. tema XVII, p. 4.

закона о предоставлении «Кубинской электрической компании» «вечной» концессии и освобождении ее от всех налогов. В 1926 г. конгресс принял соответствующий закон. К началу 1930-х годов контролировавшиеся группой Моргана «Кубинская электрическая» и «Кубинская телефонная» компании почти полностью захватили в свои руки производство электроэнергии и газа, водопровод и телефонную сеть Кубы. Электрическая компания была также освобождена от обязанности страховать своих служащих. Ей давалась полная свобода устанавливать тарифы на электроэнергию по своему усмотрению. В результате плата за электроэнергию на Кубе была одной из самых высоких в мире — настолько высокой, что население многих кубинских городов вынуждено было отказываться от электрического освещения¹⁸².

Во время своей поездки в США Мачадо похвастал на банкете в отеле «Астор», что при нем ни одна забастовка на Кубе не продлится больше 24 часов¹⁸³. И уже спустя несколько месяцев после его прихода к власти журнал «Куба ревью» в статье под выразительным заголовком «Красный флаг не будет развеиваться над Кубой» сообщал, что «в течение последних тридцати дней» новое кубинское правительство «организовало облаву, предъявило обвинение, осудило и изгнало от 300 до 400 рабочих агитаторов... с территории Кубы»¹⁸⁴.

Под предлогом «борьбы с коммунизмом» правительство Мачадо установило в стране режим террора и обрушило на демократические силы жестокие репрессии. Главный удар был направлен против рабочего класса. Сотни иностранных рабочих-иммигрантов были высланы с Кубы как «агитаторы». Кубинская национальная рабочая конфедерация (КНОК) и многие отраслевые профсоюзы были запрещены, а их помещения разгромлены. Рабочие газеты закрывались. Стачки были объявлены вне закона и подавлялись военной силой. Специальный декрет запрещал собираться вместе более чем трем лицам.

Забастовка железнодорожников провинции Камагуэй была потоплена в крови. Рабочих выгоняли из домов силой и заставляли обслуживать поезда под угрозой штыков. Город Камагуэй был объявлен на военном положении. Восемь рабочих было убито, десятки получили ранения. После подавления этой стачки, длившейся 45 дней, положение стало еще более напряженным. В конце 1926 г. во время волнений в районе сентралья Морон (провинция Камагуэй) были зверски убиты и повешены на деревьях несколько десятков рабочих. Чтобы как-то прикрыть эту

¹⁸² Problems of the New Cuba, p. 398; C. Beals. Op. cit., p. 377—378.

¹⁸³ J. Le Riverend Brusone. La República: Dependencia y Revolución, tema XVII, p. 4; E. Fergusson. Cuba. New York, 1946, p. 254.

¹⁸⁴ Цит. по: R. Smith. Op. cit., p. 115.

кровавую расправу, власти заявили об «эпидемии самоубийств»¹⁸⁵.

Поражение забастовок железнодорожников в Камагуэе, а также на железной дороге компании Херши (январь 1926 г.) в значительной мере было вызвано предательством вожakov Братства железнодорожников — Х. Аревало, О. Диаса и др. В том же 1926 г. служащие американской «Кьюбэн телефон компани», главным образом женщины, пытаясь создать свой профсоюз, обратились к Братству железнодорожников за помощью. Будучи уверены в обещанной поддержке, они начали забастовку, требуя от компании признания профсоюза. Однако руководство Братства предало их. Стачка была проиграна, многие ее участники — уволены, а персонал телефонной компании так и остался без профсоюза¹⁸⁶.

В ответ на соглашательскую политику своих руководителей рабочие железнодорожных мастерских Гаваны создали внутри Братства железнодорожников «Группу борьбы за единство». Такие же группы были созданы в городах Матансас и Карденас. В числе участников их были и коммунисты. Эти группы ставили своей целью разоблачение предательских действий профсоюзной верхушки и вступление Братства железнодорожников в ряды КНОК. Недостатком этих групп долгое время было сектантство, неумение повести за собой широкие массы рабочих¹⁸⁷.

Правительство, стремясь расколоть рабочее движение и поставить его под свой контроль, широко использовало вожakov реформистских профсоюзов. В частности, с помощью двух оплачиваемых полицией ренегатов — Х. Аревало и Л. Фабрегата, проимпериалистических руководителей Американской федерации труда и связанной с ней Панамериканской рабочей конфедерации была создана так называемая Кубинская федерация труда (ФКТ) — реформистская, противостоящая КНОК организация, имевшая целью дезориентировать и парализовать рабочий класс¹⁸⁸.

Позже, когда платные агенты властей поссорились, не поделив подачки с хозяйского стола, Фабрегат основал так называемый Федеративный национальный рабочий союз — еще одну марионеточную организацию, претендующую на представительство интересов кубинского рабочего класса. О подлинном харак-

¹⁸⁵ Cuadernos de historia habanera: Curso de introducción a la Historia de Cuba, t. III, p. 454; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enseñanza Platt, t. I, p. 334.

¹⁸⁶ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 439, л. 2.

¹⁸⁷ По материалам ЦГАОР.

¹⁸⁸ ФКТ насчитывала 71 тыс. членов в 1928 г. M. Rama. Mouvements ouvriers et socialistes. L'Amérique Latine (1492—1936). Paris, 1959, p. 179.

тере ее свидетельствует выпускавший этой организацией листок «Аксьон социалиста», из номера в номер превозносивший в качестве «истинного друга рабочих» ...Херардо Мачадо.

Но уничтожить революционные профсоюзы не удалось. Национальная рабочая конфедерация Кубы ушла в подполье. И хотя число членов ее резко сократилось, она объединяла несколько десятков профсоюзов. Часть их находилась под влиянием коммунистов, другие — под влиянием анархо-синдикалистов. Национальная рабочая конфедерация Кубы представляла собой революционную, классовую, антиимпериалистическую тенденцию в деле организации трудящихся, которых она стремилась объединить¹⁸⁹.

Особенно свирепо расправлялись палачи Мачадо с коммунистами. 28 августа 1925 г., то есть почти с самого момента своего рождения, Коммунистическая партия Кубы была объявлена вне закона. Против ее руководителей возбуждались судебные процессы, они подвергались жестокому преследованиям. Как правило, арестованных коммунистов попросту убивали, даже не оправдывая это «попыткой к бегству».

7 ноября 1925 г. во время выступления на митинге, посвященном годовщине Октябрьской революции, был арестован пламенный борец за свободу своего народа Хулио Антонио Мелья. Полиция готовила убийство его в тюрьме, но народ не позволил осуществить этот план. В стране поднялось широкое движение протеста. Рабочие, студенты, школьники устраивали забастовки, демонстрации, митинги на улицах городов. Сам Мелья объявил голодовку. Весть об этом, прорвавшись сквозь стены тюрьмы, облетела все страны Латинской Америки и вызвала там волну возмущения. Посольства Кубы получали сотни телеграмм и писем протеста. Студенты Буэнос-Айреса заставили муниципалитет аргентинской столицы принять резолюцию с требованием освободить Мелью. На Кубе был создан Комитет за освобождение Мельи. Адвокатом молодого лидера кубинских коммунистов стал Рубен Мартинес Вильена. Напуганные народным движением, власти на 19-й день голодовки освободили Мелью и отправили в больницу, где жизнь его днем и ночью охраняли рабочие и студенты. В начале 1926 г., восстановив свое здоровье, он был вынужден временно покинуть Кубу.

Мелья выехал в Гондурас, оттуда — в Гватемалу и, наконец, в Мексику. Там он вскоре стал членом Центрального Комитета Компартии Мексики и одним из организаторов Всеамериканской антиимпериалистической лиги. В качестве члена Исполкома МОПРа он вел активную работу в его мексиканской секции.

¹⁸⁹ Государственный музей Революции СССР (далее — ГРМ СССР), 30207/649, Л-614-46.

Балиньо от последнего заключения. Так, на боевом посту умер старейший деятель кубинского рабочего движения, сподвижник Хосе Марти, один из основателей Коммунистической партии Кубы Карлос Балиньо, отдавший все силы делу освобождения своей родины и своего класса¹⁹¹.

Однако надежды Мачадо на то, что ему удалось «покончить с коммунистами» на Кубе не оправдались. Ни изгнание Мельи, ни кончина К. Балиньо, ни самые жестокие преследования коммунистов не смогли поколебать их решимости продолжать борьбу за освобождение рабочего класса и всего кубинского народа. Коммунистическая партия продолжала существовать в подполье и постепенно стала оказывать все возрастающее влияние на развитие рабочего и антиимпериалистического движения в стране.

Репрессии затронули не только рабочие, но и студенческие и другие организации. Власти распустили Студенческую федерацию, закрыли Народный университет имени Х. Марти. Запрещалась деятельность даже буржуазных оппозиционных партий и вводилась жесточайшая цензура. Функции конгресса были сведены до минимума. Законодательство осуществлялось главным образом посредством декретов самого правительства, получавшего периодически соответствующие полномочия от конгресса. Это представляло широчайшие возможности для произвола. «Если кто-нибудь может олицетворять собой концепцию насильственной и неограниченной власти на наших злосчастных землях,— писал в 1952 г. Рауль Роа,— то это, несомненно, Херардо Мачадо. Ни Порфирио Диас, ни Мануэль Эстрада Кабрера, ни Хуан Висенте Гомес, ни Аугусто Легия не превзошли его в использовании этой власти, в злоупотреблении этой властью на манер римских императоров. Его превзошел лишь Рафаэль Леонидас Трухильо, эта язва на теле Америки, вызывающая омерзение у всего мира»¹⁹².

Мачадо старался подражать фашистскому диктатору Италии и с гордостью именовал себя «антильским Муссолини». Но народ дал ему клички «мясника» и «Нерона XX века». Мачадо называли также «президентом тысячи убийств», так как политические убийства на улице, дома или в тюрьме «при попытке к бегству» стали при нем самой обычной вещью. В изданном в 1928 г. Ассоциацией новых кубинских революционных эмигрантов в Мексике плакате о терроре на Кубе отмечалось, что в годы первого президентства Мачадо были убиты и «исчезли» при таин-

¹⁹¹ G. J. Garcia Galló. Op. cit., p. 206—207.

¹⁹² R. Roa. Op. cit., t. II, p. 175, 176. П. Диас, М. Эстрада Кабрера, Х. Висенте Гомес, А. Легия — диктаторы Мексики, Гватемалы, Венесуэлы и Перу. Р. Л. Трухильо в 1930—1961 гг. — диктатор Доминиканской республики.

ственных обстоятельствах более 200 рабочих и студенческих лидеров, прогрессивных журналистов, редакторов газет, издателей, юристов, профессоров университета и даже членов кубинского конгресса, осмелившихся как-либо выразить свое недовольство режимом Мачадо, в том числе: один из основателей КНОК — генеральный секретарь Рабочей федерации Гаваны и профсоюз текстильщиков Альфредо Лопес; руководители профсоюзов железнодорожников и рабочих сахарных заводов Э. Варона и К. Думениго; американский рабочий железнодорожник Т. Грант; журналисты и издатели А. Андре и Б. Сагаро; участник войны за независимость Кубы генерал Блас Масо и др.¹⁹³

В 1927 г. рыбаки в окрестностях Гаваны извлекли из внутренних пойманной акулы руку одного из «пропавших без вести» — лидера профсоюза табачников. Жена погибшего опознала эту руку по рукаву. Так мир узнал страшную правду о «таинственных исчезновениях» политических противников Мачадо, возродившего применявшийся испанцами средневековый метод расправы без суда: трупы заключенных, замученных в застенках старинной крепости Морро, прикрывавшей подступы к Гаване с моря, выбрасывались по ночам через люк в воды Гаванского залива на съедение акулам.

В марте 1927 г. издатель газеты «Интернэйшнл лейбор ньюс» (органа Американской федерации труда) и один из секретарей Панамериканской федерации труда — Честер Райт, человек весьма далекий от симпатий к коммунизму, опубликовал в США отчет о 147 политических убийствах, совершенных подручными Мачадо. О терроре на Кубе заговорила «большая пресса». Портовые рабочие Нью-Йорка отказались разгружать поступающий с Кубы сахар. Тогда Мачадо поспешил в Вашингтон, где он встретился с председателем Американской федерации труда У. Грином. После встречи Грин заявил, что условия жизни кубинских рабочих «будут улучшены». И хотя в действительности они продолжали из года в год ухудшаться, вожаки Американской федерации труда больше ни разу так и не подняли своего голоса в защиту рабочего класса Кубы, против террора Мачадо.¹⁹⁴

Между тем прогрессивные и либеральные круги Соединенных Штатов все громче выражали возмущение по поводу «царства террора» на Кубе. В апреле 1928 г. сенатором от фермерско-рабочей партии Г. Шипстедом (штат Миннесота) была внесена на рассмотрение сената США резолюция о расследовании претензий американских граждан к кубинскому правительству. Эта резолюция, по словам американского буржуазного историка,

¹⁹³ ГМР СССР, плакатный фонд. Мексика. 30682/312, ш. 11, п. 1.

¹⁹⁴ L. A r a q u i s t a i n. Op. cit., p. 285.

«включала перечень обвинений против правительства Мачадо, который читался почти как манифест оппозиции»¹⁹⁵. Шипстед открыто называл режим Мачадо диктатурой и обвинял диктатора в политических убийствах, подавлении оппозиции, закрытии университета, превращении правосудия в фарс и т. д.¹⁹⁶.

Кровавая диктатура Мачадо опиралась внутри страны на профессиональную армию. Став президентом, Мачадо удалил из нее всех нелояльных лично к нему офицеров. Офицерский корпус, обученный в военных академиях США, был поставлен в привилегированное положение. Офицеры получали жалованье более высокое, чем в американской армии, хорошее обмундирование, имели комфортабельные дома, слуг и возможность покупать многие вещи ниже их цены. Даже рядовой солдат, несмотря на муштру, находился в гораздо более привилегированном положении и получал большее жалованье, чем обычный кубинец-трудящийся. Достаточно сказать, что армейский мул получал продовольственный паек из расчета 38 сентаво в день, тогда как больной в государственной больнице — из расчета 12 сентаво в день¹⁹⁷.

«Пятнадцать тысяч кубинцев находятся в армии... и образуют особую касту, пользующуюся наиболее выгодным положением, какое может иметь сегодня кубинец. Иногда их положение может считаться почти таким же выгодным, как положение американского подданного на Кубе», — писал кубинский историк¹⁹⁸. Армия поглощала до 1/4 национального бюджета, хотя никаких внешних врагов Куба не имела и по Постоянному договору 1903 г. находилась под защитой США.

Однако в гораздо большей мере, чем армия, Мачадо поддерживал Уолл-стрит. Принятая в июле 1925 г. и широко разрекламированная «программа общественных работ» дала ему поддержку многих слоев буржуазии, в том числе мелкой, и в определенной степени увеличила занятость рабочих. Наряду с использованием националистической демагогии это обстоятельство способствовало созданию относительно широкой социальной базы, которой располагала клика Мачадо в первые годы его правления. Но финансирование этой программы требовало крупных средств. Для того чтобы получить их, Мачадо, вопреки одному из своих главных предвыборных обещаний — «никаких

¹⁹⁵ R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 191.

¹⁹⁶ «Congressional Record», 70 Congress, 1 Session, v. 69, part 6, p. 6591.

¹⁹⁷ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2140.

¹⁹⁸ Цит. по: A. C. Wilgus. The Caribbean Area. Washington, 1934, p. 180. Кроме армии, существовала «сельская гвардия» в 13,2 тыс. человек. См.: República de Cuba. Memoria de la administración del presidente de la República de Cuba Gerardo Machado y Morales durante periodo comprendido entre el 1 de julio 1928 y el 20 de mayo de 1929. La Habana, 1930, p. 511, 523.

иностранных займов», обратился к американским банкирам. Нарушив конституцию, требующую утверждения всякого иностранного займа конгрессом, он без санкции последнего заключил три займа из расчета 5,5% и 6% годовых у «Чейз нэйшнл банка» (в феврале 1927 г., июне 1928 г. и феврале 1930 г.), а также заем в 9 млн. долл. из расчета 5,5% годовых у банкирского дома Моргана (июль 1927 г.)¹⁹⁹.

Двумя главными объектами обширного плана общественных работ, под предлогом осуществления которого делались эти займы, были Центральное шоссе и Капитолий — новое здание кубинского конгресса. Кроме того, предусматривались реконструкция набережной Малекон в Гаване, строительство водопровода в городе Сантьяго и т. д.²⁰⁰ Центральное шоссе, протянувшееся с запада на восток через весь остров, сооружалось более четырех лет и обошлось в 110 (а по некоторым данным даже в 120) млн. долл.²⁰¹

Став крупнейшей транспортной артерией, связавшей многочисленные местные дороги, Центральное шоссе, несомненно, способствовало в последующие десятилетия развитию экономики и росту населения многих районов страны. Но имела и более непосредственная причина, обусловившая заинтересованность Мачадо и его вашингтонских покровителей в строительстве этой шоссеиной дороги — ее стратегическое значение. Как отмечал советский исследователь Л. Зубок, к планированию Центрального шоссе приложило руку военное министерство США²⁰². Л. Дженкс еще в 1927 г. подчеркивал, что «это шоссе увеличит способность кубинского правительства использовать свои вооруженные силы для подавления местных беспорядков»²⁰³, т. е., иначе говоря, облегчит диктатору возможность расправы с любым народным движением, направленным против него.

Огромное здание конгресса, построенное на проспекте Марти, в центре Гаваны, обошлось кубинскому народу в 20 млн. долл. Оно копировало вашингтонский Капитолий и на украшение его не пожалели ничего, вплоть до перламутровых инкрустаций в фойе. Не надеясь на «благодарных потомков», Мачадо решил увековечить себя в их памяти сам. Все остальные проек-

¹⁹⁹ «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 84; R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 238—239; C. Beals. Op. cit., p. 333—334, 370.

²⁰⁰ «Gaceta oficial de la República de Cuba». Edición extraordinaria (La Habana), 16.VIII 1925.

²⁰¹ República de Cuba. Presidencia. Manifiesto al Pais del presidente de la República General Gerardo Machado y Morales al iniciar el periodo presidencial de 1929 a 1935. La Habana, 1929, p. 23; «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2140.

²⁰² Л. Зубок. Указ. соч., стр. 302.

²⁰³ L. H. Jenkins. Op. cit., p. 275.

ты, предусмотренные программой общественных работ, так и не были осуществлены.

Строительство Центрального шоссе и Капитолия сопровождалось коррупцией и взяточничеством²⁰⁴. Оно оказалось подлинной кормушкой для всякого рода местных дельцов, связанных с режимом Мачадо, и для самого диктатора, которому принадлежала одна из строящих шоссе фирм, а также для американских строительных фирм (в частности, бостонской фирмы «Братья Уоррен» и др.). Но, как всегда, наибольший куш достался крупным хищникам — акулам с Уолл-стрит, «организовавшим» займы правительству Мачадо.

В период правления Мачадо внедрение американского капитала на Кубу происходило интенсивнее, чем когда-либо прежде. Займы, полученные Кубой в США при всех предыдущих президентах от Эстрада Пальма до Сайяса, вместе взятые, составляли 111 млн. долл. Общая же сумма займов, полученных правительством Мачадо, достигла 146 млн. долл.²⁰⁵ «Эти займы... увеличивали экономическое и политическое господство империалистов. В обмен на эти займы Куба должна была соглашаться на то, что любой северо-американский посол отдавал по телефону приказы кубинским правителям»²⁰⁶. В результате еще больше укрепился контроль американских банков над кубинской экономикой и еще больше усилилась зависимость кубинских помещиков и буржуазии от американского капитала.

С «Чейз нэйшнл банком» Мачадо был связан лично, через своего зятя — Х. Э. Обрегон-и-Бланко, сделанного одним из управляющих гаванским отделением этого банка, с годовым окладом в 19 тыс. долл. Американский журнал «Нэйшнл» писал о нем: «Зять Мачадо служил в «Чейз нэйшнл банке» на высокооплачиваемой должности, хотя, по словам одного из вице-президентов банка, «с деловой точки зрения он был совершенно бесполезен», не имея никаких способностей «к банковскому делу... Если бы не платили ему жалованья, президент должен был бы давать ему на содержание»²⁰⁷. «Чейз нэйшнл банк» передал зятю Мачадо десятки тысяч долларов для подкупа газет и отдельных влиятельных лиц, выступавших в пользу заключения займов у этого банка. Одним из таких лиц, получавших комиссии от «Чейз нэйшнл банка», был уже упоминавшийся Ген-

²⁰⁴ Известно, в частности, что общая сумма взяток, связанных со строительством шоссе, достигла 30 млн. долл., а со строительством Капитолия — 12 млн. долл.

²⁰⁵ «Hoy», 12.VIII 1964; G. Gutierrez. Op. cit., p. 226.

²⁰⁶ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional, p. 192.

²⁰⁷ «Nation», v. 137, 8.XI 1933, p. 525; см. также А. Кан. Измена родине. М., 1951, стр. 101.

ри Кэтлин из «Кубинской электрической компании», тесно связанный с Мачадо как лично, так и «деловыми» узлами²⁰⁸.

В результате расследования, проведенного сенатским комитетом конгресса США, вскрылось, что «Чейз нэйшнл банк» тайно, но с ведома государственного департамента и посла США в Гаване предоставлял Мачадо личные займы и передал ему (через зятя Х. Э. Обрегону) взятку в 0,5 млн. долл. за устройство 50-миллионного займа Кубе. Только до 1933 г. банк «заработал» на этом займе 3,5 млн. долл. чистой прибыли. Выяснилось также, что банк открыл специальный кредит, достигавший нескольких миллионов долларов, двум принадлежавшим Мачадо фирмам и предоставлял личные займы некоторым министрам кубинского правительства (в частности, Карлосу Мануэлю де Сеспедес)²⁰⁹.

По свидетельству английской газеты «Манчестер гардиэн», ссылавшейся на заявление сенатского комитета, руководители «Чейз нэйшнл банка» всячески стремились предотвратить расследование законности займов, предоставленных банком Кубе²¹⁰, но не смогли добиться этого. «В ходе расследования отношений между «Чейз нэйшнл банком»... и правительством Кубы,— сообщала лондонская «Таймс»,— сенатский комитет... представил в качестве доказательств письма из дел банка, показывающие, что банк сделал большие займы генералу Мачадо... и его компаниям, что Мачадо воспользовался 9 млн. долл. из кредитного фонда в 12 млн. долл. и что государственный департамент в Вашингтоне был об этом осведомлен. Дефицит в кредитном фонде, как писал один сотрудник «Чейз нэйшнл банка» другому, «беспокоит президента и наш государственный департамент»²¹¹.

Сенатор Х. Лонг, выступая в комитете по расследованию, прямо заявил, что «Чейз нэйшнл банк», за которым стоят Рокфеллеры, Винсент Астор и другие, навязывал Кубе через Мачадо незаконные займы. О взятках, дававшихся Мачадо, и о его связях с американскими финансовыми и сахарными интересами говорилось также и в палате представителей американского конгресса²¹². Диктатор и его клика обогащались за счет кубин-

²⁰⁸ C. Beals. Op. cit., p. 372—373; J. Le Riveré et Brusone. La República: Dependencia y Revolución, tema XVIII, p. 4.

²⁰⁹ «Senate Reports», 73 Congress, 2 Session, v. 3. Report № 1455, p. 215 (Washington, 1934); «Daily Worker», 26.VII, 25.X 1933.

²¹⁰ «Manchester Guardian», 20.X 1933.

²¹¹ «Times», 26.X 1933.

²¹² «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 2, p. 2140, part 3, 3231. «Взвешивая за размещение кубинских «ценных бумаг» в Соединенных Штатах, «Чейз нэйшнл банк» умалчивал о деспотическом характере правления Мачадо и об угрожающем состоянии экономики Кубы»,— пишет А. Кан (А. Кан. Указ. соч., стр. 101).

ского народа. Они захватили также в свои руки монополию на поставку населению Гаваны и других городов хлеба, мяса и молока. К 1933 г. на счету Мачадо в Английском банке и ряде американских банков имелось около 5 млн. долл. золотом. Его недвижимая собственность на Кубе оценивалась в 9 млн. долл.²¹³

Расплачивался за все это народ. В результате финансовой политики правительства Мачадо государственный долг Кубы только за время его первого президентства увеличился на 86 млн. долл., т. е. удвоился. А к 1932 г. он достиг почти 300 млн. долл.²¹⁴ Зато диктатор мог быть спокоен. Американские банки и монополии желали сохранить и увеличить полученные при нем привилегии, а также обеспечить уплату процентов по займам, заключенным его правительством. Для этого им нужен был установленный на Кубе режим военной диктатуры. Даже буржуазный американский историк Д. Мур вынужден признать, что если бы не кабальные займы у американских банков, то правительство Мачадо, несомненно, пало. До тех пор, пока выплачивались проценты по этим займам, Мачадо мог рассчитывать на поддержку банкиров, а следовательно, и Вашингтона. Он был не более чем «администратором американского финансового феодализма» на Кубе²¹⁵ и являлся марионеткой Уолл-стрит в еще большей мере, чем любой из предыдущих кубинских президентов.

В июне 1927 г. Мачадо снова заявил, что не станет добиваться переизбрания президентом на второй срок. «... Человек, чьи уста никогда не были осквернены ложью,— патетически уверял он,— считал бы бесчестьем после двадцатипятилетней политической деятельности, в течение которой он... выступал против принципа переизбрания, принять теперь этот принцип для себя»²¹⁶. Однако в действительности это и другие подобные заявления были всего лишь дымовой завесой, призванной прикрыть до поры до времени подлинные цели диктатора. На самом деле Мачадо, который, по словам корреспондентки «Нью-Йорк Таймс» в Гаване Руби Харт Филлипс, «был хитер как Макиавелли» и «неразборчив в средствах», давно уже вел подготовку к своему переизбранию президентом на второй срок.

²¹³ «Daily Herald» и «Manchester Guardian», 14.VIII 1933; «La Prensa» (Buenos-Aires), 18.X 1933.

²¹⁴ Problems of the New Cuba, p. 9, 381; А. Томас, История Латинской Америки. М., 1960, стр. 497.

²¹⁵ См.: D. R. Moore. A History of Latin America. New York, 1945, p. 620—621.

²¹⁶ Цит. по: A. N. Christensen. The Evolution of Latin American Government. New York, 1951, p. 431.

Еще в декабре 1925 г. через конгресс был проведен закон, практически запретивший реорганизацию старых и создание новых политических партий и передавший контроль над существующими партиями в руки членов конгресса, избранных от этих партий²¹⁷. А для того, чтобы поставить в зависимость от себя членов конгресса, Мачадо вручал им на льготных условиях определенное число билетов национальной лотереи, которые они продавали с большой выгодой для себя. Конгрессменов, отказывавшихся подчиниться его воле, лишали их доли билетов, а оппозиционно настроенных членов конгресса просто бросали в тюрьмы. Диктатор убирал их со своего пути любыми средствами вплоть до убийства²¹⁸.

После того, как во главе Консервативной, Народной и Либеральной партий оказались послушные ему люди, Мачадо уже не стоило особого труда — путем умелого распределения должностей, а также методами запугивания и террора — установить полный контроль над аппаратом всех трех партий и превратить их в послушное орудие своей политики. Избрание новых руководителей партий было категорически запрещено.

Следующим шагом было внесение в конгресс (в марте 1927 г.) проекта нескольких поправок к конституции, продлевавших срок пребывания президента у власти с четырех до шести лет, срок полномочий членов нижней палаты — с четырех до шести лет, а сенаторов — с шести до девяти лет. Удлинялись также сроки пребывания в должности губернаторов провинций, мэров, муниципальных советников и других должностных лиц. Число сенаторов от каждой провинции увеличивалось с четырех до шести. Пост вице-президента упразднялся. Остров Пинос формально включался в состав территории республики²¹⁹.

В демагогических целях Мачадо, став президентом, продолжал время от времени выступать с заявлениями, осуждающими «поправку Платта». Кубинцы ненавидели ее. Агитацию за отмену «поправки» вели как демократические организации, так и «Лига борьбы против поправки Платта» и кубинские газеты, связанные с антиимпериалистически настроенными буржуазными и мелкобуржуазными кругами²²⁰. Но на самом деле диктатор меньше всего мог желать действительной отмены «поправки». Не случайно У. Липпман, охарактеризовав правительство Мачадо как «оголтелую диктатуру с интенсивной способностью тратить общественные деньги», писал, что «оно не в состоянии даже сделать гримасу перед государственным департаментом,

²¹⁷ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2134—2140; Manual de capacitación cívica, p. 207.

²¹⁸ M. Riera. Op. cit., p. 350; «Current History», V 1930, v. 32, p. 257.

²¹⁹ Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 66—68.

²²⁰ «Foreign Affairs», I 1928, v. 6, № 2, p. 236—237.

так как, подавляя всякую видимость политической оппозиции у себя дома, оно видит в поправке Платта свою последнюю защиту против неизбежной, иначе, революции»²²¹.

Тем не менее, готовя свое «переизбрание», Мачадо не преминул попытаться использовать в спекулятивных целях патриотические чувства кубинцев. По его указанию в феврале 1927 г. кубинский посол в Вашингтоне О. Феррара заявил государственному департаменту США, что «поправка Платта» ущемляет независимость Кубы и создает впечатление, «будто она недостаточно суверенна». Но Феррара отнюдь не требовал ликвидации ненавистой «поправки». Он добивался лишь изменения ее формы с тем, чтобы Куба «лучше выглядела перед миром». Столь же робко посол выразил надежду на «изменение статуса» базы США в Гуантанаме²²².

Однако Мачадо был осторожен и одновременно с подобными «демаршами» поспешил заверить государственный департамент в том, что его «чувства в отношении поправки Платта» не влияют на его убеждение относительно того, что «благополучие Кубы тесно переплетено с интересами Соединенных Штатов». Поэтому в Вашингтоне смотрели на его «национализм» и «критику» им «поправки Платта» сквозь пальцы, понимая, что все это предназначено для «внутреннего употребления» и что дальше словесных «осуждений» Мачадо не пойдет. «Х. Мачадо освоил убранство кубинского национализма и использовал его в интересах проамериканской политики,— пишет Р. Смит.— Таким путем он стал для американских деловых кругов самым воплощением кубинской стабильности... В период с 1925 по 1930 г. американские бизнесмены превозносили «деловой национализм» Мачадо»²²³.

Между тем намерение Мачадо продлить свое пребывание у власти вызвало уже в 1927 г. многочисленные протесты на Кубе. «Весной 1927 г. происходили демонстрации и студенческие митинги с требованием отмены закона 29 марта, предусматривавшего продление полномочий президента»²²⁴. Гаванские студенты публично чествовали видного философа, педагога и политика Энрико Хосе Варона (1849—1933), возглавившего эти протесты, и организовали «Университетский студенческий директорат против продления власти», выступивший против переизбрания Мачадо на второй срок. В числе его основателей были Г. Бар-

²²¹ «Foreign Affairs», VII 1928, v. 6, № 4, p. 543.

²²² Memorandum: Conversation between Orestes Ferrara and Stokely W. Morgan, 21.II 1927. National Archives. Doc. № 611. 3731/234. См.: R. Smith. Op. cit., p. 120.

²²³ R. Smith. Op. cit., p. 113.

²²⁴ А. Нуньес Хименес. Крах тирании Мачадо. «Новая и новейшая история», 1962, № 6, стр. 53.

село, Э. Чибас, Л. Ариссо, О. Эрнандес, такой выдающийся боец за свободу и независимость Кубы, как Антонио Гитерас, и др. Студенческий директорат пользовался поддержкой со стороны прогрессивной части профессуры. В декабре 1927 г. Директорат обратился с манифестом к народу Кубы, а в апреле 1928 г. — с манифестом к прессе и студенчеству Америки. В этих документах разоблачался диктаторский режим, установленный Мачадо на Кубе²²⁵.

В мае 1927 г. группа «мнористов» — молодых прогрессивно настроенных интеллигентов, возглавлявшихся Рубеном Мартинес Вильена (вступившим к этому времени в члены Компартии Кубы) — выступила с получившим широкую отклик в стране манифестом, призывавшим к пересмотру «устаревших ложных ценностей» и к радикальным реформам в области просвещения, культуры и искусства, а также к экономической независимости от американского империализма, к дружбе и союзу латиноамериканских наций. Манифест осуждал установленный Мачадо диктаторский режим и требовал улучшения положения трудящихся. В том же году «мнористы» взамен закрытого властями журнала «Куба контемпоранса» стали издавать новый — «Ревиста де Авансе»²²⁶.

Правительство ответило арестом под предлогом «коммунистического заговора» большой группы студентов и представителей интеллигенции. Гаванский университет был закрыт и занят войсками.

В том же 1927 г. в Гаване вышла выдержавшая впоследствии не одно издание книга крупного кубинского историка и экономиста Рамиро Герра-и-Санчеса «Сахар и население Антильских островов». Эта книга, убедительным языком цифр и в то же время достаточно ярко показавшая, как в результате проникновения и господства американского капитала Куба превратилась в страну монокультуры, в сырьевой придаток Соединенных Штатов, несомненно, помогла многим кубинцам, и особенно представителям передовой учащейся молодежи, увидеть, кто является главным врагом кубинского народа.

Не затихало и рабочее движение. В эти годы имела место серия забастовок. Бастовали текстильщики, шляпники, обувщики и другие рабочие. Действовавшая в условиях подполья КНОК, перехитрив ищеек Мачадо, направила в Москву, на

²²⁵ Directorio Estudiantil Universitario. Contra la prorroga de poderes. Al Pueblo de Cuba (La Habana). Без даты. Нелегальное издание; L. Araquistain. Op. cit., p. 272—286; R. Roa. Op. cit., t. II, p. 81—85, 176—177.

²²⁶ R. Roa. Op. cit., t. I, p. 123; Facetas de la vida de Cuba republicana, 1902—1952. La Habana, 1954, p. 61. В числе авторов манифеста были Хуан Маринельо, Э. Ронг де Леучсенринг, Алехо Карпентьер и др.

празднование десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, большую профсоюзную делегацию, посетившую многие города Советского Союза. Кубинские коммунисты развернули кампанию поддержки борьбы партизан Никарагуа, возглавляемых А. Сандино, и выступили летом 1927 г. с Обращением к народу, призывающим к свержению режима Мачадо. Но предателям Фабрегату и Аревало удалось временно расколоть кубинское рабочее движение, что значительно облегчало властям борьбу с ним²²⁷.

Тем не менее не приходится сомневаться в том, что Мачадо едва ли решился бы действовать в вопросе о своем переизбрании на второй президентский срок так нагло, если бы не был твердо уверен в поддержке со стороны своих покровителей в Вашингтоне и на Уолл-стрит. Об этом свидетельствуют документы. В частности, 14 февраля 1927 г. посол США в Гаване Э. Краудер, сообщая государственному секретарю Келлогу о том, что Мачадо старается установить «отношения самого тесного сотрудничества с Соединенными Штатами», уверял Келлога, будто большинство кубинцев настроено в пользу переизбрания Мачадо президентом на второй срок, и поэтому следовало бы дать последнему «неофициальные заверения» относительно того, что государственный департамент не будет возражать против его переизбрания²²⁸.

Весной 1927 г. Мачадо совершил поездку в США, где был принят самым гостеприимным образом. Завтраки в его честь были даны правлениями «Чейз нэйшнл банка», «Нэйшнл сити банка», «Электрик бонд энд шэир компани» и другими связанными с бизнесом на Кубе корпорациями, а также Ассоциацией экспортеров и импортеров и Нью-Йоркской торговой палатой. На одном из таких завтраков, в ответ на заверение Мачадо в том, что при нем американский капитал на Кубе защищен «от всех бурь», представитель финансовой группы Моргана, миллионер и министр торговли США, Томас Ламонт поднялся со своего места и от имени всех присутствующих выразил надежду на то, что кубинцы найдут путь для того, чтобы сохранить такого «хорошего правителя», как Мачадо, на его посту «неограниченное время»²²⁹. А другой миллионер, глава и член правлений целого ряда корпораций, У. Вудин заявил, что пребывание на посту президента Кубы, бизнесмена, «чрезвычайно вы-

²²⁷ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 209, л. 1; ф. 5451, оп. 13, д. 239, л. 70; ГМР СССР, 30207/666, Г-615-11 ы; «Fundamentos», IX 1950, № 102, p. 873.

²²⁸ Crowder to Kellog, 14.II 1927. Personal y Confidential. National Archives. Doc. N 837.00/2627. Цит. по: R. S m i t h. Op. cit., p. 116.

²²⁹ «New York Times», 29.V 1927.

годно для нас», остается лишь пожелать, чтобы так было в других странах²³⁰.

Когда в ходе переговоров Мачадо в Вашингтоне встал вопрос о новых поправках к кубинской конституции, президент Кулидж заявил, что «Соединенные Штаты хотят лишь того, чтобы народ Кубы имел бы такие правительство и конституцию, какие он сам желает»²³¹. Иначе говоря, Белый дом фактически одобрил планы Мачадо, и он мог действовать спокойно. В октябре 1927 г. поверенный в делах США на Кубе Г. Уильямсон в конфиденциальном отчете о положении на острове, помеченном грифом «совершенно секретно», выражал твердую уверенность в том, что Мачадо сохранит за собой власть. «Достаточно отметить,— писал он,— что генерал Мачадо как искушенный политик... и энергичный и способный глава исполнительной власти может практически диктовать свою волю конгрессу... Сейчас, по моему мнению, можно почти не сомневаться в том, что конституционные поправки будут приняты... Если он будет править как прежде, то у него окажется достаточно свободы и возможностей для того, чтобы сделать для Кубы все, что может сделать при нынешней политической ситуации на этом острове... глава исполнительной власти, пользующийся полудиктаторской властью»²³².

По статье 115-й конституции 1901 г. поправки к конституции, по одобрении их $\frac{2}{3}$ голосов членов конгресса, должны были быть переданы на утверждение специально избранному Учредительному собранию. На выборах в него, состоявшихся в марте 1928 г., все три партии провели туда людей, угодных Мачадо. А в мае того же года Учредительное собрание, несмотря на возражения крупнейших юристов Кубы, заявивших, что это противоречит требованиям конституционной процедуры, проголосовало за продление срока пребывания в должности президента и других должностных лиц, а также срока полномочий сенаторов и конгрессменов. Кроме того, в специальной резолюции делегаты Учредительного собрания перечисляли «заслуги» «спасителя республики» Мачадо и просили его «в порядке исключения» согласиться на переизбрание президентом²³³.

Упрочив свое владычество при помощи займов, импортированных бронированных автомобилей и безжалостной тайной полиции, Мачадо не только нарушил данное при вступлении в должность обещание не выставлять своей кандидатуры для

²³⁰ «New York Times», 28.IV 1927.

²³¹ «Foreign Relations — 1927», v. 2. Washington, 1942, p. 527.

²³² Harold Williamson to Kellog, 5.X 1927. Strictly Confidential. National Archives. Doc. № 711.37/109. Цит. по: R. Smith. Op. cit., p. 117.

²³³ Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 69, p. 71—72; «Foreign Relations — 1927», v. 2, p. 519.

переизбрания, но и настоял на изменении конституции с целью продлить срок своих собственных полномочий и полномочий своих приспешников в конгрессе до шести лет», — пишет Томас²³⁴. На президентских «выборах», в ноябре 1928 г., единственным кандидатом от всех трех партий был Херардо Мачадо. Так он стал президентом на второй срок — с 20 мая 1929 г по 20 мая 1935 г. Архиепископ Гаваны монсеньор Руис, читая молитвы, включал в них фразу: «Бог в небе и Мачадо на земле».

Буквально за несколько дней до выборов на Кубе поверенный в делах США в Гаване сообщал в государственный департамент, что президент Мачадо «превратился в правителя, напоминающего худший тип латиноамериканского диктатора»²³⁵. И тем не менее, правящие круги США позволили Мачадо выбросить за борт мешавшие ему статьи конституции 1901 г. и захватить власть еще на шесть лет. Это было сделано не только для того, чтобы обеспечить выплату прибылей американским банкам и корпорациям, вложившим капитал на Кубе, но и еще по одной причине. В 1928 г. в Гаване созывалась шестая пан-американская конференция. Между тем интервенция США в Никарагуа и вся их политика в Латинской Америке настолько усилила враждебность латиноамериканцев к «империализму янки», что на этой конференции ожидалась гораздо более острая критика Соединенных Штатов, чем та, которой подверглась делегация США на пятой панамериканской конференции в 1923 г. Правительства ряда латиноамериканских республик, вообще, собирались бойкотировать гаванскую конференцию. Антиимпериалистическая лига Америки в манифесте, подписанном знаменитым мексиканским художником Диего Ривера и венесуэльским общественным деятелем Густаво Мачадо, обратилась к народам Латинской Америки с призывом потребовать вывода войск США из Никарагуа и Гаити, ликвидации кабальных договоров, ограничивавших суверенитет Панамы, Доминиканской республики, Пуэрто-Рико, добиваться, чтобы делегаты латиноамериканских стран решительно отстаивали интересы своих народов на конференции в Гаване²³⁶.

Вопросы, связанные с проведением шестой панамериканской конференции, как раз и были главной темой совещаний в Вашингтоне, ради которых Мачадо совершил свой вояж в США весной 1927 г. На этих совещаниях кубинский диктатор получил инструкции относительно того, как он должен был действо-

²³⁴ А. Томас. Указ. соч., стр. 497.

²³⁵ Делема № 474 от 29.X 1928. National Archives. Doc. № 837.00/2714. Цит. по: В. Wood. The Making of the Good Neighbour Policy. New York, 1961, p. 376.

²³⁶ ГМР СССР, 30207/840, Л-М72в-4;

вать, чтобы помочь осуществлению планов Вашингтона, связанных с конференцией в Гаване. Официальным же результатом поездки было переданное Мачадо его «большому другу» президенту Кулиджу приглашение почтить конференцию своим присутствием.

Вскоре после отъезда Мачадо домой кубинский посол в Вашингтоне О. Феррара распустил слухи о том, что на предстоящей конференции с согласия США будет поднят вопрос о ликвидации «поправки Платта» и что поддержка со стороны всех участников конференции позволила бы государственному департаменту США поставить этот вопрос перед американским конгрессом. Одновременно кубинский дипломат М. Маркес Стерлинг был направлен в страны Южной Америки с целью убедить правительства южноамериканских республик в том, что Куба нуждается в их участии и помощи на конференции, которая должна освободить кубинцев от «поправки Платта». В результате, когда «блестящая плеяда государственных деятелей американского «просперити» — Кулидж, Юз, Келлог и Морроу — сошла в управляемое штыками царство Мачадо»²³⁷ и конференция начала свою работу, на ней — впервые в истории Панамериканского союза — присутствовали делегаты от всех 20 республик Латинской Америки.

На самой Кубе также была проведена необходимая подготовка. В ноябре 1927 г. был вновь закрыт и занят солдатами Гаванский университет. В декабре кубинским газетам было строжайше запрещено касаться таких деликатных тем, как политика США в Никарагуа, Мексике, Гаити или Доминиканской республике. Находившиеся в Гаване известные гаитийские политические деятели Дантес Беллягард и Пьер Юдикур, намеревавшиеся поставить перед общественностью в дни заседаний конференции вопрос о прекращении длившейся уже более десятилетия оккупации Гаити морской пехотой США, были высланы с Кубы. Североамериканскому буржуазному историку и публицисту (будущему советнику государственного секретаря К. Хэлла) профессору С. Г. Имэну, намеревавшемуся в дни конференции выступить в Гаванском университете на тему о подлинном панамериканизме, было отказано в этом²³⁸.

Накануне конференции был запрещен показ антиамериканских пародий в кубинских варьете, а перед самым ее открытием в Гаване были произведены многочисленные аресты среди рабочих, студентов и интеллигенции, а также среди проживавших на Кубе эмигрантов из Испании и латиноамериканских стран.

²³⁷ C. Beals. The Coming Struggle for Latin America. New York, 1939. p. 226.

²³⁸ АВП СССР, ф. 56, оп. 26, № 39, п. 275, л. 53; № 40, п. 275, л. 88. E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. I, p. 330.

В числе арестованных за распространение листовок, разоблачавших связь Мачадо с империализмом янки и режим террора, установленный им, был коммунист Клаудио Брусон. Он был убит, а труп его выброшен в Гаванский залив, на съедение акулам²³⁹.

Чтобы свести к минимуму возможные контакты делегатов конференции с кубинцами, для делегатов было устроено такое количество всевозможных банкетов, что жители столицы иронически называли все происходящее «коронованием генерала Мачадо императором Вест-Индии».

На шестой панамериканской конференции делегаты США оказались под огнем острейшей, беспрецедентной за всю историю панамериканизма критики со стороны большинства латиноамериканских делегаций. Представители 13 стран Латинской Америки потребовали, чтобы США отказались от интервенций и вообще всякого вмешательства в дела других стран Западного полушария. При этом делегат Колумбии заявил, что если конференция не пойдет навстречу требованию всех народов континента и не запретит интервенцию, то она вообще может оказаться последней панамериканской конференцией²⁴⁰.

Лишь с большим трудом, путем угроз и обещаний, с помощью делегаций кубинского и других зависимых от США правительств Вашингтону удалось в конце концов расколоть складывавшийся на конференции латиноамериканский блок и добиться передачи вопроса о запрещении интервенции на рассмотрение седьмой панамериканской конференции. Но это не могло ослабить того факта, что на конференции в Гаване делегация США, по словам Л. Даггэна (ставшего позже руководителем латиноамериканского отдела государственного департамента), пережгла «одно из самых тяжелых дипломатических поражений, когда-либо выпадавших на долю Соединенных Штатов на важных международных конференциях»²⁴¹.

Казалось бы, обстановка на конференции была особенно благоприятна для постановки вопроса об отмене «поправки Платта». Однако кубинская делегация не только ни одним словом не заикнулась о «поправке Платта», но в острой полемике, развернувшейся при обсуждении вопроса о невмешательстве во внутренние дела других стран, открыто встала на сторону американского империализма. Глава делегации О. Феррара, к негодованию делегатов многих стран, с пеной у рта защищал

²³⁹ Ibidem; «Fundamentos», 1950, № 102, p. 873.

²⁴⁰ Report of the Delegates of the United States of America to the Sixth International Conference of American States. Held at Havana, Cuba, January 16 to February 20, 1928. Washington, 1928, p. 10—12, 14; «Foreign Policy Association. Information Service», v. IV, № 4, p. 68, 71.

²⁴¹ L. D u g g a n. The Americas. New York, 1949, p. 52.

империалистическую политику США и произнес подлинный панегирик американской интервенции на Кубе²⁴².

Наградой за предательство явилось официальное одобрение Кулиджем и Келлоггом режима, установленного Мачадо на Кубе, и «переизбрания» последнего на второй президентский срок²⁴³. А когда сенатор Г. Шипстед (весной 1928 г.) внес в сенат США уже упоминавшуюся выше резолюцию, разоблачавшую террористический режим Мачадо, то новый американский посол в Гаване Н. Джудда немедленно встал на защиту диктатора, заявив, что отношения между правительствами США и Кубы «никогда не были более сердечными»²⁴⁴.

Подобная оценка отношений между правительством США и диктатором, удерживавшим власть при помощи террора, пыток, издевательств и преступлений против народа и растоптавшим даже буржуазные конституционные нормы, свидетельствует о том, что и при Кулидже Белый дом и государственный департамент США неуклонно придерживались в своей политике принципа «поддержания стабильности» по методу, изложенному в приведенном выше меморандуме Ф. Уайта. «Подлинный характер правительства Мачадо и цели, которые преследовали те, кто поставили его у власти,— пишет Блас Рока,— ясно проявились в двух фактах. Во-первых, в том, что еще до вступления на пост президента он отправился в Вашингтон и заявил, что обязуется не допустить, чтобы какая-либо забастовка длилась свыше двадцати четырех часов... и, во-вторых, в том, что в 1928 г. на панамериканской конференции он выступил знаменосцем защиты права Соединенных Штатов на вооруженное вмешательство в дела латиноамериканских стран»²⁴⁵.

Выполняя данное в Вашингтоне обещание, Мачадо начал свое второе президентство с новой серии репрессий против рабочих, студенческих и других прогрессивных организаций. Наиболее жестоким преследованиям подвергались коммунисты. Во время шестой панамериканской конференции Коммунистическая партия Кубы организовала демонстрацию протеста против приезда в Гавану на открытие конференции президента США Кулиджа. Взбешенный Мачадо приказал своей тайной полицией расстреливать коммунистов без всякого суда. Даже за границей,

²⁴² Report of the Delegates..., p. 11—12; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la Enmienda Platt, t. I, p. 328—329.

²⁴³ «Куба пользуется сегодня полным суверенитетом. Ее народ независим, свободен, процветает, живет в мире и пользуется всеми благами самоуправления...», — заявил Кулидж (Report of the Delegates..., p. 64; C. Beals. The Crime of Cuba, p. 258, 269, 325, 334).

²⁴⁴ «New York Times», 19.IV 1928. См.: R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 191. Н. Джудда прибыл в Гавану в ноябре 1927 г. и оставался там в качестве посла США до сентября 1929 г.

²⁴⁵ Blas Roca. Op. cit., p. 117.

в эмиграции, они не могли быть спокойны за свою жизнь. Мачадо добился того, что многие кубинские эмигранты, жившие в Мексике, были арестованы и высланы на Кубу либо в Европу. Газета «Куба либре» и другие их издания в Мексике были запрещены.

Особую ненависть и страх у палачей кубинского народа вызывал Хулио Антонио Мелья, ставший к этому времени признанным вождем кубинской революционной эмиграции. Его книга «Крик мучеников», являвшаяся пламенным обвинительным актом против Мачадо, обошла всю Латинскую Америку. Карльтон Билс, лично знакомый с этим выдающимся сыном кубинского народа, пишет, что «он имел острый как бритва ум и был превосходным оратором, умеющим владеть находящимися в движении массами»²⁴⁶. Осуществляя давно задуманный план расправы над пламенным борцом за свободу и независимость Кубы, подсланные кубинским диктатором агенты 10 января 1929 г. застрелили Хулио Антонио Мелью на улице Мехико.

Правительство Мачадо приложило все усилия к тому, чтобы не допустить расследования подлинных обстоятельств этого убийства. Тем не менее факты, разоблачавшие тех, кто стоял за спиной наемных убийц — А. Лопес Валиньяса и А. Сарабия, стали известны. Выяснилось, в частности, что в этом преступлении были замешаны начальник мексиканской тайной полиции Кинтана, кубинский посланник в Мексике Фернандес Маскадо и сам Херардо Мачадо. Убийцы нашли убежище в кубинском посольстве²⁴⁷.

Убийство Х. А. Мельи вызвало всеобщее возмущение во всех латиноамериканских странах. Национальный союз студентов Мексики потребовал разрыва дипломатических отношений с правительством Мачадо. На Кубе, несмотря на террор и репрессии, тысячи рабочих и студентов с тех пор ежегодно организовывали в день 10 января забастовки и демонстрации в память о Мелье. В одной из своих речей Фидель Кастро назвал имя Мельи в числе тех борцов за свободу Кубы, чьи имена неотделимы от народа²⁴⁸.

Гибель Мельи была тяжелой потерей для рабочего класса и Коммунистической партии Кубы. Но она не сломила духа кубинских коммунистов, не ослабила их решимости и уверенности в правоте своего дела. На подлое, злодейское убийство Хулио Антонио Мельи сотни трудящихся ответили вступлением в коммунистическую партию. Усиление террора вызвало дальней-

²⁴⁶ C. Beals. The Crime of Cuba, p. 266.

²⁴⁷ См.: «New York Times», 15.V 1932; M. Riera. Op. cit., p. 361; C. Beals. The Crime of Cuba, p. 267—269.

²⁴⁸ Ф. Кастро. Речи и выступления, стр. 527.

шую активизацию борьбы против диктаторского режима. Революционные профсоюзы, несмотря на все попытки уничтожить их, существовали. Объединявшая их Национальная рабочая конфедерация Кубы даже в самое тяжелое время насчитывала 18—20 тыс. членов²⁴⁹.

Студенческое движение также продолжало нарастать. Открыв было в апреле 1928 г. Гаванский университет, правительство поспешило уже в 1929 г. закрыть его вновь. Понимая, что диктаторский режим не падет сам по себе, члены Студенческого директората начали тайно вооружаться и готовиться к вооруженной борьбе с полицией.

Захват Мачадо власти еще на шесть лет вызвал недовольство не только в народе, но и у определенной части буржуазно-помещичьих кругов Кубы, послужив толчком к оформлению организованной оппозиции его режиму внутри правящих классов. В частности, видные деятели Либеральной партии: Карлос Мендиэта, Энрике Хосе Варона, Мендес Пеньяте, члены Консервативной партии — К. де ла Торриенте, А. Эвиа и другие создали новую политическую партию — Националистический союз, которая сразу же была объявлена вне закона и поэтому осуществляла свою деятельность нелегально²⁵⁰. Весной 1928 г., в знак несогласия с политикой президента республики, вышли в отставку два члена кабинета: министр внутренних дел Р. Сайяс Басан и военный министр Р. Итуральде. Последний, прибыв в Нью-Йорк, заявил, что на Кубе ликвидированы все конституционные гарантии. Даже такой реакционнейший деятель, как экс-президент Кубы генерал Марио Менокаль, выступил с протестом против режима, установленного Мачадо²⁵¹.

Но если буржуазно-помещичья оппозиция боялась народной революции и надеялась на устранение Мачадо путем интервенции США на основе «поправки Платта», то демократические силы Кубы требовали ликвидации этой «поправки» и призывали к революционному свержению проимпериалистического диктаторского режима.

1 Мая 1929 г. в Гаване состоялась большая демонстрация трудящихся, подготовленная Национальной конфедерацией рабочих Кубы. «Несмотря на кровавое подавление всех левых рабочих движений правительством диктатора Мачадо,— сообщала об этом газета «Дэйли Уоркер»,— столица Кубы Гавана стала свидетельницей боевой демонстрации, подобной которой город не видел уже много лет»²⁵². Демонстранты прошли затем в Реглу, на «Ленинский холм», где росло посаженное в 1924 г.

²⁴⁹ ГМР СССР, 30207/647, Л-615-11ж.

²⁵⁰ Manual de capacitación cívica, p. 208; M. Riera. Op. cit., p. 351.

²⁵¹ «Diario de la Marina», 28.V 1928.

²⁵² «Daily Worker», 14.V 1929.

в память о великом вожде пролетариата оливковое дерево, и провели там митинг.

Лилэнд Дженкс не случайно назвал свою книгу, изданную в 1928 г., «Наша кубинская колония». К концу 1920-х годов Куба действительно стала фактической колонией США. Правда, североамериканским империалистам не удалось аннексировать ее подобно тому, как они сделали это с Пуэрто-Рико или с Филиппинами. Куба имела свой флаг и гимн, свой парламент и правительство. Она имела и другие характерные для независимой республики институты. Но фактически она оказалась на положении колонии империализма янки и нередко одно движение бровей американского посла решало судьбу кубинцев.

Каждый кубинский президент — от Эстрада Пальма до Мачадо, — будучи обязан своим «избранием» на этот пост поддержке Вашингтона, верно служил воле и интересам монополий США. Американские компании, вложившие в эксплуатацию Кубы 1,5 млрд. долл. и пожинавшие там колоссальные прибыли, требовали обеспечить «стабильность и порядок» на острове. Этой цели и служила политика государственного департамента США. Когда «стабильность» оказывалась под угрозой, в ход пускалась «поправка Платта», и на Кубе «для наведения порядка» высаживались американские войска. За четверть века — с 1898 по 1923 г. — они находились там (не считая гарнизона базы в Гуантанамо) почти 13 лет.

Подъем освободительного и рабочего движения на Кубе и во всей Латинской Америке заставил вашингтонских политиков несколько изменить свою тактику. «Поправка Платта» по-прежнему сохранялась. Но контроль над Кубой и «поддержание порядка» там стали осуществляться теперь главным образом через посредство «сильного» местного правительства. Так родилась диктатура Мачадо, призванная подавить растущее недовольство кубинского народа.

В ПУЧИНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929—1933 гг.)

1. План Чэдборна и его последствия

Огромное влияние на экономическую и политическую жизнь Кубы оказал мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Легко уязвимая экономика стран монокультуры особенно жестоко страдает во время периодических экономических кризисов. Кубинская же сахарная промышленность — основа экономики острова — находилась в кризисном состоянии еще с середины 1920-х годов. Соединенные Штаты — главный потребитель кубинского сахара — с каждым годом увеличивала ввоз сахара-сырца с Филиппин, Гавайев и Пуэрто-Рико. Удельный вес сахара из этих американских владений во всем потребляемом в США сахаре неуклонно возрастал, тогда как доля кубинского сахара в нем столь же неуклонно уменьшалась.

В связи с общемировым ростом продукции сахара и усилившейся конкуренцией цены на него на мировом рынке непрерывно понижались. В частности, стоимость фунта кубинского сахара-сырца, как уже отмечалось, понизилась с 5 центов в 1923 г. до 1,99 цента в 1929 г. Падение цен привело к тому, что общая стоимость ввезенного в США кубинского сахара сократилась за эти годы более чем вдвое — с 332 до 158 млн. долл., а стоимость всего кубинского экспорта в США — с 376 до 207 млн. долл.¹

Мировой экономический кризис резко усилил эту тенденцию. Потребление сахара в мире снизилось в 1930 г. на 17,7%,

¹ P. G. Wright. The Cuban situation and our treaty relations. Washington, 1931, p. 123.

а в 1932 г. — еще на 8,5%. Запасы же сахара-сырца в 1930—1932 гг. выросли с 4,3 до 9 млн. т².

Перепроизводство способствовало дальнейшему падению цены на кубинский сахар-сырец — с 1,47 цента в 1930 г. до 0,57 цента летом 1933 г.³

Положение кубинской сахарной промышленности особенно ухудшилось после введения Соединенными Штатами в июне 1930 г. запретительного тарифного закона Хаули — Смута, повысившего пошлину на импортируемый сахар-сырец с 1,76 до 2 центов за фунт. Это было сделано под нажимом сахарозаводчиков и плантаторов Запада, связанных со свеклосахарной промышленностью. В результате преимущества, которыми пользовалась Куба при поставках сахара в США и которые обусловили превращение сахарной промышленности в основу ее экономики, были сведены на нет, ибо пошлины на сахар вдвое превышали его стоимость. В то же время сахар, поступавший с Филиппин, Гавайских островов и Пуэрто-Рико, не облагался пошлинами и постепенно вытеснял кубинский сахар с американского рынка⁴. Ввоз сахара в США за годы кризиса резко сократился. Но если ввоз его туда с Кубы уменьшился вдвое, то ввоз с Филиппин, наоборот, вырос в 1,5 раза⁵.

Таблица 3

**Источники снабжения США сахаром в 1923—1932 гг.
(удельный вес в %)**

	1923	1929	1930	1931	1932
Сахар, произведенный в США и ввезенный из их владений . .	36,7	49,3	47,3	63,3	70,1
Сахар, произведенный на Кубе .	60,0	50,3	52,0	36,2	29,8
Другие источники	3,3	0,4	0,7	0,5	0,1

Установление пошлины, в два раза превышающей цену самого сахара, привело к катастрофическому положению в кубинской сахарной промышленности, а следовательно, и во всей экономической жизни острова. Экспорт сахара из Кубы в США сократился вдвое — с 3376 тыс. т в 1929 г. до 1674 тыс. т в 1932 г и 1496 тыс. т в 1933 г. Стопмость его упала в три с лишним

² См.: Мировой финансовый кризис. Статистические материалы, 1929—1932 гг. М., 1934, стр. 88.

³ R. Guerra y Sánchez. Azúcar y población en las Antillas. La Habana, 1942, p. 212; U. S. Tariff Commission. Economic Controls and Commercial policy in Cuba. Washington, 1946, p. 21; «Diario de la Marina», 20.VIII 1933.

⁴ Сб. «6 лет аграрного кризиса». М., 1935, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 59.

раза — со 137,6 млн долл. в 1929 г. до 37,9 млн. долл. в 1932 г. и 39,7 млн. долл. в 1933 г.⁶

«...Обширные поля этого острова,— описывал обстановку на Кубе в годы кризиса один из чехословацких журналов,— покинуты; излишние сахарные заводы остановлены; замерли некогда оживленные пристани, потому что суда отправляются в море наполовину пустыми, в то время, как переполненные склады в центрах и на берегу гнутся от тяжести накопленных запасов... Многие владельцы заводов не знают, найдется ли хотя бы один банк, который решится при настоящих обстоятельствах дать им ссуду в размере даже одного цента...»⁷. Еще хуже было положение мелких производителей сахарного тростника. Доходы колонов за доставленный на заводы тростник уже в 1931 г. упали до 38 млн. долл., тогда как в 1928 г. они достигали 106 млн. долл., а в 1924 г.— 187 млн. долл.⁸ Колонны разорялись и не могли занять деньги даже на выращивание тростника. «В кубинской истории 1932—1933 годы были столь же трагическими, как и 1897—1898 годы»,— констатировали авторы отчета комиссии Ассоциации внешней политики США, обследовавшей Кубу в 1934 г.⁹

Для того, чтобы остановить стремительное падение цен на сахар, кубинское правительство еще до начала мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. пыталось договориться с основными странами-поставщиками сахара о сокращении его производства¹⁰. В июле 1929 г. оно создало Кооперативное агентство по экспорту сахара, на которое была возложена продажа всей кубинской продукции сахара. Но это агентство потерпело неудачу, не сумев реализовать накопившиеся запасы. За четыре месяца 1930 г. оно продало лишь 250 тыс. т сахара нового урожая и в апреле 1930 г. было ликвидировано.

Тогда монополисты США, стремясь переложить издержки кризиса на плечи угнетаемых и эксплуатируемых ими народов полуколониальных стран, решили вмешаться в дело сами. В конце 1930 г. на Кубу якобы для того, чтобы «спасти сахарную промышленность», прибыл эмиссар Уолл-стрит — Томас Линкольн Чэдборн. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Руби Харт Филлипс называет его в своей книге «юристом корпораций и рупором американских банкиров»¹¹. Но Чэдборн был не

⁶ «Press Releases», 25.VIII 1934, p. 121. Р. Герра-и-Санчес приводит несколько иные цифры, характеризующие экспорт кубинского сахара в США: в 1929 г.— 3643 тыс. т, в 1933 г.— 1396 тыс. т (R. Guerra y Sanchez. Op. cit., p. 287).

⁷ Цит. по: «Советский сахар», 1933, № 9, стр. 50.

⁸ «На аграрном фронте», 1933, № 6, стр. 76.

⁹ Problems of the New Cuba. New York, 1935, p. 2.

¹⁰ См.: стр. 56.

¹¹ R. H. Phillips. Cuba. Island of paradox. New York, 1959, p. 134.

только «юристом корпораций». Он являлся директором и членом правлений многих действовавших на Кубе американских компаний, в том числе «Кьюбэн портлэнд симент компани», «Матансас шугэр компани» и других. Кроме того, он был тесно связан «деловыми интересами» в авиационной и горнодобывающей промышленности с Гарри Гугенхеймом — новым американским послом в Гаване, который, как отмечалось в заявлении кубинских женщин, «был одним из инициаторов и одним из основных исполнителей плана Чэдборна, столь губительного для нашей страны»¹².

«План Чэдборна», имевший целью поднять цены на сахар посредством международного соглашения об ограничении его производства и экспорта, обсуждался специальным комитетом из 24 американцев и кубинцев под председательством самого Т. Чэдборна. «Американские банкиры в 1930 г., — пишет та же Р. Х. Филлипс, — начертали курс, которому должна была следовать в ближайшие пять лет кубинская сахарная промышленность»¹³. По их указке правительство Мачадо издало в 1930 г. декреты о принудительном сокращении посевной площади и урожая сахарного тростника, а также об ограничении сроков его уборки. Затем Чэдборн отправился в Брюссель, куда прибыли представители ряда стран — поставщиков сахара. После длительных переговоров там была подписана 9 мая 1931 г. Брюссельская конвенция об ограничении производства сахара и установлении квот на его экспорт¹⁴.

Кроме Кубы, конвенцию подписали представители Германии, Чехословакии, Польши, Венгрии, Бельгии и Голландской Ост-Индии (Индонезии). Позднее к ним присоединились Перу и Югославия. Участники брюссельского соглашения договорились о сокращении своего экспорта сахара с тем, чтобы скопившиеся у них запасы его выпускались на мировой рынок постепенно и в строго ограниченных количествах. Причем экспортные квоты могли быть пересмотрены только в том случае, если цена за фунт сахара-сырца превысит два цента. Они договорились также о снижении на пятилетний срок (1931—1935 гг.) своего производства сахара так, чтобы к сентябрю 1935 г. они бы смогли избавиться от всех нереализованных излишков сахара.

«План Чэдборна» не принес обещанных результатов. Фактически он был обречен на неудачу с самого начала, так как исходил из сохранения существовавшего в момент его принятия уровня потребления сахара в мире, в то время как оно по мере

¹² C. Beals. The Crime of Cuba. Philadelphia, 1934, p. 391.

¹³ R. Phillips. Op. cit., p. 136.

¹⁴ Historia de la nación cubana, t. IX. La Habana, 1952, p. 363—364; Текст конвенции см. в «International Sugar Journal», v. 33, p. 391—401.

развития экономического кризиса все более и более сокращалось. Кроме того, на страны-участницы соглашения приходилось только 44 % мировой продукции сахара и около 70 % международной торговли им. Целый ряд стран, в том числе колониальные владения Англии и США, а также зависимые от них страны не присоединились к брюссельскому соглашению. Более того, некоторые из этих стран даже увеличили свое производство сахара.

Больше всех пострадала от «плана Чэдборна», покорно принятого правительством Мачадо, Куба. По Брюссельскому соглашению ее заставили согласиться сократить свое производство сахара на 36,5 %, тогда как максимальное сокращение для остальных стран-участниц соглашения составляло 15 %. Мировое производство тростникового сахара в 1929—1933 гг. сократилось на $\frac{1}{10}$, а производство его на Кубе — более чем вдвое¹⁵. Капиталисты США и участвующих в Брюссельском соглашении европейских стран действовали прежде всего, исходя из собственных интересов, по принципу «своя рубашка ближе к телу». В результате, несмотря на то, что кубинское правительство ежегодно законодательным путем все больше ограничивало размеры производства сахара (на 1932 г. — 2,7 млн. т, а на 1933 г. — 2 млн. т) и сократило его почти втрое по сравнению с 1929 г., цены продолжали падать. Экспортная квота для Кубы определялась из предположения, что США будут ежегодно ввозить 2800 тыс. т кубинского сахара, но фактически в 1932 г. Соединенные Штаты ввезли с Кубы всего 1807 тыс. т сахара¹⁶. Протесты против «плана Чэдборна» приняли массовый характер. 1200 колонов, собравшиеся в городе Харуко, отправили президенту республики требование отвергнуть этот план. Аналогичное обращение послали колоны, собравшиеся в городе Лос-Паласиос, и т. д. Компартия и КНОК возглавили кампанию борьбы против «плана Чэдборна», проходившую под лозунгами защиты интересов крестьян и улучшения условий труда сельскохозяйственных рабочих¹⁷.

С особой остротой банкротство «плана Чэдборна» выявилось на международной конференции по вопросам производства и экспорта сахара, состоявшейся в июне — июле 1933 г. Делегация Кубы в специальном меморандуме потребовала увеличения квоты на производство сахара и установления минимума цены на кубинский сахар, экспортируемый в США¹⁸.

¹⁵ Сб. «6 лет аграрного кризиса», стр. 54, 59.

¹⁶ U. S. Tariff Commission. Economic Controls..., p. 25; «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 85.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 441, л. 33—34; «Diario de la Marina», 4.III 1932; «El Obrero del Caribe», 1.III 1932.

¹⁸ «Аграрные проблемы», 1933, № 9—10, стр. 204.

Небывалое падение мировых оптовых цен на сахар-сырец делало его производство убыточным. Куба не могла найти сбыта для своей продукции и была вынуждена резко сократить производство сахара. Посевная площадь под сахарным тростником уменьшилась с 1192 тыс. га в 1929—1930 гг. до 463 тыс. га в 1931—1932 гг.¹⁹ Число действующих сахарных заводов сократилось с 163 в 1929 г. (в 1925 г. их было 183) до 125 в 1933 г., да и те работали с далеко неполной нагрузкой²⁰. Продукция сахара упала с 5156 тыс. т в 1929 г. до 1995 тыс. т в 1933 г., т. е. на 61%, а общая его стоимость — почти в пять раз — с 199 до 43 млн. долл.²¹ Доля Кубы в мировом производстве сахара сократилась с 21% в 1924—1925 гг. до 8% в 1932—1933 гг. Стоимость экспорта табака с Кубы упала с 37,9 млн. долл. в 1929 г. до 13,4 млн. долл. в 1933 г.²²

Сокращение производства сахара с 5,1 млн. т в 1929 г. до менее чем 2 млн. т в 1933 г. и сокращение стоимости экспорта Кубы за это время с 272,4 до 84,4 млн. песо обусловило уменьшение стоимости ее импорта соответственно с 216,2 до 42,3 млн. песо. Причем, если экспорт сократился за эти годы в три раза, то импорт уменьшился в 5 с лишним раз. В 1932 и 1933 гг. общий внешнеторговый оборот Кубы был меньше, чем в первые годы ее независимости — 1902 и 1903 гг. Это было вызвано прежде всего резким падением торговли с Соединенными Штатами. В то время, как удельный вес Англии в кубинском экспорте даже вырос с 12,6% в 1929 г. до 19,3% в 1933 г., удельный вес в нем США упал за эти годы с 76,6% до 67,7%. В абсолютных цифрах кубинский экспорт в Соединенные Штаты сократился по стоимости с 208,7 млн. песо в 1929 г. до 57,1 млн. песо в 1933 г.²³

Навязанное Кубе американским империализмом монокультурное развитие поставило ее в полную зависимость от ввоза извне необходимых для населения продуктов питания даже в годы относительного «процветания». В период же экономического кризиса оно привело к катастрофическим для кубинского

¹⁹ «Annuaire International de statistique Agricole 1931—1932, 1932—1933, 1933—1934». См.: сб. 6 лет аграрного кризиса, стр. 52.

²⁰ «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 128; Historia de la nación cubana, t. IX, p. 354.

²¹ R. Guerra y Sánchez. Op. cit., p. 264, 287. А. Нуньес Хименес приводит другие цифры стоимости продукции сахара: в 1929 г. — 225,1 млн. песо, в 1933 г. — 53,7 млн. песо (См.: А. Нуньес Хименес. География Кубы. М., 1960, стр. 230).

²² E. Roig de Leuchsenring. Historia de la Enmienda Platt, t. I. La Habana, 1961, p. 333; Report on Cuba. Baltimor — London, 1951, p. 799.

²³ См.: U. S. Tariff Commission. The Foreign Trade of Latin America, part 2, v. 2. Washington, 1942, p. 236, 241; Historia de la nación cubana, t. IX, p. 354; «Press Releases». 25.VIII 1934, p. 120; «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 117, 120.

народа последствиям. Импорт пищевых продуктов сократился в еще большей степени, чем весь импорт в целом. В частности, ввоз пшеничной муки с 1929 по 1933 г. сократился в 2,7 раза, риса — в 3 раза, бобов, картофеля и лука — в 5 раз, мяса — почти в 17 раз, животных жиров — в 18 раз, сыра — в 25 раз, сгущенного молока — в 36 раз и т. д.²⁴ Это привело к нехватке продовольствия и недоеданию. Миллионы трудящихся буквально голодали.

Кризис поразил все отрасли хозяйства Кубы, но именно катастрофическое положение сахарной промышленности определило особую глубину его. Последовала подлинная вакханалия банкротств. Закрылись, либо резко сократили свою деятельность, тысячи торговых, транспортных и промышленных предприятий. В 1932 и 1933 гг. потребление хлопчатобумажных тканей на Кубе было ниже, чем в 1904 г., потребление электроэнергии — ниже, чем в 1909 г., цемента — чем в 1906 г., железа и стали — чем в 1903 г.²⁵ «Куба, как и другие капиталистические страны, переживает большой экономический кризис..., — сообщал в 1931 г. корреспондент журнала «Советский сахар». — На громадных складах лежат миллионы тонн сахара. Вся экономическая жизнь парализована. Банкротство ширится и не только мелкого промышленного капитала, но и большой промышленности. Крупные предприятия (почти все североамериканские), как например, трамвайная компания, железные дороги с каждым месяцем понижают свою доходность»²⁶.

В 1930 г. американские капиталовложения на Кубе, по данным министерства торговли США, оценивались в 1066,5 млн. долл., из которых прямые вложения составляли 935,7 млн. долл. В июле 1933 г. последние уже не превышали 750 млн. долл. (в том числе в сахарной промышленности — 370 млн. долл., электроэнергетике — 125 млн. долл., железнодорожном транспорте — 116 млн. долл.), а к концу 1936 г. составляли 666 млн. долл.²⁷

Положение страны осложнялось наличием огромного внешнего долга. Между тем правительственные доходы сократились с 89,9 млн. песо в 1928/29 финансовом году до 47,6 млн. песо уже в 1931/32 финансовом году²⁸. Казна была почти пуста, и правительство, не имея возможности выплатить полностью проценты по старым займам «Чейз нэйшнл банку» и другим

²⁴ «Economic Geography», IV 1937, v. 13, № 2, p. 119.

²⁵ G. Gutierrez. El desarrollo económico de Cuba. La Habana, 1952, p. 134, 144.

²⁶ «Советский сахар», VIII 1931, № 15—16, стр. 91.

²⁷ E. Roig Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 176; U. S. Tariff Commission. The Foreign Trade of Latin America, part 2, v. 2, p. 228.

²⁸ «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 84.

американским банкам, вынуждено было обращаться к ним за новыми займами. К концу 1932/33 финансового года (30 июня 1933 г.) оно задолжало государственным служащим в качестве невыплаченного в срок жалованья 9 млн. песо. Бюджетный дефицит за этот год достиг 8 млн. песо, или 16% всего бюджета²⁹.

Тяжелые последствия кризиса были усугублены серьезными социальными изменениями, вызванными уродливым экономическим развитием Кубы, навязанным ей монополиями США. Как уже отмечалось, в годы первой мировой войны и послевоенного экономического кризиса, а также и в последующее десятилетие американский финансовый капитал завладел большей частью плантаций сахарного тростника. В 1919 г. 27,4% урожая сахарного тростника поступило с плантаций, принадлежащих кубинцам; 2,6% — кубинно-американскому капиталу; 13,9% — испанцам; 56,1% — другим иностранцам. В 1929 г. американцы контролировали 70%, а в 1933 г. — 80% всего урожая. В 1923 г. они владели и контролировали 17% территории острова, а в 1933 г. — 60%³⁰. Процесс концентрации земельной собственности в руках американского капитала в годы кризиса сопровождался массовым разорением как крестьян-собственников, терявших свою землю, дома, плантации, так и арендаторов.

Территория Кубы составляет 853 370 кабальерий. По переписи 1931 г., эта земля распределялась следующим образом. Всего было зарегистрировано 87 396 хозяйств. Из них 62 512 хозяйств имели менее трех кабальерий земли каждое и владели общей земельной площадью около 92 тыс. кабальерий. 16 403 хозяйства, имевшие от трех до десяти кабальерий каждое, владели около 72 тыс. кабальерий земли. 7 409 хозяйств, располагавших от 10 до 50 кабальерий каждое, владели 183 тыс. кабальерий земли. И, наконец, 1072 хозяйства, с площадью свыше 50 кабальерий каждое, владели 494 тыс. кабальерий³¹. Иначе говоря, мелкие хозяйства, составлявшие 71% всех зарегистрированных хозяйств, располагали всего лишь 11% земли, а крупные землевладельцы, в том числе американские и местные сахарные компании, составлявшие немногим больше 4% хозяйств, владели 58% всей земли.

При этом, как всегда, в наихудшем положении находились негры. Данные переписи 1931 г. показывают, что 74% общего числа хозяйств велось белыми кубинцами, 14% — белыми иностранцами и лишь 11,2% — кубинцами-неграми. Если учесть, что в это число включены владельцы земли, арендаторы и из-

²⁹ См.: «Коммунистический интернационал», № 25, 1933, стр. 43.

³⁰ P. Wright. Op. cit., p. 95; C. Beals. Op. cit., p. 301.

³¹ См.: Blas Roca. Los Fundamentos del Socialismo en Cuba. La Habana, 1961, p. 39.

дольщики, то станет особенно ясно, сколь малым количеством своей земли располагали негры. Еще более красноречивы данные переписи о стоимости хозяйств. Они показывают, что на долю белых кубинцев приходилось около 71 %, белых иностранцев — 21 %, а негров — лишь 7,8 % общей стоимости всех хозяйств³².

Так обстояло дело в первые годы мирового экономического кризиса. «План Чэдборна», в соответствии с которым были изданы декреты, заставившие крестьян и арендаторов засеивать лишь 50 % их земли, еще более способствовал разорению мелких хозяйств и обезземелению крестьянства. «На острове существует сегодня менее 35 тысяч независимых крестьянских хозяйств, треть которых имеет участки менее 60 акров,— писал автор брошюры о Кубе, изданной в 1937 г. Лигой защиты рабочих в США.— Это по сравнению с более чем удвоенным числом крестьянских хозяйств..., имевшихся в первый год американской оккупации..., когда население составляло менее половины нынешнего... Случилась простая вещь — американский капитал скупил остров. Обширные земельные владения и крупнейшие отрасли сельскохозяйственного производства оказались сосредоточены в руках нескольких банкиров». Кубинец перестал быть хозяином своей земли. «Куда бы он ни поставил ногу, он ступает по земле, принадлежащей иностранцам. Лишенный земли, он вынужден работать на гигантских сахарных комбинатах и соглашаться на любую предложенную ему заработную плату»³³.

Особенно быстро уменьшалось число колонов, вытесняемых из производства сахарного тростника. Американские компании из года в год увеличивали площадь собственных плантаций, обрабатываемых при помощи наемной рабочей силы. При этом они все шире использовали труд негров с Ямайки и Гаити, которым можно было меньше платить при большей эксплуатации. В 1930 г. на Кубу было ввезено около 60 тыс. гаитийцев³⁴.

Не только монополисты США, но и крупные кубинские землевладельцы и сахарозаводчики рассчитывали при помощи «плана Чэдборна» найти выход из кризиса за счет усиления всех форм эксплуатации трудящихся масс, прежде всего, за счет сокращения крестьянского производства сахарного тростника и сахара-сырца, за счет снижения заработной платы и увеличения безработицы.

³² См. Blas Rosa. Указ. соч., p. 92—93.

³³ A. Pincus. Terror in Cuba. New York, 1937, p. 8. Об обезземелении и разорении кубинского крестьянства в результате захвата земли американскими компаниями доносил в своем отчете и британский генеральный консул в Гаване (Economic conditions in Cuba. Report by T. J. Rees, April, 1935. London, 1935, p. 2).

³⁴ Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934, стр. 86.

В частности, в соответствии с «планом Чэдборна» колонам разрешалась переработка не более 50% произведенного ими сахарного тростника. В то же время налоги и арендная плата взимались со всей посевной площади. Кубинский колон оказался в отчаянном положении, так как сахарный рынок резко сократился, а цена на сахар упала настолько, что не окупала затрат на выращивание тростника. Мелкий колон был разорен и вынужден со всей своей семьей, бросив насиженное место, скитаться по острову в поисках заработка. Но даже если он и находил работу на время сафры, то это мало меняло его положение. «Сахарный сезон теперь длится... не более шести недель..., — отмечалось в брошюре „Террор на Кубе“. — Весь остальной год колон не имеет никакой работы... Его домом, если он его имеет, является лачуга с земляным полом... В течение десяти месяцев он странствует по острову, выпрашивая корку хлеба. Бездомный, он спит в поле и на городских улицах, а рядом с ним, на тротуаре, располагается его семья. В течение десяти месяцев ни он, ни члены его семьи не едят хлеба, мяса или овощей. Диета, состоящая из тростникового сока и нескольких корней, сохраняет его тело и душу вместе, пока не наступит следующий уборочный сезон. И даже, когда он работает, он получает от 20 до 40 центов в день за работу от зари до зари»³⁵.

Падение производства сахара привело к сокращению длительности сафры и к соответствующему сокращению рабочего сезона на сахарных заводах³⁶. Все это породило небывалую безработицу. В 1932—1933 гг. на Кубе, с ее четырехмиллионным населением, насчитывалось 0,5 млн. постоянно безработных людей³⁷, т. е. сравнительно гораздо больше, чем в любой другой стране капиталистического мира. «План Чэдборна, — писал К. Билс, — означал крупнейший трудовой локаут в истории и свел жизнь большей части 500 тыс. рабочих, зависящих от сахарного производства, к полуголодному существованию»³⁸. Безработица охватила также десятки тысяч служащих и лиц свободных профессий. Кризис разорил тысячи средних и мелких предпринимателей, торговцев и других представителей городской мелкой буржуазии.

Значительно ухудшились условия труда и режим на сахарных заводах и плантациях. Удлинение рабочего дня сопровож-

³⁵ A. Pincus. Op. cit., p. 8. См. также: E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 183—184.

³⁶ Сафра длилась: в 1919 г. — 157 дней, 1926 г. — 135, 1929 г. — 108, 1930 г. — 106, 1932 г. — 78, 1933 г. — 67 дней (Historia de la nación cubana, t. IX, p. 322, 354).

³⁷ «New York Times», 6.II 1933.

³⁸ C. Beals. Op. cit., p. 395.

далось снижением зарплаты. Газета «Ла Луча» («Борьба») — орган Антиимпериалистической лиги — в январе 1933 г. сообщала, что резчик сахарного тростника за 100 арроб тростника получает всего лишь 10—15 сентаво, тогда как в 1928 г. он получал за эту работу более песо. В среднем заработная плата городских рабочих за годы кризиса ушла с 3 песо до 50 сентаво, а сельскохозяйственных — с 1,5 песо до 25—30 сентаво в день³⁹. Фактически заработная плата сельскохозяйственных рабочих была еще ниже, так как обычно они получали ее в виде бон, действительных только в лавках компании, где цены были выше рыночных. Нередко батракам платили натурой. А на ряде централей задолженность по заработной плате плантационным рабочим достигала года и более.

Предприниматели беззастенчиво эксплуатировали более дешевый детский труд. Например, в городе Сьенфуэгос на фабрике по производству сидений для стульев, использовался труд девочек от 5 до 14 лет, которые за 14-часовой рабочий день получали 15 сентаво. На сахарных плантациях дети нередко обязаны были работать бесплатно, помогая родителям резать, связывать и отвозить тростник⁴⁰.

Тяжелее всех приходилось безработным. Никакого законодательства о помощи по безработице не было и никакого пособия они не получали. Так как города были и без того полны безработных, то правительство отдало полиции и жандармерии приказ о недопущении туда безработных из деревни. Десятки тысяч оказавшихся без работы, голодных и отчаявшихся сельскохозяйственных рабочих вместе с семьями переходили от централа к централу, предлагая свой труд только за пищу и выпрашивая милостыню, чтобы как-то поддержать свое существование.

Кризис вызвал невиданную на Кубе нищету и заставил трудящихся города и деревни ограничивать употребление в пищу кукурузной муки и овощей. Даже в 1934 г., когда положение несколько улучшилось, комиссия Ассоциации внешней политики США, обследовавшая положение на Кубе, вынуждена была признать, что питание народных масс находится на «абсолютном минимуме возможного существования»⁴¹.

На почве недоедания увеличилась заболеваемость. В городах у дверей ресторанов стояли группы голодных людей, выпрашивающих остатки еды и вступавших за них в драку между собой. На городских улицах и сельских дорогах голодные

³⁹ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 27; Problems of the New Cuba, p. 3—4; C. Beal's. Op. cit., p. 247.

⁴⁰ См.: «Интернационал молодежи», IX 1933, № 13, стр. 4.

⁴¹ Problems of the New Cuba, p. 81.

люди, чаще всего старики и дети, падали и умирали от истощения.

Тысячи семей не смогли платить квартирную плату и были вынуждены искать прибежище в лачугах кварталов «Льега и Пон», «Лас Ягуас» и других подобных им, возникших и разросшихся в эти годы в окрестностях всех, сколько-нибудь значительных городов. Резко увеличилось число самоубийств.

В период правления Мачадо обострились противоречия полуколониального режима, навязанного Кубе по окончании испанского господства. Латифундизм и монокультурный характер экономики достигли своего максимального развития. Проникновение американского капитала привело к разорению и обнищанию значительной части населения. Системе колоната угрожало расширение плантаций сахарного тростника, принадлежавших сентралам. Рабочих увольняли вследствие массового ввоза с Гаити и Ямайки дешевой рабочей силы на условиях полурабства. Производство сахара достигло своего зенита и начинало сокращаться. Американские компании вытесняли с кубинского рынка всех конкурентов. Десятки тысяч согнанных с земли крестьян еще более увеличивали безработицу. Американские банкиры воспользовались кризисом сахарной промышленности, чтобы разместить на кабальных условиях свои займы, предназначавшиеся для поддержки диктатора. Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис обострил все это, привел к резкому падению производства сахара и снижению цен на него до минимума, разорил мелких и средних предпринимателей, обрек на безработицу, крайнюю нищету и голод широчайшие слои трудящихся. В результате социальная база, которой располагал Мачадо в первые годы своего правления, оказалась вдребезги разбитой.

2. Революционный подъем на Кубе

Режим террора, нищеты и голода не мог не вызвать растущего недовольства и революционизирования широких народных масс. Уже в 1929 г. начались забастовки в Гаване, Мансанильо и некоторых других населенных пунктах. 1930-й год начался митингами и собраниями в ознаменование годовщины убийства Мельи. Так, профсоюз сельскохозяйственных рабочих в Каталина де Гинес (провинция Гавана) призвал трудящихся в знак траура приостановить с полудня 10 января работу на всех предприятиях, «где условия это позволяют», и на 10 минут — в остальных местах. Повсюду трудящиеся принимали решение ежегодно отмечать этот день, как день памяти революционеров, погибших в борьбе за дело рабочего класса. Состоявшийся вскоре в Гаване конгресс трудящихся потребовал приня-

тия социального законодательства, в том числе социального страхования для всех работающих по найму, введения восьмичасового рабочего дня, равной оплаты за равный труд, ежегодных оплачиваемых отпусков и других мер в интересах рабочего класса и всех трудящихся⁴².

В 1930 г. Куба была ареной многочисленных демонстраций и стачечных выступлений, в организации которых большую роль сыграли компартия и Национальная конфедерация рабочих Кубы (КНОК). В ответ на повторное запрещение ее властями КНОК обратилась к рабочим с призывом создавать комитеты защиты революционных профсоюзов и провести в Международный день борьбы с безработицей, 20 марта 1930 г., 24-часовую всеобщую стачку⁴³. Начали ее рабочие фабрик по производству сигар; к ним, несмотря на угрозы правительства и аресты, присоединились трамвайщики и шоферы автобусов и такси, затем — рабочие и служащие гостиниц, ресторанов, типографий и т. д. В столице не вышла ни одна газета, кроме «Эль Мундо». Наряду с экономическими требованиями было выдвинуто требование отставки Мачадо. Руководимая Рубеном Мартинес Вильеной, всеобщая забастовка охватила около 200 тыс. трудящихся Гаваны, Сантьяго, Мансанильо и других городов и явилась первым массовым революционным выступлением против режима Мачадо. Она была важным событием в истории стачечных боев рабочего класса Латинской Америки в тот период⁴⁴.

Рубен Мартинес Вильена родился 20 декабря 1899 г. в семье учителя в городе Алькасар (провинция Гавана). В 1916 г. он поступил на юридический факультет Гаванского университета, в 1922 г. получил степень доктора права. Уже в университете проявились его поэтический талант и незаурядные способности. Большое влияние на его дальнейшую судьбу оказало знакомство, а затем и дружба с Х. А. Мельей. В начале 1920-х годов Мартинес Вильена — активный участник движения за университетскую реформу, самый молодой член Верховного совета движения ветеранов и патриотов, один из организаторов Народного университета им. Хосе Марти и кубинской секции Антиимпериалистической лиги. Когда Мачадо бросил в 1925 г. в тюрьму Х. А. Мелью, Мартинес Вильена был его адвокатом.

Поражение движения ветеранов и патриотов многому научило Мартинеса Вильену. Он понял, что бороться нужно иным

⁴² ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 440, л. 17—21; ГМР СССР, 13320/7, Г-615-13 ы; А. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 501.

⁴³ ГМР СССР, 30207/654, Л-615-46; 30207/643, Л-616-4з (см. прилож. № 2).

⁴⁴ По материалам ЦГАОР; см. также: J. Le Riverend Brusone. República: Dependencia y Revolución. La Habana, 1961, tema XIX, p. 3.

путем. В 1927 г. он вступил в Коммунистическую партию Кубы и с этого времени, несмотря на то, что уже тогда туберкулез грозил ему смертью, отдавал все свои силы и энергию делу борьбы за освобождение рабочего класса. В 1928—1929 гг. Мартинес Вильена руководил рядом забастовок, вел большую работу по организации революционных профсоюзов, вошел в состав Центрального комитета компартии и выдвинулся в качестве одного из ведущих руководителей партии.

В связи с тем, что после мартовской всеобщей стачки 1930 г. правительство Мачадо обрушило на рабочее движение новые репрессии и агентам охраны было дано задание убить Мартинеса Вильену, он по решению товарищей вынужден был уехать с Кубы в Нью-Йорк, а оттуда в Советский Союз. В Москве он принял участие в конгрессе Профинтерна, а затем лечился в туберкулезном санатории на Кавказе. В 1932 г. он работал в латиноамериканской секции Коминтерна, но вскоре был вновь отправлен в санаторий ⁴⁵.

Между тем на Кубе, несмотря на репрессии, забастовочное движение продолжало расти. В апреле 1930 г. бастовали шляпочники Гаваны, в мае — портовые рабочие Мансанильо. В первоймайской демонстрации только в Гаване участвовало 60 тыс. человек. Уже в течение ряда лет в день 1 Мая, после массового митинга на центральной площади города, трудящиеся Гаваны и ее окрестностей направлялись в пригород столицы — Реглу, к «дереву Ленина». В 1930 г. войска открыли огонь по колоннам демонстрантов, идущих в Реглу. Трое рабочих было убито, 18 — ранено. Даже буржуазная печать называла эту расправу актом дикого зверства. Дерево, посаженное рабочими, прислужники диктатора срубили ⁴⁶.

30 сентября 1930 г. студенты и профессора столицы направились к дому Хосе Энрико Варона, чтобы поздравить его с 50-летним юбилеем научной деятельности. В связи с тем, что Варона был настроен оппозиционно к режиму Мачадо, полиция напала на демонстрантов и открыла стрельбу. Были ранены молодой литератор Пабло де ла Торриенте Брау, рабочий деятель Исидоро Фигероа и убит популярный студенческий лидер Рафаэль Трехо Гонсалес. Эти события нашли широкий отклик по всей стране. Студенческий директорат выпустил манифест с требованием немедленной отставки «тирана Мачадо». 300 профессоров, собравшись в одном из университетских

⁴⁵ J. Marinello. Ruben Martinez Villena. La Habana, 1940, p. 4—16; R. Roa. Retorno a la alborada, t. I. La Habana, 1964, p. 88—133.

⁴⁶ «Коммунистический Интернационал» 1930, № 16—17, стр. 93, 94, 97; «Международное рабочее движение» 1931, № 13, стр. 10; «Новая и новейшая история», 1962, № 6, стр. 53.

зданий, заявили о своей поддержке борьбы студентов. Власти объявили, что Трехо «был связан с коммунистами» (хотя на самом деле он никогда не был коммунистом), и арестовали группу студентов и профессоров, в том числе известного кубинского физиолога профессора Рамона Грау Сан Мартина. Многих студентов выслали из страны. В конце 1930 г. университет снова был закрыт⁴⁷.

В обстановке жестокого экономического кризиса, массовой безработицы и голода попытки справиться с народным недовольством путем одних только репрессий могли лишь ускорить революционный взрыв в стране. Это понимали более дальновидные люди в правящих кругах Соединенных Штатов, да и самой Кубы. В октябре 1930 г. сенатор У. Кинг (демократ, от штата Юта) представил президенту Г. Гуверу и государственному секретарю Г. Стимсону меморандум, излагавший историю кубино-американских отношений и осуждавший твердолобую политику Мачадо. Кинг отмечал, что в то время, как на армию расходуется четверть государственного бюджета Кубы, на ее сельское хозяйство, просвещение и здравоохранение населения не обращается никакого внимания; что средства, полученные по внешним займам, растрачиваются на такие пустые затеи, как строительство Капитолия. Предостерегая, что «неизбежным результатом правления Мачадо будет социальный и политический хаос, который завершится революцией», Кинг предлагал осуществить под флагом «свободных выборов» замену Мачадо другой, менее одиозной американской марионеткой до того, как разразится революционный взрыв. «Революция на Кубе,— заключал он,— была бы несчастьем»⁴⁸.

Позже, выступая в сенате, Кинг сам довольно откровенно объяснил цель своего меморандума. «Ситуация,— сказал он,— была столь опасной, что следовало принять определенный курс, чтобы предотвратить наступление большого пожара»⁴⁹.

Действительно, уже в январе 1931 г. политическое положение на Кубе стало настолько напряженным, что направлявшийся в Латинскую Америку принц Уэльский вынужден был отказаться от визита в Гавану. Британское посольство на Кубе сообщило в Лондон, что официальный банкет, на котором при-

⁴⁷ H. Strodé. Kampf um Cuba. München, 1938, p. 303—304; L. de la Torriente. Mi casa en la Tierra. La Habana, 1956, p. 205—206, 209; R. Roa. Op. cit., t. I, p. 18—20.

⁴⁸ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2139—2140. В декабре 1930 г. его поддержал сенатор Уолш (от Массачусетса), потребовавший отказа США от «поправки Платта» (E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 75).

⁴⁹ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2140.

существовал американский посол, был сорван взрывом бомб со слезоточивым газом⁵⁰. В январе и апреле 1931 г. посол США на Кубе Г. Гугенхейм с тревогой писал в Государственный департамент о «коммунистических беспорядках» на острове и советовал Мачадо принять «решительные меры»⁵¹. В мае 1931 г. комендант военно-морской базы США в заливе Гуантанамо доносил о приближении на Кубе «хорошо подготовленной революции»⁵².

В 1931 г. снова не прекращались забастовки, причем бастующие все чаще сопровождали экономические требования политическими. В частности, с ноября 1930 по май 1931 г. длилась стачка рыбаков Гаваны, вызванная снижением расценок на выловленную рыбу. Правительство выступило на стороне рыбопромышленников, рыбаков же поддерживали рабочие столицы. Портовики Гаваны объявили стачку солидарности. Полиграфисты и другие рабочие района Батабано организовали для рыбаков столовую на 100 человек. В их пользу проводились сбор денег на предприятиях и спектакли в театрах. Поддержку им оказали профсоюзы моряков США и Уругвая. Однако предпринимателям в союзе с властями удалось сломить бастующих, организовав ввоз на Кубу в большом количестве рыбы из США. К тому же руководители стачки допустили серьезные ошибки⁵³.

Полтора месяца длилась забастовка 2600 рабочих американской трамвайной компании против очередного снижения заработной платы. Трамвайщиков поддерживали рабочие многих предприятий и некоторые слои мелкой буржуазии. Ярким выражением пролетарской солидарности явилась объявленная по призыву КНОК 4 августа 1931 г. всеобщая забастовка против правительственного террора — в поддержку борьбы трамвайщиков. В ней участвовало 60 тыс. рабочих. В 1931 г. бастовали также металлисты столицы, портовики Кайбарьена, текстильщики и т. д. Стачное движение сочеталось с массовыми демонстрациями безработных, вылившимися в Гаване, Кайбарьене, Сантьяго и некоторых других местах в ожесточенные столкновения демонстрантов с полицией⁵⁴.

В начале 1932 г., в связи с попыткой американского Табачного треста вернуться к уровню заработной платы 1914 г., состоялась трехмесячная забастовка 15 тыс. рабочих табачной

⁵⁰ C. Dawes. Journal Ambassador to Great Britain. New York, 1939, p. 271.

⁵¹ «Foreign Relations — 1931», v. 2. Washington, 1946, p. 42, 45, 52.

⁵² Ibid., p. 60.

⁵³ По материалам ЦГАОР.

⁵⁴ Там же.

промышленности. Трест ответил на нее перебазированием большей части своих предприятий из Гаваны в штат Нью-Джерси (США) ⁵⁵.

Все активнее втягивался в стачечную борьбу самый большой, но наименее организованный отряд кубинского пролетариата — рабочие сахарных заводов и плантаций. В феврале 1932 г. в ответ на снижение расценок забастовали рабочие сентрала «Провиденс» (провинция Гавана). Они потребовали повышения зарплаты, отмены уплаты ее бонами, введения 8-часового рабочего дня, признания профсоюзного комитета и права рабочих вступать в профсоюз, а также удаления с территории сентрала сельской полиции ⁵⁶.

В 1932 г. забастовочное движение охватило рабочих промышленности, портов и городского транспорта. Однако работавшие в условиях подполья революционные профсоюзы, примыкавшие к Профинтерну, насчитывали не более 20 тыс. человек. К началу 1932 г. в КНОК входило 44 профсоюза, но лишь три из них имели больше 1 тыс. членов. Рабочие основных отраслей хозяйства в большинстве своем были либо не организованы (сахарная промышленность), либо находились под влиянием анархо-синдикализма (табачная промышленность), либо шли за реформистами (братство железнодорожников). Забастовки в этот период, как правило, были все еще оборонительными ⁵⁷.

Наряду с рабочими в активную борьбу включились многие слои городской мелкой буржуазии, в том числе студенты, представители интеллигенции, люди свободных профессий, а также значительные крестьянские массы. В среде студентов, лиц свободных профессий и интеллигенции эта борьба приняла конкретную форму оппозиции Мачадо и господствовавшей политической системе. В стране заметно усилились антиимпериалистические настроения.

В годы мирового экономического кризиса студенты и их организации явились активнейшими участниками революционной борьбы против режима. Студенческие демонстрации, волнения и выступления не прекращались в течение почти всей первой половины 1930-х годов. «Своим мужеством, своим энтузиазмом и самопожертвованием», — свидетельствует К. Билс, — студенты, которых в те годы называли «настоящим ударным отрядом оппозиции», заслужили «вечную благодарность

⁵⁵ «Boletín Sindical» (Montevideo), IX 1933, № 3, p. 3; G. J. García Galló. Biografía del tabaco habano. La Habana, 1961, p. 240.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 5659 оп. 1, д. 441, л. 32.

⁵⁷ Там же, д. 441, л. 22; д. 443, л. 28 и другие материалы ЦГАОР.

Кубы»⁵⁸. Не случайно правительство Мачадо до своего падения, в августе 1933 г., так и не решилось вновь открыть Гаванский университет.

В 1931 г. студенчество не только идеологически, но и организационно разделилось на две группировки, различно оценивавшие стоявшие перед страной экономические и политические проблемы: от Студенческого директората отделилось левое крыло — «Комите про реорганизасьон де ала искьерда». Оно было создано радикальной частью студентов, связанных с КНОК и добивавшихся соединения студенческого движения с рабочим движением. В обращении к студенчеству, опубликованном 10 июля 1931 г. в органе Левого студенческого крыла — газете «Линеа», говорилось о необходимости мобилизовать массы с тем, чтобы превратить нарастающее в стране антиимпериалистическое и аграрное движение в демократическую революцию под руководством пролетариата, в союзе с крестьянством и радикальной мелкой буржуазией, революцию за национальное и социальное освобождение Кубы. Терпение народа иссякает, и поэтому созрело время, когда «слово имеет товарищ маузер», — говорилось в этом документе. Левое крыло включало, в основном, выходцев из мелкобуржуазной среды и находилось под влиянием марксизма. Заметную роль в его деятельности играли коммунисты. Одним из руководителей Левого крыла был молодой литературный и общественный деятель Рауль Роа Гарсия, занимающий в настоящее время пост министра иностранных дел революционного правительства Фиделя Кастро⁵⁹.

Правое крыло движения — Студенческий директорат — действовало под руководством буржуазных националистов. Наряду с выходцами из среды мелкой и средней буржуазии сюда входили отпрыски богатейших на Кубе семей⁶⁰. Оба крыла имели своих сторонников как в Гаванском университете, так и в других учебных заведениях. Студенческий директорат развернул тайную вооруженную борьбу против диктаторского режима, используя главным образом методы индивидуального террора. В январе 1931 г. посол Гугенхейм сообщал в государственный департамент, что в Гаване редко проходит ночь без взрывов бомб⁶¹.

⁵⁸ C. Beals. Op. cit., p. 317; См. также: A. Valladares Abreu. La Universidad de la Habana en la Revolución Nacional. La Habana, 1944, p. 24—29.

⁵⁹ R. Roa. Op. cit., t. I, p. 15—18, 37—38; «Ной», 12.VIII 1964; L. de la Torriente. Op. cit., p. 231—232; E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 64. В числе руководителей левого крыла были также Габриэль Барсело, Пабло де ла Торриенте Брау, Х. Элиас Бергес, Л. Гонсалес Карвахал и др.

⁶⁰ «Daily Worker», 26.VIII 1933; A. Roa. Roosevelt — the executive dictator. Havana, 1933, p. 146.

⁶¹ «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 42.

Нарастало недовольство и в кубинской деревне. Диктатор и его клика использовали все средства вплоть до самых демагогических обещаний, чтобы нейтрализовать крестьянство. Однако на деле крестьяне, арендаторы, батраки не получили за время правления Мачадо ни пяди земли. Наоборот, аграрная политика правительства, легализовавшая проникновение иностранного капитала и захват им земель на острове, усилила пауперизацию крестьянства и рост недовольства в деревне. Уже в 1931 г. имели место многочисленные случаи поджога сахарного тростника на плантациях помещиков и сахарных компаний. Вскоре они приняли довольно широкие масштабы и стали одной из основных форм стихийной борьбы кубинского крестьянства.

Косвенное представление об этом дает следующая корреспонденция, опубликованная в гаванской газете «Эль Мундо»: «На текущей неделе состоится совещание министров внутренних дел, военного и морского о мерах, которые должны быть приняты правительством для наблюдения за сахарными плантациями в связи с приближающимся сезоном уборки сахарного тростника. Указанные меры, которые будут носить более энергичный характер, чем меры, принимавшиеся в прошлом году, будут немедленно в виде инструкции переданы всем начальникам военных округов с предложением выполнить их с помощью находящихся в их распоряжении войск. В охранной службе активное участие примут кавалерийские части и некоторые отряды военной авиации. Правительство намерено не допускать поджогов сахарного тростника, как это было в прошлом году, и армия получит строжайшие инструкции безжалостно расправляться с теми, кто будет захвачен при поджоге тростника, а также с подстрекателями. Министерство внутренних дел совместно с военным ведомством организует также секретное наблюдение на плантациях для того, чтобы быть в курсе всех подозрительных фактов и обнаруживать злоумышленников»⁶².

Но были и другие формы борьбы в деревне. В провинциях Лас-Вильяс, Камагуэй и Ориенте, где проживало 70% всего сельского населения острова, происходили голодные походы арендаторов и батраков, забастовки сельскохозяйственных рабочих и т. п. Если в первые годы экономического кризиса революционное движение в деревне носило стихийный и разрозненный характер, то по мере углубления кризиса оно не только стало принимать более широкий размах, но и начало постепенно подниматься на более высокую ступень организованной борьбы, руководимой коммунистами и революционными профсоюзами.

⁶² Цит. по сб. «Кризис в странах Латинской Америки». М., 1932, стр. 215—216; см. также: «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 44.

В целом, по уровню революционного подъема Куба уже в 1930—1932 гг. заняла одно из первых мест в Латинской Америке.

Для того чтобы подавить растущее народное недовольство и предотвратить революцию, диктаторское правительство Мачадо в начале 1930-х годов еще более усилило наступление на демократические свободы и патриотические силы страны. Революционные профсоюзы были вынуждены полностью перейти на нелегальное положение. Забастовки запрещались. Были закрыты не только университет, но даже школы второй ступени, ряд буржуазных газет и журналов, все спортивные организации вплоть до существовавшего еще со времен испанского господства аристократического яхт-клуба. В стране неоднократно прекращалось действие конституционных гарантий и вводилось военное положение⁶³.

Главным орудием тирании по-прежнему оставались вооруженные силы — профессиональные армия и флот. К этому времени они насчитывали 17 тыс. рядовых и 600 офицеров. Кроме того, имелаась сельская гвардия⁶⁴. Расходы на содержание армии были крупнейшей статьей государственного бюджета и составляли почти 10 млн. долл.⁶⁵ Жалованье государственным служащим было снижено на 50% и не выплачивалось по полгода. Но армии это не касалось, и для нее закупалось новое снаряжение.

Армия не только процветала за счет страдающего кубинского народа, но ее функции постепенно все больше расширялись. По мере того, как закрывались университет и другие учебные заведения, их помещения занимали солдаты. В действующих учебных заведениях, вплоть до начальных школ, появились специальные представители армии. В каждой из шести провинций Кубы был поставлен так называемый военный наблюдатель, получивший право издавать приказы, регулирующие всю жизнь населения. В марте 1932 г. институт военных наблюдателей ввели во всех городах. Армейские офицеры были посажены в муниципалитеты, и гражданские власти должны были подчиняться их решениям. Под военным контролем оказались не только все министерства и другие государственные учреждения, но и многие частные фирмы (в том числе даже мясные и молочные компании).

Любой гражданин, не подчинявшийся приказам военного наблюдателя, подвергался аресту либо штрафу без возможности

⁶³ «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 41, 43, 45—47, 65; «Foreign Relations — 1933», v. 5. Washington, 1952, p. 282; Problems of the New Cuba, p. 10.

⁶⁴ A. H. Verrill. Cuba of today. New York, 1931, p. 244.

⁶⁵ C. Beals. Op. cit., p. 304; R. Phillips. Op. cit., p. 36.

обжалования. Покинуть город и даже выехать в пригороды Гаваны можно было только со специального разрешения военных властей. Полицию подчинили военному командованию. Даже в ночлежных домах был установлен военный режим. О том, как использовались военщина и полиция для подавления борьбы масс за свои права, для усиления эксплуатации трудящихся в интересах помещиков и сахарных компаний, свидетельствует разосланное в январе 1931 г. начальникам окружных полицейских управлений провинции Пинар-дель-Рио распоряжение, предписывавшее им задерживать в городах любого безработного и в принудительном порядке отправлять его работать за грехи на плантациях сахарного тростника ⁶⁶.

Спустя две недели после рассылки этого распоряжения гаваста «Дейли Уоркер» рассказала о том, как оно претворялось в жизнь. «...Стариков и молодежь,— сообщал корреспондент газеты,— хватают на улицах и в домах, днем и ночью и насильно тащат на работу... Все сахарные районы милитаризованы. При малейшем подозрении рабочего попросту убивают на месте...» ⁶⁷.

Углубление кризиса и рост революционного движения в стране привели к резкому обострению противоречий внутри кубинских правящих классов. Между отдельными группами помещиков и буржуазии усилилась борьба за власть. Возникшая в 1928—1929 гг. буржуазно-помещичья оппозиция, которая представляла недовольную Мачадо часть кубинской крупной буржуазии и помещиков, делилась на три группы: группу консерваторов, возглавляемых бывшим президентом Кубы генералом Менокалем; группу «либералов» во главе с бывшим мэром Гаваны Мигелем Мариано Гомесом и Националистический союз во главе с полковником Карлосом Мендиэтой, соперником Мачадо на съезде либеральной партии в 1924 г. при выдвижении кандидата партии в президенты республики.

Своими выступлениями против режима Мачадо националисты и «либералы» Гомеса завоевали определенную популярность. Однако никаких серьезных социальных реформ эти группы не предлагали, никаких принципиальных различий между ними не было и никакой действительно массовой опоры они не имели. Страхась народной революции, они требовали вмешательства США для «восстановления конституционного управления», замены Мачадо более «гибким» президентом и боролись между собой за власть ⁶⁸.

⁶⁶ См.: приложение № 3.

⁶⁷ «Daily Worker», 5.II 1931.

⁶⁸ Дешеша № 221 из Гаваны от 28.V 1930 г. Doc. № 837. 10/2808. Цит. по: В. Wood. The Making of the Good Neighbor Policy. New York, 1961, p. 377.

Посол США в Гаване Г. Гугенхейм не без основания предостерегал Вашингтон, что основная цель лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции — захват государственной кормушки⁶⁹. Он писал также, что «почти все кубинские газеты настроены против правительства»⁷⁰.

В меморандуме помощника государственного секретаря Ф. Уайта от 10 апреля 1931 г., составленном на основе донесений американского посольства в Гаване, говорилось: «Народ вообще настроен против Мачадо», а «высшие классы не только настроены оппозиционно к Мачадо, но ожесточены против него и... активная оппозиция исходит от лучших элементов в республике»⁷¹.

По настоянию Гугенхейма Мачадо почти год вел переговоры с лидерами буржуазной оппозиции, требующими его отставки. Но компромиссного соглашения, которого так усиленно добивался посол США, достичь не удалось: Мачадо категорически отказался уйти в отставку. Он опирался на армию, правительственные партии, а также на поддержку влиятельных кругов в США и вовсе не собирался уступать власть. В апреле 1931 г. переговоры были прерваны⁷².

Тогда оппозиционные группы попытались осуществить свои цели силой. 9 августа 1931 г. в Гаване и в Пинар-дель-Рио началось организованное ими восстание под лозунгом свержения диктатора и возвращения к конституции 1901 г. 17 августа в порту Хибара, на северном побережье провинции Ориенте, высадилась снаряженная в США экспедиция кубинских эмигрантов под командованием полковника и инженера Карлоса Эвиа и журналиста Серхио Карбо. Высадившиеся располагали 57 пулеметами, винтовками и другим оружием и надеялись на поддержку внутри страны⁷³. Но армия осталась верна правительству, и восстание, не имевшее на своей стороне поддержки народных масс, было быстро подавлено. «Бой в Хибара» был по существу легкой победой оснащенных новейшим американским вооружением и располагавших боевой авиацией правительственных войск и практически покончил с организованным вооруженным сопротивлением буржуазной кубинской оппозиции. М. Менокаль, К. Мендиэта и некоторые другие лидеры восставших были брошены в тюрьму⁷⁴.

⁶⁹ «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 48—49.

⁷⁰ Ibid., p. 45.

⁷¹ Ibid., p. 51, 54.

⁷² «Foreign Relations — 1930», v. 2. Washington, 1942, p. 649, 650; «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 44, 48—50, 55—59.

⁷³ Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 75—76; F. Portuondo del Prado. Historia de Cuba. La Habana, 1957, p. 615—616.

⁷⁴ «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 67, 69, 74, 79—81.

Посол США поздравил Мачадо с успешным подавлением восстания, но спустя некоторое время добился освобождения арестованных лидеров оппозиции (сразу же перебравшихся в США) и возобновления переговоров между ними и правительством⁷⁵. Заступничество Гугенхейма и неожиданная мягкость Мачадо объяснялись просто — Вашингтон рассчитывал с помощью лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции, осмелившихся выступить против диктатора, отвлечь народные массы Кубы от революционной борьбы.

Однако движение масс угрожающе нарастало, и перед правящими классами Кубы уже во весь рост встала настоятельная задача — попытаться захватить руководство им в свои руки с тем, чтобы не допустить социальной революции и образования народного правительства. С целью свержения ненавистного народу диктатора, до того, как народ сделает это сам, группа представителей кубинской буржуазной интеллигенции (Хоакин Мартинес Саенс, Карлос Саладригас и др.), связанная с местным, а некоторые из них и с американским капиталом, создала вскоре после провала августовского восстания 1931 г. ядро тайной организации, названной тремя первыми буквами латинского алфавита «АВС».

Структура этой строго законспирированной организации была заимствована у тайных обществ, существовавших во Франции накануне революции 1848 г. Организация состояла из ячеек по десять человек каждая. Группа «А» имела одну ячейку, представлявшую собой руководящий орган, и включала главу всей организации. Каждый из остальных девяти членов этой ячейки был главой подчиненной ему ячейки из группы «В», включавшей, кроме него, еще девять человек. Каждый из 81 человека, входящего в группу «В», в свою очередь был главой ячейки из группы «С», также включавшей, кроме него, девять человек⁷⁶. И так далее. При чем никто из членов нижестоящей группы не знал более чем одного члена вышестоящей группы, и никто, кроме девяти членов группы «А», не знал руководителя организации. Такая система не давала возможности предателям, засылаемым в организацию, выдать кого-либо вне своей ячейки.

«АВС» широко использовала в своей борьбе методы индивидуального террора против видных деятелей правившей клики и правительственных чиновников. Так, члены «АВС» убили главу тайной полиции капитана Кальво, председателя сената Клемента Васкес Бельо и многих других лиц, близких к Мачадо.

⁷⁵ «Foreign Relations — 1931», v. 2, p. 71; «Foreign Relations — 1932», v. 5. Washington, 1948, p. 534, 536—537.

⁷⁶ Некоторые источники определяют число членов каждой ячейки в восемь человек, но большинство — в десять человек.

Они организовали ряд покушений на самого диктатора и пытались захватить правительственную радиостанцию (июль 1932 г.) ⁷⁷. В страхе за свою жизнь Мачадо ездил только в специальном бронированном автомобиле, стоявшем 30 тыс. долл., а его дворец был окружен пулеметами и битком набит вооруженными до зубов солдатами и полицейскими.

На убийства членами «АВС» видных мачадистов правительство ответило массовыми репрессиями, направленными прежде всего против нелегальной Коммунистической партии Кубы и рабочего движения, в котором диктатор видел главную опасность. Для борьбы с революционным движением была создана вооруженная охранка, которую кубинцы называли «Эль партидо де ла Порра» — «партия дубинки». Эта организация, состоявшая из бывших уголовников и агентов тайной полиции, установила в стране подлинное царство террора. Члены «Порры» громили демонстрации, похищали, истязали и убивали без всякого суда и огласки настроенных оппозиционно политических и профсоюзных деятелей, руководителей студенческих и других организаций, прогрессивных журналистов и издателей ⁷⁸.

После того как в январе 1931 г. демонстрация женщин прошла перед президентским дворцом с огромным плакатом: «Уходи в отставку!», полиция освободила из заключения закоренелых женщин-уголовниц и проституток и создала из них женский отряд «Порры». Вооруженные ножами, они нападали на демонстрировавших девушек-студенток и разгоняли их ⁷⁹.

В качестве репрессалий за убийство председателя сената и главы тайной полиции агенты правительства убили оппозиционно настроенных членов нижней палаты кубинского конгресса Мигеля Анхел Агияра и Гонсало Фрейре де Андраде, а также братьев последнего. Тюрьмы были переполнены. Для расправы с противниками режима широко использовался старинный испанский закон *Ley de Fuga*, разрешавший полиции безнаказанно убивать заключенных якобы при попытке к бегству. Аресты стали повседневным явлением. Р. Х. Флллипс в своей книге «Куба — остров парадоксов» рассказывает о девушке-студентке, которая за свое участие в революционном движении подвергалась аресту... 21 раз ⁸⁰.

Даже юристов и общественных деятелей, пытавшихся выступать в защиту незаконно арестованных людей, чаще всего

⁷⁷ «Foreign Relations — 1932», v. 5, p. 550, 552—554, 557; C. Beals. Op. cit., p. 314—315, 318; J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XIX, p. 5.

⁷⁸ См.: B. Wood. Op. cit., p. 54.

⁷⁹ «Foreign Relations — 1932», v. 5, p. 536; F. Portuondo del Prado. Op. cit., p. 616.

⁸⁰ R. Phillips. Op. cit., p. 19; M. Riera. Cuba Politica, 1899—1955. La Habana, 1955, p. 386.

ожидала тюрьма, а иногда и смерть от руки подосланного убийцы. Так, известный прогрессивный писатель — профессор Хуан Маринельо, пытавшийся прекратить избиение раненного полицией на улице студента, был арестован и посажен в крепость. Освобожденный спустя некоторое время, он в 1932 г. был снова арестован и приговорен к ста дням заключения за защиту в качестве юриста двадцати девушек-студенток, сосланных на о. Пинос. После освобождения из тюрьмы он долго вынужден был не выходить из дома, боясь быть убитым из-за угла. В феврале 1933 г. Хуан Маринельо был снова арестован и выслан. В тюрьму форта Кабанья был брошен поэт Аугустин Акоста, выступивший с открытым письмом, осуждавшим существовавший режим. На о. Пинос был сослан писатель Пабло де ла Торриенте Брау.

Особенно отличался своими зверствами военный инспектор провинции Ориенте майор Арсенио Ортис. В 1914 г. этот мулат с уголовным прошлым был приговорен к 12 годам каторги за разбой и убийство. Получив по амнистии свободу, он поступил в армию и при Мачадо быстро сделал себе карьеру. Преступления Арсенио Ортиса, по словам кубинского историка, «потрясали республику». В конце концов за варварское убийство по его приказу и при его личном участии 44 человек в Лома Колорада этот «шакал из Ориенте», как называли его кубинцы, был отдан в Сантьяго под суд. Однако президент Мачадо его полностью реабилитировал и назначил шефом полиции Гаваны. Именно такие люди и были ему нужны.

Беззаконие и произвол приняли такие масштабы, что в знак протеста против них демонстративно вышел в отставку даже старый сторонник Мачадо — главный судья Верховного суда Кубы с 1925 г. доктор Кирос⁸¹.

Сотни видных общественных и политических деятелей, ученых, писателей и других представителей интеллигенции вынуждены были, спасая свою жизнь, эмигрировать с Кубы. Кубинские газеты, рискнувшие неуважительно отозваться о режиме, закрывались, а их издатели и редакторы подвергались репрессиям. Посол правительства Ф. Рузвельта в Мексике Д. Даниэльс приводит в своих мемуарах рассказ назначенного осенью 1933 г. послом Кубы в Мексике писателя и географа С. Массипа, регулярно печатавшегося в период режима Мачадо в одной из ведущих кубинских газет.

«Мне, — рассказывал Массип Д. Даниэльсу, — разрешили писать обо всем, о чем я хотел: о России, Германии, науке, искусстве, литературе, при условии, что я не буду писать лишь об одной, больше всего интересующей меня вещи, — создании хорошего правительства на Кубе, которое заботилось бы об инте-

⁸¹ «Foreign Relations — 1932», v. 5, p. 543; H. Strodé. Op. cit., p. 303, 307.

ресах простых людей так же хорошо, как и о тех, кто владеет большинством сахарных плантаций и предприятиями общественного пользования. Я не мог писать ни слова о том, что было жизненно важным для благополучия Кубы»⁸².

Правящая клика всячески старалась не допустить того, чтобы правдивая информация о положении на Кубе стала известна мировой общественности. С этой целью иностранные газеты, сообщавшие о терроре на острове, конфисковывались, ввоз их запрещался, а их корреспонденты высылались из страны. Но скрыть правду было невозможно. Террористическая диктатура Мачадо осуждалась прогрессивными кругами всего мира⁸³.

В Латинской Америке и Соединенных Штатах ежедневные убийства в тюрьмах и на улицах кубинских городов, аресты и жестокие пытки, разгон демократических организаций на Кубе вызвали широкую критику политики правительства Г. Гувера и требования отмены «поправки Платта». В апреле 1932 г. председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Бора вынужден был публично выступить в конгрессе США с осуждением репрессий на Кубе⁸⁴.

Между тем экономическое положение на Кубе по мере углубления кризиса продолжало ухудшаться, голод и нищета масс росли. Правительство же, хотя и обещало некоторые реформы, после успешного подавления августовского восстания 1931 г. отказалось от мысли о них и продолжало править методами насилия, постоянно продлевая военное положение в стране. В этих условиях борьба трудящихся за свои права и лучшую жизнь, против существующего режима, усиливалась, несмотря на все репрессии, втягивала все более и более широкие слои населения. В 1932—1933 гг. возникли еще несколько, мелкобуржуазных по

⁸² J. Daniels. *Shirt-Sleeve Diplomat*. Chapel Hill, 1947, p. 323. В настоящее время С. Массин — директор Института географии Академии наук Кубы.

⁸³ См. изданную Комитетом молодых революционеров-кубинцев в Париже брошюру с предисловием Анри Барбюса — *La Terreur à Cuba*. Paris, 1933, p. 5—8, 47—74.

⁸⁴ «Congressional Record», 72 Congress, 1 Session, v. 75, part 7, p. 7874; C. Beals. *Op. cit.*, p. 285.

Любопытны в этом отношении высказывания, сделанные в разное время Сэмнером Уэллесом, одним из тех людей в правящих кругах США, кто сделал все, чтобы задуть революционное движение кубинского народа. «...Президент Мачадо,— заявил Уэллес в одной из своих речей в 1935 г.,— правил с помощью военного закона, полностью подавляя гражданские свободы» (S. Welles. *Roosevelt Administration and its dealings with the Republics of the Western Hemisphere*. Washington, 1935, p. 8).

«Зверства, совершаемые... полицией президента Мачадо,— писал Уэллес в 1944 г.,— целиком напоминающие последние зверства нацистской гестапо, вызывали негодование повсюду в странах американского континента» (S. Welles. *The Times for Decision*. New York, 1944, p. 194).

своему характеру, нелегальных революционных организаций: Организасьон радикал революсионариа кубана (O. R. R. C.), Унион революсионариа (U. R.) и Унион насионалиста революсионариа (U. N. R.). Первая из них — особенно сильная в провинциях Матансас и Камагуэй — выдвинула требования распределения земли между крестьянами и «социализации» национальных ресурсов. Ее лидеры призывали к вооружению народа в сельских районах ⁸⁵.

Заметно возрастало влияние коммунистов в массах. Коммунистическая партия Кубы была единственным подлинным представителем интересов рабочих и крестьян, единственным последовательным борцом против порабощения страны империализмом США. В первые годы ее существования значительную часть членов партии составляли интеллигенты. Начав в 1931 г. борьбу за массовость и привлечение в свои ряды рабочих основных отраслей промышленности, особенно сахарной, партия, несмотря на жесточайшие репрессии против коммунистов, увеличила к 1933 г. свой состав с нескольких сотен до нескольких тысяч человек. С самого своего основания партия уделяла большое внимание бедняцким массам деревни и аграрному вопросу, решение которого она связывала с антиимпериалистической национально-освободительной борьбой. Коммунисты руководили Лигой коммунистической молодежи. Они играли ведущую роль в руководстве КНОК — Национальной конфедерации рабочих Кубы, Антиимпериалистической лиги, Левого студенческого крыла и Радикального женского союза. Организации партии существовали во всех провинциях и вели активную работу среди народных масс ⁸⁶.

Боясь роста влияния компартии в народе, лидеры «АВС» вынуждены были выступить с какой-то положительной платформой, которая могла бы удовлетворить и привлечь к ним рабочих, крестьян и городскую мелкую буржуазию, помешать дальнейшему революционизированию масс. С этой целью в декабре 1932 г. был опубликован обширный, насчитывавший 41 страницу документ: «АВС — народу Кубы. Манифест-программа». Эта программа улаживания масс состояла из вводной части, посвященной истории возникновения и характеристике режима Мачадо и требовавшей его свержения, и более чем трех десятков явно демагогических обещаний и требований, подав-

⁸⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 405; M. Riera. Op. cit., p. 377.

⁸⁶ Problems of the New Cuba, p. 195; E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 63, 64; J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XIX, p. 6. Регулярно выходили нелегальные газеты: «Бандера Роха» (орган Компартии Кубы), «Хувентуд обрера» (орган рабочей молодежи), «Мелья» (орган Антиимпериалистической лиги), «Линеа» (орган Левого студенческого крыла) и др.

ляющее большинство которых, конечно, никогда не было бы осуществлено, если бы лидеры «АВС» оказались у власти.

В частности, в программе провозглашалось: постепенное разукрупнение латифундий путем введения прогрессивного земельного налога (!!!); ограничение права компаний на покупку земли и принятие мер, направленных к национализации их земель; укрепление мелкой земельной собственности путем политики внутренней колонизации и развития сельского хозяйства с помощью кредитов сельскохозяйственного банка и создания кооперативных обществ; национализация железных дорог и предприятий общественного пользования, находящихся в руках иностранных компаний; создание национального банка и своей валюты; принятие социального законодательства, в том числе страхования при несчастных случаях, на случай смерти, старости и безработицы; установление 8-часового рабочего дня; создание честного суда; ограничение иммунитета конгрессменов; замена профессиональной армии обязательной военной службой; возврат государству концессий на разработку минеральных ресурсов (но лишь тех, которые не разрабатываются) и т. д.⁸⁷

Еще в августе 1932 г. орган Коммунистической партии США журнал «Комьюнист» отмечал, что «различные буржуазно-помещичьи группировки, видя растущий революционный подъем и распространяющееся влияние компартии..., пытаются использовать этот подъем в своих контрреволюционных целях в борьбе друг с другом. С этой целью они развивают всякого рода «социалистическую», «антиимпериалистическую» и прочую демагогию, чтобы запутать... массы, а также принимают меры к созданию для себя социальной базы среди крестьян, городской мелкой буржуазии и даже среди рабочих... Нечто подобное мы наблюдаем на Кубе. Там буржуазная оппозиция создала «левую» группу... так называемую «АВС». Это «левое» крыло буржуазной оппозиции начало оперировать определенными массовыми лозунгами, такими, как предложение о создании «рабочих» кооперативов, «распределение земли между крестьянами» и т. д. Это нечто новое, так как до самого последнего времени единственным важным лозунгом буржуазной оппозиции, включая ее «левых», был лозунг, призывающий к отставке Мачадо»⁸⁸.

В 1933 г., оценивая программу «АВС», журнал «Комьюнист» совершенно справедливо утверждал, что «все предлагаемые программой меры ни на йоту не изменят полуколонияльное положение Кубы; они вообще не изменят того, что американские

⁸⁷ El ABC al Pueblo de Cuba; Manifiesto-Programa. Habana, Dec. 1932. См.: «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 87; «Nation», 3.V 1933, v. 136, p. 502.

⁸⁸ «Communist», 1932, v. 11, № 8, p. 719—720.

сахарные собственники владеют лучшими кубинскими землями... Лидеры АВС не только не желают отчуждения земли у империалистов, но даже противодействуют любому движению крестьян против захвата крестьянской земли..., возражают против отмены долгов крестьян и любой иной меры, которая бы теперь же помогла крестьянам». «АВС», подчеркивал журнал, не представляет даже интересов мелкой буржуазии, хотя и рекрутирует там своих сторонников. «Она представляет интересы крупной буржуазии и помещиков. Ее программа полностью гарантирует богатства американского империализма и местных буржуазии и помещиков. Охраняя интересы местных и империалистических правящих классов, ее программа одновременно имеет целью путем неопределенных обещаний сдержать революционный подъем масс»⁸⁹.

В программе «АВС» говорилось, что она «отвергает как фашизм, так и коммунизм», но фактически эта организация уже в первые годы своего существования,— а в дальнейшей своей деятельности в еще большей степени — проявила себя как организация с тенденциями фашистского характера. Не случайно в ее программе выдвигались такие требования, как ликвидация сената и создание корпоративной палаты по типу существовавшей в фашистской Италии, или установление ценза грамотности для участия в выборах, и т. д.⁹⁰ Не менее характерно и то обстоятельство, что авторы этой «программы возрождения Кубы», много говоря о «проникновении иностранного капитала», предпочитали писать в нем в безличной форме, что они ни словом не упомянули о существовании американского империализма и даже не выдвинули требования отмены «поправки Платта».

«Общее направление «АВС» как с точки зрения ее программы, так и ее состава,— писал в 1933 г. Карльтон Билс,— является национал-социалистским и полуфашистским»⁹¹. Буржуазные американские историки (А. Уильгус, Ч. Томсон и др.) также отмечали, что «АВС» представляет собой «смесь социал-демократической идеологии с фашистскими методами»⁹².

Следует сказать, что в конце 1932 — начале 1933 г., когда экономический кризис достиг своей кульминации и на повестке дня стоял вопрос о свержении клики Мачадо, демагогические лозунги «АВС» находили благоприятную почву не только в кругах разорявшейся мелкой буржуазии города и деревни, но и среди определенной части рабочих. Это способствовало тому, что «АВС» постепенно превратилась в партию полуфашистско-

⁸⁹ «Communist», 1933, 12, № 9, p. 907—908.

⁹⁰ См.: «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 87.

⁹¹ C. Beals. Op. cit., p. 318.

⁹² См.: A. C. Wilgus. The Caribbean Area. Washington, 1934, p. 172; «Foreign Policy Bulletin», 1.IX 1933, p. 1.

го типа, ставшую главной опорой буржуазно-помещичьей оппозиции. В январе 1933 г. «АВС» насчитывала в своих рядах 4,5—5 тысяч человек, принадлежавших главным образом к различным слоям мелкой буржуазии (интеллигентов, служащих, мелких торговцев, учащихся)⁹³. Террористическая кампания, развернутая «АВС», приносила огромный вред демократическому движению, вызвав тяжелые ответные репрессии со стороны правительства, направленные прежде всего против рабочего класса и его авангарда — коммунистов.

3. «Гугенадо и Мачадохейм»

Правительство Г. Гувера, пришедшее к власти в начале 1929 г., было с самого начала полностью информировано о положении на Кубе и о быстро растущей там оппозиции к режиму Мачадо. Однако никаких изменений в проводимой государственным департаментом США политике не произошло. «Одной из причин этого, — свидетельствует Р. Смит, — была продолжавшаяся поддержка администрации Мачадо американскими деловыми кругами»⁹⁴. Так, когда в сентябре 1929 г. в комиссию сената США по иностранным делам была внесена резолюция, в резких тонах обвинявшая кубинское правительство в коррупции и ликвидации демократических свобод и требовавшая расследования и вмешательства Вашингтона в кубинские дела, то эти «деловые круги» немедленно встали на защиту Мачадо.

Протесты против какого-либо вмешательства в кубинские дела поступили от фирмы «Уоррен бразерс энд компани», строившей Центральное шоссе, и от многих других «заинтересованных» компаний. Наши отношения с кубинской администрацией «никогда не были более дружественными, чем в настоящее время», — писал президент Американской торговой палаты на Кубе М. В. Молэнфи государственному секретарю Г. Стимсону. Естественно, что, будучи вызван в сенатскую комиссию, Стимсон выступил в защиту Мачадо, и резолюция, внесенная в комиссию, не имела для последнего никаких последствий⁹⁵.

В связи с растущим в США негодованием и требованиями демократической общественности положить конец кровавому режиму Мачадо, Г. Стимсон в октябре 1930 г. заявил, что США не вмешиваются во внутриполитическую борьбу на Кубе. В 1931 и 1932 гг. он и его заместитель У. Кэстль неоднократно повторяли, что принцип «руки прочь» продолжает оставаться

⁹³ F. Batista. Respuesta... México, 1960, p. 390; H. Strode. Op. cit., p. 305—306; L. de la Torre. Op. cit., p. 233.

⁹⁴ R. Smith. The United States and Cuba. Business and Diplomacy, 1917—1960. New York, 1960, p. 118.

⁹⁵ Ibid., p. 118—119.

основой кубинской политики США ⁹⁶. К. Хэлл и С. Уэллес под-держали позже легенду о том, что правительство Гувера дер-жалось якобы в отношении режима Мачадо принципа «руки прочь» ⁹⁷. Эта официальная версия перешла и в работы неко-торых историков. Она, однако, не имеет ничего общего с дейст-вительностью.

Осенью 1929 г. правительство Гувера направило на Кубу в качестве нового посла Гарри Ф. Гугенхейма — миллионера, вид-ного представителя финансовой плутократии, правящей Соеди-ненными Штатами. Он был не случайно назначен на этот пост. Г. Гугенхейм владел предприятиями во многих странах Латин-ской Америки и являлся президентом, вице-президентом и чле-ном правлений таких действовавших там монополий, как «Чили энд Анаконда коппер компани», «Америкэн смелтинг энд рифай-нинг компани», «Бетлихем стил корпорейшн», «Интернэйшнл симмент компани», компаний, связанных с добычей боливийского олова, ряда авиакомпаний и т. д.

Хотя сам Гугенхейм и утверждает, что «никогда не имел ни-каких, прямых или косвенных деловых интересов на Кубе» ⁹⁸, в действительности, он был лично заинтересован в «бизнесе» на Кубе. Как уже отмечалось, «Бетлихем стил корпорейшн» вла-дела здесь крупными залежами железа и магнетита; «Интер-нэйшнл симмент компани» контролировала «Кубен портленд си-мент компани». Кроме того, Гугенхейм был тесно связан с «Ре-мингтон армс компани», поставлявшей вооружение кубинской армии, а также через «Чейз нэйшнл банк» и «Нэйшнл сити банк» — с Рокфеллером, Митчелом, Хэвмейером, Т. Чэдборном и другими лицами, контролировавшими большинство крупных сахарных компаний, железные дороги и предприятия коммуналь-ного обслуживания на Кубе. Комментируя его назначение, газета «Вашингтон дейли ньюс» писала: «Две причины для отправки Гугенхейма в Гавану очевидны. Он — бизнесмен с интересами в Латинской Америке... Он — пионер в развитии коммерческой авиации...

Гавана является естественным узловым пунктом — несом-ненно, стратегическим пунктом — для Гугенхейма... Он будет докладывать Вашингтону о диктатуре (Мачадо.— Э. Н.) и ин-терпретировать ситуацию...» ⁹⁹.

Являясь одним из финансовых магнатов Уолл-стрит и одно-временно послом на Кубе, Гугенхейм представлял собой яркий

⁹⁶ «New York Times», 3.X 1930; 11.VIII 1931; «Foreign Relations — 1932», v. 5, p. 542, 545—547.

⁹⁷ «Press Releases» 16.IX 1933; S. Welles. The Times for Decision, p. 194.

⁹⁸ H. G u g g e n h e i m. The United States and Cuba. New York, 1934, p. IX.

⁹⁹ Цит. по: C. Beals. Op. cit., p. 327; см. также: W. Frank. Cuba: pro- phetic island. New York, 1961, p. 120—121.

пример того срастания верхушки американского монополистического капитала с верхушкой государственного аппарата, которое зашло особенно далеко в последующие десятилетия. Лично заинтересованный в судьбе режима Мачадо, он всегда оказывал поддержку последнему и всячески старался примирить с ним буржуазно-помещичью оппозицию.

Со своей стороны Мачадо никогда не упускал случая упомянуть об этой поддержке. «Мое правительство,— заявил он как-то на банкете, сидя рядом с Гугенхеймом,— является честным и справедливым, и здесь рядом со мной находится американский посол, чтобы подтвердить это». В другой раз, расписывая в газете «Нью-Йорк сан» нависшую над Кубой «страшную угрозу» со стороны «русского коммунизма», он заявил: «Даю слово офицера и джентльмена, слово президента республики, что это правда и что ваш собственный американский посол сеньор Гарри Ф. Гугенхейм знает, что это правда»¹⁰⁰. И хотя «сеньор посол» понимал, что, спекулируя его именем, кубинский диктатор стремился запугать своих политических противников и народ возможностью военной интервенции в случае попытки свергнуть его, Гугенхейм ни разу не возразил против этого.

Кубинцы прямо заявляли, что Мачадо держится у власти прежде всего благодаря поддержке Гугенхейма. Иронизируя по поводу «дружбы» американского посла с диктатором, они, как свидетельствует Р. Х. Филлипс, называли их «Гугенадо» и «Мачадохейм»¹⁰¹.

Гугенхейм неоднократно и почти открыто вмешивался в кубинскую политическую жизнь. Карльтон Билс в своей книге «Преступление на Кубе» приводит примеры такого вмешательства со стороны посла США в период незаконных «выборов», проведенных Мачадо в ноябре 1930 г., в период августовского восстания 1931 г. и др.¹⁰² Об этом писала как американская пресса, так и американские буржуазные историки¹⁰³. Зачитывая в сенате США заявление ста выдающихся кубинских женщин, обвинявших Гугенхейма в «несомненном, постоянном и лицемерном» вмешательстве в дела Кубы, сенатор Д. Уолш (от штата Массачусетс) назвал Гугенхейма «одним из главных приверженцев незаконного режима», возникшего на Кубе. Уолш заявил также, что Гугенхейм пытался заставить «американские правительство и народ поверить, что на Кубе все хорошо и ее

¹⁰⁰ Цит. по: C. Beals. Op. cit., p. 330.

¹⁰¹ R. Phillips. Op. cit., p. 6; см. также: E. Fergusson. Cuba. New York, 1946, p. 255.

¹⁰² C. Beals. Op. cit., p. 334, 341, 345, 352; см. также: «Foreign Relations—1931», v. 2, p. 52, 56—59, 71, 74; «Foreign Relations—1932», v. 5, p. 536—537, 542, 545.

¹⁰³ «New York Times», 18.VIII 1931; G. Stuart. Latin America and the United States. New York, 1943, p. 240.

народ поддерживает свое правительство», что он «действовал как ось заговора, организованного частными банковскими интересами Соединенных Штатов», стремившимися «захватить в свои руки контроль над незаконным кубинским правительством», и «привел в движение всю эту машину столь успешно, что она подавила кубинский народ»¹⁰⁴.

Постоянное вмешательство Гугенхейма во внутренние дела страны лишь усиливало чувство ненависти к «империализму янки», давно уже зревшее в кубинском народе. В 1931 г. возмущение кубинцев вылилось в бойкот ими американских фирм в знак протеста против «действий посла США». Бойкотом было охвачено более 60 городов, население которых отказалось пользоваться услугами торговых, коммунальных и транспортных предприятий, банков и отелей, принадлежавших американскому капиталу, перестало посещать кинотеатры, где демонстрировались американские фильмы. Например, трамвай в Гаване из-за отказа населения пользоваться им и забастовки служащих «Компании гаванской электрической железной дороги» не работал несколько недель. Кроме того, в здания контор этой компании было брошено несколько бомб. Бомбой же был частично разрушен большой американский универсальный магазин стандартных цен. Вынужден был закрыть свои двери крупнейший отель в Гаване — Севилья-Билтмор¹⁰⁵.

Американские банкиры, однако, пока еще продолжали поддерживать своего протеже и оказывали правительству Мачадо финансовую помощь. В июне и в декабре 1932 г. они предоставили ему кредит на общую сумму в 20 млн. долл. Кроме того, летом 1932 г. группа банкиров устроила ему дополнительный кредит¹⁰⁶. Но Мачадо хорошо понимал, что он был «хорошим правителем» для банкиров только до тех пор, пока они исправно получали «хорошие проценты» по своим займам. Поэтому даже в самые тяжелые годы экономического кризиса Мачадо не прекращал платежей по внешнему долгу, не останавливаясь ради этого перед заключением все новых кабальных займов. «Нация в течение нескольких лет была банкротом, — пишет Р. Х. Филлипс, — но Мачадо сумел оплатить иностранные обязательства путем сложных и даже фантастических сделок с «Чейз нэйшнл банком». Он знал, что должен это сделать. Государственный департамент при Гувере желал поддерживать Мачадо только до тех пор, пока он оплачивает иностранные займы»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Цит. по: C. Beals. Op. cit., p. 329—330.

¹⁰⁵ Ibid., p. 354; J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XIX, p. 6.

¹⁰⁶ Senate. Stock Exchange Practices, part 5, p. 2542, 2648. См.: R. Smith. Op. cit., p. 131.

¹⁰⁷ R. Phillips. Op. cit., p. 134.

После ассигнований на армию второй по величине статьей расходной части государственного бюджета Кубы была выплата внешнего долга. В 1932/33 финансовом году она составила 7,3 млн. песо. Зато хозяева с Уолл-стрит оставались довольны, и «американские банки продолжали давать займы, без которых Мачадо не смог бы просуществовать и 90 дней», — свидетельствовал автор статьи в журнале «Каррент хистори»¹⁰⁸. «Мачадо, — говорилось в редакционной статье либерального еженедельника «Нэйшн» от 3 мая 1933 г., — обязан сохранением у власти прямой поддержке крупных нью-йоркских банковских групп, которые дали ему возможность сохранить хорошо экипированную армию»¹⁰⁹.

Даже такая близкая к правительству Гувера газета, как «Нью-Йорк Геральд Трибюн», не могла не признать, что «политика «руки прочь» направлена на укрепление режима Мачадо»¹¹⁰. Государственный департамент заявлял, что он проводит политику невмешательства в кубинские дела в то самое время, когда американские инструкторы обучали солдат диктатора. Правительство США строжайше запретило продажу какого-либо оружия представителям кубинской оппозиции, но в изобилии снабжало им армию Мачадо. Американские власти тесно сотрудничали с секретной службой Мачадо, наблюдая за каждым шагом кубинских революционных эмигрантов на территории США и всячески их преследуя. Известно, в частности, что многие американские полицейские чиновники, в том числе шеф полиции одного из городов Флориды, состояли на постоянном жалованье у кубинского министерства внутренних дел¹¹¹. Наконец, сам президент Соединенных Штатов Г. Гувер, принимая в ноябре 1932 г. нового кубинского посла Оскара Синтаса, не постеснялся переступить рамки обычного дипломатического обхождения и демонстративно выразить «добрые пожелания в отношении личной безопасности» палача кубинского народа Мачадо¹¹².

Приведенные выше факты совершенно ясно показывают, что если бы не поддержка американских банкиров, посла Г. Гугенхейма и правительства США, Мачадо никогда бы не удержался у власти до середины 1933 г. Не случайно газета «Дейли уоркер», публикуя материалы сенатского расследования о связях Мачадо с «Чейз нэйшнл банком», писала, что кровь сотен убитых и замученных кубинцев видна на руках руководителей

¹⁰⁸ «Current History», v. 39, X 1933, p. 20.

¹⁰⁹ «Nation», 3.V 1933, v. 136, p. 489.

¹¹⁰ «New York Herald Tribune», 1.II 1933.

¹¹¹ R. Phillips. Op. cit., p. 59—60.

¹¹² «Press Releases», 18.XI 1932; C. Beals. Op. cit., p. 325.

государственного департамента и банкиров с Уолл-стрит, которые хорошо оплачивали труды Мачадо ¹¹³.

В конце 1932 — начале 1933 г. политическое положение на Кубе резко обострилось. Американская и европейская буржуазная пресса чуть ли не ежедневно сообщала об арестах, пытках и убийствах противников диктаторского режима, о взрывах бомб и перестрелках между террористами из «АВС» и агентами «Порры» на улицах кубинских городов, о поджогах плантаций. Террористы убили шефа «Порры» и совершили несколько неудачных покушений на самого Мачадо. В феврале 1933 г. газета «Дейли Уоркер» отмечала, что сообщения буржуазной прессы о положении на Кубе отражают тревогу империалистов за свою важнейшую военно-морскую базу в Карибском море ¹¹⁴.

Тревога эта была не случайна, так как наряду с анархистскими формами борьбы буржуазных и мелкобуржуазных организаций на Кубе заметно усилилось массовое рабочее и крестьянское движение. В 1932 г. были организованы профсоюзы в ряде сентралей. В сентябре 1932 г. коммунистическая партия и Национальная конфедерация рабочих Кубы начали подготовку всеобщей забастовки в сахарной промышленности. Намечено было провести ее во время предстоящей уборки урожая сахарного тростника, в начале 1933 г. 26—27 декабря 1932 г. в городе Санта-Клара состоялась первая национальная конференция рабочих сахарной промышленности. На ней присутствовали делегаты более чем от 30 сентралей из всех шести провинций. Конференция создала Национальный союз рабочих сахарной промышленности — СНОИА и приняла его устав, а также решение о проведении всеобщей забастовки ¹¹⁵.

Однако в силу недостаточной еще организованности масс и противодействия со стороны руководства «АВС» забастовки в разных районах начались в различное время и не вылились в единую всеобщую стачку. Своей демагогической агитацией,

¹¹³ «Daily Worker», 25.X 1933. Нельзя не согласиться, в связи с этим с выводом Р. Смита о том, что «американский бизнес и государственный департамент были тесно связаны в вопросах кубино-американских отношений». «Имелись,— пишет он,— некоторые разногласия в отношении конкретных методов, но в общем существовало согласие относительно основных целей политики... Взятый в целом период с 1919 по 1933 г. характеризуется примечательным единодушием во взглядах относительно мотивов и методов со стороны официальных лиц государственного департамента и американских бизнесменов». Они «желали поддерживать стабильное кубинское правительство, которое бы защищало американские экономические интересы — торговые возможности и капиталовложения» (R. Smith. Op. cit., p. 137).

¹¹⁴ «Daily Worker», 6.II 1933.

¹¹⁵ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 441, л. 23—25; д. 728, л. 1—7 (устав СНОИА).

а также террористическими актами против наиболее ненавистных народу правительственных чиновников лидеры «АВС» сумели завоевать ей популярность у определенной части населения, особенно у учащейся молодежи, части интеллигенции и у крестьян. Приобретенную таким путем популярность руководство «АВС» использовало для того, чтобы ограничить влияние в массах компартии и революционных профсоюзов и не допустить развертывания в стране активной классовой борьбы. Оно, в частности, призывало народ к таким методам борьбы против режима Мачадо, как отказ от платежа налогов и выполнения декретов правительства, но противилось всяким организованным классовым выступлениям трудящихся.

Первые забастовки в сахарной промышленности начались в январе 1933 г. в Лас-Вильяс. Затем забастовочное движение перебросилось в соседние провинции. В феврале, в самый разгар уборочного сезона, не было ни одной провинции, где действовали бы все имеющиеся там централы. Забастовками повсюду руководили избранные рабочими стачечные комитеты. На собраниях представителей стачечных комитетов в каждом районе вырабатывались свои требования. Основными среди них были требования повышения заработной платы различным категориям плантационных и заводских рабочих и уменьшения рабочего дня. Но выдвигались требования и политического характера (освободить из тюрем политических заключенных и др.). Созданные рабочими комитеты действия организовывали на предприятиях пикеты и даже отряды самообороны. Эти отряды, насчитывавшие до 200, а иногда и до 400 человек, героически сопротивлялись карательным экспедициям ¹¹⁶.

В ходе забастовок ярко проявилась солидарность между сельскохозяйственными и промышленными, белыми и черными рабочими. Особенностью стачечных боев начала 1933 г. явились совместные выступления ямайских и гаитийских рабочих с кубинцами. Например, когда началась забастовка рабочих крупного централа Мобай, в провинции Ориенте, то пятьсот имевшихся там рабочих с Гаити взяли свои мачете и присоединились к бастующим. Так же поступили рабочие с Ямайки в центре Гавана (провинция Гавана) ¹¹⁷.

Окружающее население сочувствовало стачечникам. Жители соседних городков создавали комиссии по организации помощи бастующим. Проявления стихийной симпатии к ним имели место даже в отдельных воинских частях. В одном из населенных

¹¹⁶ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 442, л. 8; д. 736, л. 170.

¹¹⁷ «Аграрные проблемы», 1933, № 9—10, стр. 25; «Интернационал молодежи», 1933, № 13, стр. 5; J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XIX, p. 6.

пунктов солдат перед выступлением несколько дней держали взаперти, чтобы они не могли заранее предупредить местный стачечный комитет о готовящемся разгроме стачки вооруженной силой.

Постепенно рабочие стали переходить от оборонительной борьбы к наступательной. Забастовки сопровождались захватом сахарных заводов и служебных помещений. Так, в сентрале Насобаль (провинция Лас-Вильяс) в ответ на попытку администрации уменьшить заработную плату забастовало около 5 тыс. рабочих, потребовавших увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Бастующие вывесили красный флаг, создали отряд самообороны и в течение нескольких дней держали сентраль в своих руках. Они заставили администрацию предоставить в распоряжение стачечного комитета имеющийся железнодорожный подвижной состав и использовали его для установления связи с плантационными рабочими соседних районов и вовлечения их в стачку. Окрестное крестьянство поддерживало бастующих, собрав для них около тысячи арроб продовольственных продуктов. Стачечный комитет, однако, допустил ряд ошибок (не захватил продовольственные склады и др.), затруднивших условия борьбы для бастующих ¹¹⁸.

Забастовками были охвачены не только рабочие сентралей, но и сельскохозяйственные рабочие, занятые в других отраслях хозяйства. Так, в Буэсито (район города Мансанильо) под руководством КНОК состоялась забастовка рабочих кофейных плантаций. Массовый характер стало принимать и движение крестьянской бедноты. По инициативе коммунистов стали создаваться лиги бедняцко-середняцкого крестьянства и арендаторов. Одни из первых крестьянских лиг возникли в северной части Лас-Вильяс и на юге провинции Матансас (в районе Педро-Бетанкур). В Санта-Люсия, на севере провинции Ориенте, при участии коммунистов была проведена демонстрация колонов, в которой участвовало около тысячи человек ¹¹⁹.

Стачки вспыхнули также на отдельных промышленных предприятиях и на транспорте. В столице и других городах проходили массовые демонстрации безработных и правительственных служащих, месяцами не получавших жалованья. Ремесленники, мелкие торговцы и домовладельцы отказывались платить налоги,

¹¹⁸ «Аграрные проблемы», 1933, № 9—10, стр. 206—207; «Советский сахар», 1933, № 9, стр. 49; «Boletin Sindical» (Montevideo), IX 1933, № 3, p. 4.

¹¹⁹ El Partido comunista y los problemas de revolución en Cuba. La Habana, 1933, p. 18; «Коммунистический Интернационал», 1933, № 28 стр. 18.

выступали с протестами против высоких тарифов за пользование электроэнергией и т. д.¹²⁰

Положение на Кубе было чревато революцией, и это начинало не на шутку тревожить финансовых воротил с Уолл-стрит, непосредственно заинтересованных в кубинских делах. В «деловых кругах» стали поговаривать о необходимости американского вмешательства для «урегулирования» обстановки на Кубе. Результаты состоявшихся в начале ноября 1932 г. в США президентских выборов показали, что вмешательство Вашингтона с целью такого «урегулирования» является лишь вопросом времени. Вскоре после избрания Ф. Рузвельта на пост президента Мачадо назначил нового посла в США. Им стал Оскар Б. Синтас — зять упоминавшегося уже крупного кубинского дельца полковника Тарафа — бизнесмен, член правлений многих компаний, вице-президент «Америкэн кар энд фаундри компани». Президентом ее был миллионер У. Вудин, тесно связанный со многими действовавшими на Кубе североамериканскими банками, железнодорожными, энергетическими, горнодобывающими и сахарными компаниями.

Назначая Синтаса новым послом в Вашингтоне, Мачадо и его приспешники рассчитывали на то, что связи Синтаса с американским капиталом и особенно с Вудином, которого печатно называла кандидатом в министры финансов будущего кабинета Ф. Рузвельта (и он действительно был назначен на этот пост), помогут им получить поддержку новой вашингтонской администрации. В конце ноября 1932 г. были восстановлены конституционные гарантии во всех провинциях, кроме столичной. Одновременно Мачадо демагогически заявил, что члены оппозиции имеют равные со всеми права и находятся под защитой конституции¹²¹. Однако демонстрации и митинги, состоявшиеся по призыву компартии в день четвертой годовщины убийства Мельи в Гаване, Сантьяго, Санта-Клара и Матансасе, были обстреляны из пулеметов войсками и полицией¹²².

Волна стачек, прокатившаяся в начале 1933 г. по сентралям, сорвала маневры кубинской правящей клики. Напуганное размахом рабочего движения правительство немедленно прекратило действие конституционных гарантий, снова ввело в стране осадное положение и бросило на подавление «беспорядков» вооруженные силы. В охваченные стачками районы были посланы воинские части, причем офицеры и солдаты получили право стрелять в каждого, кто, по их мнению, «имеет подозрительный

¹²⁰ «Daily Worker», 24.I, 6.II 1933; «Коммунистический Интернационал», 1933, № 25, стр. 44.

¹²¹ «Foreign Relations — 1932», v. 5, p. 563.

¹²² ГМР СССР, 9738/22, Л-615-3а; 9738/44, Л-614-11е.

вид». Еще более усилились репрессии против коммунистов и революционных профсоюзов, а также против студенческих организаций.

Конец 1932 г. ознаменовался на шумевшим убийством юноши-студента Мариано Гонсалес Рубиера. Через три часа после того, как он был арестован полицией, его труп обнаружили в сточной канаве. Чтобы скрыть это убийство от общественности, правительство ввело строжайшую цензуру. Но правда стала известна. Газета «Эль Паис» опубликовала на первой странице в канун Нового года огромную фотографию трупа Рубиеры, изрешеченного пулями. Причем руки и ноги убитого были в кандалах, которые полиция впопыхах забыла снять со своей жертвы. Автор статьи бежал с Кубы, а редактор, отважившийся поместить в газете статью и фотографию, нашел убежище в уругвайском посольстве, но позже попал в руки властей и был брошен в тюрьму ¹²³.

Со своей стороны лидеры «АВС», увидев, что пришедшие в движение массы все шире втягиваются в революционное движение и борьба их принимает все более организованный характер, стали призывать своих сторонников к поджогам плантаций и сахарных заводов, к организации крушений поездов и т. д. Кое-где члены «АВС» вошли в состав стачечных комитетов с целью деморализовать бастующих и сорвать забастовки. В городе Гуантанамо они выдали полиции руководителей забастовки. В некоторых других местах террористы из «АВС» стреляли в рабочих-активистов и бросали в их дома бомбы. Возникшая незадолго до этого времени внутри Компартии Кубы «оппозиция» призвала рабочих «не бастовать до тех пор, пока не забастует весь остров». Группку «оппозиционеров» удалось вскоре изолировать и разоблачить. Но деятельность ее так же, как и действия руководства «АВС», сыграла свою отрицательную роль и была на руку реакции, стремившейся разгромить и задушить рабочее движение ¹²⁴.

Тем не менее многие стачки начала 1933 г. окончились победой рабочих. Предприниматели вынуждены были удовлетворить их основные требования. Например, в сентрале Никеро (провинция Ориенте) вожаки вьючных животных — «аррихонерос» — добились повышения заработной платы с 20 до 30 сентаво, а в упомянутом уже сентрале Насобаль — с 30 до 60 сентаво в день. В Медиа-Луна добились выплаты старой задолженности и увеличения заработной платы «карретерос» — возчики, доставляв-

¹²³ «Daily Worker», 23.II 1933; M. Riera. Op. cit., p. 385; H. Strode. Op. cit., p. 311.

¹²⁴ «Интернационал молодежи», 1933, № 13, стр. 6—7; L. de la Torre. Op. cit., p. 234—235.

вооруженное нападение на пост сельской гвардии. Посол сообщал также, что на границе провинций Камагуэй и Лас-Вильяс появился партизанский отряд¹²⁶. К началу марта партизаны действовали уже во всех трех восточных провинциях (Лас-Вильяс, Камагуэй и Ориенте)¹²⁷. В вооруженной партизанской борьбе против кровавого режима участвовали студенты, сельскохозяйственные рабочие, крестьяне. Всю страну облетело известие о дерзком налете на важный железнодорожный узел — город Сан Луис (провинция Ориенте). Партизаны под командованием одного из героических борцов против засилья империализма на Кубе, студенческого лидера Антонио Гитераса, разгромили местный гарнизон и два дня удерживали город в своих руках¹²⁸.

К этому времени в городе Майами (Флорида, США) собралось около тысячи эмигрировавших с Кубы представителей буржуазно-помещичьей оппозиции режиму Мачадо. Здесь находились лидеры почти всех групп этой оппозиции: консерватор М. Менокаль, «либерал» М. Гомес, «националист» К. Мендиэта, Карлос де ла Торре — известный ученый и бывший профессор Гаванского университета, и др. Добиваясь власти, лидеры буржуазно-помещичьей оппозиции вели в США интенсивную пропаганду против Мачадо, требовали американского вмешательства на основе «поправки Платта» и готовили с помощью «АВС» новый государственный переворот. Они в своих целях стремились создать на Уолл-стрит и в Белом доме впечатление о неустойчивости режима Мачадо и необходимости замены Мачадо лидерами оппозиционных групп¹²⁹.

Гугенхейм тщетно пытался примирить оппозицию с Мачадо. Государственный секретарь Г. Стимсон 26 января 1933 г. снова заявил, что «поправка Платта» не обязывает правительство США безусловно, в любом случае, вмешиваться в дела Кубы. В то же время из Соединенных Штатов непрерывно поступало оружие кубинскому диктатору¹³⁰. Президент Гувер и его окружение не хотели видеть назревавшей на Кубе революции и надеялись сохранить у власти террористическую диктатуру Мачадо. Однако все большее число людей в Соединенных Штатах убеждалось в невозможности удержать массы в повиновении путем террора и репрессий и в неспособности режима Мачадо

¹²⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 270, 272—274.

¹²⁷ «Current History», IV 1933, v. 38, p. 89; J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XIX, p. 7.

¹²⁸ Manual de capacitación cívica. La Habana, 1960, p. 209; M. Riera. Op. cit., p. 408.

¹²⁹ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 1901.

¹³⁰ A. T o y n b e e. Survey of International Affairs — 1933. London, 1934, p. 375; «Daily Worker», 10.I 1933.

защитить интересы американского капитала на Кубе. «Наша пресса,— вспоминал позже об этом времени С. Уэллес,— ...почти ежедневно публиковала объемистые отчеты о трагедиях, которые происходили... на Кубе, и редакционные комментарии становились все более негодующими» ¹³¹.

Демократические организации в Соединенных Штатах, прежде всего компартия, а также Антиимпериалистическая лига, Лига коммунистической молодежи, Совет женщин рабочего класса, Клуб имени Х. А. Мельи и другие, развернули борьбу в поддержку кубинского народа, против режима диктатуры и террора. Коммунистическая партия и Антиимпериалистическая лига призвали рабочих США выступить в защиту трудящихся масс Кубы под лозунгами: «Прекратить отправку Уолл-стрит военного снаряжения палачу Мачадо!», «Требуем освобождения политзаключенных на Кубе!», «Прекратить кровавый террор против кубинских рабочих!», «Требуем ликвидации военно-морских баз на кубинской территории!», «Не допустим американской интервенции против революционных кубинских масс!». Из представителей компартии, Антиимпериалистической лиги, Клуба имени Х. А. Мельи и других демократических организаций был создан Временный комитет поддержки кубинского народа. Комитет организовал демонстрацию рабочих перед зданием кубинского консульства в Нью-Йорке. Делегация от демонстрантов вручила генеральному консулу протест против террора на Кубе и потребовала освобождения и обеспечения безопасности арестованных руководителей кубинской компартии и революционных профсоюзов ¹³².

Ситуация, сложившаяся на Кубе, не могла не найти отзвука в Вашингтоне. 10 января 1933 г. руководитель латиноамериканского отдела государственного департамента Ф. Уайт, пригласив к себе кубинского поверенного в делах в США Хосе Барона, заявил ему, что он был «весьма шокирован новостями с Кубы», что «подобного рода события (убийства охранкой студентов.— Э. Н.) наносят Кубе и правительству президента Мачадо большой ущерб» и что оно обязано прежде всего «попытаться любым путем восстановить в стране доверие» ¹³³. 12 января член палаты представителей от демократов, глава «Особой комиссии палаты по расследованию коммунистической пропаганды», реакционер Гамильтон Фиш внес в палате резолюцию, требующую вмешательства президента США с целью примирения враждующих кубинских политических группировок, а также назначения

¹³¹ S. Welles. Two Years of the «Good Neighbor» Policy. Washington, 1935, p. 4.

¹³² «Daily Worker», 6.II, 17.IV 1933.

¹³³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 272.

в Гавану с этой целью «сильного посла»¹³⁴. Монополисты США были серьезно встревожены событиями, разворачивающимися на Кубе, и желали, чтобы с «беспорядками на этом беспокойном острове» было покончено как можно быстрее.

Мировой экономический кризис резко обострил и без того усилившиеся в правление Мачадо противоречия, существовавшие внутри кубинского общества, между кубинской нацией и империализмом США. Социальная база режима Мачадо быстро сужалась. На Кубе назревала народная антиимпериалистическая революция. Революционная волна в годы экономического кризиса охватила почти все страны Латинской Америки, народы которых выступили против империалистического грабежа и порабощения. Отношения между США и их «братскими республиками на Юге» достигли крайней степени напряженности.

В связи с этим в американской прессе (как, впрочем, и в прессе Кубы и других стран Латинской Америки) высказывались предположения о возможности серьезных изменений в кубинской и вообще в латиноамериканской политике Соединенных Штатов после предстоящего в начале марта 1933 г. прихода к власти в Вашингтоне правительства Ф. Д. Рузвельта. Прогнозы подобного рода были не случайны — они определялись всем ходом развития взаимоотношений между США и странами Латинской Америки в период после первой мировой войны.

¹³⁴ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 3, p. 2892—2893; «New York Times», 14.I 1933.

СВЕРЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ МАЧАДО

1. Миссия Уэллеса

а президентских выборах 1932 г. в США победил и 4 марта 1933 г. вступил в должность кандидат демократической партии Франклин Делано Рузвельт. Его правительство пришло к власти в трудный для американского империализма момент. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., развернувшийся на базе общего кризиса капитализма, по силе и продолжительности не имел себе равных. Наиболее сильно он поразил главную страну капитализма — США. За неслыханным биржевым крахом на Уолл-стрит последовали разорение и закрытие тысяч промышленных и торговых предприятий. Безработица охватила 17 млн. человек. Резко обострились классовые противоречия.

Кризис явился тяжелейшим ударом не только по всей американской экономической и социальной системе, но и ослабил позиции империализма США за рубежом. Экспорт капитала из США почти прекратился. Еще больше обострились империалистические, и прежде всего англо-американские, противоречия. Экономика США пострадала от кризиса гораздо сильнее, чем экономика Англии. Объем промышленной продукции США к весне 1933 г. сократился на 60% по сравнению с 1929 г., а Англии — лишь на 8%. В годы кризиса Англия вернула себе первое место в мировой торговле. Американские капиталовложения за границей, и особенно в Латинской Америке, обесценились гораздо больше, чем английские¹.

¹ К. Льюис. Страны-должники и страны-кредиторы, 1938, 1944. М., 1947, стр. 74; Мировой финансовый кризис. Статистические материалы. М., 1934, стр. 86; А. С. Кодаченко. Англо-американская борьба за рынки сбыта (1929—1933 гг.). М., 1959, стр. 43.

Английский империализм повел в эти годы ожесточенную контратаку против своего американского соперника. Прежде всего это относилось к Южной Америке, где в начале 30-х годов английскому капиталу удалось временно вернуть часть утраченных в годы первой мировой войны и в послевоенное десятилетие позиций². Доля США в импорте Латинской Америки за годы кризиса упала с 38,7% до 29,2%, а доля Англии возросла с 14,9% до 18,1%³.

Мировой экономический кризис еще больше обнажил противоречия между империалистическими державами и колониальными и зависимыми странами. В ответ на принятый в 1930 г. США запретительный тарифный закон Хаули-Смута, который, по словам внешнеполитического редактора журнала «Тайм» Уэртенбэйкера, «помог Латинской Америке погрузиться в пучину кризиса»⁴ и почти закрыл ее продуктам доступ на внутренний рынок США, латиноамериканские страны также увеличили тарифные барьеры, ввели импортные квоты, установили контроль над валютой, прекратили платежи по долгам и стали заключать клиринговые торговые соглашения с европейскими странами и Японией⁵. В результате в то время, как вся внешняя торговля США за время с 1929 по 1932 г. сократилась втрое, их торговля с Латинской Америкой сократилась почти в 4 раза⁶. К 1936 г. американские капиталы, вложенные в заграничные ценные бумаги, считались обесцененными во всем мире на 38,8%, а в Латинской Америке — на 76—77%⁷.

В годы кризиса «снижение жизненного уровня трудящихся масс в Южной и Караибской Америке достигло небывалых размеров»⁸.

Враждебность к «империализму янки» и антиимпериалистическое движение приняли к концу 1932 — началу 1933 г. невиданные до того в Латинской Америке масштабы. Обстановка

² W. Phelps. The International Economic position of Argentine. Philadelphia, 1938, p. 181; «New York Times», 15.IV 1934.

³ R. K. Showman and L. S. Judson. The Monroe doctrine and the Growth of the Western Hemisphere Solidarity. New York, 1941, p. 195.

⁴ C. Wertenbaker. A New Doctrine for the Americas. New York, 1941, p. 75.

⁵ H. J. Spykman. America's Strategy in World Policy. New York, 1942, p. 75; W. Feurlein and E. Hannan. Dollars in Latin America. New York, 1941, p. 19.

⁶ Recommendations to the Pan American Conference at Montevideo by the Committee on Latin American Policy. New York, 1933, p. 10.

⁷ C. Lewis. America's Stake International Investments. Washington, 1938, p. 414.

⁸ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. Материалы. М., 1935, стр. 392.

там, по выражению У. Фостера, «была чревата революцией»⁹. Перед правительством Ф. Рузвельта стояли серьезнейшие задачи: вывести США из кризиса с наименьшими потерями, покончить с ростом рабочего движения и укрепить покачнувшийся авторитет «американской демократии», успеть вооружиться к началу назревающей новой мировой схватки и создать внешнеполитические предпосылки для успешного осуществления планов гегемонии американских монополий в мире.

Попыткой заглушить рост недовольства народных масс и несколько ослабить кризисные явления в экономике США явилась серия реформ, известных под названием «нового курса».

Но, хотя правительство и сумело найти «общий язык» с профсоюзными лидерами, остановить рост рабочего движения ему не удалось. Поэтому Белый дом вынужден был считаться с настроением широких масс, с организованным рабочим классом не только в области чисто внутренней политики, но и в области внешнеполитической линии правительства.

«Добрые соседи» в Вашингтоне и Куба

Особое место в подготовке США к назревающей войне занимала Латинская Америка — один из богатейших по запасам сырья районов капиталистического мира. Ф. Рузвельт, как и некоторые другие американские политики, еще до экономического кризиса 1929—1933 гг. отдавал себе отчет в том, какое огромное значение мог бы иметь полный контроль над Латинской Америкой для успеха дальнейшей борьбы монополий США за мировую гегемонию. Желание использовать ресурсы и стратегическое положение Латинской Америки в предстоящей схватке между империалистическими державами, с одной стороны, и мешавшая этому враждебность к «империализму янки», охватившая не только народы, но и часть правящих кругов латиноамериканских стран — с другой, — таковы были главные факторы, заставившие его (как и С. Уэллеса и других американских политиков, а также публицистов и историков) уже в 1928 г. поставить вопрос о необходимости срочного изменения форм и методов латиноамериканской политики США, о переходе к более эффективным методам экспансии¹⁰. Экономический кризис 1929—1933 гг. лишь подтвердил эту необходимость.

⁹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 568.

¹⁰ См.: «Foreign Affairs», VII 1928, v. 6, № 4; S. Welles. Naboth's Vineyard. The Dominican Republic, 1844—1924, v. 2. New York, 1928, p. 923—936; C. L. Jones, H. K. Norton and T. P. Moon. American policy abroad. The United States and Caribbean. Chicago, 1929, p. 97, 200—201; «The Annals of American Academy of Political and Social Science», VII 1928, v. 138, p. 73 и др.

Кризис заставил гуверовскую администрацию сделать первые робкие шаги к изменению форм политики США в Латинской Америке, но они почти ничего не изменили. Больше того, в результате кризиса и негибкой политики правительства Гувера к 1933 г. в правящих кругах южноамериканских стран заметно усилились враждебные интересам американского империализма тенденции. В конце 1932 г. аргентинское правительство выступило с проектом так называемого «пакта Ламаса», имевшего целью ослабить влияние США в Панамериканском союзе и странах Южной Америки. При поддержке британского империализма Аргентина пыталась сколотить таможенный союз и блок южноамериканских стран, направленный против США¹¹.

Пресса сообщала о быстром росте враждебности латиноамериканцев к США и даже о возможности отказа от созыва седьмой панамериканской конференции в Монтевидео, намеченной на декабрь 1933 г.¹²

Подобное развитие событий грозило срывом далеко идущих планов Вашингтона в отношении Латинской Америки. Ф. Рузвельт уже до вступления в должность президента уделял особое внимание проблеме отношений с латиноамериканскими странами, которые он рассматривал как ближайший «тыл» и резерв США¹³. В своем вступительном послании конгрессу 4 марта 1933 г. Ф. Рузвельт обещал, что его правительство будет проводить «политику доброго соседа — соседа, который решительно уважает себя и именно поэтому уважает права других, соседа, который верен своим обязательствам и уважает святость своих соглашений с миром соседей»¹⁴. Спустя месяц, 12 апреля 1933 г., выступая в руководящем совете Панамериканского союза с первой речью о своей латиноамериканской политике, Ф. Рузвельт заявил, что «неотъемлемыми качествами панамериканизма» являются «те же самые качества, которые составляют качества доброго соседа», и сделал первый намек на необходимость «панамериканизации» доктрины Монро, назвав ее «панамериканской доктриной континентальной самозащиты народов американских республик»¹⁵.

Подобные заявления о «добрососедстве», «уважении прав малых наций» и т. д., делавшиеся затем время от времени в те-

¹¹ W. Scroggs and W. Lippman. The United States in World Affairs, 1933. New York, 1934, p. 192.

¹² «Times», 4.II 1933; «Правда», 6 и 13.II 1933.

¹³ См.: S. Welles. The Times for Decision. New York, 1944, p. 192.

¹⁴ The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt, v. 2. New York, 1938, p. 14.

¹⁵ Ibid., p. 129—131.

чение многих лет, имели целью усыпить бдительность народов Латинской Америки и ослабить их сопротивление экспансии американского капитала. Они были также рассчитаны на обман в большинстве своем антиимпериалистически настроенных народных масс США и других стран мира.

Латиноамериканцы слышали подобные заверения много раз еще со времен Вудро Вильсона и давно уже перестали им верить. Правительство Ф. Рузвельта действовало более тонко, энергично, с широким размахом. Уже в 1933—1936 гг. оно ликвидировало ряд наиболее откровенных актов «старой» политики: «поправку Платта» на Кубе и подобное же формальное «право» на вооруженную интервенцию США в Гаити и Панаме; вывело, наконец, после 20 лет оккупации, американскую морскую пехоту из Гаити; подписало конвенцию об отказе от вооруженной интервенции и вмешательства в дела других стран; молча согласилось с ликвидацией навязанного США странам Центральной Америки договора 1923 г. и т. д.

Вашингтонское правительство пошло также на ряд других уступок, частично отказавшись от «устаревшей» и грубой практики открытого военного нажима и военных оккупаций. Новые договоры и соглашения, заключенные в 1930-х годах с латиноамериканскими странами, были призваны заменить «устаревшие» формы американского контроля в этих странах более замаскированными и гибкими формами, в частности финансовым контролем, фактическим контролем над внешней торговлей, созданием в малых странах Карибского района марионеточных диктаторских режимов, опирающихся на местные наемные вооруженные формирования, обученные и контролируемые Вашингтоном, и т. п.

Несомненно, что под нажимом наиболее реакционных кругов монополистов правительство Ф. Рузвельта пошло бы дальше по пути демонстрирования «добрососедства» менее активно, чем в 1933—1934 гг., если бы середина 30-х годов не была отмечена дальнейшим революционизированием трудящихся масс Латинской Америки. В условиях развернувшейся во всем мире борьбы прогрессивных сил против интервенций фашистских держав в Абиссинии и Испании движение в Латинской Америке против интервенционистской политики США приобретало новое звучание. Волна антиимпериалистического движения заставила Вашингтон и магнатов Уолл-стрит и далее маскировать свою экспансионистскую политику в латиноамериканских странах дымовой завесой «добрососедства».

Другим фактором, также оказавшим свое влияние на формы латиноамериканской политики США накануне второй мировой войны, было быстрое экономическое и политическое проникновение в латиноамериканские страны итальянского, японского

и особенно германского империализма¹⁶. В борьбе с ним Вашингтон не прочь был опереться на демократические силы в Латинской Америке и использовать антифашистские настроения масс в своих интересах. Но, хотя объективно противодействие правящих кругов США гитлеровской экспансии в Латинской Америке имело прогрессивный характер, оно не имело ничего общего с действительной защитой интересов народов Латинской Америки, как это изображают многие американские историки и публицисты. Политика «доброго соседа» была направлена отнюдь не против идеологии и практики фашизма, как такового, а против германского и итальянского империализма, оспаривавшего у своего американского соперника «первенство» и контроль в Латинской Америке¹⁷.

Что же касается местных диктаторских режимов полуфашистского и фашистского типа, то «добрый сосед» их поддерживал. Сказал же однажды Франклин Рузвельт о диктаторе Доминиканской республики Рафаэле Трухильо: «Он, может быть, и сукин сын, но это наш сукин сын»¹⁸. Политика «доброго соседа» с самого начала была рассчитана на «сотрудничество» американского империализма с местными буржуазно-помещичьими кругами в борьбе против демократического и национально-освободительного движения в Латинской Америке, которое одно и вело там последовательную борьбу с фашизмом. Эта политика учитывала классовую общность интересов латиноамериканских реакционных правящих кругов и американских монополистов. В ряде стран местные правящие клки превратились в прямую агентуру империализма, кровно заинтересованную в сохранении диктаторских режимов, терроризовавших народные массы и позволявших иностранному капиталу продолжать эксплуатировать Латинскую Америку.

Таким образом, оказавшись вынужденным пойти на серьезные уступки и резко изменить формы своей политики, американский империализм отнюдь не отказался от достижения своих прежних целей политического закабаления и экономической эксплуатации стран Латинской Америки. Именно для более успешного достижения этих целей в условиях бурного роста

¹⁶ См.: Э. Л. Н и т о б у р г. Из истории «политики доброго соседа». «Ученые записки Чувашского педагогического института», вып. VIII. Чебоксары, 1958, стр. 116—117.

¹⁷ «Правительство Ф. Д. Рузвельта в росте фашистского проникновения в Южную Америку видело... подрыв влияния США в этом районе», — свидетельствуют авторы «Истории американской внешней политики». См.: J. H. L a t a n é and D. W a i n h o u s e. A History of American Foreign Policy. New York, 1941, p. 863.

¹⁸ R. S m i t h. The United States and Cuba. Business and Diplomacy. 1917—1960. New York, 1960, p. 184. См. также: C. B e a l s. The Coming Struggle for Latin America. New York, 1940, p. 249.

национально-освободительного движения и конкуренции других империалистических держав и провозгласили правящие круги США в 1933 г. так называемую политику «доброго соседа»¹⁹.

Государственным секретарем своего кабинета Ф. Рузвельт назначил 62-летнего сенатора от штата Теннесси Корделла Хэлла (который, по словам осведомленного журналиста, «знал торговлю каждой нации и был одним из немногих сенаторов, регулярно читавших иностранную периодическую прессу»²⁰), а министром финансов — У. Вудина. Комментируя эти назначения, газета «Ивинг пост» писала: «Можно поздравить страну с двумя первыми избранниками Франклина Рузвельта», а газета «Нью-Йорк сан» добавляла, что «выбор Рузвельта придает бодрость финансовому миру»²¹.

Для монополий, непосредственно связанных с бизнесом на Кубе, эти назначения оказались тем более приятны, что Вудин, как уже говорилось выше, сам был лично заинтересован в кубинских делах. Он был членом Кубинской торговой палаты в США, входил в совет директоров «Кьюбэн компани», а также в состав правлений многих действовавших на Кубе компаний. Его именем даже называли один из кубинских городов.

Корделл Хэлл еще с 1929 г. был связан с кубинским сахарным лобби в конгрессе США. Адвокат по профессии, Хэлл 24 года представлял штат Теннесси в палате представителей, а с 1931 г. — в сенате. В 1921—1924 гг. он являлся председателем национального комитета демократической партии. Хэлл принадлежал к ее консервативному крылу, как и большинство демократов от южных штатов, и Рузвельт, несомненно, учиты-

¹⁹ Было бы неправильным забывать о том, что в определенный период — в годы подготовки фашистскими державами второй мировой войны и особенно во время войны, когда фашистская угроза для стран Латинской Америки стала реальностью, — их солидарность и широкое сотрудничество с США временно и объективно имели прогрессивный характер. И в этом смысле политика «доброго соседа», способствуя победе демократической коалиции над фашистским блоком, несомненно, имела определенное положительное значение (см.: У. З. Фостер. Указ. соч., стр. 619—620). Но это обстоятельство ни в коей мере не означало отказа правящих кругов США от планов, направленных на дальнейшее укрепление их позиций в Латинской Америке. Наоборот, события сороковых годов свидетельствуют, что политика «доброго соседа» оправдала надежды магнатов Уолл-стрит: в годы войны она помогла им увеличить свои влияние и контроль в Западном полушарии, а после войны — создать послушный Вашингтону блок латиноамериканских стран.

²⁰ E. Lindley. Roosevelt Revolution. First Phase. London, 1934, p. 55—56.

²¹ Цит. по: «Правда», 22.II 1933.

вал это важное обстоятельство, вводя его в качестве «консервативного довеска» в свой кабинет ²².

Наконец, министр торговли в первом кабинете Рузвельта, Даниэль Ропер, также был непосредственно «заинтересован» в кубинском сахаре. Незадолго до того, как его назначили на пост министра, на расследовании в Тарифной комиссии США, в феврале 1933 г., он представлял такие связанные с «Нэйшнл сити бэнк» и «Чейз нэйшнл бэнк» сахарные компании, как «Кьюба кэйн компани», «Пунта алегре компани», «Гуантанамо компани», «Кьюбэн-Амэрикан компани», «Франсиско компани», «Дженерал шугэр компани», «Кьюбэн-доминикэн компани» и др. ²³

К началу марта 1933 г., когда новое правительство приступило к своим обязанностям, в конгрессе США уже громко раздавались требования добиться ликвидации иностранных торговых барьеров против американского экспорта и перейти к наступательной торговой политике ²⁴. Поэтому Ф. Рузвельт и К. Хэлл в ряде своих первых же выступлений недвусмысленно обещали проводить такую политику ²⁵.

Стремясь выйти из экономического кризиса прежде всего за счет отсталых стран, американские монополии, естественно, сразу же обратили свой взгляд на страны Латинской Америки. Летом 1933 г., вскоре после провала Лондонской мировой экономической конференции, правительство Рузвельта приступило к торговым переговорам с рядом южноамериканских стран (Аргентиной, Бразилией и Колумбией). Но вопрос о рынках для монополий США был настолько острым, что уже в первые недели своего существования оно должно было предпринять все возможное хотя бы для восстановления рынков зависимых от американского империализма стран. Наиболее крупным из подобных рынков был, несомненно, кубинский, занимавший в 1924 г. шестое место среди рынков сбыта американской продукции. Он начал сокращаться еще в 20-х годах, а мировой экономический кризис привел к тому, что в 1933 г. Куба оказалась уже на 16-м месте среди американских рынков сбыта.

²² S. F. Bemis. The Latin American Policy of the United States. New York, 1943, p. 296. Уже после смерти Ф. Рузвельта Хэлл в своих мемуарах подтверждал, что он был далек от либерального окружения президента и от «либеральной игры». «Я, как известно,— пишет он,— не был крайним либералом или полурадикалом, как некоторые из тех, кто был близок к президенту» («New York Times», 24.I 1948).

²³ R. Smith. Op. cit., p. 143; «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 2, p. 11552—11555.

²⁴ См.: «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 1, p. 144; part 4, p. 3476, 3477; part 6, p. 6232—6233.

²⁵ «Press Releases», 29.IV 1933, p. 298. См. также: «Press Releases», 6.V 1933, p. 311—312; «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2104; part 3, p. 2874—2875.

Экспорт США на Кубу с 1924 по 1933 г., по данным журнала «Куба импортера э индустриаль» за февраль 1933 г., сократился в 8 раз ²⁶.

«Процветание Кубы самым непосредственным образом отражается на фабриках и фермах в Соединенных Штатах. Ее нищета приводит к накоплению излпшков на наших фермах и к безработице на наших фабриках...», — заявил в апреле 1933 г. на заседании Национального совета по внешней торговле президент Комитета по кубинским делам Лиги международной торговли Пик ²⁷.

Не менее серьезно задевал интересы американского капитала и продолжавшийся упадок кубинской сахарной промышленности, большая часть которой принадлежала монополистам с Уолл-стрит. Только с января по 10 июня 1933 г. экспорт сахара с Кубы сократился в весовом выражении на 29% по сравнению с тем же периодом 1932 г. По стоимости падение было еще большим в связи с почти непрекращавшимся падением мировых цен на сахар ²⁸.

Острая потребность американских монополий в рынках сбыта была одной из причин, заставивших Ф. Рузвельта заняться «кубинской проблемой» задолго до своего вступления в Белый дом. Другой причиной этого был крайне осложнивший всю «кубинскую проблему» фактор — быстро нараставший подъем революционного движения масс против режима Мачадо и его североамериканских покровителей, угрожавший перерасти в народную антиимпериалистическую революцию.

На организованной в феврале 1933 г. Ассоциацией внешней политики США дискуссии о внешнеполитических проблемах, стоящих перед будущим правительством Ф. Рузвельта, председатель Ассоциации Р. Л. Бьюэлл первой среди таких проблем назвал кубинскую. При этом он прямо поставил вопрос о необходимости устранения Мачадо («...Должны ли Соединенные Штаты нести ответственность за жестокости диктатуры Мачадо на Кубе?» ²⁹). Но, хотя от пришедшего 4 марта 1933 г. к власти правительства и ожидали быстрых действий по «урегулированию» положения на Кубе, Ф. Рузвельт и государственный

²⁶ См.: «Коммунистический Интернационал», 1933, № 25, стр. 43. Результатом кризиса, сетовал Ф. Рузвельт, «было разрушение ценного кубинского рынка для экспорта Соединенных Штатов». Куба больше «не могла покупать продукты американского сельского хозяйства и промышленности» (The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt, v. 3, p. 88—89).

²⁷ «Diario de la Marina» (La Habana), 27.IV 1933.

²⁸ «Diario de la Marina», 14.VI 1933.

²⁹ Foreign Problems confronting the new administration, discussed by R. L. Buell, W. Millis, F. Simonds, Febr. 23, 1933. New York, 1933, p. 6.

департамент первое время хранили упорное молчание по этому весьма «деликатному» вопросу³⁰.

Как свидетельствует один из членов Рузвельтовского «мозгового треста» Ч. У. Тауссиг, Ф. Рузвельт начал изучать «кубинскую проблему» еще в начале 1932 г. и «мог рассматриваться как эксперт... по кубинским делам»³¹. Вскоре после избрания его президентом, 9 января 1933 г., состоялась встреча Ф. Рузвельта с Г. Стимсоном, во время которой ими в числе прочих вопросов обсуждался вопрос о Кубе³². Рузвельт искал такое решение «кубинской проблемы», которое бы позволило избежать там революции и не затронуло бы основ господства американского капитала на острове.

Для ознакомления с положением на месте он послал в Гавану в декабре 1932 — январе 1933 г. двух членов своего «мозгового треста»: уже упомянутого Ч. У. Тауссига — крупного дельца и президента «Эмерикэн молэсис компани», владевшей крупной собственностью на Кубе и контролировавшей рафинировочную компанию «Сакрист корпорейшн», использовавшую кубинский сахар-сырец, — и профессора А. А. Берли, члена правления «Эмерикэн молэсис компани»³³. По возвращении их у Рузвельта в Ворм-Спрингс³⁴ состоялось совещание, на котором было решено, что для «экономической стабилизации» Кубы, а фактически для дальнейшего ее закабаления и эксплуатации, необходимо прежде всего восстановить ее сахарную промышленность путем предоставления Кубе возможности сбывать часть ее сахара-сырца на закрытом для «посторонних» сахарном рынке США. На этой основе уже тогда был намечен план осуществления таких мероприятий, как: предоставление Кубе импортной квоты на сахар (примерно около 2 млн. т ежегодно); заключение нового торгового договора с Кубой на основе «взаимного снижения пошлин»; наделение рабочих сахарных компаний на Кубе мелкими земельными участками; снижение пошлин на импортируемый США кубинский сахар³⁵.

Что касается политического аспекта «кубинской проблемы», то к весне 1933 г. стало совершенно очевидно, что правительство

³⁰ «New York Herald Tribune», 16.IV 1933.

³¹ C. W. Taussig. Cuba and Reciprocal Trade Agreement. Official Report of the Twenty-First National Foreign Trade Convention. New York, 1934, p. 552—557.

³² R. H. Ferrel. American diplomacy in the great depression. Hoover-Stimson foreign policy, 1929—1933. New Haven, 1957, p. 240. С. Уэллес также подтверждает, что уже в самом начале 1933 г. Ф. Рузвельт занимался вопросом о Кубе (S. Welles. Two Years of the «Good Neighbour» Policy. Washington, 1935, p. 4).

³³ «Diario de la Marina», 19.IV 1933; «New York Herald Tribune», 6.IV 1933.

³⁴ Курорт в штате Джорджия, где ежегодно лечился Ф. Рузвельт.

³⁵ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 1900; E. Lindley. Op. cit., p. 197—198.

Мачадо, возбудившее против себя враждебность всего населения — от широких масс трудящихся и до многих слоев господствующих классов, — не способно в сложившейся обстановке обеспечить ни «стабильность», ни защиту американских интересов на Кубе. Дальнейшее усиление террора неизбежно приближало революционный взрыв. Ослабление диктатуры также неминуемо вело к революционному свержению ненавистой массам диктаторской клики³⁶.

Кубинская буржуазно-помещичья оппозиция готовила вооруженный переворот в Гаване. Но американское правительство ни в коем случае не желало допустить нового восстания против Мачадо, справедливо полагая, что при создавшейся на острове накаленной обстановке оно могло послужить своего рода детонатором и стихийно перерасти в народную революцию. В Вашингтоне понимали также, что такая революция обязательно приняла бы антиимпериалистический характер и оказала огромное революционизирующее влияние на все страны Карибского бассейна. «Конфликт, — откровенно говорилось в редакционной статье еженедельника «Нэйшн», — лишь во вторую очередь является конфликтом между кубинским народом и Мачадо. Это прежде всего конфликт между кубинским народом и теми самыми интересами, в пользу которых государственный департамент последние двенадцать лет развивал столь неутомимую активность в Карибском районе... Государственный департамент действовал в интересах «Нэйшнл сити банка» и других банков... и стоял за той огромной массой... капитала, деятельность которого сейчас так сильно дискредитирована»³⁷.

Однако свержение Мачадо старым испытанным методом американского империализма — путем открытой вооруженной интервенции на основе «поправки Платта» — тоже было исключено. В сложившейся в Латинской Америке, да и в самих Соединенных Штатах, обстановке приходилось действовать иными методами.

Уже в начале 1933 г. был установлен неофициальный контакт между новым президентом США и лидерами кубинской буржуазно-помещичьей оппозиции, собравшимися в Майами. Согласно включенному в протоколы конгресса США сообщению газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «за несколько недель до 4 марта» лидерам оппозиции было дано понять, «что если бы они прекратили подготовку (к восстанию. — Э. Н.) и подождали, то новое правительство в Вашингтоне использовало бы более миролюбивые средства разрешения кубинской пробле-

³⁶ «Становилось ясно, — писал впоследствии К. Хэлл, — что либо Мачадо уйдет в отставку, либо его свергнет революция» (C. Hull. Memoirs, v. I. New York, 1948, p. 312—313).

³⁷ «Nation», 3.V 1933, v. 136, p. 489.

мы»³⁸. В одном из своих последних донесений, датированном 9 марта 1933 г., посол Гугенхейм сообщал новому государственному секретарю К. Хэллу о том, что лидеры кубинской оппозиции в Майами завершают подготовку к созданию объединенного комитета оппозиции и ведут переговоры о включении в этот комитет представителей «АВС» и Студенческого директората³⁹.

Характеризуя обстановку, сложившуюся к моменту прихода Ф. Рузвельта к власти, С. Уэллес отмечал, что к этому времени «Куба была страной экономически обессиленной, управляемой методами тиранической диктатуры, по отношению к которой 95 % населения было настроено фанатически враждебно, страной.., в которой взрывы бомб, терроризм и убийство стали повседневными явлениями»⁴⁰.

В апреле 1933 г. положение на Кубе стало еще более напряженным. В столице продолжали рваться бомбы террористов из «АВС» и Студенческого директората. Только за одни сутки, 14 апреля, в разных районах Гаваны взорвалось 17 бомб. Полиция немедленно ответила на это убийством 17 студентов. В знак протеста против полицейских репрессий забастовали ученики и учителя средних школ во многих городах (Сантьяго, Мансанильо, Матансас и др.). Возникшие в восточных провинциях партизанские отряды быстро росли за счет уходивших в горы сельскохозяйственных рабочих и разорившихся арендаторов. На борьбу против клики Мачадо поднимались все более широкие слои народа. Только в одной провинции Ориенте в апреле было отмечено четыре крупных революционных выступления, жестоко подавленные армией⁴¹.

Ведущую роль в движении играл рабочий класс. Не прекращались стачки на сахарных заводах. Все активнее втягивались в забастовочную борьбу молодежь и женщины. Так, забастовка «энхильядорес» — плетельщиц сидений для стульев — в городе Сьенфюэгос длилась два месяца, несмотря на то, что возраст большинства участвовавших в ней работниц (белых и негритянок) не превышал 15 лет. Организовал эту стачку Союз коммунистической молодежи. Под руководством коммунистической партии и революционных профсоюзов рабочий класс Кубы готовился к решающим боям против террористического режима. В борьбе за свержение Мачадо, как писал в апреле 1933 г. корреспондент «Нью-Йорк Таймс», видный американский жур-

³⁸ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 1901. См. об этом также: A. F a b r e - L u c e. Revolution à Cuba. Paris, 1934, p. 33.

³⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5. Washington, 1952, p. 274.

⁴⁰ S. W e l l e s. Relations between the United States and Cuba. Washington, 1934, p. 6.

⁴¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 274—276; «Diario de la Marina», 7.IV 1933; «La Prensa» (Buenos Aires), 9, 14, 15, 16, 18, 30.IV 1933.

налист Рассел Портер, «рабочее движение, несомненно, представляло главную силу» ⁴².

Нарастающий революционный кризис не мог не оказать своего влияния на армию. Об этом свидетельствует, в частности, письмо поверенного в делах США в Гаване Рида от 17 апреля 1933 г. государственному секретарю К. Хэллу, в котором сообщалось, что в казармах пятого артиллерийского дивизиона, расположенных в Ведадо (район Гаваны), имеется ячейка коммунистической партии ⁴³.

Размах массового движения на острове был предвестником гораздо более грозных событий, и это понимали на Уолл-стрит и в Вашингтоне. 16 апреля член палаты представителей Гамильтон Фиш заявил о своем намерении потребовать от государственного секретаря Хэлла «дипломатической интервенции... на Кубе». На заседании палаты представителей 17 апреля он попросил двадцать минут для того, чтобы сделать заявление о необходимости «вмешаться в события» на Кубе на основании «поправки Платта». Но в связи с возражениями со стороны менее слабонервных его коллег выступление это было отложено ⁴⁴. Спустя пять дней в сенате сенатор Кинг, указав на серьезность положения на Кубе, также заявил, что США должны принять соответствующие меры для исправления этого положения ⁴⁵.

За день до заявления Кинга член палаты представителей Шоэмэйкер потребовал расследования конгрессом вопроса о получении кубинскими эмигрантами в Нью-Йорке оружия в Соединенных Штатах и заявил, что создавшееся на Кубе положение вызвано борьбой за контроль над ресурсами острова между «двумя огромными финансовыми группами», одна из которых стремится сохранить Мачадо у власти, а другая — устранить его ⁴⁶. 3 мая во время дебатов в палате представителей Г. Фиш демагогически заявил, что администрация Гувера ничего не сделала для восстановления «демократии» на Кубе и что было бы интересно выяснить факты о связи «Нэйшнл сити банка» и «Чейз нэйшнл банка» с правительством Мачадо ⁴⁷.

Между тем представители кубинских буржуазных оппозиционных партий в США после ряда неофициальных «консультаций» с государственным департаментом договорились, наконец, между собой и сформировали в апреле 1933 г. Объединен-

⁴² Цит. по: «Правда», 12.VIII 1933.

⁴³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 277.

⁴⁴ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 1854; «Current History», VI 1933, v. 38, p. 343.

⁴⁵ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2139.

⁴⁶ Ibid., part 3, p. 2895—2896.

⁴⁷ Ibid., p. 2891—2892.

ную революционную хунту во главе с Карлосом де ла Торре, в которой каждая из них имела один голос⁴⁸. В конце апреля новая хунта провела в Нью-Йорке серию секретных заседаний для выработки совместной программы действий, которую она должна была представить полуофициальной американской комиссии. Имелось в виду использовать эту программу в предстоящих переговорах с Мачадо⁴⁹.

Создание хунты — единого центра буржуазно-помещичьей оппозиции — было первым звеном в осуществлении Вашингтонского своего плана разрешения «кубинской проблемы». Затем предполагалось заставить Мачадо договориться с хунтой об уходе его в отставку и передаче власти лидерам оппозиции с тем, чтобы объединить кубинский правящий лагерь и предотвратить революционный взрыв, угрожавший интересам всех участников этой сделки. Этот план полностью укладывался в рамки только что провозглашенной Рузвельтом политики «доброго соседа».

«Кубинская проблема», таким образом, оказалась первым испытанием «добрососедства» Соединенных Штатов, и от результатов этого испытания зависели в значительной мере как исход седьмой панамериканской конференции, созываемой в декабре 1933 г., так и успех программы торговых договоров на основе принципа «взаимности» и всей последующей политики нового правительства в Латинской Америке⁵⁰. Поэтому оно вынуждено было отказаться от открытого вмешательства в кубинские дела и избрать путь постепенного и незаметного устранения Мачадо, используя «конституционную процедуру» с тем, чтобы отстранить народ от решения вопроса о власти и разрядить революционное напряжение на Кубе.

Однако мощный революционный подъем на Кубе ставил под угрозу осуществление разработанного в Вашингтоне плана

⁴⁸ A. R o a. Roosevelt — Executive dictator. Havana, 1933, p. 146; «Foreign Policy Reports», v. 9, № 8, p. 87—88.

⁴⁹ «La Prensa» (Buenos Aires), 28.IV 1933; A. Wilgus. The Caribbean Area. Washington, 1934, p. 173.

⁵⁰ «Для президента Рузвельта, — писал позже С. Уэллес, — были ясны два факта. Первый — тот, что, хотя существующий договор с Кубой дает нашей стране право на интервенцию, любая такая интервенция полностью противоречила бы общей линии латиноамериканской политики, намеченной им для себя. Второй — тот, что с положением», сложившимся на Кубе, «должно быть покончено. Такому положению у парадной двери Соединенных Штатов нельзя позволять продолжаться неопределенное время» (S. Welles. Times for Decision, p. 194—195). Сам Рузвельт также подчеркивал первое обстоятельство. «Я надеялся, — писал он, —...достичь соглашения между правительством президента Мачадо и политическими группами, выступающими против сохранения им власти...» (The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 323—324. См. также: «La Prensa», 17, 24.IV 1933).

«конституционного» устранения Мачадо. Вопрос заключался в том, успеет ли государственный департамент убедить либо заставить Мачадо добровольно передать власть оппозиции до того, как разразится революционный взрыв.

**Операция по спасению
под названием «посредничество»**

2 апреля 1933 г. посол Гугенхейм был отозван из Гаваны. Поддерживая неофициальный контакт с нью-йоркской хунтой, Рузвельт и Хэлл одновременно вели переговоры с послом Мачадо в Вашингтоне О. Синтасом. 15 апреля в ответ на запрос в конгрессе Хэлл заявил, что правительство США не собирается вмешиваться в дела «суверенной Кубы» и лишь намерено послать в Гавану нового посла⁵¹.

Однако задача, стоявшая перед этим послом, была достаточно сложной, требующей знания латиноамериканской специфики и большого дипломатического искусства. Тем более, что, по некоторым имеющимся в Вашингтоне сведениям, Мачадо отнюдь не собирался добровольно покидать президентское кресло. Выбор нового посла поэтому имел важное значение, и после обсуждения ряда кандидатур (в том числе банкира Д. Уорбурга, Дж. Кьюдахи, Джефферсона Кэффера и др.) выбор пал на Бенджамена Сэмнера Уэллеса, только что утвержденного конгрессом США в должности помощника государственного секретаря по Латинской Америке⁵².

Он был назначен на этот пост 5 апреля 1933 г. и на следующий день утвержден конгрессом США. А спустя неделю — 12 апреля президент Ф. Рузвельт должен был выступить в Руководящем совете Панамериканского союза с первой речью, посвященной проблемам отношений между США и Латинской Америкой. По утверждению Уэртенбэйкера, Рузвельт собирался произнести «обычного порядка» речь, и 11 апреля послал в государственный департамент записку с изложением сути своего выступления. Государственный секретарь Корделл Хэлл поручил подготовить текст этой речи своему помощнику по Латинской Америке Сэмнеру Уэллесу. И «когда президент получил речь на следующий день, — свидетельствует Уэртенбэйкер, — то к своему восхищению нашел, что он выразил не только фразу, но и политику». «...Творцом ее был Уэллес»⁵³.

⁵¹ «Congressional Record», 77 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 1900: «Diario de la Marina», 6, 16, 19.IV 1933. Это заявление вызвало бурные похвалы на страницах принадлежавшей Мачадо газеты «Эральдо де Куба» (см.: «La Prensa» (В. А.), 16, 17.IV 1933).

⁵² «Diario de la Marina», 11, 15.III; 12, 17, 24.IV 1933.

⁵³ C. Wertenbaker. Op. cit., p. 79, 86—87.

Не только Уэртенбэйкер, но и некоторые другие американские авторы склонны преувеличивать роль С. Уэллеса в определении латиноамериканской политики США в период с 1933 по 1943 г. Так, Губерт Герринг утверждает, что «его рука набросала основные штрихи» новой политики⁵⁴, а Герман Олден, так же, как и Уэртенбэйкер, называет его «творцом политики доброго соседа»⁵⁵. Однако, хотя С. Уэллес действительно сыграл весьма заметную роль в осуществлении латиноамериканской политики США при правительстве Ф. Рузвельта, преувеличивать его личную роль в этом смысле едва ли следует.

Дипломатическая карьера С. Уэллеса началась в годы первой мировой войны. Закончив Гарвардский университет, он сдал экзамены на дипломатическую службу и в 1915 г. был послан в Токио. В 1917 г. Уэллес стал первым секретарем посольства США в Аргентине, в 1920 г. был назначен помощником начальника латиноамериканского отдела государственного департамента, а в 1921 г. — главой этого отдела. С. Уэллес сотрудничал с генералом Краудером в подготовке «избирательного закона» для Кубы. В 1921 г. он впервые посетил Гавану. В 1922 г. президент У. Гардинг послал Уэллеса в качестве своего представителя в Доминиканскую республику. Под его нажимом правительство этой маленькой республики было вынуждено подписать кабальную конвенцию, сохранявшую зависимость страны от американского империализма и после вывода оттуда в 1924 г. оккупационных войск США. В 1922—1923 гг. С. Уэллес вместе с государственным секретарем Ч. Э. Юзом участвовал в состоявшейся в Вашингтоне конференции США и стран Центральной Америки, а затем был послан в Гондурас, чтобы заставить гондурасское правительство ратифицировать договоры, продиктованные на этой конференции делегацией США.

В 1926—1927 гг. С. Уэллес написал книгу об истории Доминиканской республики, в заключительной части которой изложил свои взгляды на методы и формы латиноамериканской политики США, в значительной мере совпадавшие с мыслями Ф. Рузвельта, а в 1928 г. обменялся с ним письмами по этому вопросу⁵⁶. В 1929 г. Уэллес был членом финансовой миссии Ч. Г. Дауэса в Доминиканской республике. В феврале 1931 г. он послал Ф. Рузвельту письмо, в котором подверг резкой кри-

⁵⁴ См.: H. Herring. *America and the Americas*. Claremont, 1944, p. 8. См. также: S. F. Bemis. *Op. cit.*, p. 258—259.

⁵⁵ Г. Олден. *США над Латинской Америкой*. М., 1956, стр. 11.

⁵⁶ Letters Welles to Roosevelt, 20.I 1928, and Roosevelt to Welles, 24.II 1928. *General Correspondence, 1928*. Roosevelt Papers. Library of F. D. Roosevelt, Hyde Park, New York, См.: B. Wood. *The Making of the Good Neighbor Policy*. New York, 1961, p. 60. См. также: «Hispanic American Historical Review» (далее: «НАНР»), V 1954, v. 34, № 2, p. 190.

тике политику Г. Стимсона. Результатом этого было опубликование летом 1931 г. в журнале «Форин эфферс» статьи Нормана Дэвиса о необходимости изменений в латиноамериканской политике США, написанной им по просьбе Ф. Рузвельта⁵⁷.

В избирательной кампании 1932 г. Уэллес активно поддерживал Ф. Рузвельта, с которым был знаком с молодых лет и дружил, и внес в его избирательный фонд 5 тыс. долл. А вскоре после того, как Рузвельт был избран президентом, Уэллес послал ему меморандум по вопросам латиноамериканской политики США. В нем он вновь развивал уже ранее высказывавшиеся им обоими мысли о необходимости «панамериканизировать» доктрину Монро, проводить более гибкую торговую политику и использовать в случае необходимости подавления революционного движения в какой-либо из латиноамериканских стран — коллективную форму интервенции с тем, чтобы «разделить ответственность за поддержание мира в этом полушарии»⁵⁸. Именно этот меморандум и был использован для подготовки выступления Рузвельта 14 апреля 1933 г.

В возрасте 41 года Уэллес был назначен помощником государственного секретаря по Латинской Америке, а в 1937 г. стал заместителем государственного секретаря. Пользуясь личной дружбой с Ф. Рузвельтом, Уэллес нередко обращался к нему через голову государственного секретаря К. Хэлла, что, по свидетельству последнего, и послужило одной из причин отставки Уэллеса в 1943 г.

Газета «Дейли Уоркер» — орган Компартии США — писала 2 июня 1933 г. об Уэллесе как о враге народов стран Карибского района и в качестве примера приводила следующее сделанное им еще в 1924 г. (в журнале «Этлэнтик мансли») заявление: «Политикой Соединенных Штатов в отношении Кубы является по необходимости политика, применяемая и в отношении других стран Карибского моря. Наше правительство должно руководствоваться не только своим альтруистическим желанием помочь развитию цивилизации и прогресса вообще (!!!), но также и чисто эгоистическими мотивами», так как «лучшей защитой для Соединенных Штатов», по мнению Уэллеса, было бы «наличие по всему континенту сильных (!) правительств..., дружелюбно расположенных к Соединенным Штатам»⁵⁹. На состоявшемся в феврале 1940 г. съезде Коммунистической партии

⁵⁷ Welles to Roosevelt, 17.II 1931, and Roosevelt to Welles, 23.II 1931. Personal Correspondence, 1928—1932. Roosevelt Papers. Library of F. D. Roosevelt, Hyde Park, New York. См.: B. Wood. Op. cit., p. 61; «Foreign Affairs», VII, 1931, v. 9, № 4, p. 547—567.

⁵⁸ Welles to Roosevelt: A Memorandum on Inter-American Relations, 1933. См.: «НАНР», V 1954, v. 34, № 2, p. 191—192.

⁵⁹ «Daily Worker», 2.VI 1933.

Мексикки присутствовавший там член руководства Коммунистической партии США Джеймс Форд охарактеризовал С. Уэллеса как «общезвестного врага Латинской Америки»⁶⁰.

Революционный кризис, быстро назревавший на Кубе, и необходимость в связи с этим послать туда опытного и пользующегося авторитетом дипломата привели к назначению 21 апреля 1933 г. послом в Гаване Сэмнера Уэллеса⁶¹. В связи с этим на пост помощника государственного секретаря по Латинской Америке был временно назначен Джефферсон Кэффри. При этом предполагалось, что по выполнении Уэллесом своей миссии он снова вернется на пост помощника государственного секретаря, а Кэффри займет пост посла на Кубе⁶².

В «деловых кругах» Соединенных Штатов и Кубы назначение Уэллеса было воспринято с удовлетворением. Руководители «Чейз нэйшил банка», которых Уэллес посетил перед своим отъездом на Кубу, положительно отзываясь о нем в письме представителю банка в Гаване, выражали уверенность в том, что последний установит с новым послом «дружеские отношения»⁶³. Газеты подчеркивали, что Уэллес занимался экономическими вопросами и пользуется доверием Ф. Рузвельта в такой степени, что сможет вести личные переговоры с Мачадо как в качестве посла, так и в качестве неофициального личного представителя президента. «Нью-Йорк Таймс» писала, что назначение послом Уэллеса является «лучшим выбором»⁶⁴.

Чтобы сгладить впечатление от появившихся в связи с его назначением комментариев прессы, Уэллес сразу же поспешил публично заявить, что он едет на «Кубу не в качестве специального представителя президента, а в качестве постоянного чрезвычайного и полномочного посла при кубинском правительстве президента Мачадо». Он подчеркнул также, что будет полностью соблюдать суверенитет и независимость Кубы и что его внимание будет занято вопросами не столько политического, сколько экономического характера⁶⁵. 4 мая Уэллес отплыл в Гавану и по приезде туда в заявлении корреспонденту, вновь подчеркнул, что «политическое беспокойство на Кубе касается исключительно правительства этой страны»⁶⁶.

⁶⁰ См.: «Коммунистический Интернационал», 1940, № 5, стр. 43.

⁶¹ «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 2103, 2207, 2247.

⁶² См.: «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 286.

⁶³ R. S m i t h. Op. cit., p. 144.

⁶⁴ См.: «Washington Post», 23.IV 1933; «New York Times», 13.VIII 1933; «Diario de la Marina», 24, 25.IV 1933; «La Prensa» (B. A.), 21.IV 1933; «Current History», v. 38, VII 1933, p. 343.

⁶⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 278—279; «Diario de la Marina», 25.IV 1933.

⁶⁶ «Press Releases», 6.V 1933, p. 316.

Все эти заявления были не более чем дымовой завесой, призванной прикрыть подлинную цель миссии Уэллеса — не допустить революционного взрыва на Кубе. Предложив свое «посредничество», посол должен был использовать его для своевременной передачи власти новым американским марионеткам. «Вашингтон заявлял, что он хочет прийти к соглашению с кубинцами, боровшимися против свирепой диктатуры Мачадо (1925—1933); на самом деле,— пишет А. Нуньес Хименес,— действия США были направлены на срыв революции, за которую отдали жизнь тысячи борцов против империализма. Замаскированное подавление революции, передача власти представителям той же олигархии, которая господствовала в стране в колониальный период, во время американской оккупации и в республике, поработанной «поправкой Платта»,— это было еще одним видом «бескорыстной помощи»⁶⁷.

Сам Уэллес спустя десять лет так писал об этом: «Я был назначен послом на Кубе в апреле 1933 г. Я помню заключительный разговор с президентом в его рабочем кабинете, в Белом доме, в ночь перед моим отъездом... Он надеялся, что правительство и лидеров оппозиционных партий можно будет убедить достичь соглашения о процедуре, которая бы посредством методов, предоставленных кубинской конституцией, позволила осуществить смену администрации»⁶⁸. Напутствуя Уэллеса, еженедельник «Нэйшн» 3 мая 1933 г. отмечал, что его задача особенно деликатна и сложна. «...Интервенции в форме оккупации 1906—1909 гг. ... следует избегать любой ценой... Однако определенная степень твердого руководства и тактического сотрудничества со стороны американского посла теперь почти неизбежны и, несомненно, желательны»⁶⁹. По меткому выражению американского буржуазного автора, «Уэллес имел задачу интервенировать без интервенции».

Определенный интерес представляет в этом смысле письмо К. Хэлла С. Уэллесу от 1 мая 1933 г.; по существу это были инструкции государственного секретаря новому послу на Кубе. Упомянув о незаконном продлении Мачадо в 1927 г., при «молчаливом одобрении» правительства США, своего пребывания у власти и сделав краткий обзор положения на острове в период его правления, Хэлл подчеркивал, что «состояние дел на Кубе вызывает глубокое беспокойство правительства Соединенных Штатов, тем более, что оно «может привести к открытому восстанию против кубинского правительства». В частности, Хэлла тревожило широкое участие в революционной борьбе студенче-

⁶⁷ Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1961, стр. 27.

⁶⁸ S. Welles. The Times for Decision, p. 195; он же. Roosevelt administration and its Dealings, p. 8.

⁶⁹ «Nation», 3.V 1933, v. 136, p. 489.

ства. Он боялся, что «молодое поколение, из которого должны выйти лидеры завтрашней Кубы..., придет к убеждению, что изменений в управлении Кубой можно достичь не путем законной конституционной процедуры, а лишь посредством насильственных мер и революции»⁷⁰.

Что касается непосредственно миссии Уэллеса, то Хэлл просил его «передать президенту Мачадо в самых сильных выражениях», что террор на острове вызывает растущее «возмущение американского общественного мнения, которое грозит стать весьма опасным для кубинского правительства», и поэтому репрессии следует прекратить. Далее он писал: «В удобной форме выразите президенту Мачадо желание правительства Соединенных Штатов содействовать посредничеству между кубинским правительством и оппозиционными группами. Характер и форму такого посредничества следует оставить на ваше усмотрение. Считайте своей главной целью в переговорах достижение определенного взаимопонимания между нынешним кубинским правительством и ответственными лидерами оппозиционных групп, которое бы привело к перемирию в опасной политической борьбе до того момента, когда на Кубе можно будет провести национальные выборы и будет создано новое конституционное правительство...»⁷¹.

Уэллес должен был также «в беседах с президентом Мачадо сообщить, что в связи с общей американской политикой, направленной на заключение с другими странами торговых соглашений на основе принципа взаимности, правительство США особенно желает обсудить основы такого соглашения между Соединенными Штатами и Кубой» и что «быстрое улучшение экономического положения на Кубе приведет к немедленному успокоению народа и прекращению политической агитации...»⁷².

В заключение Хэлл предупреждал Уэллеса, что «не следует делать никаких шагов, которые могли бы привести к необходимости использовать право формальной интервенции, гарантированное Соединенным Штатам» договором 1903 г.⁷³ Иначе говоря, Уэллес должен был выполнить свою задачу, не выходя за рамки «конституционности», не допуская никакого участия народных масс в свержении диктатора и сохранив за США контроль над будущим кубинским правительством.

Как свидетельствует сам Рузвельт, к осуществлению вашингтонского плана Уэллес приступил немедленно по прибытии

⁷⁰ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 282—283. Б. Вуд считает, что эти инструкции, «подписанные Хэллом, были, вероятно, в основном сформулированы самим Уэллесом» (B. Wood. Op. cit., p. 59).

⁷¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 283—285.

⁷² Ibid., p. 285.

⁷³ Ibid., p. 286.

на Кубу⁷⁴. 11 мая, вручая Мачадо свои верительные грамоты, новый посол в третий раз заявил, что главной его задачей будет заключение с Кубой нового торгового договора. Он также передал Мачадо личное письмо Рузвельта, который, имея в виду Уэллеса, писал: «Я бы хотел, чтобы Вы знали, что он — один из моих старых друзей и, в качестве такового, пользуется моим доверием»⁷⁵.

13 мая состоялась беседа Уэллеса с Мачадо, в ходе которой посол изложил, согласно инструкциям, полученным им от К. Хэлла, «общие основы политики правительства Соединенных Штатов» и, в частности, выразил «надежду на то, что Мачадо найдет возможным осуществить программу, которая бы позволила провести осенью 1934 г. ... национальные выборы, и с этой целью восстановить... конституционные гарантии»⁷⁶. «Я затем заговорил об основах предполагаемого торгового договора с Кубой, — сообщал Уэллес об этой беседе в телеграмме К. Хэллу, — и подчеркнул, что Соединенные Штаты готовы на уступки для кубинского сахара, если кубинское правительство в обмен гарантирует Соединенным Штатам *практическую монополию на кубинском рынке для американских товаров* (за отдельными исключениями в отношении некоторых товаров из Великобритании). Я подчеркнул также, что переговоры о заключении взаимовыгодного торгового договора *помогут отвлечь общественное мнение от политики...*»⁷⁷.

В течение мая Уэллес имел целый ряд подобного рода частных бесед с Мачадо и его государственным секретарем О. Феррара, а также с Косме де ла Торриенте и другими представителями буржуазной оппозиции⁷⁸.

Последним, как сообщал Уэллес К. Хэллу, он также заявил, «что любое разрешение кубинской политической проблемы должно быть основано на сохранении структуры конституционного управления и на использовании существующего конгресса для принятия реформ, которых потребует осуществление программы примирения. Я сказал, — писал Уэллес, — что положительно возражаю против публично объявленного членами нью-йоркской революционной хунты намерения создать временное и неконституционное правительство в Нью-Йорке»⁷⁹.

Результаты этих бесед стали сказываться уже в конце мая. О. Феррара под благовидным предлогом ушел в отставку и

⁷⁴ The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 324.

⁷⁵ A. L a m a r S c h w e y e r. Como Cayó el Presidente Machado. Madrid, 1934. Цит. по: As our neighbors see us. Stillwater, 1940, p. 158.

⁷⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 287—288.

⁷⁷ Ibid., p. 289 (Курсив наш. — Э. Н.).

⁷⁸ Ibid., p. 291—292, 295—296, 297.

⁷⁹ Ibid., p. 295.

28 мая уехал в качестве главы кубинской делегации на Лондонскую экономическую конференцию. Временно на пост государственного секретаря был назначен военный министр генерал Альберто Эррера. В середине июня уехал в Германию один из наиболее запятанных кровью сторонников Мачадо — майор Арсенио Ортис. 30 мая Мачадо подписал декрет об освобождении 145 заключенных из каторжной тюрьмы на острове Пинос и о смягчении 150 приговоров⁸⁰. Было достигнуто принципиальное соглашение о переговорах между правительством и оппозицией и прекращении террора.

1 июня Уэллес формально предложил Мачадо свое «посредничество» в переговорах с оппозицией и «рекомендовал» провести немедленную реформу избирательного закона и разрешить «реорганизацию» буржуазных политических партий⁸¹.

В тот же день Мачадо объявил иностранным корреспондентам, что он будет просить конгресс созвать Учредительное собрание для восстановления должности вице-президента. Он заявил, однако, что намерен оставаться у власти до конца своего президентского срока (май 1935 г.), чем вызвал сильное недовольство Уэллеса⁸².

Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Руби Харт Филиппс следующим образом описывает эти события: «Первого июня Мачадо вызвал американских корреспондентов к себе во дворец и дал им интервью. Он говорил о реформе конституции, но заявил, что не намерен уходить в отставку. Мы все знали, что Уэллес заставил Мачадо дать это интервью и, вероятно, даже посоветовал, что ему говорить. Но генерал оказался плохим учеником. Он не мог отказаться от возможности заявить, что не уйдет в отставку... Уэллес — истинный дипломат... был, наверное, раздосадован, но об этом ничего не говорило, кроме блеска в его глазах»⁸³.

Посланец Вашингтона действительно был крайне раздосадован и на следующей встрече с Мачадо, 5 июня, потребовал от него «не провоцировать неумеренными заявлениями усиления враждебности со стороны оппозиции». Уэллес также рекомендовал по возможности быстрее отозвать «военных наблюдателей и восстановить конституционные свободы в Гаванской провинции»⁸⁴.

В результате совещаний с Уэллесом Мачадо 7 июня официально объявил, что правительство даст возможность оппозиции

⁸⁰ «Diario de la Marina», 31.V 1933. Весьма характерно, однако, что по договоренности с Уэллесом на политических заключенных-коммунистов этот декрет не распространялся («Daily Worker», 18.V 1933).

⁸¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 299—300.

⁸² «Diario de la Marina», 2.VI 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 302.

⁸³ R. H. Phillips. Cuba, Island of Paradox. New York, 1959, p. 15—16.

⁸⁴ «La Prensa» (N. Y.), 7.VI 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 302.

зиции реорганизовать старые и создать новые политические партии, в ближайшее время откроет Гаванский университет с автономным режимом, независимым от президента и конгресса, и реформирует избирательный закон под наблюдением американского юриста, профессора Колумбийского университета Д. Мак Бэйна⁸⁵.

В ходе предварительных переговоров Уэллес оказывал прямое давление на правительство Мачадо. Причем в качестве одного из средств нажима он использовал ведущиеся одновременно переговоры о новом торговом договоре с Кубой, который бы позволил увеличить экспорт кубинского сахара в Соединенные Штаты. В частности, для того, чтобы усилить давление кубинского общественного мнения на правительство Мачадо, Уэллес, по согласованию с государственным департаментом, сделал 9 июня публичное заявление о том, что он имеет определенные инструкции о пересмотре старого кубино-американского торгового договора⁸⁶.

План, разработанный Уэллесом, предполагал устранение Мачадо, не выходя за рамки строгой «конституционности» и «стабильности», не допуская никакого участия народных масс в свержении режима и сохранив контроль над новым правительством Кубы. «Единственным практическим решением, представлявшимся *условиями кубинской конституции*, было для кубинского президента уйти в отставку и позволить рядовому члену кабинета действовать в качестве его преемника, пока не будут проведены национальные выборы...», — писал Уэллес⁸⁷.

Первым препятствием к осуществлению этого плана было явное нежелание Мачадо уступать власть. Оппозиция же, с которой Уэллес постоянно поддерживал неофициальный контакт, категорически возражала против сохранения Мачадо у власти до 1935 г. Глава нью-йоркской хунты Карлос де ла Торре заявил 13 июня, что ни один представитель оппозиции не верит Мачадо и что, если он не уйдет в отставку, то до конца лета вспыхнет восстание⁸⁸.

⁸⁵ «Diario de la Marina», 3, 6, 7, 8.VI 1933; «El Mundo» (La Habana), 6.VI 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 301—302, 305.

⁸⁶ «Diario de la Marina», 10.VI 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 300, 304, 306; A. T o y n b e e. Survey of International Affairs — 1933. London, 1934, p. 375. За две недели до этого, в меморандуме К. Холла от 27 мая 1933 г., составленном им для Ф. Рузвельта, говорилось, что «перспектива увеличения экономических выгод является лакомым куском, который не дадут до тех пор, пока кубинское правительство не предпримет позитивных и удовлетворительных шагов для того, чтобы покончить с нынешней смутой» (Меморандум хранится в библиотеке Ф. Рузвельта в Гайд-Парке. Цит. по: B. W o o d. Op. cit., p. 61).

⁸⁷ S. W e l l e s. The Times for Decision, p. 196 (курсив наш. — Э. Н.).

⁸⁸ «New York Times», 14.VI 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 303, 307—308.

Часть лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции, возглавляемых генералом М. Менокалем, требовала немедленного ухода Мачадо в отставку и отказывалась принять план Уэллеса. Попытки уговорить их не давали результата. «Менокаль... все еще упрямится и настаивает на том, что единственное решение, которое он принимает,— сообщает Уэллес в государственный департамент 6 июня,— это решение, достигнутое путем революции (имеется в виду государственный переворот.— Э. Н.). В этой связи я прошу выяснить, потребовал ли государственный секретарь..., чтобы министерство юстиции приняло, как я просил, немедленные меры, которые бы помешали отправке из Флориды на Кубу оружия и снаряжения, а также посылке оттуда вооруженной экспедиции. Необходимо, чтобы местные власти во Флориде не помогали Менокалю и его сторонникам в Майами и не подрывали этим моей надежды достичь мирного и конституционного решения кубинской проблемы»⁸⁹. В качестве средства «нажима» на Менокаля Уэллес рекомендовал пригрозить ему высылкой из США, где он находился в эмиграции⁹⁰.

Добиваясь согласия лидеров большинства группировок буржуазно-помещичьей оппозиции на его «посредничество» и стараясь изолировать противников «посредничества», имевшихся в составе нью-йоркской хунты, Уэллес не остановился перед расколом хунты. Об этом свидетельствует содержание его писем в государственный департамент. «Для меня,— писал он в одном из них,— представляется желательным, чтобы хунта была побыстрее распущена и любые дискуссии, предшествующие посредничеству, имели бы место в Гаване, непосредственно между различными группировками оппозиции и мной. Я имею основание считать, что принятие соответствующего решения — вопрос дней»⁹¹.

Нью-йоркская хунта действительно распалась в июне 1933 г. Лидеры «АВС» первыми приняли «посредничество» Уэллеса. При этом они заявили, что если хунта не согласится последовать их примеру, то они выйдут из нее⁹².

Возвратившийся 19 мая 1933 г. из СССР один из руководителей кубинских коммунистов Рубен Мартинес Вильена по пути в Гавану задержался в Нью-Йорке и опубликовал на страницах выходившей там на испанском языке рабочей газеты «Мундо обреро» важную статью «Что означает трансформация «АВС»

⁸⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 303—304.

⁹⁰ Ibid., p. 307.

⁹¹ Ibid., p. 307, 309—310.

⁹² «Diario de la Marina», 16.VI; 4, 5.VII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 307—308; «Communist», 1933, v. 12, № 9, p. 910.

и какова цель этого маневра?». Анализируя в ней деятельность лидеров «АВС», Мартинес Вильена охарактеризовал их как агентов буржуазии. Он разоблачил также лживый и провокационный характер их утверждений о том, будто правительство Мачадо удерживается у власти благодаря поддержке негритянского населения, и привел факты, свидетельствующие о связях руководства «АВС» с Ку-клукс-кланом во Флориде⁹³.

Прикрываясь несуществующей в тот момент угрозой военной интервенции по «поправке Платта», лидеры «АВС» — эти агенты Уолл-стрит — значительно облегчили американскому империализму осуществление его дипломатической интервенции на Кубе. «Непосредственная реакция на факт принятия «АВС» моего посредничества была весьма благоприятна, — сообщал в Вашингтон Уэллес 16 июля. — Представителям «АВС» в нью-йоркской хунте приказано выйти из нее и, как надеются представители других оппозиционных групп, инициатива «АВС» сразу вызовет взрыв нью-йоркской хунты и обеспечит прием моего посредничества всеми другими фракциями оппозиции»⁹⁴.

Вслед за «АВС» во второй половине июня «посредничество» Уэллеса приняли О. R. R. С., U.R., часть организации профессоров университета, либералы-«марианисты» (сторонники группы М. М. Гомеса), Националистический союз и даже часть консерваторов из группы Менокала, возглавленных Уилфредо Альба-несом⁹⁵.

Компартия и Левое студенческое крыло решительно отвергли «посредничество» и всякое вмешательство посла США во внутренние дела Кубы, какой бы вывеской оно ни прикрывалось. Такую же позицию заняли профсоюзы. Университетский студенческий директорат также отверг переговоры на основе признания существующего правительства, так как это означало бы, по его заявлению, признание незаконных конституционных изменений 1928 г., продливших власть Мачадо до 1935 г. и создавших незаконный конгресс. Студенты не желали вести никаких переговоров с кликой Мачадо, убившей сотни их товарищей,

⁹³ J. Marinello. Ruben Martinez Villena. La Habana, 1940; L. de la Torriente. Mi casa en la tierra. La Habana, 1956, p. 259—261. На Кубе проницательно расшифровывали название «АВС» как «Asociación Blanca Cubana» — «Кубинская белая ассоциация» (J. R. Betancourt. Preludios de Libertad. La Habana, 1951, p. 34).

⁹⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 309. Р. Роа сообщает, что лидеры «АВС» через своих агентов в Вашингтоне и путем организации провокационных нападений на американскую собственность на Кубе сознательно добивались вмешательства США в кубинские дела (R. Roa. Retorno a la alborada, t. I, La Habana, 1964, p. 196—197).

⁹⁵ «Diario de la Marina», 17, 18, 20, 21, 22, 24.VI; 3.VIII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 308, 309.

и отвергали вмешательство Уэллеса в дела Кубы как ущемление ее суверенитета⁹⁶.

Менокаль, по личным честолюбивым соображениям, отказавшийся принять посредничество, также выступил 5 июля с открытой критикой переговоров на основе признания незаконной конституции 1928 г., приведших к распаду хунты и расколу оппозиции⁹⁷.

В это время государственный департамент еще стремился поддерживать фикцию своего «невмешательства» в дела Кубы, подчеркивая, что Уэллес, хотя и пользуется «полным доверием» государственного секретаря, посредничает в качестве якобы частного лица, а не в качестве официального представителя США. Сам «посредник» неоднократно делал подобного же рода «разъяснения» представителям кубинской и американской прессы⁹⁸.

Однако, несмотря на соответствующую «обработку» корреспондентов американских и иностранных газет, как в США и на Кубе, так и в других странах, в прессе не раз появлялись материалы, разоблачающие подлинный характер действий Уэллеса. Например, газета «Нью-Йорк Ивнинг Пост» в номере от 20 июня 1933 г. безо всяких обиняков заявляла, что на «посредничестве» в Гаване следует поставить марку «Made in USA»⁹⁹.

Все понимали, что «посредническая» деятельность С. Уэллеса по существу представляла собой замаскированную форму вмешательства правительства США во внутренние дела Кубы. На заседании кубинского сената, вечером 22 июня, сенатор Пардо выступил с речью, в которой заявил: «Мы должны сбросить маску. Интервенция уже решена!». Председатель поспешил прервать оратора и продолжил заседание в закрытом порядке¹⁰⁰. «Так называемое «посредничество» Уэллеса,— констатировала в июле газета «Дейли Уоркер» — орган Компартии США,— является активной открытой интервенцией в кубинские дела»¹⁰¹.

⁹⁶ «Diario de la Marina», 5.VIII 1933; Manual de capacitación cívica. La Habana, 1960, p. 210. Парижский Комитет молодых революционеров-кубинцев выступил также против «посредничества» Уэллеса (Tétreur à Cuba. Paris, 1933, p. 95—96).

⁹⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 318—319. Текст заявления Менокаля см. в: «Diario de la Marina», 7.VII 1933. Однако друзья Менокаля предусмотрительно оставили ему путь для отступления, поддерживая постоянный контакт с посольством США в Гаване.

⁹⁸ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 312—314. См. также: «Diario de la Marina», 7, 17.VI 1933; «New York Times», 7, 17.VI 1933.

⁹⁹ «New York Evening Post», 20.VI 1933. В этой же связи прессой отмечался факт неожиданного прибытия самолетом из Вашингтона для «консультации» с Мачадо и «беседы» с Уэллесом кубинского посла в США О. Синтаса.

¹⁰⁰ «Daily Worker», 23.VI 1933.

¹⁰¹ «Daily Worker», 26.VII 1933.

Формально «посредничество» началось 1 июля, когда Уэллес зачитал трем представителям правительства, а затем 32 представителям оппозиции специальное послание президента Ф. Рузвельта.

Отбросив в сторону фикцию «невмешательства», Рузвельт прямо указывал, что «лучший путь урегулирования... политических затруднений заключается в мирном и спокойном процессе откровенных, но конструктивных дискуссий... Я убежден, что *восстановление политического мира является необходимым предварительным шагом на пути к экономическому восстановлению Кубы*». И далее он недвусмысленно подчеркивал необходимость «мирного урегулирования кубинских проблем посредством *нормальной процедуры конституционного управления*»¹⁰². Чтобы не оставалось никаких сомнений на этот счет, Уэллес в своей речи также подчеркнул, что «страстной надеждой *правительства, которое я представляю*», является «разрешение нынешних политических проблем Кубы в согласии с конституционной процедурой»¹⁰³.

5 июля Уэллес информировал представителей оппозиции о том, что правительство согласилось на большую часть «гарантийных мероприятий..., предложенных оппозиционными группами для развития посреднических переговоров, и что другие предложенные мероприятия рассматриваются правительством в благоприятном духе»¹⁰⁴. Оппозиция — с благословения Уэллеса — выдвинула три группы требований: 1) меры, необходимые для обеспечения благоприятной атмосферы посредничества (немедленное восстановление конституционных гарантий, освобождение политических заключенных, реорганизация существующих и создание новых оппозиционных партий и т. д.); 2) меры, относящиеся к «основным вопросам самого посредничества» (немедленная отставка Мачадо и замена его, согласно конституции, «далеким от политической борьбы» государственным секретарем, который бы осуществил полную смену кабинета; уход в отставку членов нынешнего конгресса); 3) требования, относящиеся к конституционным изменениям, в том числе отмена поправок 1928 г. (восстановление поста вице-президента, восстановление четырехлетнего президентского срока, запрещение переизбрания президента на второй срок и т. д.), более эффективная защита гражданских прав и т. д.

Со своей стороны оппозиция, за исключением студентов и

¹⁰² The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 263—264; «Diario de la Marina», 2.VII 1933 (курсив наш.— Э. Н.).

¹⁰³ As our neighbors see us, p. 158—159; «Current History», IX, 1933, v. 38, p. 724 (курсив наш.— Э. Н.).

¹⁰⁴ «Diario de la Marina», 6.VII 1933; «Current History», IX 1933, v. 38, p. 724—725.

менокалистов, обязалась прекратить всю враждебную правительству деятельность.

Студенты 15 июля вновь заявили, что они будут продолжать «борьбу против тирании Мачадо и скорее пожертвуют жизнью», чем примут посредничество Уэллеса, которое исходит «из нарушения конституционных принципов», «молчаливо подразумевает интервенцию и поддерживается мощью американского правительства». Подчеркивая, что их борьба должна не только устранить Мачадо, но и «способствовать полной очистке системы», они объявили: «Мы не желаем скоропалительного решения, имеющего целью урезать программу, которую мы первоначально изложили»¹⁰⁵.

Правительство быстро согласилось принять первую группу требований оппозиции. 7 июля оно объявило, что гарантирует полную безопасность и защиту для членов оппозиционных групп, принявших посредничество, на все время переговоров и в течение 30 дней после их окончания¹⁰⁶. Переговоры, ведущиеся под руководством Уэллеса, до 20-х чисел июля шли сравнительно гладко. Одновременно Вашингтон поддерживал постоянный контакт с находившимися в Нью-Йорке лидерами оппозиции. В частности, конгрессмен-демократ Г. Фиш совещался с К. Мендиэтой и К. де ла Торре¹⁰⁷. 24 июля, после нового нажима со стороны Уэллеса, Мачадо подписал декреты о восстановлении конституционных свобод и амнистии для политических заключенных¹⁰⁸. 25 июля конгресс утвердил их, а также закон об освобождении прессы от цензуры. Прибывший в июне из США профессор Мак-Бэйн возглавил комитет по конституционным реформам и к 1 августа вручил Мачадо одобренный Уэллесом проект нового выборного закона. Он же готовил проект закона об автономии университета¹⁰⁹.

Положение начало осложняться, когда переговоры подошли ко второй группе требований оппозиции. Протесты с ее стороны вызвал уже закон об амнистии, под действие которой попадали

¹⁰⁵ «Current History», IX 1933, v. 38, p. 725; As our neighbors see us, p. 159; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 323.

¹⁰⁶ «Diario de la Marina», 8.VII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 318.

¹⁰⁷ «Diario de la Marina», 16.VII 1933.

¹⁰⁸ Опять-таки весьма характерно, что этот закон об амнистии, выработанный с ведома Уэллеса, распространялся как на членов буржуазно-помещичьей оппозиции, так и на всех правительственных служащих, ответственных за преступления, совершенные в ходе политической борьбы за последние шесть лет. Но он не распространялся на арестованных коммунистов и других деятелей рабочего движения, так как правительство объявило их «уголовными заключенными».

¹⁰⁹ «Press Releases», 5.VIII 1933, p. 85; «Diario de la Marina», 8, 16.VII 1933; «Times», 27.VII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 322, 325—328, 332.

не только члены оппозиции, но и сторонники Мачадо, виновные в незаконных актах репрессирования. Гораздо более серьезным препятствием, однако, оказалось явное нежелание Мачадо уходить в отставку. Уэллес вынужден был действовать осторожно и по мере возможности избегать шагов, которые могли бы быть истолкованы как вмешательство во внутренние дела Кубы. Это привело к некоторой неопределенности в отношении вопроса об отставке Мачадо и вызывало беспокойство как у оппозиции, так и у правительства. 18 июля лидеры «АВС» на совещании с Уэллесом попытались получить от него ясное заявление по этому поводу. Уэллес, мастер закулисной дипломатии, предпочел, однако, уклониться от каких-либо определенных обещаний и предсказаний. Но в то же время он достаточно прозрачно намекнул, что переговоры должны привести к соглашению, которое будет поддержано правительством США, и выразил надежду на то, что лица, которые могут оказаться «препятствием» для урегулирования проблемы, будут отстранены¹¹⁰.

Со своей стороны, Мачадо и его клика также интересовались — включала ли программа Уэллеса немедленную отставку Мачадо? Если да, то в какой мере Уэллес будет поддерживаться в этом Вашингтоном и как далеко он готов пойти, чтобы заставить Мачадо уйти? Готовы ли США применить для этого силу?... Добровольно уступать власть Мачадо не собирался. Оценивая общую обстановку, сложившуюся летом 1933 г., он решил, по-видимому, что военная интервенция США почти исключена и что следует попытаться оказать сопротивление нажиму Уэллеса.

Начав с угроз в адрес лидеров оппозиции и разжигания в конгрессе антагонизма к предполагаемым конституционным реформам, Мачадо не остановился перед открытым выступлением в сенате с речью, направленной против Уэллеса. Он намекнул, что если бы пожелал этого, то мог бы избавить Кубу от Уэллеса в течение пяти дней, и вновь повторил свое решение остаться у власти до мая 1935 г.¹¹¹

Демонстративный характер заявления Мачадо подчеркивался тем обстоятельством, что он уже более двух лет не посещал заседаний сената. Иначе говоря, Мачадо пошел на создание открытой оппозиции Уэллесу, что могло иметь далеко идущие последствия. Уэллес предчувствовал, что наступит момент, когда ему придется поставить точку над «i». 8 июля, отвечая на запрос заместителя государственного секретаря У. Филлипса, как долго еще он намерен пробыть на Кубе, Уэллес писал: «По поводу срока моего отъезда сейчас трудно что-либо сказать.

¹¹⁰ As our neighbors see us, p. 160; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 324—325, 328.

¹¹¹ «Diario de la Marina», 27.VII 1933; «Nation», 23.VIII 1933, v. 137, p. 208.

В посреднических переговорах, вероятно, через две-три недели наступит кризисный момент (имеется в виду решение вопроса о сроках отставки Мачадо.— Э. Н.). Если исход их будет успешным, я должен, несомненно, остаться до принятия конгрессом конституционных реформ и нового избирательного закона. Если же переговоры провалятся, то, вероятно, именно в этот момент будет наиболее разумно осуществить перемены (в посольстве.— Э. Н.), так как в таком случае придется начать радикально иную политику»¹¹².

Теперь этот момент наступил. На следующий же день, 27 июля, на созванной в посольстве США совместной «конференции круглого стола» представителей правительства и оппозиции Уэллес весьма многозначительно напомнил всем присутствующим: «в моем официальном качестве здесь я также посол нации, являющейся самым близким другом республики Кубы, и представитель президента США, который глубоко заинтересован в благополучии Кубы». Правительство США, цинично добавил Уэллес, «верит, что патрпотизм кубинского народа не позволит этим конференциям закончиться безрезультатно»¹¹³.

В то же время в письме заместителю государственного секретаря Филлипсу, отправленном в тот же день 27 июля, Уэллес потребовал, «чтобы государственный департамент заявил, что хотя, конечно, предложение добрых услуг было,— как сказал президент Мачадо,— сделано мной по собственной инициативе, однако оно не могло быть сделано иначе, как с согласия моего правительства»¹¹⁴. 28 июля Филлипс, оговорившись, что Уэллес является «обычным дипломатическим представителем, не облеченным чрезвычайными полномочиями», сделал официальное заявление о характере «посредничества» Уэллеса, почти дословно повторяющее приведенную выше фразу из письма последнего Филлипсу¹¹⁵.

И если газета «Вашингтон пост» еще фарисействовала на тему о том, что Уэллес посредничает в «частном качестве», как «хорошо квалифицированный друг Кубы» и его действия далеки якобы от вмешательства США во внутренние дела Кубы¹¹⁶, то «Нью-Йорк Таймс» позволила себе быть откровенной. «Государственный департамент,— писала газета,— официально подтвердил, что Уэллес посредничает с «полного одобрения президента Рузвельта»»¹¹⁷.

¹¹² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 317, 319—320.

¹¹³ «New York Times», 28, 29.VII 1933; «New York Herald Tribune», 28.VII 1933.

¹¹⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 330.

¹¹⁵ «New York Times», 28, 29.VII 1933.

¹¹⁶ «Washington Post», 29.VII 1933.

¹¹⁷ «New York Times», 29.VII 1933.

Мачадо, однако, не желал отступать, и к концу июля посреднические переговоры фактически оказались в тупике. Тогда, решив испытать экономическое оружие, чтобы сломить упорство Мачадо, Вашингтон дал понять, что США отложат рассмотрение вопросов о снижении существующей 2-центовой пошлины за ввоз фунта кубинского сахара-сырца и оказании Кубе любой другой экономической помощи до тех пор, пока не будет согласован вопрос об отставке Мачадо. 2 августа американские представители в Гаване прекратили шедшие уже более месяца переговоры о новом торговом договоре¹¹⁸. Расчет делался на то, что если эти меры и не убедят Мачадо сразу, то они помогут изолировать диктатора от остающихся еще у него политических и военных сторонников и, таким образом, все равно вынудят его уйти.

В тот же день кубинский посол в США О. Синтас посетил заместителя государственного секретаря Филлипса и протестовал против того, что «м-р Уэллес использует тяжелое экономическое положение на Кубе, которое может быть улучшено только при помощи нового торгового договора, для того, чтобы оказать нажим и заставить президента Мачадо осуществить желания м-ра Уэллеса»¹¹⁹. Филлипс отрицал это. «Я сказал послу Синтасу, — сообщает он в своем меморандуме, датированном 2 августа 1933 г., — ...что посол Уэллес был так занят политическими конференциями, что не имел времени серьезно заняться формальными переговорами о договоре., а также, что я отрицаю, будто бы Соединенные Штаты затягивают переговоры о торговом договоре до тех пор, пока закончится срок пребывания у власти президента Мачадо»¹²⁰.

Однако документы неопровержимо свидетельствуют, что Филлипс в своем меморандуме сознательно лжет, так как еще 8 июля 1933 г. Уэллес сообщал Филлипсу из Гаваны: «Что касается торгового договора, то основная работа практически завершена. Я надеюсь начать заключительные переговоры о торговом договоре сам в конце этого месяца»¹²¹. А спустя десять дней в письме на имя Ф. Рузвельта Уэллес писал буквально следующее: «Я, конечно, сохраняю переговоры о торговом договоре в качестве рычага до тех пор, пока я не знаю определенно, каковы шансы на политическое урегулирование»¹²².

Эти письма увидели свет лишь через два десятка лет, но пресса, как американская, так и кубинская, уже тогда писала,

¹¹⁸ «New York Times», 3, 4.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 3.VIII 1933.

¹¹⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 331.

¹²⁰ Ibid., p. 331—332.

¹²¹ Ibid., p. 320.

¹²² Ibid., p. 325. Это письмо, датированное 17 июля 1933 г., хранится в личной библиотеке Ф. Рузвельта в Гайд-Парке (штат Нью-Йорк).

что Вашингтон использует переговоры о торговом договоре в качестве инструмента нажима на Кубу. Для того, чтобы замести следы и сгладить впечатление, 3 августа в Вашингтоне было сделано следующее заявление: «заместитель государственного секретаря отверг сообщение о том, что государственный департамент решил использовать экономическое давление в попытке добиться восстановления нормальных политических условий на Кубе. Он сказал, что равно неверными были и сообщения, согласно которым кубинское правительство было информировано о том, что никакие переговоры не могут быть предприняты до тех пор, пока не будут восстановлены нормальные политические условия». На самом деле «информационные беседы с целью изучения возможностей заключения нового коммерческого соглашения... продолжаются». Однако, «так как время посла полностью занято политическими конференциями, то он не в состоянии в настоящее время предпринять формальные переговоры о договоре»¹²³. Практически это шитое белыми нитками «опровержение» лишь подтверждало то, что имело целью опровергнуть — экономические переговоры были намеренно прекращены.

2. Народ свергает диктатора. Крах «посредничества»

В эти же дни Уэллес активно занялся подготовкой государственного переворота против Мачадо. Революционный кризис на Кубе нарастал с такой быстротой, что угрожал опрокинуть все планы Вашингтона. «В настоящий момент Куба представляет слабейшее звено в цепи империализма в Карибском районе», — отмечал в июне 1933 г. журнал «Коммюнист», орган Коммунистической партии США¹²⁴.

Перед лицом быстро нараставшего рабочего движения Мачадо и его клика всеми средствами — вплоть до самых демагогических обещаний — старались нейтрализовать крестьянство, чтобы не допустить слияния рабочего и крестьянского движения в единый могучий революционный поток, который бы неминуемо смел диктаторский режим. Но обещания оставались пустыми фразами, так как ни пяди земли крестьянство в действительности не получило. Наоборот, аграрная политика правительства, всячески облегчавшая иностранному капиталу проникновение в страну, лишь усилила пауперизацию и недовольство крестьян.

Особенно широкие масштабы обезземеливание крестьянства приняло в провинции Ориенте, где основной костяк населения

¹²³ «Press Releases», 5.VIII 1933, p. 85; «La Prensa» (B. A.), 4, 5.VIII 1933.

¹²⁴ «Communist», 1933, v. 12, № 6, p. 656.

составляли негры и где американские монополии захватили в свои руки огромнейшие массивы пригодной для обработки земли. Именно здесь, в восточной части острова, крестьянское движение приняло наиболее активную форму — форму партизанской борьбы. Уже в конце апреля — начале мая большая часть провинции Ориенте была охвачена огнем восстания. Партизаны захватили на время даже несколько городов (Бониато, Сан-Луис, Сонго) ¹²⁵.

Но движение не ограничивалось одной лишь провинцией Ориенте. В мае, свидетельствует Р. Х. Филлипс, «началась маленькая революция в провинциях Санта-Клара (Лас-Вильяс) и Камагуэй. Здесь также появились отряды партизан, развернувших вооруженную борьбу. Партизаны нападали на гарнизоны мелких городов, захватывали оружие и уходили прежде чем прибывали правительственные войска. Командовал карательными действиями там майор Арсенио Ортис — самый ненавистный на Кубе человек, профессиональный убийца и палач. Он пытал и убивал крестьян, добываясь от них сведений о партизанах» ¹²⁶. Лишь после того, как по его приказу были расстреляны безо всякого расследования три человека из охраны американской сахарной компании, и в это дело вмешался Уэллес, Ортис был отозван в Гавану, а затем вынужден был покинуть Кубу ¹²⁷.

К июню партизанские отряды действовали в большинстве провинций Кубы и насчитывали уже несколько тысяч человек. Все чаще и чаще происходили столкновения, а иногда и бои партизан с сельской гвардией и войсками. В одной провинции Лас-Вильяс только за две недели — с 2 по 17 июня — произошло семь таких столкновений. В провинции Матансас 4 июня партизаны взорвали железнодорожный мост, парализовав на целые сутки железнодорожное движение. Число диверсий на железных дорогах росло из месяца в месяц. Нелегальная радиостанция вела передачи, направленные против режима Мачадо ¹²⁸. В середине июня КНОК обратилась к трудящимся с манифестом, призывающим к образованию единого фронта для борьбы с голодом и террором, за 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, пособие безработным, снижение налогов и т. д. ¹²⁹

В июле по острову прокатилась новая волна забастовок в крупных городах и на сахарных заводах. В первые пять месяцев 1933 г. экспорт сахара с Кубы был на 29% меньше, чем в этот

¹²⁵ «Daily Worker», 1, 4, 5.V 1933.

¹²⁶ R. H. Phillips. Op. cit., p. 14; «Daily Worker», 19, 20, 26, 27.V 1933.

¹²⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 292—293.

¹²⁸ «Diario de la Marina», 6.VI 1933; «La Prensa» (B. A.), 4.VII 1933; «Current History», VII, VIII 1933, v. 58, p. 469, 595.

¹²⁹ По материалам ЦГАОР.

же период 1932 г.¹³⁰ Экономическое положение страны ухудшалось настолько быстро, что еще в начале апреля конгресс уполномочил Мачадо объявить «задержку» выплаты процентов по внутреннему и внешнему долгу. Общее число безработных достигло почти 700 тыс. В провинциальных городах происходили многочисленные демонстрации безработных, школьных учителей, учащихся, ветеранов войны за независимость. В июне власти арестовали за революционную деятельность 50 рабочих лидеров и активистов. В июле рабочий класс заставил правительство освободить трех видных руководителей рабочего движения. Демонстрации протеста против введения новых налогов вынудили кубинский конгресс отложить рассмотрение законопроекта об этих налогах¹³¹.

В Гаване, Сантьяго, Камагуэе, Санта-Клара и во многих других городах состоялись демонстрации учителей государственных школ, требовавших выплаты им просроченного почти за год жалованья. Полиция открывала огонь по демонстрантам. На митингах выносились резкие резолюции протеста против действий властей, а также против вмешательства американского посла в дела Кубы. В столице и некоторых других городах торговцы начали закрывать свои магазины и лавки. На сахарных заводах бастующие рабочие создавали группы вооруженной обороны, захватывали заводы и водружали на них красный флаг с серпом и молотом¹³².

16—17 июля в городе Камагуэй состоялась II Национальная конференция профсоюза рабочих сахарной промышленности (СНОИА), в работе которой участвовали делегаты более 70 централей и 33 делегата других профсоюзов. Конференция призвала рабочих сахарной промышленности бороться за свои права, против правительственного террора, против «плана Чэдборна» и «посредничества Уэллеса», в защиту СССР. Конференция исключила из СНОИА группу раскольников, объединившихся с изгнанным из компартии троцкистом С. Хунко¹³³.

Созданный демократическими организациями в Соединенных Штатах Временный комитет поддержки кубинского народа и представленные в нем организации продолжали борьбу против террористической диктатуры Мачадо. В кампании солидарности с народом Кубы активно участвовали также студенческие организации: Национальная студенческая лига, Гражданский союз

¹³⁰ «Diario de la Marina», 14.VI 1933.

¹³¹ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 442, л. 9; «Daily Worker», 21, 26, 27.VII 1933; «Foreign Policy Reports», v. IX, № 8, p. 85.

¹³² ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 442, л. 8; «Daily Worker», 26, 27, 31.VII 1933; «Diario de la Marina», 8.VII 1933; «La Prensa» (B. A.), 18.VII 1933; «New York Times», 30.VII, 1.VIII 1933.

¹³³ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 102—114.

кубинских студентов в эмиграции, Латиноамериканская студенческая федерация. При поддержке Антиимпериалистической лиги они организовывали митинги, а также демонстрации перед кубинским консульством в Нью-Йорке, требуя освобождения политзаключенных и прекращения террора на Кубе¹³⁴. Коммунистическая партия США с помощью Антиимпериалистической лиги и Национальной студенческой лиги провела в период с 23 по 29 июля «неделю Кубы», во время которой были организованы митинги протеста против вмешательства американского империализма в кубинские дела, лекции о Кубе и политике США, сбор средств в фонд поддержки революционных студентов Кубы. Вышел специальный номер газеты «Дейли Уоркер», посвященный борьбе кубинского народа за свободу и демократию; правительству Ф. Рузвельта были посланы протесты против действий С. Уэллеса в Гаване¹³⁵.

Правительство Мачадо продолжало получать из США все новые партии вооружения. Но оно не помогло диктатору. 14 июля под руководством Национальной рабочей конфедерации Кубы (КНОК) в Гаване забастовали 1,5 тыс. служащих автобусного транспорта. По призыву Коммунистической партии Кубы¹³⁶ и КНОК в конце июля в столице начались забастовки солидарности с водителями и кондукторами автобусов на ряде промышленных предприятий столицы. 29 июля состоялись похороны убитого полицией студента, в которых участвовало 5 тыс. студентов. Похороны закончились столкновением студентов с полицией. 30 июля рабочие и студенты провели демонстрацию перед домом американского посла в Гаване¹³⁷. Снова имели место столкновения демонстрантов с полицией и войсками, действия которых, по свидетельству аргентинской газеты «Ла Пренса», еще больше обострили и без того напряженную обстановку на острове¹³⁸.

¹³⁴ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 442, л. 9.

¹³⁵ ГМР СССР, 12159/16, Д-786-15 Га; «Daily Worker», 15, 18, 19.V; 26.VII 1933.

¹³⁶ За первую половину 1933 г. Коммунистическая партия Кубы под руководством Р. Мартинес Вильена почти удвоила свои ряды. Мартинес Вильена вернулся на родину, так и не завершив курс лечения. На Кубе он сразу же окунулся в самую гущу политической борьбы и возглавил практически всю огромную работу по организации коммунистов и трудящихся масс и подготовке революционного свержения диктаторского правительства Мачадо. «Доктора говорили, — вспоминает об этом периоде его деятельности Л. де ла Торриенте, — что при такой активности Р. Мартинес Вильена не проживет долго. Он знал, что его ждет, и не хотел ожидать смерти в постели. При нем партия стала массовой» (L. de la Torriente. Op. cit., p. 264).

¹³⁷ «Daily Worker», 31.VII 1933; «New York Times», 30.VII; 1.VIII 1933.

¹³⁸ «La Prensa» (B. A.), 30.VII 1933.

Руководство забастовкой осуществлялось главным образом Коммунистической партией и Национальной рабочей конфедерацией Кубы. Лидеры «АВС» и других групп буржуазно-помещичьей оппозиции выступили вначале против забастовки, возлагая все свои надежды на «посредничество» Уэллеса. По его настоянию они даже выпустили совместный манифест, требующий от рядовых членов их организаций «воздерживаться при сложившихся условиях от участия в каких-либо публичных митингах или демонстрациях во избежание беспорядков»¹⁴⁰.

В то время, как буржуазные газеты не выходили¹⁴¹, по всей стране распространялся манифест Центрального комитета Коммунистической партии Кубы, Центрального комитета Лиги коммунистической молодежи и руководства Национальной рабочей конфедерации Кубы ко всем трудящимся, разоблачавший лживый характер объявленной амнистии и предполагаемой реформы конституции, а также вскрывавший империалистический характер целей, преследуемых «интервенционистским посредником» С. Уэллесом. Манифест требовал установления 8-часового рабочего дня, введения социального страхования, выплаты просроченной заработной платы рабочим, учителям и другим государственным служащим. Он призывал трудящихся к борьбе против сгона крестьян с земли и введения новых налогов, против уплаты долгов банкирам с Уолл-стрит и «поправки Платта», против режима Мачадо и интервенции США, за равные права для негров, легализацию всех демократических организаций, вывод с острова войск США и ликвидацию их военной базы, за национальное освобождение Кубы¹⁴².

Правительство Рузвельта, как сообщала нью-йоркская «Ла Пренса», еще в конце июля намеревалось послать к кубинским берегам для «устрашения» три военных корабля. Однако массовая кампания протеста против интервенции на Кубе, организованная в конце июля — начале августа под руководством Коммунистической партии и Антиимпериалистической лиги США, заставила Вашингтон действовать более осторожно.

1 августа, по инициативе Антиимпериалистической лиги, состоялась демонстрация перед кубинским консульством в Нью-

1933; «Times», 4.VIII 1933; «Morning Post», 8.VIII 1933; Problems of the New Cuba, p. 182.

¹⁴⁰ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 332; F. Portuondo del Prado. Historia de Cuba. La Habana, 1957, p. 617; Cuadernos de la Universidad del aire. La Revolución (Audición Especial). 26.VIII 1933. La Habana, 1933, p. 286.

¹⁴¹ Единственной газетой, выходившей в дни всеобщей забастовки, была «Обрера Хувентуд» («Рабочая молодежь») — орган кубинского комсомола.

¹⁴² «Daily Worker», 8, 15.VIII 1933; M. Kaye and L. Perry. Who Fights for a Free Cuba? New York, 1933, p. 34—36 (см. прилож. № 4).

Иорке. Консулу был вручен протест против террора, царящего на Кубе. Августовский номер журнала «Апсэдж» — органа Лиги — был почти целиком посвящен разоблачению политики и роли американского империализма на Кубе. Председатель Национального комитета Коммунистической партии США У. З. Фостер послал президенту Ф. Рузвельту, а также Мачадо телеграммы протеста против расстрела бастующих кубинских рабочих и вмешательства США в дела Кубы. В начале августа в Нью-Йорке состоялся массовый митинг в защиту Кубы от американской интервенции. На 16 августа Антиимпериалистическая лига назначила созыв с этой же целью национальной конференции представителей многочисленных рабочих и других демократических организаций. В Белый дом и государственный департамент поступало множество протестов различных организаций и частных лиц против американской интервенции на Кубе ¹⁴³.

К 5 августа всеобщая забастовка приняла ярко выраженный политический и антиправительственный характер. «Формально — это забастовка водителей автобусов..., — сообщал из Гаваны корреспондент еженедельника «Нэйшн». — Фактически, все их требования были удовлетворены в конце недели, но забастовка продолжается. Ни железные дороги, ни автобусы, ни легковые автомобили, ни почта, ни телеграф не действуют. Газеты не выходят. Все магазины закрыты... В ресторанах и отелях нет никакой пищи... Мусор не собирается, и даже врачи бастуют. Доставка пищевых продуктов быстро сокращается, но народ спокоен. Чувствуется приподнятое настроение. Кубинцы, стоящие у своих дверей, имеют вид людей, которые обрели новое чувство собственного достоинства. Всеобщая забастовка является национальной забастовкой против... Мачадо» ¹⁴⁴.

На предприятиях участились столкновения бастующих рабочих со штрейкбрехерами. Предупреждение правительства о том, что оно готово применить силу, не действовало. По всему острову происходили демонстрации под лозунгом «Долой Мачадо!» Полиция неоднократно открывала стрельбу. Но народ не поддавался на провокации. Об этом свидетельствует и С. Уэллес. В сообщении государственному секретарю К. Хэллу, отправленном в полночь с 6 на 7 августа, он пишет: «Забастовка до настоящего времени была абсолютно мирной по характеру; насколько я информирован, не было никаких насильственных выступлений против властей и не было нанесено никакого ущерба частной собственности, за исключением самого незначитель-

¹⁴³ «Daily Worker», 31.VII; 1, 3, 8, 10, 11.VIII 1933.

¹⁴⁴ «Nation», 23.VIII 1933, v. 137, p. 207.

ного в глубокой провинции»¹⁴⁵. Однако Уэллес не сразу оценил подлинный размах движения¹⁴⁶.

Спокойствие масс было чисто внешним и не могло обмануть внимательного наблюдателя. Терпению народа пришел конец, и Гавана напоминала паровой котел под большим давлением, готовый вот-вот взорваться. Почувствовав опасность, нависшую над ними, диктатор и его клика пошли на некоторые уступки. Власти установили контакт с руководством КНОК и были вынуждены удовлетворить выдвинутые рабочими требования экономического характера¹⁴⁷.

Однако правительство Мачадо принимало и другие меры, чтобы пайти выход из петли, которая быстро затягивалась. На 7 августа была созвана специальная сессия конгресса, принявшая закон о прекращении действия конституции и введении военного положения. Солдатам было приказано для «успокоения масс» раздавать населению пищевые продукты.

Со своей стороны, Уэллес, прикрывая вмешательство в дела Кубы ярлыком «частного посредничества» и перевоплощаясь то в «полномочного посла дружественной державы», то в «частного гражданина», спешил перехватить инициативу из рук кубинского народа и убрать Мачадо раньше, чем его свергнет революция. 5 и 6 августа он встретился с представителями трех правительственных партий и с лидерами основных группировок оппозиции, которым предложил свою «формулу» урегулирования кубинской политической проблемы. Эта «формула» предполагала, что Мачадо сам назначит государственным секретарем своего кабинета приемлемого для оппозиции беспартийного деятеля. Затем Мачадо должен был просить у конгресса отпуск и уйти в отставку. По конституции 1928 г. в этом случае президентская власть перешла бы к государственному секретарю, который бы реорганизовал кабинет так, чтобы в нем были представлены три правительственные партии и все основные группировки оппозиции. После этого конгресс должен был принять конституционные реформы, предусматривающие сокращение срока пребывания в конгрессе сенаторов и членов палаты пред-

¹⁴⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 336.

¹⁴⁶ «Уже в первых числах августа,— пишет в своей работе «Миссия Уэллеса» один из видных деятелей кубинской социалистической революции Карлос Рафаэль Родригес,— Уэллесу становится известно, что ведется подготовка к всеобщей забастовке. Слишком глухой, чтобы слышать биение пульса народного движения, посол сначала не понимает, что собственно происходит... Поэтому дальнейшее развитие событий оказалось для него неожиданным. 7 августа встретило его мощной всеобщей забастовкой» (C. Rafael Rodríguez. La «Misión Welles». La Lucha Anti-Imperialista en Cuba, t. 2. La Habana, 1960, p. 47—48).

¹⁴⁷ «La Prensa» (B. A.), 9.VIII 1933; A. Fabre-Luce. Op. cit., p. 38—39.

ставителей и избрание вице-президента, который бы принял на себя до новых выборов обязанности президента¹⁴⁸.

6 августа во второй половине дня Уэллес встретился с Мачадо и, познакомив его со своей «формулой», заявил, что если он «не примет этого полностью конституционного и достойного решения в качестве акта патриотизма и готовности на жертвы», то обстановка «быстро выльется в состояние полной анархии», между тем как США по договору 1903 г. обязаны не допускать этого¹⁴⁹. Мачадо заявил о своей готовности уйти в отставку, но позже — после восстановления поста вице-президента. Уходить в отпуск с тем, чтобы его заменил государственный секретарь, он отказался.

Утром 7 августа Уэллес информировал корреспондентов газет о своих встречах с лидерами трех партий и группировок оппозиции и о предложенной им «формуле» разрешения политической проблемы на основе отставки Мачадо. Цинично заявив, что он хочет «дать кубинцам возможность принять свое собственное решение, без давления с его стороны или со стороны США», он многозначительно предупредил, что «... в случае, если бы формула не была немедленно... осуществлена, он был бы вынужден считать, что положение на острове находится в состоянии крайней опасности, и не мог бы предвидеть, что могло случиться»¹⁵⁰.

Не прошло и нескольких часов после этого заявления Уэллеса, как произошло событие, еще больше накалившее и без того грозную обстановку в Гаване. Р. Х. Филлипс описывает его следующим образом: «7 августа. Сегодня около 3 часов пополудни у здания Капитолия, где происходило заседание конгресса, в надежде, что Мачадо заявит о своей отставке, собралось до пяти тысяч человек. Вдруг какой-то мулат выбежал из Капитолия и закричал: «Мачадо подал в отставку!» И примерно в это же время радиостанция, назвавшая себя «радиостанцией ABC», также заявила об отставке Мачадо. Люди поверили и во всех частях Гаваны с криками «Ура!» высыпали на улицы. Толпа ринулась через Центральный парк. Некоторые взобрались на памятник Марти, другие побежали к президентскому дворцу. Но тут раздались залпы, заговорил пулемет. Появились автомобили

¹⁴⁸ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 336—337.

¹⁴⁹ Ibidem. «Эти слова,— пишет Б. Вуд,— закончили с посредничеством, хотя Уэллес и продолжал делать вид, что выполняет роль посредника. Для Мачадо это означало, что если план не будет принят, то Уэллес рекомендует Вашингтону высадить вооруженные силы США, чтобы сместить его, а для Уэллеса — что у него остался только один путь успешного выполнения его миссии: Мачадо должен покинуть свой пост немедленно, но без интервенции» (B. Wood. Op. cit., p. 62—63).

¹⁵⁰ «New York Times», 8.VIII 1933; «Morning Post», 8.VIII 1933; Cuadernos de la Universidad del aire. 26.VIII 1933, p. 288.

с людьми в штатском, открывшими стрельбу по народу. Броневики полиции мчались, прочесывая улицы огнем из пулеметов. Больницы и клиники были полны раненых»¹⁵¹.

«Людьми в штатском», помогавшими полиции расстреливать безоружный народ, вышедший на улицы с песнями и криками «Долой Мачадо! Да здравствует свободная Куба!», были молодчики из отрядов «Порры» — охраны диктатора. Всего в этот день было убито 26 человек и ранено около 130 человек¹⁵².

Р. Х. Филлипс и американский историк Губерт Герринг считают, что провокационный расстрел 7 августа был организован агентами Мачадо для того, чтобы «выявить его врагов». Однако многие данные, в том числе и материалы «нейтральной» — английской и аргентинской буржуазной прессы, свидетельствуют о том, что провокационное сообщение об отставке Мачадо было действительно передано нелегальной радиостанцией «АВС» с целью переполнить чашу терпения народа, вызвать «беспорядки», усилить нажим Вашингтона на Мачадо и ускорить его уход в отставку¹⁵³.

Лидеры «АВС» вели двурушническую политику в ходе всей забастовки. Пытаясь сорвать ее вначале, они заявили, что поддерживают ее, когда забастовка стала всеобщей. Могучий размах выступления рабочего класса, к которому активно примкнула мелкая городская буржуазия — особенно в лице студенчества и служащих — и которое угрожало сомкнуться с борьбой крестьянства восточных провинций, заставил руководство «АВС» круто изменить тактику. Оно решило теперь попытаться возглавить движение с тем, чтобы сохранить и увеличить свое влияние на массы, а главное — чтобы ограничить революционную борьбу только свержением Мачадо¹⁵⁴.

Кроме того, заявляя о поддержке забастовки, лидеры «АВС» одновременно призывали бастующих поддерживать «посредничество» посла США С. Уэллеса. 5 августа они вручили Уэллесу меморандум, обвиняющий правительство в «безответственности» и требующий в связи с угрожающей обстановкой немедленного разрешения политической проблемы на основе ухода Мачадо в отставку. Уэллес, со своей стороны, делал все, чтобы помочь лидерам «АВС» захватить руководство движением масс и стать у власти в Гаване. Стремясь отвести от них обвинение в прово-

¹⁵¹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 32—33.

¹⁵² «Morning Post», 9.VIII 1933; «Daily Express», 9.VIII 1933; Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 79; M. Riera. Cuba Política, 1899—1955. La Habana, 1955, p. 410. По другим данным, раненых насчитывалось 170 человек (см.: E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II. La Habana, 1961, p. 20).

¹⁵³ «La Prensa» (B. A.), 9.VIII 1933; «Daily Telegraph», 9.VIII 1933; «Current History», X, 1933, v. 39, p. 14—15; P. H. Phillips. Op. cit., p. 33.

¹⁵⁴ См.: «Cuadernos de la Universidad del aire», 26.VIII 1933, p. 287.

цировании расстрела безоружных людей 7 августа, Уэллес заявил, что сообщение по радио об отставке Мачадо было якобы подстроено им же самим, чтобы получить предлог для расправы с народом¹⁵⁵.

После событий 7 августа правительство отменило конституционные гарантии и ввело в столице военное положение. Комментируя эти его действия, лондонская газета писала: «Перед лицом предупреждения... Уэллеса о том, что Америка будет рассматривать положение как «крайне тяжелое», пока конгресс не разрешит кризис, режим Мачадо делает отчаянные усилия, чтобы восстановить порядок с помощью пуль и штыков». Однако «Вашингтон с беспокойством следит за Кубой» и «боится, что бойня (7 августа.— Э. Н.) приведет к революции»¹⁵⁶. Действительно меры, принятые правительством, не достигли цели. Всеобщая забастовка продолжалась, втягивая все более и более широкие слои населения и охватывая все новые районы страны.

«В других городах происходит то же, что и в Гаване,— записала в своем дневнике Р. Х. Филлипс 10 августа.— Все парализовано. Предприятия и магазины не работают. Улицы пустынные... Атмосфера накалена. Лица людей напряжены. Правительство нервничает все больше...»¹⁵⁷.

Дело явно шло к революционному свержению Мачадо, и Уэллес, наконец, вынужден был сбросить маску «нейтрального посредника», разоблачив себя как прямого и активного агента воинствующего американского империализма на Кубе. Еще утром 7 августа он послал государственному секретарю Хэллу телеграмму, в которой «ввиду крайней сложности сложившейся здесь (в Гаване.— Э. Н.) обстановки» просил подтвердить, дает ли президент Ф. Рузвельт согласие на его план устранения Мачадо¹⁵⁸. В тот же день, в 7 часов вечера, Хэлл телеграфировал Уэллесу: «Ссылаясь на телефонный разговор заместителя государственного секретаря с Вами, президент уполномочил меня сказать, что он одобряет план, изложенный в Вашей телеграмме № 129 от 7 августа. Хэлл»¹⁵⁹.

Получив эту телеграмму, Уэллес потребовал встречи с Мачадо. Однако последний отказался принять его. Тогда Уэллес, давно уже старавшийся оторвать от Мачадо две его главные опоры — правительственные партии и армию — открыто пригрозил американской вооруженной интервенцией. 8 августа он пригласил в посольство лидеров правившей либеральной партии —

¹⁵⁵ A. Fabre-Luce. Op. cit., p. 39; M. Kaye and L. Perry. Op. cit., p. 34.

¹⁵⁶ «Daily Express», 9.VIII 1933.

¹⁵⁷ R. H. Phillips. Op. cit., p. 34.

¹⁵⁸ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 336.

¹⁵⁹ Ibid., p. 338.

председателя сената А. Баррераса, председателя партии Х. Барсело и двух представителей ее в комиссии по «посредничеству» — и заявил им, указывая на свой карман: «Я держу здесь судьбу Кубы. Президент Соединенных Штатов больше ждать не может. Остаются еще несколько часов, в которые Куба может быть спасена. Постарайтесь спасти республику»¹⁶⁰.

8 августа Уэллес все-таки добился встречи с Мачадо и вручил ему меморандум, который, хотя и назывался скромно «Предложение посредника о справедливом и честном решении кубинской политической проблемы», был фактически ультиматумом, четырежды повторявшим слово «немедленно»¹⁶¹. Меморандум требовал: 1) чтобы Мачадо *немедленно* назначил государственным секретарем «не связанное с политическими партиями» приемлемое для всех оппозиционных групп лицо; 2) чтобы *немедленно* после подтверждения этого назначения сенатом Мачадо потребовал у конгресса отпуск, который будет продолжаться до момента занятия своего поста новым вице-президентом; 3) чтобы государственному секретарю, который будет теперь назначен и который может быть также выбран вице-президентом, были *немедленно* даны полномочия реорганизовать кабинет; 4) чтобы *немедленно* после занятия вице-президентом своего поста Мачадо ушел в отставку, дав возможность вице-президенту оставаться в положении президента республики до 20 мая 1935 г. Меморандум требовал также сокращения сроков пребывания в конгрессе сенаторов и членов палаты представителей с тем, чтобы они ушли оттуда не позже 20 мая 1935 г.¹⁶²

В заключение беседы, длившейся два часа, Уэллес подчеркнул, что он «специально уполномочен заявить, что предложенное им решение полностью одобрено президентом Соединенных Штатов»¹⁶³. В качестве кандидата на пост государственного секретаря кубинского правительства он назвал имя Карлоса Мануэля де Сеспедес-и-Кесада. Когда же Мачадо возразил, что он предпочитает сделать уступки забастовщикам и оппозиции либо видеть интервенцию США, нежели принять условия ультиматума Уэллеса, означающие нарушение кубинского суверенитета, посол США встал и заявил: «Президент США больше ждать не может. Если вы откажетесь уйти в отставку, я свяжусь с ним и последствия будут весьма тяжелыми для Кубы».

¹⁶⁰ «La Prensa» (N. Y.), 15.IV 1935; As our neighbours see us, p. 163; A. Fa b r e - L u c e. Op. cit., p. 40.

¹⁶¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 340, 346. О. Феррара сравнивал этот меморандум с австрийским ультиматумом Сербии в 1914 г. («Diario de la Marina», 23.XI 1933).

¹⁶² «New York Times», 9.VIII 1933; «La Prensa» (N. Y.), 9.VIII 1933; E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 21—22 (курсив наш.— Э. Н.).

¹⁶³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 340.

Затем он направился к выходу. У самой двери Мачадо остановил его и попросил два дня на ответ. Уэллес благосклонно ответил: «Если хотите, то хоть три дня» ¹⁶⁴.

В тот же день Уэллес в письме государственному секретарю Хэллу просил его немедленно сообщить президенту Ф. Рузвельту, что Мачадо информировал членов кубинского конгресса, будто заявление Уэллеса о том, что предложение посредника «сделано с одобрения президента» США и на основе данных им полномочий, является ложью и что на самом деле такого одобрения и полномочий дано не было. В связи с этим Уэллес просил, чтобы Рузвельт во время предстоящей 9 августа его встречи с послом Кубы в Вашингтоне О. Синтасом сообщил последнему для передачи Мачадо, что все действия Уэллеса были одобрены и предпринимались на основе полномочий, данных ему президентом США ¹⁶⁵.

В другом письме, посланном часом позже, Уэллес писал, что лучшим средством нажима на упирающегося кубинского диктатора был бы отказ Вашингтона в признании его правительства. «Я не верю, что отказ в признании обязательно заставит нас пойти на интервенцию; я думаю, что если станет известно, что президенту (Мачадо.— Э. Н.) будет отказано в признании до тех пор, пока он не согласится на справедливое решение проблемы, то его обяжут принять такое решение большинство членов его кабинета, армия и огромное большинство членов конгресса. Если же он будет упорно отвергать любое компромиссное решение и после извещения о том, что ему отказывают в признании, то я уверен, что в таком случае его правительство не просуществует и самый короткий срок; и если бы мной заранее, совместно с лидерами политических партий и основных групп оппозиции, были бы предприняты шаги к созданию стабильного правительства непосредственно вслед за вынужденной отставкой Мачадо, то я имею основания считать, что положение продолжало бы оставаться под контролем, и правительству Соединенных Штатов не пришлось бы предпринимать даже краткой вооруженной интервенции» ¹⁶⁶.

Утром 9 августа Уэллес снова писал Хэллу о том, что в случае отказа Мачадо в признании, «ему придется уйти в отставку с поста президента в самый короткий срок» и что «стабильное правительство в полном соответствии с условиями существующей конституции можно будет создать за несколько часов». На тот случай, если отказ в признании вызовет «на короткий период беспорядки», посол предлагал, чтобы в гаванском порту

¹⁶⁴ As our neighbours see us, p. 163—164.

¹⁶⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 339.

¹⁶⁶ Ibid., p. 342—343.

«находились два американских военных корабля с инструкциями высаживать людей (солдат морской пехоты. — Э. Н.) только в случае самых тяжелых обстоятельств, заранее точно определив характер этих обстоятельств»¹⁶⁷. Уэллес просил также по возможности быстрее сообщить ему, каково мнение президента Рузвельта по поводу указанных рекомендаций и может ли посольство руководствоваться ими в своих действиях¹⁶⁸.

Между тем Мачадо и его клика все еще пытались удержать у власти. Во второй половине дня 8 августа в беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» Мачадо вновь заявил: «Я являюсь и останусь президентом Кубы, сохраняя все свои конституционные prerogatives, ни от малейшей части которых я не могу отказаться...»¹⁶⁹. В тот же день, в 5 часов вечера, радиостанция, назвавшая себя «икс-игрек-зет», передала призыв к народу — поддержать правительство с оружием в руках против иностранной интервенции. Как вскоре выяснилось, передачу вел председатель палаты представителей кубинского конгресса Г. Инклан и ряд других близких к Мачадо лиц через радиостанцию в Мирамар (один из районов Гаваны), охранявшуюся войсками. Диктор в резких тонах обвинял Уэллеса в затяжке «посредничества», поддержке оппозиции, превышении послом функций посредника и присвоении им роли «диктатора», а также призывал правительства латиноамериканских стран протестовать против вмешательства США в дела Кубы¹⁷⁰.

9 августа связанные с Мачадо деятели Либеральной партии внесли на обсуждение в палате представителей резолюцию, осуждавшую действия Уэллеса, как вмешательство во внутренние дела Кубы, объявлявшую его *persona non grata* и предлагавшую обратиться за поддержкой к другим странам Латинской Америки¹⁷¹.

Правительственное радио сообщило, что президент Мачадо уведомил Уэллеса о том, что впредь все переговоры с ним будут вестись не лично, в президентском дворце, а через государственного секретаря О. Феррара, вновь возвращенного на этот пост. Был также объявлен декрет о введении военного положения на территории всей страны, запрещающий «образование групп и слишком быструю езду» на улицах. Одновременно в конгрессе было принято решение создать комитет для изучения политических, экономических и социальных проблем, созданных всеобщей стачкой¹⁷².

¹⁶⁷ Ibid., p. 344.

¹⁶⁸ Ibid., p. 343.

¹⁶⁹ «Literary Digest», 19.VIII 1933, p. 7; «Morning Post», 9.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 9.VIII 1933.

¹⁷⁰ «New York Times», 9.VIII 1933; «La Prensa», (B. A.), 9.VIII 1933.

¹⁷¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 346; «Daily Mail», 10.VIII 1933.

¹⁷² «New York Times», 10.VIII 1933.

Таким образом, положение явно обострялось. Мачадо решился на открытое сопротивление политике американского посла. Он, однако, оказался достаточно благоразумен, чтобы попытаться получить у самого Ф. Рузвельта точную информацию о полномочиях С. Уэллеса. 9 августа кубинский посол добился личной беседы с Ф. Рузвельтом в Гайд-Парке. Президент был достаточно откровенен. Он сказал, что Уэллес пользуется полным его доверием и что, во избежание кровопролития, Мачадо должен принять формулу Уэллеса. В противном случае США обязаны будут сами, на основе своих обязательств, вытескающих из «поправки Платта», покончить с «состоянием анархии» на Кубе. «...Президент Мачадо сможет войти в историю как великий человек, великий лидер и великий патриот, если он предпримет этот шаг, рекомендованный представителями всех кубинских политических партий, и этим позволит избежать того, что легко может вылиться в кровопролитие и анархию», — сказал Рузвельт и добавил, что «если бы президент Мачадо смог пойти на то, чтобы спасти кубинский народ от голода, то он не только бы «спас свое лицо», но и совершил благородный акт». В этом случае, заметил Рузвельт, из США могло бы быть послано в Гавану судно с продовольствием¹⁷³.

Кубинский посол обещал, что к вечеру 10 августа контрпредложения его правительства будут вручены Уэллесу и что, если будет найдена приемлемая формула, президент Мачадо готов уйти в отставку¹⁷⁴. Официальное заявление о беседе было весьма кратким и отмечало лишь, что «проблемы голода и депрессии имеют такое непосредственное значение, что всякая политическая проблема должна разрешаться в самом патриотическом духе, чтобы улучшить условия по возможности быстрее»¹⁷⁵. Смысл его, однако, всем был ясен. На Кубе оно, по словам газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «интерпретировалось в качестве приглашения президенту Мачадо поставить интересы своей страны выше личных соображений и уйти в отставку»¹⁷⁶. Газета «Манчестер Гардиэн» называла заявление «резким намеком на то, что президент Мачадо должен уйти»¹⁷⁷. «Президент Рузвельт публично вмешался в кубинский кризис..., — писала лондонская «Таймс». — Заявление, как все понимают, представ-

¹⁷³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 347—348. Содержание этой беседы государственный департамент специальной телеграммой сообщил Уэллесу, а он вручил копию ее кубинскому государственному секретарю О. Феррара (Ibid., p. 351).

¹⁷⁴ A. T o y n b e e. Op. cit., p. 379.

¹⁷⁵ The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 319

¹⁷⁶ «New York Herald Tribune», 10.VIII 1933.

¹⁷⁷ «Manchester Guardian», 11.VIII 1933.

ляет собой тактичное предложение... о том, что президент Мачадо должен уйти в отставку...»¹⁷⁸.

На состоявшейся 9 августа в Гайд-Парке пресс-конференции Ф. Рузвельт пытался уверить корреспондентов, что «не имеет места никакой правительственной акции с нашей стороны» и что «Уэллесу просто сказано: «Поезжайте и помогите всем, чем можете», так как «мы не можем сказать Мачадо: «Вы должны уйти». Это было бы вмешательством во внутренние дела другой нации»¹⁷⁹.

В тот же день последовало и формальное заявление К. Хэлла о том, что государственный департамент находится в тесном контакте с Уэллесом и что он сам лично и «ежечасно» следит за развитием событий на Кубе¹⁸⁰. Пытаясь еще как-то прикрыть ставшее уже совершенно откровенным вмешательство американского империализма в дела Кубы, Рузвельт и Хэлл тем не менее недвусмысленно дали понять, что они требуют немедленного «патриотического» самоустранения Мачадо.

После беседы с Ф. Рузвельтом кубинский посол прямо из поместья президента в Гайд-Парке выехал в Вашингтон и утром 10 августа имел беседу с Хэллом. До этой беседы и после нее Хэлл разговаривал с Рузвельтом по телефону. Точное содержание беседы тогда не было известно прессе, но, как сообщала газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн», кубинский посол «был в весьма нервном состоянии, когда он вышел». «Государственный департамент не оставил никакого сомнения, что он ожидает решительного поворота в обстановке в течение 24-х часов,— писала газета.— Посол Синтас... в полночь выехал из Вашингтона в Гавану..., чтобы лично дать президенту Мачадо отчет о вчерашней встрече с президентом Рузвельтом в Гайд-Парке... и сегодняшних беседах в государственном департаменте»¹⁸¹.

Полное содержание этой беседы стало известно лишь спустя 19 лет, когда была опубликована часть дипломатической переписки между Уэллесом и Хэллом за 1933 г. В ходе беседы Хэлл сказал Синтасу, что «главной целью миссии посла Уэллеса на Кубе является желание избежать создания условий, которые бы привели к необходимости выполнить наши обязательства по Постоянному договору», т. е., иначе говоря, добиться ухода Мачадо и ослабления революционного движения без высадки американских войск на острове. В ответ на просьбу Синтаса о том, чтобы Рузвельт отзывал на время Уэллеса в Вашингтон «для консультации» и этим «облегчил президенту Мачадо возможность пойти

¹⁷⁸ «Times», 11.VIII 1933.

¹⁷⁹ E. D. Cronon. Interpreting the New Good Neighbour Policy. The Cuban Crisis of 1933. «HAHR», XI 1959, v. 39, № 4, p. 343.

¹⁸⁰ «Press Releases», 12.VIII 1933, p. 92.

¹⁸¹ «New York Herald Tribune», 11.VIII 1933.

на уступки, которые ему неудобно делать в то время, когда правительство Соединенных Штатов оказывает на него нажим» через посредство Уэллеса, заместитель государственного секретаря Филлипс, также участвовавший в беседе, позвонил в Гайд-Парк. Ответ президента США был совершенно недвусмысленным. Ф. Рузвельт просил передать кубинскому послу, что он «не склонен просить посла Уэллеса прибыть в Вашингтон для консультации; что он еще раз хотел бы подтвердить, что посол Уэллес пользуется полнейшим его доверием и что он уверен, что посол делает все возможное, что может быть полезным при данных обстоятельствах...» Кроме того, Ф. Рузвельт просил передать, что он «ожидает от президента Мачадо действий и что *время является сутью всей проблемы*»¹⁸².

Одновременно с прямым дипломатическим нажимом на правительство Мачадо был организован в широких масштабах шантаж угрозой военной интервенции. В течение трех-четырех дней, до 12 августа, в американской, латиноамериканской и европейской буржуазной прессе усиленно распространялись подробные описания приготовлений к вооруженной интервенции на Кубе. Сообщая об обращении испанского и британского послов в Гаване к Уэллесу с протестами против репрессий со стороны правительства Мачадо в отношении их граждан и убытков, понесенных последними на Кубе¹⁸³, газета «Нью-Йорк Таймс» угрожающе предупреждала, что это дает формальный повод для интервенции США по «поправке Платта». Газета отмечала, что в Вашингтоне «идея вооруженной интервенции пользуется все большим вниманием» и что — по заявлению морского министра К. Свэнсона — флот США готов оккупировать Кубу по первому же приказу президента¹⁸⁴. Другие американские и английские газеты сообщали подробности о количестве войск и кораблей, приведенных в готовность, названия кораблей и описание маневров в районе базы корпуса морской пехоты США в Квантико, репетирующих высадку на Кубе¹⁸⁵.

С. Уэллес вел политику явного шантажа. Не говоря прямо о вооруженной интервенции, он в частных беседах с различными кубинскими деятелями неизменно подчеркивал, что назревают «тяжелые события», распространял и поощрял слухи о том, что если Мачадо не уйдет сам, то неизбежны беспорядки, которые вынудят США выполнить их «обязанности» в отношении Кубы по «поправке Платта». В беседе с О. Феррара (9 августа) на прямой вопрос последнего, означает ли врученный накануне

¹⁸² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 352—353 (курсив наш. — Э. Н.).

¹⁸³ См.: «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 345.

¹⁸⁴ «New York Times», 10.VIII 1933.

¹⁸⁵ «New York Herald Tribune», 11.VIII 1933; «Daily Mail», 11.VIII 1933; «Daily Herald», 11.VIII 1933; «Manchester Guardian», 12.VIII 1933.

Мачадо послом США меморандум возможность вооруженной интервенции, Уэллес двусмысленно ответил: «Ну, кто же говорит об интервенции?» Но вслед за этим он достаточно откровенно дал понять своему собеседнику, что отставка Мачадо неизбежна. «В Вашингтоне с послом Кубы говорят более осторожным языком, чем Вы», — заявил Феррара Уэллесу в заключение беседы¹⁸⁶.

Однако в действительности как Ф. Рузвельт и К. Хэлл, так и сам Уэллес, всячески старались избежать военной интервенции на Кубе, так как допустить ее — это значило бы поставить на карту будущее всей их латиноамериканской политики. Как раз об этом предупреждал К. Хэлла в личном письме в те дни новый посол США в Мексике Джозефус Даниэльс. «Что-то следует сделать, чтобы избавиться от Мачадо...» Но «не лучше было бы для нас обеспечить себе сотрудничество стран ABC (Аргентины, Бразилии и Чили. — Э. Н.) или представителя Мексики и соседних латиноамериканских стран..., чем действовать одним?», — писал он Хэллу¹⁸⁷. В Вашингтоне это прекрасно понимали. Не случайно как раз в эти критические дни (7 августа 1933 г.) было подписано, наконец, после долгих переговоров соглашение с правительством республики Гаити о выводе оттуда морской пехоты США, оккупировавшей Гаити почти два десятилетия. Оно должно было продемонстрировать латиноамериканцам «добрососедство» их северного соседа, провозглашенное Ф. Рузвельтом¹⁸⁸.

А в том, что наученные горьким опытом латиноамериканцы пока еще не очень верили в это «добрососедство», сомневаться не приходилось. Любопытно, например, что даже посланник на Кубе зависимого от США панамского правительства, Мануэль Бургос, выступил с восхвалением «твердой позиции» Мачадо, отвергавшего вмешательство Сэмнера Уэллеса в дела Кубы, и заявил, что «в случае интервенции Соединенных Штатов все латиноамериканские страны станут на сторону президента Мачадо»¹⁸⁹.

10 августа Д. Даниэльс, сообщая в государственный департамент о состоявшейся у него в этот день беседе с мексиканским министром иностранных дел Х. М. Пуиг Касауранком, писал, что, по мнению последнего, «Мексика думает, что большинство кубинцев желает отстранения Мачадо либо отставки его, но считает, что односторонняя интервенция США не была бы одобрена латиноамериканскими странами. Она могла бы серьезно

¹⁸⁶ A. Fabre-Luce. Op. cit., p. 43—44.

¹⁸⁷ J. Daniels, Mexico City, to C. Hull, Washington, 9.VIII 1933. Daniels Papers, Box 750. См.: «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 543.

¹⁸⁸ «Press Releases», 19.VIII 1933, p. 103—108; «La Prensa» (B. A.), 8.VIII 1933.

¹⁸⁹ «New York Herald Tribune», 11.VIII 1933.

помешать достижению соглашений на конференции в Монтевидео...»¹⁹⁰.

Профессор Э. Кронон, получивший доступ к архивам государственного департамента, свидетельствует, что «мексиканцы были не единственными, кого обеспокоила американская политика на Кубе. Когда политическая обстановка на острове ухудшилась, еще одно латиноамериканское посольство также предупредило государственный департамент, что интервенция Соединенных Штатов была бы плохо воспринята»¹⁹¹.

Вот почему в телеграмме Уэллесу, посланной 11 августа, К. Хэлл подчеркнул, что «имеются некоторые враждебные толкования как тут, так и в Латинской Америке, по поводу того, что Соединенные Штаты пытаются не столько убеждать, сколько принуждать. Я, конечно, понимаю трудности, с которыми Вы сталкиваетесь..., однако верю, что Вы имеете это обстоятельство в виду и делаете все, что можете, чтобы исправить дело.

На пресс-конференции сегодня я намерен повторить..., что Вы используете Ваши добрые услуги, стремясь помочь кубинцам найти кубинское разрешение их трудностей; что является ошибкой говорить о «плане Уэллеса», так как единственный обсуждающийся план является кубинским планом, согласованным кубинцами и выдвинутым Вами ради их пользы; ...что Вы действуете в качестве посредника, делающего дружественную попытку помочь кубинцам найти удовлетворительное решение их проблем»¹⁹².

В письме послу США в Лондоне Бингхэму, отправленном в тот же день, 11 августа, Хэлл откровенно признавался, что он «отчаянно» стремится избежать открытой военной интервенции на Кубе. «Я еще надеюсь, что мне это удастся, хотя положение является критическим», — писал он¹⁹³.

Шантаж вооруженной интервенцией, на которую на самом деле собирались пойти только в самом крайнем случае — в слу-

¹⁹⁰ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 350. Речь идет о седьмой панаме-риканской конференции, созываемой в декабре 1933 г. Мексиканская газета «Эль Насьональ» писала в те дни, что чувства мексиканцев были бы целиком на стороне тех кубинцев, которые стремятся к освобождению своей страны, «если бы мы не видели в центре этого революционного процесса решающего влияния американского посла — м-ра Сэмнера Уэллеса, сначала как посредника между враждующими сторонами, а позже как арбитра политических судеб Кубы». См.: «El Nacional» (México), 13.VIII 1933.

¹⁹¹ E. C. Wilson, memorandum of conversation, 11.VIII 1933. DS № 837.00/3714; «NAHR», XI 1959, v. 39, № 4, p. 543.

¹⁹² Ibid., p. 354.

¹⁹³ C. Hull. Op. cit., p. 313, 314. На желание Вашингтона избежать в кубинском кризисе вооруженной интервенции указывала и пресса как в Америке, так и в Европе (См. «New York Herald Tribune», 9.VIII 1933; «New York Times», 10.VIII 1933; «Daily Herald», 11.VIII 1933; «Foreign Policy Bulletin», 11.VIII 1933, p. 1).

чае революционного взрыва на Кубе,— был призван оказать влияние не столько на самого Мачадо, сколько на позицию трех правительственных партий и армии с тем, чтобы заставить их отказаться от поддержки Мачадо. Но в еще большей мере военный шантаж был направлен против демократических организаций трудящихся, против революционных сил Кубы.

Что касается правительственных партий и армии, то угроза вооруженной интервенции сыграла свою роль. 10 августа все три партии заявили о принятии ими формулы Уэллеса, включая и сокращение срока пребывания в конгрессе сенаторов и членов палаты представителей¹⁹⁴.

Отставка Мачадо означала бы крушение целой группы правивших при нем лиц, которые бы не только потеряли свои должности и положение, но и должны были бы держать ответ за свои преступления. Поэтому диктатор и его клика все еще старались выиграть время, в надежде подавить забастовку и удержаться у власти. 10 августа государственный секретарь О. Феррара заявил корреспондентам, что в течение 48 часов правительство вручит свое контрпредложение Уэллесу.

Тем временем «Гаваша, по словам специального корреспондента газеты «Дейли экспресс», превратилась в военный лагерь. Крупные общественные здания,— сообщал он,— заняты солдатами. Все мосты в городе охраняются. У всех выходов — пулеметы. На главных улицах — баррикады из мешков с песком. Войска находятся в постоянной боевой готовности»¹⁹⁵. Было ясно, что войска предназначались не столько для отпора интервентов, сколько для борьбы с народом, так как всеобщая стачка продолжалась, и настроение масс становилось все более боевым. «Куба сегодня находится под железным кулаком военной диктатуры, но революционный взрыв ожидается с часу на час», — писала газета «Ньюс Кроникл»¹⁹⁶.

Уэллес, однако, не терял времени. Еще весной 1932 г. полковники кубинской армии О. Феррер и Х. Сангили начали сколачивать заговор против Мачадо. Их план нашел отклик у ряда офицеров в военных округах Матансас и Санта-Клара, в авиационном корпусе и столичном форте Кабанья. События первой недели августа и усилия американского посольства привели к расширению офицерского заговора. Офицеры понимали, что положение армии, бывшей основной опорой диктатуры Мачадо и вызывавшей ненависть всего народа, колеблется. Конечно, офицеры-заговорщики больше всего не желали народной рево-

¹⁹⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 348—349, 353—354; «New York Herald Tribune», 11.VIII 1933; Cuadernos de la Universidad del aire, 26.VIII 1933, p. 289.

¹⁹⁵ «Daily Express», 11.VIII 1933.

¹⁹⁶ «New Chronicle», 11.VIII 1933.

люции. Но и в случае добровольной отставки Мачадо они оказались бы оставленными на милость своих врагов из оппозиции. В случае же американской интервенции — армия просто была бы распущена или резко сокращена. Единственным выходом, с их точки зрения, было попасть в фавор к новому режиму, для чего армии следовало сказать свое слово в происходивших событиях¹⁹⁷.

При активном участии С. Уэллеса это было усвоено всеми заговорщиками. Правда, сам Уэллес позднее, выступая 13 апреля 1935 г. в Американской академии политических и социальных наук в Филадельфии, отрицал какое-либо свое причастие к офицерскому заговору против Мачадо. Он, в частности, заявил, что «никогда не бывал ни в каких военных учреждениях или казармах и не встречался ни с кем из военных..., не знал никого из офицеров кубинской армии и никогда не был связан с ними прямо или косвенно...»¹⁹⁸. Однако спустя два дня после этой речи Уэллеса выходящая в Нью-Йорке на испанском языке газета «Ла Пренса» опубликовала статью, в которой доказывала, что он был связан с лидерами офицерского заговора¹⁹⁹.

Карльтон Билс в упоминавшейся уже книге «Преступление на Кубе», опубликованной в 1934 г. в США, сообщал, что «военный атташе посольства Соединенных Штатов посетил казармы и совещался с военными лидерами... Более молодые офицеры, поощряемые позицией посольства, готовились к перевороту»²⁰⁰. Автор изданной тогда же в Гаване книжки «Как был свергнут президент Мачадо» — один из приспешников правительства Мачадо Альберто Ламар Швейер — утверждал, что Уэллес был непосредственным вдохновителем восстания офицеров 11 августа 1933 г.²⁰¹

В работе 1961 г. американский буржуазный историк Брайс Вуд признает, что хотя и «нет достаточных данных, чтобы ответить на этот вопрос с полной уверенностью», однако «согласованность и единодушие» решения, принятого офицерским корпусом по всей стране, наряду с тем фактом, что Уэллес, как подчеркнула газета «Нью-Йорк Таймс», «смог доложить, что армия собирается предать кубинского президента еще до того, как об этом узнал сам Мачадо»²⁰², — оба эти обстоятельства свидетельствуют о наличии связи между действиями офицеров-

¹⁹⁷ As our neighbours see us, p. 166. Один из руководителей офицерского заговора О. Феррер, например, утверждал, что он и полковник Х. Сангили «ускорили» осуществление своих планов, «чтобы спасти Кубу от американской интервенции» («New York Times», 13.VIII 1933).

¹⁹⁸ S. Welles. Two years of the «Good Neighbour» Policy, p. 9.

¹⁹⁹ «La Prensa» (N. Y.), 15.VI 1935.

²⁰⁰ C. Beals. The Crime of Cuba. Philadelphia, 1934, p. 449.

²⁰¹ См.: B. Wood. Op. cit., p. 68—69.

²⁰² «New York Times», 17.VIII 1933.

заговорщиков и планами Уэллеса²⁰³. Для кубинского историка Ф. Портуондо дель Прадо — автора учебника «История Кубы», выдержавшего много изданий, — факт причастия Уэллеса к офицерскому заговору не подлежит сомнению, и он прямо пишет об этом²⁰⁴.

Вечером 9 августа полковники О. Феррер и Х. Сангил и подполковник Э. Дельгадо встретились с военным министром генералом Эррера и потребовали отставки Мачадо. Эррера обещал добиться ее в течение 48 часов в обмен на обещание заговорщиков воздержаться на это время от выступления²⁰⁵.

10 августа Уэллес сообщил в Вашингтон, что он имел «конфиденциальную беседу с генералом Эррера», наиболее влиятельным после Мачадо человеком на Кубе, в течение 12 лет бывшим начальником штаба кубинской армии, и что последний дал ему «свое формальное обещание» принять участие в предложенном Уэллесом «решении» проблемы, предусматривавшем немедленный уход в отставку Мачадо и всех членов кабинета, кроме Эррера, который бы тогда автоматически стал временным президентом и возглавил переходное правительство²⁰⁶.

Однако Эррера нарушил договоренность. 10 августа подполковник Дельгадо получил приказ выехать в провинцию. Одновременно была сделана попытка разоружить подозреваемый в связи с заговорщиками 1-й артиллерийский батальон. Это ускорило события. Утром 11 августа батальон восстал. Его поддержал гарнизон важного в стратегическом отношении форта Кабанья, расположенного напротив столицы (по другую сторону гавани), комендантом которого был Дельгадо. Орудия форта были направлены на президентский дворец. Войска заговорщиков захватили другой, господствующий над столицей форт, — Кастильо де ла Фуэрса, где находились военное, военно-морское министерства и главный штаб армии. Командир авиационного корпуса, размещенного близ военного городка Колумбия, также заявил о поддержке восставших. Вокруг столицы заговорщики разместили свои войска с пулеметами. Лидеры восставших вторично потребовали от генерала Эррера отставки Мачадо в течение 24 часов²⁰⁷.

Мачадо сделал еще одну отчаянную попытку удержаться у власти, бросившись ночью 11 августа вместе со своей личной охраной пулеметчиков за помощью в офицерские казармы Ко-

²⁰³ B. Wood. Op. cit., p. 68—69.

²⁰⁴ F. Portuondo del Prado. Op. cit., p. 617.

²⁰⁵ «Diario de la Marina», 23.VIII 1933; Cuadernos de la Universidad del aire, 26.VIII 1933, p. 290—291.

²⁰⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 355—356.

²⁰⁷ «Правда», 13.VIII 1933; «New York Times», 12, 13.VIII 1933; «Daily Herald», 12.VIII 1933; «Manchester Guardian», 14.VIII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 356—358.

лумбия. Но встретившие его здесь лидеры заговора, а также командующие авиационным корпусом и флотом потребовали, чтобы он немедленно ушел в отставку. Мачадо был арестован и отправлен под охраной сначала во дворец, а затем в свое поместье²⁰⁸.

Той же ночью с 11 на 12 августа, в президентском дворце, на совещании политических и военных кубинских деятелей в присутствии Уэллеса, Мачадо принял отставку всех министров, кроме Эррера, и написал просьбу об отпуске. Тем самым, согласно статье 72-й конституции 1928 г., Эррера становился временным президентом. Однако в связи с возражениями лидеров военного мятежа и оппозиции против кандидатуры Эррера, дискредитированного многолетней связью с кликой Мачадо, окончательный выбор на затянувшемся до утра совещании пал на протеже Уэллеса — Карлоса Мануэля де Сеспедеса-и-Кесада, назначенного государственным секретарем кабинета Эррера. Затем Эррера также вышел в отставку, и де Сеспедес стал временным президентом.

Ранним утром 12 августа, едва успело взойти солнце, из ворот президентского дворца выехал доверху нагруженный багажом грузовик. За ним последовали зеленый автомобиль с дочерьми президента и броневик самого Мачадо, которому Уэллес гарантировал личную безопасность. Замыкали эту кавалькаду грузовики с солдатами дворцовой охраны. Столица еще спала, когда экс-диктатор, прихвативший с собой 33 чемодана, набитых золотыми монетами, улетел самолетом на Багамские острова²⁰⁹.

В Вашингтоне — в ожидании «развязки» — в государственном департаменте всю ночь с 11 на 12 августа дежурили ответственные сотрудники во главе с Джефферсоном Кэффри, принимавшие ежечасные телефонные сообщения от Уэллеса. Все эти сообщения немедленно передавались в личный поезд Рузвельта, находившегося в пути из Гайд-Парка в Гаррисонбург и приказавшего держать его в курсе всех событий на Кубе, какой бы час ночи ни был. Ночное дежурство имело место также в военном и морском министерствах США²¹⁰.

Поскольку по замыслу Уэллеса все должно было соответствовать формальной конституционной процедуре, а по условиям существующей конституции предоставить президенту отпуск мог только конгресс, то необходимо было созвать с этой целью

²⁰⁸ «New York Times», 13.VIII 1933; «Times», 12.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 13.VIII 1933; R. H. Phillips. Op. cit., p. 35—36.

²⁰⁹ «La Prensa» (B. A.), 13.VIII 1933; «Observer», 13.VIII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 360, 362; R. T a b e r. M — 26. The biography of a revolution. New York, 1961, p. 22.

²¹⁰ «New York Herald Tribune», 12.VIII 1933.

заседание обеих палат конгресса. Однако сделать это было не так просто — подавляющее большинство членов конгресса либо сбегали из Гаваны, либо попрятались, страшась народного гнева. Несмотря на охрану в 300 солдат, всего лишь три конгрессмена (в том числе председатель палаты представителей Инклан) оказались достаточно храбры для того, чтобы поздней ночью 12 августа явиться в здание Капитолия. В помещении сената, при свете свечей (включить электрическое освещение не рискнули), они подписали за себя и за других членов конгресса решение о предоставлении Мачадо отпуска.

«Представьте себе это заседание конгресса,— пишет Р. Х. Филлипс.— Большой темный зал сената, освещенный лишь несколькими свечами, три перепуганных конгрессмена, спешно придающих соответствующую форму мерам, которые должны были изменить правительство на острове. Зловещая тишина огромного здания, на нижнем этаже которого разместились три сотни солдат. Любопытно, где Эррера подписал документ, назначающий Сеспедеса государственным секретарем? Это мы все еще не выяснили, но мне представляется, что это было сделано либо во дворце, либо в поместье президента, куда Мачадо отправился этой ночью. Я предполагаю, что документы были отвезены туда полковником Сангили или полковником Эразмо Дельгадо. Они посетили посольство (Соединенных Штатов.— Э. Н.) рано утром двенадцатого. Любопытно, отправились ли они туда за советом или за поздравлениями. Это бы значило, что посол Уэллес по меньшей мере дал молчаливое согласие на мятеж офицеров»²¹¹.

«Так, с помощью юридической фикции,— пишет кубинский историк,— уходу Мачадо и новому правительству была придана конституционная форма»²¹². Теперь Уэллес смог, наконец, доложить в Вашингтон, что порученная ему задача «конституционной» передачи власти на Кубе в руки новых, более подходящих для американских монополий марионеток в основном выполнена. В депеше, посланной Хэллу в час дня 12 августа, Уэллес сообщал, что формирование нового правительства будет закончено к концу дня, что «вся эта процедура точно соответствует условиям конституции» и поэтому «никакого официального акта о признании со стороны Соединенных Штатов не требуется». «Достигнутое решение,— писал он,— было выработано исключительно самими кубинцами...»²¹³.

Полностью оценив юмор своего старого друга, президент Ф. Рузвельт в заявлении, сделанном 13 августа, объявил, что

²¹¹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 39.

²¹² F. Portuondo del Prado. Op. cit., p. 617. См. также: E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 30—31.

²¹³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 359.

«смена правительства... на Кубе находится в полном соответствии с признанной конституцией и законами этой страны»²¹⁴. В специальной телеграмме он выражал Уэллесу «теплую благодарность... и высокую оценку того, что Вами сделано»²¹⁵.

Таким образом, американский империализм, путем дипломатической интервенции и войдя в союз с буржуазной оппозицией, предавшей интересы своего народа, сумел посредством военного переворота предотвратить переход власти в руки революционного народа, свергнувшего диктатуру Мачадо. Однако этот временный успех американской дипломатии отнюдь не помог ей убедить народы Кубы и других стран Латинской Америки в том, что «добрососедская» политика правительства Рузвельта радикально отличается от империалистического вмешательства предшествующих американских правительств в кубинские дела. Революционный подъем, заставивший С. Уэллеса отбросить в сторону все его тактические приемы и оказать прямое и грубое давление на правительство и политические партии Кубы, разоблачил подлинный характер «посредничества», осуществляемого посланцем Вашингтона с ведома и по поручению президента Ф. Рузвельта.

3. Революция на подъеме. Восстание 4 сентября

Карлос Мануэль де Сеспедес-и-Кесада был удобной фигурой для американских монополий. Он родился в 1871 г. в Соединенных Штатах. Сын знаменитого отца — одного из вождей Десятилетней войны за независимость Кубы, Сеспедес был полнейшей политической посредственностью. Один из американских журналистов даже назвал его в печати «старым дураком». Но в течение своей бесцветной карьеры К. М. де Сеспедес проявил себя в качестве послушного слуги американского капитала, всегда готового предать национальные интересы своей страны и своего народа в угоду заправщикам Уолл-стрит. С 1914 по 1923 г. он был кубинским послом в США; затем по «совету» из Вашингтона был назначен государственным секретарем в кабинете президента Сайяса, а позже был министром у Мачадо, посланником его правительства во Франции и Англии, послом в Мексике. Летом 1933 г. де Сеспедес активно сотрудничал в «посреднических» переговорах с С. Уэллесом, который в своем донесении от 12 августа охарактеризовал его как «самого искреннего друга Соединенных Штатов». Наконец, де Сеспедес был лично знаком

²¹⁴ The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 323.

²¹⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 360.

с Ф. Рузвельтом, подчеркнувшим это обстоятельство в поздравительной телеграмме новому президенту²¹⁶.

Для того, чтобы укрепить положение правительства де Сеспедеса, унаследовавшего от режима Мачадо долг в 300 млн. долл., Вашингтон согласился на временное прекращение выплаты процентов и других платежей по внешней задолженности Кубы²¹⁷. С той же целью Ф. Рузвельт торжественно объявил о своей экономической программе для Кубы, состоявшей из четырех пунктов:

1. Предоставление рабочим сахарных и табачных плантаций маленьких земельных участков, с помощью которых они смогут существовать в случае безработицы. Это означало бы создание для американских компаний на острове своего рода «класса наемных рабочих с паделом» — постоянной резервной армии безработных с психологией мелкого крестьянина-собственника, влчашего полутолодную жизнь, но упорно цепляющегося за свой клочок «частной собственности» и не поддающегося «коммунистической пропаганде». Такой план целиком соответствовал основной линии рузвельтовского «нового курса».

2. Региональное соглашение между США, Мексикой и Кубой о контроле над производством и сбытом сахара.

3. Новый торговый договор с Кубой «на основе взаимных тарифных уступок».

4. «Реорганизация» внутреннего и внешнего национального долга Кубы²¹⁸.

Перед правительством де Сеспедеса стояли две основные задачи: обеспечить «восстановление законности и порядка» в стране и «стабилизировать» с американской помощью экономическое положение Кубы и прежде всего ее сахарной промышленности. Обе эти взаимно связанные задачи должны были, по замыслу вашингтонского правительства, снова превратить Кубу в доходный объект эксплуатации и выгодный рынок сбыта для американских монополий. Правительство де Сеспедеса рассматривалось американским империализмом и кубинскими правящими классами как временное правительство, необходимое для получения «мирной передышки» в борьбе с силами революции. Оно призвано было «охладить» политическое напряжение в стране. «Президент де Сеспедес стоит перед серьезной проблемой: как приостановить забастовку и помешать тому, чтобы ...массовая революция не стала слишком революционной», — откровенно

²¹⁶ «Diario de la Marina», 2.VII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 359; «Press Releases», 19.VIII 1933, p. 113.

²¹⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 578; «Nation», 30.VIII 1933, v. 137, p. 234.

²¹⁸ «New York Times», 12.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 13.VIII 1933.

сообщал 13 августа гаванский корреспондент «Нью-Йорк Таймс»²¹⁹.

В связи с этим С. Уэллес, несмотря на обострение после свержения Мачадо борьбы за власть внутри бывшей буржуазно-помещичьей оппозиции, заставил ее лидеров согласиться на создание коалиционного правительства, включавшего представителей почти всех групп бывшей оппозиции²²⁰. По характеристике американского буржуазного еженедельника «Нэйшн», «...правительство де Сеспедеса представляло собой союз офицерской касты Мачадо, американского посла, различных старых политических партий и ряда тайных... организаций, уже находящихся в процессе разложения...»²²¹. Творец этого «правительства» — С. Уэллес — стал фактическим распорядителем и хозяином на острове. Спустя неделю после свержения Мачадо он сообщал в Вашингтон, что Сеспедес и его министры «ежедневно просят моего совета буквально по любому вопросу — от внутренней политики кабинета и дисциплины в армии до назначения чиновников во всех органах управления...»²²².

Американские банкиры и дельцы были довольны. Кубинская торговая палата в США (представлявшая несколько сот занимавшихся бизнесом на Кубе американских компаний) уже 13 августа телеграфировала о «своей искренней и самой активной поддержке» нового правительства²²³. «Хаос на Кубе происходит... по экономическим причинам. Она процветает, когда цены на сахар высоки и тарифы не лишают ее большей части рынков сбыта. Новое правительство... неизбежно столкнется с этой проблемой и будет нуждаться в американской помощи», — удовлетворенно констатировал орган Уолл-стрит в предвкушении новых огромных прибылей²²⁴. «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что собравшиеся в американском деловом клубе в Гаване американские бизнесмены ожидают повышения кубинского спроса на автомобили, нефть и другие товары из США²²⁵. На все лады расхваливая С. Уэллеса, американская буржуазная пресса

²¹⁹ «New York Times», 14.VIII 1933.

²²⁰ В кабинет К. М. де Сеспедеса входили: от «АВС» — Карлос Саладригас и Хоакин Мартинес Саенс; от Националистического союза — Косме де ла Торриенте (государственный секретарь), Федерико Ларедо Бру и Гильермо Бельт; от группы М. М. Гомеса — Рафаэль Сантос Хименес; от либералов — Эдуардо Х. Чибас; от консерваторов — Рауль де Карденас-и-Эчарте; от О.С.Р.Р. — Никасно Сильвернио; от профессоров университета — Хосе Антонио Пресно; беспартийный — Деметрио Кастильо Покорни (военный и морской министр).

²²¹ «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 68—69.

²²² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 368.

²²³ «New York Times», 15.VIII 1933.

²²⁴ «The Magazine of Wall Street», 19.VIII 1933, v. 52, № 9, p. 410.

²²⁵ «New York Times», 15.VIII 1933.

писала о его «краткой, но блестящей роли в качестве посла в Гаване»²²⁶.

Депешу государственному секретарю от 12 августа, в которой описывались события, связанные с уходом Мачадо и приходом к власти де Сеспедеса, Уэллес заканчивал словами: «Следующие несколько дней, вероятно, будут трудными, но я уверен, что положение спасено и что никакой дальнейшей акции со стороны правительства Соединенных Штатов не потребуется»²²⁷. Однако последующие события развивались далеко не в том направлении, как рассчитывали Уэллес и государственный департамент США.

12 августа на Кубе произошел не просто очередной военный переворот, столь обычный для латиноамериканских стран, находившихся под пятой американского империализма. День, когда под нажимом широких народных масс рухнул террористический режим Мачадо, стал важнейшей вехой кубинской революции 1933 г. Оценивая значение этого события спустя почти двадцать лет, У. З. Фостер отметил, что одним из «наиболее значительных массовых движений в Латинской Америке накануне второй мировой войны было революционное свержение тирании кровавого Мачадо на Кубе...»²²⁸. «В августе 1933 г. после мощной всеобщей забастовки... Мачадо был вынужден бежать с Кубы. Массовая борьба принесла народу крупные политические завоевания. Это была серьезнейшая победа кубинского народа, и плоды этой победы он ощущает и по сей день»²²⁹.

Хитроумные вашингтонские политики и дипломаты, рассчитывавшие, что им удастся повернуть революционный подъем на Кубе в «конституционное» русло и ограничить его свержением Мачадо посредством военного переворота, глубоко просчитались.

«Революция 1933 г., — отмечалось в программе Народно-социалистической партии Кубы, принятой на ее восьмом национальном съезде, — была, с одной стороны, результатом созревания объективных причин, в виду которых существовавшая при Мачадо система сделалась невыносимой, а политическое недовольство слилось с общественным, доведенным до крайнего предела крупным экономическим кризисом; и, с другой стороны, результатом роста политического сознания рабочего класса и всего народа, происшедшего под влиянием их революционных организаций.

²²⁶ «Foreign Policy Bulletin», 1.IX 1933; «New York Times», 13. 17.VIII 1933; «Current History», X 1933, v. 39, p. 24.

²²⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 359.

²²⁸ W. Z. Foster. History of the Communist party of the United States. New York, 1952, p. 363.

²²⁹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки, стр. 570.

Этим и объясняется,— говорилось в программе,— широкий размах массовой борьбы, в авангарде которой находился рабочий класс, прибегавший к крупным упорным забастовкам и другим действиям, и глубина революции, которую руководители старых политических партий, выступавшие против Мачадо, хотели бы ограничить простой сменой людей и незначительными политическими реформами и которую некоторые руководители новых в то время группировок хотели бы направить по пути фашизма»²³⁰.

Революция на Кубе продолжала развиваться по восходящей линии. Компартия и КНОК сразу же призвали народ на борьбу против «правительства людей, которые сотрудничали и желают сотрудничать с американским империализмом». В листовке, датированной 12 августа, Исполком КНОК обратился к трудящимся с призывом продолжать борьбу за свои требования, против марионеточного правительства де Сеспедеса и интервенциониста Уэллеса, а также против ренегатов Хунко и Вильяреаль, захвативших в свои руки руководство в Рабочей федерации Гаваны и профсоюза торговых служащих²³¹.

Студенческий директорат, отказавшийся участвовать в «посредничестве» Уэллеса, также выступил против марионеточного правительства де Сеспедеса. Кроме того, уже сам факт свержения кровавой диктатуры, душившей страну в течение восьми лет, оказал огромное революционизирующее влияние на широкие народные массы и послужил дополнительным толчком для дальнейшего роста революционного движения.

Как только радио объявило 12 августа об отставке Мачадо, стихийная ненависть масс к режиму диктатора прорвалась наружу. Президентский дворец и дома видных мачадистских деятелей были разгромлены. Та же участь постигла редакцию и типографию газеты «Эральдо де Куба», принадлежавшей О. Феррара. Не успевшие скрыться мачадисты, агенты тайной полиции и члены отрядов «Порры» вылавливались повсюду народом, нередко их убивали на месте. Студенты и рабочие разыскивали и избили до смерти одного из убийц основателя Коммунистической партии Кубы Хулио Антонио Мельи. Генералу А. Эррера так же, как О. Феррара и большинству других министров правительства Мачадо, удалось бежать в США и спасти свою жизнь только благодаря помощи С. Уэллеса. «Таким образом,— замечает в связи с этим Р. Х. Филлипс,— основные фигуры режима вовремя убрались, а погибли, как обычно, мелкие сошки»²³².

²³⁰ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional. Informes, resoluciones, programa, estatutos. La Habana. 1960, p. 678.

²³¹ ГМР СССР, 11844/75, Ж-М726-6; «Communist», v. 12, № 9, 1933, p. 910.

²³² R. H. Phillips. Op. cit., p. 45.

Народные массы праздновали свою победу. Проспект «Авенида дель пресиденте Мачадо» был переименован в «Авенида Рубнера» — в память о замученном свергнутом режимом студенте-революционере. Воздвигнутая в честь диктатора колонна получила название «жертвам Мачадо». Демонстрации и митинги проходили по всему острову. Везде продолжались забастовки. Полиция боялась в первые дни вообще показываться на улицу. Командование армии выжидало²³³.

В Вашингтоне поднялась тревога. «За падением Мачадо на Кубе последовало такое возбуждение части населения и элементов армии, что выражались определенные опасения, сможет ли новое временное правительство президента Сеспедеса своевременно восстановить контроль», — сообщала газета «Вашингтон Пост»²³⁴. Перепуганный Уэллес затребовал немедленной присылки американских кораблей, и уже вечером 13 августа президент Ф. Рузвельт отдал соответствующий приказ. Одновременно Рузвельт сделал заявление о том, что он вынужден послать суда «исключительно с целью защиты жизни американских граждан на Кубе» и только в связи с сообщениями о «внутренних беспорядках..., включающих акты насилия». «...Никакой возможный вопрос об интервенции или о малейшем вмешательстве во внутренние дела Кубы не возникает и не имеется в виду этим предупредительным шагом... Я даю твердые соответственные инструкции командиру каждого корабля», — пытался оправдать он вооруженную империалистическую демонстрацию в кубинских водах²³⁵. Затем было официально объявлено, что суда посылаются по просьбе правительства Сеспедеса.

Рано утром 14 августа эсминцы «Тэйлор» и «Клэкстон» уже стояли в гаванском порту, а эсминец «Стартивент» направлялся в Мансанильо. В тот же день было сообщено о посылке на Кубу крейсера «Ричмонд», а лондонская и аргентинская пресса сообщила также о неофициальной отправке крейсера «Индианополис» из Нью-Йорка в Хэмптон Родс с тем, чтобы он находился вблизи от Кубы²³⁶. Буря протестов по всему острову, вызванная новым фактом вмешательства правительства США в дела Кубы, заставила Сэмнера Уэллеса заявить: «Я надеюсь, что суда пробудут здесь не более 12 часов». На следующий день Д. Кэффери (исполнявший обязанности помощника государственного секретаря) снова подчеркнул, что вопрос о признании правительства Сеспедеса Соединенными Штатами не стоит, так

²³³ «New York Times», 13, 14, 15.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 14, 15.VIII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 361.

²³⁴ «Washington Post», 15.VIII 1933.

²³⁵ The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 322—323, 324.

²³⁶ «New York Times», 14.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 14, 15, 16.VIII 1933; «Times», 15.VIII 1933; «Morning Post», 15.VIII 1933.

как смена правительства произошла согласно предусмотренной конституцией процедуре²³⁷.

«Миролюбивые» заверения Рузвельта, Уэллеса и Кэффри, конечно, никого не обманули. Смысл посылки военных судов был всем ясен. «Посылая четыре военных корабля на Кубу, президент Рузвельт показал острову, что он полностью готов поддерживать правительство Сеспедеса», — комментировала действия Белого дома консервативная лондонская газета «Дейли Телеграф»²³⁸.

Однако демократические силы в Соединенных Штатах — Коммунистическая партия, Антиимпериалистическая лига, профсоюзные и другие рабочие, а также студенческие организации (Лига защиты рабочих, Организация рабочих, говорящих на испанском языке, Совет женщин рабочего класса, нью-йоркский комитет Международного рабочего ордена, Клуб Хулио Антонио Мелья, Еврейский рабочий клуб, нью-йоркский Совет безработных и т. д.) продолжали активную кампанию протеста против американской интервенции на Кубе.

В телеграммах протеста, посланных несколькими профсоюзами Ф. Рузвельту и К. М. де Сеспедесу, содержались требования отзыва Уэллеса и ликвидации военной базы США в заливе Гуантанамо. 16 августа в Нью-Йорке по призыву Антиимпериалистической лиги состоялась специальная конференция, посвященная Кубе. В конференции участвовало 175 делегатов от 122 организаций, охватывающих 35 тыс. рабочих. Конференция приняла резолюцию о немедленном отзыве военных судов США с Кубы. Правительству Сеспедеса была отправлена телеграмма с требованиями восстановить конституционные гарантии, легализовать Коммунистическую партию Кубы, освободить политических заключенных. 18 августа нью-йоркский городской комитет Коммунистической партии США организовал массовый митинг солидарности с народом Кубы, против «интервенционистских планов посла Уэллеса»²³⁹.

Под защитой пушек американских кораблей и после энергичного вмешательства Уэллеса полиция и военное командование в Гаване взялись, наконец, 14 августа за «восстановление порядка». Было введено военное положение, демонстрации запрещены. Генеральный штаб отдал войскам приказ занять Гавану, патрулировать улицы и стрелять по «нарушителям порядка». В то же время морской министр США Свэнсон (после совещания с Рузвельтом) публично заявил, что по первому требова-

²³⁷ «New York Times», 15.VIII 1933. В телеграмме Хэллу Уэллес называл срок в 48 часов («Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 363).

²³⁸ «Daily Telegraph», 15.VIII 1933.

²³⁹ «Daily Worker», 14, 16, 17, 18.VIII 1933.

нию американский флот может высадить на Кубе 2200 солдат морской пехоты ²⁴⁰.

Введение военного положения и предательская деятельность лидеров «АВС», приложивших все усилия к срыву всеобщей забастовки, привели в середине августа к некоторому «успокоению» в Гаване ²⁴¹. В провинции дело обстояло несколько иначе. «Военный министр сообщает,— писал Уэллес К. Хэллу 15 августа,— что обстановка ухудшается, что повсюду требуют удаления из местных органов власти тех, кто сидел там при старом режиме, и что это чувство разделяет подавляющее большинство молодых офицеров в армии. За последние два дня в результате этого, а иногда и прямого насилия ушли в отставку многие губернаторы провинций и мэры городов. Он сказал, что широко распространяется тревожная агитация против нового правительства, позволившего выехать из страны столь многим должностным лицам старого режима, которые должны были держать ответ за свои преступления перед народом» ²⁴².

Однако по сравнению с началом августа в первые полторы-две недели после свержения Мачадо наблюдался некоторый спад революционной волны. Это объяснялось, во-первых, перестройкой профсоюзного движения в связи с распадом правительственных и многих реформистских профсоюзов; во-вторых, тем, что массы вначале еще ожидали, что новое правительство осуществит перемены в социальной и экономической жизни страны; и, наконец, в-третьих, предательской ролью верхушки «АВС».

После свержения Мачадо «АВС» стала наиболее крупной организованной и имеющей свою «программу социально-экономических реформ» партией, входящей в новое правительство. Ее борьба с режимом Мачадо, ее беспардонно-демагогическая программа и лицемерное «присоединение» ко всеобщей стачке, использование ею лозунга «Куба для кубинцев» — оказывали известное влияние не только на мелкобуржуазные массы и интеллигенцию, но и на определенные слои городских и сельскохозяйственных рабочих. Нелегальное положение и строгая конспирация позволяли лидерам «АВС» скрывать состав ее руководства, а следовательно, и ее подлинные цели. Эти обстоятельства позволяли безнаказанно оперировать демагогическими лозунгами и обещаниями. В августе 1933 г. «АВС» насчитывала около 10 тыс. человек.

Уэллес сразу сумел оценить лакейскую услужливость лидеров этой организации, с самого начала выступивших в поддержку его «посредничества», даже ценой развала нью-йоркской хун-

²⁴⁰ «Известия», 16, 17.VIII 1933; «Manchester Guardian», 14, 15, 16.VIII 1933.

²⁴¹ «La Prensa» (B. A.), 16, 17.VIII 1933.

²⁴² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 365.

ты. Он уже тогда сблизился с лидерами «АВС». Его не пугали внешне «левые» и «ультра-националистические» лозунги «АВС», так как он знал, что за ними скрываются рвущиеся к власти, полуфашистски настроенные представители местной крупной буржуазии и прямые агенты магнатов Уолл-стрит. В частности, один из главных руководителей «АВС» — Хоакин Мартинес Саенс, получивший пост министра финансов в правительстве Сеспедеса, был доверенным лицом «Нэйшнл сити бэнк». Характеризуя второго лидера «АВС» — Карлоса Саладригаса, назначенного на пост министра юстиции, Р. Х. Филлипс писала, что «он из хорошей семьи, культурен, говорит по-английски и консервативен»²⁴³.

Уэллес понимал, насколько удобно для американского империализма использовать в своих интересах на Кубе такую псевдореволюционную партию, и при его поддержке лидеры «АВС» получили в кабинете де Сеспедеса важные министерские посты. 15 августа он писал Хэллу: «Присутствие «АВС» в правительстве, к счастью, делает возможным для «АВС» выступить против активности студентов и с помощью той необычной организации, которой она располагает, вероятно, сдерживать их...»²⁴⁴. Позже, когда правительство Сеспедеса было свергнуто, Уэллес в одном из частных писем прямо писал, что его «друзья из «АВС», как всегда, остаются представителями единственной на Кубе силы, которая может спасти страну. ...Менюкаль, Мендиэта и другие подобные им старые лидеры... больше не имеют престижа»²⁴⁵.

Придя к власти, лидеры «АВС» попытались превратить ее в обычную политическую партию. Но это сразу же вскрыло, что вместо популярного руководства, за которым пошли бы массы, у руля партии стоят адвокаты корпораций, а также местные банкиры и дельцы, тесно связанные с интересами Уолл-стрит. Кроме того, лидеры «АВС», добравшись до власти, чересчур уже откровенно качнулись вправо, поспешив выкинуть за борт свои «устаревшие» лозунги и «принципы». «Мартинес Саенс, юрист «Нэйшнл сити бэнк» и министр финансов, за десять коротких дней проделал полный поворот направо, выбросив, как ненужную, прежнюю программу «АВС», — писал об этом еженедельник «Нэйшн»²⁴⁶.

В «АВС» начали стекаться всевозможные реакционные элементы вплоть до членов «Порры», стремившиеся укрыться от

²⁴³ R. H. Phillips. Op. cit., p. 48. Кубинский экс-диктатор Ф. Батиста в мемуарах пишет о К. Саладригасе как о своем «личном друге». См.: F. Batista. Respuesta... México, 1960, p. 416.

²⁴⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 366.

²⁴⁵ См.: «Daily Worker», 16.XII 1933.

²⁴⁶ «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 69. См. также: «La Prensa». (B. A.), 15, 16, 18.VIII 1933.

народной ненависти. «АВС» вскоре вступает в блок с консерватором Менокалем, а затем и с мачадистскими офицерами. Другим результатом этой эволюции был начавшийся отход рядовых членов «АВС» от руководства и распад ее на три группы, одна из которых позже входила в правительство Грау Сан Мартина. С конца 1933 г. костяк «АВС» составляла главным образом средняя и мелкая буржуазия с верхушкой из реакционных буржуазных и мачадистских элементов. Существовала «АВС», по словам «Нэйшн», на «фонды, предоставлявшиеся испанскими купцами и некоторыми американскими деловыми интересами»²⁴⁷.

Сразу же после свержения Мачадо руководство «АВС» использовало все средства, чтобы сорвать продолжение всеобщей забастовки в Гаване. Частично это удалось им. Однако гаванские докеры, железнодорожники и рабочие ряда других отраслей бастовали до 20-х чисел августа²⁴⁸.

Решив к этому времени, что опасная точка кризиса уже позади, Вашингтонское правительство отозвало «Ричмонд» в США. а эсминцы «Клэкстон» и «Стартивент» перевело в американскую базу на Кубе — Гуантанамо²⁴⁹.

В письме заместителю государственного секретаря, датированном 19 августа, Уэллес писал, что «если только не произойдет никаких неожиданных событий, то кажется невероятным, чтобы в ближайшем будущем могли пмечь место какие-либо серьезные политические беспорядки». В связи с этим он рекомендовал, «если все будет хорошо», отозвать его не позже 1 сентября в Вашингтон (с тем, чтобы он мог заняться подготовкой к седьмой панамериканской конференции, созываемой в конце года в Монтевидео), а в Гавану на его место прислать Кэфферн. «С точки зрения наших отношений не только с Кубой, но и со всей Латинской Америкой,— писал он,— для нашего посольства здесь обладать такими мерами контроля над правительством, которыми оно располагает, благодаря событиям последних двух месяцев, неразумно. Кэфферн, несомненно, добьется всего необходимого влияния немедленно после его прибытия, но это будет влияние, оказываемое за кулисами и не видное для публики»²⁵⁰.

Спустя два дня Филлипс сообщил Уэллесу, что, по мнению Рузвельта, ему следует остаться на Кубе до середины сентября с тем, чтобы успеть до этого времени завершить в основном переговоры о новом торговом договоре²⁵¹.

²⁴⁷ «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 69.

²⁴⁸ «Times», 17.VIII 1933; «News Chronicle», 17.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 18.VIII 1933.

²⁴⁹ «Известия», 17.VIII 1933; «New York Times», 16.VIII 1933; «La Prensa» (B. A.), 19.VIII 1933.

²⁵⁰ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 368—369.

²⁵¹ Ibid., p. 369.

23 августа государственный департамент официально объявил, что С. Уэллес 15 сентября будет смнен в качестве посла на Кубе Джефферсоном Кэффри и вернется на свой прежний пост помощника государственного секретаря с тем, чтобы вплотную заняться подготовкой к седьмой панамериканской конференции ²⁵².

Но государственный департамент и С. Уэллес снова просчитались, приняв временное затишье в Гаване за окончание революционного кризиса. Империалистические дипломаты не могли понять, что начавшуюся на Кубе революцию нельзя «ликвидировать» с помощью военного переворота и смены кабинетов, что кубинский народ ждал радикальных перемен во всем социальном, экономическом и политическом укладе страны. Такие перемены могло осуществить лишь революционное правительство, которое, несомненно, возникло бы, если бы революция развивалась без вмешательства американского империализма. Правительство же Сеспедеса, которое, по меткому выражению органа Компартии США, «родилось... с Уэллесом в качестве повивальной бабки и с кислородными подушками... на борту американских крейсеров в Гаване и Мансанильо» ²⁵³, было правительством контрреволюции, созданным американским империализмом.

Дав 14 августа делегации рабочих, явившихся к Сеспедесу с экономическими и политическими требованиями, туманные обещания пойти им навстречу после «восстановления порядка», это правительство стало наводить «порядок» столь ретиво, что даже консервативная лондонская газета «Таймс» писала о «диктаторском управлении нового президента де Сеспедеса» ²⁵⁴. Лишь под прямым нажимом масс правительство пошло на отмену незаконной конституции 1928 г. и восстановление конституции 1901 г., а также на роспуск старого состава конгресса. На 24 февраля 1934 г. были назначены выборы всех должностных лиц с тем, чтобы 20 мая 1934 г. новый президент мог вступить в должность и сформировать правительство. И это было все, если не считать обещания уважать все международные обязательства республики, в том числе и незаконные займы, сделанные правительством Мачадо после мая 1929 г. ²⁵⁵

Мачадисты все еще не были привлечены к ответственности, что вызывало растущее недовольство. Никаких реформ не было проведено. Под влиянием Уэллеса правительство топталось на

²⁵² «Press Releases», 26.VIII 1933, p. 122.

²⁵³ «Communist», 1933, v. 12, № 9, p. 912.

²⁵⁴ «Times», 23.VIII 1933.

²⁵⁵ «Gaceta Oficial». Edición extraordinaria, 24.VIII 1933; «Известия», 26.VIII 1933; «Times», 26.VIII 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 372, 373—375.

месте, предпочитая отложить их на будущее и избегая формулирования конкретной политической программы. Общие фразы и обещания «процветания и свободы народа» не могли удовлетворить массы. Не прошло и двух недель после свержения Мачадо, как всем стало ясно, что правительство Сеспедеса было не более, как фальшивым фасадом «дяди Сэма» на Кубе. 24 августа, в очередной депеше государственному секретарю, Уэллес писал: «Я пришел к заключению, что следует отказаться от моих первоначальных надежд на то, что правительство Сеспедеса сможет управлять как конституционное до конца срока, на который «избрал» себя Мачадо. Это могло бы быть, если бы оно обладало твердой поддержкой армии, а представленные в нем партии и группы были единодушны в поддержке власти. Но этого нет. Происходит всеобщий процесс распада. Армия находится в неудовлетворительном состоянии, а начальник генерального штаба генерал Сангилли — единственный человек, который мог бы принять необходимые меры для усиления дисциплины,— болен...

Неспособность правительства обеспечить поддержание общественного порядка привела к почти полной анархии по всей стране. Группы так называемых студентов и радикалов всех мастей заставляют уходить в отставку сенаторов, конгрессменов и других выборных лиц, в том числе сегодня — помощника министра коммуникаций, назначенного Сеспедесом. Рабочее движение продолжается и, хотя наиболее серьезные забастовки в городах были урегулированы, положение на крупных сахарных плантациях весьма тяжелое. Лишь благодаря принятию всех требований, выдвинутых бастующими, собравшимися сегодня утром в центре Пунта Алегре (северо-запад провинции Каматуй.— Э. Н.), удалось предотвратить разрушение собственности, а возможно, и гибель американского управляющего и его семьи. Если подобное положение будет продолжаться, здесь неизбежен общий хаос»²⁵⁶.

После августовской всеобщей забастовки начался быстрый рост влияния Национальной рабочей конфедерации Кубы в кубинском рабочем движении. В то же время большинство бывших реформистских профсоюзов, в том числе и такой крупный, как профсоюз рабочих табачной промышленности, а также союзы, находившиеся под контролем правительства, изгнали желтых лидеров и примкнули к КНОК²⁵⁷. В результате, если не считать Братства железнодорожников, остававшегося еще некоторое время под влиянием реформистов, почти все основные

²⁵⁶ «Foreign Relations — 1933». v. 5, p. 371—372.

²⁵⁷ Blas Roca. Los Fundamentos del Socialismo en Cuba. La Habana, 1961, p. 162.

отряды кубинского рабочего класса к началу 1934 г. находились в рядах Национальной рабочей конфедерации, завоевавшей себе легальность и насчитывавшей к этому времени до 300 тыс. членов. Главной ее силой стал СНОИА — Национальный синдикат рабочих сахарной промышленности. Комсомол Кубы за время всеобщей стачки вырос более чем вдвое (с 1,5 до 4 тыс. человек)²⁵⁸.

В ходе стачечных боев кубинский рабочий класс явочным порядком добился легального существования Коммунистической партии и революционных профсоюзов, загнанных при Мачадо в подполье. Коммунисты играли все большую роль в растущих профсоюзах. Коммунистическая партия, поддерживаемая левым крылом студенческого движения и отколовшейся от «АВС» левой группой, организовывала рабочих на борьбу за свои права против проимпериалистической политики правительства Сеспедеса. Со второй половины августа революционная борьба сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства развернулась с новой силой. В центрах создавались фабзавкомы и комитеты плантаций, вспыхивали забастовки. Бастующие требовали повышения заработной платы, улучшения условий жизни, признания профсоюзов и т. д.²⁵⁹

В частности, только по сообщениям газеты «Диарио де ла Марина», за время с 26 августа по 7 сентября в районах Каталина-де-Гинес (провинция Гавана), Ховельянос (провинция Матансас), в центре Багуанос (провинция Ориенте) происходили стачки сельскохозяйственных рабочих, требовавших установления 8-часового рабочего дня, увеличения дневной зарплаты до 80 сентавос и протестующих против уплаты ее бонами. Аналогичные забастовки, а также забастовки колонов, требовавших повышения оплаты за сдаваемый сахарный тростник, происходили в соседних с Ховельянос районах провинции Матансас — Педро Бетанкур Болондрон и Уньон-де-Рейес (центр «Куба» и др.), в центре Ормигиро (провинция Лас-Вильяс). В начале сентября вновь забастовали 2 тыс. рабочих централь Чоппара и Делисиас (северо-запад провинции Ориенте). Газета отмечала при этом остроту классовой борьбы, нередко принимавшей форму вооруженных столкновений бастующих с полицией и войсками. В ответ на вооружение штрейкбрехеров, получивших разрешение стрелять в бастующих рабочих, и на попытки администрации в ряде мест (центр Лимонес в провинции Матансас и др.) выселить рабочих из занимаемых ими жилищ на территории центральных, рабочие и крестьяне стали захватывать полицейские участки, оружейные склады и создавать свою вооружен-

²⁵⁸ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 29—30; «Интернационал молодежи», 1934, № 3, стр. 22.

²⁵⁹ По материалам ЦГАОР.

ную охрану. Рабочие и служащие централей начали занимать землю и сахарные заводы компаний. Через месяц, 24 августа, после захвата сахарного завода Пунта-Алегре, в провинции Камагуэй, в руках рабочих находились уже 37 заводов ²⁶⁰.

29 августа Уэллеса посетила большая группа орудующих на Кубе американских бизнесменов, выразивших свою «крайнюю» обеспокоенность социальными и рабочими беспорядками и убеждение, что «коммунистические агитаторы, оплачиваемые Россией, используют это положение, создавая профсоюзы, содействуя синдикализму и планируя свержение кубинского правительства, чтобы установить коммунистический режим» ²⁶¹.

Сообщая об этом визите, Уэллес писал К. Хэллу: «Это правда, что в последние две недели рабочие лидеры, некоторые из них иностранцы, участвовали в волнениях и были ответственны за эпидемию стачек, охватившую страну». Однако «нынешняя ситуация, которая может стать весьма серьезной, вызвана прежде всего тем фактом, что трудящиеся классы страдали три года под пятой абсолютной диктатуры, что их лидеров арестовывали и убивали и что... средний рабочий на плантациях получал жалованье меньшее, чем необходимо для того, чтобы прокормить себя и свою семью. Бедственные условия и подлинную нищету, существующие здесь, невозможно преувеличить». Отметив, что «американские предприниматели полны страха», он не мог в то же время не признать, что «во многих случаях выдвинутые трудящимися требования разумны и могут быть выполнены» ²⁶².

Заявления перепуганных американских дельцов об «агитаторах, оплачиваемых Россией», по-видимому, имели целью вызвать в американской капиталистической прессе очередную клеветническую кампанию о «руке Москвы» и заодно спровоцировать интервенцию на Кубе «на основе условий поправки Платта». Однако правительство Ф. Рузвельта само опасалось, по соображениям своей латиноамериканской политики, такой интервенции. Кроме того, оно как раз в этот период вело подготовку к восстановлению дипломатических отношений между США и Советским Союзом. Уэллес, конечно, знал об этом. «Хотя я признал, что небольшое число иностранных агитаторов участвует в организации стачек и вообще рабочих волнений и что если это не пресечь, то последствия могут быть серьезными,— писал он,— я не мог обнаружить каких-либо признаков «красной угрозы», о которой говорят некоторые американские бизнесмены здесь» ²⁶³.

²⁶⁰ «Diario de la Marina», 26, 27.VIII 1933; «Daily Worker», 23, 31.VIII 1933; Problems of the New Cuba, p. 183.

²⁶¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 376.

²⁶² Ibid., p. 376—378.

²⁶³ Ibid., p. 378.

Между тем массы быстро левели. Наблюдались случаи братания населения с солдатами. Демонстрации все чаще сопровождались революционными песнями и обычно возглавлялись рабочими, крестьянами и солдатами с красным флагом. В городе Сьенфугос (провинция Лас-Вильяс) стачечный комитет захватил 26 августа городское управление, создал народную милицию, реквизировал и распределил среди безработных и бедняков имущество мачадистов. В городе Сантьяго (провинция Орпенте), где бастовало 20 тыс. человек, солдаты братались с коммунистами. В некоторых местах рабочие заняли не только сахарные заводы, но и железные дороги, и порты компаний, и даже соседние мелкие города. Созданные так называемые освободительные комитеты доставали пищу забастовщикам и их семьям и распределяли земельные участки между неимущими. В эти недели конца августа и начала сентября 1933 г. Коммунистическая партия Кубы играла все большую роль в революционном движении, быстро увеличивая свое влияние и число своих членов. Она руководила массами через Лигу коммунистической молодежи (комсомол), Радикальный женский союз, Антиимпериалистическую лигу и революционные профсоюзы²⁶⁴. Даже комиссия буржуазной Ассоциации внешней политики США вынуждена была признать, что «большое влияние коммунистического движения... осуществлялось... через сотни тысяч тех, кто более или менее ясно симпатизировал коммунистическим идеям и целям... Они приветствовали коммунизм как освободительную силу, которая могла вывести их из вопиющих горя и нищеты»²⁶⁵.

К началу сентября режим Сеспедеса, не способный справиться с социальными и экономическими последствиями экономического кризиса и диктатуры Мачадо и оказавшийся поэтому перед лицом нового революционного подъема, трещал по всем швам. Возмущение масс политикой правительства, плетущегося в хвосте событий и следующего во всем приказам посла США, достигло крайних пределов. Рабочий класс под руководством коммунистической партии готовился к решающим боям за власть; крестьянское движение, хотя и отстающее от движения пролетариата, также явно поднималось на более высокий уровень и грозило перерасти в аграрную революцию.

В то же время против правительства Сеспедеса зрел заговор реакционных элементов из консервативной группировки экс-президента М. Менокалья, отказавшихся войти в кабинет Сеспедеса и поддерживаемых рядом высших офицеров армии. В частности, начальник генерального штаба генерал Х. Сангили в бытность Менокалья президентом был его адъютантом и остал-

²⁶⁴ «Правда», 28.VIII 1933; «Daily Worker», 23, 25, 28.VIII 1933; «New York Times», 20.VIII 1933; «New York Herald Tribune», 24.VIII 1933.

²⁶⁵ Problems of the New Cuba, p. 199.

ся его другом. На посты военных контролеров во всех шести провинциях он назначил людей, близких Менокалю²⁶⁶. Деятельность Менокаля, направленная на захват власти, не осталась незамеченной. В письме Хэллу от 24 августа Уэллес сообщал: «Присутствие генерала Менокаля, как всегда, слишком беспокойный фактор. Непомерное честолюбие и нежелание признать, что его поддерживает лишь маленькая группа — причина того, что он, как мне сообщили, пытается подорвать власть правительства и вызвать раскол среди офицеров в армии»²⁶⁷.

К выступлению против режима Сеспедеса готовился и Студенческий директорат — правое крыло студенческого движения. Лидеры директората, объективно представлявшие интересы мелкой и средней национальной буржуазии, также стремились взять власть в свои руки. За ними под лозунгом «Куба для кубинцев!» шла значительная часть студенчества и интеллигенции, сыгравших заметную роль в свержении правительства Сеспедеса. Студенческий директорат с самого начала отказался признавать это правительство, справедливо рассматривая его, как и большинство кубинцев, в качестве креатуры Уэллеса и «марионетки Соединенных Штатов». 22 августа Директорат выпустил манифест, в котором говорилось о целях революции и месте в ней молодежи и выдвигалось требование создания такого временного правительства, которое бы осуществило глубокие социально-экономические преобразования и созвало Учредительное собрание для выработки новой конституции²⁶⁸.

Между тем в армии среди рядового и особенно сержантского состава, вышедшего в основном из рядов мелкой буржуазии, также росло недовольство сохранявшимся засильем офицеров-мачадистов и оставшимися от старого режима ограничениями унижающими достоинство солдат и сержантов. Не мог не затронуть армии и общий революционный подъем в стране. Во многих местах солдаты отказывались стрелять в бастующих рабочих и братались с демонстрантами²⁶⁹. Уэллес доносил 30 августа: «Дисциплина в армии... еще не такова, чтобы правительство было уверено, что его приказы будут выполнены во всех инстанциях»²⁷⁰.

²⁶⁶ R. H. Phillips. Op. cit., p. 88—89; E. A. Chester. A Sergeant named Batista. New York, 1954, p. 39—40; «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 69.

²⁶⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 371.

²⁶⁸ Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 102; J. Le Riverend Brusone. República: Dependencia y Revolución. La Habana, 1961, tema XX, p. 4; A. Valladares Abreu. Op. cit., p. 29—30; E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., v. 2, p. 32, 33. В руководство Директората, состоявшее из 30 человек, входили Рубен де Леон, Гарсиа Барсенас, Пепелин Лейва, Карлос Прио Сокаррас и др.

²⁶⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 365, 366, 371, 378—379.

²⁷⁰ Ibid., p. 377.

Кроме того, в армии распространился слух о предстоящем введении новых правил, затрудняющих продвижение в чинах для сержантов, снижающих жалование и предусматривающих массовое увольнение рядовых. Это еще больше усилило недовольство и тревогу, использованные «маленькой группой сержантов, промышлявших политикой», как назвал их Фидель Кастро²⁷¹. Возглавляли ее Пабло Родригес, Фульхенсио Батиста, Хосе Педраса, Лопес Мигоя, Эстевес Маймир и др. При этом ведущую роль в подготовке ими восстания в армии почти с самого начала играл Ф. Батиста.

Полное его имя — Рубен Фульхенсио Батиста-и-Салдивар. Он родился в 1901 г. в местечке Вегитас, муниципии Банес, на севере провинции Ориенте. По происхождению — мулат, выходец из бедной крестьянской семьи. Мальчиком ушел из дома и до двадцати лет работал в качестве рабочего на плантациях сахарного тростника, тормозного кондуктора на железной дороге и т. д. Некоторое время учился в квакерской школе. В 1921 г. поступил в армию (служил в столичных фортах Атарес и Кастильо де ла Фуэрса). В 1923 г. начал обучаться стенографии и вскоре стал секретарем у генерального инспектора армии полковника Ф. Раско-и-Руис. Был произведен в капралы, затем в сержанты. С 1928 г. служил сержантом-стенографом военного суда в форте Кабанья. В 1932 или 1933 г. Ф. Батиста вступил в «АВС» и, пользуясь своим служебным положением, добывал для этой организации ценные сведения, используемые ею в борьбе с режимом Мачадо.

Зная о настроениях рядового и сержантского состава, Батиста с группой перечисленных выше лиц почти сразу же после падения режима Мачадо начал готовить вооруженное выступление в армии. Для этой цели они создали конспиративную организацию «Военный союз Колумбии»²⁷².

С помощью известного публициста, в прошлом издателя оппозиционного к режиму Мачадо журнала «Ла Семана», — Серхио Карбо, сержанты-заговорщики установили контакт с лидерами Студенческого директората, группы университетских профессоров и отколовшейся от «АВС» радикальной группировки, также выступавшими против правительства Сеспедеса²⁷³.

Вначале восстание было намечено на 8 сентября. Однако, несмотря на все усилия, сохранить подготовку к нему в полной

²⁷¹ Ф. Кастро. Речи и выступления. М., 1960, стр. 548.

²⁷² M. Riera. Op. cit., p. 443—447; F. Batista. Op. cit., p. 394—396.

²⁷³ E. A. Chester. Op. cit., p. 38—39; R. H. Phillips. Op. cit., p. 89. С. Карбо (р. 1896 г.) побывал в СССР и в 1929 г. издал книгу «Поездка в Красную Россию», в связи с чем показался некоторым деятелям из государственного департамента США чуть ли не «коммунистом». В действительности Карбо — буржуазный националист. После победы народной революции бежал с Кубы в США.

тайне не удалось. О подготовке восстания стало известно в штабе армии. Узнав об этом, заговорщики решили ускорить выступление²⁷⁴.

На 4 сентября в солдатском клубе городка Колумбия было назначено собрание сержантов и капралов. Для того чтобы усыпить подозрения офицеров, было объявлено, что на нем будут обсуждаться обычные клубные дела. В числе других должен был обсуждаться вопрос о строительстве в Хайманитас для сержантов пляжа с душем, что и послужило впоследствии поводом к тому, что некоторые журналисты называли восстание сержантов «душевым бунтом». Накануне группа заговорщиков во главе с Батистой выезжала для совещания со своими сторонниками в соседнюю провинцию Матансас. На собрании-митинге в Колумбии поздно вечером 4 сентября в присутствии многих гражданских лиц из Студенческого директората, организации университетских профессоров и «радикальной» группировки, отколовшейся от «АВС», было принято решение устранить из армии офицеров-мачадистов и добиваться создания нового, не связанного с американским империализмом правительства.

Момент для восстания был выбран удачно, так как именно в эти дни президент Сеспедес выехал из столицы в глубь страны, в Сагуа ла Гранде, для выяснения масштабов ущерба, причиненного пронесшимся над Кубой тропическим циклоном, и правительство оказалось без руководителя. Заговорщики действовали согласованно и быстро. Они заменили охрану президентского дворца и ряда правительственных учреждений, заняли городок Колумбия и арестовали часть офицеров. Другие были просто смещены со своих постов и отпущены по домам. Из тысячи офицеров вооруженных сил на сторону заговорщиков стали не более трехсот, причем почти все они дослужились до офицеров из рядовых²⁷⁵.

Поздним вечером по радио были переданы сообщения о свержении проамериканского правительства и о «подлинной революции, свободной от иностранного влияния и основанной на принципах патриотизма»²⁷⁶.

²⁷⁴ R. H. Phillips. Op. cit., p. 54, 57; E. A. Chester. Op. cit., p. 38.

²⁷⁵ F. Batista. Op. cit., p. 397—398; Libro de Cuba. La Habana, 1954, p. 102. По словам американского автора, ночью с 4 на 5 сентября Батиста отправил одному из своих сержантов-заговорщиков в провинциальном городе телеграмму: «Действуй немедленно, ты произведен в чин капитана. Подтверди получение». На это бывший сержант ответил: «Твоя телеграмма опоздала. Я уже произвел себя в полковники» (J. Dubois. Fidel Castro. Rebel-liberator or dictator? Indianapolis. New York, 1959, p. 12).

²⁷⁶ «Правда», 7.IX 1933; «New York Times», 6.IX 1933; E. A. Chester. Op. cit., p. 60—61, 63—65.

В час ночи с 4 на 5 сентября посольство США в Гаване отправило в Вашингтон телеграмму следующего содержания:

«Передать государственному секретарю немедленно по получении. В 10 часов вечера в результате согласованных действий, которые осуществляются явно в масштабе всей республики, солдаты в гарнизонах Гаваны сместили всех офицеров и объявили о своем контроле над армией. К этой акции подстрекали крайне радикальные элементы. О движении было объявлено по радио из различных казарм, и, по всей вероятности, перед утром вспыхнут сильные беспорядки. Судя по последним сообщениям из Сантьяго, подобная же ситуация возникла и там...

Крайняя серьезность положения очевидна. К утру, по всей вероятности, проявится полное бессилие правительства по всему острову. Я рекомендую как можно быстрее послать по крайней мере два военных корабля в Гавану и один в Сантьяго де Куба... Я ожидаю, что как только публика узнает о положении в армии, начнется новая всеобщая забастовка... Уэллес»²⁷⁷.

Рано утром 5 сентября (после восстановления телефонной связи с Вашингтоном, прерванной накануне вечером) в телефонном разговоре с К. Хэллом Уэллес сообщил ему, что в Гаване создано новое правительство, «состоящее из крайне радикальных элементов..., а сержант по имени Батиста назначен начальником генерального штаба» и что «город сейчас спокоен, но неясно — надолго ли». Посол подтвердил свое требование о посылке трех эсминцев и добавил, что в Гавану следует послать также и линейный крейсер²⁷⁸.

Действительно, в 5 часов утра Революционная хунта, созданная на митинге в городке Колумбия лидерами Студенческого директората и связанной с ним группой университетских профессоров совместно с руководителями восстания в армии, сформировала свой исполнительный орган власти — «Правительственную исполнительную комиссию», состоящую из пяти человек. В нее вошли: видный физиолог, профессор Гаванского университета Рамон Грау Сан Мартин; упоминавшийся уже Серхио Карбо; известный юрист Хосе М. Ирисарри; профессор университета Гильермо Портела и предприниматель Порфирио Франка-и-Альварес. Последний был введен в пятерку вместо отказавшегося войти туда Батисты²⁷⁹.

Днем 5 сентября сержанты, которым удалось повести за собой большую часть солдат, захватили власть в провинции. Полиция и сельская гвардия также почти везде перешла на сторону восставших. В 12 часов утра к только что вернувшемуся в сто-

²⁷⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 379.

²⁷⁸ Ibid., p. 380.

²⁷⁹ Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 81—82.

лицу К. М. де Сеспедесу явилась делегация во главе с Р. Грау Сан Мартином и С. Карбо и заставила его оставить президентский пост, на котором он пробыл всего лишь три недели. В час дня члены Исполнительной комиссии уже разместились в президентском дворце.

В результате этого, почти бескровного, восстания власть оказалась в руках представителей средней и мелкой национальной буржуазии.

«4 сентября явилось положительным эпизодом в ходе развития революции 1933 г., — пишет Блас Рока, оценивая события этого периода в своей работе «Основы социализма на Кубе». — ...Правительство, которое находилось под контролем американского посредника и главной фигурой которого был Сеспедес, а политической опорой — «АВС», не только не удовлетворило ни одной из нужд кубинского народа, а, наоборот, делало все возможное, чтобы сохранить полуколониальный режим и оказывать покровительство политикам и махадистским палачам...

Власть перешла из рук сторонников посредничества в руки противников политики посредничества, из рук сторонников полуколониального режима в руки национал-реформистов и социал-реформистов»²⁸⁰.

²⁸⁰ Blas Roca. Op. cit., p. 196.

ИНТЕРВЕНЦИЯ ПОД МАСКОЙ «ДОБРОСОСЕДСТВА»

1. Куба для кубинцев! Провал планов «коллективной» интервенции

Революционная хунта, представлявшая интересы кубинской мелкой и средней национально-буржуазии, утром 5 сентября обратилась к народу с манифестом, подписанным «сержантом и революционным главой всех вооруженных сил Республики» Ф. Батистой, членами Правительственной исполнительной комиссии, Р. де Леоном, К. Прио Сокаррасом и другими лидерами Студенческого директората. Своей целью хунта провозгласила «осуществление революционной программы», изложенной весьма туманно. По существу в ней было всего три конкретных обязательства: наказать видных мачадистов, обеспечить выплату долгов американским банкирам и выполнять заключенные с США договоры¹.

В то же время хунта поспешила заверить Вашингтон, что она гарантирует защиту жизни и собственности иностранных граждан. У зданий иностранных банков и посольств была выставлена охрана. Уже утром 5 сентября Ф. Батиста посетил посольство США и обещал Уэллсу, что будут приняты все меры для «обеспечения порядка». Вечером к Уэллсу явился с подобными же заверениями Р. Грау Сан Мартин². И хотя член Правительственной исполнительной комиссии С. Карбо в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» заявил, что «на

¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5. Washington, 1952, p. 381. См. также: «New York Herald Tribune», 6.IX 1933 и т. д.

² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 383, 388.

рассвете 5 сентября Республика достигла совершеннолетия и с криками радости выбежала из американского посольства», он постарался сразу же оговориться, что новое «правительство не коммунистическое и не социалистическое, но просто революционное правительство де-факто, представляющее все революционные классы». Хунта категорически отвергала слух о том, что переворот, организованный сержантами, Студенческим директором, радикальной частью «АВС» и О. Р. Р. С., хотя бы в какой-то мере «связан с коммунистами»³. Весь центр Гаваны, особенно ее деловая часть, где находились конторы иностранных монополий, патрулировался кавалерией и броневидами.

Восстание 4 сентября, явившееся полным отходом от фикции конституционной преемственности власти, столь усердно поддерживаемой Уэллесом, вторично нарушило весь его план. Восстание, оказавшееся полнейшей неожиданностью для Уэллеса, привело его в замешательство, граничившее с паникой, и в первый момент он значительно преувеличил «революционность» хунты и непосредственную опасность, возникающую для интересов американских монополий на Кубе. 5 сентября Уэллес послал в Вашингтон одиннадцать телеграмм и не менее четырех раз беседовал с К. Хэллом и Д. Кэффри по телефону. В телеграмме, посланной в час ночи с 4 на 5 сентября, он потребовал немедленной отправки американских эсминцев в Гавану и Сантьяго. Сообщив затем, что новое правительство состоит из «крайних радикалов», «чья теории являются открыто коммунистическими», посол требовал присылки в Гавану еще и крейсера, чтобы можно было высадить на берег не менее тысячи американских солдат. Официально это мотивировалось необходимостью защиты посольства США и отеля «Националь», где жило много американцев. В действительности же, по мысли посла, американская морская пехота должна была помочь восстановить власть правительства Сеспедеса⁴.

Уэллес настолько вышел из состояния равновесия и так доверял реакционным политикам из буржуазных партий, что был твердо уверен в недолговечности революционной власти. «Я считаю, что было бы предосудительным даже обсуждать вопрос об официальном признании Соединенными Штатами этого режима...», — писал он К. Хэллу 6 сентября. — «Нынешнее правительство Кубы — это недисциплинированная группа лиц различных взглядов, представляющая самые безответственные элементы в городе Гаване и практически не имеющая никакой поддержки за пределами столицы»⁵.

³ «New York Times», 6.IX 1933; R. H. Phillips. Cuba, Island of Paradox. New York, 1959, p. 65.

⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 379, 380, 382, 384, 385, 386.

⁵ Ibid., p. 392.

Только этим можно объяснить его надежду на восстановление власти правительства Сеспедеса при помощи предложенного ему военным министром этого правительства О. Феррером фантастического плана, основанного на предположении, что солдаты и сержанты крепости Кабанья якобы восстанут против революционной хунты и при поддержке изгнанных из армии офицеров свергнут ее. Сообщая 7 сентября Хэллу об этом плане, Уэллес рекомендовал в случае осуществления его немедленно поддержать «конституционное правительство де Сеспедеса». «Такая политика с нашей стороны, по-видимому, сделала бы необходимой высадку значительных сил в Гаване и меньших сил в определенных важных портах республики,— писал он.— Если путем отправки полицейских сил законному правительству Сеспедеса мы за сравнительно короткий срок сможем помочь ему функционировать, то, по всей вероятности, Учредительное собрание и национальные выборы через три месяца приведут к созданию нового, конституционного правительства, которое уже будет иметь новую армию, способную поддерживать и гарантировать защиту жизни и собственности граждан.

Невыгоды этой политики, как мне представляется, состоят исключительно в том, что мы вызовем сильнейшую враждебность со стороны крайне радикальных и коммунистических групп на Кубе, которые будут шуметь, заявляя, будто наша политика определяется корыстными мотивами и поддерживаем правительством Сеспедеса мы только потому, что оно готово защищать американские интересы на Кубе. Следует подчеркнуть, однако, что эти группы всегда относились и относятся к нам враждебно и принятие указанных мер просто даст им лишний повод для нападок. Но зато, учитывая наше искреннее желание избежать полной интервенции, ограниченная форма интервенции, описанная выше, была бы гораздо более предпочтительна»⁶.

Что касается реакции правящих кругов других стран Латинской Америки в отношении подобных мер Соединенных Штатов, то она беспокоила Уэллеса еще меньше. «...Мне кажется,— писал он,— что после того, как все факты о сложившемся здесь положении были бы полностью сообщены представителям латиноамериканских стран, высадка десанта для оказания такой помощи также могла быть самым положительным образом объяснена в рамках политики «доброго соседа», которую мы всячески стремимся продемонстрировать в наших отношениях с кубинским народом в течение последних пяти месяцев»⁷.

В другой телеграмме, посланной 8 сентября, он снова, еще

⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 396—398. Часть этой телеграммы, отправленной в полдень 7 сентября за № 206, приведена в мемуарах К. Хэлла. См.: C. Hull. Memoirs, v. I. New York, 1948, p. 315.

⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 39.

более откровенно, писал об этом плане: «...Длительная военная интервенция может создать серьезное недовольство в Латинской Америке. Если же по требованию кубинского правительства мы временно предоставим ему моральную поддержку (!!!) небольшим числом солдат морской пехоты с целью поддержать порядок, пока оно сможет организовать свою армию, то такая помощь рассматривалась бы как многие дружественные действия вроде предоставления займов и т. д. В одном случае мы предоставляем Кубе полицию, а в другом — деньги»⁸.

Уэллес пытался добиться у Ф. Батисты согласия на высадку американских войск для охраны посольства США и «нейтральных зон», включавших дома американских граждан и их предприятия. Но последний, по утверждению Э. А. Честера, находившегося тогда в Гаване, заявил, что независимо от его воли и власти революционного правительства американская морская пехота могла бы подвергнуться на улицах Гаваны нападению со стороны кубинцев, что привело бы к крупному конфликту и «вынудило бы вооруженные силы Кубы стать на сторону народа, чтобы защитить кубинский суверенитет»⁹.

У страха, как известно, глаза велики, и Уэллес, видимо, потеряв в эти дни способность трезво взвесить все возможные последствия вооруженной интервенции, истерически требовал у своего правительства высадки морской пехоты. С просьбой о высадке войск для «защиты их интересов» в государственный департамент сразу обратились также некоторые действовавшие на Кубе американские монополии. В частности, «Бетлихем стил компани» потребовала охраны ее железных рудников в Даикири, а «Юнайтед Фрут компани» — ее плантаций и иной собственности в районе Антильи¹⁰. Совет директоров Американской торговой палаты на Кубе, заявляя, что на острове рухнули самые основы мира и порядка, потребовал, чтобы правительство США приняло «необходимые шаги для защиты жизни и собственности американцев и поддержания порядка, а также чтобы такие шаги предпринимались в дальнейшем немедленно и были решительными»¹¹.

Однако Вашингтон действовал осторожно. Получив в 3 часа 45 минут утра 5 сентября телеграмму Уэллеса с просьбой при-
слать военные суда, Хэлл сразу же обратился по радио к Ф. Рузвельту, совершавшему в это время поездку на яхте. «Ввиду сложившейся обстановки... — сообщал он президенту, — считаю

⁸ Ibid., p. 406—407.

⁹ E. A. Chester. A Sergeant named Batista. New York, 1954, p. 83—84.

¹⁰ R. Smith. The United States and Cuba. Business and Diplomacy, 1917—1960. New York, 1960, p. 151.

¹¹ См.: B. Wood. The Making of the Good Neighbor Policy. New York, 1961, p. 381.

необходимым согласиться с рекомендацией Уэллеса относительно военных судов и прошу Вашего одобрения. Чтобы не терять времени, я прошу военно-морское министерство, в случае Вашего согласия, немедленно отдать приказ об отправке судов»¹². Рузвельт дал согласие, но предупредил о необходимости соблюдать осторожность.

Утром 5 сентября был отдан приказ о посылке в кубинские воды крейсера и эсминцев, часть которых прибыла в Гавану и Сантьяго в тот же день. 6 сентября на базе корпуса морской пехоты в Квантико (Виргиния) были сосредоточены экспедиционный отряд морской пехоты численностью в 4034 человека и бомбардировщики, находившиеся в полной боевой готовности. Части морской пехоты были сконцентрированы также в Порт-Эверглейде (Флорида). Всего к 11 сентября в кубинских водах и на пути туда находились 30 военных кораблей, в том числе линкор «Миссисипи» (водоизмещением в 32 тыс. т) и крейсера «Ричмонд» и «Индианополис» (10 тыс. т). Атлантический флот США получил приказ быть готовым к боевым операциям¹³. Напоминая, что после свержения режима Мачадо к берегам Кубы было послано всего три эсминца, а теперь тридцать военных кораблей, английская газета «Манчестер гардиэн» отмечала, что эта разница «является показателем беспокойства», испытываемого в Вашингтоне¹⁴.

Но в то же время Белый дом и государственный департамент стремились по возможности избежать открытой вооруженной интервенции. В частности, в разговоре с Уэллесом по телефону, вечером 5 сентября, К. Хэлл заявил ему: «Я только что говорил с президентом, и он соглашается, конечно, с тем, что если Вы или кто-либо из ваших людей в посольстве окажетесь в физической опасности, то Вам следует позвонить командиру (эсминца, стоящего в Гаванском порту.— Э. Н.), чтобы он высадил людей и оказал вам всю возможную помощь... Но, если Вы не подвергаетесь физической опасности, то мы тут склоняемся к мнению, что такое маленькое число людей, посланных на берег, может скорее спровоцировать волнения, чем успокоить их»¹⁵.

¹² «Hispanic American Historical Review» (далее: «НАHR»), XI 1959, v. 39, № 4, p. 546—547.

¹³ «Daily Telegraph», 8.IX 1933; «Washington Post», 10.IX 1933; Naval Operations, Distribution of vessels in Cuban waters, 11.IX 1933. DS Doc. № 837.00/3866. См.: «НАHR», XI 1959, v. 39, № 4, p. 550.

¹⁴ «Manchester Guardian», 7.IX 1933. Об этом же писала уругвайская газета «Ла Маньяна» («La Mañana», Montevideo, 8.IX 1933). Кубинский историк отмечал, что это была «самая большая мобилизация военно-морского флота, осуществленная Соединенными Штатами, против какой-либо страны после мировой войны» (E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II. La Habana, 1961, p. 88).

¹⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 386.

Одновременно помощник государственного секретаря по делам Латинской Америки Кэффри тем же вечером 5 сентября выступил по радио с успокоительными заверениями, повторив известное заявление Ф. Рузвельта о «политике доброго соседа» и указав, что, хотя правительство США и располагает правом по статье 3-й Постоянного договора с Кубой вмешаться в ее дела, оно «очень не хочет осуществлять эту привилегию». Только в связи с тем, что «в Гаване, Сантьяго и других районах острова опять вспыхнули беспорядки...», президент снова нашел благоразумным в целях предосторожности направить корабли к берегам Кубы. В этом случае, как и в предыдущем, не имеется в виду интервенция». Речь идет лишь о защите «жизни американских граждан»¹⁶, число которых достигало на Кубе в это время 5,5 тыс. человек.

6 сентября Рузвельт и Хэлл в Вашингтоне, а Уэллес — в Гаване вновь сделали заявления для прессы о том, что присутствие военных кораблей США в кубинских водах связано лишь с защитой жизни американских граждан и не означает интервенции¹⁷.

Вашингтонское правительство действительно предпочло бы обойтись без открытой вооруженной интервенции на Кубе¹⁸, так как интервенция, несомненно, подорвала бы у латиноамериканцев всякое доверие к «политике доброго соседа». Интервенция была тем более нежелательна в сентябре 1933 г., когда США вели важные переговоры о взаимных торговых соглашениях с южноамериканскими правительствами и когда оставалось всего два с половиной месяца до седьмой панамериканской конференции, на которую Вашингтон возлагал весьма серьезные надежды в плане дальнейшего развития всей своей латиноамериканской политики.

Еще в феврале 1933 г. на так называемом совещании в Мендосе министры иностранных дел Аргентины и Чили договорились о сотрудничестве их делегаций по ряду важных вопросов на предстоящей панамериканской конференции в Монтевидео, а также о создании южноамериканскими странами — на основе коллективного торгового соглашения между ними — таможенного блока, связанного с Лондоном и направленного против США¹⁹.

В результате подписанного в мае 1933 г. англо-аргентинского «договора Рока-Ренсимена» британский империализм серьезно укрепил свои позиции в Южной Америке, а в начале сентяб-

¹⁶ «Press Releases», 9.IX 1933, p. 141—144.

¹⁷ «Times», 7.IX 1933; «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 547.

¹⁸ Об этом свидетельствуют и приказы американским военным судам, посланным в кубинские воды. См.: «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 549—550.

¹⁹ См.: «Times», 4.II 1933; «New York Times», 15.IV 1933.

ря как раз велись переговоры о дополнительном, чрезвычайно выгодном для британского капитала соглашении с Аргентиной²⁰.

В то же время американский империализм сразу же после провала мировой экономической конференции в Лондоне (июль 1933 г.) перешел к активному экономическому наступлению в Латинской Америке. В частности, по свидетельству биографа К. Хэлла — Г. Хайнтон, Ф. Рузвельт еще до возвращения Хэлла с Лондонской экономической конференции принял решение начать переговоры о торговых отношениях с Аргентиной, Бразилией и Колумбией²¹. Соответствующие приготовления были завершены к середине августа, и уже 22 августа заместитель государственного секретаря Филлипс официально объявил о начале торговых переговоров с Колумбией²².

«Внимание правительства США,— отмечала как раз в дни «кубинского кризиса» московская «Правда»,— все более устремляется на латиноамериканские страны. Теряя в связи с кризисом европейские рынки и выдерживая жестокую конкуренцию Японии и Англии на азиатских рынках, США, естественно, все более стараются закрепить свои позиции в странах Латинской Америки»²³.

Несомненно, что момент для интервенции на Кубе был весьма неподходящий. Европейская пресса, в частности, много писала о том, что успехи дипломатии США на предстоящей в декабре 1933 г. в городе Монтевидео седьмой панамериканской конференции будут во многом зависеть от умения Ф. Рузвельта и К. Хэлла справиться с «кубинской проблемой» без вооруженной интервенции²⁴.

В Вашингтоне, конечно, учитывались все эти обстоятельства. Правительство Ф. Рузвельта связывало с конференцией в Монтевидео начало осуществления весьма далеко идущих планов в отношении Латинской Америки и стремилось поэтому, как можно убедительнее, продемонстрировать провозглашенное им «доброе соседство».

Тем не менее ясно, что «политика доброго соседа» являлась не самоцелью, а лишь одним из средств, призванных укрепить позиции американских монополий в Латинской Америке. Поэтому в случае возникновения действительной угрозы его позициям на Кубе, в результате народной антиимпериалистической революции, вашингтонский «добрый сосед» никогда бы не оста-

²⁰ Оно было заключено в конце сентября. См.: «Daily Express», 27.IX 1933; «La Prensa» (Buenos Aires), 28.IX 1933; «New York Times», 28.IX 1933.

²¹ Н. H i n t o n. Cordell Hull. A Biography. New York, 1942, p. 239; см. также: «Diario de la Marina», 13.VII 1933.

²² «Press Releases», 26.VIII 1933, p. 122.

²³ «Правда» 6.IX 1933.

²⁴ См.: Э. Л. Н и т о б у р г. К вопросу об интервенции США на Кубе в 1933 году. «Новая и новейшая история», 1963, № 2, стр. 112.

новился перед вооруженной интервенцией, и Хэлл недвусмысленно подтвердил это в цитированной выше беседе с Уэллесом по телефону. В подобном случае — с целью спасти миф о «добрососедстве» — оправданием для интервенции должно было послужить «законное право» на интервенцию США на Кубе по «поправке Платта». Но, кроме того, Вашингтон постарался заранее обеспечить поддержку своим действиям со стороны правительств основных латиноамериканских стран.

Выше уже говорилось, что вопрос об использовании для борьбы с антиимпериалистическим движением в Западном полушарии так называемой коллективной интервенции, при которой США, прикрываясь мандатом Панамериканского союза, могли бы безнаказанно высаживать на территории малых стран Латинской Америки свои войска, ставился Ф. Рузвельтом, С. Уэллесом и некоторыми другими деятелями американского империализма еще в конце 1920-х годов. Незадолго до своего официального вступления в должность президента Ф. Рузвельт, по утверждению газеты «Вашингтон пост», заявил одному из своих близких друзей и советников, что «если возникнет ситуация, в которой... США должны будут осуществить свою обязанность по «поправке Платта», то я созову представителей всех южноамериканских стран и поставлю вопрос о положении перед ними»²⁵.

В начале сентября 1933 г. такая ситуация почти возникла. Не имея еще точных данных о намерениях захватившей власть Революционной хунты и опасаясь взрыва на Кубе народной антиимпериалистической революции, Рузвельт заранее готовил почву на случай, если вооруженная интервенция все-таки окажется необходимой для подавления революции и придется отдать приказ о высадке войск с окружавших Кубу кольцом американских кораблей²⁶. С этой целью 6 сентября в Белый дом были приглашены послы Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики. По словам помощника государственного секретаря Д. Кэффери и сообщениям прессы, Рузвельт сделал им заявление, сводящееся вкратце к следующим трем пунктам:

1. США не желают интервенции и всячески стремятся избежать ее;

²⁵ «Washington Post», 11.IX 1933.

²⁶ В письме Ф. Рузвельту 5 сентября посол США в Мексике Д. Даниэльс писал, что, по его мнению, следует избегать односторонней акции на основе «поправки Платта» и добиваться «панамериканского» урегулирования кризиса на Кубе (J. Daniels, Mexico City, to F. Roosevelt, Washington, 5.IX 1933. Daniels Papers, Box 17). В своем дневнике на следующий день Даниэльс записал: «Любое предложение о посылке морской пехоты в латиноамериканские страны вызовет у народа Мексики такое возбуждение, какое не могло бы вызвать ничто другое» («НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 548).

2. США искренне надеются, что кубинский народ сам достигнет удовлетворительного урегулирования своих проблем;

3. США хотят, чтобы латиноамериканские правительства имели полную информацию о положении на Кубе²⁷.

Он также сказал, что если бы США и вмешались в кубинские дела, то лишь на основе «поправки Платта» и поэтому такое вмешательство не являлось бы прецедентом в отношении других латиноамериканских стран. Но главной его целью во время этой встречи было убедить своих собеседников в том, что их правительства в такой же мере, как и Соединенные Штаты, заинтересованы в сохранении на Кубе «нормального» правительства. А отсюда логически вытекала необходимость их совместных с США действий ради этой цели. «Я сказал послам и посланникам, сидящим у моего стола, что... любая акция... должна явиться акцией всех стран Америки...», — писал Рузвельт об этой встрече²⁸. Одновременно Кэфферн и начальник латиноамериканского отдела государственного департамента Э. Вильсон пытались убедить в том же посланников и представителей посольств остальных латиноамериканских стран²⁹.

В. И. Ленин еще в 1920 г. отмечал, что между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение и что часто буржуазия угнетенных стран, хотя и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией борется против революционного движения³⁰. Эту общность классовых интересов Вашингтон и пытался использовать, придумав новую формулу интервенции — формулу многосторонней интервенции.

Однако уже первая реакция в Латинской Америке, на Кубе и в самих США на действия Вашингтона была весьма поучительна для американских империалистов. Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» сообщал из Буэнос-Айреса, что «интерес к самой кубинской революции был целиком заслонен в Аргентине сообщениями о посылке США военных судов и морской пехоты, которые все вечерние газеты поместили под огромными черными заголовками через всю первую страницу... Вопрос об интервенции, — подчеркивала газета, — почти неизменно ставится на каждой панамериканской конференции, многие наблюдатели тут считают, что будет трудно избежать постановки этого

²⁷ «Press Releases», 16.IX 1933, p. 172; «New York Times», 7.IX 1933.

²⁸ The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt, v. I. New York, 1941, p. 160. О содержании этого заявления Рузвельт рассказал девять лет спустя, на обеде, устроенном им в честь прибывшего в Вашингтон с визитом президента Кубы Ф. Батисты («НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 567).

²⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 392—393, 434.

³⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 243.

вопроса на предстоящей конференции в Монтевидео, если США осуществят сейчас интервенцию на Кубе»³¹.

Агентство «Ассошиэйтед пресс» сообщало из Монтевидео: «Южноамериканские столицы, внимательно... наблюдающие за политикой США в отношении Кубы, понимают деликатность положения, но надеются, что интервенция может быть предотвращена... Торговые переговоры между США и Колумбией, Бразилией, Аргентиной и другими нациями обещают до декабря проложить путь для ряда панамериканских двусторонних экономических пактов. Многие в отношении этих пактов могло бы быть сделано на конференции в Монтевидео. В связи с этими обстоятельствами повсюду бы сожалели, если бы кубинская ситуация заслонила при переговорах... экономические вопросы»³².

Конфедерация профсоюзов Латинской Америки призвала латиноамериканцев к солидарности с народом Кубы, к борьбе против интервенции США и предстоящей панамериканской конференции³³. Представители латиноамериканской и испанской интеллигенции писали Рузвельту: «Выражая чувства испанской расы, мы требуем, чтобы свободная воля кубинского народа уважалась и чтобы была предотвращена интервенция, которая вызовет единодушный поворот чувств против США»³⁴.

В Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско и других городах США демократические организации провели митинги и демонстрации протеста против интервенции, требуя немедленного отзыва военных судов. Делегация Антиимпериалистической лиги, Лиги профсоюзного единства, профсоюза моряков, Лиги рабочих-ветеранов вооруженных сил, Национальной студенческой лиги, «Международной защиты рабочих» и других организаций была направлена в Белый дом заявить от имени американского рабочего класса решительный протест против вмешательства в дела Кубы. Президент не принял делегацию, извинившись через посредство секретаря Белого дома. Делегаты оставили Рузвельту послание, в котором осуждалась политика США в отношении Кубы, выражалась поддержка борьбы кубинского народа за освобождение от господства империализма янки, выдвигались требования отзыва военных судов США из кубинских вод, эвакуации американской военной базы в Гуантанамо, отмены долгов Кубы американским банкам и ликвидации «поправки Платта»³⁵.

³¹ «New York, Times», 7.IX 1933.

³² «New York Times», 9.IX 1933.

³³ «Boletín Sindical» (Montevideo), IX 1933, № 3, p. 1—2, 5—6.

³⁴ «Sunday Post», 10.IX 1933.

³⁵ ГМР СССР, 12487/47, Л-785-Гв; 11976/1, Л-785-11в; 12220/12, Л-785-11в; 12259/30, Л-785-11в. Делегацию сопровождал также представитель Антиимпериалистической лиги Кубы М. Марсал. См.: M. Marsal. Puerto Rico en la línea. Contra la intervención yanqui en Cuba (Misión a la Casa Blanca. Washington, septiembre 11 de 1933). La Habana, 1934, p. 84—88.

13 сентября в центре Нью-Йорка появилось огромное красное полотнище с надписью: «Руки прочь от Кубы!». Сотни телеграмм протеста и петиций против отправки военных судов к берегам Кубы поступили в Белый дом и государственный департамент. «Посол Уэллес пытается делать на Кубе то, что посол Фрэнсис пытался делать в России во время и после Октябрьской революции — использовать американское посольство в качестве базы для контрреволюции», — писала газета «Дейли Уоркер». 19 сентября был опубликован манифест коммунистических партий девяти стран Карибского района³⁶ и США в защиту кубинского народа против интервенции «империализма янки». Вопрос о защите Кубы был включен в повестку созываемого в конце сентября в Нью-Йорке Национального антивоенного конгресса, в котором принимали участие сотни рабочих, фермерских, студенческих и других организаций и гости из других стран³⁷.

Что касается реакции официальных кругов латиноамериканских стран, то всего лишь два правительства — марионеточные правительства кровавых диктаторов Убико в Гватемале и Трухильо в Доминиканской республике — осмелились официально одобрить план американской интервенции против кубинского народа. Оба диктатора захватили власть в своих странах при поддержке американского империализма и тряслись в страхе перед революцией на соседней Кубе. Трухильо, получивший впоследствии прозвище «карибского шакала», в своем лакейском усердии даже предложил Вашингтону использовать доминиканские военные самолеты и аэродромы для действий против Кубы³⁸.

Об отрицательной позиции мексиканского правительства в Вашингтоне стало известно уже вечером 6 сентября. Посол США в Мексике Джозефус Даниэльс телеграфировал Хэллу о том, что он «только что имел встречу» с мексиканским министром иностранных дел Х. М. Пуиг Касауранком. «Здесьнее правительство серьезно встревожено в связи с возможностью интервенции на Кубе, — сообщал Даниэльс. — Пуиг говорит, что он знает четырех человек, входящих в хунту, и что это образованные люди, с хорошей репутацией и без единого пятнышка коммунизма. Он считает, что они образуют хорошее правительство. Мексиканское правительство полагает, что к новому режиму следует

³⁶ Кубы, Мексики, Колумбии, Венесуэлы, Панамы, Гондураса, Сальвадора, Коста-Рики, Гватемалы.

³⁷ ГМР СССР, 11911/58, Д-785-15-Га; «Правда», 8, 13, 27.IX 1933; «Daily Herald», 9.IX 1933.

³⁸ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 393—394, 404; J. Le Riverend Brusone. La República: Dependencia y Revolución. La Habana, 1961, tema XX, p. 5. Трухильо также пытался организовать и финансировал возвращение на Кубу тирана Мачадо (См.: R. Roa. Retorno a la alborada. La Habana, 1964, t. I, p. 239).

отнестись с сочувствием и поддержкой. Пуиг считает, и я с ним согласен, что интервенция нанесет ущерб панамериканским дружеским отношениям и может заранее разрушить надежды, возлагаемые на конференцию в Монтевидео. Если ситуация на Кубе потребует внешней акции, я настаиваю на том, чтобы сотрудничать с нами были приглашены Мексика, а также Аргентина, Бразилия, Чили и Перу — от Южной Америки...»³⁹.

В своем дневнике Даниэльс записал: «В среду (6 сентября 1933 г. — Э. Н.) вечером, как раз когда я садился ужинать, мне позвонили из министерства иностранных дел и попросили немедленно зайти туда. Я пришел и застал д-ра Пуига очень встревоженным несколькими телеграммами, полученными из мексиканского посольства в Вашингтоне, из которых, по-видимому, следовало, что президент Рузвельт собирался начать интервенцию на Кубе в силу поправки Платта»⁴⁰.

Утром 7 сентября Хэлл получил соответствующую телеграмму от самого Пуиг Касауранка, и в тот же день правительство Мексики официально, через своего посланника в Гаване, выразило кубинской хунте надежду на ее способность образовать правительство, которое осуществит «самые высокие национальные стремления» Кубы. Хотя оно одновременно обратилось к правительствам Аргентины, Бразилии и Чили с просьбой оказать влияние на новое кубинское правительство с тем, чтобы последнее предоставило «достаточную защиту гражданам и иностранцам», — заявление его означало признание Революционной хунты⁴¹.

Правительства Бразилии и Чили объявили, что они готовы приветствовать новый режим на Кубе, но призвали хунту «быстро восстановить порядок»⁴².

Но наиболее красноречивой была реакция аргентинского правительства. 8 сентября министерство иностранных дел в Буэнос-Айресе опубликовало коммюнике, и в тот же день аргентинский министр иностранных дел К. Сааведра Ламас переслал поверенному в делах посольства США в Аргентине аналогичного содержания ноту. Аргентинское правительство заявило, что оно «благодарно за информацию... и радо узнать, что политика,

³⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 394.

⁴⁰ J. Daniels. *Shirt-Sleeve Diplomacy*. Chapel Hill, 1947, p. 323. В письме Хэллу от 9 сентября Даниэльс убеждал его не «приписывать коммунистам все козни дьявола» на Кубе. См. текст его в статье: Э. Л. Нитобург. К вопросу об интервенции США на Кубе в 1933 году. «Новая и новейшая история», 1963, № 2, стр. 115.

⁴¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 394—395, 401, 412, 421, 434—435; «New York Times», 9.IX 1933; «Morning Post», 9.IX 1933. Согласно так называемой доктрине Эстрады, Мексика признает не правительство, а государство.

⁴² «Daily Worker», 11.IX 1933.

которой предполагает следовать президент, отвечает столь высоким идеалам. Оно не сомневается, что он сумеет сохранить их, *каким бы ни оказался ход событий, имеющих место в братской республике...* Исторический опыт показывает, что никакое государство не достигает зрелой демократии,... не испытав... родовых мук болезненных конфликтов. Способность поддерживать порядок и закон возникает как результат этого опыта *в рамках осуществления суверенитета, который должен характеризоваться абсолютной внутренней самостоятельностью и полной внешней независимостью.*

Аргентина... считает, что *единственным методом, который обеспечит на этом континенте стабильность политических институтов, является поддержание этих норм...* Она уверена, что кубинский народ преодолает испытываемые им трудности и сможет свободно и полностью осуществить веления патриотизма и любви к отечеству»⁴³.

Эта нота совершенно недвусмысленно выражала отказ Аргентины санкционировать любое вмешательство США — даже «коллективное» — в дела Кубы и, по словам газеты «Нью-Йорк Таймс», интерпретировалась в Вашингтоне «как открытое заявление..., что Соединенные Штаты не имеют никакого права вмешиваться во внутренние дела независимого государства при любых обстоятельствах»⁴⁴.

На самой Кубе действия американского империализма вызвали огромное возмущение. Прибывший в Гавану линкор «Миссисипи» был встречен мощной демонстрацией под лозунгом «Долой империализм янки!». Манифест Коммунистической партии Кубы призывал трудящихся оборонять свою родину в случае высадки морской пехоты. Нелегальное радио угрожало открыть стрельбу по американским солдатам, если они попытаются высадиться. Студенты также объявили, что окажут интервентам вооруженный отпор. Гаванские женщины создали «батальон смерти» и организовали милицию Красного Креста. Ночью на линкоре были выведены огромные буквы «Долой американский империализм!». По всему острову массы выражали свою решимость защищать страну с оружием в руках. Хунта заявила, что запугивание интервенцией никак не согласуется с провозглашенной Вашингтоном политикой «доброго соседа», и сконцентрировала в стратегических пунктах войска с пулеметами и артиллерией⁴⁵.

⁴³ «Press Releases», 9.IX 1933, p. 148. Текст ноты имеется также в «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 409 (курсив наш. — Э. И.).

⁴⁴ «New York Times», 12.IX 1933.

⁴⁵ ГМР СССР, 11573/37, Л-615-3ж; «Daily Worker», 7, 8, 14, 15.IX 1933; «New York Times», 8, 9.IX 1933; «Sunday Post», 10.IX 1933; R. H. Phillips. Op. cit., p. 64—66.

Американская буржуазная пресса забила тревогу. Лондонская консервативная воскресная газета «Обсервер» сообщала 10 сентября, что как демократическая, так и республиканская печать в США критикует действия Рузвельта даже больше, чем латиноамериканская пресса. Хвалят правительство только газеты Херста, да и то весьма умеренно⁴⁶. Действительно, республиканская газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» сравнивала действия правительства Ф. Рузвельта с посылкой в Гавану крейсера «Мэйн» в 1898 г. (взрыв которого послужил поводом для начала испано-американской войны) и захватом Вера-Круса в 1914 г., во время организованной правительством Вильсона интервенции США в Мексике⁴⁷. Демократическая «Нью-Йорк Таймс» заявляла, что «драматические события на Кубе привели к кризису в латиноамериканской политике Рузвельта», и предупреждала: «что касается кубинского народа..., то можно со всей уверенностью сказать, что он враждебен интервенции Соединенных Штатов. Этот шаг был бы крайне рискованным...» Вся рузвельтовская программа улучшения межамериканских отношений, подчеркивала газета, будет зависеть от успешного разрешения кубинской проблемы. «Латиноамериканская политика США находится сегодня на перекрестке»⁴⁸.

«Независимая» газета «Рипабликэн» (город Спрингфилд, штат Массачусетс) предупреждала: «Даже нью-йоркские финансовые и банковские интересы, которые так сильно заинтересованы в кубинской сахарной промышленности, по-видимому, за то, чтобы сохранять «руки прочь»⁴⁹. Газета была права. Орган монополистов «Уолл-стрит Джорнэл» в передовой статье заявлял: «Насильственные меры с нашей стороны ничего не изменят ни в экономическом положении острова, ни в направлении кубинской политической мысли»⁵⁰.

Возмущение и протесты народов Латинской Америки против планов империалистической интервенции на Кубе, отказ правительств большинства латиноамериканских стран поддержать эти планы и, наконец, твердая решимость кубинского народа оказать вооруженное сопротивление интервентам — со всей очевидностью показывали, что последствия подобной интервенции могли оказаться весьма плачевными для латиноамериканской политики США. «Мне, — признавался впоследствии Хэлл в своих мемуарах, — казалось, что Уэллес сбит с толку местными событиями на Кубе и недооценивает той разрушительной реакции, которая последовала бы во всей Латинской Америке, если

⁴⁶ «Observer», 10.IX 1933.

⁴⁷ Цит. по: «Literary Digest», 16.IX 1933, v. 116, № 12, p. 7.

⁴⁸ «New York Times», 10, 12.IX 1933.

⁴⁹ Цит. по: «Literary Digest», 16.IX 1933, v. 116, № 12, p. 7.

⁵⁰ Ibidem.

бы мы согласились на его требование высадки войск»⁵¹. Вот почему Ф. Рузвельт и К. Хэлл продолжали действовать весьма осторожно.

Характерен в этом отношении их ответ на приведенную выше телеграмму Уэллеса (от 7 сентября за № 206) о восстановлении власти правительства Сеспедеса и высадке морской пехоты. Получив эту телеграмму в 4 часа дня, Хэлл сразу же отправился к Рузвельту, который заявил, что открытой интервенции следует всячески избегать до последнего момента и что он пошлет в кубинские воды еще один крейсер. Затем Хэлл составил проект ответа и вернулся, чтобы согласовать его с Рузвельтом. В 8 часов вечера из государственного департамента была послана следующая телеграмма Уэллесу:

«...После зрелого размышления президент решил послать Вам следующее письмо:

«Мы самым категорическим образом считаем, что любое обещание, подразумеваемое или иное, относительно того, что Соединенные Штаты будут делать при любых обстоятельствах, является невозможным; что оно рассматривалось бы как нарушение нейтралитета, как благосклонность к одной из группировок, как попытка посадить правительство, которое бы расценивалось всем миром, и особенно всей Латинской Америкой, как творение и креатура американского правительства».

Вышеуказанное, многозначительно добавлял от себя Хэлл, конечно, не означает, что Вы должны делать что-либо, что блокировало бы или по крайней мере затрагивало любое движение любой группы...»⁵².

Смысл этого дипломатично составленного ответа был ясен: соблюдая фикцию «невмешательства» и не давая повода для обвинений США в интервенции и создании на Кубе марпонецкого правительства, использовать против хунты силы внутренней реакции, т. е. действовать чужими руками, свои должны, по мере возможности, казаться миру чистыми.

В этот же день, заверяя министра иностранных дел Мексики Пунг Касауранка, что США не готовят интервенции, Хэлл выражал надежду на то, что кубинцы сами разрешат свои труд-

⁵¹ C. Hull. Op. cit., v. 1, p. 315. Видный американский публицист Эрнст Лайндли писал в связи с этим: «... Наша дипломатия оказалась неспособна справиться со всей яростью кубинской смуты. Правительство Сеспедеса пало 5 сентября 1933 г. в результате восстания рядовых и младших офицеров кубинской армии под руководством сержанта Батисты. В течение нескольких дней будущее нашей кубинской и всей латиноамериканской политики висело на волоске» (E. Lindley. Half way with Roosevelt. New York. 1936, p. 333).

⁵² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 402; см. также: C. Hull. Op. cit., p. 315—316.

ности, и утверждал, что «определенно никто в мире не был бы более благодарен, если бы это имело место», чем он ⁵³.

Весьма красноречивой была также реакция Вашингтона на телеграмму Уэллеса от 8 сентября (за № 216) о «высадке небольшого числа солдат морской пехоты». Никакого формального ответа на эту третью и последнюю попытку его добиться высадки американских войск не последовало. Но в 11 часов вечера 8 сентября Рузвельт лично позвонил своему послу в Гаване, и в результате этого разговора, содержание которого до сих пор неизвестно, позиция Уэллеса настолько резко изменилась, что уже спустя сутки он сообщал К. Хэллу: «Я более чем когда-либо уверен, что ввиду весьма серьезной ситуации, сложившейся в настоящее время, единственный путь, который могут избрать сейчас Соединенные Штаты,— это путь, подсказанный мне президентом по телефону вчера вечером, а именно — путь внимательного ожидания» ⁵⁴.

По-видимому, Рузвельт говорил по телефону достаточно откровенно, так как с этого времени Уэллес уже ни разу не поднимал вопрос о высадке американских войск или восстановлении правительства де Сеспедеса.

Гарольд Икес, занимавший в те годы пост министра внутренних дел США, описывает в своем дневнике два заседания правительства Ф. Рузвельта, посвященные положению на Кубе и вопросу об интервенции там. «Кубинская ситуация была очень напряженной, и мы провели много времени, обсуждая ее,— пишет он о заседании 8 сентября 1933 г.— Дважды или трижды президенту приносили последние сводки об обстановке на Кубе. Сегодня утром, как раз в то время, когда я находился в кабинете президента, он отдал распоряжение послать капитанам всех находящихся около Кубы американских военных судов телеграммы, запрещающие высадку матросов или солдат морской пехоты для защиты собственности. Он сказал, что только опасность, угрожающая жизни, оправдала бы какую-либо высадку, но если речь идет только о собственности, то никакой попытки защиты ее сделано не будет. На заседании кабинета вопрос об интервенции обсуждался очень широко, но, кажется, все, начиная с президента, были против интервенции до тех пор, пока нас к ней действительно не вынудят» ⁵⁵.

Второе заседание состоялось спустя неделю, 15 сентября, и, по свидетельству Икеса, «длилось дольше, чем обычно». «Пер-

⁵³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 395. А в разговоре по телефону с послом Даниэльсом Хэлл заявил ему, что «скорее бы отправился отсюда на Южный полюс, чем пошел на интервенцию» («Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 414).

⁵⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 417—418; B. Wood. Op. cit., p. 75.

⁵⁵ The Secret Diary of Harold L. Ikes. The first thousand days, 1933—1936, v. I. New York, 1953, p. 87.

вым вопросом, который мы обсуждали, был вопрос о Кубе,— сообщает он.— Президент сначала поднял вопрос о перспективах признания существующего там правительства, а затем обошел вокруг стола и спросил каждого из нас, как мы относимся к возможности интервенции по поправке Платта. Интересно, что единственным, кто был настроен целиком джинголистски, оказался заменявший военного министра его помощник. Он считал, что нам следовало быстро осуществить интервенцию. Один или два члена кабинета, видимо, считали интервенцию почти неизбежной, но от решения вопроса по существу воздержались. Большинство, однако, было против интервенции, если только к ней не вынудят прибегнуть как к мере, абсолютно необходимой... Я заявил, что даже если случайно погибнут один или два американца, то нам все же не следует интервировать. А в случае, если бы интервенция все-таки оказалась необходима, я предложил, чтобы мы обеспечили себе сначала активное или по меньшей мере молчаливое одобрение ведущих испано-американских стран Центральной и Южной Америки»⁵⁶.

16 сентября 1933 г. сенатор У. Бора публично выразил свое мнение о том, что Соединенным Штатам вообще следует отказаться от той части «поправки Платта», которая разрешает им вооруженную интервенцию на Кубе. На следующий день о своей поддержке этого предложения сенатора Бора заявил председатель сенатской комиссии по иностранным делам сенатор К. Питтмэн⁵⁷.

В то же время сообщения о деятельности гаванской хунты стали носить несколько более успокаивающий монополистов характер. Газеты ежедневно сообщали о разгоне войсками рабочих митингов и демонстраций, о репрессиях против коммунистов. Гавана постоянно патрулировалась полицией, моторизованной пехотой и кавалерией. На крупных зданиях были установлены пулеметы. Кроме того, для «охраны внутреннего порядка» из студентов и членов «АВС» была создана так называемая Карибская армия. Она насчитывала до 2 тыс. человек и помогала полиции и войскам подавлять рабочее движение. «Хунта борется сейчас за то, чтобы сохранить порядок, доказать свою силу и добиться признания Соединенных Штатов. В городе повсюду пулеметы»,— сообщала газета «Нью-Йорк Таймс»⁵⁸.

Хунта действительно делала все, что могла, чтобы добиться американского признания. С этой целью в ее состав был введен банкир П. Франка, а в ее манифест, от 5 сентября, было включено обязательство выплачивать все долги американским бан-

⁵⁶ Ibid., p. 92—93.

⁵⁷ «El Mundo» (La Habana), 17.IX 1933; «Diario de la Marina», 18.IX 1933.

⁵⁸ «New York Times», 7, 8.IX 1933.

кирам и выполнять все договорные обязательства в отношении США. С этой же целью хунта старалась подавить революционные выступления масс и разоружить рабочих.

6 сентября Р. Грау Сан Мартин от имени хунты выразил надежду на то, что США быстро признают новый режим. «Мы надеемся, что если Соединенные Штаты увидят, что революционное правительство достаточно сильно, чтобы поддерживать порядок..., — мы будем признаны. Мы не имеем никаких антиамериканских тенденций и надеемся на лояльное и дружественное отношение со стороны Соединенных Штатов...», — заявил он и заверил Вашингтон, что все действующие при правительстве Сеспедеса законы остаются в силе и что «армия быстро и определенно отделяется от политической сферы кубинской жизни»⁵⁹. Другой член хунты — С. Карбо — в тот же день заявил: «Президент Рузвельт выразил намерение следовать в своих отношениях с ...Кубой политике «доброго соседа»... Было бы тяжелым преступлением для правительства США даже думать о возможности вооруженной интервенции в подобное время»⁶⁰.

Под нажимом масс, настроенных резко антиимпериалистически, лидеры хунты, представляющие интересы главным образом национальной буржуазии, старались показать, что они занимают «твердую» позицию в отношении американского империализма. «Мы свергли Мачадо потому, что он был тираном. Мы свергли де Сеспедеса потому, что он был марионеткой», — заявил Р. Грау Сан Мартин в речи 7 сентября. — Нашей целью является предоставление кубинскому народу возможности свободно выразить свою волю в создании новой конституции, а не просто одобрить конституцию, выработанную в посольстве Соединенных Штатов. Присутствие американских военных судов здесь сделает нашу задачу более трудной. Должно ли первое подлинно кубинское правительство нашей страны уступить запугиванию? Это едва ли согласуется с политикой «доброго соседа», провозглашенной президентом Рузвельтом...»⁶¹.

Но в тот же самый день посол Кубы в США по поручению Правительственной исполнительной комиссии посетил Д. Кэффери и сделал ему заявление, смысл которого сводился к тому, чтобы опровергнуть «слухи о якобы коммунистическом характере» нового кубинского правительства. Он также сообщил, что «с целью восстановления дисциплины и власти в армии Исполнительная комиссия решила восстановить всех офицеров на их постах» и что «быстрая реорганизация армии позволит гарантировать защиту жизни и личной свободы наших граждан»⁶².

⁵⁹ «New York Times», 7.IX 1933.

⁶⁰ «New York Herald Tribune», 7.IX 1933.

⁶¹ «Daily Express», 8.IX 1933.

⁶² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 399—400.

8 сентября С. Карбо от имени Исполнительной комиссии официально объявил, что любое покушение на иностранцев или иностранную собственность будет наказано самым строгим образом»⁶³.

Выступая против империализма и «агентов иностранных интервентов» на Кубе, хунта с первых же дней своего существования вела секретные переговоры с лидерами «АВС» и других буржуазно-помещичьих партий и групп с целью получить их поддержку и добиться признания со стороны Вашингтона⁶⁴.

Офицерам, изгнанным из армии, было предложено вернуться. В ночь с 6 на 7 сентября С. Карбо, в качестве члена Исполнительной комиссии по внутренним и военным делам, созвал в президентском дворце совещание по вопросу реорганизации армии. Приглашенным туда полковником Э. де Кесада и Х. Пердомо были предложены соответственно посты начальника штаба и командующего военным центром Колумбия. Речь шла также о возвращении в армию большинства офицеров, чья репутация не была замарана дуровыми преступлениями во времена режима Мачадо. При этом выдвигалось одно условие — вся реорганизация (изменения в командовании, новые правила, приказы и т. д.) должна была осуществляться комиссией из пяти человек, которая бы включала двух офицеров и двух сержантов под председательством Ф. Батисты. Однако генерал Сангили, которого офицеры все еще считали начальником штаба армии, отказался принять это предложение⁶⁵. Тогда С. Карбо утром 8 сентября издал приказ о присвоении сержанту Ф. Батисте чина полковника и назначении его начальником штаба армии, предложив ему начать ее реорганизацию⁶⁶.

На предложение Ф. Батисты вернуться в армию большинства офицеров ответило отказом «служить под началом сержанта». В первой половине дня 8 сентября они стали собираться в здании отеля «Националь», расположенном в центре Гаваны. Отель принадлежал американскому капиталу, и в нем всегда жило много американцев, а 6 сентября там поселился С. Уэллес. Ко второй половине дня здесь собралось около 500 вооруженных винтовками и пулеметами офицеров, к которым присоединилось значительное число пражданских лиц. Часть офицеров в тот же день покинула отель, но не менее 250 человек остались. 9 сентября они потребовали восстановления правительства де Сеспедеса⁶⁷.

⁶³ «Times», 9.IX 1933.

⁶⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 403, 410—411.

⁶⁵ E. A. Chester. Op. cit., p. 69—71; R. H. Phillips. Op. cit., p. 90—91.

⁶⁶ «Gaceta oficial». Edición Extraordinaria, 8.IX 1933.

⁶⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 407, 410; «Washington Post», 10.IX 1933; «Times», 11. 12.IX 1933; «Daily Mail», 11.IX 1933. Офицеры оставались в здании отеля «Националь» почти месяц — до 2 октября.

По приказу Батисты здание отеля было окружено солдатами. Но попытка их войти туда, чтобы арестовать и разоружить офицеров, окончилась неудачей, так как в связи с тем, что отель стал резиденцией посла США, он получил право дипломатической неприкосновенности. Кроме того, Уэллес заявил вошедшему в здание сержанту, что офицеры могут оказать сопротивление и жизнь живущих в отеле американцев может оказаться в опасности, что приведет к «весьма серьезным последствиям»⁶⁸. Солдаты отступили.

10 сентября правительственные войска начали осаду «Националя». Батиста снова предложил восстановить большую часть офицеров на их постах. Но офицеры, связавшиеся через Уэллеса с руководством буржуазно-помещичьих партий оппозиции и тайно получавшие оружие и боеприпасы, упорно отвечали отказом. Лишь после бури возмущения, пронесшейся по всему острову, и требований кубинских студенческих и других демократических организаций, разославших сотни телеграмм протеста в США и латиноамериканские страны, а также после того, как забастовали служащие отеля, Уэллес 12 сентября покинул «Националь». Вынужденный дать формальное объяснение своих действий, опубликованное государственным департаментом, он отрицал в нем какую-либо связь между ним и заседавшими в здании отеля «Националь» офицерами-мятежниками⁶⁹.

В ноябре 1933 г. студенческая газета Гаванского университета «Альма матер» опубликовала фотокопии показаний арестованных офицеров-мятежников из «Националя», свидетельствующие о связи Уэллеса с их заговором. Ассоциация внешней политики США, обследовавшая год спустя положение на Кубе, также получила фотокопии этих материалов⁷⁰.

Желание получить признание Вашингтона привело к роспуску Правительственной исполнительной комиссии и назначению президента. Уже 8 сентября «Нью-Йорк Таймс» сообщала, что «комитет пяти» «обсуждает вопрос об изменении формы правительства и избрании президента, чтобы избежать обвинения в установлении системы, которая пахнет советизацией». На следующий день газета уже определенно указывала, что «в качестве цены, предлагаемой за признание Соединенных Штатов,

⁶⁸ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 411.

⁶⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 418, 427, 431—432, 513—514; «Press Releases», 16.IX 1933, p. 153—154; E. A. Chester. Op. cit., p. 102—103. Однако даже корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Гаване Р. Х. Филлипс вынуждена признать обратное (R. H. Phillips. Op. cit., p. 71, 91, 92).

⁷⁰ См.: «Foreign Policy Reports», v. 11, № 22, p. 268; «La Prensa» (New York), 8, 14.XI 1933; «La Prensa» (B. A.), 13.XI 1933. Однако Уэллес отрицал достоверность этих показаний и утверждал, что офицеров вынудили дать их («Foreign Relations — 1933», v. 5, 485—486, 515—516).

...президент и кабинет заменят... комитет пяти»⁷¹. 10 сентября было официально объявлено о создании Временного революционного правительства и назначении Рамона Грау Сан Мартина временным президентом республики.

В заявлении, сделанном после присяги, новый президент обещал уважать иностранные интересы на Кубе. «Я выплачу в срок задолженность по всем правительственным обязательствам, включая иностранные займы, до последнего пенни», — заверял он американских банкиров⁷². 15 сентября Грау Сан Мартин выступил с речью по радио для Соединенных Штатов, произнесенной на английском языке. «Нашей целью является поддержание самых тесных и сердечных отношений» с Соединенными Штатами, — заявил он. «Мы понимаем, что означало бы для Кубы достичь полноты ее международной жизни при поддержке и сотрудничестве США... Кубинское правительство желает постоянного сотрудничества с Соединенными Штатами на предстоящей панамериканской конференции в Монтевидео, разделяя, таким образом, политику соседства, провозглашенную президентом Рузвельтом...»⁷³.

Во Временном революционном правительстве, объективно отражавшем интересы кубинской национальной — средней и мелкой городской буржуазии, с самого начала развернулась борьба между представителями патриотически настроенных слоев этих классов, готовых вести борьбу за политическую и экономическую независимость страны, и представителями кругов, проявлявших склонность к сговору с империалистами и местной реакцией. Причем первое время в нем явно преобладали представители именно этих кругов. К их числу относился и сам глава этого правительства — Рамон Грау Сан Мартин. Не случайно более дальновидные либеральные буржуазные деятели в Соединенных Штатах уже тогда разглядели в нем человека, готового служить интересам американского капитала. «Определенно, Грау Сан Мартин и его новые коллеги... представляют более высокую степень... социальной проницательности и большее чувство реализма, чем тихходный сеспедесовский конгломерат», — писалось 20 сентября 1933 г. в передовой статье еженедельника «Нэйшн»⁷⁴. Сенатор Бора также оценивал Грау Сан Мартина как «личность весьма стоящую» и выражал надежду на то, что США позволят ему остаться на президентском посту⁷⁵.

⁷¹ «New York Times», 8, 9.IX 1933.

⁷² «Manchester Guardian», 12.IX 1933.

⁷³ A. R o a. Roosevelt — the executive dictator. Havana, 1933, p. 154.

⁷⁴ «Nation», 20.IX 1933, v. 137, p. 312.

⁷⁵ «Morning Post», 12.IX 1933. Как известно, вторичное пребывание Грау Сан Мартина на посту президента Кубы в 1944—1948 гг. было отмечено

Однако С. Уэллес упорно продолжал в своих донесениях характеризовать новое правительство и его главу как «крайне радикальные элементы», не имеющие почти никакой поддержки и не имеющие никакой перспективы удержаться у власти⁷⁶. «Одной из непонятных вещей...,— пишет Э. Честер,— был тот факт, что представители правительства Соединенных Штатов, жизненно заинтересованные в это время в том, что происходит на Кубе, получали так много неверной информации и делали так много ошибочных предположений как в отношении того, что происходит, так и насчет того, что, вероятно, произойдет. Это было тем более странно, что Сэмнер Уэллес находился в Гаване и принимал активное участие в кубинских делах в течение шести месяцев... А так как эта информация явно влияла на политику Соединенных Штатов в отношении Кубы, то официальные действия вашингтонского правительства были часто столь же ошибочны, как и сведения, сообщаемые Уэллесом»⁷⁷.

И действительно, факты свидетельствуют о том, что Уэллес, говоря словами Честера, «позволял чувствам влиять на свои решения», слишком часто полагался на тенденциозную информацию, поставляемую отвергнутыми народом политиками, и неоднократно принимал желаемое за действительное. Например, 7 сентября он сообщал Хэллу, что «обстановка тут быстро обостряется», «Карбо бежал и другие члены революционной группы только ожидают момента, чтобы таким же путем гарантировать свою безопасность»; что «сержант Батиста попросил встречи с президентом Сеспедесом, чтобы сказать, что армия хочет передать себя в его распоряжение»; и, наконец, что «на совещании, созываемом сегодня в 10 часов вечера во дворце в присутствии лидеров всех политических групп, как мне сообщили из надежного источника, стоящая у власти революционная группа свергнет правительство и... в качестве главы правительства будет восстановлен президент Сеспедес»⁷⁸.

Эти сообщения абсолютно не соответствовали истине. «Если бы Батиста и его сторонники находились «в панике» и готовы были подчиниться 7 сентября Сеспедесу,— пишет тот же Честер,— то американские корреспонденты на Кубе знали бы об этом... Я лично долго говорил с Батистой и многими его сторонниками 7 сентября и не было никаких признаков паники,

но террором против народных масс и демократических организаций, преследованием и убийствами прогрессивных элементов, коррупцией правительственных чиновников и дальнейшим подчинением страны империализму США. За два года президентства Грау Сан Мартина было убито более ста кубинских рабочих и профсоюзных деятелей.

⁷⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 417, 424.

⁷⁷ E. A. Chester. Op. cit., p. 78—79.

⁷⁸ «Foreign Relations—1933», v. 5, p. 400—401, 403.

когда я их интервьюировал. Наоборот, они казались очень спокойной, но полной решимости группой молодых людей» ⁷⁹.

А между тем Уэллес был настолько уверен в достоверности получаемой им информации, что решил даже облегчить Батисте... бегство с Кубы. С этой целью американский консул в Гаване договорился с местной конторой «Юнайтед фрут компани» о том, что один из ее пароходов, идущих из США в Мексику, отклонится от своего курса специально для того, чтобы взять на борт Батисту, «если это окажется необходимым». Одновременно к Батисте явился таинственный посетитель, заявивший, что он представляет «американские власти» и что если положение Батисты станет невыносимым и он захочет покинуть занимаемый им важный пост, то ему не следует беспокоиться. Его будет ожидать хорошая работа у компании «Юнайтед фрут» в Центральной Америке. Больше того, он может воспользоваться этим предложением немедленно. Батиста ответил вежливым отказом ⁸⁰.

Не один, и не два раза Уэллес сообщал в Вашингтон, что кубинское Временное правительство стоит накануне неминуемого краха, и каждый раз действительность оказывалась иной. Тем не менее присылаемая им информация и его рекомендации играли важнейшую роль в определении Белым домом и государственным департаментом курса их политики в отношении Кубы. Во всяком случае на основе этой информации Вашингтон, желавший видеть на Кубе правительство, которое бы сумело «навести порядок» на острове, верно служило интересам американских монополий и было готово их отстаивать, считал Грау Сан Мартина и большинство его министров людьми, «неподходящими» для этой цели. Такими людьми в глазах руководителей государственного департамента были лидеры буржуазно-помещичьих партий К. Мендиэта, М. Гомес, правые лидеры «АВС», и Вашингтон желал либо введения их в правительство Грау Сан Мартина с тем, чтобы они могли определять его политику, либо ухода этого правительства в отставку.

В составленном Уэллесом и подписанном К. Хэллом заявлении государственного департамента о политике в отношении Кубы говорилось, что Соединенные Штаты готовы «приветствовать любое правительство, представляющее волю народа республики и способное поддержать закон и порядок на всем острове. Такое правительство должно быть способным осуществлять функции и обязанности, лежащие на всяком стабильном правительстве» ⁸¹.

⁷⁹ E. A. Chester. Op. cit., p. 86.

⁸⁰ Ibid., p. 89.

⁸¹ «Press Releases», 16.IX 1933, p. 152; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 423, 424.

Лицемерно обещая признать Временное революционное правительство, если оно докажет, что «способно поддерживать порядок», Вашингтон рассчитывал сразу «убить двух зайцев»: разгромить руками национал-реформистского правительства революционное движение на Кубе и лишить тем самым это правительство всякого влияния на массы, что значительно облегчило бы реакционным силам свержение его. Заявление государственного департамента обрекало Временное правительство бороться внутри порочного круга: без «стабильного правительства» Вашингтон не шел на признание, но без признания невозможно было обеспечить «стабильность», так как лидеры буржуазно-помещичьих оппозиционных партий, выражавшие, по мнению государственного департамента, «волю народа», отказывались, по «совету» Уэллеса, от всякого сотрудничества с этим правительством и вели активную борьбу против него.

Переговоры между революционной хунтой и лидерами буржуазно-помещичьих партий оппозиции начались почти сразу же после переворота 4 сентября. Причем некоторые из этих лидеров (М. Гомес и др.) были склонны в обмен за «уступки» обещать хунте свою поддержку. Но под влиянием Уэллеса они вскоре заняли непримиримую позицию и потребовали ухода Грау Сан Мартина в отставку. Поощряемые послом США, оппозиционные политики инспирировали в середине сентября реакционные мятежи в провинциях Пинар-дель-Рио, Камагуэй, Лас-Вильяс, Ориенте⁸².

Американская пресса сообщала, что бизнесмены и коммерсанты на Кубе считают Временное революционное правительство недолговечным и с надеждой ожидают интервенции США. 37 крупнейших кубинских капиталистов опубликовали заявление, обвиняющее Грау Сан Мартина в неспособности подавить революционное движение. Связанные с американским капиталом круги кубинской буржуазии и крупных землевладельцев саботировали правительственные мероприятия, не платили налогов, отказывали правительству в кредитах⁸³.

Официально Уэллес (пребывание которого на Кубе было 13 сентября снова продлено) делал вид, что он не вмешивается в переговоры между Временным правительством и лидерами партий буржуазно-помещичьей оппозиции. Вашингтонское правительство всячески стремилось замаскировать свою неприглядную роль в кубинских событиях. Сам Ф. Рузвельт, до это-

⁸² «Foreign Relations— 1933», v. 5, p. 438, 445—447, 448, 449—450; «Diario de la Marina», 18.IX 1933; R. H. Phillips. Op. cit., p. 72, 75.

⁸³ «New York Times», 7, 13.IX 1933; «Daily Worker», 8, 18.IX 1933; A. Fabre-Luce. Révolution à Cuba. Paris, 1934, p. 93; R. H. Phillips. Op. cit., p. 74.

го в течение трех недель лично занимавшийся «кубинской проблемой», а теперь желающий показать, что вопрос о вооруженной интервенции вообще не стоит на повестке дня, отправился на яхте «на рыбную ловлю»⁸⁴.

11 сентября Хэлл телеграфировал посольствам и миссиям США в Лондоне, Париже, Риме, Берлине, Мадриде, Токио, Пекине, Женеве и во всех странах Латинской Америки, кроме Кубы (и Сальвадора, чье правительство Вашингтон тогда не признавал): «Для информации и использования Вами в случае разговоров о положении на Кубе: наше правительство ввиду тревожного положения на Кубе послало суда в эту страну исключительно в качестве меры предосторожности и не имеет ни малейшего намерения осуществлять интервенцию и вмешиваться во внутренние дела Кубы. Мы искренне надеемся, что кубинцы сами урегулируют свои трудности... Мы никоим образом не будем влиять на выбор кубинцами тех или иных лиц в свое правительство»⁸⁵.

15 сентября Уэллес почти всю ночь провел на собрании актива Студенческого директората, пытаясь убедить своих слушателей в том, что Временное правительство не получает признания Соединенных Штатов якобы вовсе не из-за своего «революционного происхождения» и «радикализма». Он отрицал также свою связь с офицерами, засевшими в отеле «Националь»⁸⁶. 16 сентября помощник государственного секретаря Кэффри в официальной речи заявил, что правительство США не питает якобы никакого предубеждения к правительству Грау Сан Мартина и американская политика «не исключает приход к власти на Кубе любой группы, выполняющей определенные международным правом обязательства правительства»⁸⁷. 17 сентября Уэллес встретился с Грау Сан Мартином и заявил, что он бы рекомендовал государственному департаменту признать его правительство, если бы оно смогло обеспечить себе поддержку хотя бы какой-либо одной из важных оппозиционных групп.

В действительности же Уэллес делал все, чтобы не допустить признания Временного революционного правительства Соединенными Штатами, и активно работал над сколачиванием антиправительственного блока. «Враги режима Грау... стекались к посольству и принимались здесь с распростертыми объятиями... Тайная дипломатия. Возбужденные заседания поздней

⁸⁴ «Washington Post», 10.IX 1933.

⁸⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 422; текст имеется и в: C. Hull. Op. cit., p. 316—317.

⁸⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 439, 441—442; «New York Times», 17.IX 1933.

⁸⁷ «Press Releases», 16.IX 1933, p. 172.

почью. Вся эта лихорадочная деятельность маскировалась как «примирение», — писал еженедельник «Нэйшн»⁸⁸.

Через посредство Уэллеса и прибывшего незадолго до восстания 4 сентября в Гавану для торговых переговоров специального советника Белого дома по экономическим вопросам А. Берли Вашингтон оказывал непрекращавшийся нажим на Грау Сан Мартина, давая понять, что пока кубинскому правительству не будет обеспечено «общественное доверие» путем предоставления решающих постов в нем лидерам оппозиции, экономическая разруха на острове и непризнание США неизбежны. 19 сентября Берли демонстративно отказался вести переговоры и уехал⁸⁹.

Это означало, что в то время, как кубинская казна иссякла, вопрос о сахарной квоте для Кубы и об американских займах отодвигался на неопределенный срок. Вашингтон, зная о нехватке на Кубе продовольствия, использовал, таким образом, в своих целях оружие голода. Кроме того, как сообщали кубинские газеты «Информасьонес» и «Эль Паис либре», Уэллес с целью создания дополнительных трудностей для правительства Грау Сан Мартина добивался сокращения американскими фирмами поставок на Кубу нефти и других видов горючего⁹⁰.

Естественно, что на фоне этих и подобных им фактов заявления Вашингтона о том, что США и их посол в Гаване проводят политику «невмешательства» в кубинские дела, звучали фальшиво. И не только для кубинцев: «Соединенные Штаты не просто отказались признать правительство Грау, но американский посол на Кубе активно ему противодействовал, — вынуждена была констатировать в своем отчете комиссия Ассоциации внешней политики США. — Каковы бы ни были недостатки этого правительства, по мнению комиссии, они не оправдывают курса, которому следовали Соединенные Штаты. Если бы Вашингтон следовал политике нейтралитета по отношению к режиму Грау, то этот режим либо смог бы добиться поддержки более стабильных элементов страны, либо отказался от власти...»⁹¹.

2. Национальная буржуазия у власти. Вашингтон отказывает в признании

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к резкому обострению противоречий не только между империалистическими монополиями и буржуазией зависимых стран, но

⁸⁸ «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 69. Об этом свидетельствуют документы. См., например: «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 431—432.

⁸⁹ «Daily Worker», 26.IX 1933.

⁹⁰ «La Prensa» (B. A.), 20.X 1933; A. Fabre-Luce. Op. cit., p. 102.

⁹¹ Problems of the New Cuba. New York, 1935, p. 497.

и к обострению противоречий внутри правящих классов этих стран. Одним из проявлений этих противоречий на Кубе и был приход к власти в сентябре 1933 г. Временного революционного правительства, которое «выражало требования определенных слоев национальной реформистской буржуазии»⁹², недовольной засильем в стране американского капитала.

В ходе борьбы за национальное освобождение усилились противоречия внутри эксплуататорских классов Кубы, разные группы противостояли друг другу, одни группы и слои вступали в конфликт с другими. Вместе с империалистами против национального освобождения выступали те социальные группы, которые развивались и преуспевали, получали прибыли и привилегии вследствие отсталости страны и полуколониальной структуры ее экономики.

К ним относились, в частности, крупные торговцы-импортеры и оптовики, чьи прибыли были обусловлены монокультурным характером кубинской экономики и необходимостью импортировать большую часть потребляемых населением продуктов и промышленных изделий. К ним же относились капиталисты, тесно связанные с империалистическими монополиями и участвовавшие вместе с ними в эксплуатации страны и ее народа, например сахарные магнаты, обогащавшиеся за счет особой роли сахара в экономике Кубы. На стороне империализма выступало также большинство латифундистов, многие из которых сами являлись членами правлений сахарных компаний и сахарными магнатами. С латифундистами были связаны скупщики, сельские ростовщики, посредники, — словом, все, кто обогащался за счет отсталости деревни и угнетения крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата.

Этим группам противостояла та часть кубинских капиталистов, деятельность которых была ограничена господством монополий и конкуренцией империализма и которые искали поэтому пути независимого развития страны, стремились создать новые отрасли промышленности, расширить внутренний рынок и сделать сельское хозяйство многоотраслевым. В определенных условиях эта часть буржуазии, которую мы называем национальной буржуазией, примыкала в борьбе за национальное освобождение к трудящимся классам. Однако революционный порыв ее был ограничен и сдерживался ее характером эксплуататорского класса, который не хотел и даже боялся развития пролетариата и революционных действий рабочих и крестьян.

Выступая против империализма, эти местные капиталисты стремились к тому, чтобы самим эксплуатировать страну,

⁹² «Communist», 1935, v. 14, № 10, p. 956. Из речи делегата Коммунистической партии Кубы на VII конгрессе Коминтерна.

чтобы сверхприбыли, вывозимые иностранными монополиями, оставались в их собственных карманах. Это стремление в одно и то же время было положительным, поскольку оно противостояло национальному угнетению и благоприятствовало развитию промышленности и сельского хозяйства, и отрицательным, поскольку оно было направлено на сохранение того же самого угнетения и эксплуатации рабочих и крестьян, поскольку оно порождало страх перед революцией и прогрессивным социальным развитием, а следовательно, и тенденцию к соглашательству и примиренчеству с империализмом⁹³.

Что касается кубинской мелкой городской буржуазии, то она в еще большей мере страдала от империалистического угнетения и отсталости страны. В целом городская мелкая буржуазия находилась в оппозиции к империализму и латифундизму. Однако она колебалась, меняла свою точку зрения в зависимости от силы, размаха и порыва революционного движения, в зависимости от возникающих трудностей и давления, оказываемого империализмом. Поэтому в критические моменты одна часть мелкой городской буржуазии склонялась на сторону буржуазии и даже становилась выразителем ее интересов и тенденций к соглашательству с империализмом. В то же время другая ее часть, радикальное крыло, вставала на непримиримые антиимпериалистические, революционные позиции рабочего класса. Осенью 1933 г., когда правительство, возглавляемое Грау Сан Мартином, пришло к власти, на Кубе нарастали элементы революционной ситуации.

В. И. Ленин писал, что революционную ситуацию характеризуют «три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией»⁹⁴.

⁹³ См.: Blas Roca. Los Fundamentos del Socialismo en Cuba. La Habana, 1961, p. 28—30.

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.

Революционный подъем, вызвавший в августе 1933 г. падение режима Мачадо, достиг наивысшей степени своего развития во второй половине сентября. Как отмечала в те дни «Правда», с точки зрения внутреннего соотношения сил, на Кубе имелись благоприятные шансы для победы революции⁹⁵.

Забастовочная волна к середине сентября, даже по словам авторов доклада Ассоциации внешней политики США, «охватила почти все сахарные заводы и сахарные районы, распространившись... на самые отдаленные сентралы. Бастовали молодые и старые, белые и черные, местные жители и иностранцы... Во многих пунктах в движение было вовлечено все работающее население; фабричные рабочие объединялись с полевыми рабочими, служащими контор и складов компаний. Крестьяне сформулировали свои собственные требования. Казалось, все население перешло в экономическое наступление»⁹⁶. Рабочие сентрала шоколадной компании Херши (провинция Гавана) требовали признания профсоюза, повышения заработной платы, введения 8-часового рабочего дня. В сентралах Санта-Люсия и Такахо (Ориенте) бастующие создали красную гвардию и контролировали предприятия. Крупнейшие сентралы «Кубино-американской компании»: Чаппарра, Багуанос (Ориенте) и Ормигуэро (Лас-Вильяс) были захвачены рабочими. Всего к 18 сентября были захвачены и управлялись рабочими комитетами 37 сентралей⁹⁷.

Газета «Нью-Йорк Таймс» подробно описывала захват бастующими рабочими американской «Танамо шугэр компани» сентрала Танамо (Ориенте), принадлежавшего в то время другу Ф. Рузвельта миллиардеру В. Астору (на паях с Перси Рокфеллером). Рабочие, получавшие раньше от 25 до 40 сентаво в день, потребовали увеличения заработной платы до 80 сентаво, установления 8-часового рабочего дня, признания профсоюза, заключения коллективного договора, выплаты безработным 50% их заработной платы, улучшения жилищных условий, бесплатной медицинской помощи, права выбирать цеховые комитеты и т. д.⁹⁸ Такие же требования выдвигались бастующими рабочими сахарных компаний по всей Кубе.

Но забастовочное движение охватило не только сахарную промышленность. Бастовали табачники в провинции Пинар-дель-Рио, рабочие марганцевых рудников в Кристо (провинция Ориенте) и американских асфальтовых разработок в районе Матаамбре (провинция Пинар-дель-Рио). Рудники «Бетлихем-

⁹⁵ «Правда», 9.IX 1933.

⁹⁶ Problems of the New Cuba, p. 183.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 34—35; «New York Times», 7, 14.IX 1933; «Daily Worker», 7, 8, 14, 15, 23, 29.IX 1933.

⁹⁸ «New York Times», 24.IX 1933; «Daily Worker», 25.IX 1933.

ской стальной компании» в Дайкири (провинция Орненте) были закрыты и заняты рабочими. В городе Карденас (провинция Матансас) рабочие принадлежавшего американцам водопровода предъявили администрации ультиматум: если их требования в течение трех дней не будут удовлетворены, они возьмут управление водопроводом в свои руки. В Гаване рабочие и служащие типографий и редакций впервые на Кубе создали Объединенный профсоюз полиграфистов, установили контроль над большинством ежедневных газет и стали выпускать их под новыми названиями на основе общего участия в прибылях⁹⁹.

В этой борьбе трудящиеся не ограничивались выдвижением экономических требований. Их действия быстро переросли в ярко выраженное политическое движение, направленное против местной реакции и американского империализма. «В Антилье красный флаг развевался со шпилья ратуши, а в Сантьяго коммунистическая демонстрация заставила мэра и губернатора провинции бежать...», — отмечалось в упоминавшемся уже отчете Ассоциации внешней политики¹⁰⁰. В ряде мест забастовочная борьба переросла в вооруженную борьбу с сельской гвардией и войсками, в захват местной власти и создание рабочих советов.

Так, продолжавшаяся около полутора месяцев забастовка в центре Мобай (восток провинции Орненте), руководимая профсоюзом рабочих сахарной промышленности, входившим в КНОК, быстро приняла характер вооруженных стычек бастующих с заводской стражей и войсками. Вооруженные револьверами рабочие захватили склады рафинированного сахара и обменяли его у населения на продукты питания для семей бастующих. Администрации был дан суточный срок для удовлетворения требований, выдвинутых забастовочным комитетом. А затем на общем собрании рабочих было решено взять управление центром и власть в районе в свои руки. В конце сентября здесь был создан совет, обратившийся к министру внутренних дел с просьбой удовлетворить требования бастующих и обязать компанию выделить профсоюзу средства для закупки и распределения среди рабочих продуктов питания¹⁰¹.

«...Рабочие, крестьяне и солдаты, объединившись в борьбе против своих эксплуататоров, латифундистов и империализма, создали в Мобай первый совет на Кубе, которому мы должны обеспечить нашу поддержку, — гласило выпущенное по этому поводу воззвание Революционного профсоюза сахарной промышленности. — Правительство... угрожает потопить в крови героические завоевания наших товарищей в Мобай и тем са-

⁹⁹ По материалам ЦГАОР. См. также: «New York Times», 7, 8, 14.IX 1933; «Daily Worker», 21, 25.IX 1933; Problems of the New Cuba, p. 183.

¹⁰⁰ Problems of the New Cuba, p. 184.

¹⁰¹ «Diario de la Marina», 13.IX 1933; «New York Times», 14.IX 1933.

мым уничтожить пример, которому должны следовать все эксплуатируемые, наученные опытом Советского Союза... Каждый солдат, рабочий и крестьянин должен своей борьбой поддерживать пример Мобая...

Солдат! Мобай является твоим. Не топи борьбу масс в крови! Рабочий! Мобай — пример для тебя! Помогай ему. Крестьянин! Иди по пути твоих товарищей из Мобая. Долой террор, которым хотят разбить Мобай! Поможем совету в Мобай забастовками и массовыми действиями! Да здравствует Советский Союз!»¹⁰².

Рабочие советы возникли также в Харону и Сенадо — двух больших центрах в провинции Камагуэй, в Санта-Люсия в провинции Ориенте и других местах. В городе Сьенфуэгос (провинция Лас-Вильяс), получившем за свою красоту название «жемчужины Юга», демонстранты захватили оружейные склады, вооружились и взяли в свои руки местное самоуправление. Был создан совместный комитет из делегатов всех бастующих и крестьян окружающего района. Комитет создал народную милицию, конфисковал землю и дома крупных землевладельцев, связанных в прошлом с кликой Мачадо, и передал их голодающим крестьянам и безработным. Были установлены 8-часовой рабочий день для взрослых и 7-часовой — для подростков, отменены долги крестьян-бедняков и мелких торговцев, выделен в муниципалитете специальный фонд для помощи безработным, проведено снижение на 50% квартирной платы для рабочих и служащих¹⁰³.

В результате массового забастовочного движения, в котором во втором полугодии 1933 г. участвовали едва ли не все рабочие страны, кубинский пролетариат добился серьезных завоеваний. В частности, рабочие основных отраслей хозяйства: сахарной и табачной промышленности, железнодорожного и морского транспорта завоевали 8-часовой рабочий день. Средняя заработная плата выросла в два раза. Значительно окрепли, получили право на легальное существование и расширили свое влияние революционные профсоюзы. Например, профсоюз рабочих сахарной промышленности провел в конце сентября в провинциях Лас-Вильяс, Ориенте, Камагуэй, Гавана и Пинардель-Рио областные конференции, где был проанализирован опыт стачечной борьбы, вскрыты ошибки и намечены новые задачи. К ноябрю СНОИА имел в центрах 90 секций. Национальная конфедерация рабочих Кубы (КНОК) стала крупней-

¹⁰² «Diario de la Marina», 22.IX 1933.

¹⁰³ «Правда» 7, 8.IX 1933; «New York Times», 7.IX 1933; Problems of the New Cuba, p. 183; «Коммунистический Интернационал», 1933, № 28, стр. 18; «Интернационал молодежи», 1933, № 13, стр. 2; Сб. «Колониальные проблемы». М., 1934, стр. 143.

шей профсоюзной организацией в стране и одной из сильнейших во всей Латинской Америке¹⁰⁴.

Кубинские капиталисты, коммерсанты и латифундисты были в панике. Консервативная гаванская газета «Диарио де ла Марина», отражая настроения этих кругов, предупреждала, что «если правительство не примет мер, то очень скоро вся Куба превратится в один сплошной Мобай»¹⁰⁵.

В Вашингтоне и на Уолл-стрит также росло чувство тревоги. Представители «Стандард ойл компани» и Американской торговой палаты на Кубе обратились в государственный департамент с заявлениями по поводу растущих «рабочих волнений» на острове и необходимости принятия правительством США мер, которые бы «стабилизировали положение».¹⁰⁶ Донесения Уэллеса также не давали оснований для оптимизма. «По всей республике наблюдается широкое рабочее движение; в провинции Пинар-дель-Рио этой ночью была сделана попытка поднять восстание...», — доносил он 15 сентября. «Общая обстановка в стране ухудшается с каждым часом», — сообщал он спустя два дня, предсказывая, что «происходящая тут социальная революция» чревата самыми «опасными последствиями». 25 сентября Уэллес сообщал, что «экономические условия становятся все хуже, растет почва для коммунистической пропаганды»¹⁰⁷. Морское министерство США направило военные суда еще в несколько кубинских портов, а в Ки-Уэсте (Флорида) была сконцентрирована «в ожидании приказов» чуть ли не целая эскадра.

«Перспективы теперь таковы, — писал в эти дни в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» некий американский бизнесмен, — что мы должны поцеловать на прощанье наши кубинские капиталовложения и распрощаться с ними»¹⁰⁸. И если еще 20 сентября государственный секретарь К. Хэлл заверял кубинцев, что в случае опасности проживающим на Кубе американским гражданам предложено перебраться в портовые города под защиту американских военных кораблей, посланных туда с этой целью, а США якобы проводят политику не интервенции, а эвакуации, то уже спустя несколько дней командирам этих кораблей, имевшим ранее инструкции не высаживать морской

¹⁰⁴ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 114; «Красный интернационал профсоюзов», 1934, № 3—4, стр. 43; 1934, № 7, стр. 47; 1934, № 15—16, стр. 36. Общее число забастовок на Кубе в 1933 г. превысило 1800 (Сб. «Профсоюзы Кубы». М., 1963, стр. 41).

¹⁰⁵ «Diario de la Marina», 22.IX 1933.

¹⁰⁶ R. S m i t h. Op. cit., p. 151.

¹⁰⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 433—434, 438, 446, 458. 16 и 24 октября он сообщал о «советском управлении» сахарными заводами, захваченными рабочими. См.: B. W o o d. Op. cit., p. 91.

¹⁰⁸ Цит. по: «Literary Digest», 23.IX 1933, v. 116, № 113, p. 7.

пехоты без специального приказа, было разрешено в «критическом случае» действовать по своему усмотрению. 25 сентября Хэлл вынужден был признать это официально, хотя и продолжал уверять, что десантные отряды в случае их высадки будут использованы только для защиты жизни, но не собственности американцев¹⁰⁹.

Однако попытки запугать народ Кубы демонстрацией военной силы не только не достигли цели, но, наоборот, еще больше усилили его антиимпериалистические чувства. Многотысячные демонстрации с красными флагами в Гаване и провинциях проходили под лозунгами: «Американские суда — вон из кубинских вод!», «Смерть Уэллесу!». В кубинской печати публиковались сотни телеграмм протеста рабочих организаций против планов империалистической интервенции. Рабочие, студенты, служащие выражали свою готовность защищать свою страну с оружием в руках. 14 сентября в Национальном театре под лозунгами: «Долой вмешательство янки!», «Ни одного сентаво американским банкирам!» состоялся большой митинг, созданный Коммунистической партией Кубы, Антиимпериалистической лигой и Левым крылом студенческого движения¹¹⁰.

Быстрый рост враждебности народных масс на Кубе к империализму янки отмечала не только американская, но и европейская пресса. О нем ярко свидетельствуют следующие записи в дневнике Р. Х. Филлипс:

«10 сентября... Сегодня в Центральном парке состоялся митинг, созданный Антиимпериалистической лигой. Там все кричали: «Долой империализм янки!», «Долой Уэллеса!»».

«15 сентября... Растет враждебность кубинцев к американцам. Поступают сообщения о том, что рабочие захватывают сахарные заводы...».

«23 сентября. Все верят в революцию... В провинции происходят стычки... Поднимаются и требуют равенства негры... В стране так много забастовок, что о них бесполезно говорить. Бастуют докеры, табачники, полиграфисты и печатники. Улицы полны демонстрантов, которые кричат то одно, то другое. Единственно, в чем все они согласны, это — «Долой американцев!...»».

«30 сентября... Собственники напуганы до смерти. Толпы в лохмотьях на улицах кричат: «Долой американцев!». Коммерсанты первичаюут и трясутся от страха...»¹¹¹.

¹⁰⁹ B. Wood. Op. cit., p. 76, 78; «Daily Worker», 26.IX 1933.

¹¹⁰ «New York Times», 7, 8, 14, 17.IX 1933; «Washington Post», 11.IX 1933; «Manchester Guardian», 18.IX 1933; «Daily Worker», 15, 18, 23.IX 1933. Активное участие в деятельности Антиимпериалистической лиги и изданиях ее журнала «Массы» принимали в это время Хуан Маринельо, Пабло де ла Торриенте-Брау, Рауль Роа и др.

¹¹¹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 70, 75, 77, 79, 83.

В период революционного подъема, осенью 1933 г., не осталось в стороне от революционной борьбы и крестьянство. Во многих районах провинций Ориенте, Камагуэй, Лас-Вильяс крестьяне вместе с рабочими плантаций захватывали и делили между собой землю и скот крупных землевладельцев. Крестьянские волнения, в частности, имели место и в районе американской военно-морской базы в заливе Гуантанамо. «Никто,— отмечала 23 сентября 1933 г. в своем дневнике Р. Х. Филлипс,— не платит арендной платы землевладельцам»¹¹². Но в целом крестьянское движение по своей организованности и масштабам заметно отставало от рабочего движения. В крестьянском движении преобладали элементы стихийности и колебаний. Пролетариат не смог еще повести крестьянство за собой, что не замедлило использовать в своих интересах национал-реформистское правительство Грау Сан Мартина.

В то же время шел быстрый процесс революционизирования наиболее обездоленной части городской мелкой буржуазии. Комиссия Ассоциации внешней политики отмечала в своем отчете, что бастующие рабочие центральных, как правило, пользовались солидарностью и поддержкой чиновников и мелких торговцев соседних городков¹¹³. В столице и других крупных городах еще более активизировалось студенческое движение. Неимущие студенты Гаванского университета добились освобождения от платы за обучение, остальным она была снижена на 50%. Численность левого крыла студенческого движения выросла до 15 тыс. человек. Им был создан свой так называемый Левый комитет реорганизации («Комите про Реорганизасьон де ла Искьерда»), активно участвовавший в политической жизни¹¹⁴.

Но большая часть студенчества была связана в то время со Студенческим директоратом и первые месяцы существования Временного революционного правительства активно поддерживала это правительство. Широкие круги кубинской мелкой городской буржуазии были настроены резко антиимпериалистически и сыграли заметную роль в революции 1933 г., но пошли в большинстве своем за национальной буржуазией, а не за пролетариатом.

Рабочий класс Кубы сыграл решающую роль в борьбе за свержение режима Мачадо. В ходе осенних стачечных боев 1933 г. он также одержал крупные победы. Даже буржуазные

¹¹² R. H. Phillips. *Op. cit.*, p. 80.

¹¹³ Problems of the New Cuba, p. 184.

¹¹⁴ В частности, один из руководителей Левого крыла — нынешний министр иностранных дел Кубы в правительстве Фиделя Кастро — Рауль Роа Гарсиа был членом университетской комиссии по чистке реакционной профессуры.

авторы не могли не признать, что «в целом движение имело определенную пролетарскую целеустремленность»¹¹⁵. Председатель Коммунистической партии США У. З. Фостер отметил, что «на Кубе в 1933 г. народ как никогда был близок к тому, чтобы использовать возможности, которые предоставила революционная ситуация»¹¹⁶.

Но эти возможности тогда не были использованы. В. И. Ленин предупреждал, что отнюдь «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»»¹¹⁷. И в связи с этим Ленин особенно подчеркивал для «всех социалистов» необходимость «вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении»¹¹⁸.

Однако кубинский рабочий класс не был еще тогда достаточно сплочен и подготовлен к тому, чтобы повести за собой весь народ. Коммунистическая партия Кубы, фактически вышедшая в августе 1933 г. из подполья, заметно увеличила в последующие месяцы свое влияние в рабочем классе. Коммунисты играли ведущую роль в Национальной рабочей конфедерации Кубы и руководили крупнейшими забастовками на сахарных заводах. Даже Уэллес вынужден был в одном из своих донесений отметить, что «на Кубе нет эффективной национальной рабочей организации, кроме находящейся под влиянием коммунистов»¹¹⁹.

Сразу же после восстания 4 сентября Коммунистическая партия Кубы развернула энергичную деятельность. Она призвала массы «к захвату помещичьих земель, к борьбе... за неограниченную легальность революционных организаций, широко пропагандировала идею советов. Под влиянием ее ком-

¹¹⁵ Problems of the New Cuba, p. 14. См. также: A. Toynbee. Survey of International Affairs — 1933. London, 1934, p. 385.

¹¹⁶ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 571.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

¹¹⁸ Там же, стр. 221.

¹¹⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 488; см. также: «Daily Worker», 27.X 1933; «Diario de la Marina», 31.X 1933.

мунистической пропаганды и в результате организационной работы партийных организаций в целом ряде местностей, в сентябре и октябре 1933 г. были захвачены плантации, сахарные заводы..., рабочие приступили к осуществлению рабочего контроля, а кое-где (Мобай, Харону, Сенадо и др.) были созданы рабочие советы. Во время крупнейших революционных боев в августе — октябре 1933 г., в большинстве которых Компартия Кубы принимала руководящее участие, значительно выросло влияние компартии среди широких масс»¹²⁰. Численность партии возросла до 5 тыс. человек. Однако партия не сумела организационно закрепить растущих симпатий масс к ней и «не выросла настолько, насколько это позволяла и требовала обстановка»¹²¹.

Коммунисты призывали массы к аграрной и антиимпериалистической революции, к созданию рабоче-крестьянского правительства, которое освободит страну от господства империалистов США и местных латифундистов и буржуазии. Но руководители молодой Коммунистической партии Кубы тогда не освободились еще полностью от пережитков сектантства, выдвинутый ими лозунг установления Советской власти был ошибочным. Куба переживала антиимпериалистический этап освободительной революции, когда все революционные силы нации, выступающие против империализма, должны были объединиться в единый общенациональный фронт. Кубинские коммунисты не учитывали, в частности, того, что буржуазия в странах, борющихся против гнета империализма, неоднородна, что Временное революционное правительство связано с той частью кубинской буржуазии, интересы которой были ущемлены господством американского капитала, поэтому эта часть буржуазии была настроена патриотически и антиимпериалистически. Они недооценили также то обстоятельство, что правительство Грау Сан Мартина было первым национальным правительством, созданным вопреки воле Вашингтона, и оно опиралось на широкие слои населения, причем не только на мелкую буржуазию города и деревни, но и на определенные слои рабочего класса, о чем свидетельствовала поддержка, оказанная правительству многими местными профсоюзами, не входящими в КНОК.

«...Угроза интервенции США поставила перед Коммунистической партией Кубы задачу создания широчайшего массового антиимпериалистического фронта»¹²². Вместо того чтобы оказать на определенных условиях поддержку Временному прави-

¹²⁰ Коминтерн перед VII Всемирным конгрессом. Материалы. М., 1935, стр. 414.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, стр. 414—415.

тельству, проявить необходимую тактическую маневренность и гибкость и использовать сложившуюся осенью 1933 г. обстановку для создания единого национального фронта борьбы против империализма, компартия расценила классовую ограниченность и колебания руководителей Временного правительства как предательство и заняла ошибочную позицию борьбы против этого правительства¹²³.

В деятельности компартии имелся в то время и ряд других слабых сторон (недостаточная работа среди крестьянства, в армии и др.)¹²⁴ Все эти ошибки были устранены лишь в последующие годы. Однако в целом компартия уже тогда давала массам правильную революционную перспективу, увязывая ее с борьбой за непосредственные интересы трудящихся. Коммунисты шли в первых рядах борцов за освобождение Кубы от гнета американского империализма и свержение кровавого режима Мачадо. Десятки и сотни их отдали свою жизнь в этой героической борьбе за свободу и счастье народа.

Между тем бурный подъем революционного движения масс напугал национальную буржуазию. Она была не прочь ограничить хозяйничанье американских монополий во имя собственного господства и старалась использовать движение масс в своих целях. Но она не могла быть последовательным борцом против империализма, так как, во-первых, политически и экономически была слаба и зависима от иностранного капитала, а во-вторых, сама боялась размаха революционного движения народных масс и поэтому была против самостоятельной борьбы рабочих и крестьян, склонна к колебаниям, соглашательству и капитуляции перед империализмом янки.

В движении трудящихся масс за социальное освобождение, развернувшемся осенью 1933 г., кубинская национальная буржуазия увидела прямую опасность своим классовым интересам. Не случайно лидеры Студенческого директората, заявив в своем манифесте 18 сентября 1933 г., что они «не коммунисты и не активные или пассивные пропагандисты коммунизма», призвали рабочих не бастовать, а глава национал-реформистского правительства Грау Сан Мартин в одной из своих речей откровенно пожаловался на то, что «если американская собственность находится под угрозой, то и наша собственность — также»¹²⁵. В борьбе против революционного народа правое

¹²³ В частности, именно это обстоятельство помогло отколовшейся от «АВС» группе — «радикальной АВС» добиться определенного влияния не только в мелкобуржуазных слоях, но и среди некоторой части рабочих.

¹²⁴ См.: Коминтерн перед VII Всемирным конгрессом, стр. 414—415, 417.

¹²⁵ W. Simon s. Hands off Cuba. New York, 1933, p. 13; «Communist», 1933, v. 12, № 11, p. 1113.

крыло национальной буржуазии всегда было склонно идти на единство действий с местной реакцией и империализмом. В «нормальных» условиях кубинская национальная буржуазия, несомненно, сделала бы это более замаскированно и постепенно. В условиях же экономического и дипломатического нажима и прямого военного шантажа со стороны Вашингтона, а с другой стороны, — мощного революционного подъема на самой Кубе, Временное правительство, возглавляемое Грау Сан Мартином, не имело времени и возможностей для такой маскировки.

Стремясь поскорее получить спасительное признание США, означавшее займы, квоту на сахар, новый торговый договор и т. д., правительство старалось доказать, что оно само в состоянии «навести порядок» в стране. С этой целью оно потребовало и получило от Революционной хунты диктаторские полномочия¹²⁶. Уже во второй половине сентября войска по приказу военных властей начали вытеснять рабочих с занятых ими централей и возвращать последние владельцам¹²⁷. Новый начальник штаба армии Ф. Батиста в беседе с Уэллесом 21 сентября, по словам последнего, «выразил суровую враждебность в отношении всякой коммунистической деятельности и пропаганды»¹²⁸.

В ответ на репрессии в Мансанильо — важном портовом городе и центре кожевенно-обувной промышленности (Ориенте) — 18 сентября началась всеобщая забастовка. Через неделю она охватила всю провинцию Ориенте, крупнейшую по площади, населению и производству сахара провинцию Кубы. На долю этой провинции приходилась большая часть американских вложений в кубинскую сахарную промышленность и наибольшее число американских централей. В связи с этим вокруг Ориенте было сосредоточено больше всего военных судов США, и враждебность масс к американскому империализму выражалась в этой провинции особенно бурно¹²⁹.

24—26 сентября по всей Кубе состоялись демонстрации в память основателя Коммунистической партии Кубы Хулио Антонио Мельи. В гаванском порту, встречая привезенный Хуаном Маринелью из Мексики прах Х. Мельи, смешавшиеся с демонстрантами солдаты несли на винтовках красные флажки¹³⁰. На 29 сентября была назначена разрешенная министром

¹²⁶ «Manchester Guardian», 15.IX 1933.

¹²⁷ По материалам ЦГАОР.

¹²⁸ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 451.

¹²⁹ «Daily Worker», 29, 30.IX 1933; «Diario de la Marina», 20.IX 1933.

Ориенте издавна называют на Кубе «колыбелью революций» (См.: Ф. К а с т р о. Речи и выступления. М., 1960, стр. 40).

¹³⁰ «Известия» 23.IX 1933.

внутренних дел Антонио Гитерасом демонстрация в связи с захоронением праха Мельи в специальном монументе, построенном для этой цели в гаванском парке Братства. Но когда огромная траурная процессия, двинувшаяся к парку, растянулась по улицам города, солдаты по приказу военных властей обстреляли ее из пулеметов. Демонстранты оказали сопротивление. Результатом кровавых столкновений было много убитых и раненых. Солдаты разрушили монумент, но захватить урну с прахом Мельи так и не смогли ¹³¹.

Расстрел многотысячной демонстрации 29 сентября послужил сигналом к открытому наступлению на демократические организации. Помещения руководства Коммунистической партии, Антиимпериалистической лиги и революционных профсоюзов были разгромлены; мебель, документы и литература сожжены. Компартия и КНОК были объявлены вне закона. Тридцать рабочих лидеров были брошены в тюрьму. Гавана патрулировалась солдатами, разъезжавшими по городу в грузовиках, вооруженных пулеметами. Власти ввели военное положение и запретили собираться на улицах более чем по три человека ¹³².

Все эти меры были встречены с удовлетворением в посольстве США. В донесении К. Хэллу от 1 октября Уэллес отмечал «растущие разногласия между теми членами правительства (Грау Сан Мартина.— Э. Н.), которые... считают необходимым поддержание общественного порядка, и теми, кто открыто объединяется с крайними рабочими и коммунистическими группами». Он писал, что после событий 29 сентября «позиция Батисты... стала сильнее». Сообщая затем о состоявшейся у него в этот день беседе с Карбо, Уэллес подчеркнул, что последний «дал понять, что руководители армии не будут долго терпеть попытки части студентов господствовать, что солдаты уже разоряют студентов и других штатских и намерены распустить так называемую «карибскую армию», насчитывающую около 2 тыс. студентов, вооруженных ружьями и пулеметами... Он сказал также, что, согласно обещанию, данному им в последнюю встречу со мной, завтра будет издан декрет, приказывающий армии удалить с сахарных сентралей всех лиц, не работающих там в качестве рабочих и служащих, которых управляющие желают убрать, а также предусматривающий изгнание из страны всех коммунистов и агитаторов-иностранцев» ¹³³.

¹³¹ В выпущенном на следующий день после расстрела демонстрации обращении КНОК говорится, что было убито 25 и ранено 120 демонстрантов. См.: ГМР СССР 11573/40, Л-615-11ю; 30207/527, Л-615-46.

¹³² ГМР СССР, 11573/10В, Л-615-46; «Правда» 2.X 1933; «Times», 30.IX 1933; «New York Times», 2.X 1933.

¹³³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 461—462. Уэллес в этом донесении

После расправы с демократическими силами правительство решилось, наконец, покончить с угрозой со стороны засевших в отеле «Националь» офицеров-мачадистов, категорически отказавшихся пойти на компромисс, которого добивался Батиста. После ухода оттуда Уэллеса осада восьмизэтажного здания отеля велась по всем правилам военного искусства: были перерезаны водопровод, телефон и электричество, на входы направлены пулеметы, подтянута артиллерия. Несмотря на все это, офицеры, поощряемые из США¹³⁴, упорно не желали сдаваться. 2 октября солдаты Батисты при поддержке полевой артиллерии, орудий канонерки «Патриа» и самолетов в результате десятичасового боя заставили офицеров выкинуть белый флаг. Пленных офицеров отправили в казематы крепости Кабанья¹³⁵.

На следующий день, воспользовавшись неудачной попыткой покушения на жизнь Грау Сан Мартина, правительство произвело многочисленные аресты членов правого крыла «ABC» и реакционных политиканов, лидеров партий буржуазно-помещичьей оппозиции. М. Менокалю и К. Мендиате удалось скрыться. М. Гомес был вскоре после ареста освобожден¹³⁶.

Почувствовав себя несколько прочнее, Грау Сан Мартин произнес в начале октября две речи, направленные против «заговорщиков» и стоящих за ними «финансовых интересов». Но одновременно он заявил, что будет «бороться за восстановление порядка и мира в стране», и возобновил переговоры с лидерами оппозиции о создании «коалиционного» правительства¹³⁷.

сообщал также: «Карбо заявил, что он пришел к заключению, что в нынешнем правительстве желательно изменение, но при условии, что такое изменение будет результатом слияния тех из существующих группировок, которые настроены в пользу социальных реформ..., в частности «ABC», «O.R.R.C.», менее радикальной части Студенческого директората, прогрессивных элементов Националистического союза и партии Гомеса, в национальную партию с тем, чтобы она поддержала новое временное правительство. В ответ на мой вопрос он заявил, что всякий такой проект должен, конечно, включать не только поддержку, но и активное участие армии» (Ibidem). Этот проект был неосуществим, но он, несомненно, интересен тем, что в известной мере отражал стремление к консолидации своих сил, существовавшее в тот момент в правом крыле кубинской национальной буржуазии.

¹³⁴ В частности, А. Берли, вернувшись из Гаваны в Вашингтон в конце сентября, сделал провокационное заявление о том, что кабинет Грау Сан Мартина не представляет кубинского народа и является не правительством, а «пустой скорлупой» (C. Beals. *The Crime of Cuba*. Philadelphia, 1934, p. 466).

¹³⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 463—468; «Manchester Guardian», 16, 18.IX 1933; M. Riera. *Cuba Politica, 1899—1955*. La Habana, 1953, p. 420—421.

¹³⁶ «Times», 4.X 1933; C. Beals. *Op. cit.*, p. 465.

¹³⁷ «Daily Worker», 5.X 1933; «La Prensa» (B. A.) 6, 8, 10—12.X 1933; «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 456, 476—477, 478, 480.

Во второй половине октября в связи с приближением годовщины Великой Октябрьской социалистической революции политика репрессий против демократических сил и революционного движения масс еще более усилилась. Тем не менее в октябре бастовали 28 тыс. рабочих централей, 17 тыс. докеров, 15 тыс. железнодорожников, 5 тыс. табачников, 14 тыс. рабочих других отраслей. Несмотря на некоторый спад революционной волны по сравнению с сентябрем, случаи захвата рабочими сахарных заводов и забастовки имели место в октябре, ноябре и даже декабре месяцах. В прессе отмечались случаи братания посланных на «усмирение» в сентралы солдат с теми, кого они должны были умирять. Коммунистические идеи проникали в армию, и Батиста издал специальные приказы, направленные на изоляцию солдат от населения¹³⁸.

В Гаване, где влияние Коммунистической партии и Национальной рабочей конфедерации Кубы было наиболее сильным, положение стало особенно напряженным. В конце октября под тем предлогом, что КНОК призвала рабочих к всеобщей забастовке, были проведены массовые аресты рабочих активистов и руководителей революционных профсоюзов. Кроме того, власти арестовали свыше 30 солдат и сержантов. Войска и полиция заставили рабочих ряда предприятий выйти на работу и сорвали тем самым всеобщую забастовку. Вокруг президентского дворца были сооружены баррикады из мешков с песком, на которых установили пулеметы и легкие орудия. Правительство объявило, что «в случае необходимости» оно использует 7 ноября армейские части. В начале ноября шеф полиции Гаваны предложил кубинскому Красному Кресту быть 7 и 8 ноября наготове, на случай «критических обстоятельств»¹³⁹.

Накануне праздника власти снова провели аресты рабочих деятелей и еще раз предупредили, что используют войска. В ночь на 7 ноября солдаты и военные моряки заняли стратегические пункты и многие улицы Гаваны. Тем не менее, несмотря на запреты, 6 и 7 ноября в столице и провинции состоялись митинги и демонстрации, посвященные 16-й годовщине Великого Октября. На студенческом митинге в Гаване с разоблачением лицемерных интервенционистских действий США в отношении Кубы выступил председатель Антиимпериалистической лиги, прогрессивный писатель и ученый Хуан Маринельо¹⁴⁰.

¹³⁸ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 25, 35; «Daily Worker», 10, 19, 20, 21, 27.X 1933; «Soviet» (Buenos Aires), 1934, № 1—2, p. 25.

¹³⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 500, 503—504; «La Prensa» (B. A.), 4, 19, 23, 24, 27.X 1933; «Daily Worker», 11, 12, 17—20, 23—26.X; 3, 6.XI 1933.

¹⁴⁰ «Daily Worker», 8.XI 1933; «La Prensa» (N. Y.), 7, 8.XI 1933.

К этому времени кубинское Революционное правительство было уже формально признано Мексикой, Уругваем, Панамой, Перу, Испанией. Правительство Аргентины также считало, что пора признать новый режим на Кубе, и зондировало с этой целью почву в Рио-де-Жанейро. Мексиканское правительство заключило с правительством Грау Сан Мартина важное соглашение о посылке на Кубу мексиканской военной миссии для обучения кубинской армии¹⁴¹. Однако в политике США никаких принципиальных изменений не произошло.

Правда, репрессии против коммунистов и революционных профсоюзов на Кубе несколько успокоили официальный Вашингтон. Поэтому, хотя со стороны отдельных насмерть перепуганных американских бизнесменов все еще имели место требования о немедленной вооруженной интервенции¹⁴², Белый дом и государственный департамент решили теперь обойтись без нее.

Сразу же после разгрома офицеров, укрывшихся в отеле «Националь», Ф. Рузвельт вторично пригласил дипломатических представителей латиноамериканских стран в Вашингтоне и заверил их, что США не желают вооруженной интервенции и вмешаются в кубинские дела только в случае, если возникнет непосредственная угроза жизням американцев¹⁴³.

Но на запрос Хэлла о целесообразности признания Временного правительства в связи с тем, что американская пресса расценила разгром офицеров в отеле «Националь» как «признак консолидации положения нынешнего правительства», Уэллес ответил отрицательно. «...Захват в плен офицеров,— писал он,— не свидетельствует о консолидации положения правительства, а лишь значительно поднимает престиж армии, которую отнюдь не следует отождествлять с правительством... Расхождения между армией и штатскими элементами в правительстве быстро растут и все более заметны. По мере того, как Батиста становится более влиятельным, власть студентов и Грау Сан Мартина уменьшается»¹⁴⁴.

Уэллес на этот раз был прав. Во Временном революционном правительстве почти с самого начала его существования образовалось два крыла — левое, за которым стоял Студенческий директорат и наиболее видным представителем которого был министр внутренних дел А. Гитэрас, и правое, опиравшееся на поддержку Батисты и требовавшее компромисса с буржуаз-

¹⁴¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 475, 483—484, 491; «La Prensa» (B. A.), 6, 11.X 1933.

¹⁴² См.: «Daily Worker», 13.X 1933.

¹⁴³ «La Prensa» (B. A.), 4.X 1933.

¹⁴⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 472—473.

но-помещичьими оппозиционными партиями ради получения признания США. Разногласия и трения между этими разнородными элементами внутри правительства приняли в октябре серьезный характер.

Разгром мятежа офицеров, несомненно, серьезно укрепили положение Батисты. И Уэллес не мог не считаться с этим фактом. 4 октября, во время встречи с Батистой, он говорил с ним уже совершенно иначе, чем прежде. «У нас было продолжительное и откровенное обсуждение нынешней обстановки на Кубе. Он попросил у меня совета и спросил о моем мнении. И я дал ему их,— сообщал посол Хэллу.— Я сказал ему, что, по моему мнению, сегодня он является единственным лицом на Кубе, которое представляет власть. Я добавил, что отчасти это объясняется тем, что он, по-видимому, располагает твердой поддержкой со стороны большей части войск, а отчасти — весьма решительными и эффективными действиями, предпринятыми войсками в Гаване, а также в меньшей степени в других городах, против коммунистов и крайне радикальных элементов. Это, сказал я, завоевало ему поддержку огромного большинства коммерческих и финансовых интересов на Кубе, которые искали защиту и могут найти такую защиту только у него...; я сказал также, что лидеры важных политических партий... Мендиэта, Гомес, Мартинес Саенс и Сильвериро согласны на сохранение им контроля над армией в качестве начальника штаба... и выразили желание поддержать его в этом качестве»¹⁴⁵.

При следующей встрече с Уэллесом (7 октября) Батиста заверил его в том, что «он не прекратит своего нажима до тех пор, пока мирными средствами не будет создано новое правительство», и что «он уже сообщил Студенческому директорату, что армия не допустит никакого вмешательства студентов в дела правительства... Он также заверил меня,— сообщал Уэллес,— в своем намерении твердой рукой навести порядок на всех американских сахарных плантациях, где еще происходят рабочие волнения, арестовать и удалить оттуда всех коммунистических лидеров и восстановить при помощи войск порядок повсюду, где это необходимо»¹⁴⁶.

А спустя две недели, 21 октября, агентство «Юнайтед Пресс» уже сообщало: «в авторитетных кругах считают, что политическое будущее Кубы зависит от позиции Батисты... Как полагают, полковник Батиста осознал это положение... Этот лидер обнаружил большую силу характера, и, хотя он лишен культуры и образования, он удивил всех своим благоразумием...»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Ibid., p. 469—472.

¹⁴⁶ Ibid., p. 477—478.

¹⁴⁷ По материалам ЦГАОР.

По просьбе Уэллеса Батиста вступил в переговоры с К. Мендизтой и М. Гомесом с целью создания «коалиционного» правительства. Батиста и правые элементы в правительстве готовы были пожертвовать фигурой Грау Сан Мартина и пойти на сговор с оппозицией ради признания Вашингтона. Однако Студенческий директорат выступил за сохранение Грау Сан Мартина на посту президента и пытался принять меры для ограничения растущей власти Батисты, не без основания подозревая его в стремлении к личной диктатуре. С этой целью, в частности, Антонио Гитерасу был передан портфель военного министра. Батиста реагировал весьма болезненно, но открытому разрыву помешала его неуверенность в тот момент в поддержке со стороны ряда бывших сержантов, ставших теперь командирами основных войсковых соединений, а также со стороны солдат, среди которых студентами велась усиленная агитация против всякого компромисса с империализмом в пользу существующего правительства¹⁴⁸.

Временное революционное правительство существовало уже два месяца, но Вашингтон упорно отказывал ему в официальном признании. Уэллес по-прежнему делал все, чтобы убрать со сцены это правительство, а Куба по-прежнему была окружена кольцом американских военных кораблей. В интервью, данном в конце октября, Грау Сан Мартин назвал политику США «пассивной интервенцией»¹⁴⁹. Как показал, однако, вспыхнувший в ноябре новый военный мятеж, эта интервенция отнюдь не была «пассивной».

Растущие трения и взаимные подозрения внутри правительственного лагеря привели к тому, что 21 октября одна из крупнейших организаций, поддерживавших правительство, — «радикальная АВС» — раскололась на две группы. Меньшая из них во главе с Оскаром де ла Торре осталась в правительственном лагере; большая, составлявшая почти 90% всей организации, отказалась от дальнейшей поддержки Грау Сан Мартина. Эта группа опубликовала заявление, обвиняющее его в установлении диктатуры и создании в стране обстановки анархии, потребовала изменения правительства и установления дружественных отношений с Соединенными Штатами. Положение осложнилось тем, что члены «радикальной АВС» располагали оружием, переданным им правительством в первые дни после восстания 4 сентября¹⁵⁰.

До крайности осложнились отношения между Студенческим

¹⁴⁸ См. «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 475—481, 491—492.

¹⁴⁹ «New York Times», 29.X 1933.

¹⁵⁰ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 496, 498; «Daily Worker», 21, 23.X 1933; «Times», 25.X 1933.

директоратом и кликой Батисты. О них уже открыто сообщалось в прессе. 22 октября Студенческий директорат принял декларацию о том, что Грау Сан Мартин «должен в течение 24-х часов решить, будет ли он управлять страной в качестве президента или будет продолжать раболепствовать перед Батистой». 30 октября на большом собрании студентов университета правительство с трудом получило вотум доверия¹⁵¹.

4 ноября министр внутренних и военных дел Антонио Гитерас заявил, что он выйдет из правительства, по словам Уэллеса, «из-за того, что оно не повернуло решительно влево, и объявил, что он намерен бороться за правительство, состоящее из солдат, моряков, мелких торговцев и рабочих. Он дал понять, что разрыв между ним и Батистой вызван решительным выступлением последнего против коммунизма и беспорядков..., и угрожал в ближайшем будущем избавиться от Батисты»¹⁵². Спустя два дня Студенческий директорат объявил о самороспуске, но обещал в своем манифесте, что члены его будут поддерживать правительство в «индивидуальном порядке». Практически это означало потерю Временным правительством еще одной своей важной опоры¹⁵³.

Между тем положение самого Батисты как раз в это время серьезно заколебалось. В частности, 26 октября Уэллес доносил Хэллу: «Я был вчера конфиденциально информирован, что четверо из пяти командиров казарм в Гаване договорились предпринять немедленную акцию, чтобы вытеснить Батисту... и добиться отставки правительства Грау Сан Мартина»¹⁵⁴. 29 октября Уэллес сообщал, что М. Гомес (один из кандидатов, намечаемых Уэллесом и оппозицией в преемники Грау Сан Мартина) «находится в контакте с пятью недавно повышенными в чине сержантами, выступающими против продления власти Грау Сан Мартина, четверо из которых командуют ключевыми казармами в Гаване, а пятый командует войсками в Сантьяго»¹⁵⁵. 31 октября Уэллес телеграфировал: «...Батиста

¹⁵¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 496, 504, 505; «Diario de la Marina», 31.X 1933; «La Prensa» (N. Y.), 2.XI 1933; «Daily Worker», 17.X; 2.XI 1933.

¹⁵² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 513.

¹⁵³ Ibid., p. 511—512, 513. Манифест Студенческого директората см. в «Diario de la Marina», 6, 7.XI 1933; см. также: «La Prensa» (N. Y.), 6, 8.XI 1933; U. Vega Cobiellas. La personalidad y la obra del general Fulgencio Batista Zaldivar, presidente de la República Cuba. La Habana, 1943, p. 46. Через два месяца — 6 января 1934 г. — университетское студенческое собрание уже прямо проголосовало против политики правительства, находившегося, по мнению собрания, под влиянием армии.

¹⁵⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 500.

¹⁵⁵ Ibid., p. 503.

полон страха: глава национальной полиции и двое (из четырех) командующих войсками в Гаване отправились этим вечером к Мендиэте, чтобы убедить его принять пост президента и, совершенно очевидно, что если решение не будет принято быстро, то армия расколется»¹⁵⁶. Наконец, 6 ноября, сообщая, что участники переговоров о преемнике Грау Сан Мартина остановились на кандидатуре М. Гомеса и он согласился занять пост временного президента, Уэллес добавлял: «Конечно, это можно будет сделать лишь тогда, когда Батиста будет считать, что он достаточно твердо контролирует войска в Гаване, чтобы можно было все осуществить успешно... Батиста будет действовать против Грау, если будет уверен в лояльности солдат, размещенных в различных казармах Гаваны»¹⁵⁷.

Такова была обстановка, которую реакционные силы, поощряемые к этому «друзьями» из посольства США в Гаване, сочли подходящей для попытки свергнуть Временное революционное правительство. Новый заговор был организован правым крылом «АВС» в союзе со сторонниками генерала М. Менокаля и мачадистскими элементами. О подготовке его посольству США было известно уже в конце октября — начале ноября¹⁵⁸.

Мятеж в Гаване начался рано утром 8 ноября с захвата штаба полиции и складов оружия. Сержанты авиационного корпуса захватили и удерживали в течение нескольких часов аэродром в военном городке Колумбия. С помощью бывших офицеров армии Мачадо восставшие использовали бомбардировщики (причем после бомбардировки ряда объектов в столице один из самолетов разбился, а другой улетел в США). К мятежникам присоединились гарнизоны столичных фортов Драгонос, Атарес и Сан-Амбросио, полицейские и много гражданских лиц из правой оппозиции. Однако большая часть армии и обе канонерки кубинского флота остались верны правительству, и в результате двухдневных ожесточенных боев с участием артиллерии, авиации и флота Батисте удалось подавить мятеж¹⁵⁹.

Последним пал форт Атарес. Расправа со сдавшимися в плен мятежниками была невиданно жестокой. Многие из них были убиты тут же на месте, без всякого суда. «Известно, что в 1933 г., когда закончился бой в отеле «Националь», некоторые офицеры были расстреляны уже после того, как они сдались в плен,— говорил в своей речи «История меня оправдает» Фидель Кастро.— Известно также, что после сдачи крепости Атарес пулеметы осаждавших уничтожили первые ряды плен-

¹⁵⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 505.

¹⁵⁷ Ibid., p. 514.

¹⁵⁸ Ibid., p. 500, 504, 514; R. H. Phillips. Op. cit., p. 102.

¹⁵⁹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 517—519; «Diario de la Marina», 8, 9, 10.XI 1933; «New York Times», 8—10.XI 1933.

ников и что один из солдат, назвавшийся Блас Эрнандес, убил одного из пленников выстрелом в лицо, за что затем был произведен в офицеры. Известно, что убийство пленных всегда было связано в истории Кубы с именем Батисты»¹⁶⁰.

Кроме столицы, мятежники выступили также в провинциях, но повсюду их выступления были довольно быстро подавлены. Озлобленные провалом мятежа, вожаки «АВС» угрожали разграбить американскую собственность, убить нескольких американцев и спровоцировать таким путем вооруженную интервенцию США. С этой целью ими были созданы специальные «группы действия», и глава одной из таких групп посетил Уэллеса¹⁶¹.

В телеграмме Хэллу, посланной утром 9 ноября, Уэллес сообщал, что лидерами мятежа, «по-видимому, являются полковники Хуан Блас Эрнандес и Кольясо, а также Рафаэль Итуральде»¹⁶². Между тем посол США мог спокойно опустить слово «по-видимому», так как имена этих и других организаторов мятежа ему были известны совершенно точно. Следствие вскрыло, что нити заговора тянулись в американское посольство в Гаване.

В частности, Временное правительство объявило, что сторонник генерала М. Менокалья полковник Хуан Блас Эрнандес был тесно связан с Антонио Гонсалесом де Мендоса из «Эмерикэн шугэр рифайнинг компани», в доме которого жил... С. Уэллес. Стало известно также, что один из заговорщиков — мачадист Рафаэль Итуральде, упомянутый Уэллесом в приведенной телеграмме, за два дня до мятежа посетил посольство США, а затем, выйдя оттуда и потирая руки, заявил корреспондентам, что кубинская проблема теперь разрешена. Другой вожак мятежников, также упомянутый в телеграмме Уэллеса, — полковник Кольясо, миллионер, бывший при Мачадо одним из заправил в провинции Матансас, спасся от ареста на моторной шлюпке американского крейсера, переправившей его на борт американского торгового парохода. «Таковы были те элементы, с которыми сотрудничали «АВС» и Уэллес» и «которых он хотел восстановить у власти», — комментировал результаты следствия еженедельник «Нэйшн»¹⁶³.

Результаты следствия еще раз показали, что С. Уэллес по-прежнему оставался режиссером всей заговорщической деятельности против Временного правительства, в конечном счете направленной против революции на Кубе. Газета студентов Гаванского университета «Альма матер» еще в сентябре начала публиковать материалы, разоблачающие подрывную деятель-

¹⁶⁰ Ф. К а с т р о. Указ. соч., стр. 58.

¹⁶¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 517—520; «Times», 10.IX 1933; «Current History», I 1934, v. 39, p. 462.

¹⁶² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 517.

¹⁶³ «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 69, 70.

ность посла США. Так, на следующий день после подавления мятежа офицеров в отеле «Националь» студенческая газета, обвиняя Уэллеса «за вчерашнюю трагедию» и помощь «интересам людей, ответственных за многие преступления, но готовых повиноваться приказам доллара», писала: «Дипломат — хитрый, холодный и скрытный нашел убежище в роскошных залах отеля «Националь» и там под флагом посольства защищал многих преступных офицеров»¹⁶⁴.

Газета помещала телеграммы кубинских студенческих и других организаций Ф. Рузвельту, требующие немедленного отзыва «нарушителя общественного мира, заговорщика и подстрекателя контрреволюционных элементов» С. Уэллеса. 7 ноября она опубликовала письма офицеров — участников мятежа в отеле «Националь», разоблачающие роль посла США в организации этого мятежа. Одним из лозунгов студенческой демонстрации в годовщину Великой Октябрьской революции было требование — «Долой Уэллеса»¹⁶⁵.

Кубинцы ненавидели Уэллеса за мрачную роль душителя революции, которую он сыграл на Кубе в 1933 г. Листовка ЦК Компартии Кубы (от 14 ноября 1933 г.) требовала изгнания Уэллеса с Кубы, указывая, что именно он ответствен за кровавые бои 7 августа, 29 сентября, 2 октября (у отеля «Националь») и 7—8 ноября¹⁶⁶. В распространившейся по всей Латинской Америке статье, опубликованной в журнале «Ла Семана», говорилось: «Подобно ворону Эдгара По, зловеющий дипломат упрямо вонзает свои когти в нашу сочащуюся кровью землю... Пока Сэмнер Уэллес дышит воздухом Кубы, здесь никогда больше не будет мира... Народ указывает на него в страхе, суеверно крестясь. М-р Уэллес может быть очень хорош, но по несчастливому совпадению после каждого из ряда его таинственных визитов взрывается динамит, неистово трещат пулеметы и кладбища пополняются мертвецами... Его голова окружена страшным ореолом трагедии... С нас хватит Вашего присутствия, м-р Уэллес... Ваша интервенция должна прекратиться. Оставьте нас в покое... Мы — друзья американского народа, но мы отказываемся от «сэмнеруэллесизма»¹⁶⁷.

Едва прикрытое вмешательство Уэллеса в дела Кубы вызвало негодование общественного мнения не только в Латинской Америке, но и в США и в Англии. Антиимпериалистическая

¹⁶⁴ Цит. по: С. Beals. Op. cit., p. 461.

¹⁶⁵ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 513, 515—516; «La Prensa» (N. Y.), 7, 8, 14.XI 1933; «La Prensa» (B. A.), 13.XI 1933.

¹⁶⁶ ГМР СССР, 30207/650, Л-615-11ж.

¹⁶⁷ «Ворон» — известное стихотворение Э. По. Цит. по: С. Beals. The Coming struggle for Latin America. New York, 1940, p. 230; см. также: «La Prensa» (B. A.), 13.XI 1933.

лига США, организации рабочих, фермеров, студентов, интеллигенции развернули широкую кампанию протеста против интервенции на Кубе, сопровождавшуюся многочисленными митингами, демонстрациями, созданием комитета «Руки прочь от Кубы!». В октябре Национальный комитет защиты политзаключенных и другие организации обратились к государственному секретарю Хэллу с требованием прекратить вмешательство в кубинские дела и ликвидировать «поправку Платта». На ряде предприятий начался сбор средств для революционных организаций Кубы. Протест против отправки американских военных кораблей в кубинские воды прислала Британская федерация студенческих обществ, одновременно пославшая приветствие студентам и рабочим Кубы¹⁶⁸.

В ноябре в Гавану прибыла делегация Антиимпериалистической лиги США, состоявшая из представителей ряда профсоюзов, Национальной студенческой лиги, газеты «Дейли Уоркер» и т. д. В подготовке поездки этой делегации участвовали многочисленные демократические организации, насчитывавшие в общей сложности до четверти миллиона членов. Делегация посетила многие предприятия в Гаване и провинции, побывала в центрах, захваченных рабочими, и установила контакт даже с солдатами. Повсюду ее встречали с энтузиазмом¹⁶⁹.

Возмущение латиноамериканской и мировой общественности гнусной деятельностью Уэллеса на Кубе заставило государственный департамент 15 октября вторично официально опровергнуть утверждения о связи Уэллеса с офицерами-мачадистами из отеля «Националь»¹⁷⁰.

Однако кубинское правительство имело достаточно данных о связи С. Уэллеса со всеми контрреволюционными заговорщиками и его закулисных интригах против правительства. В личном письме американскому публицисту Карльтону Билсу президент Грау Сан Мартин писал о своем «резком недовольстве попытками запугать его» и подорвать доверие к его правительству путем военно-морской демонстрации «и тайных интриг Сэмнера Уэллеса»¹⁷¹.

Успешное подавление второго вооруженного антиправительственного мятежа и сведения о связи посла США с мятежниками, естественно, вновь поставили вопрос о правильности рекомендаций Уэллеса и вообще всей политики Вашингтона в отно-

¹⁶⁸ ГМР СССР, 12220/24, Л-785-11в; «Daily Worker», 29.IX; 7, 12.X 1933; См. также опубликованные Антиимпериалистической лигой США брошюры: W. Simons. Hands off Cuba. New York, 1933; M. Kaye and L. Perry. Who fights for a free Cuba. New York, 1933.

¹⁶⁹ ГМР СССР, 12104/148, Л-615-15р; «Daily Worker», 24—28.X; 2, 7, 8, 28, 29.XI; 4, 5, 15, 19, 25.XII 1933.

¹⁷⁰ «Press Releases», 21.X 1933, p. 217.

¹⁷¹ C. Beals. Op. cit., p. 228.

шении Кубы. В государственный департамент явился сенатор У. Кинг, встревоженный чересчур грубыми и лишь усиливающими враждебность латиноамериканцев к США методами действий Уэллеса, и предложил заменить его новым послом и признать правительство Грау Сан Мартина. Предложения такого же рода поступили и со стороны нескольких американских бизнесменов на Кубе. Однако большинство представителей монополий по-прежнему требовали не признавать это правительство как неспособное «обеспечить порядок», т. е. разгромить рабочее движение на острове ¹⁷².

13 ноября Уэллес уведомил заместителя государственного секретаря У. Филлипса о том, что он хотел бы получить «возможность обсудить обстановку с президентом и с департаментом». 15 ноября Филлипс официально объявил об этом и сообщил, что Уэллес встретится с президентом в Уорм-Спрингсе (штат Джорджия), а затем вернется в Гавану ¹⁷³.

И как раз в этот же самый день Грау Сан Мартин, считаящий, что отказ Вашингтона признать его правительство в значительной мере вызван личными чувствами С. Уэллеса и необъективным освещением последним положения на Кубе, обратился к Ф. Рузвельту с письмом, в котором просил прислать в Гавану нового посла. «Я вынужден просить от своего собственного имени и от имени моего правительства,— писал он,— чтобы Вы положили конец беспокойным действиям посла С. Уэллеса ради поддержания высокого уважения и традиционной дружбы, существующей между нашими странами. Он неоднократно проявлял свое пристрастие, поддерживая связь и имея дело с врагами правительства, в частности с врагами, замешанными в восстании, которое мы только что подавили... Мы будем приветствовать любого представителя Вашего превосходительства на Кубе, проникнутого политикой доброго соседа, которую Вы провозгласили...» ¹⁷⁴.

Все эти обстоятельства, так же как и предстоявшее через две недели начало работы седьмой панамериканской конференции, определяли настоятельную необходимость решить вопрос о дальнейшей линии политики США в отношении Кубы. Тем более, что на южноамериканском политическом горизонте все еще оставались тревожные для Вашингтона признаки. В частности, в то время, как с Англией, Италией, Бразилией, Чили и другими странами Аргентина заключила двусторонние торговые со-

¹⁷² «Daily Worker», 15.XI 1933; R. Smith. Op. cit., p. 151.

¹⁷³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 520—524; «Press Releases», 18.XI 1933, p. 273.

¹⁷⁴ Цит. по: «Foreign Policy Reports», v. 11, № 22, p. 268. В томе «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 524, опубликованном в 1952 г., приводится лишь изложение этого письма.

глашения довольно быстро, переговоры о таком договоре между Аргентиной и США сразу же натолкнулись на целый ряд серьезных препятствий¹⁷⁵.

Буэнос-айресское правительство продолжало свою деятельность по сколачиванию южноамериканского блока. «Аргентина... активно сколачивает южноамериканский торговый блок. Она недавно заключила торговые соглашения на основе взаимности с Бразилией и Чили и надеется заключить подобные же договоры с другими южноамериканскими республиками», — отмечала в ноябре 1933 г. газета «Нью-Йорк Таймс», подчеркивая, что торговая политика Буэнос-Айреса «предвещает конец обильного импорта Аргентины из Соединенных Штатов... Ожидается, что примеру Аргентины последуют другие южноамериканские республики»¹⁷⁶.

Еще в начале октября аргентинский президент Хусто на крейсере, эскортируемом тремя эсминцами и военными самолетами, прибыл в Рио-де-Жанейро, где был весьма торжественно встречен бразильским диктатором Ж. Варгасом. Целью этого пышно обставленного политического визита было подписание ряда конвенций экономического, юридического и политического характера (в том числе соглашения о совместной борьбе против революционного движения). Главной целью Хусто было подписание так называемого аргентинского антивоенного пакта¹⁷⁷, в качестве основы «южноамериканского единства», противостоящего панамериканизму как инструменту экспансии империализма США.

Правительство Г. Гуверá в последний день его существования, 3 марта 1933 г., заявило, что США не присоединятся к «аргентинскому антивоенному пакту». Это, однако, было только на руку аргентинскому правительству и стоящей за ним британской дипломатии. Добившись с помощью Чили включения вопроса об «антивоенном пакте» в повестку конференции в Монтевидео, Аргентина затем сумела обеспечить согласие ряда стран на присоединение к пакту. 10 октября 1933 г. он был подписан в Рио-де-Жанейро представителями Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики, Уругвая и Парагвая¹⁷⁸.

Аргентина, таким образом, шла на конференцию в Монтевидео с уже подписанным всеми крупными странами Латинской Америки пактом, запрещающим всякую вооруженную и дипло-

¹⁷⁵ Торговый договор между США и Аргентиной так и не был заключен вплоть до второй мировой войны. Лишь когда Аргентина оказалась отрезанной от европейских стран, она вынуждена была заключить с США торговое соглашение.

¹⁷⁶ «New York Times», 26.XI 1933.

¹⁷⁷ Текст его см.: J. W. Gantenbein. The evolution of our Latin-American Policy. New York, 1950, p. 873—878.

¹⁷⁸ «La Prensa» (B. A.), 9.X 1933; «Times», 9, 10, 11.X 1933.

матическую интервенцию. Этот пакт, заключенный без участия США, грозил стать своего рода знаменем для консолидации сил латиноамериканского блока против США на предстоящей конференции. Вашингтон был поставлен перед совершившимся фактом. Американский империализм меньше всего мог желать аргентино-бразильского сближения, за которым явственно проглядывала рука Форин оффис.

Наконец, Вашингтону стало известно, что несколько латиноамериканских стран намерены перед открытием конференции в Монтевидео признать правительство Грау Сан Мартина¹⁷⁹.

Между тем в условиях обострившейся — в связи с уходом Германии в октябре 1933 г. из Лиги Наций и с Конференцией по разоружению — международной обстановки для американского империализма еще яснее стала необходимость обеспечить себе «сотрудничество и дружбу» правящих кругов латиноамериканских стран. Предстоящая седьмая панамериканская конференция приобретала поэтому особое значение для Вашингтона. Стремясь создать к началу ее атмосферу, благоприятствующую реализации своих планов, и не допустить нового поражения дипломатии США подобно тому, как это случилось на шестой панамериканской конференции (1928 г.), вашингтонское правительство в октябре и ноябре 1933 г. предприняло с этой целью ряд мероприятий. Они должны были также ослабить отрицательное впечатление, вызванное в Латинской Америке блокадой Кубы американским флотом, и реабилитировать явно подмоченную в связи с «кубинским кризисом» политику «доброго соседа».

Так, 13 октября Ф. Рузвельт, используя в качестве повода очередную ежегодную женскую конференцию по текущим проблемам, в речи, произнесенной по радио, заявил, что «Соединенные Штаты не стремятся аннексировать... Мексику или какую-либо часть ее, либо аннексировать Кубу или какую-либо часть ее», так как для их политики якобы не характерно «стремление к территориальной экспансии»¹⁸⁰.

В эти же дни в Вашингтоне происходили переговоры с приглашенным туда президентом Панамы Армодио Ариасом, которые, как отмечала латиноамериканская пресса, должны были показать — стоят ли чего-нибудь громкие заявления о «добрососедстве»¹⁸¹. В совместном заявлении обоих президентов, опубликованном 17 октября, говорилось, что, «обсудив в самом дружественном и сердечном духе область панамо-американских отношений», они «договорились об... определенных общих прин-

¹⁷⁹ E. D. Cronon. Josephus Daniels in Mexico. Madison, 1960, p. 73.

¹⁸⁰ «Press Releases», 21.X 1933, p. 215—216.

¹⁸¹ Комментарии панамских и колумбийских газет приведены в кн.: C. Beals. Op. cit., p. 241. 242.

циях, образующих основу отношений между Панамой и США...». Затем следовал ряд уступок со стороны США, главным образом по экономическим вопросам, связанным с требованием Панамы о некотором ограничении там деятельности американского бизнеса. При этом эти уступки ничего не давали трудящимся Панамы, но зато были с удовлетворением встречены местной буржуазией¹⁸². Американские власти поспешили часть из них осуществить уже в ноябре 1933 г. и этим добились прекращения на время враждебных в отношении США выступлений в панамской прессе. На конференции в Монтевидео делегаты Панамы в отличие от своих коллег из Венесуэлы, Гаити и Кубы ни разу не выступили с критикой политики США.

20 октября государственный департамент опубликовал сообщение Белого дома о создании «неофициальной организации» — Совета защиты американских держателей иностранных ценных бумаг. Со времен Теодора Рузвельта «защита американских финансовых и экономических интересов» служила всем правительствам США постоянным предлогом для вмешательства, вооруженной интервенции и оккупации во многих странах Латинской Америки. В связи с тем, что в период экономического кризиса 1929—1933 гг. латиноамериканские должники прекратили платежи по 80% своих обязательств, в Латинской Америке существовала тревога по поводу неизбежных репрессий и нажима со стороны вашингтонского правительства с целью обеспечить поступление платежей. Поэтому официальное заявление о том, что сбор этих долгов отныне «является задачей прежде всего частных инициативы и интересов» и что «такие сделки по займам и капиталовложениям... должны регулироваться непосредственно заинтересованными сторонами», призвано было успокоить правительства латиноамериканских стран и еще раз продемонстрировать «добрую волю» и «добрососедство» Вашингтона¹⁸³.

Располагая сведениями о том, что на конференции в Монтевидео ряд делегаций собирается поднять вопрос о долгах американским банкирам и подвергнуть резкой критике политику США по этому вопросу¹⁸⁴, правительство Ф. Рузвельта стремилось своим сообщением создать в Латинской Америке иллюзии о том, что оно якобы отказывается от защиты интересов американских банкиров, отказывается от доктрины Кулиджа — «за долларом флаг», отказывается от «дипломатии доллара».

1 ноября на заседании Руководящего совета Панамериканского союза К. Хэлл, повторив известное заявление Ф. Рузвель-

¹⁸² «Press Releases», 14, 21.X 1933, p. 207, 218—219.

¹⁸³ The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt, v. 2, New York, 1938, p. 411—413; «Press Releases», 21.X 1933, p. 227—230.

¹⁸⁴ Un Siglo de Relaciones Internacionales de México. México, 1935, p. 443; «New York Times», 19.X 1933.

та о политике «доброго соседа», еще раз заверил присутствовавших там латиноамериканских дипломатов, что этот принцип «до сих пор руководил и в будущем будет продолжать руководить планами, целями, заявлениями и действиями моего правительства»¹⁸⁵.

11 ноября делегация США во главе с К. Хэллом отплыла на корабле «Американский легион» в Монтевидео на седьмую панамериканскую конференцию. Спустя неделю Уэллес покинул Гавану и 19 ноября встретился в Уорм-Спрингсе с президентом Ф. Рузвельтом. 20 ноября он ездил в Вашингтон консультироваться с заместителем государственного секретаря У. Филлипсом и Д. Кэффри. Содержание бесед остается неизвестным, но, судя по комментариям прессы и последовавшему за этими встречами заявлению Ф. Рузвельта, Уэллесу удалось убедить президента в крайней непрочности режима Грау Сан Мартина и наличии на Кубе — и даже внутри самого Временного правительства — реакционных сил, способных свергнуть этот режим. Было решено проводить прежнюю политику непризнания правительства Грау Сан Мартина¹⁸⁶.

В заявлении президента Соединенных Штатов, сделанном 23 ноября и, как обычно, обильно оснащенном заверениями о «добрососедстве» и «доброжелательстве», говорилось о «желании начать переговоры об изменении Постоянного договора» с Кубой. Однако далее в нем достаточно ясно давалось понять, что правительство Грау Сан Мартина, неспособное доказать свою «стабильность», не может рассчитывать на признание США, а также на переговоры о торговом договоре, займе и отмене «поправки Платта»¹⁸⁷.

Обещая все это правительству, которое сможет «навести порядок» на Кубе, заявление фактически призывало к свержению Временного революционного правительства. Объявлялось также, что Уэллес «по завершении своей миссии, которое ожидается в ближайшем будущем», будет заменен на Кубе Джефферсоном Кэффри¹⁸⁸.

Несомненно, что заявление Рузвельта о намерении пересмотреть Постоянный договор с Кубой 1903 г. (включавший «поправку Платта») было вызвано тем обстоятельством, что через 10 дней в Монтевидео начиналась панамериканская конференция, которой в Белом доме и государственном департаменте при-

¹⁸⁵ «Press Releases», 4.XI 1933, p. 252—253.

¹⁸⁶ «Diario de la Marina», 21.XI 1933; «La Prensa» (N. Y.), 17, 18, 20—22. 24.XI 1933; «La Prensa» (B. A.), 18, 19.XI 1933; «Manchester Guardian», 25.XI 1933; «Times», 21, 27, 29.XI 1933.

¹⁸⁷ «Press Releases», 25.XI 1933, p. 294—295.

¹⁸⁸ «Press Releases», 25.XI 1933, p. 294—295. См. также: The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 501; C. H u l l. Op. cit., p. 317.

давалось чрезвычайно важное значение¹⁸⁹. Тем более, что к этому времени, как писал С. Уэллес, «большинство правительств других американских стран никоим образом не было убеждено в подлинных намерениях... нашего правительства»¹⁹⁰.

Кроме того, к концу ноября кубинское Временное правительство было уже признано семью странами Америки и Европы, и еще несколько латиноамериканских стран готовы были последовать их примеру. В частности, посол США в Рио-де-Жанейро Хью Джибсон сообщал, что правительства Аргентины, Мексики и Чили оказывают нажим на Бразилию с целью признания правительства Грау Сан Мартина. Об этом же писал Филлипсу и находившийся в Рио-де-Жанейро по пути в Монтевидео К. Хэлл¹⁹¹. Почти в те же дни государственный департамент посетил посол Чили в США, чтобы выяснить, какой была бы позиция Вашингтона, «если бы различные латиноамериканские страны решили признать Грау Сан Мартина перед тем, как соберется конференция в Монтевидео». Ответ был дан, хотя и весьма дипломатичный, но совершенно недвусмысленный. Филлипс рекомендовал вручить чилийскому послу копию заявления Рузвельта от 23 ноября и подчеркнуть, что правительство США «серьезно надеется, что другие заинтересованные правительства не предпримут в Монтевидео в отношении признания никаких опрометчивых действий, которые могли бы помешать успеху созванной там конференции»¹⁹².

Примерно в то же время уругвайский посланник на Кубе Бенхамин Фернандес Медина предложил Грау Сан Мартину свои услуги в качестве неофициального посредника для переговоров с оппозицией. Фернандес Медина предлагал ряд мероприятий для достижения компромисса между правительственными и оппозиционными группировками. Его предложение было принято, и он начал переговоры. Вскоре ему удалось добиться принятия компромиссной формулы, сводящейся к поддержке Временного правительства до выборов всеми оппозиционными группами, кроме правого крыла «АВС» и сторонников генерала М. Менокалья. Непримируемая позиция этих групп была вызвана нажимом вернувшегося в Гавану в конце ноября С. Уэллеса, категорически отказавшегося участвовать на этот раз в посред-

¹⁸⁹ См.: «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 325, 380.

¹⁹⁰ S. Welles. The Times for Decision. New York, 1944, p. 200.

¹⁹¹ «Foreign Relations — 1933», v. 4, p. 40—41; v. 5, p. 449, 529; Telegram 116 from Rio de Janeiro, 24.XI 1933, DS Doc. № 837.00/4449. См.: B. Wood. Op. cit., p. 384—385.

¹⁹² «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 526. Государственный департамент получил также сообщение, что в ближайшем будущем кубинское правительство намерена признать Англия («Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 529; Memorandum of conversation, 23.XI 1933, DS Doc. № 837.00/4473. См.: B. Wood. Op. cit., p. 385).

ничестве, несмотря на просьбы Фернандеса Медина и самого Грау Сан Мартина. «В переговорах с Грау, в ответ на его просьбу о моей помощи, я дал ясно понять, что не смогу принять никакого иного участия, кроме, как в качестве дружественного наблюдателя, и что роль посредника была принята не мной, а уругвайским посланником», — сообщал Уэллес в государственный департамент¹⁹³. В результате переговоры были прерваны, и позже Фернандес Медина прямо обвинял Уэллеса в сознательном их срыве¹⁹⁴.

29 ноября лондонская «Таймс» писала: «Уэллес... вернулся... Его визит президенту Рузвельту и в Вашингтон дал лишнее доказательство тому, что никакого признания режима Грау Сан Мартина не будет; что должны попытаться сформировать коалиционное правительство, по возможности без сан-мартиновских элементов, но если это окажется необходимым для предотвращения беспорядков, то — с ними»¹⁹⁵. Газета была права: в ответ на просьбу К. Хэлла сообщить ему в Монтевидео «проверенные факты и последние данные, свидетельствующие о нецелесообразности признания режима Грау Сан Мартина на Кубе», Филипп телеграфировал: «...Мистер Уэллес подчеркнул, что, по его мнению, Грау не пользуется доверием кубинского народа и поддерживается лишь меньшинством, стремящимся любой ценой остаться у власти. ...М-р Уэллес считает, что режим Грау может поддерживать порядок только самыми крайними и диктаторскими методами»¹⁹⁶.

Говоря о «народной поддержке», Уэллес имел в виду прежде всего поддержку со стороны реакционных классов и их партий. Они действительно выступали против правительства Грау Сан Мартина. Однако национальная — средняя и мелкая городская буржуазия, а также значительная часть трудящихся города и деревни пока еще поддерживали это правительство и приветствовали некоторые проводимые им, главным образом по инициативе министра внутренних дел А. Гитераса, прогрессивные реформы¹⁹⁷. Гитерас и его сторонники в левом крыле правительства понимали, что, не имея признания США и оторвавшись

¹⁹³ «Press Releases», 16.XII 1933, p. 339.

¹⁹⁴ См. об этих переговорах: «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 527, 529—532, 540—541; «Diario de la Marina», 25, 29, 30.XI; 1, 13.XII 1933; «La Prensa» (N. Y.), 16—23, 27—29.XI 1933.

¹⁹⁵ «Times», 29.XI 1933.

¹⁹⁶ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 527—528. Характерно, что с этими утверждениями не могут согласиться даже буржуазные американские исследователи, сколько-нибудь объективно оценивающие обстановку на Кубе в конце 1933 г. См.: B. Wood. Op. cit., p. 83, 84, 85.

¹⁹⁷ Manual de capacitación cívica. La Habana, 1960, p. 212; E. Roig de Leuchsenring. Tradición antimperialista de nuestra historia. La Habana, 1962, p. 86.

от масс, оно рисковало стать игрушкой в руках честолюбивого начальника штаба армии Ф. Батисты. 1 декабря 1933 г. в «Форин Полиси Бюллетин», органе Ассоциации внешней политики США, отмечалось, что факт трехмесячного пребывания Грау Сан Мартина на посту кубинского президента, вопреки непризнанию Соединенных Штатов, является фактом, не имевшим прецедента в истории Кубы¹⁹⁸. В связи с этим не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что Временное революционное правительство сумело обеспечить себе определенную опору в массах, подавить несколько контрреволюционных мятежей и продержаться четыре месяца у власти прежде всего благодаря тому, что оно сразу же проявило себя как правительство, отказавшееся подчиняться во всем диктату Вашингтона, а затем осуществило ряд мер, направленных на некоторое улучшение положения народных масс.

Придя к власти, это правительство сразу же объявило, что будет проводить политику «Куба для кубинцев!». На пятый день своего существования, 14 сентября 1933 г., оно отменило навязанную американцами и восстановленную правительством де Сеспедеса конституцию 1901 г. и заменило ее Статутом Временного правительства Кубы, в котором «поправка Платта» даже не упоминалась¹⁹⁹. Сообщая в Вашингтон о принятии этого Статута, Уэллес писал, что содержание его «ясно подразумевает намерение денонсировать Постоянный договор с Соединенными Штатами»²⁰⁰.

Затем были распущены политические партии, поддерживавшие Мачадо, созданы комиссии для чистки государственных органов и политических организаций от мачадистских элементов, образованы специальные трибуналы для суда над политическими преступниками. По свидетельству корреспондента «Нью-Йорк Таймс» Р. Х. Филлипс, Куба получила тогда «рабочее законодательство, одно из наиболее передовых в Западном полушарии»²⁰¹. Во время массовой антиимпериалистической демонстрации в Гаване 16 сентября министр внутренних дел Гитерас в своей речи обвинил американские компании, действующие на Кубе, в том, что они «понижают заработную плату рабочих, увольняют их с работы и провоцируют на забастовки»²⁰². 19 сентября был подписан декрет, вводивший 8-часовой рабочий день и 44-часовую рабочую неделю. Другой декрет обязывал хозяев

¹⁹⁸ «Foreign Policy Bulletin», 1.XII 1933, p. 2.

¹⁹⁹ «Gaceta Oficial». Edición Extraordinaria, 14.IX 1933; F. Alvarez Tabío. Evolución constitucional de Cuba. La Habana, 1953, p. 13; F. Portuondo del Prado. Historia de Cuba. La Habana, 1957, p. 620.

²⁰⁰ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 436.

²⁰¹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 159.

²⁰² «New York Times», 17.IX 1933.

предприятий. признать профсоюзы и заключать с рабочими коллективные договоры. Были конфискованы предприятия, «незаконным путем присвоенные чиновниками правительства Мачадо» (в том числе обувные, красильные и другие фабрики самого Мачадо), приняты меры, несколько облегчившие положение безработных, образовано министерство труда, возвращена автономия Гаванскому университету²⁰³.

8 ноября был опубликован важный декрет № 2583, обязывающий все промышленные, торговые и иные предприятия набирать не менее 50% своего штата из кубинцев. Он нанес серьезный удар по американским сахарным компаниям, ежегодно ввозившим на Кубу десятки тысяч дешевых рабочих с Ямайки и Гаити, и обеспечил правительству поддержку негров и безработных²⁰⁴. Благодаря исключению, сделанному для технических специалистов и управляющих, «пятидесятипроцентный закон» служащих-американцев не затрагивал. Но он вызвал активную оппозицию со стороны 600 тыс. проживавших на Кубе испанцев. Их интересы ущемлялись также законом об использовании в госпиталях и клиниках только врачей-кубинцев, членов Национальной медицинской ассоциации. На этой почве зимой 1933/34 г. в разных районах острова имели место серьезные столкновения и конфликты между белыми и неграми, кубинцами и испанцами²⁰⁵.

В докладе Ассоциации внешней политики США отмечалось в связи с этим, что правительство Грау Сан Мартина «ускорило осуществление программы рабочего законодательства и поощряло национализм, чтобы противодействовать радикальным элементам». Американский историк Ч. Томсон выразился еще резче, подчеркнув, что эти законы «служили для того, чтобы мобилизовать национализм в борьбе против коммунизма»²⁰⁶.

Правительство Грау Сан Мартина всячески старалось подорвать влияние коммунистической партии и революционных профсоюзов, поставить рабочее движение под свой контроль. Были, в частности, созданы «желтые» профсоюзы, издан декрет о регистрации всех рабочих организаций и запрещении занимать руководящие посты в них иностранцам и т. д.²⁰⁷

²⁰³ J. Valdes Miranda. Cuba Revolucionaria. La Habana, 1959, p. 41—42.

²⁰⁴ F. Portuondo del Prado. Op. cit., p. 620; Problems of the New Cuba, p. 13—14, 210—212. Декрет от 19 октября 1933 г. обязывал рабочих с Гаити и Ямайки выехать к себе на родину.

²⁰⁵ «Diario de la Marina», 21, 22.XI 1933; «La Prensa» (N. Y.), 16, 22.XI 1933; «Foreign Policy Bulletin», 19.I 1934, p. 1.

²⁰⁶ Problems of the New Cuba, p. 184; «Foreign Policy Reports», v. 11, № 22, p. 266.

²⁰⁷ «La Prensa» (N. Y.), 8, 18.XI 1933; «Daily Worker», 22.X 1933.

Батиста и его ближайшее окружение старались сделать все, чтобы помешать осуществлению сколько-нибудь радикальных преобразований, на которых настаивал А. Гитерас и поддерживавшие его мелкобуржуазные деятели из Студенческого директората. Уэллес регулярно сообщал в Вашингтон о резких разногласиях в правительстве между Гитерасом и Батистой, а также между последним и Грау Сан Мартином. Посол еще в конце сентября — начале октября установил контакт с Батистой и организовал переговоры между ним и лидерами оппозиции²⁰⁸.

В частном письме, написанном 4 октября 1933 г., в день, когда у него состоялся первый большой разговор «по душам» с Батистой, Уэллес подчеркивал, что «полковник Батиста надежен и твердой рукой стремится покончить с неограниченной классовой агитацией... Он, однако, пока не может сделать больше того, что сделано, так как крайние и радикальные элементы правительства Грау Сан Мартина не поддерживают его усилия в этом направлении». Уэллес тогда еще рассчитывал на лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции, которые, «если бы они имели достаточно денег..., оружия и снаряжения, соответствующим образом подготовились бы, чтобы свергнуть нынешнее правительство». «Они знают, — писал он в том же письме, — что... свержение нынешнего режима не вызовет нашей интервенции»²⁰⁹.

Но уже тогда Уэллес отмечал: «Студенты... начинают чувствовать, что хозяином является армия и что у них мало шансов помешать ей установить свое господство на Кубе. Если полковник Батиста согласится действовать, то это будет выходом из положения. Он решительный противник коммунизма и, если бы он решился поддержать порядок, то получил бы помощь банковских и деловых кругов в интересах замены нынешнего режима правительством, которому они смогут больше доверять»²¹⁰.

После роспуска Директората и последовавшего через три дня подавления контрреволюционного мятежа (8—9 ноября) значение Батисты и его роль в определении политики правительства стали быстро расти. Он не без основания считал себя хозяином положения в правительственном лагере — в его руках была армия. Для Батисты и его друзей восстание 4 сентября было лишь ступенькой к власти, к которой они рвались с самого начала. Теперь они добились власти и желали стабилизировать свое положение любыми средствами, хотя бы даже путем ком-

²⁰⁸ Любопытно, что когда слухи об этих переговорах дошли до газет, то Батиста не постеснялся формально объявить через прессу о лояльности армии в отношении правительства и опровергнуть «слухи» о каких-либо переговорах с Уэллесом (См.: A. Fabre-Luce. Op. cit., p. 94—95).

²⁰⁹ «Daily Worker», 16.XII 1933. Письмо было перепечатано из кубинской прессы.

²¹⁰ «Daily Worker», 16.XII 1933.

промисса с реакцией, лишь бы этот компромисс обеспечил признание их положения Вашингтоном. Действительные чаяния и интересы народа были им глубоко чужды.

Во главе всех военных частей Батиста поставил своих людей и всячески подавлял деятельность коммунистической партии, особенно в армии. Военные власти неоднократно срывали усилия министерства труда по «урегулированию» забастовок на сахарных заводах, арестовывая без всякого на то права рабочих лидеров, применяя к бастующим прямое насилие. По приказу Батисты военные власти назначали и смещали местных гражданских чиновников, полностью игнорируя министра внутренних дел А. Гитераса.

Однако открыто выступить против правительства Грау Сан Мартина Батиста пока не мог, так как часть вооруженных сил — флот и отдельные войсковые части, а также полиция, еще не были под его полным контролем. Батиста справедливо опасался, что в случае его попытки совершить государственный переворот они могут пойти за Гитерасом. В этих условиях он стремился постепенно расширить и укрепить свой контроль над вооруженными силами, максимально ослабить революционное движение масс и выиграть время для того, чтобы удержаться у власти при любом возможном повороте событий.

При этом Батиста прежде всего старался сохранить за собой расположение посольства США. Так, узнав, что Уэллес должен выехать в Уорм-Спрингс для совещания с Рузвельтом, и, понимая, что там будет обсуждаться дальнейший курс Вашингтона в отношении Кубы, Батиста в тот же день (15 ноября) заверил Уэллеса в том, что «он глубоко сожалеет о нападках правительственных кругов на Соединенные Штаты, что ни он сам, ни члены его штаба не принимали никакого участия в этих нападках и не верят сделанным голословным утверждениям..., что распространяемая лживая и злобная пропаганда является исключительно делом рук штатских лиц, близких к доктору Грау»²¹¹.

Р. Х. Филлипс в своем дневнике записала 27 ноября 1933 г.: «Батиста делает все, что может, чтобы понравиться генеральному консулу Дюмону²¹², который считает, что Батиста — единственный человек в правительстве с головой на плечах. Батиста понимает, что все думают о студенческом правительстве, и ищет сближения с американским посольством. Батиста весьма честолюбив»²¹³.

²¹¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 522—523.

²¹² Генеральный консул США в Гаване Дюмон в отсутствие посла являлся наиболее influential представителем государственного департамента США на Кубе.

²¹³ R. H. Phillips. Op. cit., p. 124.

Честолюбивые замыслы Батисты не были секретом для Уэллеса. В частности, в телеграмме от 5 декабря он сообщал в Вашингтон, что Батиста «опять активно добивается изменений в правительстве. Он в тревоге, так как знает о движении в армии, направленном против него самого и инспирированном Гитерасом, министром внутренних дел. Он также постоянно боится вспышки революции... и особенно боится интервенции Соединенных Штатов. Судя по письмам, которые он прислал мне в последние два дня, я имею основание считать, что он снова будет пытаться получить поддержку верной ему части армии для свержения Грау и замены его приемлемым для всех элементов националистом, таким, как Мендиэта или М. М. Гомес» ²¹⁴.

После провала мятежа 8—9 ноября Уэллес изменил тактику, поставив ставку на раскол в правительственном лагере и на предательство Батисты ²¹⁵. В Вашингтоне его план был одобрен, и, вернувшись в Гавану, Уэллес активно занялся подготовкой к осуществлению этого плана.

3. Папанериканская конференция в Монтевидео. Реакционный переворот и падение Временного революционного правительства

К декабрю 1933 г. Временное правительство оказалось перед новыми трудностями. Четыре года тяжелого экономического кризиса и застой в сахарной промышленности, дававшей 80% национального дохода, привели к огромной безработице, особенно страшной для страны, зависимой от импорта основных пищевых продуктов. Массы безработных и значительная часть еще имевших работу трудящихся голодали ²¹⁶.

Отказ Вашингтона предоставить Временному революционному правительству кредиты, квоту и снижение пошлин на кубинский сахар означали разорение для Кубы, привязанной монополиями США к американскому рынку. Отсутствие кредита и квоты грозило сорвать начинающийся в январе уборочный сезон и погубить весь урожай сахарного тростника. В то же время многие сахарные компании объявили, что их предприятия в предстоящем сезоне работать не будут из-за «беспорядков»

²¹⁴ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 532—533.

²¹⁵ В январе 1934 г. нью-йоркский еженедельник «Нэйшн» обвинял Уэллеса в том, что он «стремился поощрить... военную измену, побуждая армейские элементы внутри правительства Грау осуществить свержение этого правительства» («Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 68).

²¹⁶ См.: Т. В. Jones. An Introduction to Hispanic American History. New York, 1939, p. 539.

и чрезмерных якобы требований рабочих. Крупная буржуазия, тесно связанная с американским капиталом, перешла к открытому саботажу и уклонялась от уплаты налогов. Поддерживавшая Грау Сан Мартина мелкая буржуазия начинала все громче выражать свое недовольство высокими налогами, идущими на содержание армии. Однако правительство, стремясь сохранить армию на своей стороне, не шло на снижение налогов²¹⁷.

В связи с резким ухудшением экономического положения в декабре снова начались забастовки. 5 декабря рабочие организации Гаваны выступили с заявлением, в котором говорилось: «Это правительство собиралось быть рабочим правительством, и рабочий класс намерен позаботиться о том, чтобы оно действительно стало рабочим правительством в лучшем смысле этого слова». 6 декабря рабочие и служащие принадлежавшего в то время американцам сентрала Такахо (провинция Ориенте, муниципия Антилья) в ответ на отказ администрации удовлетворить их требования объявили забастовку. В этот же и последующие дни вспыхнули забастовки на ряде других предприятий в провинции Ориенте²¹⁸.

В частности, забастовали рабочие сентралей, принадлежавших американской «Гуантанамо шугэр компании». Местный профсоюз рабочих сахарной промышленности, руководивший забастовкой, предъявил компании требование о заключении коллективного договора, согласно которому она должна была признать профсоюз, не преследовать рабочих за принадлежность к нему и не увольнять их без разрешения союза, увеличить заработную плату и т. д. После 15 дней забастовки компания была вынуждена удовлетворить главные требования рабочих²¹⁹.

В декабре бастовали 10 тыс. рабочих табачной промышленности, рабочие и служащие многих сентралей, железнодорожники, учителя и телеграфисты, рабочие канатной фабрики в провинции Матансас, газетные служащие в Сантьяго и т. д. Служащие «Кубинской электрической компании» по всей стране, угрожая всеобщей стачкой, предъявили компании 41 требование. Отсутствие электроэнергии парализовало бы всю промышленность и торговлю. В связи с этим 8 декабря начальник штаба армии Ф. Батиста лично вмешался в этот конфликт. Он предупредил, что попытка рабочих и служащих компании забастовать или остановить электростанции «приведет к американской интервенции», и поэтому он не потерпит забастовки. У всех элек-

²¹⁷ «Daily Worker», 21, 29.XII 1933. Журнал «Каррент Хистори» предсказывал, что как только правительство Грау Сан Мартина из-за уменьшения доходов не сможет платить армии, его постигнет участь кабинета де Сеспедеса («Current History», XII 1933, v. 39, p. 345).

²¹⁸ «Current History», II 1934, v. 39, p. 592.

²¹⁹ «Аграрные проблемы», 1934, № 11—12, стр. 136.

тростанций была поставлена усиленная военная охрана и приняты другие «меры предосторожности». Компании был дан месячный срок для «изучения» требований, предъявленных рабочими и служащими²²⁰.

Большинством забастовок руководили коммунисты и революционные профсоюзы. 10 декабря состоялась Чрезвычайная национальная конференция КНОК с целью подготовки памеченного на январь 1934 г. IV Национального конгресса профсоюзного единства. На ней присутствовало более 200 делегатов от 170 профсоюзных организаций (в том числе 8 районных федераций, 136 — местных союзов и т. д.). В числе других решений конференция приняла резолюцию, требующую от правительства установления дипломатических и экономических отношений с СССР²²¹. 11—12 декабря с той же целью были созваны национальные профсоюзные конференции рабочих сахарной и табачной промышленности и молодежи, а также конференция в защиту «свободной сафры», организованная Антиимпериалистической лигой при участии 160 делегатов от рабочих, крестьян и мелких торговцев²²². Левое крыло студенческого движения организовало в декабре ряд демонстраций с требованием отставки Батисты²²³.

Видя, что перспектив на скорое признание со стороны США нет, боясь нового подъема революционного движения и стремясь поэтому ослабить влияние коммунистической партии на массы, Временное правительство осуществило ряд мероприятий, демонстративно направленных против интересов американского капитала на Кубе²²⁴. Это была отчаянная попытка заручиться

²²⁰ По материалам ЦГАОР; «Daily Worker», 6, 12.XII 1933; «Diario de la Marina», 9.XII 1933; «Current History», II 1934, v. 39, p. 592—593.

²²¹ «Благодаря уничтожению паразитических классов и всеобщему планированию экономики, — говорится в этой резолюции, — СССР превратился из отсталой аграрной страны в мощную индустриальную державу, одну из самых могущественных в мире. Грандиозное строительство социализма на шестой части земной суши и неизменная политика мира, проводимая руководителями Советского Союза, привела к образованию в стране огромного внутреннего рынка, который способен поглотить товары на миллиарды долларов... Кубинский сахар, главный и почти единственный продукт нашей страны, можно было бы продавать Советскому Союзу, что облегчило бы последствия жесточайшего кризиса, который дезорганизует экономическую жизнь нашей страны» (ГМР СССР, 30207/656, Л-615-4п).

²²² ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 80—84; д. 736, л. 142.

²²³ «Daily Worker», 27.XII 1933; «Красный интернационал профсоюзов», 1934, № 7, стр. 148.

²²⁴ Многие американские авторы изображали эти мероприятия правительства Грау Сан Мартина в качестве чуть ли не революционной социальной программы. См.: R. H. Fitzgibbon. Cuba and the United States, 1900—1935. Menasha, 1935, p. 199; C. W. Hackett (статья «Куба идет налево») в «Current History», II 1934, v. 39, p. 592; H. Нег-

поддержкой широких мелкобуржуазных, а по возможности и пролетарских масс в надежде разрядить остроту социальных противоречий и продержаться до конца уборочного сезона с тем, чтобы укрепить экономическое положение правительства и получить возможность провести выборы в Учредительное собрание.

Эта попытка, однако, была заранее обречена на неудачу, так как национал-реформистское правительство Грау Сан Мартина раздиралось острыми противоречиями и оказалось неспособно ни организовать народные массы на решительную борьбу за подлинную национальную независимость, ни пойти на подлинно революционные социально-экономические преобразования в стране. Это было обусловлено как экономической слабостью и классовой природой кубинской национальной буржуазии, так и реальным соотношением сил на международной арене, существовавшим в то время.

«Мы пытаемся осуществить урегулирование спорных вопросов... между трудом и капиталом, учитывая нынешние экономические условия страны», — писал о политике Временного революционного правительства его эмиссар в Нью-Йорке Армандо Роа²²⁵. Рубен де Леон — один из лидеров Студенческого директората, игравший видную роль среди лиц, определявших политику Временного правительства, охарактеризовал его как «националистическое» правительство, стремившееся улучшить участь кубинского народа «без свержения капиталистической системы». Он отрицал наличие у этого правительства каких-либо «симпатий или тенденций к коммунизму» и сравнивал его цели с целями «нового курса», осуществлявшегося правительством Ф. Рузвельта²²⁶.

6 декабря правительственным декретом были снижены на 40—45 % расценки «Кубинской электрической компании», установившей, пользуясь достигнутой при Мачадо монополией, самую высокую в мире и почти вдвое более высокую, чем в США, цену за электроэнергию. В Гаване квт/час электроэнергии стоил 17 центов, в провинции — 20—30 центов, и в результате население многих городов Кубы вынуждено было отказывать себе даже в электрическом освещении. Правительство установило расценку в 9,96 центов за квт/ч и запретило компании изменять ее и сокращать персонал. Другими декретами на 40—45 % снижались расценки на газ, воду и телефон. 11 декабря был издан

ring (статья «Новая возможность для Кубы») в «Current History», III 1934, v. 39, p. 656 и др.

²²⁵ A. Roa. Op. cit., p. 153.

²²⁶ См.: «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 541—542.

декрет, предусматривающий чеканку трех миллионов серебряных песо. 17 декабря правительство временно взяло под свое управление электростанции в Банес (провинция Ориенте). 20 декабря под управление правительства были взяты закрытые в связи с забастовкой крупнейшие заводы «Кьюбэн Эмерпкэн шугэр компани» в Чапарра и Делисиас (Ориенте), оцениваемые в 10 млн. долл. Была также объявлена амнистия для 400 арестованных рабочих²²⁷.

В знак протеста против всех этих декретов четыре министра кабинета Грау Сан Мартина, в том числе министры просвещения, общественных работ и юстиции, подали 22 декабря в отставку. Но это лишь усилило левое крыло правительства, возглавляемое А. Гитерасом. По его инициативе были организованы массовые демонстрации населения под лозунгами: «Долой поправку Платта!», «Никакой интервенции и вмешательства в дела Кубы!», «Куба для кубинцев!»²²⁸.

2 января правительство опубликовало Избирательный статут и сообщило о создании Верховного трибунала по выборам в Учредительное собрание, назначенным на 22 апреля 1934 г. В тот же день был издан декрет № 16 о создании Ассоциации колонов Кубы и установлении минимума зарплаты для рабочих сахарных плантаций — 50 сентаво за сбор и перевозку 100 арроб сахарного тростника. Это означало 75 сентаво в день вместо 20—30 сентаво, получаемых за такую же работу в период правления Мачадо²²⁹.

10 января декретом президента были конфискованы земли, принадлежавшие активным мачадистам. Было объявлено, что конфискованные земли, а также часть правительственных земель будут распределены — участками по 33 акра — между безземельными арендаторами и сельскохозяйственными рабочими. Эти участки, освобождаемые на 20 лет от обложения налогами, должны были находиться под наблюдением министерства сельского хозяйства и не могли продаваться и покупаться. Было

²²⁷ Problems of the New Cuba, p. 13, 14; «Daily Worker», 21.XII 1933; «Current History», II 1934, v. 39, p. 593.

²²⁸ «Daily Worker», 21, 29.XII 1933. В то же время, играя на национальных чувствах, правительство инспирировало «движение» за издание закона, обязывающего предпринимателей не менее 80% персонала своего предприятия (а не 50%, как это предусматривалось уже изданным законом) нанимать из лиц кубинского происхождения. Во многих городах возникли «комитеты восьмидесятипроцентного закона», начались столкновения между сторонниками и противниками этого закона («Daily Worker», 6, 15, 29.XII 1933; R. H. Phillips. Op. cit., p. 125, 130, 131, 139).

²²⁹ Historia de la nación cubana, t. VIII. La Habana, 1952, p. 103; t. IX, p. 193; «Foreign Policy Reports», v. XI, № 22, p. 266.

также объявлено о продаже 15 января с аукциона собственности обанкротившейся «Кьюбэн кэйн компани»²³⁰.

Добиваясь признания США, правительство Грау Сан Мартина аккуратно производило платежи по всем внешним долгам, за исключением долга по займам Мачадо у «Чейз нэйшнл банка» на так называемые общественные работы. В конце декабря министр финансов заявил: «Мы не будем платить по этим займам потому, что они — незаконные займы, заключенные незаконным конгрессом Мачадо». 12 января после того, как из Вашингтона вернулся неофициальный представитель правительства Маркес Стерлинг, сообщивший, что признания США ждать бесполезно, был издан декрет № 174 о прекращении платежей по займам Мачадо на «общественные работы»²³¹.

В тот же день американец Т. Чэдборн был смещен с поста председателя «Сахарной экспортной корпорации» на Кубе, а собственникам сахарных заводов было приказано 15 января начать уборочный сезон. Причем принадлежавшим кубинскому капиталу мелким заводам, производящим до 60 тыс. мешков сахара, никакой квоты, ограничивавшей объем их продукции, установлено не было²³².

Среди других декретов правительства Грау Сан Мартина следует отметить декреты о предоставлении впервые в истории Кубы права голоса женщинам и об установлении границы кубинских территориальных вод в 6 милях от побережья (вместо 3 миль по международному праву)²³³.

Наконец, была сделана попытка оказать дипломатическое давление на правительство США на седьмой панамериканской конференции, заседавшей с 3 по 26 декабря 1933 г. в Монтевидео. Глава кубинской делегации — министр труда Анхел Альберто Жироди еще перед выездом из Гаваны заявил, что все вопросы, в которых заинтересована Куба, ее делегация будет обсуждать «исключительно на основе абсолютной независимости и равенства нашей страны»²³⁴. В заявлении, сделанном им по прибытии в Монтевидео, он особо подчеркнул, что пославшее его правительство представляет волю народа и является законным правительством Республики Куба²³⁵.

²³⁰ «Current History», III 1934, v. 39, p. 656.

²³¹ «Institute of International Finance». Bulletin № 71, 17.VII 1934, p. 1—2; Economic Conditions in Cuba. Report, April 1935. London, 1935, p. 4; E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II, p. 179.

²³² Problems of the New Cuba, p. 13—14; A. Тоунбее. Op. cit., p. 388.

²³³ M. Riera. Op. cit., p. 420; А. Нуньес Хименес. География Кубы. М., 1960, стр. 42.

²³⁴ «La Prensa» (N. Y.), 18.XI 1933.

²³⁵ «La Prensa» (B. A.), 26.XI 1933.

По пути на конференцию, в Панаме, член кубинской делегации Эрминьо Портель Вила в данном им интервью назвал посла США на Кубе Уэллеса «злейшим врагом нынешнего кубинского режима»²³⁶. Подобное заявление в устах официального представителя кубинского правительства настолько не соответствовало общепринятым дипломатическим нормам, что правительство Грау Сан Мартина поспешило на следующий же день дезавуировать Портель Вила, официально уведомив Вашингтон, что он не имел полномочий делать какие-либо заявления²³⁷.

Все это ясно говорило о том, что делегации США предстоит пережить на конференции немало неприятных минут при обсуждении проблем, интересующих делегатов Кубы, и прежде всего — проблемы интервенции. К тому же кубинцы были отнюдь не одиноки. Делегаты Гаити, в связи с опубликованием накануне открытия конференции отрицательного ответа Ф. Рузвельта на просьбу президента Венсана об ослаблении американского финансового контроля над Гаити, прямо заявили К. Хэллу, что они будут добиваться, чтобы конференция обязала Соединенные Штаты «покончить... со всякой оккупацией как военной, так и финансовой»²³⁸. И только на корабле, уже по пути в Монтевидео, Хэллу удалось уговорить своего попутчика — делегата до сих пор не признанного Вашингтоном правительства Сальвадора, в обмен за признание, воздержаться на конференции от нападок на Соединенные Штаты²³⁹.

Столица Уругвая встретила американскую делегацию листовками, разоблачающими империалистический характер политики США, и плакатами: «Долой Хэлла!» Даже буржуазная печать была полна подозрений в отношении намерений Вашингтона. Власти выслали 40 коммунистов — организаторов стачки протеста против созыва седьмой панамериканской конференции. 3 декабря, в день открытия конференции, в знак солидарности с высланными коммунистами забастовали наборщики, и в Монтевидео не вышла ни одна буржуазная газета. В Аргентине состоялась антипанамериканская конференция. В ряде стран Латинской Америки, по инициативе коммунистических партий, проходила кампания в защиту Кубы от американской интервенции²⁴⁰.

²³⁶ «La Prensa» (N. Y.), 22.XI 1933. Э. Портель Вила (р. 1901 г.) — кубинский буржуазный историк и юрист, автор работ по истории Кубы и ее отношений с США. В 1960 г. эмигрировал в США.

²³⁷ «La Prensa» (N. Y.), 23.XI 1933.

²³⁸ «Current History», I 1934, v. 39, p. 469; C. Hull. Op. cit., p. 320.

²³⁹ C. Wertenbaker. A New Doctrine for the Americas. New York, 1941, p. 99—100; H. B. Hinton. Op. cit., p. 245.

²⁴⁰ ГМР СССР, 33943/4, Г-356-13ы; «Soviet» (Buenos Aires), 1934, № 1—2, p. 52—64; «Daily Worker», 30.XI 1933; «New York Herald Tribune», 2.XII 1933; C. Hull. Op. cit., p. 324.

Обстановка, сложившаяся накануне конференции, была мало благоприятна для США и настоятельно требовала отказаться от старых методов диктата, применявшихся делегациями США на предшествующих панамериканских конференциях. За несколько месяцев до намеченной даты созыва конференции правительства Аргентины, Бразилии, Чили и Колумбии предложили даже отложить ее. А правительство Мексики, как стало в конце сентября известно Хэллу, собиралось поднять в Монтевидео вопрос о таком изменении доктрины Монро, которое бы исключало возможность не только европейского, но и американского вмешательства в дела латиноамериканских стран. Д. Даниэльс сообщал, в частности, что министр иностранных дел Мексики Пунг Касауранк, которому предстояло возглавить мексиканскую делегацию на конференции в Монтевидео, считал, что «доктрина Монро должна предотвращать интервенцию не только со стороны европейских стран, но и со стороны любой страны американского континента» ²⁴¹.

В Вашингтоне отдавали себе отчет в последствиях, к которым могла бы привести подобная позиция, и в октябре ряд руководящих лиц в государственном департаменте США даже считал, что если «Мексика не захочет быть партнером» Соединенных Штатов в Монтевидео, «то, возможно, лучше совсем отказаться от конференции» ²⁴².

Однако наибольшую опасность для планов Вашингтона представляла делегация Аргентины, за спиной которой стоял британский империализм. Аргентина согласилась участвовать в конференции лишь в самом конце октября, а ее делегация, возглавленная министром иностранных дел К. Сааведра Ламасом, прибыла в Монтевидео лишь за день до открытия конференции ²⁴³.

Воспользовавшись присутствием на конференции в качестве глав делегаций министров иностранных дел десяти стран, К. Хэлл, прибывший в Монтевидео за несколько дней до открытия конференции, не терял зря времени. Он постарался нащупать возможности для закулисного торга и сговора с главами делегаций крупных латиноамериканских стран с тем, чтобы не допустить слишком резких выступлений со стороны делегатов Кубы, Гаити и других малых стран Карибского района и тем самым продемонстрировать на конференции показное «единство

²⁴¹ «Foreign Relations — 1933», v. 4, p. 17—19.

²⁴² «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 558.

²⁴³ Addresses and Statements by the Honorable Cordell Hull in Connection with his Trip to South America 1933—1934. Washington, 1935, p. 91; C. Hull. Op. cit., p. 317—318, 327; «Literary Digest», 2.XII 1933, v. 116, № 23, p. 36.

полушария»²⁴⁴. При этом основные усилия он направил на сговор с К. Сааведра Ламасом. Обещав присоединиться к аргентинскому так называемому антивоенному пакту, автором которого был Ламас, и предоставить последнему «лидерство» на конференции, Хэлл добился от него поддержки по экономическим и некоторым другим вопросам.

Делегаты Соединенных Штатов уклонились от принятия почти всех предложенных им председательских постов в комитетах и подкомитетах конференции, всячески стараясь, по выражению одного из делегатов Мексики, «держаться в тени»²⁴⁵. Это, однако, не помешало тому, что влияние американской делегации чувствовалось за дверьми большинства комитетов. Хэлл сумел использовать в интересах дипломатии США аргентино-бразильское и аргентино-мексиканское соперничество на конференции и с помощью услужливых делегатов некоторых зависящих от американского империализма правительств продвинул ряд нужных ему предложений.

Но заставить молчать делегатов Кубы Хэллу не удалось. По установившейся традиции вступительную речь на открытии конференции произнес президент Уругвая — страны, в столице которой заседала конференция. А отвечать на нее должен был глава делегации той страны, где происходила предшествующая панамериканская конференция. В данном случае им оказался делегат Кубы — А. А. Жироди. Первоначальный вариант его ответной приветственной речи содержал настолько резкие обвинения в адрес Соединенных Штатов и их политики в отношении Кубы, что представители ряда делегаций в Процедурном комитете потребовали, чтобы подобные места были исключены из речи, произносимой от имени всех делегаций. В противном случае они угрожали выбрать другого оратора²⁴⁶.

Жироди был вынужден подчиниться этому требованию. Тем не менее произнесенная им речь, как отмечала газета «Нью-Йорк Таймс», «была полна подразумеваемой критики политики непризнания, проводимой Соединенными Штатами, и утверждала о вмешательстве в дела острова» Куба²⁴⁷. Кубинский делегат, в частности, призывал признать его правительство и, потребовав «свободы и полного суверенитета» для всех латино-

²⁴⁴ «New York Times», 18.XII 1933; «Nation», 24.I 1934, v. 138, p. 98; C. Hull. Op. cit., p. 326; H. B. Hinton. Op. cit., p. 245—246; C. Wertenbaker. Op. cit., p. 100—101.

²⁴⁵ M. Sierra. México y la conferencia de Montevideo. México, 1934, p. 44. Это обстоятельство отмечали также делегат Чили (см.: C. Davila. The Montevideo Conference. Antecedents and accomplishments. New York, 1934, p. 135), американская пресса (см.: «New York Times», 4, 12.XII 1933) и сам К. Хэлл (см.: C. Hull. Op. cit., p. 330—331).

²⁴⁶ «New York Times», 5.XII 1933; «Current History», I 1934, v. 39, p. 469.

²⁴⁷ «New York Times», 5.XII 1933.

американских стран, заявил, что отношения между ними не должны зависеть от смены правительств внутри этих стран²⁴⁸.

Обвинив правительство Соединенных Штатов во вмешательстве в дела Кубы уже на первом пленарном заседании конференции, кубинская делегация затем неоднократно заявляла об этом на заседаниях отдельных комитетов и подкомитетов. Так, 13 декабря, на заседании комитета № 9, занимающегося экономическими проблемами, в ответ на замечание делегата Колумбии Лопеса о том, что Соединенные Штаты своим отказом от интервенции на Кубе показали, что они «начинают действовать... в большем, чем прежде, соответствии с желаниями американских народов», кубинский делегат выступил с резкой отповедью. Он обвинил С. Уэллеса в интригах на Кубе и заявил, что «если интервенция означает только то, что одна нация посылает своих солдат на территорию другой, тогда утверждение о невмешательстве Соединенных Штатов может быть правдой. Но, если интервенция означает, что представители Соединенных Штатов могут подстрекать одну часть народа Кубы против другой его части, тогда Соединенные Штаты, бесспорно, вмешиваются. Если не является интервенцией окружать наш остров военными судами и навязывать нам правительство, которого мы не желаем, тогда в странах Америки никогда не имело места никаких интервенций. Мы хотим, чтобы нам позволили выбрать наше собственное правительство. Мы не желаем правительства, выбранного Соединенными Штатами. Я утверждаю здесь, что Соединенные Штаты осуществляют интервенцию, не позволяя нашему народу свободно избрать свое правительство»²⁴⁹. В этот момент председатель комитета К. Сааведра Ламас поспешил прервать кубинца, заявив, что он не разрешает произносить речи, не относящиеся к обсуждаемым комитетом вопросам²⁵⁰.

15 декабря в комитете «по организации мира» К. Хэлл заявил, что его правительство стремится покончить «с обязатель-

²⁴⁸ «Times», 6.XII 1933; Report of the Delegates of the U.S.A. to the Seventh International Conference of American States. Montevideo, Uruguay. December 3—26, 1933. Washington, 1934, p. 107—112; C. T. Acosta, R. Z. Ortiz. Un decenio septembrista, 1933—1943. La Habana, 1943, p. 15—16. Характерно, что в то время, как большинство делегаций аплодировали лишь по окончании речи Жироуди, делегаты Гаити демонстративно аплодировали в ходе самой речи.

²⁴⁹ «New York Times», 14.XII 1933; «Daily Worker», 14.XII 1933.

²⁵⁰ Однако выступивший затем делегат Перу тоже критиковал политику США. А через день в этом же комитете делегаты Гаити, голосуя за предложенную Хэллом декларацию о таможенных тарифах, сделали демонстративную и ядовитую оговорку о том, что их позиция на конференции должна еще быть утверждена фискальным советником США, контролирующим финансовую политику правительства Гаити («New York Times», 16.XII 1933).

ствами, созданными предыдущими обстоятельствами». Кубинский делегат Э. Портель Вила сразу же поспешил указать, что это прежде всего относится к Постоянному договору между США и Кубой, включающему «поправку Платта», и выразил надежду, что обещания Хэлла станут фактами даже, несмотря на то, что в результате действий на Кубе «дипломата, нарушителя мира» политика «доброго соседа» осуществлялась лишь частично²⁵¹.

17 декабря в том же комитете глава кубинской делегации Жироли, в ответ на слова К. Хэлла о том, что «народ Соединенных Штатов... осуждает так называемое право завоевания и отказывается» от него, демонстративно выразил свое удовлетворение тем, что североамериканской политике вмешательства кладется конец²⁵².

Но главное испытание делегации США предстояло выдержать во втором комитете, занимавшемся «проблемами международного права», и, в частности, вопросом о запрещении интервенции. Еще до начала конференции было ясно, что делегация Кубы намерена поставить этот вопрос в самой резкой форме и что ее в любой момент поддержит делегация Гаити, а возможно, и некоторые другие делегации. Президент Мексики, например, дал формальное указание, чтобы мексиканская делегация «развернула на седьмой конференции открытую и энергичную деятельность с целью ликвидации унижительных... взглядов, являющихся результатом доктрины Монро и других... доктрин внешней политики Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки, которые прямо или косвенно вели к интервенции, либо стремились оправдать ее»²⁵³.

Решение вопроса о запрещении интервенции, который, по выражению делегата США на конференции в Монтевидео Э. Грюннинга, «тлел в Сант-Яго десять лет назад» и «едва не взорвался и не вызвал крушение шестой конференции в Гаване пять лет назад», — было стараниями государственного секретаря Ч. Э. Юза в 1928 г. отложено до седьмой панамериканской конференции²⁵⁴. В связи с этим в повестку дня последней, в раздел «Кодификация международного права», был включен проект Конвенции о правах и обязанностях государств со статьей, гласившей, что «ни одна страна не имеет права вмешиваться во внутренние или внешние дела другой страны». Латинамериканские страны, испытывшие на себе все прелести

²⁵¹ «Current History», II 1934, v. 39, p. 533; E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 83—84.

²⁵² «Times», 18.XII 1933.

²⁵³ M. Sierra. Op. cit., p. 18.

²⁵⁴ «Current History», II 1934, v. 39, p. 533. В Сант-Яго (Чили) в 1923 г. состоялась пятая панамериканская конференция.

интервенционистской политики американского империализма, упорно добивались формального признания этого принципа Вашингтоном.

За месяц до конференции в Монтевидео, в начале ноября 1933 г., Ассоциация внешней политики США опубликовала свои рекомендации для американской делегации на конференцию²⁵⁵. В этих рекомендациях, в частности, указывалось, что правительство США создало бы более дружественную атмосферу, объявив «о своем желании вступить в переговоры с Кубой по поводу пересмотра поправки Платта, как только на острове будут восстановлены нормальные условия»²⁵⁶. Как известно, Ф. Рузвельт в том же месяце (после совещания с С. Уэллесом) намекнул о готовности США отказаться от «поправки Платта».

Но либеральные профессора отнюдь не предлагали полный отказ от интервенции. Комитет рекомендовал, чтобы «американские страны заключили в Монтевидео соглашение... о том, чтобы никакое государство... не посылало свои вооруженные силы через границы других государств, исключая случаи, когда это делается в соответствии с договорами и с целью эвакуации иностранцев из портов беспокойных районов»²⁵⁷. Это исключение, таким образом, предоставляло лазейку для американского империализма. И тем не менее три члена комитета, сочтя ее недостаточной, внесли оговорку о допустимости посылки войск через границы другого государства, если оно не обеспечивает защиты иностранных резидентов, при условии предварительного объяснения своих мотивов Руководящему совету Панамериканского союза²⁵⁸.

По существу эта оговорка повторяла рузвельтовскую формулу «многосторонней интервенции» или интервенции с санкции Панамериканского союза. Подобная же формула предлагалась и в проекте исполнительного комитета Американского института международного права²⁵⁹. Наконец, уже во время заседаний конференции в Монтевидео, учитывая сложившуюся на ней

²⁵⁵ Эти рекомендации были результатом работы созданного Ассоциацией внешней политики и Международным фондом мира Комитета по латиноамериканской политике, состоявшего из членов этих организаций и представителей «деловых кругов». В этот комитет входили: Р. Л. Бьюэлл, Губерт Герринг, Эрнст Грюнинг, Стефэн Даггэн, Ч. А. Томсон, Хэккет, Ч. Тауссиг и др.

²⁵⁶ Recommendations as to the Pan American Conference at Montevideo. New York, November 1933, p. 5.

²⁵⁷ Ibid., p. 7.

²⁵⁸ Ibidem.

²⁵⁹ См.: Project of Declaration on Right and Duties of States, submitted by the Executive Committee of the American Institute of International Law pursuant to a Resolution of the Governing Board of the Pan American Union. Washington, 1933 (статья 14). Выдержка из этого документа приводится в «Foreign Policy Reports», v. 9, № 19, p. 211—212

обстановку, еженедельник «Нэйшн» писал, что «если Соединенные Штаты разумны, то они порвут... с прошлой политикой... и откажутся от права произвольной односторонней интервенции»²⁶⁰.

В данной главе уже говорилось о сделанной Ф. Рузвельтом в начале сентября 1933 г. попытке осуществить давно задуманный им тактический маневр, призванный замаскировать «устаревшую» форму односторонней вооруженной интервенции, заменив ее новой формой — «многосторонней интервенцией», чтобы снять с американского империализма ответственность за его будущие вооруженные интервенции. Несмотря на то, что первая попытка применения на практике принципов «многосторонней интервенции» в отношении Кубы провалилась, в Вашингтоне отнюдь не отказались от мысли добиться осуществления этих принципов.

Однако обстановка во втором комитете («проблемы международного права») с самого начала сложилась не в пользу делегации США. Делегат Никарагуа сразу же потребовал включения в число членов подкомитета по вопросу «О правах и обязанностях государств» еще одного делегата от Карибских стран (т. е. от Кубы, Гаити или Доминиканской республики), а делегат Аргентины напомнил, что на шестой панамериканской конференции в 1928 г. резолюция об отказе от интервенции «оказалась похороненной в подкомитете до тех пор, пока ее не вытащили по требованию из зала». В результате в состав подкомитета был введен делегат Кубы Э. Портель Вила, считавшийся «знатоком проблемы интервенции»²⁶¹.

Этот подкомитет, состоявший из делегатов Бразилии, Чили, Перу, Эквадора, Колумбии, Гаити и Кубы, сразу же оказался ареной жарких дебатов и резкой критики в адрес США со стороны кубинского делегата. В конце концов проект Конвенции о правах и обязанностях государств был принят и 15 декабря передан из подкомитета на обсуждение в комитет²⁶².

Здесь К. Хэлл сначала попытался, по выражению газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», «обломать зубы» этому проекту, а затем, когда это не удалось, уклониться от его обсуждения

²⁶⁰ «Nation», 6.XII 1933, v. 137, p. 640 (курсив наш.— Э. Н.).

²⁶¹ «New York Times», 7.XII 1933; M. Sierra. Op. cit., p. 38.

²⁶² Проект Конвенции о правах и обязанностях государств включал 16 статей, большинство из которых находилось в полном противоречии с практикой американского империализма в странах Латинской Америки. Самыми неприятными для североамериканской дипломатии были статья 8, гласившая, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние или внешние дела другого», и статья 11, подчеркивавшая, что «территория государства неприкосновенна и не может быть объектом военной оккупации и любых других мер, навязанных силой прямо или косвенно..., по любому, какому бы то ни было мотиву, даже временно».

и добиться создания комитета юристов для «дополнительного определения» условий конвенции²⁶³.

Однако делегаты Гаити, Доминиканской республики, Венесуэлы, Сальвадора, Перу и других стран во главе с делегатом Кубы, заявившим, что «поправка Платта» является постоянной угрозой интервенции, и призвавшим дать его стране действительную возможность самостоятельного развития, категорически требовали отказа от интервенции²⁶⁴.

На следующем весьма бурном заседании²⁶⁵ второго комитета, состоявшемся 19 декабря, перед голосованием проекта ряд делегатов выступил с осуждением интервенционистской политики и указал на связь интервенции с войной. На этот раз делегатов малых стран поддержал даже Сааведра Ламас, заявивший, что «договоры и конвенции, санкционирующие интервенцию, ...должны исчезнуть». Глава мексиканской делегации Пуиг Касауранк заявил, что США имеют блестящую возможность показать миру высокий пример братства и равенства путем пересмотра своей внешней политики. Он осудил политику Вашингтона в вопросе признания и призвал США отказаться не только от вооруженной интервенции, но и от всякого вмешательства в самом широком смысле слова в дела других стран. «Поправка Платта» и унижающая Латинскую Америку доктрина Монро, подчеркнул он, должны быть ликвидированы²⁶⁶.

Делегат Кубы, высказавшись в защиту принципа невмешательства, заявил, что люди, защищавшие на шестой панамериканской конференции 1928 г. принцип интервенции, хотя и считались представителями Кубы, в действительности «не представляли кубинского народа», который «ненавидит интервенцию и считает, что интервенция — это... причина всех несчастий Республики Куба... Сегодня на Кубе происходит интервенция другого характера, но интервенция. Об этом здесь уже сказал на днях доктор Жироди и я повторяю: на Кубе осуществляется интервенция; в отношении кубинского народа применяются интервенция и насилие, и он вынужден терпеть эту невыносимую обстановку. Куба заявляет, что поправка Платта и Постоянный

²⁶³ «New York Herald Tribune», 27.XII 1933; «Daily Worker», 11, 19.XII 1933; J. P. Humphrey. *Inter-American System. A Canadian view*. Toronto, 1942, p. 121.

²⁶⁴ «New York Times», 18.XII 1933; E. Roig de Leuchsenring. *Op. cit.*, t. II, p. 83—84.

²⁶⁵ Биограф Хэлла сообщает, что на этом заседании голоса выступавших достигли такой степени громкости, что их слышали находившиеся в одном из соседних коридоров корреспонденты, немедленно бросившиеся подслушивать у двери комнаты, где заседал комитет (H. B. Hinton. *Op. cit.*, p. 252).

²⁶⁶ «Times», 20.XII 1933; «Christian Science Monitor» (Boston), 5.I 1934; M. Sierra. *Op. cit.*, p. 39; C. Davila. *Op. cit.*, p. 138—139; D. Perkins. *Hands off. A History of the Monroe Doctrine*. Boston, 1945, p. 346.

договор являются незаконными и были навязаны путем насилия, осуществленного над ней в самый критический момент в истории ее народа»²⁶⁷.

Оказавшись перед лицом единого фронта большинства латиноамериканских делегаций, требовавших безусловного запрещения всякого вмешательства, К. Хэлл вынужден был голосовать во втором комитете за принятие проекта конвенции. При этом он сказал в своем выступлении, что политика США в Латинской Америке достаточно ясно определена заявлениями и действиями их правительства после 4 марта 1933 г. «Каждому должно быть понятно,— заявил он, делая хорошую мину при плохой игре,— что при Рузвельте правительство Соединенных Штатов выступает против нарушения свободы и суверенитета, а также вмешательства во внутренние дела... других наций»²⁶⁸.

Сославшись на заявление Ф. Рузвельта от 23 ноября 1933 г. о намерении пересмотреть Постоянный договор с Кубой, включавший «поправку Платта», Хэлл сказал далее: «Я могу твердо заявить, что мы поддерживаем общий принцип невмешательства... и потому ни одному правительству нечего бояться при администрации Рузвельта какой-либо интервенции со стороны Соединенных Штатов». Но тут же он сделал оговорку о том, что поскольку на конференции из-за отсутствия времени не было выработано такого «определения и толкования» статей конвенции, которое бы обеспечило единообразное их применение и предупредило «расхождения во мнении и толковании», то в случае таких расхождений «правительство Соединенных Штатов... будет скрупулезно следовать... политике, которую оно проводило после 4 марта и которая воплощена в различных заявлениях президента Рузвельта, ...и в общепризнанном праве наций»²⁶⁹.

Это заявление, которым, по словам лондонской «Таймс», «Хэлл создал хорошее впечатление, не сказав ничего определенного»²⁷⁰, оставляло для вашингтонского правительства лазейку в виде ссылки на «расхождение в толковании» и на «общепризнанные права наций». И при голосовании конвенции на пленарном заседании конференции 22 декабря оно по требованию Хэлла было внесено в текст как оговорка к первым одиннадцати статьям конвенции (хотя, выступая 19 декабря во втором комитете, он применил ее лишь к десяти статьям)²⁷¹.

Все остальные делегации голосовали без оговорок, а некоторые из них превратили ту процедуру в своего рода демонстра-

²⁶⁷ Цит. по: E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 84—85.

²⁶⁸ Addresses and Statements by Honorable Cordell Hull..., p. 37—38.

²⁶⁹ Ibidem; Report of the Delegates of the U.S.A..., p. 18—19. Оговорка «при администрации Рузвельта» была в 1936 г. убрана.

²⁷⁰ «Times», 20.XII 1933.

²⁷¹ Report of the Delegates of the U.S.A..., p. 20.

цию против интервенционистской политики американского империализма, сопровождая ее заявлениями вроде: «От всего сердца!» (делегат Гаити), «Сердечно и безусловно!» (делегат Никарагуа), «За единую и свободную Америку!» (делегат Кубы) и т. д.²⁷² 26 декабря Конвенция о правах и обязанностях государств была формально подписана всеми делегациями²⁷³.

Впоследствии Ф. Рузвельт и К. Хэлл, а за ними и некоторые американские буржуазные историки изображали подписание делегацией Соединенных Штатов этой конвенции как доказательство «искреннего» и «добровольного» отказа США от интервенционистской политики. Искажая действительность, они утверждали, что Хэлл подписал конвенцию с «полной готовностью», «сердечностью» и чуть ли не был главным ее поборником²⁷⁴.

Между тем на самом деле все обстояло как раз наоборот. Как указывалось выше, Хэлл уже на заседании второго комитета 15 декабря попытался «похоронить» проект злополучной конвенции. На заседании комитета 19 декабря, как свидетельствует корреспондент весьма «солидной» и влиятельной бостонской газеты «Крисчен сайенс монитор», после выступлений латиноамериканских делегатов Хэлл был вынужден отказаться от заготовленного текста речи и «скрепя сердце» поддержать проект конвенции²⁷⁵.

Делегации США, несомненно, пришлось в вопросе об интервенции пойти значительно дальше, чем это первоначально предполагалось. Столкнувшись с возглавленным делегатами Кубы фронтом латиноамериканских делегаций, требующих запреща-

²⁷² M. Sierra. Op. cit., p. 40.

²⁷³ Текст ее имеется в: The International Conferences of American States, 1933—1940. New York, 1940, p. 121—124; Peace and War. United States Foreign Policy, 1931—1941. Washington, 1943, p. 192—203; «Documents on International Affairs — 1933». London, 1934, p. 482—486 и т. д.

²⁷⁴ См.: The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 2, p. 522; C. Hull. Commencement address to the Graduating Class of the University of Michigan..., June 17, 1935. Washington, 1935, p. 10; A. Nevins. America in World Affairs. New York, 1941, p. 72 и т. д.

²⁷⁵ «Christian Science Monitor», 5.I 1934. Американский историк С. Г. Инмэн, бывший советником делегации США на конференции в Монтевидео, выступая в декабре 1948 г. на седьмом конгрессе кубинских историков, признал, что делегаты Кубы на конференции в Монтевидео «сделали для предложения и одобрения заявления» Хэлла об отказе США от интервенции «больше, чем кто-либо другой». См.: Cuadernos de historia habanera. 42. Revindicaciones históricas. Séptimo Congreso Nacional de Historia. Discursos y Acuerdos. La Habana, 1949, p. 46—47. См. также материалы 13-го конгресса кубинских историков: Cuadernos de historia habanera. 72. Historia de Cuba republicana y sus antecedentes favorables y adversos a la independencia. XIII Congreso Nacional de Historia. 5 al 10 de febrero 1960. Discursos y acuerdos. La Habana, 1960, p. 131—134.

ния всякой интервенции, Хэлл вынужден был перестраиваться «на ходу» и согласиться на выработанный ими проект конвенции. В тот момент он даже не посмел заикнуться о формуле «многосторонней» или «коллективной» интервенции. Он не мог поступить иначе, чтобы не разоблачить столь торжественно и многократно провозглашенное «добрососедство» США «после 4 марта 1933 г.»²⁷⁶

С другой стороны, подписывая Конвенцию о правах и обязанностях государств, вашингтонское правительство считалось с тем обстоятельством, что в новых условиях широкого роста освободительного движения масс вооруженная интервенция, как это ясно показало шестилетнее сопротивление маленького народа Никарагуа американским оккупантам, отнюдь не является столь же эффективным средством подчинения, как это было прежде. Опираясь на свою агентуру и связи в правящих классах латиноамериканских стран, используя экономическую слабость и страх последних перед собственными народами, монополисты США рассчитывали сохранить свой контроль над зависимыми странами Латинской Америки при помощи других, более гибких и замаскированных средств и методов политики.

Тем не менее Хэлл сделал все возможное для того, чтобы оставить своему правительству возможность обойти условия конвенции. Оговорка об «общепризнанных правах наций» означала, что США сохраняют за собой старое империалистическое «право» на интервенцию «в защиту жизни и собственности» американских граждан за границей. Так и расценивалась эта оговорка латиноамериканскими, североамериканскими и европейскими исследователями²⁷⁷. Именно так расценили ее и делегаты Кубы, Гаити, Никарагуа и других малых стран на конференции в Монтевидео, выразившие свое недовольство в частных беседах после голосования²⁷⁸.

²⁷⁶ Газета «Нью-Йорк Таймс» без обиняков квалифицировала подписание Хэллом конвенции как успех делегатов Кубы и «первое крупное поражение Соединенных Штатов на конференции» («New York Times», 20.XII 1933).

²⁷⁷ См.: G. Nerval. Autopsy of the Monroe Doctrine. New York, 1934 p. 290—292, 300—301; M. Sierra. Op. cit., p. 44; L. L. Montague. Haiti and the United States, 1714—1938. Durham, 1940, p. 291; S. F. Bemis. The Latin American Policy of the United States. New York, 1943, p. 274; R. K. Showman and L. Judson. The Monroe Doctrine and the Growth of the Western hemisphere solidarity. New York, 1941, p. 37; A. Robles. La Panamericanisme et la Politique de bon voisinage. Paris, 1938, p. 37; «Revue de Droit International» (Paris), v. 13, p. 150.

²⁷⁸ «Nation», 24.I 1934, v. 138, p. 99. А если у кого-либо и оставались сомнения на этот счет, то официальное заявление заместителя государственного секретаря У. Филлипса устранило их полностью. «Наше правительство,— сказал он в речи перед Чикагским советом международных отношений 15 февраля 1936 г.,— ...никогда не отказывалось от за-

Больше того, хотя К. Хэлл и утверждал неоднократно, что седьмая панамериканская конференция «открыла новую эру» в межамериканских отношениях и что «впервые в истории таких конференций» на ней «не было никаких... блоков, направленных против нас»²⁷⁹, газета «Нью-Йорк Таймс» откровенно писала о сложившемся в Монтевидео блоке стран Карибского района. Первым шагом этого блока, сообщал корреспондент газеты, было «составление и победоносное поведение Конвенции о правах и обязанностях государств, которая включала прямое запрещение интервенции», а вторым — должна была стать совместная подготовка к предстоящей экономической панамериканской конференции и выработка солидарной позиции на этой конференции. Кроме того, сообщалось, что Куба, Гаити и Никарагуа — наиболее активные участники движения за создание «карибского блока» — рассчитывают в ближайшее время созвать конференцию карибских стран. Предполагалось, что в этот блок войдут от пяти до одиннадцати стран бассейна Карибского моря. Делегаты стран-инициаторов движения заявили, что их «конечной целью является союз всех карибских стран сначала экономический, — а позже — политический...»²⁸⁰.

Конференция в Монтевидео, хотя и была значительно более успешной для американской дипломатии, чем шестая панамериканская конференция (1928 г.), со всей очевидностью показала, что даже в правящих кругах латиноамериканских стран все еще существует глубокое недоверие к политике США. В связи с этим президент Ф. Рузвельт нашел необходимым от своего имени 28 декабря 1933 г., выступая на заседании так называемого фонда Вильсона, формально подтвердить позицию американской делегации в вопросе об отказе от вооруженной интервенции²⁸¹.

На это заявление ссылались позже все защитники внешней политики американского империализма как на доказательство отказа США от империалистической интервенционистской политики. На самом же деле интервенция, как известно, отнюдь

щиты тех законных прав своих граждан, которые являются общепризнанными и принятыми международным правом и международными конвенциями. Защита жизни граждан является и должна быть вопросом первой заботы для любого ответственного правительства в случае, когда... местные власти страны, в которой эти граждане проживают, оказались бы явно не в состоянии предоставить такую защиту» (W. Phillips. The United States in World Affairs... February 15, 1936. Washington, 1936; E. K. Lindley. Op. cit., p. 331; S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States. New York, 1946, p. 770).

²⁷⁹ См.: Addresses and Statements by the Honorable Cordell Hull..., p. 83—84.

²⁸⁰ «New York Times», 29.XII 1933.

²⁸¹ Полный текст заявления Рузвельта см. в: «Press Releases», 30.XII 1933, p. 380—384.

не означает только ввод войск, а сам ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. В период общего кризиса капитализма, когда уровень освободительного и революционного движения в зависимых странах значительно вырос и когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать не только протесты, но и активное сопротивление широких народных масс, интервенция обычно имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. В этих условиях империалисты предпочитают маскировать свое вмешательство путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансовой, технической, моральной и иной поддержки реакционных проимпериалистических сил в этой стране. Политика США в отношении Кубы в рассматриваемый период была лишь еще одним ярким примером, подтверждающим это обстоятельство.

Кроме того, президент США вовсе не думал полностью отказываться от практики вооруженных интервенций в Латинской Америке. Наоборот, заявление его было лишь новой попыткой протащить принципы «коллективной интервенции». Это явствует из той части его речи, в которой он заявил, что «поддержание конституционного управления в других государствах не является священной обязанностью, возложенной на одни Соединенные Штаты. Поддержание законности... в этом полушарии является заботой каждой отдельной страны прежде всего внутри ее собственных границ». Но «в случае, если отсутствие нормальных условий затрагивает другие страны континента, то это становится их заботой и... общей заботой всего континента...»²⁸².

Сразу же после конференции Белый дом и государственный департамент США развили активнейшую деятельность. «Теперь латиноамериканцы ожидали, как мы воплотим в жизнь решения, принятые в Монтевидео. Поэтому следующие несколько месяцев были деликатным периодом. Следовало избежать ошибочных шагов и закрепить первые успехи», — свидетельствует в своих мемуарах К. Хэлл²⁸³. В январе 1934 г. США признали, наконец, правительство Сальвадора, упорно не признаваемое ими с 1932 г.; в феврале — начали переговоры о новых соглашениях с Гаити и Панамой; в марте — молчаливо отказались от навязанного ими странам Центральной Америки договора 1923 г.

Но первоочередной как по значению, так и по необходимости ее быстрейшего разрешения, была «кубинская проблема». Накануне нового, 1934 года еженедельник «Обсервер», подводя итоги

²⁸² Ibidem.

²⁸³ C. H u l l. Op. cit., p. 342. Об этом пишет и С. Уэллес (S. W e l l e s. Op. cit., p. 201).

седьмой панамериканской конференции, отмечал, что наиболее важным обязательством, взятым на ней Соединенными Штатами, было обязательство покончить с интервенционистской политикой, а главным объектом этого обязательства была Куба. «Все заявления м-ра Хэлла в Монтевидео подразумевали, что вскоре поправка Платта... будет выброшена»²⁸⁴. Хэлл также подтверждает, что после конференции «основным ядром» латиноамериканской политики США в течение целого года была Куба: «Наши действия в отношении Кубы должны были доказать остальной Латинской Америке, искренни ли мы в своем отказе от интервенции»²⁸⁵.

Общая обстановка в Латинской Америке и далеко идущие планы американского монополистического капитала в Западном полушарии заставили Ф. Рузвельта дважды — в ноябре и декабре 1933 г. — обещать отмену «поправки Платта». Но предварительным условием было наличие на Кубе послушного Вашингтону правительства, так как правящие круги США вовсе не собирались отказываться от контроля над островом. Поэтому к началу 1934 г. Белый дом и государственный департамент были особенно заинтересованы в быстрой реализации предложенного С. Уэллесом плана использования честолюбивых замыслов Батисты и его клики для свержения Временного революционного правительства.

К тому же осуществленные этим правительством в декабре 1933—январе 1934 г. меры, направленные на некоторое ограничение бесконтрольного хозяйничанья иностранного капитала, вызвали острую тревогу и недовольство в американских «деловых кругах», делающих бизнес на Кубе. 8 декабря газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» сообщала, что сахаропромышленники крайне раздражены декретами о 8-часовом рабочем дне, повышении почти вдвое заработной платы и обязательном найме не менее половины рабочих из местного населения. Многие сахарные заводы, отмечала газета, даже не готовятся к уборочному сезону, так как банки не дают им денег²⁸⁶.

Особое раздражение и враждебность вызвали меры, затрагивающие интересы «Кубинской электрической компании», «Кубино-американской компании» и «Чейз нэйшнл банка». С. Уэллес, а затем сменивший его Д. Кэффри делали по этому поводу даже специальные представления Грау Сан Мартину и его министрам. Причем Уэллес не только потребовал пересмотра декрета о снижении расценок на электроэнергию, но и в угрожающем тоне посоветовал Грау Сан Мартину помнить, что он,

²⁸⁴ «Observer», 31.XII 1933.

²⁸⁵ C. Hull. Op. cit., p. 342.

²⁸⁶ «New York Herald Tribune», 8.XII 1933.

Уэллес, является близким другом президента Ф. Рузвельта²⁸⁷. Не случайно после свержения его правительства Грау Сан Мартин заявил по радио: «Я не признаюсь в качестве президента Кубы потому, что правительство, главой которого я являлся, отказалось признать законность известных ценных бумаг, которые были проданы „Чейз нэйшнл банку“»²⁸⁸.

Американские «деловые круги» были не на шутку встревожены. «На острове,— писала 10 января 1934 г. бостонская газета «Крисчен Сайенс Монитор»,— были освобождены силы, сделавшие поворот к старому невозможным. Низшие классы, негры и другие увидели мираж и сомнительно, чтобы они... подчинились эксплуатации прошлых дней... В своих мечтах они увидели новый социальный порядок и, хотя их можно снова подавить силой..., они никогда не забудут видения. В порядке дня стоит компромисс». При этом под «компромиссом» газета подразумевала «коллективную или полукolleктивную интервенцию...; ограниченное признание на базе доктрины Эстрады; минимум экономической помощи и... заем при условии, что расходоваться он будет под наблюдением экономического эксперта...; и пяти- или десятилетний план постепенной ликвидации поправки Платта»²⁸⁹.

Заправила Уолл-стрит желали, чтобы с «кубинской неурядицей» было покончено как можно скорей. Правительство Грау Сан Мартина не смогло завоевать доверия американских и кубинских дельцов прежде всего потому, что оно не только не покончило с революционным движением, но и вынуждено было осуществить отдельные мероприятия в интересах трудовых слоев населения Кубы. В то же время, отражая колебания, слабость и страх перед народными массами, свойственные национальной буржуазии зависимых стран, это правительство боялось опереться на массы, боялось поднять их на защиту демократии и национальной независимости. Это отмечал даже американский буржуазный журнал, подчеркнувший, что «Грау не был способен ни обуздать рабочих, ни удовлетворить их»²⁹⁰.

В декабре Уэллес снова, в третий раз, попытался добиться «мирной» замены Грау Сан Мартина более приемлемой для империалистов США фигурой. С этой целью вновь возобновились переговоры между лидерами буржуазно-помещичьей оппо-

²⁸⁷ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 534, 536, 544; «Nation», 17.I 1934, v. 138, p. 70.

²⁸⁸ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 9, p. 9944; «New York Times», 15.I 1934.

²⁸⁹ «Christian Science Monitor», 10.I 1934. Не лишне вспомнить в связи с этим, что Первый бостонский банк был одним из трех крупнейших американских банков, господствовавших в экономике Кубы.

²⁹⁰ «Current History», III 1934, v. 39, p. 657.

зиции, Грау Сан Мартином и Батистой. Однако и на этот раз они закончились безрезультатно.

13 декабря Уэллес покинул Гавану, а спустя пять дней туда прибыл Джефферсон Кэффри. Поскольку кубинское правительство не было признано Соединенными Штатами, он прибыл на Кубу в качестве личного представителя президента Ф. Рузвельта, а не в качестве посла²⁹¹. Это давало ему возможность устанавливать неофициальный контакт с любыми партиями и лицами.

Д. Кэффри имел немалый опыт дипломатической работы в Латинской Америке и показал себя ловким, не брезгающим никакими средствами защитником интересов американского бизнеса, умевшим быстро находить «общий язык» с местными реакционными элементами. Будучи посланником в Колумбии, он оказался непосредственно замешан в нашумевшем скандальном «деле» так называемой нефтяной концессии Барко. К. Хэлл в своих мемуарах дает высокую оценку деятельности Джефферсона Кэффри²⁹².

Прибыв в Гавану, Кэффри сразу же развернул кипучую деятельность. Автор панегирика Батисте — его американский биограф Эдмунд А. Честер, возглавлявший в начале 1930-х годов бюро агентства Ассошиэйтед пресс на Кубе, в своей книге «Сержант по имени Батиста» свидетельствует, что «отношения между Батистой и Соединенными Штатами значительно улучшились с прибытием в Гавану Джефферсона Кэффри... Кэффри и Батиста стали друзьями, едва первый успел распаковать свои чемоданы...»²⁹³.

По словам другого американского автора, Кэффри «склонил Батисту на секретные совещания», где тот «встретил дипломатов, которые говорили о «прогрессивной армии», и представителей банкиров, которые ничего не говорили, но показали ему достоинство их ассигнаций»²⁹⁴.

В действительности дело заключалось, конечно, не только и не столько в личности Д. Кэффри, сколько в сложившейся к этому времени объективной обстановке.

²⁹¹ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 531—533, 536, 538, 539, 541, 543.

²⁹² C. Hull. Op. cit., p. 341; E. Roig de Leuchsenring. Op. cit., t. II, p. 42.

²⁹³ E. A. Chester. Op. cit., p. 150.

²⁹⁴ A. Pincus. Terror in Cuba. New York, 1937, p. 16. Как свидетельствуют документы, пресса и ряд авторов, значительную роль в организации переговоров между Батистой, посольством США и кубинской реакционной оппозицией сыграл мексиканский поверенный в делах в Гаване Октавио Рейес Спиндола (См.: «Foreign Relations — 1934», Washington, 1952, v. 5, p. 106—107; «New York Times», 18.I 1934; B. Bolles. Who makes our Foreign Policy. New York, 1947, p. 13; E. A. Chester. Op. cit., p. 81—82; A. Toynbee. Op. cit., p. 388).

В частности, в начале 1934 г. в Вашингтон поступили сведения о том, что британские железнодорожные и другие компании, действующие на Кубе, усилили нажим в Лондоне в пользу признания правительства Грау Сан Мартина. В связи с этим английское министерство иностранных дел заявило поверенному в делах США в Лондоне, что оно «признает специальные соображения, связанные с кубинской ситуацией из-за поправки Платта, но что если бы подобная ситуация возникла в какой-либо другой латиноамериканской стране, то Великобритания была бы на краю признания режима, подобного правительству Грау. Министерство иностранных дел снова сослалось на настоятельные интересы британского капитала на Кубе...»²⁹⁵.

Кубинская реакционная оппозиция, добиваясь свержения Временного революционного правительства, в первой половине января резко активизировала борьбу против него. «Оппозиция, — сообщала лондонская «Таймс», — делает в провинции все возможное, чтобы помешать сахарным заводам начать переработку урожая сахарного тростника, угрожая физической расправой и поджигая тростниковые поля; она надеется этим затруднить финансовое положение правительства и свергнуть его»²⁹⁶. В Гаване снова ежедневно взрывались бомбы. Но в рядах самой оппозиции не было единства. Лидеры оппозиционных группировок не доверяли друг другу. «...Среди них слишком много различий во мнениях, — жаловался Д. Кэффери в государственный департамент. — Мендиэта и его группа заинтересованы в выборах, другие группы возлагают главные надежды на революцию (имеется в виду реакционный военный переворот. — Э. Н.) или на то, что вмешаемся мы и поставим их у власти»²⁹⁷.

Воспользовавшись этим, правительство Грау Сан Мартина предприняло — и не без успеха — попытку расколоть оппозицию. «Правительство, — сообщал Кэффери, — сумело переманить часть людей из группы Мендиэты, назначив их на некоторые посты. Это дало повод другим группам говорить, что группа Мендиэты завела частные дела с правительством, чтобы обеспечить себе стратегические позиции на будущих выборах»²⁹⁸.

Между тем в стране вновь нарастало стачечное движение. 8 января забастовали учителя, требовавшие повышения жалованья. Затем забастовали медицинские работники, объявили о готовности начать стачку железнодорожники.

В такой напряженной обстановке в Гаване собрался IV Национальный рабочий конгресс профсоюзного единства, созданный по инициативе КНОК. Батиста пытался помешать созыву

²⁹⁵ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 93—94.

²⁹⁶ «Times», 15.I 1934.

²⁹⁷ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 97.

²⁹⁸ Ibid., p. 96.

конгресса, но под давлением масс и телеграмм общественных организаций из США правительство вынуждено было дать разрешение на него. Конгресс, открывшийся 12 января грандиозным митингом в «Арена Кристаль», в присутствии 10 тыс. человек, заседал четыре дня и проходил в атмосфере полицейского давления. В нем участвовали почти 2 тыс. делегатов, представлявших 300 тыс. организованных рабочих, а также многочисленные гости. Крупнейшей была делегация рабочих сахарной промышленности. Делегатов приветствовали представители руководства КНОК, Компартии Кубы, революционных профсоюзов и Компартии США и др.

Конгресс особо подчеркнул значение права рабочих на создание профсоюзов, забастовки и бойкот, поддержал такие экономические требования рабочих, как повышение зарплаты и т. д. Высоко подняв знамя борьбы против реакции и империализма, конгресс в своих решениях призвал трудящихся бороться за подлинную национальную независимость, против предателей, поддерживавших американское «посредничество» и готовых сохранить страну в кабале у иностранного капитала²⁹⁹.

Закрытие конгресса совпало с известием о смерти от туберкулеза (16 января 1934 г.) руководителя кубинских коммунистов Рубена Мартинес Вильены, отдавшего свою жизнь борьбе за свободу и счастье народа. Многие делегаты конгресса плакали, узнав о его кончине³⁰⁰.

Между тем 13 января истек месячный срок, предоставленный администрации «Кубинской электрической компании» для ответа на требования, предъявленные рабочими и служащими компании в начале декабря. Компания категорически отвергла эти требования, и утром 14 января на ее предприятиях по всей Кубе началась забастовка, лишившая города освещения, трамвайного движения, подачи воды и газа. В связи с этим Грау Сан Мартин по рекомендации министра внутренних дел А. Гитераса немедленно подписал декрет об установлении временного правительственного контроля над предприятиями «Электрической компании» и об отнесении на ее счет всех связанных с этим расходов до того момента, пока компания не достигнет соглашения с рабочими. Этот декрет еще больше обострил обстановку. Газета «Нью-Йорк Таймс» заявила, что он «рассматривается... как установление прецедента, угрожающего не только полутора миллиардам долларов американских капиталовложений на Кубе, но и всем другим иностранным капиталовложениям. Крайне

²⁹⁹ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 32—34 и другие материалы ЦГАОР; ГМР СССР, 11573/36, Л-615-4б; 30207/646, Л-615-4е; 30207/648, Л-616-4п.

³⁰⁰ ГМР СССР, 12104/147, Л-785-11ю; J. Marinello. Ruben Martinez Vilela. La Habana, 1940, p. 18.

националистическая политика правительства Грау направлена к устранению иностранного капитала с острова...»³⁰¹.

Исполнявший обязанности государственного секретаря США У. Филлипс немедленно объявил, что в связи с создавшимся положением Джефферсону Кэффри направлены «особые инструкции». В то же время по приказу начальника штаба кубинской армии Ф. Батисты солдаты с пулеметами окружили предприятия «Электрической компании», а руководство профсоюза было предупреждено о том, что работа электростанций необходима для «поддержания общественного порядка», и поэтому, если рабочие не приступят к работе во второй половине дня, то армия не остановится перед суровыми мерами³⁰².

Батиста решил, наконец, сделать свой выбор. Долгое время он вел осторожную выжидательную политику, укрепляя свои позиции в армии, заигрывая с посольством США, но и не порывая в то же время с Временным правительством. Он неоднократно встречался с Уэллесом, охотно поощрял его авансы и не уставал заверять посла в своей враждебности коммунизму и желании видеть Кубу «стабильной». Подобные же заверения он делал при встречах с лидерами буржуазно-помещичьей оппозиции и представителями «деловых» кругов. Тем не менее, несмотря на явно враждебное отношение лично к Грау Сан Мартину, Батиста поддерживал Временное правительство. Ставка была достаточно велика, чтобы действовать наспех. Бывший сержант и его друзья предпочитали не рисковать и выяснять сначала, на чьей стороне больше шансов на успех.

Декреты, ограничивавшие деятельность американского капитала, подписанные Грау Сан Мартином под влиянием Гитераса в декабре 1933 и январе 1934 г., «обеспокоили Батисту, человека, гораздо более практичного, чем Грау,— свидетельствует Э. Честер.— Батиста и другие лидеры понимали, что с каждым антиамериканским актом возможность получения правительством Грау признания, в котором оно нуждалось, уменьшалась... Шаги, предпринятые Грау в деле «Кубинской электрической компании», не нравились Батисте, и когда он услышал о них, он стал действовать...»³⁰³. По-видимому, свою роль сыграло и сообщение прибывшего 12 января из Вашингтона кубинского посла в США Маркеса Стерлинга о категорическом отказе Белого дома признать правительство Грау Сан Мартина³⁰⁴.

³⁰¹ «Press Releases», 20.I 1934, p. 29—30; «Times», 11, 15.I 1934; «New York Times», 15.I 1934.

³⁰² «Morning Post», 15.I 1934; «Manchester Guardian», 16.I 1934.

³⁰³ E. A. Chester. Op. cit., p. 148, 149; см. также: B. Wood. Op. cit., p. 101—102.

³⁰⁴ М. Маркес Стерлинг, назначенный правительством де Сеспедеса послом в США, после прихода к власти Временного революционного пра-

В полдень 13 января — на следующий день после смещения американца Т. Чэдборна с поста председателя «Сахарной экспортной корпорации» и формального отказа правительства платить по займам Мачадо у «Чейз нэйшнл банка» — в небольшом частном поместье, недалеко от Гаваны, состоялась важная встреча Батисты с Мендиэтой. На этой встрече начальник штаба армии предложил лидеру Националистического союза сформировать новое кубинское правительство и обещал ему поддержку вооруженных сил республики. Мендиэта согласился, но лишь при условии гарантии признания его правительства Вашингтоном. Вечером того же дня Батиста встретился с Д. Кэфферри и совещался с ним значительную часть ночи на 14 января. В 3 часа ночи Кэфферри отправил в Вашингтон телеграмму следующего содержания: «...Мендиэта говорит, что он готов занять пост временного президента сразу, но только если будет знать заранее, что Соединенные Штаты признают его. Положение таково, что определенные шаги следует предпринять сегодня вечером, чтобы обеспечить быструю перемену в правительстве. Батиста говорит мне, что он поддержит Мендиэту. В связи с этим я прошу сразу полномочий признать Мендиэту в качестве президента. Если этого не сделать, то Батиста определенно повернет влево, что явно нежелательно для всех наших интересов здесь (либо объявит себя военным диктатором)»³⁰⁵.

В полдень 14 января Кэфферри послал в государственный департамент вторую телеграмму. «Я снова настаиваю,— писал он,— на немедленной акции, чтобы предотвратить катастрофу, ибо, если кто-нибудь еще имеет какой-либо шанс добиться власти в настоящее время, так это крайне левые»³⁰⁶. Не получая ответа, он спустя час телеграфировал третий раз, предупреждая, что «ситуация весьма опасна. Грау еще ничего не знает о том, что запланировано. Его будут просить этим вечером назначить Мендиэту государственным секретарем и передать ему власть»³⁰⁷.

Во второй половине дня 14 января, как и было намечено им вместе с Кэфферри, Батиста добился встречи с Грау Сан Мартином в присутствии Мендиэты. Разговор длился несколько часов. Батиста предложил Грау Сан Мартину покинуть президентский пост, уступив его Мендиэте. Он дал понять, что последнего поддерживает Вашингтон, и угрожал временному президенту республики арестом. Грау Сан Мартин вынужден был согласиться,

ительства был назначен государственным секретарем, но занимать этот пост не спешил и до января 1934 г. оставался в Вашингтоне (см.: «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 93, 94—98).

³⁰⁵ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 98.

³⁰⁶ Ibid., p. 99.

³⁰⁷ Ibidem.

поставив лишь одно условие — вручить отставку Революционной хунте, от которой он получил в начале сентября свои полномочия³⁰⁸.

Заседание Революционной хунты началось поздно вечером и происходило в балльном зале офицерского клуба, в военном городке Колумбия. Председательствовал Батиста. Заседание было бурным и продлилось до четырех часов утра. Группа членов бывшего Студенческого директората во главе с Рубеном де Леоном, а также Гитерас и его сторонники в правительстве категорически отвергли кандидатуру Мендиэты как представителя «старых политикахов» и реакции. Грау Сан Мартин вручил свою отставку, но вопрос о его преемнике так и не был решен до утра 15 января, когда заседание было прервано.

К этому времени Кэффери получил, наконец, ответ на свои запросы относительно признания будущего правительства Мендиэты. В телеграмме заместителя государственного секретаря Филлипса от имени президента Рузвельта повторялись известные условия, которым должно было отвечать кубинское правительство, чтобы получить признание США. Но президент считал невозможным «обещать признание любому лицу или группе заранее, до осуществления условий, которые мы постоянно выдвигали»³⁰⁹. Кэффери сообщил об этом ответе Батисте, и, когда заседание хунты возобновилось, Батиста вынужден был согласиться поддерживать предложенного противниками Мендиэты компромиссного кандидата — министра сельского хозяйства в кабинете Грау Сан Мартина — Карлоса Эвиа³¹⁰.

Временное революционное правительство было свергнуто. Вспоминая спустя 25 лет об этом событии, Фидель Кастро говорил: «В 1934 г. Батиста сверг первое революционное правительство 1933 г. при активной поддержке американского посла на Кубе Джефферсона Кэффери. Кэффери был первым, кто поставил у власти Батисту и поддерживал его в течение одиннадцати лет. Батиста всегда пользовался расположением американцев, последствия вмешательства американских послов и дипломатов в кубинскую политику мы поныне испытываем на себе»³¹¹.

³⁰⁸ «Свержение правительства Грау... было результатом решительной позиции, занятой полковником Батистой», — писал спустя десять лет С. Уэллес, умалчивая, разумеется, о том, чем была вызвана «решительная позиция» Батисты (S. Welles. Op. cit., p. 199). Сам Грау Сан Мартин в письме от 17 января 1934 г. американскому историку Губерту Геррингу писал: «Я свергнут потому, что этого хотел Вашингтон» («Current History», III 1934, v. 39, p. 657).

³⁰⁹ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 100.

³¹⁰ Ibid., p. 100—101; E. A. Chester. Op. cit., p. 156—157; R. H. Phillips. Op. cit., p. 141—143; R. Smith. Op. cit., p. 155—156.

³¹¹ Пресс-конференция Ф. Кастро 19.II 1959 г. в гаванском телевизионном центре. Цит. по: А. Нуньес Хименес. Указ. соч., стр. 26.

Карлос Эвиа, сменивший Грау Сан Мартина на посту временного президента республики, был состоятельным человеком, сахарозаводчиком. Он окончил в 1919 г. Аннаполисскую морскую академию (США) и имел чин полковника. Но Эвиа считался одним из «левых» среди министров свергнутого правительства и поэтому не устраивал ни Вашингтон, ни реакционную оппозицию, ни Батисту, вступившего в эти дни в открытую борьбу за власть против А. Гитераса, сосредоточившего в своих руках посты военного министра и министра внутренних дел. Гитерас еще до принятия Революционной хунтой решения о том, кто будет временным президентом, заявил, что согласится с ее выбором, но предупредил, что «если армия не примет решения хунты, то будет сражение».

Обстановка была крайне напряженной. Уход Грау Сан Мартина из президентского дворца сопровождался серьезными волнениями в столице, и, чтобы рассеять демонстрантов, протестовавших против его отставки, войска применили оружие. 14 человек было ранено и один убит. «До зубов вооруженные солдаты весь день наводняли город, — записала в своем дневнике Р. Х. Филлипс. — Дворцовая охрана была удвоена. Пулеметы и зенитные пушки приведены в боевую готовность. Морской штаб в Ла Пунта оцетинился мелкокалиберными пушками. Возможно, вспыхнет гражданская война. Флот и полиция, с одной стороны, армия — с другой»³¹².

16 января стало известно, что военная клика Батисты совместно с Националистическим союзом, «АВС», О. Р. Р. С. и некоторыми другими группировками оппозиции готовит смещение К. Эвиа с поста президента. В связи с этим Компартия Кубы и КНОК обратились к массам с призывом создавать «комитеты действия» и вооружаться с тем, чтобы не допустить установления в стране военной диктатуры. Со своей стороны А. Гитерас призвал сотрудников всех правительственных учреждений забастовать в знак протеста против диктаторских устремлений Батисты. 17 января забастовали служащие министерств связи, юстиции, просвещения, здравоохранения, общественных работ, внутренних и иностранных дел. Вся телефонно-телеграфная связь оказалась парализованной. Однако намеченная Гитерасом в масштабе всей страны всеобщая стачка рабочих и служащих коммунальных предприятий была сорвана³¹³.

Кэффери, узнав через свою агентуру о подготовке Гитерасом всеобщей забастовки, довел об этом до сведения Батисты,

³¹² R. H. Phillips. Op. cit., p. 143—144; «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 101—102.

³¹³ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 33—34; «Daily Worker», 17, 18, 19.I 1934; «New York Times», 18.I 1934.

и тот решил ускорить события. Войска заняли все правительственные здания, полицейские посты, электро- и радиостанции. «Кубинское правительство не может быть коммунистическим или радикальным; армия имеет... инструкции обеспечить торговлю и помешает комитетам попытаться закрыть двери», — угрожающе заявил Батиста, предлагая всем забастовщикам к 8 часам утра 18 января быть на работе³¹⁴. Одновременно ему удалось договориться с командованием флота. В результате в час ночи на 18 января Кэфферн торжественно телеграфировал своему начальству в Вашингтон: «Флот согласился не выступать против Мендиэты. Дорога в президенты для него чиста. Эвиа несколько минут назад набросал проект заявления об отставке...»³¹⁵.

Под нажимом Батисты и Кэфферн, который, как сообщала газета «Манчестер Гардиэн», «отказался признать правительство Эвиа», последний действительно ночью с 17 на 18 января подал в отставку в пользу Мендиэты. Революционная хунта распалась. Гитерас бежал из Гаваны. Утром 18 января совещание лидеров партий буржуазно-помещичьей оппозиции единодушно поддержало кандидатуру Мендиэты, и во второй половине того же дня он принял присягу в качестве нового временного президента³¹⁶.

Так пало Временное революционное правительство, возглавлявшееся Грау Сан Мартином. Оно вошло в историю, как первое правительство Кубинской республики, отказавшееся слепо следовать воле Вашингтона. Это правительство отменило «поправку Платта», заявило о своей решимости оказать вооруженное сопротивление любой попытке американской военной интервенции, отказалось от уплаты незаконных внешних долгов, законодательным путем установило на сахарных заводах 8-часовой рабочий день, который уже начали устанавливать явочным порядком сами трудящиеся, осуществило ряд других мер, имевших положительное значение. Благодаря этому оно сумело на определенное время обеспечить себе поддержку значительных масс населения.

Однако пойти на подлинно революционные изменения в социально-экономической структуре страны оно не решилось. Нерешительность, колебания, половинчатость в политике этого правительства были обусловлены классовой природой кубинской национальной буржуазии, ее экономической слабостью и стра-

³¹⁴ «New York Herald Tribune», 18.I 1934.

³¹⁵ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 102—104.

³¹⁶ Ibid., p. 105—106; «Manchester Guardian», 19.I 1934; «Times», 19.I 1934. Спустя много лет — в 1948—1950 гг. — К. Эвиа был государственным секретарем, а в 1950—1951 гг. — министром сельского хозяйства Кубы. На несостоявшихся выборах 1952 г. был кандидатом в президенты.

хом перед нарастающим народным движением. Раздираемое борьбой между входившими в него патриотическими и реакционными элементами и столкнувшись с нажимом империализма США, Временное правительство не решилось поднять массы на защиту демократии и национального суверенитета. Более того, оно позволило реакционным элементам увлечь себя на путь антикоммунизма, жестоко подавило борьбу рабочих сахарной промышленности, разгоняло народные антиимпериалистические демонстрации и т. д.

То обстоятельство, что во Временном революционном правительстве возобладали правые элементы, отвергавшие предложения левых сил и союз с пролетариатом, с его коммунистической партией, и продолжавшие проводить линию подчинения всего и вся получению признания со стороны Соединенных Штатов, политику компромисса и соглашательства с империализмом, закономерно привело к подрыву социальной базы этого правительства и к его падению.

«Отставка Грау,— пишет Блас Рока,— вызвала новое перемещение власти, на этот раз назад. В правительство возвратились сторонники «посредничества», а Батиста, державший в своих руках военный аппарат, установил над ним полный контроль»³¹⁷. Это означало временное поражение освободительного движения.

Но рабочий класс Кубы и его организации были полны решимости продолжать борьбу.

³¹⁷ Blas Roca. Op. cit., p. 191.

«НАШ ЧЕЛОВЕК В ГАВАНЕ» (1934 — 1939 гг.)

1. Вашингтон «стабилизирует положение»

тром 18 января 1934 г. на совещании представителей буржуазных политических партий и группировок Карлос Мендигэа-и-Монтефур был официально провозглашен временным президентом республики. Владелец газеты и крупный сахарозаводчик Мендигэа был хорошо известен в Вашингтоне. Еще в годы первой мировой войны он стал одним из видных деятелей Либеральной партии, в 1916 г. выдвигался от нее кандидатом в вице-президенты Кубы, а в 1924 г. был главным соперником Х. Мачадо по партии на пост президента республики. После того как последний организовал в 1928 г. свое «переизбрание» на второй президентский срок, Мендигэа перешел в открытую оппозицию к его режиму и был одним из основателей Националистического союза.

Своим участием в борьбе против диктатуры Мачадо «националисты» завоевали определенную популярность в средних слоях населения, и в сложившихся к началу 1934 г. обстоятельствах Мендигэа казался государственному департаменту подходящим человеком на пост временного президента. Ему предстояло, наконец, создать проектируемое С. Уэллесом еще с весны 1933 г. коалиционное правительство, способное «обуздать революцию». «Мендигэа, — комментировала его назначение газета «Нью-Йорк Таймс», — воплощает стабильность. Он является солидным человеком Кубы..., натурой консервативной... и дружелюбно настроенной к Соединенным Штатам»¹. Английская газета «Манчестер Гардиэн» замечала в связи с этим,

¹ «New York Times», 28.I 1934; см. также: «Wall Street Journal», 28.I 1934.

что Мендиэта, «по мнению государственного департамента, «верный человек», т. е. именно тот тип латиноамериканского деятеля, с которым государственный департамент имел дело раньше»².

В составленное Мендиэтой «правительство концентрации» вошли представители почти всех групп буржуазной оппозиции, но больше всех мест получили в нем Националистический союз и «АВС». Пост государственного секретаря занял Косме де ла Торриенте. Характеризуя новое правительство, американский еженедельник «Нэйшн» писал: «Мендиэта — политик старого типа... Его кабинет —...правительство совершенно такого же типа, что и правительство де Сеспедеса»³. За этим правительством стояли американские монополии, Батиста и почти все группировки кубинской реакции. Именно поэтому второй конгресс Коммунистической партии Кубы назвал «правительство Мендиэты — АВС — Батисты... — правительством контрреволюционной концентрации»⁴.

На следующий же день после вступления Мендиэты на президентский пост Ф. Рузвельт поспешил выразить надежду на то, что новое кубинское правительство пользуется «всеобщей поддержкой» и, обеспечив при помощи «разумных» декретов поддержание «порядка», получит признание США. В этот же день Д. Кэффри выехал из Гаваны в Ки-Уэст (Флорида) для совещания с возвращавшимся из поездки в Монтевидео К. Хэллом по вопросу о признании правительства Мендиэты. Кэффри считал, что Мендиэта будет быстро признан правительствами латиноамериканских стран. Хэлл поддержал его точку зрения и сообщил об этом Рузвельту⁵. Последний также согласился с их мнением, но решил использовать акт признания в качестве повода для очередной демонстрации «панамериканской солидарности» и провозглашенной им в речи 28 декабря 1933 г. «совместной ответственности» американских республик за «дела Западного полушария».

С этой целью 22 января в Белом доме была организована новая «консультация» с дипломатическими представителями латиноамериканских стран в Вашингтоне, где Рузвельт заявил, что США готовы признать правительство Мендиэты, так как убеждены в том, «что оно располагает... поддержкой кубинского народа и... в состоянии поддерживать закон и порядок». Он призвал латиноамериканские правительства последовать приме-

² «Manchester Guardian», 24.I 1934.

³ «Nation», 31.I 1934, v. 138, p. 116.

⁴ «Communist», 1934, v. 13, № 9, p. 879.

⁵ B. Wood. The Making of the Good Neighbour Policy. New York, 1961, p. 105; «New York Herald Tribune», 20.I 1934; C. Hull. Memoirs. New York, 1948, v. I, p. 342.

ру Соединенных Штатов⁶. Одновременное признание правительства Мендиэты всеми латиноамериканскими странами и США должно было ослабить впечатление от того вопиющего факта, что в то время, как Грау Сан Мартин тщетно добивался от Вашингтона признания своего правительства в течение четырех с лишним месяцев, Мендиэта получил его в течение четырех дней!

Мексиканская газета «Эксельсьор» опубликовала в связи с этим интервью с Грау Сан Мартином, который весьма саркастически отозвался об «искусстве предвидения», позволившем Вашингтону заранее и столь быстро предсказать, что правительство Мендиэты будет стабильным. Другая мексиканская газета, также едко критиковавшая Белый дом за его действия, писала, что политика США отнюдь не похожа на добрососедскую и поэтому у латиноамериканцев вновь возрождаются старые подозрения⁷. Боливийский дипломат и журналист Р. Медина (написавший под псевдонимом Г. Нервал книгу о доктрине Монро), комментируя заявление Рузвельта, выражал свое возмущение тем, что президент США присвоил себе «право решать, когда именно кубинский режим имеет достаточную народную поддержку и когда он способен поддерживать закон и порядок»⁸. «Манчестер Гардиэн» откровенно писала, что «Грау Сан Мартин удерживался (у власти — Э. Н.), несмотря на одно вооруженное восстание за другим, благодаря тому, что... его различные противники имели даже еще меньшую народную поддержку, чем он»⁹.

23 января в 4 часа дня Кэффери передал Косме де ла Торренте ноту о признании, и в тот же вечер К. Хэлл (в речи для кинохроники) объявил об отзыве десяти из шестнадцати американских военных судов, еще остававшихся в кубинских водах. Остальные, предусмотрительно предупреждал он кубинцев, будут отозваны по мере «улучшения обстановки»¹⁰. В течение последующих двух дней правительство Мендиэты было признано Англией, британскими доминионами, Францией, Италией и рядом латиноамериканских стран.

26 января Д. Кэффери был официально назначен послом на Кубе, а 31 января М. Маркес Стерлинг в качестве посла Кубы в США вручил свои верительные грамоты Рузвельту. В сделан-

⁶ «New York Times», 23.I 1934; «New York Herald Tribune», 24.I 1934.

⁷ «Excelsior» (México), 25.I 1934; «El Universal» (México), 26.I 1934.

⁸ G. Nerval. Autopsy of the Monroe Doctrine. New York, 1934, p. 275.

⁹ «Manchester Guardian», 17.I 1934.

¹⁰ «Foreign Relations — 1934», v. 5. Washington, 1952, p. 107; «Press Releases», 27.I 1934, p. 49—50. Характерно, что морская пехота США находилась в состоянии боевой готовности еще в марте 1934 г., а последний американский военный корабль (если не считать судов на базе Гуантанамо) покинул кубинские воды лишь осенью 1934 г.

ном в связи с этим заявлении Рузвельт сказал о готовности его «правительства начать переговоры об изменении Постоянного договора... и пересмотре торгового соглашения между обеими странами»¹¹.

Демократические и прогрессивные круги как в США, так и на Кубе, были возмущены лицемерной политикой Вашингтона, свергнувшего негодное ему правительство Грау Сан Мартина и моментально признавшего правительство «контрреволюционной концентрации», вокруг которого объединялись наиболее реакционные элементы, враждебные подлинным интересам кубинского народа. Зато хозяева Уолл-стрит не скрывали своего удовлетворения. Признание Мендиэты, писала «Нью-Йорк Таймс», означает «восстановление доверия среди банкиров и корпораций, делающих бизнес на Кубе»¹².

Став у власти, правительство Мендиэты — Батисты сразу же вернуло «Кубинской электрической компании» и «Кубино-американской сахарной компании» контроль над их предприятиями. Обещая отменить декреты правительства Грау Сан Мартина, Мендиэта заявил, что «иностранному капиталу получит самую полную защиту в развитии своих законных интересов в республике. Недавнее введение в силу крайне радикального рабочего законодательства создало состояние сильного беспокойства, затронувшего не только национальную, но и иностранную промышленность. Этими мерами пытались насильственно изменить отношения между рабочими и работодателем... Куба не намерена проводить дискриминацию в отношении ее иностранных резидентов или иностранных интересов... Будущее Кубы, в том, что она пойдет рука об руку с Соединенными Штатами»¹³.

3 февраля 1934 г. был провозглашен Временный конституционный закон, заменивший Конституционный статут правительства Грау Сан Мартина и подтвердивший отмену конституции 1901 г.¹⁴ До созыва Учредительного собрания и выработки новой конституции правительство наделялось не только исполнительной, но и законодательной властью: правом издавать декреты-законы. Таким образом, временный президент сконцентрировал в своих руках всю полноту исполнительной и законодательной власти. Устанавливался диктаторский — «мачадоподобный» режим, призванный «навести порядок» на острове. С этой же целью срок проведения национальных выборов был отодвинут на конец 1934 г.

¹¹ «Press Releases», 3.II 1934, p. 69—70.

¹² «New York Times», 28.I 1934.

¹³ «New York Times», 26.I 1934.

¹⁴ F. Alvarez Tabío. Evolución constitucional de Cuba, 1928—1940. La Habana, 1953, p. 15; «Bulletin of the Pan American Union», V 1934, v. 68, № 5, p. 371—374.

С первых же дней своего существования правительство Мендиэты — Батисты повело упорную борьбу против рабочего и крестьянского движения и усилило репрессии против демократических организаций. Оно подавило стачки протеста печатников, медицинских работников и служащих министерств против государственного переворота, начатые по призыву проходившего в середине января 1934 г. четвертого рабочего конгресса п КНОК. Однако в конце января забастовали 15 тыс. табачников и водители автобусов в Гаване, а в начале февраля — по всему острову. Их поддержали рабочие сахарных заводов и плантаций¹⁵.

Некоторое представление о характере требований, выдвигаемых рабочими сахарной промышленности, дает воззвание местного комитета профсоюза в сентрале «Эспанья», выпущенное 6 февраля 1934 г. Оно отражало интересы не только рабочих сахарного завода, но также рабочих плантаций и колонов. В частности, в нем имелись требования признания профсоюза и аннулирования кабальных договоров, установления 8-часового рабочего дня, минимума зарплаты в 1 песо в день, минимальной оплаты за резку сахарного тростника и т. д.¹⁶

Возвращение «Кубинской электрической компании» ее предприятий вызвало 3 февраля забастовку половины служащих этой компании и такой взрыв возмущения среди населения, что правительство было вынуждено все-таки несколько снизить установленные компанией тарифы на электроэнергию. 5 февраля 3 тыс. студентов, организовавших демонстрацию протеста против отмены смертной казни для махадистов, подверглись обстрелу со стороны полиции. Компартия Кубы призвала рабочих к 24-часовой всеобщей стачке солидарности с бастовавшими, и 7 февраля по всей Кубе бастовало около 150 тыс. человек. Под угрозой оказалась уборка урожая сахарного тростника. В знак солидарности с бастующими докерами, железнодорожниками, рабочими сахарных заводов и плантаций в районе порта Антилья (провинция Ориенте) моряки стоявших там шести американских судов отказались начинать их погрузку¹⁷.

Встревоженный Кэффери телеграфировал в Вашингтон, что было бы «решительной ошибкой» убирать линкор «Вайоминг» из гаванской бухты, если находящийся на нем отряд морской пехоты не будет переведен на какой-либо из остающихся кораблей¹⁸.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 26, 57—60; «Diario de la Marina», 2, 3.II 1934; R. H. Phillips. Cuba, Island of Paradox. New York, 1959, p. 152.

¹⁶ «Аграрные проблемы», 1934, № 11—12, стр. 136—137.

¹⁷ ГМР СССР, 30207/605, Л-616-11п; «Daily Worker», 26.I; 6, 10.II 1934; «Nation», 28.III 1934, v. 138, p. 354.

¹⁸ Месяц спустя, когда встал вопрос о выводе из кубинских вод крейсе-

Правительство немедленно бросило все силы на подавление рабочего движения. Именно в эти дни прозвучало знаменитое заявление Батисты: «Либо будет сафра, либо прольется кровь!» Были использованы войска и работавшие под охраной солдат штрейкбрехеры, доставляемые в район забастовок из других мест. Был издан (даже по оценке американского буржуазного журнала, «открыто фашистский по духу») декрет № 3, объявлявший вне закона всеобщую стачку и санкционировавший роспуск профсоюзов, нарушивших этот декрет. Затем был издан другой декрет, разрешавший властям прекращать силой любые забастовки, которые, по их мнению, «угрожают нации». Вашингтонское правительство поспешило направить на Кубу суда с продовольствием для солдат Батисты и полиции. С помощью подобных декретов, а также мобилизовав армию, полицейский аппарат и штрейкбрехеров, власти к середине февраля подавили около 100 забастовок и арестовали десятки профсоюзных руководителей¹⁹.

Однако уже в начале марта забастовочная волна вновь охватила Кубу. 5 марта бастующие табачники заявили протест против военной охраны штрейкбрехеров. По призыву КНОК и компартии их поддерживали докеры, водители грузовиков и автобусов, трамвайщики, железнодорожники, работники аптек, больниц, телефона, газетчики, мелкие торговцы, пекари и т. д. Отдельные забастовки быстро переросли в новую всеобщую стачку. Борьба втянула огромное количество трудящихся, создавших забастовочные комитеты²⁰.

«Движение, организованное Национальной конфедерацией рабочих, включало около 200 тыс. человек и одно время грозило опрокинуть правительство Мендиэты», — признавалось в докладе комиссии Ассоциации внешней политики. Комиссия была вынуждена также отметить, что, помимо чисто экономических требований, выдвигались и политические, явившиеся результатом «влияния коммунистического движения», а также, что «в противоположность стихийному характеру забастовок в сахарной промышленности в августе и сентябре 1933 г. всеобщая забастовка в марте 1934 г. против правительства Мендиэты была более определенным политическим движением»²¹. Активное участие в забастовке принимали студенты, требовавшие отставки Мендиэты и Батисты.

ра «Ричмонд», Кэффри согласился с этим лишь при условии, что части морской пехоты будут сосредоточены не далее, чем во Флориде. См.: B. Wood. Op. cit., p. 106—107.

¹⁹ «Daily Worker», 22. IV, 5. III 1934; «Diario de la Marina», 3. III 1934.

²⁰ ЦГАОР. ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 57—60; «Boletín de Huelga» (La Habana), № 2, 8. III 1934; «Bandera Roja», 9. III 1934.

²¹ Problems of the New Cuba. New York, 1935, p. 184, 185, 186.

Американская пресса сравнивала положение, сложившееся на Кубе в марте 1934 г., с обстановкой там в августе 1933 г. — перед свержением Мачадо — и указывала на растущую угрозу гражданской войны. Кубинская реакция и американский капитал потребовали от правительства принятия решительных мер. Мендиэта не заставил себя ждать. 5 марта было арестовано более 80 рабочих лидеров. Улицы Гаваны днем и ночью патрулировались войсками. 6 марта были изданы декрет № 51 о «защите республики», нарушители которого судились особыми трибуналами (приговаривавшими к заключению до 20 лет и штрафу в 5 тыс. долл.), и декрет № 52 о высылке иностранцев, обвиняемых во вмешательстве в отношения между рабочими и работодателями и в действиях против существующего правительства. «Генерал Мачадо никогда не смог бы создать столь эффективный и гибкий инструмент подавления, как декрет № 51», — отмечал еженедельник «Нэйшн»²².

7 марта правительство отменило по всей Кубе действие конституционных гарантий и ввело военное положение, 9 марта были изданы декреты: № 61, распускавший все организации и союзы, нарушившие декрет № 3; № 63, аннулировавший в этом случае все прежние соглашения с работодателем, и № 65, запрещающий правительственным и муниципальным служащим создавать союзы и бастовать. Декрет № 82 от 15 марта запрещал лидерам распущенных союзов занимать руководящие посты в других союзах. Все существующие союзы объявлялись незаконными и распущенными. 16 марта был издан декрет о создании новых союзов под правительственным контролем и о льготах для рабочих, которые к определенному сроку вернутся на работу. В доки и на телефонные станции были направлены штрейкбрехеры, работавшие под охраной солдат²³.

Одновременно осуществлялись жестокие репрессии в отношении коммунистической партии, членов которой арестовывали под всеми возможными предлогами. Делалось это с полного благословения американского посла Д. Кэффери, оправдывавшего в донесении К. Хэллу действия кубинского правительства тем, что оно «борется за свою жизнь против коммунистических элементов»²⁴. В помощь полиции были созданы полуфашистские отряды «зеленорубашечников» из членов «АВС». Из США прибыл «специалист» — организатор полицейской системы штата Нью-Йорк капитан А. Мур. Только в провинции Ориенте —

²² «Nation», 28.III 1934, v. 138, p. 353—354. Яркая характеристика этих декретов-законов дана в «Boletín de Huelga» № 2, 8.III 1934, p. 1—2.

²³ «Times», 8.III 1934; «Morning Post», 10.III 1934; «Current History», V 1934, v. 40, p. 215; «Foreign Policy Bulletin», 16.III 1934, p. 1.

²⁴ Telegram 86 from Havana, 14.III 1934, DS Doc. № 837.00/4229; Despatch 173, from Havana, 31.III 1935, DS Doc. № 837.00/4962. См.: В. Wood. Op. cit., p. 107—108.

в столкновениях на рудниках в Дакирип, в сентралах Багуанос, Престон, Такахо и других — были убиты, ранены и арестованы сотни рабочих. Лишь путем жесточайших репрессий властям удалось постепенно ослабить, а затем подавить мартовскую стачку 1934 г.²⁵

Революционная борьба рабочего класса Кубы получила поддержку со стороны американского рабочего класса. Компартия и Антиимпериалистическая лига США в марте 1934 г. организовали в США десятки митингов протеста против террора на Кубе и массовую отправку Ф. Рузвельту писем с требованием прекратить вмешательство в кубинские дела, отозвать Д. Кэф-фери и военные суда США из кубинских вод, ликвидировать «поправку Платта» и базу в Гуантанамо. От имени Единой профсоюзной лиги, объединявшей 125 тыс. американских рабочих, У. З. Фостер послал телеграмму протеста Мендиэте, а также телеграмму президенту США, требующую прекратить отправку на Кубу американских полицейских инструкторов и вывода оттуда американских кораблей²⁶.

Состоявшийся в апреле 1934 г. второй конгресс Коммунистической партии Кубы, отмечая в своей резолюции новую волну забастовочного движения, охватившую страну в начале 1934 г., указал, что «партия сыграла важную роль в этих забастовках, хотя во многих случаях и не брала на себя руководство». В резолюции отмечалось также, что «цель правительства контрреволюционной концентрации — разгромить революционное движение путем самых насильственных принудительных методов — ярко проявилась за краткий промежуток времени, хотя это и не исключает демагогических маневров (обещания распределения земли, антиимпериалистические декларации «АВС» и т. д.)... Эта открытая политика террора против революционного движения приводит к... господству военщины над гражданской властью (провинциальное и городское управление осуществляется военными наблюдателями, военные отряды на ряде сахарных заводов, прекращение конституционных гарантий и т. д.)»²⁷.

Однако, несмотря на жестокое подавление мартовской забастовки 1934 г., революционное брожение на Кубе не прекращалось. В апреле бастовали рабочие сентралей Миранда и Америка (Ориенте), Санта-Рита (Матапасас), Толедо (Гавана), Насобаль, Викториа (оба в провинции Лас-Вильяс) и др. Туда были посланы солдаты. В результате проведенной КНОК 15 апреля

²⁵ ГМР СССР, 11573/41, Л-616-156; «Press Releases», 17.III. 1934, p. 142; «Nation», 28.III 1934, v. 38, p. 353—354.

²⁶ ГМР СССР, 11911/58в, Л-786-15Га; 12104/132, Л-786-15е; 12104/142, Л-615-15г; 12104/158, Л-616-11г; 30207/655, Л-615-15г.

²⁷ «Communist», 1934, v. 13, № 9, p. 880—882.

в Гаване получасовой всеобщей стачки протеста власти были вынуждены освободить рабочих, арестованных за нарушение декретов о профсоюзах. В конце апреля полиция стреляла в студенческие демонстрации. Первомайская демонстрация в Гаване, в которой участвовало 20 тыс. человек, также закончилась расстрелом демонстрантов полицией. Но 5 мая студенты вновь вышли на улицы, требуя прекращения «вмешательства янки» и удаления Кэфферс с Кубы²⁸.

Особое раздражение властей вызвала поездка делегации кубинских рабочих в мае 1934 г. в СССР. Пережив не одну интервенцию Соединенных Штатов и на себе испытав многие прелести «американской демократии», кубинский народ уже в те годы проявлял большой интерес и глубокую симпатию к народам Советской России, проводившей политику подлинного равенства и уважения суверенитета всех наций без исключения, независимо от того, большие они или малые. Кубинская делегация, посетившая многие районы Советского Союза, заводы и колхозы, клубы и санатории, в своем заявлении выразила любовь трудящихся Кубы к стране Советов, порвавшей «ту самую цепь голода и ужаснейшей нищеты, в которую заключен пролетариат Кубы». «Советский Союз, уничтоживший голод и нищету, указывает выход из кризиса всем эксплуатируемым и служит хорошим примером для мирного соревнования двух систем..., — говорилось в заявлении делегации. — Мы, кубинские пролетарии, вместе со всем международным пролетариатом клянемся с оружием в руках защищать Советский Союз!»²⁹.

Установление правительством Мендизэты — Батисты режима военной диктатуры вызывало растущий протест не только в народных массах. Еще в начале марта 1934 г. в знак протеста против драконовских антирабочих декретов вышел в отставку министр труда. В начале апреля покончил самоубийством министр юстиции Р. Мендес Пеньяте. «Причиной смерти, — отмечает Р. Х. Филлипс, — были отчаяние в связи с положением на Кубе и трения с Мендизэтой»³⁰.

Однако главной фигурой в правительстве уже тогда был не Мендизэта, а Батиста. «...Конечно, остается фактом, — доносил в Вашингтон Кэфферс, — что никакое правительство, это или любое иное, не сможет просуществовать и дня, если Батиста будет возражать против него»³¹. По существу новый режим отличался от диктатуры Мачадо лишь еще более откровенным

²⁸ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 736, л. 137, 144—145; «Daily Worker», 9, 16, 17, 26.IV; 3, 5, 21.V 1934; «New York Times», 18.V 1934; «Current History», VI, VII, 1934, v. 40, p. 334, 473.

²⁹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 13, д. 541, л. 91—94.

³⁰ R. H. Phillips. Op. cit., p. 161; «Diario de la Marina», 3.III 1934.

³¹ B. Wood. Op. cit., p. 108.

хозяйничаньем в стране военщины и посла Соединенных Штатов. Действительным правителем острова, наместником американского империализма на Кубе, был Кэффери, а административным центром ее был не президентский дворец, а посольство США. «Кэффери пользовался... властью над Батистой; он был ментором, другом и хозяином в одном лице»³². Кубинцы называли их «спамскими близнецами», зная, что без Кэффери Батиста (и тем более Мендизета) не ступит ни шагу.

Не удивительно, что посол США скоро стал самой ненавистой для кубинцев фигурой. «27 мая 1934 г., — записано в дневнике Р. Х. Филлипс, — американское посольство (в Гаване. — Э. Н.) подверглось нападению. Ходят слухи, что жизнь посла была в опасности. Так или иначе, Кэффери — первый американский посол, который имеет телохранителя. Две машины, наполненные полицией и солдатами, сопровождают его повсюду и постоянно охраняют посольство»³³. На следующий день, 28 мая, вооруженные пулеметами неизвестные лица остановили автомобиль первого секретаря американского посольства Н. Мэтьюса и предложили ему в недельный срок убраться с Кубы³⁴.

По мнению кубинского историка Э. Ройг де Леучсенринга, все эти события заставили Вашингтон ускорить подписание нового договора об отношениях между США и Кубой³⁵.

Отмена поправки Платта

Еще до первой мировой войны и в последующие годы основным требованием кубинцев к США было требование отмены «поправки Платта», т. е. неограниченного права США на вооруженную интервенцию на Кубе³⁶.

Попали в страшный тупик мы; какова же будет расплата? Сапог дяди Сэма и все та же «поправка Платта»? — писал в «Лирическом послании» (1923) Р. Мартинес Вильена³⁷. «Поправку» ненавидел весь кубинский народ. Именно под лозунгом отмены ее Мачадо в 1924 г. добился избрания президентом, но только благодаря существованию «поправки» держалась

³² A. Pincus. *Terror in Cuba*. New York, 1937, p. 16.

³³ R. H. Phillips. *Op. cit.*, p. 161—162.

³⁴ E. Roig de Leuchsenring. *Historia de la enmienda Platt*, t. II. La Habana, 1961, p. 99—100.

³⁵ *Ibid.*, p. 98—100.

³⁶ См.: *Ibid.*, p. 47—59; он же. *Los grandes movimientos políticos cubanos en la república: ingerencia, reacción, nacionalismo*. La Habana, 1943, p. 17—19; J. C. Gandarilla. *Contra el yanqui*. La Habana, 1960, p. 57—58, 64—68, 89—92.

³⁷ R. Martínez Villena. *La Pupila Insomne*. La Habana, 1961, p. 179.

так долго его кровавая диктатура. Не случайно Э. Честер прямо пишет, что «среди прочих ограничений «поправка Платта» включала запрещение кубинцам прибегать к народной революции, которая была единственной защитой кубинского народа против коррумпированных и жестоких правительств, подобных правительству Мачадо»³⁸. Во всей Латинской Америке (наряду с доктриной Монро и «дипломатией доллара») понятие «поправка Платта» отождествлялось с понятием «империализм янки».

В то же время после превращения в первой четверти XX в. Карибского моря в своего рода «американское озеро» и установления полного господства монополий США в экономической и политической жизни Кубы «поправка Платта» перестала быть существенно необходимой для сохранения американского контроля над «жемчужиной Антилл»³⁹. Опыт 1920-х годов ясно показал, что Уолл-стрит располагает достаточными возможностями ставить у власти на Кубе «своих людей» и без «поправки». «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинить себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью»⁴⁰.

В то же время «поправка» продолжала оставаться источником ненависти латиноамериканцев к США. Поэтому уже в президентство Гувера отмены ее требовали многие более трезвые и дальновидные деятели американского империализма. В январе 1933 г. даже посол США на Кубе Г. Гугенхейм рекомендовал государственному департаменту пересмотреть «поправку Платта».

К весне 1933 г. требование отмены «поправки» стало на Кубе всеобщим, и Ф. Рузвельт решил, что в новых условиях отмена ее принесет Вашингтону только пользу⁴¹. Как уже говорилось выше, 23 ноября 1933 г. он официально заявил о намерении США пересмотреть Постоянный договор 1903 г. При этом предполагалось максимально использовать факт добровольного якобы отказа США от «поправки». «Наши действия в отношении Кубы, — свидетельствует К. Хэлл, — должны были доказать остальной Латинской Америке... насколько мы искренни в своем

³⁸ E. A. Chester. A Sergeant named Batista. New York, 1954, p. 45.

³⁹ Об этом в конце 20-х — начале 30-х годов писали как североамериканские, так и латиноамериканские авторы (см., например: L. Jenkins. Our Cuban colony, a study in sugar. New York, 1928, p. 307—308; J. Norman. The Struggle for South America. New York, 1931, p. 199).

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379.

⁴¹ The Public Papers and Addresses of F. D. Roosevelt, v. 3. New York, 1938, p. 271.

отказе от интервенции»⁴². Так, отмена «поправки Платта» стала одним из важных звеньев пресловутой политики «доброе соседство». На конференции в Монтевидео США пришлось подписать торжественное обязательство об отказе от вооруженных интервенций в латиноамериканских странах.

Поэтому сразу же после создания кабинета Мендиэты государственный департамент поспешно занялся подготовкой пересмотра договора 1903 г. и отмены «поправки Платта». Это было связано также и с тем обстоятельством, что отмена ее должна была серьезно укрепить престиж нового кубинского правительства, ставшего у власти при поддержке Вашингтона. Одновременно велась подготовка общественного мнения. 22 января сенатор У. Кинг, а неделю спустя член палаты представителей Г. Фиш поставили в конгрессе США вопрос о необходимости пересмотра или отмены «поправки Платта». 15 февраля Кинг снова заявил в сенате, что он «был бы рад видеть поправку Платта аннулированной»⁴³. 29 марта помощник государственного секретаря С. Уэллес в официальной речи обещал пересмотр договора 1903 г.⁴⁴ В апреле в журнале «Форин Эффейрс» появилась статья Г. Гугенхейма (бывшего посла гугеровского правительства на Кубе), в которой он писал: «Мы должны добровольно предложить новый политический договор с Кубой...»⁴⁵

Переговоры о заключении нового договора велись между С. Уэллесом, кубинским государственным секретарем Косме де ла Торренте и послом Кубы в США Маркесом Стерлингом в полной тайне, и документов о ходе их опубликовано не было⁴⁶. Новый кубино-американский договор был подписан 29 мая 1934 г. «Право» США на вооруженную интервенцию на Кубе отменялось. Но договор 1934 г. оставил в силе «все акты, осуществленные на Кубе Соединенными Штатами во время их военной оккупации до создания республики», и все права, приобретенные по этим актам, а также «условия соглашений..., по которым была создана и сохраняется военно-морская база Соединенных Штатов в Гуантанамо»⁴⁷. В тот же день договор был передан в сенат США, где он был с феноменальной быстро-

⁴² C. Hull. *Memoirs*, v. I, p. 342.

⁴³ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 2, p. 1539; part 3, p. 2587; «New York Times», 23.I 1934.

⁴⁴ S. Welles. *Relations between the United States and Cuba*. Address... March 29, 1934. Washington, 1934, p. 7.

⁴⁵ «Foreign Affairs», IV 1934, v. 12, № 3, p. 450.

⁴⁶ В кубинском журнале «Бозмия» в июне 1938 г. была напечатана статья Косме де ла Торренте об этих переговорах. См. также: «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 185.

⁴⁷ «Press Releases», 2.VI 1934, p. 337 (см. прилож. № 1).

той и единогласием ратифицирован уже 31 мая. Единственный голосовавший «против» сенатор заметил, что и он «не имеет серьезных возражений»⁴⁸.

Гавана встретила отмену «поправки Платта» с энтузиазмом. «Звонили колокола, выли сирены, гудели гудки; толпы людей собрались к президентскому дворцу, где оркестр играл национальный гимн. Позже, в июне, на острове было проведено трехдневное празднование», — свидетельствует Р. Филлипс⁴⁹. Кубинские официальные круги рассыпались в благодарности и восхваляли вашингтонское правительство⁵⁰. Со своей стороны, Ф. Рузвельт, К. Хэлл, С. Уэллес, а за ними и многие американские историки упорно протаскивали мысль о том, что добровольный якобы отказ США от «поправки Платта» и договор 1934 г. чуть ли не «открывают новую эру в отношениях США с Кубой»⁵¹.

На самом деле отказ от «поправки Платта», как и вся так называемая политика «добраго соседа», был вынужденным. Американский империализм пошел на него под давлением обстоятельств. Но, отказавшись от формального «права» на интервенцию, он сохранил военно-морскую базу в Гуантанамо — американского часового на острове⁵² — и все полученные до мая 1902 г. и существовавшие до 1934 г. привилегии американцев на Кубе. Фактически свое «право» на интервенцию США не использовали уже более десятка лет. Опыт этих лет и особенно 1933—1934 гг. показал, что с кубинским народом уже нельзя было обращаться по-старому, что, отказавшись от «права» на интервенцию, США больше выиграют, чем потеряют. Новый договор ни в коей мере не ликвидировал и не ослабил фактиче-

⁴⁸ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 9, p. 9925—9926, 9839—9840, 10116, 10408.

⁴⁹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 161.

⁵⁰ Historia de la nación cubana, t. VIII. La Habana, 1952, p. 253—254.

⁵¹ См.: «Press Releases», 2.VI 1934, p. 340; J. Latane and D. Wainhouse. A History of American Foreign Policy, 1776—1940. New York, 1941, p. 847; S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States. New York, 1946, p. 507; A. Nevins and L. Hacker. The United States and its Place in World Affairs, 1918—1943. Boston, 1943, p. 384, 385; E. Lindley. Half Way with Roosevelt. New York, 1936, p. 335; R. H. Fitzgibbon. Cuba and the United States, 1900—1935. Menasha, 1935, p. 261.

⁵² База США в районе залива Гуантанамо занимает территорию в 100 кв. км и оборудована по последнему слову техники. Кубинский народ, строящий социалистическое общество, не может согласиться с тем, что на его суверенной территории все еще остаются иностранные империалистические войска. На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Ф. Кастро заявил о намерении революционного правительства на основе международного права поставить вопрос об эвакуации американских вооруженных сил с Кубы (Ф. Кастро. Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. М., 1960, стр. 42—43).

ский контроль Уолл-стрит и Вашингтона над Кубой. Он лишь изменил формы этого контроля⁵³.

Вот почему современный американский исследователь Р. Смит пишет, что «договор был недорогим жестом в сторону кубинского национализма, и события предшествующих месяцев показали, что американские интересы можно защитить при помощи более гибкой тактики». Другой современный автор Э. Геррант — сотрудник государственного департамента, откровенно восхваляющий политику «доброго соседа», также считает, что США отменили «поправку Платта», «не пожертвовав ничем существенно важным»⁵⁴.

Кубинцы, конечно, понимали, что, несмотря на отмену «поправки», Вашингтон по-прежнему направляет всю политику их правительства и контролирует экономику их страны. Гаванская газета «Аора», отмечая формальный характер отмены «поправки Платта», подчеркивала явное противоречие между словами Вашингтона об отказе от вмешательства и фактическим вмешательством в виде постоянного «наблюдения» за Кубой при помощи стоявших в ее портах вплоть до начала сентября 1934 г. военных судов США⁵⁵. Нелегальная молодежная газета «Хувентуд Обрера» предупреждала в сентябре 1934 г., что сохранение военной базы США в Гуантанамо и господство их в экономике Кубы дает Вашингтону возможность в любой момент вмешаться в целях подавления борьбы кубинцев «против угнетения, за хлеб, землю и свободу»⁵⁶.

Ассоциация внешней политики США по приглашению К. Мендизеты и рекомендации К. Хэлла послала летом 1934 г. на Кубу комиссию экспертов для изучения экономического, социального и политического положения на острове и выработки программы «реконструкции» Кубы. Комиссия во главе с профессором Р. Л. Бьюэллом представила кубинскому правительству объемистый доклад со своими рекомендациями. Этот доклад, изданный в 1935 г. под названием «Проблемы новой Кубы», содержит множество весьма любопытных и характерных оценок обстановки и положения на Кубе. В частности, говоря об отмене «поправки Платта», комиссия должна была признать, что «многие кубинцы находят трудным совместить американскую базу в Гуантанамо с независимым статутом Кубинской

⁵³ Об этом уже в то время откровенно писали как комментаторы ведущих буржуазных газет США, так и некоторые американские буржуазные историки (см. нашу статью в «Ученых записках» ЦГПИ, вып. 3. Чебоксары, 1956, стр. 257—258).

⁵⁴ R. Smith. The United States and Cuba. Business and Diplomacy, 1917—1960. New York, 1960, p. 157; E. Guerrant. Roosevelt's Good Neighbor Policy. Albuquerque, 1950, p. 6.

⁵⁵ «Ahora» (La Habana), 10, 22.VII; 4.IX 1934.

⁵⁶ ГМР СССР, 30207/644, Г-616-13ы.

республики... По нашему мнению, правительство (Соединенных Штатов.— Э. Н.) должно серьезно обсудить, не обойдется ли сохранение Гуантанамо в политическом отношении дорожке ее ценности с точки зрения военной стратегии». «Соединенные Штаты,— подчеркивалось в докладе,— должны обдумать политику отказа от... аренды Гуантанамо», так как «многие кубинцы сомневаются, действительно ли конец «поправки Платта» означает конец американского вмешательства в их дела... Они боятся, что такое вмешательство будет продолжаться в других... формах и что нынешнее правительство будет оставаться у власти лишь до тех пор, пока оно пользуется амерпканской благосклонностью»⁵⁷.

Оценивая значение отмены «поправки Платта», Блас Рока пишет: «Это не делало нас подлинно независимыми и суверенными, потому что продолжало существовать господство американских империалистов над нашими землями и нашими богатствами, потому что монополия, которой они обладали в отношении нашей внешней торговли, даже усилилась, потому что посредством политических представителей латифундистов, сахарных магнатов, крупных торговцев-импортеров они сохраняли свое влияние и свое вмешательство в политику нашей страны и т. д., но тем не менее это был, несомненно, крупный шаг по пути достижения полного национального суверенитета»⁵⁸.

Экономическая интервенция под видом помощи

Наряду с отменой «поправки Платта» в качестве доказательства «доброй воли» и «добрососедства» Вашингтона кубинцам преподносилась американская «экономическая помощь»: предоставление Кубе кредитов и квоты на ввоз сахара в США, а также новое торговое соглашение на основе взаимных тарифных уступок.

Правящие круги США не раз применяли в своей внешней политике оружие экономического и финансового давления, т. е. методы экономической интервенции. В отношении Кубы, экономически целиком зависимой от монополий США, это оружие

⁵⁷ Problems of the New Cuba, p. 498—500. В том же 1935 г. в Гаване вышла из печати книга Э. Роиг де Леучсенринга «История поправки Платта». Анализируя новый договор между Кубой и США, автор писал, что в нем практически отсутствуют только те статьи договора 1903 г., в отмене которых были заинтересованы сами правящие круги США, и что в действительности договор 1903 г. был не отменен, а лишь модифицирован с тем, чтобы он мог в новых условиях лучше служить интересам империалистов янки (E. Roig de Leuchsenring. Historia de la enmienda Platt, t. II, p. 67, 96, 172).

⁵⁸ Blas Roca. Los Fundamentos del Socialismo en Cuba. La Habana, 1961, p. 119.

являлось особенно эффективным, и правительство Ф. Рузвельта активно использовало его под видом «экономической помощи».

Вопрос о необходимости подобной «помощи» Кубе обсуждался в прессе и деловых кругах США еще с конца 1932 и особенно с начала 1933 г.⁵⁹

«Куба, — объясняли необходимость американской «помощи» авторы доклада комиссии Ассоциации внешней политики, — является важным рынком для американских товаров, и этот рынок будет процветать только в том случае, если Куба будет иметь прочную... экономическую и политическую структуру... Ввиду крупного сокращения американского экспорта на Кубу восстановление кубинской сахарной промышленности стало важным пунктом в американской политике»⁶⁰.

Иначе говоря, «экономическая помощь» в действительности с самого начала была задумана как помощь американским монополистам-экспортерам, заинтересованным в восстановлении кубинского рынка. Она была задумана и как помощь американским сахарным компаниям на Кубе, вассалам крупнейших банков в США, заинтересованным в политическом и экономическом «оздоровлении» Кубы. Американская «экономическая помощь», свержение правительства Грау Сан Мартина и создание диктаторского режима Мендиэты — Батисты — все это были разные стороны одной империалистической политики, имевшей целью «стабилизировать положение», т. е. подавить силы революции на Кубе и создать возможности для дальнейшего усиления позиций американского капитала там и неограниченной эксплуатации им народа и ресурсов острова. Для осуществления этой цели правительство Ф. Рузвельта использовало как тайную дипломатию С. Уэллеса, военный шантаж и нажим, так и методы экономической интервенции.

С. Уэллес уже в мае — июне 1933 г., выступая в качестве «посредника», обещал лидерам оппозиции экономическую помощь США после создания на Кубе коалиционного правительства. Речь шла о пересмотре торгового договора, о фиксированной импортной квоте и снижении пошлины на ввоз кубинского сахара. Тогда же в связи с первоначальными успехами «посредничества» посольство США в Гаване начало торговые переговоры с представителями кубинского правительства. Одновременно, в июне — июле 1933 г., происходило закрытое совещание представителей американских сахарных интересов с представителями правительства США с целью договориться о размерах сахарной квоты для островных владений США и Кубы⁶¹.

⁵⁹ См.: «Congressional Record», 73 Congress, 1 Session, v. 77, part 2, p. 1900; «Diario de la Marina», 3, 6, 23, 25.IV 1933, а также: R. Smith. Op. cit.

⁶⁰ Problems of the New Cuba, p. 258.

⁶¹ «Diario de la Marina», 11, 15, 16, 22.VI; 2, 6, 7, 8, 13.VII 1933.

Однако упорство Мачадо и задержка в «посредничестве» вызвали прекращение в конце июля торговых переговоров. При этом Уэллес дал понять, что пока Мачадо не уйдет, никакой «экономической помощи» Кубе оказано не будет. 11 августа 1933 г. в беседе с кубинским государственным секретарем О. Феррара в ответ на его просьбу об экономической помощи, которая бы помогла «успокоить народ», Уэллес холодно ответил: «Мы поможем, но будущему правительству». Накануне на приеме в Белом доме кубинскому послу также было сказано, что помощь Кубе будет предоставлена только после ухода Мачадо в отставку⁶².

Зато, как только выяснилось, что режиму Мачадо приходит конец, президент США сам, лично, вечером 11 августа объявил американскую программу «помощи» Кубе. С приходом к власти правительства де Сеспедеса переговоры об «экономической помощи» должны были быть возобновлены специально посланным в Гавану советником Рузвельта — А. Берли. По просьбе де Сеспедеса туда должна была также выехать специальная комиссия для реорганизации кубинских финансов⁶³.

Но как только место марионеточного кабинета де Сеспедеса заняло неудобное Уолл-стрит правительство Грау Сан Мартина, Вашингтон снова прервал всякие переговоры о «помощи». Берли вернулся в США, а помощник государственного секретаря Дж. Кэффери 16 сентября 1933 г. заявил, что продолжению экономических переговоров мешает «сложность политической обстановки» на Кубе⁶⁴. Нежелание Вашингтона вести переговоры с Временным революционным правительством было выражено и в заявлении, сделанном 8 октября 1933 г. министром сельского хозяйства США Генри Уоллесом⁶⁵. Попытка Грау Сан Мартина в ноябре 1933 г. добиться соглашения о сахарной квоте была безуспешной. Ф. Рузвельт в заявлении, сделанном им 23 ноября, совершенно откровенно предупредил, что не следует ожидать «никакого прогресса в этом направлении..., пока на Кубе не будет создано Временное правительство, которое... продемонстрирует доказательства подлинной стабильности»⁶⁶.

С приближением уборочного сезона последствия экономической интервенции американского империализма стали сказываться особенно остро. Разрушенная кризисом кубинская сахарная промышленность нуждалась в кредитах для того, чтобы

⁶² «New York Times», 4, 13.VIII 1933; A. Fabre-Luce. *Revolution à Cuba*. Paris, 1934, p. 43, 45.

⁶³ «Foreign Relations — 1933», v. 5, p. 369; «Manchester Guardian», 21.VIII 1933.

⁶⁴ «Press Releases», 16.IX 1933, p. 172.

⁶⁵ «New York Times», 8.X 1933.

⁶⁶ «Press Releases», 25.XI 1933, p. 295.

успешно справиться с уборкой и переработкой урожая. Население голодало. Для закупки продовольствия в США также нужны были кредиты. Но банки денег не давали. Для сбыта своего сахара Куба нуждалась в доступе на американский рынок. Однако Вашингтон не желал снижать таможенный тариф и предоставлять квоту для кубинского сахара, пока у власти находилось правительство Грау Сан Мартина. «Экономическое признание Вашингтона является даже более важным, чем политическое», — писала по этому поводу газета «Манчестер Гардиэн»⁶⁷.

Зато, едва к власти пришло реакционное правительство Мендиэты — Батисты, позиция Вашингтона немедленно изменилась. Уже спустя неделю после признания этого правительства Ф. Рузвельт заявил кубинскому послу о готовности США начать переговоры об «экономической помощи». Она включала следующие мероприятия: 1) установление квоты, определяющей объем импорта кубинского сахара в США; 2) снижение импортной пошлины на ввозимый в США кубинский сахар; 3) пересмотр чрезмерно высоких процентных ставок по кубинскому национальному долгу; 4) решение вопроса о моратории по кубинским долговым обязательствам американским банкам; 5) заключение нового торгового соглашения на основе «взаимного» снижения пошлин.

Еще до осуществления этих мероприятий, в конце января — начале февраля 1934 г., Вашингтон в порядке «неотложной помощи» правительству Мендиэты устроил ему 10-миллионный кредит у американских банкиров на закупку и доставку продовольствия из США. Кроме того, Кубе был разрешен ввоз в США на время с 14 февраля по 1 марта неограниченного количества алкогольных напитков в качестве временной отдушины для экспорта скопившихся крупных запасов кубинского рома (производящегося из отходов сахарного производства — мелассы)⁶⁸.

Тогда же президент Мендиэта обратился к Рузвельту с просьбой о помощи в «разрешении кубинской сахарной проблемы», и 8 февраля последний в послании к конгрессу потребовал включения сахарной свеклы и сахарного тростника в перечень «основных продуктов» так называемого Акта о сельскохозяйственном урегулировании, а также установления квотной системы для ввоза сахара. Эти меры дали бы правительству полномочия для перераспределения рынка США между отдельными сахаропроизводящими районами⁶⁹.

⁶⁷ «Manchester Guardian», 17.I 1934.

⁶⁸ «Press Releases», 10.II 1934, p. 77—78.

⁶⁹ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 182—183; The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 3, p. 86—88.

В начале марта министр финансов Кубы Мартинес Саенс начал в Вашингтоне переговоры о займе. 9 марта Рузвельт издал приказ о создании Второго экспортно-импортного банка с капиталом в 2,75 млн. долл., специально для кредитования и поощрения торговли с Кубой. 12 марта банк уже начал функционировать. В марте и декабре 1934 г. он предоставил Кубе кредиты на общую сумму свыше 8 млн. долларов⁷⁰. Кубинскому правительству был передан слиток серебра для чеканки 10 млн. кубинских песо. Предполагалось, что это должно помочь правительству Мендиэты погасить задолженность по жалованью государственным служащим, «осуществить сельскохозяйственные реформы и начать программу общественных работ для смягчения безработицы»⁷¹. Наконец, 10 апреля Мендиэта (несомненно, с санкции Вашингтона) приостановил амортизационные платежи по внешним займам (банкам Моргана и Шпейера) до того времени, когда правительственные доходы достигнут 60 млн. долл. в год. Процентов по долгу этот мораторий не касался. Неделию спустя правительство вынуждено было назначить комиссию по изучению вопроса о займах «Чейз нэйшнл банка» правительству Мачадо для финансирования проводившихся им общественных работ⁷².

Одним из важнейших для судеб Кубы был вопрос об установлении квоты на ввоз кубинского сырого и рафинированного сахара в Соединенные Штаты. Вопрос этот встал еще весной 1933 г. Принятый конгрессом США 12 мая 1933 г. Акт о сельскохозяйственном урегулировании уполномочивал министра сельского хозяйства «войти в соглашения» с производителями различных сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим с конца июня 1933 г. под председательством члена тарифной комиссии США Д. Л. Коунтера в Вашингтоне началось совещание

⁷⁰ The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 3, p. 79; R. Smith. Op. cit., p. 161—162. Второй экспортно-импортный банк должен был стать дополнительным рычагом в деле экономического закабаления Кубы и усиления ее зависимости от США. Первый экспортно-импортный банк был создан для кредитования торговли между США и СССР. Позже остался один экспортно-импортный банк, деятельность которого имела целью привязать внешнюю торговлю латиноамериканских стран к США.

⁷¹ «Press Releases», 5.V 1934, p. 244; «Times», 2.V 1934. Как отмечал английский историк, другой целью вашингтонского правительства было компенсировать добывающие серебро и ущемленные квотой на производство сахарной свеклы западные штаты США (A. Toynbee. Survey of International Affairs — 1933. London, 1934, p. 391).

⁷² Problems of the New Cuba, p. 380, 388; «New York Times», 11.IV 1934. В июне 1934 г. комиссия представила доклад, в котором квалифицировала эти займы как незаконные, и рекомендовала правительству отказаться от платежей по ним («New York Times», 20.VI 1934; «Nation», 4.VII 1934, v. 139, p. 3; Institute of International Finance. Bulletin № 71, 17.VII 1934. New York, 1934, p. 1—2.

представителей американских сахаропроизводящих и рафинировочных компаний, действующих в самих США, на их островных владениях (Гавайи, Филиппины, Пуэрто-Рико) и на Кубе, с целью достижения соглашения о распределении между ними сахарного рынка США. Хотя представители американских сахарных интересов на Кубе просили квоту в 2525 тыс. т (в том числе в 600 тыс. т для рафинированного сахара), по заключенному 18 июля соглашению для кубинского сахара давалась квота всего в 1700 тыс. т, т. е. на 100 тыс. т меньше, чем составил фактический экспорт кубинского сахара в США в наихудшем кризисном 1932 г. (1807 тыс. т) ⁷³.

Многочисленные протесты заставили правительство США пересмотреть июльское соглашение и в новом выработанном в сентябре 1933 г. проекте соглашения увеличить квоту Кубы почти до 2 млн. т ⁷⁴. По поводу нового соглашения еженедельник «Нэйшн» писал, что квота, предполагаемая для Кубы, совершенно недостаточна, так как она на 800 тыс. т меньше, чем даже квота, определенная в 1931 г. по «плану Чэдборна». А квота для ввоза рафинированного сахара, установленная в 250 тыс. т, практически, по словам еженедельника, означала бы полное уничтожение кубинской рафинировочной промышленности ⁷⁵.

В октябре 1933 г. под нажимом фермеров, производящих сахарный тростник и сахарную свеклу в США и протестовавших против соглашения, дававшего все выгоды крупным компаниям, этот план министерством сельского хозяйства был отвергнут.

Тем не менее в послании конгрессу 8 февраля 1934 г. Рузвельт рекомендовал установить для ввозимого кубинского сахара квоту в 1944 тыс. т. 10 февраля кубинский государственный секретарь Косме де ла Торриенте поспешил объявить, что хотя Куба и надеялась на большую квоту, рекомендованная президентом США квота, несомненно, повысит цену на сахар и будет способствовать «восстановлению» острова. В своем послании Рузвельт рекомендовал также снижение таможенного тарифа на кубинский сахар и заключение «нового торгового договора между США и Кубой, переговоры о котором должны немедленно возобновиться» ⁷⁶.

Президентское послание от 8 февраля и внесение в конгресс соответствующей поправки к Акту о сельскохозяйственном урегулировании — так называемого билля Джонса-Костигэна — вызвали в обеих палатах конгресса США ожесточенную борьбу

⁷³ «Foreign Policy Reports», v. 9, № 15, p. 162—172в.

⁷⁴ «New York Times», 26.IX 1933.

⁷⁵ «Nation», 11.X 1933, v. 137, p. 395.

⁷⁶ The Public Papers... of F. D. Roosevelt, v. 3, p. 86—89.

представителей различных сахарных монополий, сопровождавшуюся любопытными разоблачениями. 15 февраля сенатор-республиканец, махровый реакционер Ванденберг, став в позу защитника фермеров⁷⁷, обрушился на план Рузвельта, заявив, что «кубинский сахар контролируется, прямо или косвенно, по крайней мере на 50 %... «Нэйшнл сити банком», «Чейз нэйшнл банком», нью-йоркской компанией Хэйден-Стоун и «Канадским королевским банком»⁷⁸. Сенатор-демократ Кинг поправил Ванденберга, указав, что по его информации «70 % занятых под сахарным тростником земель и центральных на Кубе принадлежат американскому капиталу», который «в основном контролируется тремя большими нью-йоркскими банками, а также «Канадским королевским банком». Я могу добавить..., — сказал Кинг, — что плачевное экономическое положение на Кубе является результатом... жестокой и деспотической политики американского капитала, контролирующего сахарный бизнес Кубы»⁷⁹.

20 февраля Ванденберг снова заявил, что, увеличивая квоту для кубинского сахара, правительство исходит из интересов крупнейших банков, контролирующих кубинский сахар. В связи с этим правительство сделало 21 февраля специальное заявление, в котором «опровергало» обвинения в покровительстве крупному капиталу за счет фермеров⁸⁰.

В палате представителей прения приняли не менее жестокий характер. Ораторы указывали на связь «Нэйшнл сити банка» с сахарными интересами, а последних — с Мачадо⁸¹. 19 марта министр сельского хозяйства Генри Уоллес, подчеркивая в своем выступлении, что в результате экономического хаоса и падения покупательной способности Кубы США потеряли крупнейший рынок для своего экспорта, отстаивал правительственный план. 20 марта противник билля член палаты Кокрэн заявил, что практически все производство сахара на Кубе контролирует маленькая финансовая группа в Нью-Йорке, вложившая в него сотни миллионов долларов. С другой стороны, представители заинтересованных в кубинском сахаре финансовых групп и пароходных компаний, таких как «У. Р. Грэйс энд компани», «Херши компани», «Балтиморская торговая ассоциация», «Ривер шугэр рифайнинг компани», «Нэйшн шугэр рифайнинг компани» и т. д., ратовали за принятие билля Джонса-Костигэна. Представитель «Херши компани», произво-

⁷⁷ Ванденберг учитывал, что осенью 1934 г. предстояли очередные выборы в конгресс США.

⁷⁸ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 3, p. 2582.

⁷⁹ Ibid., p. 2587. См. также: «Diario de la Marina», 11, 23.11 1934.

⁸⁰ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 3, p. 2863, 2992, 3177.

⁸¹ Ibid., part 3, p. 3221—3240; part 4, p. 3632—3634.

дившей почти половину рафинированного сахара на Кубе, требовал, чтобы квота для кубинского рафинированного сахара составляла не менее 600 тыс. т. 4 апреля они добились принятия билля в палате представителей⁸².

Но в сенате борьба продолжалась. 19 апреля сенатор Кларк в пылу спора высказался совершенно откровенно: «Фактически сахарные компании... на Кубе контролируются североамериканским капиталом», — заявил он. — «Всякий знает, что сахарное производство на Кубе контролируется «Чейз нэйшнл банком»... Всякий знает, что сахарное производство на Гавайях контролируется другой группой американских капиталистов; это же верно и относительно Филиппин...»⁸³. Яснее нельзя было и выразить смысл борьбы в американском конгрессе вокруг билля Джонса-Костигэна.

19 апреля билль, наконец, был принят в сенате и 9 мая подписан Рузвельтом. Сахарная свекла и тростник объявлялись «основными сельскохозяйственными продуктами» и в связи с этим для всех сахаропроизводящих районов и владений США, а также для Кубы устанавливалась квота, исходящая из расчета поставки ими сахара на рынок США за три «наиболее характерные» года в период с 1925 по 1933 г. Для Кубы это было невыгодно, так как именно в этот период ее экспорт сахара в США стал резко снижаться. Выделенная ей квота составляла 28,6% общего потребления сахара в Соединенных Штатах. На 1934 г. это означало 1902 тыс. коротких тонн. При этом рафинированный сахар мог составлять не более 22% всего объема квоты, или на 1934 г. — не более 420 тыс. коротких тонн. В тот же день президентской прокламацией импортная пошлина США на сахар была снижена на 25%. Для кубинского сахара это означало снижение с 2 до 1,5 центов за фунт⁸⁴.

Акт Джонса-Костигэна и снижение таможенного тарифа на сахар вошли в силу с 8 июня 1934 г. «Явно благодаря силе американских свекло-сахарных компаний, — отмечалось в докладе комиссии Ассоциации внешней политики, — Акт дал Кубе сахарную квоту, составлявшую менее половины среднего объема кубинского экспорта сахара в США между 1924 и 1929 гг. ... Подобным же образом благодаря политической силе американских рафинеров сахара Акт снизил объем рафинированного

⁸² «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 5, p. 4776—4778, 4963—4964, 5255—5258; part 6, p. 6183—6185; R. Smith. Op. cit., p. 160.

⁸³ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 7, p. 6916, 6918.

⁸⁴ Ibid., part 8, p. 8403; «Press Releases», 12.V 1934, p. 280—281. Производство сахара на Кубе в 1934 г. в связи с этим составило лишь 2274,3 тыс. т (R. Guerra y Sánchez. Azúcar y Población en las Antillas, La Habana, 1944, p. 264). Короткая тонна (англо-саксонская мера веса) равняется 907 кг.

сахара, ввозимого в США с Кубы, на 25% по сравнению с 1932 г.»⁸⁵ Действительно, квота для Кубы была на 1 млн. т меньше ее среднегодового экспорта сахара в США в 1927—1930 гг. и лишь на 100 тыс. т выше экспорта наихудшего в этом отношении 1932 г. Кроме того, эта квота имела целью задушить кубинскую рафинировочную промышленность, ограничив долю рафинированного сахара лишь одной пятой от всего объема квоты.

Оценивая значение Акта Джонса-Костигэна для Кубы, А. Нуньес Хименес пишет, что в 1934 г. в США была установлена дискриминационная квота «на ввоз кубинского сахара (28,6% общего потребления сахара в США), тогда как за первые 30 лет текущего века Куба фактически покрывала свыше 50% американской потребности в сахаре. Тем самым кубинцы были поставлены в неравные условия конкуренции с пользовавшимся покровительством американскими производителями сахара из свеклы и сахарного тростника»⁸⁶. Дискриминационный в отношении Кубы характер американской политики квот на ввоз сахара в США не раз подчеркивал в своих выступлениях и Фидель Кастро⁸⁷.

По существу Акт Джонса-Костигэна лишь закрепил монокультурное развитие кубинской экономики и экономическую зависимость острова от американского империализма. Только поэтому и пошел Вашингтон на небольшое (200 тыс. т), по сравнению с первым планом 1933 г., увеличение квоты Кубе за счет некоторых владений США. Но и это увеличение было обусловлено тем важнейшим обстоятельством, что две трети кубинского сахара принадлежало не Кубе, а магнатам Уолл-стрит.

Ту же цель — закрепление однобокого экономического развития Кубы и ее экономической зависимости от США, а также восстановление ее в качестве рынка для широкого сбыта американских товаров — имел и новый торговый договор между США и Кубой. Переговоры о нем, начавшиеся летом 1933 г. и прерванные в связи с приходом к власти Временного революционного правительства, с конца января 1934 г. были возобновлены.

Правительство Ф. Рузвельта с самого начала своей деятельности уделяло особое внимание вопросам внешней торговли США, серьезно пострадавшей в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Резкое сокращение внутреннего рынка и отсутствие серьезных перспектив на его расширение делали

⁸⁵ Problems of the New Cuba, p. 61.

⁸⁶ А. Нуньес Хименес. География Кубы. М., 1960, стр. 305—306.

⁸⁷ См.: Ф. Кастро. Речи и выступления. М., 1960, стр. 289—291; он же. Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 1960 г., стр. 22—23; он же. Выступление по кубинскому радио и телевидению 24 января 1964 г. «Правда», 27.1 1964.

необходимость завоевания новых внешних рынков особенно острой.

Ф. Рузвельт еще до вступления на пост президента выдвинул проект организации в Западном полушарии регионального торгового пакта путем заключения двусторонних торговых соглашений с латиноамериканскими странами «на основе взаимности». Этот план уже в апреле 1933 г. был горячо одобрен Национальным советом внешней торговли и Американской экспортной ассоциацией промышленников⁸⁸. «Ожидается,— писал 3 мая 1933 г. журнал «Бизнес Уик»,— что Рузвельт сделает особый упор на латиноамериканскую торговлю. Интервенция Соединенных Штатов в дела любой латиноамериканской страны ужасно непопулярна. Рузвельт, очевидно, предпочтет атаковать проблему с другого конца»⁸⁹.

После провала Лондонской экономической конференции (июнь 1933 г.), означавшего крах попытки монополий США подорвать преференциальный блок, созданный в годы кризиса Англией, проект заключения системы торговых соглашений со странами Латинской Америки «на основе взаимности» стал одним из важных звеньев внешней политики Вашингтона. В составе Комиссии по межамериканским делам был создан «Комитет по торговым соглашениям на основе взаимности», тесно связанный с Национальным советом внешней торговли. Этот комитет провел среди промышленных и судоходных компаний, банков и прочих фирм, заинтересованных во внешней торговле, специальный опрос. Подавляющее большинство опрошенных, в том числе более сорока торговых палат и торговых ассоциаций, одобрили программу заключения подобных соглашений, особенно со странами Латинской Америки⁹⁰.

В декабре 1933 г. на седьмой панамериканской конференции в Монтевидео делегации США удалось добиться принятия резолюции, рекомендовавшей всем странам — членам Панамериканского союза расширять и укреплять торговые связи путем максимального понижения таможенных барьеров в торговле друг с другом⁹¹. Принятие по настоянию К. Хэлла подобной резолюции ясно свидетельствовало о стремлении монополий США создать по примеру Англии свой замкнутый экономический блок с преференциальным режимом в торговле. Созданию такого

⁸⁸ R. S m i t h. Op. cit., p. 158.

⁸⁹ «Business Week», 3.V 1933.

⁹⁰ «New York Times», 30.X 1933; F. S a y r e. American Commercial Policy. The Two Alternatives. Washington, 1946, p. 8; S. Welles. The Trade Agreements Program. Address... Washington, 1934, p. 5—6.

⁹¹ Report of the Delegates of the U.S.A. to the Seventh International Conference of American States... Washington, 1934, p. 196—198. Documents on International Affairs — 1933. London, 1934, p. 487—490.

блока и должна была служить программа торговых соглашений на основе взаимного снижения импортных пошлин.

Излагая в конгрессе существо этой программы, К. Хэлл подчеркивал, что ее «главной целью является восстановление старых и поиски новых рынков для нашей избыточной продукции» путем постепенного ослабления препятствий для экспорта американских товаров на внешний рынок⁹². Однако официальная версия гласила, что новые рынки помогут восстановлению «американского уровня жизни», преодолению безработицы и повышению покупательной способности американского народа, а также «либерализации мировой торговли».

Свою торговую политику, в основу которой была положена эта программа торговых соглашений, Хэлл и другие представители правительства США и американские буржуазные экономисты изображали как «самую демократическую» и «либеральную» торговую политику, способствующую «свободному движению товаров» и «свободному рынку»⁹³. В действительности же разглагольствования о «свободном рынке» и «либерализации торговли» должны были прикрыть стремление американских монополий восстановить и расширить свои позиции на мировом рынке, добиться ликвидации созданных империалистическими соперниками США торговых и валютных барьеров, мешающих дальнейшей внешнеэкономической экспансии Уолл-стрит⁹⁴.

В. И. Ленин еще в 1916 г. писал, что «свободный рынок все более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты с каждым днем урезают его...»⁹⁵.

Прикрываясь лозунгом «равных возможностей», американские монополисты рассчитывали подчинить слабые в экономическом отношении страны, захватить их рынки и превратить их природные богатства в источник сырья для капиталистической промышленности США. «Лозунг «равных возможностей», — отмечал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Р. Арисменди, — является выражением уверенно-

⁹² См.: «Press Releases», 10.III, 28.IV 1934, p. 133, 230.

⁹³ См.: «Press Releases», 1934, p. 257, 321, 431—434; 1935, p. 164, 345, 348; 1936, p. 114; C. Hull. International Trade and Domestic Prosperity. Washington, 1934, p. 7—9; W. Feurlein and E. Hannan. Dollars in Latin America. New York, 1941, p. 2; R. A. Smith. Your foreign policy: how, what and why. New York, 1941, p. 168, 173 и др.

⁹⁴ «Соединенные Штаты, — заявил Хэлл в речи по радио 23 марта 1935 г., — стоят на перекрестке. Они находятся в наиболее выгодном по сравнению с другими странами положении для того, чтобы взять на себя мировое руководство в деле проведения более здоровой торговой политики» (C. Hull. Reciprocal Trade Agreements and Recovery Program. Address... Washington, 1935, p. 5).

⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 381.

сти монополий в том, что они в короткие сроки ликвидируют конкуренцию, если им развяжут руки в отношении их жертв»⁹⁶.

Характерно, что не кто иной, как Генри Уоллес — министр сельского хозяйства в первом правительстве Ф. Рузвельта и вице-президент США в 1940—1944 гг. — через 14 лет после начала осуществления пресловутой «торговой программы Хэлла», основанной на соглашениях о «взаимном» снижении тарифов, в интервью гаванской газете «КТК» признал, что проводимая с 1934 г. Соединенными Штатами кампания за сокращение международных таможенных тарифов представляет собой «меру, направленную против индустриализации Латинской Америки с целью сохранить эти страны в состоянии экономической зависимости»⁹⁷.

Билль о торговых соглашениях на основе взаимности был подготовлен государственным департаментом к концу февраля 1934 г. Ф. Рузвельт его одобрил и 2 марта в специальном послании конгрессу потребовал «уполномочить президента вступать в исполнительные соглашения с иностранными государствами и... изменять существующие пошлины и импортные ограничения таким образом, каким это окажется выгодным для американского сельского хозяйства и промышленности»⁹⁸. Ссылаясь на то, что торговля США за годы экономического кризиса сократилась в большей степени, чем мировая торговля в целом, и что правительства большинства стран мира пользуются правом заключения исполнительных торговых соглашений, не требующих в отличие от договоров и конвенций ратификации законодательным органом, а также правом изменять без санкции этого органа таможенные тарифы, Рузвельт потребовал от конгресса полномочий на снижение импортных пошлин до 50%. Это должно было «дать правительству возможность торговаться... с другими правительствами путем быстрых и решительных переговоров»⁹⁹.

После длительных дебатов и внесения ряда «поправок» билль прошел в конце марта в палате представителей, а в начале июня в сенате. 12 июня он был подписан президентом, а также К. Хэллом и стал законом под названием «Акта об исправлении тарифного закона 1930 г.» (т. е. акта Хаули — Смута)¹⁰⁰.

Новый акт давал президенту на трехлетний срок право заключать торговые соглашения с другими странами без обсуждения и ратификации их конгрессом, понижать или повышать

⁹⁶ Р. А р и с м е н д и. Вторжение доллара в Латинскую Америку. М., 1948, стр. 156.

⁹⁷ Цит. по: «Правда», 21.VII 1948.

⁹⁸ «Congressional Record», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 4, p. 3715—3716.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibid., p. 5913, 9072, 10735. Текст акта см. в Speeches and documents in American history, v. 4. London, 1944, p. 129—131.

в пределах до 50% импортные пошлины, исключать из пользования указанными снижениями те или иные страны.

В ближайшие же годы правительство США заключило торговые соглашения на основе «взаимности» с двумя десятками стран (половину их составляли республики Латинской Америки), и к началу второй мировой войны на эти страны приходилось 60% всего внешнеторгового оборота Соединенных Штатов¹⁰¹.

Готовя новые торговые соглашения, специально созданный Комитет по торговой политике под руководством заместителя государственного секретаря У. Филлипса исходил из принципа получения максимальных выгод для монополий США и предоставления минимальных уступок их конкурентам. «Мы уменьшали пошлины только после тщательного изучения всех относящихся к делу факторов... и только в тех случаях, когда другие страны в обмен на изменение наших пошлин соглашались на лучшее обращение с нашими экспортерами, — говорил К. Хэлл в конгрессе, — причем мы уменьшали пошлины лишь настолько, чтобы... это не нанесло ущерба ни одной отрасли производства в сельском хозяйстве, в добывающей или обрабатывающей промышленности. Там, где это было необходимо в качестве дополнительной гарантии, мы ограничивали объем импорта, на который распространялось понижение пошлины»¹⁰².

Одним из условий новых торговых соглашений было взаимное признание партнерами принципа «безусловного наибольшего благоприятствования», что обеспечивало США преимущественное по сравнению с их конкурентами положение на рынке страны-партнера. Но, требуя от других стран максимальных привилегий для своих экспортных товаров, сами США старались обойтись минимальными уступками. Достигалось это применением правила «главного поставщика» — уступки предоставлялись странам, признанным главным поставщиком того или иного товара, для чего была проведена переклассификация всех товаров. При заключении договора США снижали импортные пошлины лишь на те товары, основным поставщиком которых являлась данная страна.

При наличии принципа «безусловного наибольшего благоприятствования» правило «главного поставщика» всегда приносило США гораздо больше выгоды, чем их партнеру, так как, являясь экспортером многих видов сельскохозяйственной и промышленной продукции, США извлекали пользу почти из всякой уступки, предоставленной их партнером третьим странам.

¹⁰¹ А. С. Кодаченко. Англо-американская борьба за рынки сбыта (1929—1933). М., 1959, стр. 70.

¹⁰² Цит. по: W. Diebold. New Directions in Our Trade Policy. New York, 1941, p. 16—17.

Для охраны своего рынка США использовали также систему квот. Товары, на ввоз которых пошлины были снижены, ввозились по этим пошлинам лишь в объеме, установленном квотой, а все, что превышало ее, ввозилось по повышенным тарифам. Не удивительно, что средний уровень таможенного обложения импорта в США понизился лишь с 46% до 36% и оставался более высоким, чем в других капиталистических странах¹⁰³.

Программа торговых соглашений «на основе взаимности» оказалась весьма гибким инструментом, позволившим монополиям США увеличить свой экспорт, сохранив на запоре внутренний рынок США. «Если взять средние данные за 1934 и 1935 гг. и соответствующие данные за 1937 и 1938 гг., то мы найдем, что наш экспорт в целом вырос на миллиард долларов, или на 46%..., — заявил Хэлл в 1940 г. — Это вызвано рядом причин, но о роли, сыгранной программой торговых соглашений, свидетельствуют следующие данные: наш экспорт в страны, с которыми заключены торговые соглашения, вырос за указанный период на 61%, тогда как экспорт в страны, с которыми торговых соглашений нет, вырос лишь на 38%»¹⁰⁴. Между тем импорт за тот же период вырос на 36,2%, причем из стран, с которыми были заключены торговые соглашения, вырос на 35,2%, а из остальных — на 37%¹⁰⁵. Таковы были некоторые результаты «взаимности», на основе которой США заключили свои торговые соглашения.

Но, кроме того, эти соглашения, разрекламированные Вашингтоном как важное звено политики «добраго соседа», имели и другую сторону. Они должны были помочь монополистам задушить молодую национальную промышленность латиноамериканских стран, оставив ее совершенно незащищенной перед лицом конкуренции высокоразвитой промышленности США. «...Торговые соглашения, основанные на «взаимности», — пишет У. З. Фостер, — были направлены к тому, чтобы увековечить существующие экономические взаимоотношения, ставившие страны Латинской Америки в положение колонии их мощного северного соседа. Их целью было сделать экономику латиноамериканских стран придатком экономики США, а не ее конкурентом»¹⁰⁶.

Не удивительно поэтому, что программа торговых соглашений «на основе взаимности» и в 1930-х годах и в послевоенный период пользовалась полной поддержкой магнатов Уолл-стрит, интересам которых она полностью отвечала. Действие законода-

¹⁰³ W. Diebold. Op. cit., p. 20.

¹⁰⁴ Цит. по: W. Diebold. Op. cit., p. 7.

¹⁰⁵ См.: А. С. Кодаченко. Указ. соч., стр. 69—70.

¹⁰⁶ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 600.

тельства о торговле «на основе взаимности» неоднократно продлевалось¹⁰⁷.

Спустя три недели после подписания «Акта об исправлении тарифного закона 1930 г.» было официально объявлено о предстоящем заключении первого торгового соглашения «на основе взаимности» с Кубой. Переговоры о нем начались в конце января и велись до конца июля 1934 г. 24 августа оно было подписано, а 3 сентября 1934 г. вошло в силу¹⁰⁸. От всех последующих торговых соглашений, заключенных Соединенными Штатами на основе акта от 12 июня 1934 г., оно отличалось тем, что условия его не распространялись на третьи страны. Это обстоятельство, позволившее США предоставить Кубе на первый взгляд более значительные уступки, чем всем другим странам, объясняется тем, что 75 % кубинского сахара, составлявшего две трети экспорта Кубы в США, принадлежало американским компаниям. Иначе говоря, это были уступки не столько Кубе, сколько эксплуатировавшим эту страну американским монополиям.

Первая статья соглашения сохраняла существовавшее положение в отношении товаров обеих стран, не облагавшихся импортными пошлинами. Во второй и третьей статьях говорилось о взаимных тарифных уступках сторон по целому ряду категорий экспортируемых ими товаров, перечисленных в двух перечнях, приложенных к соглашению. Статья пятая устанавливала, что за исключением сахара и табака ни на какие другие категории товаров, из числа тех, пошлины на которые снижаются, никакие количественные импортные ограничения налагаться не будут. Тем самым узаконивалась квота на ввоз в США основных продуктов кубинского экспорта, тогда как объем американского экспорта на Кубу никак не ограничивался.

Восьмая статья предусматривала обращение на основе принципа наибольшего благоприятствования и национальное обращение (т. е. на равных правах с подданными данной страны) в отношении обложения ввозимых другой стороной товаров внутренними налогами. Здесь же фиксировались максимальные ставки этих налогов и указывалось, что увеличение их запрещено. Десятая статья запрещала увеличение пошлин в связи с обесценением валюты, пока последнее не превысит 10 %. Одиннадцатая статья запрещала мероприятия, сводящие на нет ценность сделанных уступок. Пятнадцатая статья исключала из действия соглашения Филиппины и другие владения США. Соглашение было заключено на три года¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Последний раз оно было продлено до 30 июня 1962 г.

¹⁰⁸ См.: «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 108—181; Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 237—242.

¹⁰⁹ «Press Releases», 25.VIII 1934, p. 118—119, 122—123.

Формально по торговому договору 1934 г. обе стороны представляли друг другу существенные взаимные тарифные уступки. На самом деле «взаимность» была чисто внешней. Основными уступками со стороны США было снижение пошлины на кубинский сахар (на 40 %) и табак, составлявшие соответственно 68,2 и 8,6 % экспорта Кубы в 1934 г. Но это снижение распространялось только на разрешенные квотой ко ввозу с Кубы в США 1902 тыс. т сахара. Снижались также пошлины на ром, табак, овощи и фрукты. Но последние разрешалось ввозить по пониженным пошлинам лишь в ранний сезон года, до созревания их в США. На ввоз табака была также установлена квота — не более 18 % потребляемого в США сигарного табака¹¹⁰.

Совершенно иначе выглядят уступки, полученные США. Куба обязалась не увеличивать пошлин на те товары американского экспорта, на которые пошлины, по данному соглашению, не снижались. США такого обязательства не давали. Куба обязалась также ликвидировать введенные ею в 1927 г. покровительственные пошлины, имевшие целью несколько ослабить зависимость острова от импорта пищевых продуктов и создать свое животноводство и зерновое хозяйство¹¹¹. Наконец, Куба обязалась снизить внутренние налоги на целый ряд американских товаров и не увеличивать их на остальные категории американских товаров.

Но основные уступки Кубы шли по линии снижения на 25—70 % тарифов (и предоставления других преимуществ в тарифном обложении) на пищевые продукты и промышленные товары из США. Всего Куба сделала тарифные уступки по 426 статьям ввозимых из США товаров¹¹².

¹¹⁰ «Press Releases», 25.VIII 1934, p. 131—133.

¹¹¹ Под защитой покровительственных пошлин на Кубе начали развиваться своя пищевая, текстильная, цементная, деревообрабатывающая промышленность, свиноводство, птицеводство и производство необходимых для населения зерновых культур (См. Great Britain. Department of overseas trade. Report on the Economic Conditions in Cuba. November, 1927, by L. S. Hughes-Hallet. London, 1928; Economic Controls and Commercial Policy in Cuba. Washington, 1946, p. 3, 5—8).

¹¹² В частности, резко снижались кубинские импортные пошлины на растительное масло и соевые бобы (на 80 %), лярд (на 70,3 % с обязательством довести снижение к октябрю 1936 г. до 85 % и ликвидировать потребительский налог, составлявший 1 доллар со 100 фунтов лярда), соленую свинину (на 37 %), картофель (на 50 %), муку, рис, фрукты, птицу, консервы и т. д. Крупные уступки, дававшие им преимущество перед другими экспортерами на Кубу, США получили по таким статьям, как текстильные полуфабрикаты, ткани и готовые изделия, автомобили (снижение пошлин до 50 %), кино, радио- и электроаппаратура, промышленное оборудование, пишущие и счетные машинки, изделия из стали, железа, меди и других металлов, лес и пиломатериалы, бумагу, картон, целлофан (снижение на 60 %), химические, медицинские, стеклянные, резиновые и кожаные изделия, шины, кино-

Подписание торгового договора 1934 г. сопровождалось широковещательными заявлениями ваппингтонских руководителей, что он является якобы «величайшим благодеянием» для кубинцев и улучшает американско-кубинские торговые отношения ¹¹³. В связи с этим орган Компартии США писал: «Чьи торговые отношения? Отношения американских экспортеров товаров на Кубу и американских сахарных компаний на Кубе» ¹¹⁴.

Действительно, основная «уступка» правительства США Кубе — снижение на 40% пошлины на сахар — была лишь ловкой деловой операцией, которая сама по себе принесла в карманы американских владельцев сахарной промышленности Кубы от 25 до 30 млн. долл. в 1934 г. и обещала принести в 1935 г. около 50 млн. долл., т. е. столько же, сколько составила общая сумма прибыли, полученная ими за весь урожай сахарного тростника 1933 г. ¹¹⁵ Кубинцы лишь производили сахар, а принадлежал он монополистам с Уолл-стрит.

Не удивительно, что новое торговое соглашение не успело еще даже формально войти в силу, а Ассоциация американских промышленников-экспортеров уже поспешила прислать К. Хэллу благодарственную телеграмму за заключение «договора, снижающего высокие тарифные барьеры, воздвигнутые против обширного и многообразного числа наших товаров», что представляет «весьма существенную основу для увеличения нашего бизнеса на Кубе» ¹¹⁶. Подобные же телеграммы и письма прислали Американская торговая палата на Кубе, «Электрик бонд энд шэйр компани», «Кьюбэн телефон компани», «Юнайтед фрут компани». Последняя объявила также, что с 5 сентября 1934 г. число рейсов ее судов на Кубу удваивается ¹¹⁷.

Но этого было мало. Американский торговый атташе в Гаване добился принятия правительством Мендиэты нового тарифного закона, выгодного американским монополистам. По этому закону устанавливалась обратнопропорциональная зависимость между объемом импорта какой-либо страны из Кубы и размером

фильмы, электролампы (снижение на 50—60%), табак и табачные изделия (снижение на 40—60%) и т. д. («Press Releases», 25.VIII 1934, p. 123—130).

¹¹³ C. Hull. Some aspects of American foreign policy Address... Washington, 1935, p. 6; S. Welles. The Trade Agreements program in our inter-american relations. Address... Washington, 1936, p. 2 и т. д. Официальную версию государственного департамента подхватили затем многие буржуазные историки (см.: G. Stuart. Latin America and the United States. New York, 1943, p. 243 и др.).

¹¹⁴ «Communist», Sept. 1933, v. 12, N 9, p. 915.

¹¹⁵ См. отчет британского генерального консула в Гаване своему правительству: Economic Conditions in Cuba. Report, April 1935, by T. J. Rees. London, 1935, p. 7.

¹¹⁶ «Press Releases», 1.IX 1934, p. 142.

¹¹⁷ «Ahora» (La Habana), 28.VIII, 6.IX 1934.

кубинских пошлин на экспортируемые этой страной на Кубу товары¹¹⁸. Так, Япония покупала на Кубе в 4 раза меньше, чем в США, следовательно, ее товары облагались вчетверо большими пошлинами, чем американские. Таким методом монополии США боролись с конкуренцией более дешевого японского текстиля. Наконец, в 1935 г. под нажимом из Вашингтона кубинское правительство вообще расторгло свой торговый договор с Японией¹¹⁹.

В июне 1935 г., подводя в редакционной статье итоги года, прошедшего со дня принятия акта от 12 июня 1934 г., еженедельник «Нэйшн» констатировал: «Наш экспорт на Кубу в течение первых нескольких месяцев действия договора («на основе взаимности». — Э. Н.) увеличился в большей степени, чем наш импорт»¹²⁰.

Это подтверждают и официальные данные. Так, Кэффери сообщал в государственный департамент, что увеличение торговли США с Кубой за время с сентября 1934 г. по июль 1935 г. оценивалось Американской торговой палатой в Гаване следующим образом: импорт разных видов машин и запасных частей Кубой вырос на 15—100 %, электроаппаратуры и электро-бытовых приборов — на 45—85 %, сельскохозяйственных машин и частей к ним — на 558 %, продукции из стали — на 47 %, автомобилей — на 97 %, продовольствия (лярд, другие жиры, консервы, солонина, мука и т. д.) — на 120—300 %, цемента — на 400 %, фотоаппаратов и частей к ним — на 53 %, нефтепродуктов — на 38 %, стройматериалов — на 348 %, фармацевтических товаров — на 10—30 %, запасных частей к обувным машинам — на 86 %, швейным машинам — на 250 %, табачным машинам — на 800 %¹²¹.

В целом за первый год действия американо-кубинского торгового договора 1934 г. экспорт США на Кубу увеличился по стоимости более чем вдвое, в том числе экспорт сельскохозяйственных продуктов с 6,8 до 14,9 млн. долл.¹²² А в начале 1937 г. государственный департамент объявил, что «поражительное возрождение кубино-американской торговли, характеризовавшее первый год» торговли по новому договору, продолжалось и второй год, окончившийся в августе 1936 г. За второй год действия договора стоимость американского экспорта со-

¹¹⁸ U. S. Tariff Commission. The Foreign Trade of Latin America. Washington, 1942, v. 2, part 2, p. 231—232; Economic Controls and Commercial Policy in Cuba, p. 5, 9—10, 19.

¹¹⁹ The Foreign Trade of Latin America, v. 2, part 2, p. 232; Economic Controls..., p. 12.

¹²⁰ «Nation», 26.VI 1935, p. 731.

¹²¹ «Economic Geography», 1937, v. 13, № 2, p. 129; «Press Releases», 28.IX 1935, p. 220—224.

¹²² «Press Releases», 26.IX 1936, p. 264; 17.X 1936, p. 319.

ставила 64 млн. долл. по сравнению с 55 млн. долл. за первый год его действия¹²³. В 1938 г. она достигла 75 млн. долл., т. е. увеличилась почти вдвое с 1933—1934 гг.¹²⁴ По данным кубинского исследователя Оскара Пино-Сантоса, весь импорт Кубы с 1939 по 1940 г. вырос на 59%, импорт ее из США — на 122% и, наконец, удельный вес импорта из США во всем кубинском импорте — с 56% до 78%¹²⁵.

Кубино-американский торговый договор 1934 г. был призван восстановить емкость кубинского рынка сбыта продукции американских монополий и помочь увеличить прибыли действующих на Кубе американских сахарных и других компаний. Некоторые уступки, сделанные правительством США по этому договору, были обусловлены тревогой перед нараставшей на Кубе народной антиимпериалистической революцией и желанием не допустить ее. Не случайно газета «Вашингтон Пост» подчеркивала, что в отличие от других торговых соглашений, заключенных США, соглашение с Кубой «диктовалось как экономическими, так и политическими соображениями»¹²⁶.

Торговый договор 1934 г. закрепил положение Кубы в качестве страны монокультуры, привязанной только к одному рынку, где она вынуждена была продавать сахар и табак и покупать необходимые ей товары и продукты. По существу он закрепил колониальное господство американского капитала на Кубе. Не удивительно, что один из заправил «Америкэн шугэр рифайнинг компани» — некий Эрл Бэбст, характеризуя этот договор, заявил в порыве откровения, что «это был шаг в направлении здоровой колониальной политики»¹²⁷.

Демократические силы Кубы, в том числе коммунисты, открыто выражали свой протест и вели борьбу против нового торгового договора посредством организации митингов, собраний, конференций и выступлений в прессе. Так, орган компартии газета «Бандера Роха», разоблачая торговое соглашение

¹²³ «Economic Geography», 1937, v. 13, № 2, p. 129.

¹²⁴ The Foreign Trade of Latin America, v. 2, part 2, p. 236; «Коммунистический интернационал», 1940, № 5, стр. 111.

¹²⁵ O. Pino Santos. El Imperialismo Norteamericano en la economía de Cuba. La Habana, 1960, p. 34. Эти данные выглядят особенно контрастно на фоне общего довольно медленного роста американского экспорта в 1934—1938 гг., так как даже тот весьма незначительный рост производства, который имел место в США после окончания экономического кризиса 1929—1933 гг., не обеспечивался увеличением сбыта. В период с 1933 по 1937 г. среднегодовая стоимость экспорта США составляла 2,4 млрд. долл., тогда как в период с 1926 по 1930 г. она превышала 5 млрд. долл. (См.: G. Beckett. The Reciprocal Trade Agreements Program. New York, 1941, p. 79).

¹²⁶ «Washington Post», 4.II 1935.

¹²⁷ The American Sugar Refining Company. Annual Report: 1934. New York, 1935, p. 11. Цит. по: R. Smith. The United States and Cuba..., p. 161.

с США как очередной обман народа, подчеркивала, что этот договор и установление квоты на ввоз кубинского сахара в США приведут к сокращению национального производства и покупательной способности трудящихся, что они служат интересам сахарных магнатов и являются инструментом империалистического разбоя, затягивающим петлю господства монополий янки на Кубе¹²⁸.

О том, что нес новый торговый договор Кубе, сказал в своем выступлении на VII конгрессе Коминтерна генеральный секретарь ЦК Компартии Кубы т. Блас Рока. «Договор о взаимности, заключенный между правительством национальной измены Мендиэты — Батисты и США,— заявил он,— является договором, усиливающим империалистическое ярмо, является договором, которым разрушает слабое национальное производство, препятствует или делает гораздо более затруднительным осуществление любого плана создания многоотраслевого хозяйства, ведет к усилению монокультурного характера страны»¹²⁹.

Действительность очень скоро подтвердила правильность этих оценок. Едва новое торговое соглашение успело войти в силу, как на Кубу хлынуло огромное количество дешевого американского лярда, что нанесло сильнейший удар по свиноводству и очень скоро привело к закрытию двух фабрик синтетического лярда вблизи Гаваны. Та же участь постигла и фабрику подсолнечного масла, не выдержавшую конкуренции оливкового масла из США. Новый договор нанес ущерб местной обувной и текстильной промышленности и привел к сокращению производства на Кубе риса и других сельскохозяйственных культур¹³⁰. Снижение пошлин на фрукты, овощи, табак, мясные и молочные продукты из США ударило по кубинскому крестьянству. Только на продаже риса Куба потеряла 10 млн. долл. убытка¹³¹.

В то же время, как отмечал в конце 1937 г. кубинский профсоюзный деятель С. Вилар, 37,5 млн. долл., полученных в результате снижения американских пошлин на ввоз кубинского сахара, попали в руки крупных компаний и лишь крупницы от этой огромной суммы достались 40 тыс. крестьян, занимавшихся разведением сахарного тростника¹³².

Обрекая Кубу на положение аграрно-сырьевого придатка Соединенных Штатов, торговое соглашение 1934 г. тем самым сохраняло засилье на ней латифундистских элементов, тормо-

¹²⁸ «Bandera Roja» (La Habana), 18.IX 1934.

¹²⁹ «Communist», 1935, v. 14, № 10, p. 956.

¹³⁰ Economic Conditions in Cuba. Report... by T. J. Rees, p. 13; Problems of the New Cuba, p. 63; J. Le Riverend Brusone. República: Dependencia y Revolución. La Habana, 1961, tema XXII, p. 2.

¹³¹ «Коммунистический Интернационал», 1940, № 5, стр. 111.

¹³² «Коммунистический Интернационал», 1938, № 1, стр. 31.

зило развитие национальной буржуазии, увековечивало империалистический гнет, полуфеодалную реакцию, нищету и разорение широких трудящихся масс.

2. Батиста становится боссом

«Куба снова кипит!» Реаленго-18

Американская «экономическая помощь», свержение правительства Грау Сан Мартина и создание диктаторского режима Мендиэты — Батисты — все это были разные стороны одной империалистической политики, имевшей целью «стабилизировать положение», т. е. подавить силы революции на Кубе и создать там возможности для дальнейшего усиления позиций американского капитала и неограниченной эксплуатации им народа и ресурсов острова. Для американского империализма всегда был характерен метод удушения под предлогом помощи.

Однако, несмотря на все меры «помощи» из Вашингтона, несмотря на репрессии, издание декрета о смертной казни за «террор и саботаж» и создание военно-полевых судов, «навести порядок» на Кубе явно не удавалось. 15 июня 1934 г. взорвалась бомба на официальном завтраке, ранив президента Мендиэту и убив несколько человек. 18 июня во время парада колонна из нескольких тысяч членов «АВС» дважды подверглась пулеметному и ружейному обстрелу. В связи с этим четыре министра — члена этой партии — вышли в отставку, а сама «АВС» перешла в оппозицию правительству, обвиняя его в неспособности поддержать «порядок». В конце июня против правительства восстал экипаж канонерской лодки «Куба»¹³³.

В Вашингтоне, конечно, отдавали себе отчет в том, что правительство Мендиэты не пользуется популярностью у кубинцев. Посол США в Мексике Даниэльс в письме Хэллу летом 1934 г. писал: «Я думаю, что Куба не станет спокойной до тех пор, пока кубинцы не будут иметь президента, избранного ими самими»¹³⁴. «Я полагаю, что Мендиэта — честный человек, — писал он в другом письме тому же Хэллу, — но либеральные кубинцы не считают его сочувствующим тому, что мы бы назвали «новым курсом». Даниэльс выражал также надежду на отзыв Кэффери из Гаваны. «Я мог бы пожелать, — замечал он, — чтобы мы имели в качестве посла на Кубе человека нового типа. Уэллес и Кэффери — дипломаты старой школы, никогда не видевшие ничего дурного в дипломатии того типа, которая

¹³³ «Press Releases», 16, 23.VI 1934, p. 406, 417; «Daily Worker», 20, 26.VI 1934; «Current History», VIII 1934, v. 40, p. 594—596.

¹³⁴ «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 564.

лишила нас доверия народов Латинской Америки в прошлые годы...»¹³⁵

Однако Хэлл, судя по его собственному признанию¹³⁶, отнюдь не был рьяным поклонником политики «нового курса», проводимой Ф. Рузвельтом в те годы, и отнюдь не разделял взгляды Даниэльса, считавшего отказ в признании правительства Грау Сан Мартина ошибкой Вашингтона. Этим, видимо, и объясняется то, что ответ Хэлла на письмо Даниэльса был чрезвычайно уклончивым¹³⁷.

Вашингтону с большим трудом удалось сплотить грызшиеся между собой различные группировки кубинских правящих классов и добиться создания так называемого «правительства национальной концентрации» во главе с Мендиэтой с тем, чтобы противопоставить революционному брожению масс единый лагерь реакционных сил. И теперь, когда одна из основных партий правительственной коалиции — «АВС» — отказалась поддерживать это, с таким трудом сколоченное правительство, а политическая обстановка на острове стала вновь накаляться, государственный департамент и Белый дом были прежде всего озабочены тем, чтобы сохранить у власти правительство Мендиэты.

Комментируя покушение на Мендиэту и отражая официальную точку зрения, газета «Вашингтон Пост» в передовой, озаглавленной «Куба снова кипит», в угрожающем тоне предупреждала кубинцев: «Соединенные Штаты отказались от ответственности за поддержание закона и порядка на острове, но наше право вмешиваться для защиты жизни и собственности американцев еще существует. Все друзья Кубы и Соединенных Штатов искренне надеются, что дела не зайдут так далеко и подобные действия не понадобятся»¹³⁸.

По просьбе Мендиэты правительство США наложило эмбарго на вывоз оружия и военных материалов из Соединенных Штатов на Кубу¹³⁹. Но эта мера мало что изменила. 4 июля 1934 г. автор редакционной статьи в еженедельнике «Нэйшн» констатировал, что «Куба продолжает оставаться источником постоянных затруднений для государственного департамента... Едва был объявлен новый договор, аннулировавший поправку Платта, как вспыхнули бунты против протеже государственного департамента — президента Мендиэты»¹⁴⁰.

¹³⁵ «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 564.

¹³⁶ C. H u l l. Memoirs, v. I, p. 190—199, 202, 207.

¹³⁷ «НАНР», XI 1959, v. 39, № 4, p. 564.

¹³⁸ «The Washington Post», 18.VI 1934.

¹³⁹ «Foreign Relations — 1934», v. 5, p. 185—188; «Press Releases», 30.VI 1934, p. 454—456.

¹⁴⁰ «Nation», 4.VII 1934, v. 139, p. 3.

Во второй половине июня — начале июля бастовали рабочие сентралей Толедо (Гавана), Тиунику, Сан-Хосе (Лас-Вильяс), ряда сентралей и других предприятий в провинции Ориенте¹⁴¹. Коммунистические организации в кубинской армии и флоте обратились к солдатам, матросам, полицейским с призывом поддерживать бастующих. В листовке, датированной 4 июля и содержавшей этот призыв, говорилось: «В Мансанильо, Медиа-Луна, Никеро, Пилоне, Вегита тысячи трудящихся поднимаются на грандиозную всеобщую забастовку против голода и безработицы, против террора... Всеобщая забастовка полностью парализовала многие сентралы, порт, хлебопекарни, автотранспорт, мастерские и т. д. ...Бастующие сохраняют высокий боевой дух и решимость.

...Коллективно отказывайтесь от отправки в Мансанильо! Отказывайтесь стрелять в своих братьев по классу!.. Долой террор Батисты!.. Не допустим, чтобы военный трибунал осудил наших товарищей с канонерки «Куба»!.. Поддержим голодовку политзаключенных Кастильо дель Принсипе!.. Потребуем вывода эсминца (США.— Э. Н.) «Омаха»!»¹⁴².

10 июля по призыву КНОК провели 24-часовую забастовку 50 тыс. рабочих Гаваны, потребовавших права стачек и собраний, освобождения команды восставшей канонерки «Куба», освобождения политзаключенных и признания Национальной конфедерации рабочих Кубы. Забастовкой руководила компартия при поддержке отколовшегося от «АВС» левого крыла и студентов. В июле в Гаване бастовали также газетчики, телефонные и телеграфные служащие, работники городского транспорта¹⁴³.

В то же время на фабриках столицы проходили встречи с членами кубинской профсоюзной делегации, вернувшейся из поездки на празднование 1 Мая в СССР. Рабочие Гаваны с энтузиазмом слушали рассказы делегатов об успехах страны социализма¹⁴⁴.

¹⁴¹ «Bandera Roja» (La Habana), 1.VII 1934, № 19; «Daily Worker», 18.VI 1934.

¹⁴² ГМР СССР, 11104/5—2, Л-616-110 (см. прилож. № 5).

¹⁴³ «Правда» 3.VII 1934; «Daily Worker», 12.VII 1934; «Current History» IX 1934, v. 40, p. 715.

¹⁴⁴ Когда один из делегатов — Гарсиа Мерино — выехал для чтения лекций о Советском Союзе в Сантьяго, власти немедленно его арестовали («Daily Worker», 30.VII 1934). Однако попытки помешать распространению правды о первом государстве рабочих и крестьян и установлению братских контактов между рабочим классом СССР и Кубы были обречены на провал. В письме, отправленном в июле 1934 г. Союзу рабочих сахарной промышленности Кубы (СНОИА) представителями пяти советских профсоюзов (рабочих совхозов, лесной и сахарной промышленности, МТС и батрачества), от имени 2 млн. членов этих союзов выражалось восхищение «героической революционной борьбой сво-

В августе бастовали шоферы и кондукторы автобусов Гаваны, а железнодорожники в знак солидарности с ними отказались перевозить солдат и штрейкбрехеров. Забастовка в министерстве связи парализовала на несколько дней всю связь. В начале и конце месяца были раскрыты два заговора в армии. 28 августа под нажимом рабочих ушел в отставку министр путей сообщения¹⁴⁵. В сентябре забастовки продолжались. Велась подготовка всеобщей стачки. 4 сентября, в годовщину восстания, свергнувшего проамериканское правительство де Сеспедеса, студенты организовали демонстрацию, во время которой торжественно сожгли портрет Батисты. Правительство ответило репрессиями. Убийство полицией двух студентов вызвало новую «бомбовую» кампанию. Только за одни сутки (18 сентября) в разных районах Гаваны взорвалось 35 бомб. В своих листовках студенты требовали подчинения военных властей гражданским и угрожали использовать «все средства» для свержения правительства Мендиэты — Батисты¹⁴⁶.

Осенью 1934 г. заработная плата в западных провинциях Кубы была ниже, чем в 1909—1910 гг., и в октябре забастовочная волна резко усилилась. 8 октября остров охватила всеобщая забастовка, в которой участвовало 200 тыс. железнодорожников, рабочих сахарных заводов, докеров, автобусных и трамвайных служащих, студентов и т. д. Забастовка сопровождалась столкновениями с полицией. Крупную роль в организации этой и других забастовок сыграла Коммунистическая партия Кубы и КНОК¹⁴⁷.

Однако в результате допущенных ошибок и раскольнической деятельности С. Хунко и других ренегатов, отколовших еще в конце 1933 г. Рабочую федерацию Гаваны от Национальной рабочей конфедерации Кубы (КНОК), последняя потеряла часть рабочих. В частности, с мая по ноябрь 1934 г. число членов Союза рабочих сахарной промышленности (СНОИА) сократилось с 140 до 110 тыс.¹⁴⁸.

В ноябре в провинциях состоялись местные собрания и конференции, а затем национальный съезд Ассоциации колонов. Но у руководства ею стояли богатые крестьяне. КНОК и СНОИА

их братьев по классу — рабочих-сахарников Кубы» и содержалось приглашение им прислать в Москву свою делегацию на празднование 17-й годовщины Октябрьской революции (ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 160, лл. 2—3).

¹⁴⁵ «Daily Worker», 14.VIII 1934; «Morning Post», 8.VIII 1934; «Times», 24.VIII 1934; «Current History», X 1934, v. 41, p. 88.

¹⁴⁶ ГМР СССР, 30207/644, Г-616-13ы; 13320/6, Л-616-3ж; «Daily Worker», 4, 15, 18.IX 1934; «Current History», XI 1934, v. 41, p. 216.

¹⁴⁷ «Daily Worker», 3, 8, 9.X 1934; «Current History», XII 1934, v. 41, p. 346; Problems of the New Cuba, p. 63.

¹⁴⁸ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 1, 29—30 и другие материалы ЦГАОР.

были оторваны от Ассоциации¹⁴⁹. Между тем в провинциях вновь активизировалось крестьянское движение. Еще летом 1934 г. восстали крестьяне района Реаленго-18¹⁵⁰ (муниципийа Гуантанамо, провинция Ориенте). Около 16 тыс. кабальерий (213,7 тыс. га) земли в этом районе было предоставлено в конце XIX в. ветеранам войны за независимость 1868—1878 гг. К моменту поселения им было занято под обработку лишь 360 кабальерий. Большая часть остальных земель в здешней гористой местности была мало пригодна для посевов. Однако за три десятилетия крестьяне, прилагая огромные усилия, сумели освоить эти земли. Но им приходилось вести постоянную борьбу с попытками соседних крупных землевладельцев захватить освоенные крестьянами земли.

В 1927 г. земля района Реаленго-18 была законодательно закреплена за обрабатывающими ее крестьянами, выращивавшими на ней кофе, овощи и другие культуры. Но в 1929 г. верховный трибунал под диктовку Х. Мачадо отменил решение 1927 г. и передал право на владение этой землей дочернему обществу «Канадского королевского банка» — сахарной компании «Корралильо». В связи с экономическим кризисом осуществление этого решения затянулось. Когда пришедшее к власти правительство Мендиэты попыталось его осуществить, крестьяне Реаленго-18 подняли (в июне 1934 г.) восстание. Правительство дважды отправляло туда землемеров в сопровождении отряда пехоты, кавалерии, артиллерии и даже двух самолетов (сентябрь и ноябрь 1934 г.), но натолкнулось на организованное вооруженное сопротивление крестьян¹⁵¹.

Около 30 тыс. крестьянских семей, всего в 35—40 км от военной базы США в Гуантанамо, грудью стали на защиту своей земли и создали своего рода местное народное правительство. Исполнительная власть была сосредоточена в руках центрального комитета, возглавляемого президентом — пожилым негром, ветераном войны за независимость 1895—1898 гг. Лино Альваресом, пользовавшимся огромной популярностью среди крестьян. Вице-президентом также был крестьянин Хиль Иерресуэло, секретарем — Томас Р. Пичардо, казначеем — В. Фернандес Перес. Кроме того, в центральный комитет входили шесть совет-

¹⁴⁹ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 444, л. 21—25.

¹⁵⁰ Реаленго (исп.) — земли, принадлежавшие в эпоху испанского колониального господства не помещикам и монастырям, а государству. См. об этом: D. C. Corbitt. Mercedes and Realengos: A Survey of the Public Land System in Cuba. «НАНР», v. 19, № 3, VIII 1939, p. 280—281.

¹⁵¹ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, л. 443, л. 160—161; «Bandera Roja», 1.VII 1934, № 19; «Daily Worker», 3.X; 13.XI; 1.XII 1934; P. de la Torriente-Brau. Realengo-18 y Mella, Ruben y Machado. La Habana, 1962, p. 93—95.

ников и 120 членов. Законодательная власть состояла из представителей 12 населенных пунктов, расположенных на территории Реаленго-18. Эти органы ежегодно переизбирались населением. Для участия в выборах достаточно было быть жителем Реаленго-18.

Центральный комитет провозгласил лозунг «Земля или кровь!» и организовал вооруженные отряды, насчитывавшие 1,5 тыс. бойцов и состоявшие в значительной мере из ветеранов войны за независимость 1895—1898 гг. Они окопались в горах и установили вооруженную охрану границ своего района. Крестьяне Реаленго-18 отказались сдать оружие и выполнять распоряжения правительства Мендизеты, а также платить ему налоги. Один из шести знаменитых манифестов, выпущенных ими, заканчивался словами: «За свободное владение землей теми, кто ее обрабатывает!» Повстанцы послали делегации в Гавану, Сантьяго, Мансанильо и другие города для связи с КНОК. Их поддержали крестьяне соседних районов Каухэри, Монте-Руж, Барбакао, Савана де Парана и Саито. Районная профсоюзная рабочая федерация в знак солидарности с крестьянами Реаленго-18 объявила всеобщую забастовку¹⁵².

Огромную роль в организации массовой кампании поддержки повстанцев, борющихся против сгона их с земли латифундистами и иностранными капиталистами, сыграла Коммунистическая партия Кубы, генеральным секретарем которой к этому времени стал т. Блас Рока¹⁵³.

С самого своего основания компартия уделяла большое внимание бедняцким массам деревни и аграрному вопросу в целом. Решение его коммунисты связывали с национально-освободительной борьбой и глубокой аграрной реформой, которая бы ликвидировала латифундии и безвозмездно передала землю тем, кто

¹⁵² «Правда», 5, 19.X; 13.XI; 1.VII 1934; «Daily Worker», 13.XI, 1.XII 1934; «Diario de la Marina», 10, 29.XI 1934; P. de la Torriente-Brau. Op. cit., p. 83—86, 99—100, 101—103.

¹⁵³ Блас Рока (настоящее имя Франсиско Кальдеро) родился в городе Мансанильо 24 июля 1908 г. В 1919—1930 гг. работал продавцом газет, столяром, учителем в начальной школе, сапожником, рабочим на обувной фабрике в городе Мансанильо. С 1929 по 1930 г. был секретарем городского комитета профсоюза рабочих обувной промышленности. В 1929 г. вступил в коммунистическую партию. Вскоре был избран секретарем провинциального комитета партии, а затем секретарем комитета компартии в Гаване. В 1933 г. вошел в состав Центрального Комитета, Политбюро и секретариата ЦК. С 1934 г. он — генеральный секретарь коммунистической партии, а с 1944 г. — Народно-социалистической партии Кубы. В настоящее время — член руководства и один из секретарей Единой партии социалистической революции. Блас Рока — автор работ по теоретическим и политическим вопросам, в частности, выдержавшей восемь изданий и переведенной на русский язык книги «Основы социализма на Кубе».

ее обрабатывает. Еще в конце марта 1934 г. Компартия Кубы обратилась со специальным манифестом к крестьянам, призывая их бороться за свои права, за землю ¹⁵⁴.

В одном из воззваний крестьян Реаленго-18, опубликованном в центральном органе компартии — нелегально издававшейся газете «Бандера Роха» — говорилось, что «Коммунистическая партия является единственной партией, которая считает правильной нашу форму свободной борьбы против эксплуататоров, в защиту наших земель. Коммунистическая партия — единственная партия, которая оказала нам поддержку и руководит борьбой». В нем отмечалось также, что «из различных сахарных предприятий этого района прибывают комиссии от рабочих, предлагающих свою помощь», и подчеркивалось, что не только мужчины, но и «женщины, и дети принимают все более активное участие в борьбе, что служит доказательством того, что мы поняли необходимость бороться все как один, без различия возраста, пола и национальности» ¹⁵⁵.

Во всех провинциях коммунисты организовали широкую кампанию солидарности с повстанцами Реаленго и сбор средств в помощь им. Лозунг «Поддержка крестьянам Реаленго-18!» был одним из главных требований бастовавших рабочих Сантьяго и Мансанильо, а также участников национальной всеобщей забастовки 8 октября 1934 г. ¹⁵⁶ Нелегальная газета компартии «Эль Сентинела», издававшаяся для солдатского и сержантского состава вооруженных сил, в октябре 1934 г. опубликовала воззвание крестьян Реаленго к солдатам. «...В Реаленго, — говорилось в нем, — тысячи крестьянских семей борются для того, чтобы разорвать цепь эксплуатации... Эта борьба является борьбой всех крестьян, рабочих и угнетенных масс и одновременно является борьбой, которую проводишь ты в казарме и которая направлена к тому, чтобы уничтожить власть угнетателей, нашего общего врага — буржуазию и империализм...». Воззвание оканчивалось призывом не ограничиваться лишь пассивным отказом от борьбы против крестьян, а обратить оружие против общих врагов ¹⁵⁷.

Посланный для переговоров с крестьянами министр юстиции в опубликованном кубинской прессой заявлении назвал Реаленго-18 «государством в государстве», однако вынужден был признать, что «события в Реаленго не ограничиваются лишь одной этой местностью, но охватывают с каждым днем новые территории...». Повстанческий район он охарактеризовал как «очаг

¹⁵⁴ ГМР СССР, 12320/7, Л-616-11к; см. также: Аграрный вопрос и национально-освободительное движение. М., 1963, стр. 265—267.

¹⁵⁵ Цит. по: «Аграрные проблемы», 1934, № 11—12, стр. 138—139.

¹⁵⁶ «Правда», 5, 19.X; 16.XII 1934; ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 443, л. 162.

¹⁵⁷ Цит. по: «Аграрные проблемы», 1934, № 11—12, стр. 140; см. также: P. de la Torre y B. Brau. Op. cit., p. 103.

коммунизма» и привел интересные сведения о деятельности крестьянской власти. «Там создана правительственная хунта, которая полностью ведает всеми делами, разбирает требования и разрешает возникающие проблемы...», — заявил он. — Все имущество, находящееся на этой территории, перешло в руки правительственной хунты... В случае, если крестьянин или крестьянская семья, нуждающиеся в земле, обращаются к хунте, выражая свои желания и извещая о количестве лиц, которые должны будут жить и работать на этой земле, то хунта предоставляет крестьянину определенный отрезок земли, давая ему право обрабатывать ее без уплаты налогов... В этих условиях создалось коммунистическое правительство в этой части провинции Ориенте. Лино Альварес является одним из крупнейших руководителей этого правительства...»¹⁵⁸

Буржуазная пресса вела бешеную пропаганду против крестьян Реаленго-18 и помощи им. Но все попытки правительства Мендиэты подавить это восстание вооруженной силой провалились, и, не желая при существовавшей на острове ситуации еще больше обострять положение, правительство вынуждено было объявить «перемирие» на один год¹⁵⁹.

Вооруженное восстание в Реаленго-18 было кульминационным пунктом борьбы кубинского крестьянства за землю в 1930-х годах. Известный кубинский писатель-коммунист Пабло де ла Торриенте Брау, погибший в Испании в борьбе против фашизма, назвал события в Реаленго-18 «преддверием аграрной революции» на Кубе¹⁶⁰.

Долго еще длилась борьба крестьян Реаленго-18. Лишь четверть века спустя, в конце 1958 г., из рук революционной Повстанческой армии, руководимой Фиделем Кастро, получили они, наконец, свидетельство на владение своей землей.

Диктатура Батисты — Мендиэты, за которой стоял посол Соединенных Штатов Д. Кэффери, отвечала на забастовки и крестьянские волнения кровавыми репрессиями. В июне 1934 г. военное положение на острове было продлено на 90 дней, в октябре — еще на 30 дней. Батиста создал правительственные профсоюзы во главе со своими ставленниками с целью заменить ими КНОК. В январе 1935 г. было снова прекращено действие всех конституционных гарантий на 90 дней и установлен расстрел или пожизненное заключение за поджоги тростниковых полей и другие «акты саботажа».

¹⁵⁸ «Diario de la Marina», 29.XI 1934.

¹⁵⁹ «Правда», 1.XII 1934; «Daily Worker», 21.XI 1935; «New York Herald Tribune», 29.XI 1934. Крестьянская республика в Ориенте просуществовала пять лет.

¹⁶⁰ P. de la Torriente-Brau. Op. cit., p. 112—114.

Фактическим главой правительства был Батиста, увеличивший армию почти на треть. «При Батисте бюджет армии на треть больше, чем он был при Мачадо; экипировка — лучшая; дисциплина — более суровая, и существует большая тайная полиция», — писал в октябре 1934 г. американский еженедельник, отмечая, что вместе с реорганизованными по военному образцу полицией и вспомогательными отрядами Батиста «имеет более 25 тыс. человек, подчиненных его воле... Армия контролирует Кубу..., а Батиста контролирует армию. Он назовет следующего президента» ¹⁶¹.

Напуганные непрекращавшимся движением масс, многие латифундисты и другие крупные собственники видели теперь в Батисте и его армии лучшую защиту для себя и, как доносили в Вашингтон Кэффери, были не прочь увидеть его в качестве военного диктатора, который бы «железной рукой» покончил с революционным движением на Кубе. При этом Кэффери не без проники добавлял, что это были те же самые люди, которые всего лишь несколько месяцев назад «осуждали Батисту, как бандита и негодяя» ¹⁶².

Однако в целом правящие классы Кубы по-прежнему отнюдь не представляли собой единого лагеря. Между буржуазными партиями и их лидерами шла непрерывная борьба. После выхода в июне из правительства министров — членов «ABC» в нем остались лишь представители старых, возникших еще в период диктатуры Мачадо, трех групп бывшей буржуазно-помещичьей оппозиции. Вскоре, протестуя против засилья военщины, правительство покинули сторонники М. Гомеса и менокалисты, и к ноябрю 1934 г. оно состояло только из членов Националистического союза. Причем часть министров-членов этой партии также ушла из правительства.

Это обстоятельство вызывало беспокойство не только в Вашингтоне, но и у Батисты. В донесении 11 октября Кэффери сообщал Хэллу, что Батиста «пытается заставить президента Мендиэту понять необходимость для него иметь кабинет, пользующийся хотя бы некоторой поддержкой общественного мнения — качеством, которым его нынешний кабинет, конечно, не обладает» ¹⁶³.

В знак протеста против политики правительства Мендиэты — Батисты отказались от своих обязанностей председатель Государственного Совета К. де ла Торре (бывший глава нью-йоркской хунты) и ряд членов Совета. В связи с решением всех партий, кроме правительственной, бойкотировать назначенные

¹⁶¹ «Literary Digest», 20.X 1934, p. 17.

¹⁶² B. Wood. Op. cit., p. 387—388.

¹⁶³ Ibid., p. 108.

на декабрь 1934 г. выборы в Учредительное собрание, они были перенесены на 3 марта 1935 г.

Выходившая в Барселоне (Испания) газета «Эль Диливио» под ироническим заголовком «На Кубе все спокойно» поместила лаконичный перечень политических событий на Кубе за 1934 г.: сменилось три президента и десять кабинетов министров; частичная реорганизация кабинета происходила 33 раза; имели место два заговора в армии, одно восстание во флоте и одна попытка переворота со стороны буржуазной оппозиции, два революционных выступления под руководством компартии, две всеобщие забастовки, двадцать крупных стачечных выступлений, одно покушение на президента, три покушения на командующего армией (Батисту), семь покушений на посла США ¹⁶⁴.

Поражение всеобщей политической стачки 1935 г.

1935 год, несмотря на отмену конституционных гарантий и введение смертной казни за «действия, препятствующие уборке и обработке сахарного тростника», также начался бурно. 15 января в местечке Сагуа-ла-Гранде (Лас-Вильяс) солдаты обстреляли демонстрацию школьников, требовавших обеспечения школ учебными пособиями и увеличения числа учителей. Вслед за рабочими централье объявили забастовку служащие правительственных учреждений, в феврале забастовали студенты Гаванского университета. Студенты требовали прекращения вмешательства военщины в политическую жизнь, роспуска чрезвычайных трибуналов, восстановления конституционных гарантий и реформ. К концу февраля забастовка студентов университета распространилась на учащихся и учителей всех высших, средних и технических школ, охватив до 350 тыс. человек и заставив уйти в отставку министра просвещения и четырех других членов кабинета.

Правительство назначило во все провинции военных губернаторов. Одновременно началась волна арестов. Террор, как указывала в своем манифесте компартия, затмил времена Мачадо. Буржуазные оппозиционные партии: «АВС», менокалисты и так называемая Кубинская революционная партия создали оппозиционный блок, направленный против военной диктатуры Батисты — Мендиэты ¹⁶⁵.

Осенью 1934 г. «АВС» раскололась на две части: группу, возглавляемую Мартинесом Саенсом (основная часть), веду-

¹⁶⁴ См.: «Правда», 14.I 1935.

¹⁶⁵ ЦГАОР, ф. 5659, оп. 1, д. 444, л. 7; ГМР СССР, 30207/525, Л-616-13Ма; «Diario de la Marina», 9, 11, 15, 16, 20—28.II; 2—4.III 1935; «Daily Worker», 17, 19.I; 14, 23, 26, 27.II 1935.

щую разнузданную националистическую и антинегритянскую кампанию, п группу Карлоса Саладригаса¹⁶⁶, пытавшегося создать партию социал-демократического типа.

Кубинская революционная партия («аутентикос») была основана 8 февраля 1934 г. Грау Сан Мартином, лидерами бывшего Студенческого директората (Рубеном де Леоном, К. Прио Сокаррасом и др.) и некоторых других организаций. В те годы она включала буржуазные и мелкобуржуазные элементы — от либералов до «соцалистов» и имела довольно сильное влияние среди трудящихся-негров, безработных, а также городской мелкой буржуазии¹⁶⁷. С течением времени, однако, как социальный состав, так и программа ее значительно изменились.

Буржуазные и мелкобуржуазные партии на Кубе тех лет состояли из представителей различных классов и находились под господством то одного социального слоя, то другого. Для них были характерны постоянные внутренние раздоры, борьба тенденций, столкновения сравнительно прогрессивных и реакционных группировок, которые вели между собой борьбу за контроль над партией. В процессе этой борьбы политика, программа, идеология партий нередко менялись, хотя в партийной пропаганде и агитации часто по-прежнему использовались те же самые терминология и декларации.

Так, первое время во главе Кубинской революционной партии стояли наиболее радикальные национал-реформистские элементы. Но постепенно они заменялись правыми элементами, умеренными или поддававшимися влиянию и господству умеренных и правых течений. Лозунг первых лет — «социализм, антиимпериализм, национализм» — был отброшен в сторону. Те самые руководители, которые начали с национал-реформизма, обогатившись за счет государственной казны, связали себя с монополистическими, паразитическими интересами и, заявив, что антиимпериализм стал анахронизмом, публично отказались от него. Вместо социализма, антиимпериализма и национализма они встали на позиции неистового антикоммунизма, раскола трудящихся, теории географического фатализма и «сотрудничества» — по существу соглашательства — с империализмом США, т. е. практического подчинения страны его контролю в качестве основы всей их политики.

¹⁶⁶ В 1941 г. К. Саладригас стал премьер-министром в кабинете президента Ф. Батисты, а на выборах 1944 г. был ставленником последнего в президенты. Ф. Кастро охарактеризовал К. Саладригаса как деятеля, стремящегося болтовней о социальных реформах усыпить и притупить классовое сознание трудящихся масс (См.: Ф. Кастро. Речи и выступления, стр. 49—50).

¹⁶⁷ «Fundamentos», IX 1950, № 102, p. 827; «НАНР», II 1948, v. 31, № 1, p. 39—42; М. Riera. Cuba Politica, 1899—1955. La Habana, 1955, p. 432—433.

В начале 1934 г. возникла еще одна национал-революционная политическая организация — «Молодая Куба». Основателем ее был Антонио Гитерас¹⁶⁸. Однако под влиянием проникших в нее троцкистских и других авантюристических и провокаторских элементов эта организация приняла путчистскую тактику, использовала методы индивидуального террора и не получила поддержки широких народных масс. В конце концов она растворилась в национал-реформистской Кубинской революционной партии.

Между тем к марту 1935 г. обстановка на Кубе вновь накалилась до предела. Правительство, вопреки всем своим обещаниям, ничего не сделало в области аграрной проблемы и ослабления контроля американского капитала в экономической и политической жизни страны. Кубинцы справедливо считали, что всю политику диктаторского режима Батисты — Мендиэты направляет наместник американского империализма на Кубе Дж. Кэффери. Компартия вместе с левым крылом студенческого движения и отколовшейся еще в 1933 г. от «АВС» левой группой готовили всеобщую стачку для свержения правительства Мендиэты. Большую роль в разоблачении реакционной политики этого правительства сыграли издававшиеся коммунистами нелегальные газеты «Бандера Роха» и «Эль Сентинела».

В начале марта к забастовке учащихся присоединились служащие большинства министерств, таможен, больниц и родильных домов. 8 марта прекратили работу магазины, остановились автобусы. 9 марта забастовали железнодорожники, трамвайщики, почти все государственные служащие. 12 марта забастовка стала всеобщей и охватила всю Кубу. Всего, по сообщению «Нью-Йорк Таймс», бастовало 700 тыс. человек. Бастующие выдвинули пять основных требований: 1) ликвидация военной диктатуры; 2) восстановление демократических методов управления; 3) освобождение политических заключенных; 4) ликвидация военно-полевых судов; 5) увеличение расходов на просвещение.

В ответ правительство Мендиэты, опиравшееся на политическую и материальную помощь из Вашингтона, сразу же перешло в контрнаступление. 9 марта все шесть провинций Кубы были объявлены на военном, а 11 марта — уже на осадном положении. Военный губернатор Гаваны полковник Х. Педраса получил чрезвычайные полномочия. Столица была наводнена войсками. На каждом перекрестке стояли военные патрули. Ночью на улицах слышалась стрельба. По приказу Батисты над городом патрулировала эскадрилья военных самолетов. Солдаты стали водить автобусы и силой возвращали рабочих на предприятия.

¹⁶⁸ «НАНР», II 1948, v. 31, № 1, p. 39.

тия. Правительство военизировало железные дороги и мобилизовало штрейкбрехеров, разрешив им «в целях самозащиты» безнаказанно убивать забастовщиков¹⁶⁹. Министр финансов публично заявил, что «если Мендиэта падет, то будет американская интервенция...»¹⁷⁰.

Однако забастовка носила всеобщий характер всего нескольких дней. Руководство ее оказалось в руках национал-реформистов из Кубинской революционной партии и группы лидеров «АВС» и «Молодой Кубы». Компартия же, хотя и обратилась 28 февраля с воззванием к народу Кубы и предложила Гитерасу создать единый фронт в борьбе против правительства Мендиэты — Батисты, не сумела взять инициативу в свои руки. Это сказалось на забастовке, не имевшей единого, последовательного революционного руководства и достаточной организованности. Предательство буржуазных и мелкобуржуазных элементов в руководстве забастовкой ускорило ее поражение¹⁷¹.

Революционная волна начала спадать. «Всеобщая политическая забастовка в марте 1935 г. была последним большим усилием этого периода,— пишет Блас Рока.— Во время забастовки все другие группы, обязавшиеся участвовать в ней, в решающий момент оставили коммунистов одних. Жестокие репрессии, увольнения и т. п., следовавшие за этой забастовкой, были направлены главным образом против членов партии и сочувствующих ей»¹⁷².

Батиста пустил в ход против бастующих всю свою военную машину. Создание демократического правительства означало бы гибель для военной клики. Такое правительство означало бы также серьезную угрозу для престижа и влияния американского империализма в Латинской Америке и особенно в странах Карибского моря. Вашингтон полностью сознавал степень опасности и готовился принять все необходимые «спасательные» меры вплоть до интервенции, если бы оказалось, что правительство Мендиэты — Батисты не в состоянии само «справиться с положением». Об этом свидетельствует факт созыва Кэффери (11 марта) в посольстве США совещания иностранных дипломатов, аккредитованных в Гаване, по вопросу о целесообразности коллективного вмешательства в кубинские дела¹⁷³. «Соединенные Штаты не могут бесконечно игнорировать хаотические

¹⁶⁹ «Diario de la Marina», 7, 10.III 1935; «La Prensa» (New York) 3, 4, 7—9, 11, 12, 19.III 1935.

¹⁷⁰ «New York Herald Tribune», 9.III 1935.

¹⁷¹ «Коммунистический Интернационал», 1935, № 18, стр. 49—51; «La Prensa» (N. Y.) 8, 9, 11.III 1935.

¹⁷² Blas Roca. Op. cit., p. 191. См. также: Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional. La Habana, 1960, p. 680.

¹⁷³ «Chicago Daily Tribune», 12.III 1935.

условия на Кубе», — предупреждала кубинцев «Нью-Йорк Таймс». 13 марта на рейд Гаваны прибыл английский крейсер¹⁷⁴.

«...Нынешнее движение, — заявил в эти дни президент Мендиэта, — направлено не столько против моего правительства, сколько против самих основ республики. Поэтому я считаю своим долгом держаться твердо... А если понадобится принять даже еще более строгие меры, чтобы восстановить нормальное положение, то мое правительство готово это сделать». Одновременно он заверил своих вашингтонских покровителей в том, что «американским, британским и другим иностранным интересам во всех районах острова оказывается и будет оказана самая надежная защита и все силы моего правительства будут в их распоряжении с тем, чтобы иностранные вкладчики капитала не понесли никакого ущерба»¹⁷⁵.

Поощряемый Вашингтоном, Батиста мог не стесняться. Репрессии против трудящихся и их организаций приняли массовый характер. Было убито более ста человек, в том числе несколько профсоюзных и студенческих лидеров. Число арестованных только в Гаване уже к 14 марта превысило 1 тыс. человек. «Армия, — как сообщала «Нью-Йорк Таймс», — применяет национал-социалистские методы налетов на помещения рабочих организаций, разгромов, поджогов»¹⁷⁶. 17 марта правительство распустило все, в том числе даже существовавшие при Мачадо, реформистские профсоюзы, конфисковав их собственность и фонды. На предприятия были посланы постоянные «военные наблюдатели». Во всей сахарной промышленности осталось не более 10 тыс. легально организованных рабочих. Во второй половине марта по всей Кубе начали снова работать военно-полевые суды. Сотни и тысячи людей были расстреляны, брошены в тюрьмы, сосланы на о. Пинос. Оппозиционные газеты были закрыты, а их типографии — разгромлены.

Вашингтонское правительство стремилось ослабить впечатление, произведенное на общественное мнение кровавыми событиями на Кубе. «Кэфферы использовали всю силу своего положения, чтобы исказить и истолковывать благоприятно все сообщения, относящиеся к его протекже (Батисте и Мендиете. — Э. Н.)..., — писал американский прогрессивный автор. — В разгар военного террора он осуществлял постоянный нажим на американских корреспондентов, угрожая в противном случае более жесткой цензурой»¹⁷⁷.

¹⁷⁴ «Правда», 15.III 1935.

¹⁷⁵ «New York Times», 12.III 1935.

¹⁷⁶ Цит. по: «Правда», 15.III 1935; см. также: «Diario de la Marina», 10, 15, 21.III 1935; «La Prensa» (N. Y.), 12—15, 18, 23, 25.III 1935.

¹⁷⁷ A. P i n c u s. Op. cit., p. 16.

Однако скрыть факты о чудовищном терроре на Кубе было невозможно. Даже американская пресса не могла не признать, что террор Батисты превзошел террор Мачадо. «Восстание кубинского народа против Мендиэты было подавлено с беспощадностью, которая превосходит даже... бойню Мачадо... На улицах Гаваны находили тела с 40 пулевыми ранениями... Трудно поверить, что Мендиэта удержится... там, где это не удалось Мачадо... Он бы не удержался у власти и недели без активной поддержки США», — отмечал в редакционной статье еженедельник «Нэйшн»¹⁷⁸. «Нью-Йорк Таймс» также писала, что если бы не поддержка Вашингтона, то правительство Мендиэты давно бы уже не существовало¹⁷⁹.

Демократические силы во всем мире подняли голос в защиту кубинского народа. В США газета «Дейли Уоркер» уже в конце февраля 1935 г. обратилась к рабочему классу с призывом поддержать борьбу трудящихся Кубы, потребовать прекращения репрессий против забастовщиков и не допускать интервенции американской морской пехоты. По инициативе Компартии США перед зданием «Нэйшнл сити банка» состоялась антиимпериалистическая демонстрация солидарности с бастующими кубинцами. 5 тыс. человек участвовали в митинге протеста против террора на Кубе перед кубинским генеральным консульством в Нью-Йорке. Консулу было вручено требование освободить арестованных рабочих и прекратить репрессии. Бостонские профессора и студенты послали президенту Мендиэте телеграмму с такими же требованиями¹⁸⁰. В мае Компартия США и Лига коммунистической молодежи обратились к американским военным морякам и солдатам морской пехоты, находящимся в кубинских водах, с воззванием «Руки прочь от Кубы!», призывавшим их потребовать быстрее возвращения домой¹⁸¹.

В Латинской Америке также прокатилась волна митингов и демонстраций под лозунгом «Свободу Кубе!». В Мехико 3 тыс. студентов потребовали немедленного отзыва Кэфферри из Гаваны и свободы народу Пуэрто-Рико¹⁸². В Париже Международный комитет борьбы против войны и фашизма и Международный комитет студентов выпустили совместное обращение и провели специальную конференцию в защиту кубинского народа¹⁸³.

Репрессии на Кубе продолжались в течение всего года. В апреле были на неопределенное время закрыты университет и все

¹⁷⁸ «Nation» 27.III 1935, v. 140, p. 345.

¹⁷⁹ «New York Times», 17.III 1935.

¹⁸⁰ «Правда», 13, 16.III 1935; «Daily Worker», 23, 26—28.II; 2, 8, 11, 14, 16, 18, 20.III 1935; «La Prensa» (N. Y.) 14, 25, 27.III 1935.

¹⁸¹ ГМР СССР, 16656/26а, Л-786-11в (см. прилож. № 6).

¹⁸² «Daily Worker», 1, 15.III 1935.

¹⁸³ «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 210.

школы. В начале мая военным властям удалось в районе Эль Морильо (провинция Матансас) напасть на след лидера «Молодой Кубы» Антонио Гитераса и его друзей. После разгрома мартовской всеобщей стачки Батиста принял все меры для поимки А. Гитераса, которому уже несколько раз удавалось благополучно избегать ловушек, расставленных ему полицией и солдатами диктатора. К началу мая 1935 г. сторонники А. Гитераса подготовили его отъезд с Кубы. Вместе с дюжиной друзей, среди которых находился венесуэлец Карлос Апонте, бывший начальник штаба у Аугусто Сандино, Антонио Гитерас укрылся в старинном форте близ города Матансаса, на северном побережье Кубы. Ночью 8 мая к побережью должна была подойти шхуна, на которой они собирались покинуть остров. Однако один из его людей выдал властям этот план, и форт был окружен правительственными войсками. Гитерас и Апонте, сдерживавшие пулеметным огнем натиск нескольких сот солдат и военных моряков, героически погибли в неравном бою. 12 человек из сопровождавших его лиц были взяты в плен и расстреляны без всякого суда¹⁸⁴.

Особенно жестоко властями преследовались коммунисты. Но и в условиях небывалого террора они продолжали работу по организации масс на борьбу с диктаторским режимом Мендиэты — Батисты. В частности, еще осенью 1934 г., а затем весной и в начале лета 1935 г. Гаванский и Центральный комитеты Коммунистической партии Кубы обращались к организации «Молодая Куба» и Кубинской революционной партии с предложением создать единый национальный фронт против американского империализма и режима Мендиэты — Батисты для совместной борьбы под лозунгами: «Вон империализм янки с Кубы!», «Куба для кубинцев!», «За национально-революционное правительство!»¹⁸⁵ 18 марта 1935 г. комитет Лиги коммунистической молодежи провинции Матансас распространил листовку с призывом к созданию единого революционного фронта трудящейся молодежи и студентов. В июне 1935 г. был опубликован манифест «Молодой Кубы» и Лиги коммунистической молодежи, призывавший к образованию единого фронта этих организаций,

¹⁸⁴ L. de la Torriente. *Mi casa en la tierra*. La Habana, 1956, p. 300, 327; E. Chester. *Op. cit.*, p. 161—162; «Noticias de Hoy», 7, 9.V 1961. Имя Антонио Гитераса, выдающегося кубинского революционного и государственного деятеля, убежденного борца против американского империализма, по выражению Фиделя Кастро, «неотделимо от народа», и кубинцы не забыли его. Спустя много лет в Эль Морильо, на том месте, где пал смертью храбрых А. Гитерас, группа молодых патриотов поставила ему скромный памятник.

¹⁸⁵ ГМР СССР, 12306/4, Г-615-13ы; 30207/524, Л-616-11ф; «Коммунистический Интернационал», 1935, № 18, стр. 45—46; 1935, № 20, стр. 107—108.

а также Кубинской революционной партии, Коммунистической партии и Национальной аграрной партии¹⁸⁶.

Однако силам местной реакции и империализма удалось, используя пугало «коммунистической опасности» и колебания в рядах национальной и мелкой буржуазии, не допустить тогда создания национального антиимпериалистического фронта. Лидеры Кубинской революционной партии не откликнулись на предложения компартии. Студенты и левая группа «АВС» продолжали вести борьбу против правительства методами индивидуального террора. В 1935 г. снова произошло несколько покушений на жизнь посла США. В Гаване продолжали взрывать бомбы.

В результате временного поражения революции рабочий класс Кубы оказался изолирован от своих потенциальных союзников в городе и деревне. Компартии не удалось добиться необходимого сплочения всех сил, способных осуществить коренные изменения в политической и экономической структуре страны. Огромной заслугой Коммунистической партии Кубы было то, что в исключительно трудных условиях, сложившихся после поражения мартовской стачки, партия продолжала проводить боевую линию, организуя массы, направляя их на борьбу и работая над созданием единого национального антиимпериалистического фронта.

Правительство отвечало зверским террором против трудящихся и их организаций. Прибывшая на Кубу в июле американская делегация, состоявшая из известных прогрессивных общественных и религиозных деятелей, писателей и рабочих, была немедленно же арестована (по сообщениям буржуазной прессы ее еще на пароходе сопровождали два агента ФБР). Осенью 1935 г. был брошен в тюрьму видный деятель кубинского рабочего движения, генеральный секретарь КНОК Сесар Вилар. Тогда же поэт Э. Бальягас был арестован и предан суду как «коммунистический агент» только за то, что получил от Максима Горького телеграмму с вопросом о «культурных условиях» на Кубе¹⁸⁷.

В отчете Американской комиссии по расследованию трудовых и социальных условий на Кубе, датированном сентябрем 1935 г., говорилось: «Батиста... применил ужасное кровопускание. Армейские грузовики врывались в города, и солдаты стреляли направо и налево, чтобы терроризировать население. Каждую ночь на улицах Гаваны солдаты и батистовская полиция выволакивали людей из домов, расстреливали их без суда и

¹⁸⁶ ГМР СССР, 13320/9, Л-615-13п; 30207/526, Б-616-11д; «Daily Worker», 12.VI 1935; 2.VIII 1935.

¹⁸⁷ ЦГАОР, ф. 4469, оп. 28/2, д. 30, л. 7; «Daily Worker», 4, 5.VII; 1, 9, 11, 16, 19.X 1935.

милосердия и оставляли умирать на дорогах. Все это еще продолжается, но сообщения корреспондентов не пропускаются»¹⁸⁸. Как вынужден был признать в конце года кубинский реакционный еженедельник «Картелес», «является фактом, что правительство и трудящиеся классы находятся в состоянии открытой войны»¹⁸⁹.

Характерно, что в целом поддерживавший вначале Ф. Рузвельта и его политику «доброго соседа» либеральный еженедельник «Нэйшн» после разгрома мартовской всеобщей забастовки 1935 г. вынужден был признать, что «Куба вернулась туда, где она была в последние дни правления Мачадо, с правительством, удерживающимся у власти исключительно благодаря военщине... Ответственность за это лежит... на плечах С. Уэллеса, диктовавшего кубинскую политику администрации с самого ее начала. Его упрямый отказ признать правительство Грау Сан Мартина не мог не привести к хаосу. Кроме того, позиция Уэллеса,— вынужден был с горечью констатировать журнал,— свела на нет выгоды от ликвидации «поправки Платта» и от нового торгового договора. С точки зрения кубинцев, наша политика является не чем иным, как продолжением старого империалистического господства»¹⁹⁰.

Кубинцы действительно уже давно успели убедиться в том, что периодические декларации руководителей Белого дома и государственного департамента США о «добрососедстве» являются не более чем демагогией. Поэтому очередное заявление С. Уэллеса (сделанное им 2 июля 1935 г.), что «политика... правительства в отношении Кубы в течение последних двух лет была в лучшем смысле слова политикой «доброго соседа»¹⁹¹, вызвало у большинства кубинцев лишь скептические улыбки. «Политика «доброго соседа»,— писал кубинский буржуазный деятель Фр. А. Фернандес,— становится не чем иным, как политикой всегда столь многочисленных фарсов, разыгрываемых..., чтобы ввести в заблуждение неосторожных... Стало ясно, что «доброе соседство»,— не более чем еще один фарс...»¹⁹².

Выборы 1936 г.

«Добрый сосед» умывает руки

К середине 1935 г. кубинские правящие классы снова, как и в 1933 г., оказались раздроблены междоусобной борьбой за

¹⁸⁸ R. T a b e r. M-26. The Biography of a revolution. New York, 1961, p. 25.

¹⁸⁹ Цит. по: «Literary Digest», 7.XII 1935, p. 14.

¹⁹⁰ «Nation», 20.III 1935, v. 140, p. 317.

¹⁹¹ S. Welles. «Good Neighbor» Policy in the Caribbean. Washington, 1935, p. 7.

¹⁹² Цит. по: C. Beals. Coming Struggle for Latin America. New York, 1940, p. 233.

власть. Диктаторский режим на Кубе опирался лишь на армию и одну партию — Националистический союз Мендиэты. Остальные буржуазные партии находились в оппозиции. Часть из них создала оппозиционный блок.

Назначенные на март 1935 г. выборы в Учредительное собрание были сорваны всеобщей забастовкой и перенесены на август. Кроме того, оппозиционный блок не желал участвовать в выборах, проводимых правительством Мендиэты. «Оппозиционные партии не верят, что Мендиэта проведет честные выборы. Мендиэта и Батиста сомневаются в добросовестности оппозиционных групп. Мало кубинцев верит в искренность объявленной Вашингтоном политики невмешательства... Никто не верит ни во что», — писала «Нью-Йорк Таймс», констатируя отсутствие единства и разброд в кубинском правящем лагере¹⁹³.

Результаты многомесячных усилий Уэллеса, а затем Кэффера, направленных на то, чтобы сколотить «коалиционное» правительство, включающее представителей по возможности всех группировок кубинских правящих классов, способное устоять против нарастающей в стране революции и одновременно создающее видимость «демократического управления», оказались, таким образом, недолговечными. Политика «добраго соседа» в отношении Кубы было явно дискредитирована. Положение на острове грозило полным провалом этой политики в глазах народов США и Латинской Америки. А ведь именно на обман их она прежде всего и была рассчитана.

К тому же вашингтонское правительство вело в это время чрезвычайно важные переговоры о замене кабального договора, навязанного в 1903 г. Панаме и содержавшего условия, аналогичные «поправке Платта». Правительство США вынуждено было пойти на эти переговоры перед лицом растущего освободительного движения народов Панамы и всей Латинской Америки. Вашингтон не мог не считаться с этим движением тем более, что оно совпало с периодом резкого обострения империалистической борьбы за Латинскую Америку¹⁹⁴. Правящие круги США ни в коем случае не желали допустить проникновения в Панаму агентуры германского, итальянского и японского империализма и создания ими там своей «пятой колонны». За американо-панамскими переговорами внимательно следила вся латиноамериканская пресса.

¹⁹³ «New York Times», 17.III 1935.

¹⁹⁴ Предвоенные годы были периодом острейшей борьбы германских и итальянских, а также японских империалистов с империалистами США за проникновение и влияние в Латинской Америке. «В Латинской Америке разыгрывается гигантская международная игра в покер. Кто выиграет следующую игру?», — писала в связи с этим накануне второй мировой войны «Нью-Йорк Таймс» («New York Times», 2.VI 1939).

риканская пресса. Газеты были полны ядовитых комментариев по поводу латиноамериканской политики Вашингтона.

Наконец, Ф. Рузвельт не мог не учитывать и приближавшейся в США президентской кампании 1936 г., в ходе которой неизбежно должен был занять свое место и вопрос о латиноамериканской политике его правительства.

Американские монополии устраивала «твердая власть» на Кубе. Но для того, чтобы восстановить фикцию «добрососедства» и оправдать свою политику в отношении Кубы, вашигтонскому правительству необходимо было прикрыть террористический режим Батисты ширмой «демократического управления». «Если конституционное правительство не заменит... военное управление Батисты и Мендиэты, будет ясно, что США... свергли одну диктатуру — диктатуру Мачадо — только для того, чтобы за ней последовала другая», — писал в 1935 г. американский буржуазный исследователь Ч. Томсон¹⁹⁵.

Вашингтон поэтому был заинтересован в возможно более скором проведении на Кубе затянувшихся выборов. В опубликованном 5 марта 1935 г. заявлении государственного департамента США выражалась «искренняя надежда» на способность «кубинских политических партий и групп прийти к соглашению о мерах выборной процедуры, необходимых для обеспечения нормального возвращения Республики Кубы к представительному управлению». Заверяя «общественное мнение», что теперь, после отмены «поправки Платта», правительство США «не относится ни благожелательно, ни враждебно к участию в национальных выборах какой-либо отдельной партии или группы», государственный департамент недвусмысленно предостерегал Мендиэту и оппозицию, что «оно искренне надеется в связи с особенно тесными отношениями между двумя народами, что, когда национальные выборы будут проведены, результат их представит действительную волю кубинского народа...»¹⁹⁶.

Намек был достаточно ясен: с выборами приказывали поспешить. Поэтому сразу же после подавления мартовской забастовки правительство начало переговоры с оппозиционным блоком. 12 апреля 1935 г. был восстановлен «законный статут» распущенных после свержения Мачадо «старых» политических партий. Однако, боясь возмущения масс, власти сделали оговорку, запрещавшую участие в выборах всем видным сторонникам и чиновникам режима Мачадо. 30 апреля было объявлено, что четыре «основных» политических партии Кубы: Националистический союз, «национал-демократы» (консерваторы), Партия республиканского действия (сторонники М. М. Гомеса) и либе-

¹⁹⁵ «Foreign Policy Reports», v. 11, № 22, p. 275.

¹⁹⁶ «Foreign Relations — 1935», v. 5. Washington, 1953, p. 476—477.

ралы (стоявшие у власти при Мачадо) достигли соглашения о проведении выборов 1 ноября 1935 г. (затем их перенесли на декабрь 1935 г.).

Апрельское соглашение коренным образом меняло провозглашенную еще Уэллесом программу создания «коалиционного правительства» и имело целью не допустить к власти не только организованных рабочих и другие демократические элементы, но даже и так называемые новые буржуазные и мелкобуржуазные партии — «АВС», Кубинскую революционную партию, О.Р.Р.С. и другие. Оно предусматривало восстановление избирательного кодекса Краудера (1919 г.) и выборы не Учредительного собрания, а конгресса, президента и вице-президента. Конституционная реформа поручалась, таким образом, новому конгрессу — органу, несомненно, менее демократическому, чем конституционное Учредительное собрание, и откладывалась надолго. 12 июня 1935 г. была восстановлена в несколько измененном виде конституция 1901 г. и было официально объявлено, что на выборах будут избраны: конгресс, президент и вице-президент. Ради успеха этого плана Мендиэта, под нажимом Кэффери, еще 4 июня объявил, что он не будет выставлять своей кандидатуры в президенты.

В сентябре 1935 года «национал-демократы» выдвинули своим кандидатом в президенты М. Менокаля, националисты и «республиканцы» — М. М. Гомеса, так называемые центристы — К. М. де Сеспедеса. Однако либералы раскололись, и часть их высказалась за Гомеса, которому оказывал поддержку Батиста, а другая часть выдвинула своим кандидатом К. де ла Круса. Когда Высший выборный трибунал, призванный наблюдать за проведением выборов, нашел эту трехпартийную комбинацию (националисты, «республиканцы», часть либералов) в пользу Гомеса незаконной, то коалиция во главе с Гомесом пригрозила отказом от участия в выборах. Это разрушило бы все плоды усилий Кэффери, настоявшего на соглашении буржуазных политиканов и требовавшего быстрого проведения выборов¹⁹⁷.

Чтобы избежать дальнейшей затяжки, государственный департамент США заставил кубинское правительство пригласить в Гавану президента Принстонского университета профессора Г. У. Доддса в качестве советника и арбитра для проведения выборов. 6 декабря Доддс предложил формулу, которая фактически аннулировала решение выборного трибунала. Решение Доддса в свою очередь вызвало резкие возражения менокалистов, считавших его выгодным для Гомеса, главного соперника Менокаля. Они публично заявили, что правительство не дает им

¹⁹⁷ Historia de la nación cubana, t. VIII, p. 99; «La Prensa» (N. Y.), 25.IV 1935; «The American Political Science Review», VIII 1936, v. 30, № 4, p. 726—730.

гарантии честной организации выборов и, если Мендиэту не сме- нит более беспристрастный человек, они не будут участвовать в выборах. В результате под новым нажимом Кэфферн ночью 10 декабря 1935 г. Мендиэта ушел в отставку¹⁹⁸.

«Президент Кубы Мендиэта вынужден был уйти..., оказав- шись жертвой той самой силы, которая привела его к власти — американского империализма», стремившегося «организовать «свободные» выборы на Кубе для того, чтобы избежать упрека, что правительство подобрано Вашингтоном», — комментировал это событие еженедельник «Нэйшн»¹⁹⁹.

Временным президентом стал государственный секретарь кабинета Мендиэты — Хосе Барнет. Выборы были еще раз пере- несены — на 10 января 1936 года. Менокалисты дали согласие участвовать в них. Но теперь четвертый кандидат в президен- ты — Карлос де ла Крус — обвинил правительство США во вме- шательстве в кубинские дела, заявив, что план, предложенный Доддсом, продемонстрировал «хорошо известную заинтересо- ванность посольства Северной Америки»²⁰⁰. Он сказал также, что этот план лишь «еще больше осложнил политическую пробле- му, приведя к падению президента Мендиэты и показав полный крах американской политики и дипломатии на Кубе»²⁰¹.

Сторонники де ла Круса в выборах не участвовали. Третьим кандидатом в президенты — от «Центристской» партии — стал К. М. де Сеспедес.

Кэфферн, наконец, добился видимости «соглашения» в ла- гере кубинской реакции и обеспечил положение, при котором победа любого из кандидатов ни в малейшей степени не затра- гивала основ господства американского империализма на Кубе, так как борьба в сущности происходила между старыми, суще- ствовавшими еще до Мачадо, Консервативной и Либеральной буржуазно-помещичьими партиями. Ни Гомес, ни Менокаль не считали де Сеспедеса серьезным соперником. Компартия была вне закона. Все другие партии — от полуфашистской «АВС» до Кубинской революционной партии и «Молодой Кубы» — либо также были вне закона, либо бойкотировали выборы. «Прави- тельственный террор, чрезвычайные репрессивные законы сде- лали для них участие в выборной кампании невозможным. США могут добиться своей цели — иметь на Кубе «конститу- цionного» президента, но остров будет не ближе к свободе, чем было при Мачадо», — предупреждал еженедельник «Нэйшн» на- кануне выборов²⁰².

¹⁹⁸ «La Prensa» (N. Y.), 16, 21, 23, 27, 29, 30.XI 1935; «New York Times», 11.XII 1935.

¹⁹⁹ «Nation», 25.XII 1935, v. 141, p. 727.

²⁰⁰ «New York Times», 12.XII 1935.

²⁰¹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 171.

²⁰² «Nation», 25.XII 1935, v. 141, p. 727.

Из 4,5 млн. человек населения Кубы право голоса имели 1676 тыс., т. е. 37%. Но из них в выборах 10 января 1936 г. участвовали лишь 945 тыс. человек. Батиста заранее послал во все пункты острова солдат для «поддержания порядка». «Позицию народа в' целом,—свидетельствовал американский журнал,—характеризовало полное безразличие»²⁰³.

Выборы принесли победу кандидату коалиции, состоящей из Националистического союза, Партии республиканского действия и Либеральной партии,—Мигелю Мариано Гомесу, получившему около 516 тыс. голосов. Кандидат Национал-демократической партии Менокаль получил 420 тыс. голосов, а де Сеспедес — всего 8,5 тыс. голосов. Вице-президентом был избран Федерико Ларедо Бру. Несмотря на многочисленные заявления с протестами против нарушения выборного закона и против формулы Доддса, результаты выборов были признаны законными²⁰⁴.

Гомес победил потому, что его поддерживали Батиста, не желавший победы Менокаля, и Кэффери, которому Гомес также казался более удобной и «сговорчивой» фигурой. Новый «конституционный» президент совершил прежде всего верно-подданническое паломничество в Вашингтон, где был принят Рузвельтом, Хэллом и Уэллесом²⁰⁵, а затем уже, 20 мая 1936 г., вступил в должность.

На Кубе, однако, ничего не изменилось. Продолжались убийства полицией рабочих деятелей, прогрессивных журналистов, студентов. В мае 1936 г. был арестован заменивший С. Вилара на посту генерального секретаря КНОК Ласаро Пенья.

Страной фактически управлял не президент, а Батиста. К 1936 г. он еще больше укрепил свое положение, создав мощный по кубинским масштабам военный аппарат. Кроме армии, флота и полиции, имелся еще военный резерв (из отставных военных, полицейских и пожарных) в 20 тыс. человек и специальный женский резерв в 5 тыс. человек. Жалование солдатам было увеличено на 15—20%. Был почти заново построен из бетона и стали военный городок Колумбия. В нем появились новые казармы, здания для сержантского состава, дома для офицеров и их семей, офицерские клубы. В США было закуплено много нового военного снаряжения, боеприпасов и вооружения, в том числе пушек и пулеметов, гидропланов и бомбардировщиков. Авиационные части обучались американскими инструкторами. В результате всех этих мероприятий под контролем Батисты находился бронированный кулак в 30 тыс. хорошо воору-

²⁰³ «The American Political Science Review», VIII 1936, v. 30, № 4, p. 731

²⁰⁴ «La Prensa» (N. Y.), 8—11, 13—14.I, 3.II 1936; «Daily Worker», 11, 17.I 1936.

²⁰⁵ «Press Releases», 26.IV 1935, p. 356—357.

женных людей, целиком предназначенный для борьбы с «внутренним врагом»²⁰⁶.

Характеризуя обстановку, сложившуюся на Кубе к осени 1936 г., Карлос Эвипа — один из руководителей Кубинской революционной партии — заявил, что «в настоящее время Куба управляется военной олигархией, которая использует методы угнетения, чтобы удержаться у власти... Гомес — лишь фасад, поставленный этой армейской кликой и ее сторонниками»²⁰⁷. Справедливость этой оценки подтвердилась очень быстро.

Уже летом 1936 г. между Батистой и Гомесом, попытавшимися несколько ограничить засилье в стране военщины, возникли серьезные трения. Кульминационным пунктом конфликта между президентом и начальником штаба армии явился отказ Гомеса подписать законопроект о специальном налоге в 9 сентаво с каждого мешка произведенного на Кубе сахара-сырца. Этот налог должен был дать ежегодный доход в 1,5 млн. песо для содержания так называемых военно-гражданских школ.

Честолюбивый Батиста, давно уже мечтавший о президентском кресле, начал постепенно готовить почву для выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 1940 г. Встречая недоверие и сопротивление осуществлению своих планов со стороны лидеров большинства буржуазно-помещичьих партий, он начинает все шире использовать политику демагогии и заигрывания с народными массами. Стремясь добиться популярности у трудящихся слоев населения, он объявил в 1936 г. о существующих у него планах реформ, включающих строительство школ для детей крестьян и сельскохозяйственных рабочих, предоставление пенсий старикам, осуществление общественных работ в целях борьбы с безработицей и т. д.²⁰⁸

Военные власти, захватившие в свои руки многие функции местного гражданского управления, действительно открыли некоторое количество военно-гражданских школ в сельских районах, где раньше вообще не было школ, и объявили о своем намерении открыть не менее 2,5 тыс. таких школ. Учителями в них назначались военные, а весь контроль над ними сосредоточивался в Военно-гражданском институте, т. е. у армии. Это должно было еще более усилить влияние Батисты. Для финансирования этого плана в конгресс и был внесен законопроект об обложении налогом каждого произведенного на Кубе мешка сахара-сырца. В конгрессе, где большинство конгрессменов

²⁰⁶ E. Chester. Op. cit., p. 16—17; E. Lieuwen. Arms and Politics in Latin America. New York, 1960, p. 98; F. Batista. Revolución social o Política Reformista. La Habana, 1944, p. 48—49.

²⁰⁷ «Literary Digest», 17.X 1936, v. 126, № 16, p. 16.

²⁰⁸ F. Batista. Respuesta... México, 1960, p. 410—411; R. Smith. Op. cit., p. 176.

поддержали Батисту, законопроект был принят, но президент Гомес наложил на него вето²⁰⁹. «Президент предвидит,— заявил секретарь Гомеса,— что будущие сыны Кубы будут обучаться в фашистском духе»²¹⁰.

Однако Батиста, обладавший незаурядными данными демагога и ловкого политика, сумел обеспечить себе поддержку не только в конгрессе, но и среди сельского населения, особенно в отсталых районах, не имевших школ. «В то время, как правительство Гомеса старалось справиться со своими проблемами,— пишет Р. Филлипс,— Батиста провел одну из крупнейших... кампаний в истории Кубы, чтобы популяризировать себя и вооруженные силы. Бесконечный поток пропаганды по радио, в книгах, речах, брошюрах, кинофильмах осуждал радикализм и доказывал необходимость военного правительства»²¹¹.

Батисту поддержали посол США Д. Кэффри, заявивший кубинскому министру финансов, что Вашингтон «не может вмешиваться в этот кризис»²¹², а также Ассоциация производителей сахара. Американские монополисты и кубинские владельцы сахарных заводов и плантаций могли только приветствовать положение, при котором школы, управляемые армией, будут внушать юным кубинцам лишь «дозволенные» идеи и рабскую покорность своим господам. В конце года орган кубинских коммерсантов и сахарозаводчиков — гаванский журнал «Финансас комерсиаль» — прямо заявил: «Дни нынешнего правительства сочтены. Президент не имеет поддержки ни у народа, ни в конгрессе, ни в прессе»²¹³.

Используя в качестве предлога отказ президента подписать законопроект о налоге для финансирования военно-гражданских школ, Батиста добился предания Гомеса суду сената (23 декабря 1936 г.) и устранения его с поста президента. При этом, по свидетельству парламентского лидера Либеральной партии Э. С. Риваса, возглавлявшего оппозицию законопроекту в палате представителей, помощник Батисты пригласил в штаб армии группу членов палаты представителей и заявил им, что либо Батиста, либо Гомес должен уйти со сцены, а посему Гомесу дается три дня на размышление²¹⁴.

Попытка эмиссаров Гомеса в Вашингтоне найти управу на Батисту через голову Кэффри окончилась неудачей — государ-

²⁰⁹ U. Vega Cobiellas. La Personalidad y la obra del general Fulgencio Batista Zaldivar, presidente de la República Cuba. La Habana, 1944, p. 65—68; R. H. Phillips. Op. cit., p. 174, 177—179; B. Wood. Op. cit., p. 113, 114.

²¹⁰ Цит. по: R. H. Phillips. Op. cit., p. 178.

²¹¹ Ibid., p. 177.

²¹² B. Wood. Op. cit., p. 113, 114.

²¹³ См.: R. H. Phillips. Op. cit., p. 178.

²¹⁴ «Daily Worker», 19.XII 1936.

ственный департамент и Белый дом фактически поддержали начальника штаба. Президент США, в частности, заявил, что «он не имеет никакого намерения вмешиваться морально или иначе в кубинский кризис»²¹⁵. Да и трудно было бы ожидать от Вашингтона иной реакции. Как отметил в одной из своих статей тех лет Блас Рока, «на этот раз переворот Батисты был организован с публично выраженного одобрения Кэффери»²¹⁶.

Немедленно после суда над Гомесом сенатский комитет назначил на его место вице-президента Ф. Ларедо Бру. Последний настолько безоговорочно подчинился во всем Батисте, что даже в официальном американском учебнике был назван «марионеточным президентом». Большинство министров его кабинета были ставленниками Батисты²¹⁷.

В изданной в США Лигой защиты рабочих брошюре «Террор на Кубе» положение, сложившееся в этой стране к концу 1936 — началу 1937 г., характеризовалось следующим образом: «Куба находится под властью тирании, которая держится только при помощи террора... Она является колонией... хозяев банковских домов и компаний коммунального обслуживания, которые направляют кубинскую политику Рузвельта и диктуют внутреннюю политику кубинского правительства». ««Свободная Куба» — это сегодня миф для учебников»²¹⁸. И далее в ней говорилось: «Трагический кризис на Кубе разоблачает то молчаливое лицемерие, которое окружало нашу латиноамериканскую политику в течение четырех лет. Рузвельт делает широкий вильсонианский жест правой рукой... В то же время левой рукой он постоянно поддерживает политическое равновесие на стороне реакции»²¹⁹.

Характерно в связи с этим, что член кабинета Ф. Рузвельта министр внутренних дел США Гарольд Икес, комментируя хвастливые декларации государственного департамента США об успехах политики «доброго соседа», записал в 1936 г. в своем секретном дневнике: «...Мне не нравится обстановка на Кубе. Я думаю, что наше правительство слишком уже часто вмешивается во внутренние дела Кубы, хотя это и делается через дипломатические каналы»²²⁰.

²¹⁵ B. Wood. Op. cit., p. 114.

²¹⁶ «Communist», 1938, v. 17, № 2, p. 142.

²¹⁷ M. Williams. The People and Politics of Latin America. Boston, 1938, p. 418; M. Riera. Op. cit., p. 444, 489. М. Гомес назвал Ларедо Бру «декоративной фигурой, призраком, способствующим сохранению фикции законности в правительственном дворце». См.: H. Strode. Kampf und Kuba. München, 1938, p. 367.

²¹⁸ A. Pincus. Op. cit., p. 4, 6.

²¹⁹ Ibid., p. 12.

²²⁰ Secret Diary of Harold L. Ickes, v. I. New York, 1953, p. 533.

Вот почему даже такой поклонник политики «доброго соседа», как Э. Геррант, автор посвященной ей монографии, вынужден, хотя и сквозь зубы, признать, что «кубинская политика Рузвельта имела большую тенденцию к интервенции, чем к невмешательству»²²¹.

3. Соединенные Штаты и Куба накануне второй мировой войны

Перегруппировка политических сил и новый подъем демократического движения

По размаху национально-освободительного и революционного движения Куба занимала в первой половине 1930-х годов одно из первых мест среди стран Латинской Америки. Однако слабость кубинской национальной буржуазии, ее непоследовательность и страх перед революционным движением масс, а также ошибки молодой, недостаточно еще идеологически закаленной Компартии Кубы помешали образованию здесь прочного антиимпериалистического фронта. Перевес сил оказался на стороне внутренней реакции и империализма. Диктаторский режим Батисты, опиравшийся на штыки своей армии, на займы и военно-политическую мощь американского империализма, обрушил на трудящиеся массы, на революционные профсоюзы и другие демократические организации кровавый террор. Сотни руководителей и активистов профсоюзов, студентов, журналистов, издателей, профессоров и т. д. были убиты из-за угла либо по приговору военно-полевых судов, тысячи — высланы или брошены в тюрьмы. Резко активизировались фашистские группки чернорубашечников и бурорубашечников; возник реакционный «Студенческий легион Кубы»²²².

Американские монополисты могли быть довольны. Правда, за время экономического кризиса 1929—1933 гг. инвестиции США на Кубе значительно обесценились. Кроме того, из-за «беспорядков» на острове многие американцы продали свою землю и другую собственность местным предпринимателям. Тем не менее прямые капиталовложения США на Кубе в 1936 г. составляли еще кругленькую сумму в 666 млн. долл.; принадлежавшие американскому капиталу сахарные заводы в период сафры 1937 г. произвели 56,4% всего произведенного на Кубе сахара; импорт Кубы из США вырос с 1933 г. по 1937 г. втрое, а доля его во всем кубинском импорте выросла с 56 до 68,6%. Местные саха-

²²¹ E. Guerrant. Op. cit., p. 6.

²²² J. Le Riverend Brusone Op. cit., tema XXI, p. 4.

роизводители и коммерсанты также были довольны. Экономика Кубы, выйдя из пучины кризиса, переживала некоторое оживление. Потребление электроэнергии в 1936 г. достигло уровня 1930 г. С 1933 по 1937 г. цена сахара-сырца выросла с 0,97 до 1,76 цента за фунт, продукция сахара — с 1995 до 2970 тыс. т, а стоимость ее — с 43,5 до 117 млн. песо. Кубинский экспорт за эти годы вырос с 84,4 до 186 млн. песо, импорт — с 42,4 до 129,6 млн. песо²²³. А главное — Батиста установил как раз такой режим, который обеспечивал американским финансовым магнатам и местным латифундистам, коммерсантам и капиталистам высокие дивиденды и облегчал неограниченную эксплуатацию трудящихся.

Но задуть полностью освободительное движение, развивавшееся под антиимпериалистическими лозунгами, не удалось. В предвоенные годы демократические силы Кубы продолжали борьбу за ликвидацию военной диктатуры и демократизацию политического строя. В этот период в стране происходил процесс перегруппировки политических сил. Компартия и другие демократические организации также реорганизовали и перегруппировали свои силы. Решения VII конгресса Коминтерна, давшие правильную ориентацию всему мировому коммунистическому движению, помогли кубинским коммунистам выработать наиболее отвечающую кубинской действительности программу действий. В основу своей деятельности они поставили задачу создания единого рабочего и широкого антиимпериалистического народного фронта.

В мае 1936 г. ЦК Коммунистической партии Кубы выдвинул лозунг созыва Конституционной ассамблеи — Учредительного собрания — для выработки конституции, которая бы обеспечила народу демократические права и свободы. С этой целью кубинские коммунисты развернули активную деятельность по созданию комитетов борьбы за созыв Учредительного собрания с участием представителей всех слоев народа и всех антиимпериалистических партий. Такие комитеты появились вскоре во всех провинциях Кубы. Вопреки запретам партийных лидеров, в них участвовали рядовые члены многих буржуазных партий. По существу — это были комитеты единого фронта.

Эти комитеты организовывали митинги, лекции, собрания, развернули кампанию за амнистию политзаключенных. Активную роль в их возникновении и деятельности сыграл Революционный союз — прогрессивная, близкая по духу коммунистиче-

²²³ Institute of International Finance. Bulletin № 100, 11.VII 1938. New York, 1938, p. 8, 15, 17; Investment in Cuba... Washington, 1956, p. 10; W. Mac Gaffey and C. R. Barnett. Cuba, its people, its society, its culture. New Haven, 1962, p. 23; G. Gutierrez. El desarrollo económico de Cuba. La Habana, 1952, p. 43.

ской партии организация, действовавшая вначале лишь на территории муниципалитета Гаваны. Руководил ею популярный в стране писатель и общественный деятель Хуан Маринельо. Постепенно, в ходе движения за созыв Учредительного собрания, Революционный союз превратился в массовую, национального масштаба организацию, объединявшую в своих рядах рабочих, крестьян, интеллигентов и насчитывавшую к началу 1938 г. около 60 тыс. человек ²²⁴.

Последовательное и умелое осуществление политики объединения всех патриотических сил и активное участие в развернувшемся в стране движении за созыв Учредительного собрания и выработку подлинно демократической конституции позволило коммунистам Кубы завоевать большой авторитет.

К этому времени был вынужден изменить свою тактику и Батиста. Еще 11 декабря 1936 г. конгресс принял закон о введении в 1940 г. новой конституции Кубы. 26 декабря 1936 г. через два дня после вступления на президентский пост Ф. Ларедо Бру, Батиста заявил, что одной из первостепенных задач нового правительства является созыв Учредительного собрания. В июле 1937 г. он выдвинул так называемый «Трехлетний план» экономической и социальной реконструкции Кубы. В этом демагогическом плане предусматривалось установление контроля правительства над сахарной, табачной и горнодобывающей промышленностью, реформа денежной и налоговой системы, дальнейшее ограничение использования на предприятиях иностранцев, создание национального торгового флота, охрана лесов и улучшение водоснабжения, распределение государственных земель между бедными крестьянами и предоставление им кредита, создание сбытовых и потребительских кооперативов, социальное страхование для рабочих, регулирование заработной платы и оплаченный отпуск, мораторий по долгам, строительство больниц и т. д. ²²⁵

«Трехлетний план» был рассчитан на создание Батисте популярности в широких кругах национальной и мелкой городской буржуазии и привлечение к нему симпатий трудящихся, особенно крестьянства. Противники Батисты из рядов буржуазных оппозиционных партий понимали это и ядовито называли его план не трехлетним, а «трехсотлетним» ²²⁶.

Однако бывший сержант оказался «гибким» политиком. 20 ноября 1937 г. в Гаване состоялась многотысячная демон-

²²⁴ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 1, стр. 32—33, 34; «Communist», 1940, v. 19, № 10, p. 916, 917.

²²⁵ J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XXI, p. 4; G. Arciniegas. The State of Latin America. New York, 1952, p. 304; F. Batista. Revolución social o Política Reformista, p. 67—86.

²²⁶ R. H. Phillips. Op. cit., p. 183—184.

страция крестьян в поддержку этого плана²²⁷. А 21 ноября в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» появилась огромная статья «Куба сегодня: земля мира и прогресса», в которой всячески расхваливался режим, установленный Батистой, а сам он назывался «выдающейся личностью» и «спасителем страны». Автор заявлял также, что «полковник Ф. Батиста должен стать следующим президентом республики»²²⁸. Как выяснилось позже, эта статья, призванная подготовить «общественное мнение» в США, обошлась кубинской казне более чем в 25 тыс. долл.

Для подготовки к осуществлению «Трехлетнего плана» конгресс принял законы о создании Национального банка, Банка для финансирования сельскохозяйственного развития, Института табачной промышленности, о «координации производства» в сахарной промышленности и др. В августе 1937 г. был введен специальный «регистрационный» налог для иностранцев. В декабре были приняты законы об амнистии политзаключенных (в том числе и мачадистов) и о распределении государственных земель. Весной 1938 г. впервые 250 арендаторов в районе Мариэля (Пинар-дель-Рио) получили 5 тыс. га земель из правительственного фонда²²⁹.

Но в конце апреля 1938 г. Батиста объявил, что осуществление «Трехлетнего плана» откладывается до созыва Учредительного собрания и принятия новой конституции. В то же время он начал заигрывать с лидерами оппозиционных партий, обещая им участие в выборах на равных правах с правительственными партиями. Рост демократического движения в стране и стремление обеспечить себе поддержку народных масс на будущих президентских выборах заставили Батисту совершить значительный поворот в сторону демократизации политической жизни и удовлетворения ряда требований народа. Сыграло свою роль в этом и наблюдавшееся в те годы — под влиянием беспримерных успехов строительства социализма в СССР и общего развития международной обстановки — заметное полевание народных масс почти во всех латиноамериканских странах.

В Колумбии у власти стояло левобуржуазное правительство А. Лопеса, осуществившее ряд прогрессивных реформ. В Чили был создан и в 1938 г. пришел к власти Народный фронт.

Большое влияние на Кубу оказали события в соседней Мексике, где правительство президента Ласаро Карденаса по примеру советских пятилеток провозгласило «шестилетний план», поддержало профсоюзы в борьбе с иностранными монополиями

²²⁷ D. Corbitt. Mercedes and Realengos... «NAHR», VIII 1939, v. 19, № 3, p. 282.

²²⁸ «New York Herald Tribune», 21.XI 1937.

²²⁹ «Gaceta oficial», 22.XII 1937, 16.I 1938; Libro de Cuba... La Habana, 1954, p. 106; L. Nelson. Rural Cuba. Minneapolis, 1950, p. 100, 121.

и, вопреки ожесточенному противодействию внутренней и внешней реакции, приступило к практическому осуществлению аграрной реформы, а также национализировало в июне 1937 г. железные дороги, а в марте 1938 г. нефтяную промышленность, принадлежавшую американскому и английскому капиталу. На Кубе в то время нефть еще не добывалась, но в мае 1938 г. кубинский конгресс, следуя примеру Мексики, принял закон, закрепивший за правительством права на все полезные ископаемые и ограничивший сроки концессий на их разработку²³⁰.

Фашистский мятеж и гражданская война в Испании еще больше ускорили и без того быстрый рост антифашистских настроений на Кубе и в Латинской Америке вообще. В своих листовках и газетах Компартия Кубы разоблачала преступные действия фашистских держав, призывая кубинский народ оказывать помощь Испанской республике. Уже в первой листовке, выпущенной спустя неделю после начала фашистского мятежа, она обратилась к трудящимся с призывом создавать группы помощи испанским республиканцам и собирать для отправки им деньги, одежду, табак и сигары. Несмотря на все запреты, около ста молодых кубинцев, тайно покинув родину, отправились в Испанию и вступили в интернациональную бригаду для защиты дела республиканцев. В борьбе за свободу испанского народа в декабре 1936 г. погиб талантливый кубинский писатель-коммунист Пабло де ла Торриенте Брау. Массовое движение солидарности с Испанской республикой охватило как кубинцев, так и сотни тысяч проживавших на Кубе испанцев²³¹.

Наконец, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в эти годы правительство Ф. Рузвельта, как известно, перешло к политике активного противодействия экспансии фашистских держав в Западном полушарии.

В этих условиях Батиста, выступивший вначале в поддержку фашистских мятежников, выдавший им кубинского коммуниста — испанца по происхождению — Хулио Прието, и даже запретивший в угоду посольствам Германии и Италии демонстрацию «оскорбительных» для Гитлера и Муссолини испанских фильмов, решил переориентироваться. В своих выступлениях он стал утверждать, что стремится к «прогрессивной демократии», критиковал политику фашистских держав и заявил, что «не потерпит фашизма на Кубе», стал дружественно обращаться с испанскими республиканцами, осудил расовую дискриминацию и назначил нескольких негров на видные посты

²³⁰ «New York Times», 5.V 1938.

²³¹ ГМР СССР, 20247/9, Л-616-11б; 20246/10, Г-616-11б; 20246/11, Л-616-11б; 30207/651, Г-616-11б; «Noticias de Hoy», 6.IX 1959.

в армии, а также объявил «союз рабочих, крестьян и солдат — основой свободы Кубы». Были установлены контакты с Р. Грау Сан Мартином и другими лидерами оппозиции и достигнуто соглашение о проведении в 1940 г. всеобщих выборов²³².

Демократические силы использовали возникшие благоприятные условия для развития и объединения профсоюзов, создания крестьянских, негритянских, женских, молодежных организаций. 16 мая 1938 г. вышел первый номер газеты «Нотиспас де Ой» — органа кубинских коммунистов. В июле того же года X пленум Компартии Кубы констатировал наличие в правительстве Ларедо Бру группы, выступавшей за либерализацию политической жизни в стране и сотрудничавшей с Батистой, а также реакционной группы, выступавшей против курса на либерализацию. В сентябре 1938 г. власти вынуждены были разрешить легальную деятельность Компартии Кубы, что сыграло огромную роль в дальнейшем развитии кубинского рабочего движения. «Это явилось следствием успехов демократического движения, очевидного провала политики преследований и размаха справедливой борьбы, проводившейся партией под основными лозунгами — свободное и суверенное Учредительное собрание, политическая амнистия, возвращение политэмигрантов и разрешение университетской проблемы»²³³. Были легализованы также Кубинская революционная партия, «Молодая Куба» и некоторые другие организации. Многие лидеры оппозиционных партий, в том числе Грау Сан Мартин, получили возможность вернуться из эмиграции.

В середине января 1939 г. в городе Санта-Клара состоялся третий съезд Коммунистической партии Кубы, прошедший под лозунгом «За конституцию, обеспечивающую демократию, народное благосостояние и защиту национальной экономики!». Менее чем за полгода легального существования компартия выросла в несколько раз и насчитывала в своих рядах более 23 тыс. человек (включая 11 тыс. в провинции Гавана и 6 тыс. — в Ориенте). 71% всех членов партий составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие, около 23% — негры. За годы революционных боев партия окрепла, получила необходимый опыт, ее руководящие кадры пополнились молодыми и преданными делу рабочего класса деятелями, такими как Ласаро Пенья, Карлос Рафаэль Родригес и др. Был налажен выпуск еженедельника «Ревиста популар», нескольких провинциальных и местных газет. Кроме того, компартия по-

²³² «Communist», 1939, v. 18, № 3, p. 228; «Fundamentos», IX 1950, № 102, p. 832; «Current History», IV 1939, v. 50, № 2, p. 51; J. Le Riverend Brusone. Op. cit., tema XXI, p. 5; R. H. Phillips. Op. cit., p. 176, 185—187.

²³³ Blas Roca. Op. cit., p. 180—181.

лучила час в день для своих передач по центральному радио, и такое же право получил комитет партии провинции Гавана²³⁴.

На третьем съезде присутствовали 347 делегатов, свыше 70 гостей от различных организаций, а также представители братских компартий Мексики, Венесуэлы, США и Канады. Улицы города были празднично украшены. С официальным приветствием к участникам съезда обратились мэр города и военный комендант. Доклад и выступления т. Блас Рока транслировались несколькими радиостанциями страны.

«Мы,— суммировал в своем выступлении политику партии докладчик,— боремся за единство народа Кубы, за союз революционеров и за великий единый национальный фронт, чтобы немедленно осуществить крайне необходимую практическую программу: добиться созыва свободного и суверенного Учредительного собрания; установить демократические и равные права для негров и женщин; помочь безработным; защитить крестьян от выселения; применять социальное законодательство; развивать культуру; спасти тысячи кубинских должников путем введения закона о переоценке закладных; работать в защиту национальной экономики, в защиту страны от фашистско-нацистского вторжения, за помощь Испании и Китаю, за сотрудничество с демократическими странами»²³⁵. Съезд призвал кубинцев к созданию в стране единого национального фронта всех демократических и прогрессивных элементов и созыву Учредительного собрания.

Под руководством коммунистов кубинский рабочий класс за короткое время сумел добиться почти полного объединения своих сил. В конце января 1939 г. состоялся учредительный съезд Конфедерации трудящихся Кубы, объединившей более 800 профсоюзов и насчитывавшей свыше 300 тыс. членов. Через год в ее рядах было уже около полмиллиона человек. Она стала одним из крупнейших и наиболее боевых отрядов Конфедерации трудящихся Латинской Америки. Председателем исполкома КТК был избран негр-коммунист, рабочий табачной промышленности Ласаро Пенья. Создание КТК было крупнейшей победой рабочего движения не только на Кубе, но и в Латинской Америке в целом.

Летом 1939 г. состоялся первый крестьянский конгресс, на котором была создана Национальная крестьянская федерация. Конгресс потребовал проведения демократической аграрной реформы. Рабочее и крестьянское движение, таким образом, стало важным политическим фактором в стране, и правящие классы уже не могли не считаться с ним.

²³⁴ Blas Roca. *Las Experiencias de Cuba*. México, 1939, p. 8—9; «Communist», 1939, v. 18, № 3, p. 225; 1940, v. 19, № 10, p. 917.

²³⁵ «Communist», 1939, v. 18, № 3, p. 226—227.

В 1939 г. в центре внимания демократических сил Кубы стояла подготовка к назначенным на ноябрь этого года выборам в Учредительное собрание. После третьего съезда влияние коммунистической партии в массах быстро росло. Численность ее к июлю 1939 г. достигла 44 тыс. человек, главным образом рабочих. В августе 1939 г. в интересах единства рабочего класса компартия объединилась с Революционным союзом и стала называться Революционно-коммунистическим союзом. Председателем его стал Хуан Маринельо, а генеральным секретарем Блас Рока. Разоблачая действия реакционных политиканов и партий, стремившихся помешать созыву Учредительного собрания и принятию демократической конституции, Революционно-коммунистический союз провел активную предвыборную кампанию, организовал множество собраний и митингов с участием десятков тысяч человек ²³⁶.

Реакционные круги всячески саботировали принятое под нажимом масс прогрессивное законодательство, отказывались платить налоги, организовывали вывоз капиталов за границу, но желали признавать профсоюзы и увольняли рабочих, прекращали уборку сахарного тростника и работу сахарных заводов, сгоняли арендаторов с земель и сопротивлялись переоценке закладных, взвинчивали цены и устраивали биржевые махинации с целью обесценения валюты и т. д. Блок реакционных сил состоял из Республиканско-демократической партии (консерваторов, возглавляемых М. Менокалем), «АВС», Аграрно-национальной партии, партии Республиканское действие и Кубинской революционной партии («аутентикос») Грау Сан Мартина. Последняя, возникнув как националистическая, антиимпериалистическая и чуть ли не социалистическая партия, к концу 1930-х годов стала постепенно терять свой «антиимпериализм». В 1939 г. ее лидеры снова отклонили предложения коммунистов о создании единого национального антиимпериалистического фронта и, стремясь укрепить свое влияние в рабочем классе, делали все, чтобы расколоть рабочее движение и профсоюзы. Оппозиционный блок буржуазных партий контролировал большую часть кубинской прессы, имел значительное влияние в армии и сильные позиции в конгрессе (особенно в сенате) ²³⁷.

На его стороне была церковь. Верхушка католического духовенства на протяжении всей истории Кубы выступала на стороне реакции. Она верно служила испанским колонизаторам,

²³⁶ «Daily Worker», 24.IX 1939; «Rundschau», 16.II 1939; M. Riera. Op. cit., p. 475. В 1944 г. Революционно-коммунистический союз был переименован в Народно-социалистическую партию Кубы.

²³⁷ Blas Roca. Los partidos cubanos. «Fundamentos», IX 1950, № 102, p. 827—828; M. Riera. Op. cit., p. 476.

а после их изгнания из страны перешла на службу к американскому империализму. Церковь занимала открыто враждебную позицию по отношению к движению против коррупции в период президентства А. Сайяса и к движению за университетскую реформу; позже она осуждала борьбу рабочего класса и всего народа против тирании Мачадо. «Особенно активизировалась католическая верхушка в связи с предстоявшим созывом Учредительного собрания; она мобилизовала свои кадры, чтобы добиться там осуществления своих целей...»²³⁸

На выборах 15 ноября 1939 г. оппозиционному блоку удалось получить несколько более половины (41 из 76) мест в Учредительном собрании. Революционно-коммунистический союз, впервые участвовавший в выборах, получил почти сто тысяч голосов избирателей и шесть мест в Учредительном собрании. 84 коммуниста были избраны муниципальными советниками и двое мэрами²³⁹. После выборов коммунисты и все прогрессивные силы страны еще более усилили мобилизацию широких народных масс на борьбу за принятие Учредительным собранием (начавшим свою работу 9 февраля 1940 г.) демократической конституции.

1 Политика «обхаживания и угроз»

Во второй половине 1930-х годов, в связи с продвижением Японии в Китае и возрастающей агрессивностью Германии и Италии в Европе, англо-американское мировое соперничество стало терять свое преобладающее значение. В Латинской Америке оно также начало временно заслоняться американо-германским соперничеством. Это было вызвано быстрым экономическим и политическим проникновением в латиноамериканские страны германского империализма. Вашингтонское правительство было чрезвычайно обеспокоено ростом германского влияния в Латинской Америке. Американский империализм стремился к полной гегемонии в Западном полушарии, и правящие круги США считали, что лучшим средством осуществления их далеко идущих планов явилось бы создание военно-политического союза, блока государств американского континента под руководством Вашингтона. С этой целью, в частности, Ф. Рузвельт выступил в качестве инициатора созыва Чрезвычайной межамериканской конференции в Буэнос-

²³⁸ «Cuba Socialista», VII 1962, № 10, p. 20. См. также: E. Roig de Leuchsenring. Los grandes movimientos políticos cubanos en la república..., p. 43. И. Р. Григулевич. Антинародная деятельность католической церкви (XVI—XX вв.). Сб. «Куба. Историко-этнографические очерки». М., 1961, стр. 234—256.

²³⁹ «New York Times», 20.XI 1939; M. Riera. Op. cit., p. 476, 478, 479, 482.

Айресе (декабрь 1936 г.). Той же цели была подчинена деятельность делегации США и на восьмой панамериканской конференции в Лиме (декабрь 1938 г.)²⁴⁰.

Куба, расположенная на подступах из Атлантики к Панамскому каналу, занимала особое место в военно-политических и стратегических планах Вашингтона. Поэтому руководителям Белого дома и государственного департамента было отнюдь не безразлично, какое правительство будет управлять этим, весьма беспокойным, с точки зрения правящих кругов США, островом в критические годы войны. Вашингтон сделал ставку на Батисту и пока не видел оснований менять ее.

Выше уже говорилось о помощи, оказанной вашингтонским правительством проамериканскому режиму на Кубе в 1934 г. В 1935 г., стремясь укрепить положение Батисты, правительство США предоставило Кубе через Экспортно-импортный банк новые займы. А когда в конце того же года прибывшие в Гавану от имени Комитета держателей облигаций займов «Чейз нэйшнл банка» правительству Мачадо сенаторы Д. П. Най и Б. К. Уиллер потребовали выплаты долга по этим займам и наткнулись на отказ, государственный департамент не принял никаких мер, чтобы поддержать их²⁴¹.

То же самое произошло, когда выяснилось, что британское правительство в обход «закона о 50% найме на работу» добилося включения в свой торговый договор с Кубой статьи, разрешавшей английским фирмам на острове «нанимать разумное число лиц местной национальности». Американские фирмы тщетно требовали такого же права для себя — государственный департамент снова предпочел не вмешиваться²⁴².

Это, однако, вовсе не означало, что Белый дом и государственный департамент перестали вдруг заботиться об интересах американского капитала на Кубе. Уже в июне 1936 г. Верховный суд Кубы постановил, что «нет никаких оснований подвергать сомнению законность займов на общественные работы». После этого между кубинским правительством, с одной стороны, и Комитетом держателей иностранных облигаций, американскими банкирами, фирмами-подрядчиками и кубинскими держателями облигаций — с другой, начались затяжные переговоры. В конце концов, 22 декабря 1937 г. было подписано соглашение, по которому Куба обязалась выплатить значитель-

²⁴⁰ См.: Э. Л. Н и т о б у р г. Из истории «политики доброго соседа». Чрезвычайная межамериканская конференция 1936 г. «Ученые записки ЧГПИ», вып. VIII. Чебоксары, 1958, стр. 110—167; Л. И. З у б о к. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. М., 1948, стр. 458—467.

²⁴¹ «Press Releases», 2.II, 19.X 1935, p. 59—60, 326; «Nation», 18.IX 1935, v. 141, p. 310; R. H. Phillips. Op. cit., p. 169.

²⁴² R. H. Phillips. Op. cit., p. 182.

ную часть составляющего почти 81 млн. долл. долга по займам Мачадо на общественные работы. В 1938 г. оно было утверждено кубинским конгрессом и вошло в силу²⁴³.

Это соглашение, однако, не включало претензий ряда американских фирм-подрядчиков, строивших Центральное шоссе, Капитолий и др. («Уоррен Бразерс энд компани», «Парди энд Хендерсон компани»). Поэтому, начиная с 1938 г., Вашингтон стал оказывать на правительство Ларедо Бру прямое давление с целью добиться удовлетворения претензий указанных фирм. Об этом свидетельствуют факты.

В 1938—1939 гг. экономика Кубы снова переживала кризисное состояние. Только за первую половину 1938 г. цены на сахар упали на 25%. Квота на ввоз кубинского сахара в США была сокращена с 2149 тыс. т в 1937 г. до 1963 тыс. т в 1938 г. В результате национальный доход, так и не достигнув уровня 1920-х годов, сократился за время с 1937 по 1939 г. с 614 до 488 млн. песо (в 1924 г. он составлял 783 млн. песо), стоимость урожая сахарного тростника — со 117 до 92 млн. песо (в 1924 г. — 352 млн. песо), общая стоимость экспорта, $\frac{4}{5}$ которого по-прежнему составляли сахар и побочные продукты его производства, — со 186 до 147 млн. песо (в 1924 г. — 434,9 млн. песо) и, соответственно, импорта — со 129,6 до 105,9 млн. песо (в 1924 г. — 289,9 млн. песо)²⁴⁴.

В связи с ухудшением экономического положения страны кубинское правительство стало добиваться пересмотра ряда статей торгового договора 1934 г., а также займа, и Вашингтон использовал это обстоятельство для нажима на Гавану²⁴⁵. В октябре 1938 г. С. Уэллес, ставший к этому времени заместителем государственного секретаря, прямо заявил кубинскому послу, что США пойдут навстречу пожеланиям кубинского правительства только после того, как они получат с его стороны «практическое доказательство» готовности сотрудничать с ними²⁴⁶. Комментируя это заявление, Р. Смит пишет, что «практическим доказательством», которое Уэллес требовал от кубинского правительства, было урегулирование его взаимоотношений с американскими кредиторами, а также изменение некоторых внутренних экономических мероприятий, обсуждавшихся тогда кубинским конгрессом²⁴⁷.

²⁴³ Institute of International Finance. Bulletin № 100, p. 4—5, 26.

²⁴⁴ Ibid., p. 2, 10; Historia de la nación cubana, t. IX, p. 367; Report on Cuba. Baltimor — London, 1951, p. 572.

²⁴⁵ См.: «Foreign Relations — 1938», v. 5. Washington, 1956, p. 472—490; «Foreign Relations — 1939», v. 5. Washington, 1957, p. 522—558. «Foreign Relations — 1940», v. 5. Washington, 1960, p. 743—762.

²⁴⁶ «Foreign Relations — 1938», v. 5, p. 483—484.

²⁴⁷ R. Smith. Op. cit., p. 172.

Весной 1939 г., в ответ на просьбу кубинского правительства о новом займе, Вашингтон дал понять, что заем будет предоставлен только после полного урегулирования всех претензий относительно оплаты долга и процентов по займам «Чейз нэйшнл банка» правительству Мачадо. Наконец, в июле 1939 г. дело дошло до прямого экономического ультиматума: государственный департамент заявил, что в связи с затяжкой решения вопроса об урегулировании претензий фирм-подрядчиков («Уоррен Бразерс», «Парди энд Хендерсон») переговоры о дополнительном торговом соглашении с Кубой (ведущиеся уже более года) будут «на неопределенное время прекращены»²⁴⁸.

В декабре 1939 г. дополнительное торговое соглашение было подписано²⁴⁹. Но нажим продолжался. В частности, бывший помощник государственного секретаря США Д. Мессершмит, сменивший в январе 1940 г. Д. Б. Райта на посту посла в Гаване, предупредил кубинское правительство, что в конгрессе США предстоит обсуждение вопроса о квотах на ввоз сахара и что если до этого не будет налажено «сотрудничество», то экономика Кубы может серьезно пострадать²⁵⁰. Такими методами и в результате личных бесед с Батистой новый посол, наконец, добился (в сентябре 1940 г.) решения кубинского конгресса об удовлетворении всех претензий американских компаний, нажившихся на поставках и строительных работах в период правления Мачадо²⁵¹. Еженедельник «Нэйшн» проницательно отмечал в связи с этим, что «Куба является «независимой» лишь постольку, поскольку она соглашается платить Чейз банку по займам Мачадо и не становится слишком демократической... Кубинцы платят тяжелые потребительские и транспортные налоги, чтобы оплачивать эти чейзовские займы и вынуждены это делать, рискуя в противном случае потерять свою «независимость»²⁵².

Не менее упорно оберегалась монополия США во внешней торговле Кубы. И тут Вашингтон не останавливался перед самым грубым нажимом, если считал это необходимым. В частности, когда Куба попыталась обменять излишек своего сахара на эквадорский рис и мексиканскую нефть, ее северный «добрый сосед» немедленно же пригрозил полным прекращением

²⁴⁸ «Foreign Relations — 1939», v. 5, p. 522—534.

²⁴⁹ См.: Department of State. Reciprocal Trade Agreement between the United States of America and the Republic of Cuba, Signed at Washington, August 24, 1934, as Amended by Supplementary Agreement Signed at Washington, December 18, 1939 and at Havana, December 23, 1941. Washington, 1942.

²⁵⁰ «Foreign Relations — 1940», v. 5, p. 746—749.

²⁵¹ Ibid. p. 761—762; R. Smith. Op. cit., p. 174—175; R. H. Phillips. Op. cit., p. 185—186.

²⁵² «Nation», 11.XI 1939, v. 149, p. 510.

импорта в США кубинского сахара, что привело бы к дезорганизации всей экономики острова²⁵³.

Подобных примеров «политики давления» или, как ее называет Р. Смит, «политики обхаживания и угроз» можно было бы привести немало и не только в отношении Кубы. Но максимальный эффект такая политика обычно давала в тех случаях, когда у власти стояло доверенное лицо империалистов, которое они делали президентом или премьер-министром. На Кубе таким «доверенным человеком» американского империализма стал Ф. Батиста. Люди, занимавшие в те годы руководящие посты в Вашингтоне, отдавали себе отчет в том, что времена меняются и что «сильная личность» типа Батисты, сочетающая умение «навести порядок и покой» с незаурядными данными демагога, разглагольствующего о «союзе труда и капитала», ловко оперирующего «демократическими лозунгами» и умеющего заигрывать с трудящимися массами, является в новых условиях гораздо более удобным и надежным защитником американских капиталовложений на Кубе, чем политики старого типа вроде генерала М. Менокаля или Х. Мачадо. «С 1934 до 1959 г., — пишет в своей монографии Р. Смит, — полковник Фульхенсио Батиста был — да извинит меня Грэхем Грин²⁵⁴ — «нашим человеком в Гаване»... Батиста был символом стабильности для многих американцев. Несмотря на некоторые националистического характера высказывания и реформы в рабочем вопросе, на него можно было положиться в деле защиты американских интересов...»²⁵⁵. Именно поэтому в ответ на попытки некоторых реакционных кубинских политиков осенью 1938 г. выяснить позицию США в отношении возможного государственного переворота в Гаване Вашингтон недвусмысленно выразил свое отрицательное отношение к этому²⁵⁶.

В сентябре 1938 г., в период чехословацкого кризиса в Европе, Батиста заявил, что в случае войны Куба будет на стороне США. В ноябре того же года, накануне восьмой панамериканской конференции в Лиме, он был приглашен в Вашингтон. Официально начальник штаба кубинской армии полковник Ф. Батиста прибыл в США на празднование «Дня перемирия» в качестве гостя начальника штаба американской армии генерала М. Крейга. Он присутствовал на военном параде, побывал в военной школе Вест-Пойнт и т. д. Фактически же целью визита были весьма важные переговоры по вопросам кубино-аме-

²⁵³ G. S t u a r t. Op. cit., p. 243, 245.

²⁵⁴ Имеется в виду роман Грэхема Грина «Наш человек в Гаване».

²⁵⁵ R. S m i t h. Op. cit., p. 170.

²⁵⁶ Despatch from Havana, 2.IX 1938, DS Doc. № 837.00/8304; Memorandum of Conversation, 9.IX 1938, DS Doc. № 837.00/8313 — 1/2. См.: B. W o o d. Op. cit., p. 115—116.

риканских и межамериканских отношений. Батиста имел ряд встреч с руководителями государственного департамента и высшими офицерами вооруженных сил США, а также провел несколько часов в личной беседе с президентом Ф. Рузвельтом. «Хотя характер этих бесед остается полностью неизвестным,— пишет Б. Вуд,— они касались вопросов обороны полушария; Батиста услышал также кое-что о торговой политике США и некоторые осторожные предположения относительно надежд Вашингтона на прогрессивное развитие демократических институтов на Кубе»²⁵⁷.

Результатом этой, длившейся около месяца и, по словам посла США в Гаване, «в огромной мере усилившей» положение Батисты на Кубе поездки, была договоренность о так называемых десяти пунктах. Точное содержание их до сих пор не было опубликовано. Однако известно, что они включали взаимное военное сотрудничество между США и Кубой и противодействие проникновению на остров агентуры фашистских держав, а также заключение дополнительного торгового соглашения, открывающего американским сельскохозяйственным продуктам и промышленным товарам еще более широкий доступ на кубинский рынок. В обмен Кубе была обещана финансовая и другая экономическая помощь²⁵⁸. Вашингтон тем самым достаточно ясно подчеркнул свое доверие бывшему сержанту, поддерживав, таким образом, его честолюбивые замыслы в отношении президентского поста. Со своей стороны, Батиста, вернувшись в Гавану, заявил, что в связи с выражавшимися в США опасениями, как бы Куба не оказалась «жертвой тоталитарных влияний», он обещал Ф. Рузвельту, что Куба будет «верна демократическим принципам»²⁵⁹.

В феврале 1939 г., приехав по приглашению президента Ласаро Карденаса в Мексику, Батиста выступил там с заявлениями о необходимости создания «антиимпериалистического союза народов Западного полушария» и о решимости кубинцев в случае империалистической агрессии бороться рука об руку с мексиканцами. По возвращении он восхвалял Карденаса как лидера демократии и обещал трудящимся пойти навстречу их требованиям. В 1939 г. кубинский конгресс принял ряд законов, в известной мере облегчающих положение отдельных слоев народа. Была, в частности, несколько снижена арендная плата и на треть уменьшена плата за воду, освобождены на 5—10 лет от налогов владельцы вновь построенных домов и на 25 % уменьшена плата в пансионатах, и т. д.

²⁵⁷ B. Wood. Op. cit., p. 116—117.

²⁵⁸ «Foreign Relations — 1939», v. 5, p. 527, 530—531; R. H. Phillips. Op. cit., p. 187—188, 195; B. Wood. Op. cit., p. 116—117.

²⁵⁹ «New York Times», 26, 30.XI 1938.

Все это, однако, имело целью завоевать голоса большинства избирателей на предстоящих в 1940 г. президентских выборах и ни в коей мере не означало, что Батиста действительно задумал пойти на сколько-нибудь радикальные социально-экономические реформы. «Капитал,— объявил он,— не должен бояться какого-либо уничтожения собственности, но если он не желает уважать права и требования народа, результатом этого явятся беспорядки, которые будут действовать во вред ему же». На запрос журналистов об отношении к иностранной собственности, имеющейся на Кубе, Батиста ответил, что в этом он не намерен следовать примеру Мексики²⁶⁰.

6 декабря 1939 г. Батиста ушел в отставку с поста начальника штаба армии и официально выдвинул свою кандидатуру в президенты республики. Предвыборная платформа Батисты включала почти все пункты объявленного им еще в 1937 г. «Трехлетнего плана» и обещала народу различные реформы и укрепление суверенитета страны. Кроме того, давались обещания сохранять нейтралитет в начавшейся в Европе войне (такова в этот период была официальная политика Вашингтона), «регулировать» деятельность банков и корпораций, стабилизировать песо на уровне американского доллара и т. д.²⁶¹

Политическая борьба между правительственным блоком и оппозицией достигла такой остроты, что выборы несколько раз откладывались. Поверенный в делах посольства США в Гаване предупреждал Вашингтон, что обстановка накалена и не исключена возможность захвата власти Батистой путем военного переворота. По-видимому, в связи с этим Ф. Рузвельт в беседе с кубинским послом Мартинесом Фрага, перед отъездом последнего в Гавану, сказал ему, что «если революционный цикл, который начался с падения Мачадо, не завершится к тому времени удовлетворительным и законным путем, то правительство США не будет в состоянии защитить интересы Кубы, когда в американском конгрессе будет обсуждаться законодательство о сахаре»²⁶².

В ходе этой борьбы кубинские буржуазные политики, из тех что привыкли всегда оглядываться на Вашингтон, всячески пытались заручиться его поддержкой. В частности, Мессершмит сообщал Хэллу: «Экс-президент Менокаль пытался вчера через посредника, которому я полностью доверяю, выяснить у меня, желает ли правительство США, чтобы он объединил силы

²⁶⁰ R. H. Phillips. Op. cit., p. 189. См. также: F. Batista. *Revolución Social o Política Reformista*, p. 51—66. 87—108.

²⁶¹ R. H. Phillips. Op. cit., p. 195—196. Полный текст платформы Батисты см.: A. D. Torra y A. Aredondo. *Como Cumple Batista su plataforma de gobierno*. La Habana, 1943, p. 59—77.

²⁶² «*Foreign Relations — 1940*», v. 5, p. 737—739.

с полковником Батистой или с доктором Грау. Генерал Менокаль также выразил этому посреднику свое убеждение, что полковник Батиста снимет свою кандидатуру, если получит указание, что этого бы желало правительство Соединенных Штатов.

Нечего и говорить,—добавлял посол,—что я не сделал ничего, что могло бы указать на какие-либо пожелания правительства США относительно того, к какой группе следует присоединиться генералу Менокалю, или по поводу кандидатуры полковника Батисты»²⁶³. Однако Менокаль и без того понял куда дует ветер и незадолго до выборов возглавляемая им Республиканско-демократическая партия перешла на сторону Батисты, ослабив лагерь оппозиции, выдвинувший своим кандидатом в президенты Грау Сан Мартина. В результате на состоявшихся в июле 1940 г. выборах Батиста победил и 10 октября 1940 г. принес присягу в качестве президента Кубы²⁶⁴.

В этот же день вступила в силу принятая 1 июля 1940 г., после длительной борьбы в Учредительном собрании, новая конституция. Для того времени кубинская конституция 1940 г. была самой демократической и прогрессивной в Западном полушарии. На Кубе вводилось всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании. Женщины получали полные гражданские права. «Всякая дискриминация по признакам пола, расы, цвета кожи, класса или любая иная, оскорбляющая человеческое достоинство», объявлялась «вне закона», а виновные в ней подлежали наказанию. Декларировались свобода создания политических партий и организаций (при условии наличия в них не менее 2% избирателей), право рабочих и служащих на забастовку, 44-часовая рабочая неделя, равная оплата за равный труд, гарантированный минимум заработной платы, оплачиваемый отпуск. Запрещался сгон крестьян с земли и говорилось о необходимости аграрной реформы. Специальная статья осуждала агрессивную войну²⁶⁵.

Конституция 1940 г. ярко отражала противоречия между интересами народа и интересами господствующих классов. Это видно из того, что многие ее статьи о правах трудящихся имели чисто декларативный характер, осуществление их ничем не гарантировалось. Характерно, что не прошло и двух месяцев со дня вступления конституции в силу, как на ряде предприятий вспыхнули забастовки. Рабочие вынуждены были таким путем добиваться введения 44-часовой недели и заставлять хозяев осуществить другие статьи новой конституции²⁶⁶.

²⁶³ Ibid., p. 740—741, 742.

²⁶⁴ «New Masses», 23.VII 1940, p. 6; M. Riera. Op. cit., p. 476, 483, 484, 489.

²⁶⁵ См.: Конституции государств американского континента, т. II. М., 1959, стр. 229—348.

²⁶⁶ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 375, л. 39.

Важная статья о запрещении латифундий, явившаяся результатом острейшей борьбы, устанавливала в качестве условия их ликвидации немедленную компенсацию латифундисту стоимости экспроприированных земель, что представляло собой по существу защиту интересов крупных земельных собственников. Тем не менее, как отмечает А. Нуньес Хименес, «в целом демократические силы одержали большую победу в том смысле, что конституция провозглашала основные демократические права граждан. В то же время сопротивление господствующих классов эффективному осуществлению этих принципов и прав нашло свое выражение в ряде ограничений, зафиксированных в тексте конституции»²⁶⁷.

Главной причиной того, что Учредительное собрание, несмотря на его консервативное большинство, приняло столь демократическую конституцию, было постоянное, нараставшее из месяца в месяц давление со стороны народных масс. Собрания трудящихся: митинги, в которых участвовали по 60—70 тыс. человек, конференции профсоюзов, негритянских обществ, женских и молодежных организаций, наконец, грандиозная демонстрация 1 мая 1940 г. — все это не могло не оказать влияния на депутатов Учредительного собрания. Активную и выдающуюся роль в принятии многих важнейших статей новой конституции сыграли депутаты-коммунисты.

Уже на открытии Учредительного собрания, помимо оратора от оппозиции и оратора от правительства, выступил от имени Революционно-коммунистического союза Хуан Маринельо, подчеркнув тем самым, независимость программы коммунистов от остальных групп и особенно от тех, с которыми они выступали вместе в период избирательной кампании. На первом этапе работы собрания имели место попытки реакционного большинства помешать коммунистам участвовать в обсуждении всех вопросов (особенно проблемы ограничения латифундий и др.) и заставить их замолчать. Но эти попытки не имели успеха, так как коммунистов поддерживали широкие народные массы. «Конституция обсуждалась в Капитолии, но составлялась на улицах»²⁶⁸, и это явилось решающим фактором, определившим ее характер.

Созыв Учредительного собрания и принятие демократической конституции 1940 г., закреплявшей завоевания и чаяния трудящихся, явилось крупным поражением реакции и победой кубинского народа.

²⁶⁷ А. Нуньес Хименес. Республика Куба. М., 1963, стр. 74.

²⁶⁸ «Communist», 1940, v. 19, № 10, p. 924—925; J. Le Riverend Brunsone. Op. cit., tema XXI, p. 6—7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История свидетельствует о том, что Куба привлекала к себе самое пристальное внимание американских правящих кругов чуть ли не с момента образования Соединенных Штатов. Попытки этих кругов тем или иным путем овладеть «жемчужиной Антилл» не прекращались в течение всего XIX в. Менялись лишь формы и методы достижения этой цели. Уже тогда американский капитал начал проникать на остров, и к концу века Куба оказалась экономически связана со своим «великим северным соседом» гораздо теснее, чем с Испанией.

Не желая допустить победы кубинского народа, восставшего против испанских колонизаторов, империалисты США под предлогом «освобождения Кубы» развязали в 1898 г. войну с Испанией — первую войну за передел уже поделенного мира. Разгромив полуфеодалскую Испанию и захватив часть ее колоний, они вынуждены были согласиться на создание Кубинской республики, но одновременно сделали все, чтобы превратить ее независимость в пустую формальность и включить Кубу в свою новую империю.

В отличие от владений других империалистических держав большая часть этой империи никогда не была обозначена на карте. Соединенные Штаты, опоздавшие к дележу колониального пирога, но обладавшие к этому времени гораздо большим, чем их империалистические соперники экономическим потенциалом, уже с начала XX в. использовали более прикрытые и изощренные приемы грабежа, более завуалированные методы закабаления стран, обладавших формальной политической независимостью, посредством установления над ними косвенного контро-

ля. В наше время эти приемы и методы получили название неокolonизма. Лицемерие и маскировка, отличающие неокolonизм, всегда были органической чертой американской колониальной политики.

В период первой оккупации Кубы американскими войсками там были осуществлены административные и экономические мероприятия, подготовившие почву для успешной эксплуатации ресурсов Кубы и ее народа монополиями США. Навязав затем кубинцам силой «поправку Платта», включенную в конституцию республики и кубино-американский Постоянный договор, а также торговое соглашение «на основе взаимности» 1902 г. и конвенцию о предоставлении США военно-морских баз 1903 г., американский империализм по существу превратил Кубинскую республику в свой протекторат.

Первые два десятилетия американского господства над Кубой ознаменовались переходом в руки монополий США контроля над природными богатствами и всей экономической жизнью страны. В результате гипертрофированного развития сахарной промышленности Куба была превращена в своего рода «сахарницу Соединенных Штатов».

Эксплуатация трудящихся Кубы приносила монополиям США колоссальные прибыли и для того, чтобы можно было продолжать ее без помех, Вашингтон постоянно вмешивался во внутренние дела страны. В тех случаях, когда монополистам казалось, что их интересам на Кубе угрожает движение народных масс, Вашингтон, опираясь на свое «право интервенции по поправке Платта», посылал для подавления этого движения военную силу.

Открытое использование правительством США в качестве основного «аргумента» морской пехоты было характерной чертой кубино-американских отношений вплоть до начала 1920-х годов. И только патриотическая борьба кубинского народа, не прекращавшаяся на протяжении всего периода господства США над Кубой, явилась той решающей силой, которая противостояла экспансионистским устремлениям американского империализма и вынуждала Вашингтон каждый раз отводить свои войска с острова.

Возникший в годы первой мировой войны и в результате Великой Октябрьской социалистической революции общий кризис капитализма привел к невиданному до того в Латинской Америке размаху освободительного движения. Победа пролетариата России в огромной мере способствовала развитию социалистических идей и подъему рабочего и антиимпериалистического движения на Кубе. Результатом было образование в 1925 г. первого в истории страны национального профсоюзного центра и Коммунистической партии Кубы.

В условиях роста сознательности и организованности рабочего класса, в обстановке усиления антиимпериалистических настроений, охвативших широкие народные массы, правящие круги США вынуждены были отказаться от «превентивной политики» и методов открытого диктата и управлять Кубой, опираясь на свою местную агентуру. У власти в Гаване был поставлен представитель тесно связанных с монополиями США кубинских латифундистов и коммерсантов — генерал Мачадо.

Мачадо пришел к власти как «сильный человек», способный «навести порядок» в стране. При помощи демагогических обещаний ему удалось на время создать себе определенную социальную опору. Однако, стремясь подавить растущее рабочее движение, он был вынужден сбросить маску и установить режим террора и репрессий.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. вызвал новый мощный подъем национально-освободительного движения в Латинской Америке, ставшего мощной плотной на пути проводимой империализмом США политики закабаления народов латиноамериканских стран. В ряде этих стран народные массы смели реакционные проимпериалистические правительства (Чили, Перу и др.). В такой обстановке Вашингтон вынужден был сначала пойти на ряд мелких уступок в своей латиноамериканской политике, а затем — после прихода к власти в марте 1933 г. правительства Ф. Рузвельта — официально декларировать, что США впредь «отказываются от империализма» и политики вооруженных интервенций и будут проводить так называемую политику «добротного соседа».

Экономический кризис 1929—1933 гг. особенно тяжело отразился на положении Кубы, ставшей в результате тридцатилетнего безраздельного хозяйничанья здесь «империализма янки» страной монокультуры, экономически целиком зависимой от США. Безработица достигла чудовищных размеров. Народные массы голодали. Положение их усугублялось кровавым террористическим режимом, установленным диктатором Мачадо. Революционное движение на острове достигло в 1933 г. невиданного размаха и поставило под угрозу самые основы экономического и политического господства североамериканских монополий. Возникновение антиимпериалистического правительства на Кубе неизбежно оказало бы огромное революционизирующее влияние на народы всех стран Карибского бассейна.

В связи с этим стоявшая перед правительством Ф. Рузвельта задача — восстановить кубинский рынок для американских товаров — с самого начала тесно переплеталась с задачей ни в коем случае не допустить победы на Кубе антиимпериалистической революции. В Вашингтоне был выработан план «мирного» устранения диктатора Мачадо, неспособного в новых условиях

обеспечить «стабильность», и «конституционной» передачи власти в руки очередной проамериканской марионетки. Однако этот план был сорван мощной революционной волной, уничтожившей режим Мачадо.

Подъем антиимпериалистического движения масс во всем мире, в том числе во всех странах Латинской Америки и в самих Соединенных Штатах, заставивший вашингтонских руководителей провозгласить политику «доброго соседа», затрудняя возможность осуществления их целей на Кубе путем открытой вооруженной интервенции и оккупации острова на основании «поправки Платта», как это неоднократно делалось прежде. Но правительство США широко использовало экономическую интервенцию, тайную заговорщическую дипломатию, сговор с местной реакцией, грубый шантаж вооруженной интервенцией и, наконец, создание марионеточных правительств при помощи военных переворотов.

Тот факт, что, несмотря на все это, Временное революционное правительство, возникшее в сентябре 1933 г., просуществовало более четырех месяцев, свидетельствует о размахе и глубине революционного движения на острове. «Революция 1933 г. ..., — отмечалось в программе Народно-социалистической партии Кубы, принятой на ее VIII съезде, — не только свергла тиранию Мачадо, но и отменила «поправку Платта», ввела 8-часовой рабочий день даже на сахарных заводах, установила преимущественное право кубинцев на работу; крестьяне в ряде мест заняли землю; на первый план выдвинулась борьба против расовой дискриминации, и были достигнуты важные демократические успехи в политической области»¹.

Но революция потерпела временное поражение. «Пролетариат не смог подняться до руководства революцией, чтобы повести ее к экономическим и социальным преобразованиям, которых требовала историческая необходимость.

Трусость национальной буржуазии, испугавшейся дипломатического непризнания Соединенными Штатами и громадного роста борьбы масс, и колебания городской мелкой буржуазии обусловили предательство Батисты в 1934 г., который при поддержке сахарных магнатов, латифундистов и других контрреволюционных сил вновь создал правительство, несмотря на отмену «поправки Платта», открыто подчинившееся Вашингтону»².

Одной из важных причин временного поражения, понесенного демократическими силами Кубы в 1933—1935 гг., было отсутствие в стране массовой, закаленной в классовых боях марк-

¹ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional. Informes, resoluciones, programa, estatutos. La Habana, 1960, p. 678.

² Ibidem.

систской партии. Молодая Компартия Кубы, насчитывавшая тогда не более 5—6 тыс. членов, начала становиться такой партией лишь в последующие годы. Важной причиной поражения революции явилось также отсутствие на Кубе в тот период мощного антиимпериалистического общенационального фронта, который бы объединил на платформе борьбы за национальное освобождение самые широкие массы рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии и выступавшие против господства «империализма янки» круги национальной буржуазии. Это обстоятельство облегчило реакционным силам борьбу с революцией.

Сыграла свою роль в победе реакции и осторожная тактика правительства США, всячески маскировавшего истинную сущность своей политики на Кубе и сумевшего ловко использовать классовую общность интересов американских монополистов и буржуазно-помещичьей верхушки Кубы перед лицом одинаково страшной для них социальной революции. Такая тактика как раз и позволила Вашингтону — под видом «бескорыстной помощи» — расколоть начавший было стихийно складываться на Кубе общенациональный антиимпериалистический фронт путем отрыва от него значительной части национальной буржуазии.

В связи с этим важно отметить, что политика правительства Ф. Рузвельта на Кубе так же, как и вся его латиноамериканская политика, почти всегда полностью поддерживалась конгрессом. Характерно, что даже самые яростные «изоляционисты» в США всегда рьяно выступали за так называемое межамериканское единство. Монополии США издавна рассматривали Западное полушарие как «свое», и конгресс с трогательным «двухпартийным» единодушием санкционировал договоры и конвенции, подписанные представителями Соединенных Штатов на панамериканских конференциях 1933, 1936, 1938 гг., отмену «поправки Платта», торговые соглашения и другие важнейшие акты латиноамериканской политики правительства Ф. Рузвельта.

Но в то же время следует подчеркнуть, что проводимая Вашингтоном политика удушения революции на Кубе не только не отражала действительного отношения широких масс народа Соединенных Штатов в борьбе трудящихся Кубы за свое национальное и социальное освобождение, но, наоборот, натолкнулась на его активное сопротивление. Поддержка борьбы народа Кубы рабочими, фермерами, студентами и прогрессивной интеллигенцией США нашла свое яркое выражение в организованных Коммунистической партией Кубы, Антиимпериалистической лигой, левыми профсоюзам, студенческими и другими демократическими организациями США массовых демонстрациях и митингах протеста против интервенции, посылки военных судов и подрывной деятельности послов США на Кубе, в отправке туда

профсоюзных делегаций, в массовых петициях и телеграммах в защиту кубинских революционных и профсоюзных деятелей, в сборе средств для помощи жертвам террора и т. д.

Поставив в январе 1934 г. у власти в Гаване марионеточное правительство К. Мендиэты и найдя в лице начальника штаба армии Ф. Батисты преторианца, готового служить в качестве цепного пса американского капитала на острове, вашингтонское правительство на время добилось своей цели — разгрома демократических организаций и подавления освободительного движения на Кубе. Там была вновь установлена военная диктатура, почти не уступавшая по своей жестокости диктатуре Мачадо. Коммунистическая партия Кубы и революционные профсоюзы были загнаны в подполье.

Только обеспечив, таким образом, интересы магнатов Уолл-стрит, правительство США решилось пойти на «добровольный» якобы отказ от «поправки Платта» с тем, чтобы убедить латиноамериканцев в «искренности» политики «доброго соседа» и прикрыть свою интервенцию на Кубе. В действительности, это был отнюдь не добровольный, а вынужденный отказ, вызванный, как и вся пресловутая политика «доброго соседа», прежде всего резким усилением сопротивления народов Кубы и всей Латинской Америки возросшей экспансии монополий США. Так называемая экономическая «помощь», предоставленная правительству К. Мендиэты, призвана была восстановить кубинский рынок для американских товаров, дать американским монополиям возможность и дальше выжимать из Кубы максимальную прибыль и с этой целью надолго закрепить уродливое монокультурное развитие кубинской экономики и зависимость ее от США. Разумеется, и после отмены «поправки Платта» американский империализм сохранил свое экономическое и военнополитическое господство над Кубой.

Однако поражение демократических сил в середине 1930-х годов было временным. Приближавшаяся мировая война и усилившееся проникновение фашистских держав в Латинскую Америку привело в конце 1930-х годов к резкому обострению американо-германских противоречий и стремлению Вашингтона использовать в своих интересах антифашистские настроения народов латиноамериканских стран. Это обстоятельство, обусловившее определенные тактические изменения в политике Батисты так же, как и мощный рост освободительного движения народных масс, заставили накануне второй мировой войны кубинскую реакцию отступить: допустить легализацию коммунистической партии и революционных профсоюзов, демократизировать политическую жизнь и пойти на введение прогрессивной конституции. Характеризуя обстановку тех лет, Программа Народно-социалистической партии Кубы отмечала: «Возрож-

дение революционного движения, достижение определенной степени единства действий и новое международное положение, создавшееся ввиду антифашистской борьбы во всем мире, сделали возможным завоевание некоторых свобод и созыв Учредительного собрания, которое конституцией 1940 г., этим запоздалым продуктом революции 1933 г., законно подтвердило достигнутые завоевания и закрепило волю к независимости, миру и прогрессу народа Кубы»³.

Революционные битвы двадцатых-тридцатых годов, победы и поражения не прошли бесплодно. Они сыграли важную роль в дальнейшем развитии освободительной борьбы на Кубе и наложили свой отпечаток на формирование взглядов нового поколения кубинцев, которому суждено было освободить свою родину. Блас Рока в своей работе «Основы социализма на Кубе» следующим образом оценивает значение этого периода:

«Революционные действия в 1933 г. в историческом плане явились как бы продолжением действий, прерванных в 1898 г. американским вмешательством, а с другой стороны, первым серьезным ударом по полуколониальному режиму, установленному под прикрытием поправки Платта.

В этот новый революционный период кубинский народ подтвердил свое... стремление достичь полной независимости и подлинного суверенитета, создать такой общественный строй, при котором власть принадлежала бы народу, а не империалистам и латифундистам, обеспечить существование общественных свобод, дать землю крестьянам и развить собственную, независимую экономику в соответствии с национальными потребностями и возможностями. Но, кроме того, революционный процесс получил новое социально-экономическое содержание вследствие роста рабочего класса, его большей организованности и классовой сознательности, создания его партии и международного влияния, оказанного победой Социалистической революции в старой России. В борьбе за свержение проимпериалистической тирании Мачадо рабочий класс являлся не только главной действующей силой, но знаменосцем программы ликвидации полуколониального, латифундистского режима»⁴.

Таким образом, в предвоенное десятилетие освободительное движение кубинского народа поднялось на новый, более высокий уровень. Заметно повысились классовое самосознание и организованность рабочего класса, ставшего ведущей силой революционного и антиимпериалистического движения. Значительно укрепили свои позиции и получили богатый опыт клас-

³ Partido Socialista Popular. VIII Asamblea Nacional. Informes, resoluciones, programa, estatutos, p. 679.

⁴ Blas Roca. Los Fundamentos del socialismo en Cuba. La Habana, 1961, p. 118—119.

совой и антиимпериалистической борьбы демократические силы Кубы. Выросла политическая сознательность и активность всего народа, добившегося в ходе борьбы ряда важных завоеваний, в том числе таких, как отмена «поправки Платта», означавшая признание независимости Кубы в международном юридическом плане, и принятие демократической конституции 1940 г.

Однако еще в момент принятия новой конституции, отмечая, что она «санкционирует наиболее важные завоевания революционного периода» и затрудняет империалистическое вмешательство в дела Кубы, коммунисты подчеркивали, что сама по себе конституция не может изменить что-либо в существующем соотношении классовых сил, а лишь создает более благоприятные условия для дальнейшей борьбы народа за свои права, демократию и подлинную независимость страны⁵.

Предупреждение это было тем более закономерным, что, хотя отмена «поправки Платта» явилась важным шагом по пути достижения подлинного национального суверенитета, Куба все еще продолжала оставаться в полной зависимости от американского империализма. Ее хозяйство, внешняя торговля и финансы по-прежнему оставались под контролем магнатов Уолл-стрит.

Колониальная по своему существу зависимость Кубы от американского империализма, использовавшего в 1930-х годах более гибкие — «добрососедские» — методы закабаления, к началу второй мировой войны полностью сохранялась, а в годы войны в некоторых аспектах даже усилилась. Но в то же время под влиянием огромных симпатий кубинского народа к героическим народам Советского Союза, ведущим смертный бой с гитлеровскими разбойниками и отстаивающим светлое будущее всего человечества, Батиста вынужден был пойти на установление дипломатических отношений с СССР и объявить себя чуть ли не «другом» Советского Союза.

Эти действия политического хамелеона Батисты являлись отражением глубоких сдвигов в сознании кубинского народа. Победы Советской Армии и разгром фашизма во второй мировой войне способствовали дальнейшему укреплению демократических сил. К концу войны Народно-социалистическая партия Кубы превратилась в большую политическую силу.

В послевоенный период кубинский народ продолжал борьбу за свои права, свободу и подлинную национальную независимость. Однако ему пришлось пройти еще довольно длительный и трудный путь, прежде чем он смог, наконец, разбить оковы империалистического угнетения и начать строительство новой, социалистической Кубы, ставшей маяком свободы для всей Латинской Америки.

⁵ «Communist», 1940, v. 19, № 10, p. 919—920.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.
Ленин В. И. Итоги и значение президентских выборов в Америке. Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч., т. 26.
Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Полн. собр. соч., т. 26.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Тетради по империализму. Полн. собр. соч., т. 28.
Ленин В. И. Империализм и раскол социализма. Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля. Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. Полн. собр. соч., т. 41.

Документы международного рабочего движения; труды и выступления руководящих деятелей КПСС и других коммунистических и рабочих партий

- Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919—1932 гг. М., 1932.
Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. Материалы. М., 1935.
VIII Национальный съезд Народно-социалистической партии Кубы (Гавана, 16—21 августа 1960). М., 1961.

- Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна. Сборник документов и резолюций конгрессов и исполкомов Коминтерна. М., 1932.
- Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М., 1961.
- Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935.
- СССР и Куба навеки вместе. М., 1963.
- Арисменди Р. Вторжение доллара в Латинскую Америку. М., 1948.
- Арисменди Р. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае. М., 1957.
- Арисменди Р. К вопросу о роли национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе. «Проблемы мира и социализма», 1959, № 5.
- Арисменди Р. Латинская Америка выходит на авансцену. «Коммунист», 1961, № 5.
- Арисменди Р. Программа коммунизма и национально-освободительное движение. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 11.
- Арисменди Р. Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964.
- Блас Рока. Куба: революция в действии. «Проблемы мира и социализма», 1959, № 8.
- Блас Рока. Кубинский народ в борьбе за свободу и независимость. «Коммунист», 1960, № 7.
- Блас Рока. Куба — свободная территория Америки. Доклад на VIII национальной ассамблее Народно-социалистической партии Кубы. М., 1961.
- Блас Рока. Новый этап революции на Кубе. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 10.
- Блас Рока. Основы социализма на Кубе. М., 1961.
- Блас Рока. О некоторых аспектах развития классовой борьбы на Кубе. «Проблемы мира и социализма», 1965, № 2.
- Блас Рока. Пути развития стран, завоевавших национальную независимость. «Проблемы мира и социализма», 1962, № 5.
- Буэно. Как могут рабочие и крестьяне взять и удержать власть на Кубе. Речь представителя Коммунистической партии Кубы на 3-й конференции коммунистических партий Южной и Карибской Америки. «Коммунистический Интернационал», 1935, № 9.
- Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1960.
- Кастро Ф. Речь на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. М., 1960.
- Кастро Ф. С таким народом надо считаться! «Международная жизнь», 1960, № 3.
- Кастро Ф. Единственно законная гарантия крепости нашей власти. «Международная жизнь», 1962, № 2.
- Кастро Ф. Революция непобедима (из выступления по вопросу работы Объединенных революционных организаций 26 марта 1962 г.). «Правда», 15.VI 1962.
- Кастро Ф. Речи и выступления, 1961—1963. М., 1963.
- Кастро Ф. Выступление по кубинскому радио и телевидению 24 января 1964 г. «Правда», 27.I 1964.
- Маринелью Х. Боец железной гвардии коммунистов (к 60-летию со дня рождения Хулио Антонио Мелья). «Правда», 25.III 1963.
- Микоян А. И. Народы СССР и Кубы — братья. Посещение А. И. Микояном Гаванского университета. «Правда», 14.XI 1962.
- Микоян А. И. Речь на приеме в честь президента Республики Кубы Освальдо Дортикос Торрадо 15 октября 1964 г. «Правда», 16.X 1964.
- Фостер У. З. Закат мирового капитализма. М., 1949.
- Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.

- Blas Roca. Las experiencias de Cuba. México, 1939.
- Blas Roca. The Cuban people and the new constitution. «Communist», 1940, v. 19, № 10.
- Blas Roca. Los partidos politicos cubanos. «Fundamentos», № 102, IX, 1950.
- Blas Roca. Los fundamentos del socialismo en Cuba. La Habana, 1961.
- Foster W. Z. The Congress of the Communist Party of Cuba. «Communist», 1939, v. 18, № 3.
- Foster W. Z. The Pan-American Conference in Havana. «Communist», 1940, v. 19, № 9.
- Foster W. Z. History of the Communist party of the United States. N. Y., 1952.
- Marinello J. Ruben Martinez Villena. La Habana, 1940.
- Marinello J. Homenaje a Ruben Martinez Villena. La Habana, 1950.
- Martinez Villena R. The Rise of the revolutionary movement in Cuba. «Communist», 1933, v. 12, № 6.
- El Partido Comunista y los problemas de revolución en Cuba. La Habana, 1933.
- Partido Socialista Popular. VII Assamblea Nacional. Informes, resoluciones, programa, estatutos. La Habana, 1960.
- The Present situation, perspectives and tasks in Cuba. Resolution of the Second Congress of the Communist Party of Cuba. «Communist», 1934, v. 13, № 9.

Источники

Архивные документы

- Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР)
 ф. 4459, оп. 2, д. 209.
 оп. 28/2, д. 30, д. 375.
 ф. 5451, оп. 13, д. 239, д. 541.
 ф. 5659, оп. 1, д. 61, д. 160, д. 438, д. 439, д. 440, д. 441, д. 442, д. 443, д. 444, д. 728.
- Другие материалы ЦГАОР.
- Государственный музей революции СССР (ГМР СССР)
 Фонд иностранных материалов.
 Фонд изобразительных материалов.
 Фототека.
- Архив внешней политики СССР (АВП СССР)
 ф. 56, оп. 26, № 24, п. 272; № 39, п. 275; № 40, п. 275; № 65, п. 279.

Официальные публикации и другие издания документов

- Агрессия США на Кубе (Рапорты русских военных представителей в США и на Кубе в перпод с 1898 по 1912 гг.). «Исторический архив», 1961, № 3.
- Address of the President of the United States before United Press Associations, Hotel Baltimore, New York City, April 25, 1927. Washington, 1927.
- Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Development of United States foreign policy. London, 1943.

- Addresses and Statements by Honorable Cordell Hull in connection with his trip to South America, 1933—1934, to attend the Seventh International Conference of American States, Montevideo, Uruguay. (D. of S. № 694). Washington, 1935.
- American foreign policy. Goodshall W. Z. (Ed.). Ann-Arbor, Michigan, 1937.
- The American way. Selections from the Public Addresses and Papers of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1944.
- Archivo histórico diplomático Mexicano. Un siglo de relaciones internacionales de México. México, 1935.
- Censo de la República de Cuba. Año de 1919. Habana [1922?].
- Cuadernos de historia habanera. 42. Revindicaciones históricas. VII Congreso nacional de historia. Discursos y acuerdos. La Habana, 1949.
- Cuadernos de historia habanera. 45. Conmemoraciones históricas. VIII Congreso nacional de historia. Discursos y acuerdos. La Habana, 1950.
- Cuadernos de historia habanera. 72. Historia de Cuba republicana y sus antecedentes favorables y adversos a la independencia. XIII Congreso nacional de historia. Discursos y acuerdos. Conclusiones de los trabajos presentados. La Habana, 1960.
- Декларация кубинской делегации, посетившей СССР в мае 1934 г. «Исторический архив», 1960, № 5.
- «Diario de Sesiones del Senado. República de Cuba», v. XXI—XXVII. La Habana, 1912—1915.
- Directorio Estudiantil Universitario. Contra la prorroga de poderes. Al Pueblo de Cuba [La Habana, 1928?] (Нелегальное издание).
- Documentary material for the good neighbour tour. An imaginary visit to the republics of Latin America, v. 1—10. Pan American Union. Washington, 1943.
- Documents of American History. Commager H. S. (Ed.). N. Y., 1938.
- Documents on International Affairs, 1930—1937. Royal Institute of International Affairs. London, 1931—1939.
- Documents on American Foreign Relations (I 1938—VI 1939). S. S. Jones and D. P. Myers (Eds.). Boston, 1939.
- Documents on Inter-American Cooperation, v. 2. 1881—1948. Burr R. N. and Hussey R. H. (Eds.). Philadelphia, 1955.
- La Embajada especial de México en Cuba con motivo de la transmisión del poder ejecutivo de la República cubana, efectuada el 20 de Mayo de 1925. México, 1925.
- The Evolution of our Latin-American policy. A documentary record. Gantenbein J. W. (Ed.). N. Y., 1950.
- Foreign Policy Association. Annual Report for 1934. N. Y., 1935.
- Foreign problems confronting the new administration, discussed by R. L. Buell, W. Millis, F. N. Simonds. February 23, 1933. Foreign Policy Association. N. Y., 1933.
- Great Britain. Department of Overseas Trade. Report on the Economic Conditions in Cuba. November 1927. By L. S. Hughes-Hallet. London, 1928.
- Great Britain. Department of Overseas Trade. Economic Conditions in Cuba. Report, April 1935. By T. J. Rees. London, 1935.
- Hull C. International trade and domestic prosperity. Address... before the National Foreign Trade Council, New York City, November 1, 1934 (D. of S. № 658). Washington, 1934.
- Hull C. Some aspects of American foreign policy. Address... before the Canadian society of New York, February 16, 1935. (D. of S. № 701). Washington, 1935.
- Hull C. Reciprocal Trade Agreements and the Recovery program. Radio-address... March 23, 1935 (D. of S. № 716). Washington, 1935.
- Hull C. The foreign commercial policy of the United States. Address before the Chamber of Commerce of the United States, May 2, 1935 (D. of S. № 733). Washington, 1935.

- Hull C. Restoration of international trade. Radio-address, May 22, 1935 (D. of S. № 741). Washington, 1935.
- Hull C. Commencement address to the graduating class of the University of Michigan, June 17, 1935 (D. of S. № 753). Washington, 1935.
- Hull C. American foreign trade policies. Address before... the Chamber of Commerce of the United States, April 30, 1936 (D. of S. № 875). Washington, 1936.
- Hull C. Our need for foreign trade. Address... at the Foreign Trade Luncheon, New York City, May 22, 1936. (D. of S. № 881). Washington, 1936.
- Hull C. Peace and War. Address... at Brown University, Providence, June 15, 1936 (D. of S. № 890). Washington, 1936.
- Hull C. Our foreign relations and our foreign policy. Address.... before the Good Neighbor League, New York City, Sept. 15, 1936. Washington, 1936.
- Hull C. Fundamental principles of international policy. Statement... July 16, 1937... Washington, 1937.
- Hull C. Our foreign policy. Address at the National Press Club. March 17, 1938. Washington, 1938.
- Hull C. International relations and the foreign policy of the United States. Radio-address... August 16, 1938. Washington, 1938.
- Institute of International France. Bulletin № 71. July 17, 1934, N. Y., 1934.
- Institute of International Finance. Bulletin № 100 (Supplement to № 71). July 11, 1938. N. Y., 1938.
- Inter-American relations. Interpretations. An analysis of International Conferences 1928—1940. Chapel Hill, 1941.
- The International Commission of Jurists. Public International Law Projects. Pan American Union. Washington, 1927.
- The International Conferences of American States, 1889—1928. A collection of conventions, recommendations... Ed. with introduction by J. B. Scott. N. Y., 1931.
- The International Conferences of American States. First Supplement. 1933—1940. N. Y., 1940.
- Конституции государств американского континента. т. 2, Москва, 1959.
- Phillips W. The United States in world affairs. Address... before Chicago Council of Foreign Relations, Chicago. February 15, 1936. (D. of S. № 844). Washington. 1936.
- Problems of the New Cuba. Report of the Commission on Cuban Affairs Foreign Policy Association. N. Y., 1935.
- Project of Declaration on Rights and Duties of States, submitted by the Executive Committee of the American Institute of International Law Pursuant to a Resolution of the Governing Board of the Pan American Union. «Foreign Policy Reports», 1933, v. 9. № 19.
- Proyecto de Constitución de la República de Cuba. (Poder Judicial). Pinar del Rio, Cuba, 1940.
- The Public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt. With a special introduction and explanatory notes by president Roosevelt (1928—1936), v. 1—5. N. Y., 1938.
- The Public papers and addresses of Franklin D. Roosevelt. With a special introduction and explanatory notes by president Roosevelt (1937—1940), v. 1—4. N. Y., 1941.
- Recommendations as to the Pan-American Conference at Montevideo by the Committee on Latin American Policy, November 1, 1933, N. Y., 1933.
- Report on Cuba. Findings and recommendations of an economic and technical mission organized by the International Bank for Reconstruction and Development in collaboration with the Government of Cuba in 1950. F. A. Truslow, Chief of Mission. Baltimor — London, 1951.

- República de Cuba. Memoria de la administración del presidente de la República de Cuba Gerardo Machado y Morales durante periodo comprendido entre el 1 de julio de 1928 y el 20 de mayo de 1929. La Habana, 1930.
- República de Cuba. Presidencia. Manifiesto al País del presidente de la República General Gerardo Machado y Morales al iniciar el periodo presidencial de 1929 a 1935. La Habana, 1929.
- República de Cuba. Secretaría de hacienda. Inmigración y movimientos de pasajeros año 1926. La Habana, 1927.
- Sayre F. Tariff bargainings. (D. of S. № 574). Washington, 1934.
- Sayre F. American commercial policy. (D. of S. № 680). Washington, 1935.
- Sayre F. Trade policies and peace. (D. of S. № 837). Washington, 1936.
- Sayre F. Reciprocal trade agreements. (D. of S. № 934). Washington, 1936.
- Sayre F. Our problem of foreign trade (D. of S. № 943). Washington, 1936.
- Septieme Conference Internationale Americaine. Montevideo, Uruguay, 3—26 Decembre 1933. Acte final. Montevideo, 1934.
- Совместное обращение Международного комитета борьбы против войны и фашизма и Международного комитета студентов с призывом принять участие в конференции в защиту кубинского народа. 16 марта 1936 г. «Исторический архив», 1960, № 5.
- Speeches and Documents in American history, v. 1—4. Birley R. (Ed.). London, 1942.
- Statutes at Large of the United States of America, v. I—XXXX. Boston and Washington, 18...—1919.
- Stimson H. The United States and other American republics (Latin American Series № 4). Washington, 1931.
- Taussig C. W. Cuba and Reciprocal Trade Agreement Official. Report of the Twenty-First National Foreign Trade Convention. N. Y., 1934.
- La Terreur a Cuba. Comité de jeunes révolutionnaires cubains. Paris, 1933.
- Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and other Powers, v. 1—3. W. M. Malloy (Ed.). Washington, 1910—1923.
- U. S. Congress. «Congressional Record», 56 Congress, 2 Session, v. 34. Washington, 1900.
- U. S. Congress. «Congressional Record», 69—76 Congresses, v. 68—84. Washington, 1925—1940.
- U. S. Congress. Senate Reports. 73 Congress, 2 Session (3.I—18.V 1934). Public, v. 3. Report N 1455. Report of the Committee on Banking and Currency. Washington, 1934.
- U. S. Department of Commerce. Bureau of Foreign and Domestic Commerce. American Direct Investments in Foreign Countries. Washington, 1931.
- U. S. Department of Commerce. A new estimate of American investments abroad. Washington, 1931.
- U. S. Department of Commerce. American direct investments in foreign countries — 1936. By P. D. Dickens. Washington, 1938.
- U. S. Department of Commerce. Bureau of Foreign Commerce. Investment in Cuba, basic information for United States businessmen. Washington, 1956.
- U. S. Department of State. Analysis of Cuban American trade during the first two years of the Reciprocal Agreement. Washington, 1937.
- U. S. Department of State. Executive Agreement Series № 67. Reciprocal Trade Agreement between the United States of America and Cuba, and exchange notes. Signed August 24, 1934. Washington, 1934.

- U. S. Department of State. Memorandum on the Monroe doctrine. Prepared by J. R. Clark, December, 17, 1928. (D. of. S. № 37). Washington, 1930.
- U. S. Department of State. Papers relating to the foreign relations of the United States — 1912. Washington, 1919.
Papers relating... 1913. Washington, 1920.
Papers relating... 1917. Washington, 1926.
Papers relating... 1926, v. 2. Washington, 1941.
Papers relating... 1927, v. 2, 3. Washington, 1942.
Papers relating... 1928, v. 1, 2. Washington, 1942.
Papers relating... 1929, v. 2. Washington, 1943.
Papers relating... 1930, v. 2. Washington, 1945.
Papers relating... 1931, v. 2. Washington, 1946.
- U. S. Department of State. Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers — 1932, v. 5. Washington, 1948.
Foreign relations... 1933, v. 4. 5. Washington, 1952.
Foreign relations... 1934, v. 5. Washington, 1952.
Foreign relations... 1935, v. 4. Washington, 1953.
Foreign relations... 1936, v. 5. Washington, 1954.
Foreign relations... 1937, v. 5. Washington, 1954.
Foreign relations... 1938, v. 5. Washington, 1956.
Foreign relations... 1939, v. 5. Washington, 1957.
Foreign relations... 1940, v. 5. Washington, 1960.
- U. S. Department of State. Peace and War. United States foreign policy 1931—1941. Washington, 1943.
- U. S. Department of State. «Press Releases», v. 2—17. 1930—1937. Washington, 1930—1937.
- U. S. Department of State. The International American Conference, 6-th. Havana, 1928. Final Act, Motions, Agreements, Resolutions and Conventions. Washington, 1928.
- U. S. Department of State. Report of the delegates of the United States of America to the Sixth International Conference of American States, held at Havana, Cuba, January 16 to February 20, 1928. Washington, 1928.
- U. S. Department of State. Report of the delegates of the United States of America to the Seventh International Conference of American States, Montevideo, Uruguay, December 3—26, 1933. Washington, 1934.
- U. S. Department of State. Report of the delegation of the United States of America to the Inter-American Conference for Maintenance of Peace. Buenos Aires. December 1—23, 1936. Washington, 1937.
- U. S. Department of State. International American Conference, 8-th Lima, 1938. Report on the results of the Conference. Washington, 1939.
- U. S. Department of State. Right to protect citizens in foreign countries by landing forces. Memorandum of the Solicitor for the Department of State. Prepared by J. R. Clark. October 5, 1912. Washington, 1929 и 1934.
- U. S. Department of State. Treaty series № 866. Relations. Treaty between the United States of America and Cuba. Signed May 29, 1934. Washington, 1934.
- U. S. Department of State. Treaty series № 881. Rights and Duties of States. Convention between the United States of America and other American Republics. Signed Dec. 26, 1933. Proclaimed January 18, 1935. Washington, 1935.
- U. S. Department of State. Treaty series № 906. Anti-War. Non-aggression and conciliation. Treaty between the United States of America and other American Republics. Signed Oct. 10, 1933. (Ratified by the Senate of the U.S.A. June 15, 1934). Washington, 1936.
- U. S. Department of State. Reciprocal trade agreement between the United States of America and the Republic of Cuba, Signed at Washington,

- August 24, 1934, as amended by Supplementary Agreement Signed at Washington, December 18, 1939 and at Havana, December, 23, 1941. Washington, 1942.
- United States Tariff Commission. Economic controls and commercial policy in Cuba. Washington, 1946.
- United States Tariff Commission. The Effects of the Cuban reciprocity treaty of 1902. Washington, 1929.
- United States Tariff Commission. The foreign trade of Latin America, v. 1—2. Washington, 1942.
- Welles to Roosevelt: A Memorandum on Inter-American Relations, 1933. «The Hispanic American Historical Review», 1954, v. 34, N 2.
- Welles S. Relations between the United States and Cuba. Address... before Young Democratic Clubs of America. March 29, 1934. (Latin American Series № 7). Washington, 1934.
- Welles S. The trade agreements program. Address... at the 19 Annual Meeting of the Associated Industries of Massachusetts, Boston, Oct. 24, 1934. (D. of S. № 655). Washington, 1934.
- Welles S. Inter-American relations. Address... at George Washington University, Washington, Dec. 10, 1934. (Latin American Series № 8). Washington, 1934.
- Welles S. The Roosevelt administration and its dealings with the republics of the Western Hemisphere. Address... at the Annual Convention of the Association of American Colleges, Atlanta, January 17, 1935. (Latin American Series № 9). Washington, 1935.
- Welles S. Pan American cooperation. Address... March 14, 1935. (Latin American Series № 10). Washington, 1935.
- Welles S. Two years of the «Good Neighbor» policy. Address... before the American Academy of Political and Social Science. Philadelphia, April 13, 1935. (Latin American Series № 11). Washington, 1935.
- Welles S. «Good Neighbor» policy in Caribbean. Address... before Institute Public Affairs University of Virginia, Charlottesville, July 2, 1935. (Latin American Series № 12). Washington, 1935.
- Welles S. The Trade Agreement Program in our Inter-American Relations. Address... before Bar Association of Baltimore City, February 4, 1936. (D. of S. № 841). Washington, 1936.
- Welles S. Way to the peace on the American Continent. Address... before the Maryland Federation of Women's Clubs, Baltimore, Apr. 15, 1936. (Latin American Series № 13). Washington, 1936.
- Welles S. Trade recovery through trade agreements. Address... at Baltimore, Oct. 16, 1936. (D. of S. № 942). Washington, 1936.
- Welles S. Our foreign policy and peace. Address... before Foreign Policy Association, Oct. 19, 1936. (D. of S. № 946). Washington, 1936.

*Мемуары, дневники, воспоминания, труды
дипломатов, политических, общественных и других
деятелей — современников и участников событий*

- Batista F. Revolución social o política reformista. La Habana, 1944.
- Batista F. Respuesta... México, 1960.
- Chester E. A. A sergeant named Batista. N. Y., 1954.
- Daniels J. Shirt-sleeve diplomat. Chapel Hill, 1947.
- Davila C. Latin America and the Good Neighbor policy. N. Y., 1949.
- Davila C. The Montevideo Conference. Antecedents and accomplishments. N. Y., 1934.
- Davis N. H. Wanted: a consistent Latin American policy. «Foreign Affairs», 1931, v. 9, N 4.

- Dawes C. G. Journal as ambassador to Great Britain. N. Y., 1939.
- Díaz M. El P. R. C. y los Frentes populares. Comentarios a un artículo. La Habana, 1938.
- Ferrara O. President Machado's Administration of Cuba. A vindication of the President. «Current History», V — 1930, v. 32, N 2.
- Ferrara O. The significance of the recent Pan American Conference. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science» (Philadelphia), VII — 1928, v. 138.
- Gandarilla J. C. Contra el yanqui. La Habana, 1960.
- Grau San Martín R. The Cuban terror. «Nation», 3.IV 1935, v. 140.
- Gruening E. W. A new deal for Latin America? «Current History», XI — 1933, v. 39.
- Guggenheim H. The United States and Cuba. A study in international relations. N. Y., 1934.
- Guggenheim H. Amending the Platt amendment. «Foreign Affairs», 1934, v. 12, N 3.
- Hughes C. E. Our relations to the nations of the Western Hemisphere. Princeton, 1928.
- Hull C. The spirit of international law. «International Conciliation», 1938, N 342.
- The Memoirs of Herbert Hoover, v. 2. The Cabinet and the Presidency, 1920—1933. N. Y., 1952.
- The Memoirs of Herbert Hoover, v. 3. The great depression, 1929—1941. N. Y., 1952.
- The Memoirs of C. Hull, v. 1—2. N. Y., 1948.
- Mills O. L. Our foreign policy. A republican view. «Foreign Affairs», 1928, v. 6, N 4.
- Phillips R. H. Cuba, Island of paradox. N. Y., 1959.
- Roa R. Retorno a la alborada. T. 1—2. La Habana, 1964.
- Roosevelt F. D. Our foreign policy. A democratic view. «Foreign Affairs», 1928, v. 6, N 4.
- Roosevelt F. D. One man's philosophy. Roosevelt's thoughts and opinions delivered in speeches and articles. Chicago, 1934.
- Roosevelt F. D. Looking forward. N. Y., 1933.
- Roosevelt F. D. On our way. London, 1934.
- Roosevelt F. D. His personal letters, 1928—1945. N. Y., 1950.
- Sayre F. B. The protection of American export trade. Chicago, 1940.
- Sayre F. B. American commercial policy. The two alternatives. Washington, 1946.
- The Secret Diary of Harold L. Ikes. The first thousand days, 1933—1936, v. 1. N. Y., 1953.
- Sierra M. México y la conferencia de Montevideo. México, 1934.
- Tagwell R. G. The democratic Roosevelt. A biography of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1957.
- de la Torriente C. Mi misión en Washington (La soberanía de la isla de Pinos). La Habana, 1952.
- de la Torriente L. Mi casa en la tierra. La Habana, 1956.
- de la Torriente-Brau P. Realengo-18 y Mella, Ruben y Machado. La Habana, 1962.
- de la Torriente-Brau P. La isla de los 500 asesinatos. La Habana, 1962.
- Welles S. Naboth's Vineyard. The Dominican Republic, 1844—1924, v. 1—2. N. Y., 1928.
- Welles S. The new era in Pan American relations. «Foreign Affairs» 1937, v. 15, N 3.
- Welles S. The Times for Decision. N. Y., 1944.
- Welles S. Where are we heading? N. Y.—London, 1946.

«Известия»

«Правда»

«Bandera Roja» (La Habana). Нелегальное издание

«Christian Science Monitor» (Boston)

«Daily Express» (London, Manchester)

«Daily Herald» (London, Manchester)

«Daily Mail» (London, Paris)

«Daily Telegraph» (London)

«Daily Worker» (New York)

«Diario de la Marina» (La Habana)

«Manchester Guardian» (Manchester)

«Morning Post» (London)

«New York Evening Post» (New York)

«New York Herald Tribune» (New York)

«New York Times» (New York)

«News Chronicle» (London)

«Noticias de Hoy», «Hoy» (La Habana)

«Observer» (London)

«La Prensa» (Buenos Aires)

«La Prensa» (Nueva — York)

«La Revolución» (La Habana)

«Sunday Times» (London)

«Times» (London)

«Washington Post» (Washington)

«Worker» (New York)

* * * * *

«Аграрные проблемы»

«Большевик»

«Вопросы истории»

«Внешняя торговля»

«Интернационал молодежи»

«Историк-марксист»

«Исторический архив»

«Исторический журнал»

«Коммунист»

«Коммунистический Интернационал»

«Красный Интернационал профсоюзов»

«Международная жизнь»

«Международное рабочее движение»

«Мировое хозяйство и мировая политика»

«На аграрном фронте»

«Новая и новейшая история»

«Новое время»

«Проблемы мира и социализма» (Прага)

«Советский сахар»

«The Annals of the American Academy of Political and Social Science»
(Philadelphia)

«The American Journal of International Law» (Washington)

«Boletin Sindical» (Montevideo)

«Bulletin of the Pan American Union» (Washington)

«Communist» (New York)

«Cuba Socialista» (La Habana)

- «Current History» (Philadelphia)
 «Foreign Affairs» (New York)
 «Foreign Policy Association. Information Service» (New York)
 «Foreign Policy Bulletin» (New York)
 «Foreign Policy Reports» (New York)
 «Fundamentos» (La Habana)
 «Economic Geography» (Worcester, Mass.)
 «Hispanic American Historical Review» (Durham)
 «INRA» (La Habana)
 «International Conciliation» (New York)
 «Literary Digest» (New York)
 «Magazine of Wall Street» (New York)
 «Nation» (New York)
 «New Masses» (New York)
 «New Republic» (Washington)
 «Obra Revolucionaria» (La Habana)
 «Political Affairs» (New York)
 «The South American Journal» (London)
 «World Affairs» (New York)
 As our neighbors see us. Readings in the relations of the United States and Latin America, 1820—1940. Reinolds T. H. (Ed.), Stillwater, 1940. (Материалы из газет и журналов стран Латинской Америки и США).

Основная литература

- Аграрный вопрос и национально-освободительное движение. Материалы обмена мнениями марксистов-аграрников, состоявшегося в июле — сентябре 1960 г. в Гаване и Бухаресте. Под ред. А. М. Румянцева. М., 1963.
 Аграрный кризис в странах Южной и Караибской Америки. Сб. под редакцией Маркова И., Карповского М., Турока В. М., 1933.
 Аллен Д. Международные монополии и мир. М., 1948.
 Ананова Е. В. Новейшая история США, 1917—1939. М., 1962.
 Антясов М. В. Современный панамериканизм. М., 1960.
 Аптекер Г. Лауреаты империализма. Монополистический капитал переписывает историю Америки. М., 1955.
 Блинов А. К вопросу о виновниках взрыва американского броненосца «Мэйп». «Вопросы истории», 1953, № 12.
 Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959.
 Брунини Х. Крестьянство и батрачество Кубы и Гаити. М., 1930.
 Варела А. Куба революционная. М., 1962.
 Вилар С. Военная диктатура на Кубе и борьба за демократию. «Коммунистический Интернационал», 1938, № 1.
 Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960.
 Владимиров Л. С. Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957.
 Волков А. Обзор аграрных отношений на о. Куба. «Аграрные проблемы», книга третья, VI 1928.
 Волков А. Сельское хозяйство и аграрные отношения на о. Куба. «На аграрном фронте», 1930, № 10.
 Гарланди М. Экономический кризис в Латинской Америке и задачи коммунистических партий. «Коммунистический Интернационал», 1930, № 6.
 Голиц. Революционные события в Кубе и задачи компартии. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 25.

- Гонимый С. А. Латинская Америка и США, 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1961.
- Горожанкина Н. Внутриполитическая борьба на острове Куба. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 2.
- Григулевич И. Р. Антинародная деятельность католической церкви (XVI—XX вв.). Сб. Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Григулевич И. Р. Культурная революция на Кубе. М., 1965.
- Гриневич Э. А. Страницы истории Кубы. М., 1964.
- Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. 2-е изд. М., 1961.
- Данилевич М. В. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки. М., 1962.
- Денин Л. Америка завоевывает Британию. М., 1930.
- Джексон Д. Послевоенный мир. М., 1937.
- Джемс П. Латинская Америка. М., 1949.
- Донский Г. М. Борьба за Латинскую Америку. М., 1925.
- Донский Г. М. Мексика, Куба, Аргентина. М., 1929.
- Дрицко А. Д. Население Кубы. «Советская этнография», 1960, № 2.
- Ефимов А. В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. 2-е изд. М., 1958.
- Жизнь и борьба Хулио Антонио Мелья. Кировград, 1940.
- Зенцова А. И. Борьба кубинского народа против империализма США. Сб. Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма. М., 1951.
- Зис Р. Кризис сахарной промышленности Кубы. «Советский сахар», 1933, № 9.
- Зорина А. М. Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки. «Вопросы истории», 1949, № 9.
- Зорина А. М. Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961.
- Зубок Л. И. Политика Соединенных Штатов в Кубе (1900—1934 гг.). «Вопросы истории», 1947, № 11..
- Зубок Л. И. Политика США в странах Карибского бассейна в эпоху империализма. «Исторические записки», т. 24. М., 1947.
- Зубок Л. И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. М., 1948.
- Зубок Л. И. Очерки истории США (1877—1918 гг.). М., 1956.
- Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
- Кан А. Измена родине. М., 1950.
- Карпера Чека Х. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960.
- Карповский М. и Шапиро А. К революционному восстанию на Кубе. «Аграрные проблемы», 1933, № 9—10.
- де Кастро Ж. География голода. М., 1954.
- Кимпен Э. Империалистическая политика САСШ. М., 1925.
- К итогам 3-й конференции коммунистических партий Латинской Америки. «Коммунистический Интернационал», 1935, № 9.
- Коган М. М. Экономический кризис в Латинской Америке. М., 1930.
- Кодаченко А. С. Англо-американская борьба за рынки сбыта (1929—1933). М., 1959.
- Колониальные проблемы. Сб. 2. Под ред. Е. Варга и др. М., 1934.
- Королев Н. В. Страны Латинской Америки в международных отношениях (1898—1962). Кипинев, 1962.
- Кортес В. За единый национальный фронт на Кубе. «Коммунистический Интернационал», 1935, № 18.
- Кризис в странах Латинской Америки. Сб. под ред. И. Маркова. М., 1932.
- Кризис и обнищание рабочего класса. Сб. под ред. Е. Варга. М., 1934.
- Куба. Историко-этнографические очерки. 2-е изд. Сб. под ред. Ефимова А. В. и Григулевича И. Р. М., 1961.

- Купина А. Е., Марушкин Б. М. Миф о миролюбии США, М., 1960.
- Лавров Н. М. Рабочее и национально-освободительное движение в странах Латинской Америки на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1956.
- Лан В. И. Англия и Америка. Главный узел международных противоречий империализма. М.—Л., 1934.
- Лан В. И. США от первой до второй мировой войны. М., 1947.
- Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960.
- Линч Д. Концентрация экономической мощи в США. М., 1948.
- Лоуф-Бохен. Кризис сахарного хозяйства Кубы. «На аграрном фронте», 1933, № 6.
- Льюис К. Страны-должники и страны-кредиторы 1938, 1944. М., 1947.
- Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.
- Марпон Д. Базы и империя. Карта американской экспансии. М., 1948.
- Марреро Л. География Кубы. М., 1953.
- Мартин Х. Избранное. М., 1956.
- Мун Т. П. Империализм и мировая политика. М.—Л., 1928.
- Народы Америки. Этнографические очерки. Т. 2. М., 1959.
- Нации Латинской Америки. Формирование, развитие. Сб. под ред. А. В. Ефимова, И. Р. Григулевича, С. А. Гонимонского. М., 1964.
- Непио. Экономический кризис и безработица на Кубе. «Советский сахар», 1931, № 15—16.
- Никиров Б. С. Из истории рабочего движения на Кубе. «Вопросы истории», 1961, № 9.
- Ниринг С. и Фримэн Д. Дипломатия доллара. Л., 1926.
- Нитобург Э. Л. Американский империализм — душитель демократического движения в Кубе (1933—1934 гг.). «Вопросы истории», 1952, № 6.
- Нитобург Э. Л. Интервенция в Кубе под маской «добрососедства» (1933—1934). «Ученые записки» Чувашского педагогического института, выпуск 3. Чебоксары, 1956.
- Нитобург Э. Л. Из истории «политики доброго соседа». Чрезвычайная межамериканская конференция 1936 г. «Ученые записки» Чувашского педагогического института, выпуск 8. Чебоксары, 1958.
- Нитобург Э. Л. Куба в борьбе за независимость. М., 1960.
- Нитобург Э. Л. Освободительное движение на Кубе (конец 20 — начало 30-х годов XX в.). Сб. Куба. М., 1961.
- Нитобург Э. Л. О книге Р. Ф. Смит. Соединенные Штаты и Куба. Бизнес и дипломатия, 1917—1960. Нью-Йорк, 1960. «Новая и новейшая история», 1962, № 3.
- Нитобург Э. Л. К вопросу об интервенции США на Кубе в 1933 г. «Новая и новейшая история», 1963, № 2.
- Норден А. Так делаются войны. М., 1951.
- Норт Д. Нет чужих среди людей. М., 1959.
- Норт Д. Куба — надежда континента. М., 1961.
- Нуньес Хименес А. География Кубы. М., 1960.
- Нуньес Хименес А. Аграрная реформа на Кубе. М., 1961.
- Нуньес Хименес А. Империя янки — враг Латинской Америки. М., 1962.
- Нуньес Хименес А. Крах тирании Мачадо. «Новая и новейшая история», 1962, № 6.
- Нуньес Хименес А. Республика Куба. М., 1963.
- Обыден К. М. Куба в борьбе за свободу и независимость. М., 1959.
- Окунева М. И. Империалистическая интервенция США в Кубе в 1899—1901 и 1906—1909 гг. «Вопросы истории», 1951, № 5.
- Олден Г. США над Латинской Америкой. М., 1956.
- Очерки новой и новейшей истории США. Под редакцией Севостьянова Г. Н. и др., т. 1—2. М., 1960.

- Перло В. Американский империализм. М., 1951.
- Портуондо Х. А. Исторический очерк кубинской литературы. М., 1961.
- Проблемы Южной и Карибской Америки. Сб. под ред. Г. Синани. М., 1934.
- Профсоюзы Кубы. М., 1963.
- Пять лет Кубинской революции. М., 1963.
- Ле Риверенд Х. Первые отклики кубинского народа на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Новая и новейшая история», 1963, № 5.
- Ронг де Леучсенринг Х. Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1962.
- Росси. Подъем революционного движения на Кубе. «Красный Интернационал профсоюзов», 1934, № 3—4.
- Росси. Ревпрофдвижение Кубы на подъеме. «Красный Интернационал профсоюзов», 1934, № 15—16.
- Синани Г. Япония как новый фактор в империалистической борьбе за Южную и Карибскую Америку. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 32.
- Синани Г. Новая фаза революционных событий на Кубе. Коммунистический Интернационал, 1933, № 28.
- Синани Г. Война в Южной Америке и англо-американское соперничество. М., 1933.
- Слезкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 г. М., 1956.
- Слезкин Л. Ю. Политика США в Южной Америке (1929—1933). М., 1956.
- Слезкин Л. Ю. Концепция «добрососедства» в американской историографии. Сб. Против фальсификации истории. М., 1959.
- Спивак Д. Л. В кубинском подполье. «Коммунист» (г. Куйбышев), 1936, № 19—20.
- Томас А. История Латинской Америки. М., 1960.
- Фонер Ф. С. История Кубы и ее отношений с США, 1492—1845 годы, т. 1. М., 1963; 1845—1895 годы, т. 2. М., 1964.
- Хайд Ч. Ч. Международное право. Его понимание и применение Соединенными Штатами Америки, т. 1. М., 1950.
- Хаскин М. Присоединение кубинских ревпрофсоюзов к Профинтерну. «Красный Интернационал профсоюзов», 1934, № 7.
- Хилль М. Куба — да! Янки — нет! М., 1961.
- Шапиро А. Революционная борьба на Кубе. «Аграрные проблемы», 1934, № 11—12.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца т. 1—2. М., 1958.
- Эрнандес С. На Кубе. «Международное рабочее движение». 1931, № 13.
- Эрреро. Кубинский комсомол в революционных боях. «Интернационал молодежи», 1933, № 15.
- Южная и Карибская Америка. Сб. под ред. Людкевича С. Харьков, 1934.
- Яковлев Н. Н. Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961.
- Acosta Rubio R. Batista ante la historia. La Habana, 1938.
- Acosta C. T., Ortiz R. Z. Un decenio septembrista, 1933—1943. La Habana, 1943.
- Adams J. A. History of the American People from Civil War to world power. London, 1933.
- Aguirre S. Seis actitudes de la burguesía cubana en el siglo XIX. Cuadernos de historia de Cuba. N 1. La Habana, 1944.
- Aguirre S. Lecciones de historia de Cuba. Primer cuaderno. La Habana, 1960.
- Aguirre S. El cincuentario de un gran crimen. «Cuba Socialista», 1962, N 16.
- Aguirre S. Origen y ruta del 12 de agosto. «Hoy», 1964, 12 VIII.
- Alvarez Tabio F. Evolución constitucional de Cuba, 1928—1940. La Habana, 1953.

- Andrew N., Cleven N. Pan-American problems at the Havana Conference. «Current History», III, 1928, v. 37.
- Araquistain L. La agonía antillana. El imperialismo yanqui en el mar Caribe. Madrid, 1930.
- Arciniegas G. Caribbean Sea and the New World. N. Y., 1946.
- Arciniegas G. The State of Latin America. N. Y., 1952.
- Arnault J. Cuba et le marxisme. Essai sur la révolution cubaine. Paris, 1962.
- Arredondo A. Cuba: tierra indefensa. La Habana, 1955.
- Atkins E. F. Sixty years in Cuba. Cambridge, 1926.
- Bailey T. A. A diplomatic history of American people. N. Y., 1944.
- Beals C. American diplomacy in Cuba. «Nation», 17.I 1934, v. 138.
- Beals C. The crime of Cuba. Philadelphia, 1934.
- Beals C. America South. London, 1938.
- Beals C. The coming struggle for Latin America. N. Y., 1940.
- Beals C. Pan-America. Boston, 1940.
- Beckett G. The reciprocal trade agreement program. N. Y., 1941.
- Bemis S. F. The Latin American policy of the United States. An historical interpretation. N. Y., 1943.
- Bemis S. F. A diplomatic history of the United States. N. Y., 1946.
- Bemis S. F. A short history of American policy and diplomacy. N. Y., 1959.
- Betancourt J. R. Preludios de libertad. La Habana, 1951.
- Blanchard P. Democracy in the Caribbean. A contemporary review. N. Y., 1947.
- Bolles B. Roosevelt's foreign policy. «Foreign Policy Reports», 1945, v. 21, N 10.
- Bolles B. Who makes our foreign policy. N. Y., 1947.
- Boyer H. M. Distribution of sugar cane production in Cuba. «Economic Geography», 1939, v. 15, N 3.
- Brennan R. Castro, Cuba and justice. N. Y., 1959.
- Buell R. L. The intervention policy of the United States. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», VII — 1928, v. 138.
- Buell R. L. Cuba and the Platt Amendment. «Foreign Policy Association. Information Service», 1929, v. 5, N 3.
- Buell R. L. United States and Central American stability. «Foreign Policy Reports», 1931, v. 7, N 9.
- Buell R. L. United States and Central American revolutions. «Foreign Policy Reports», 1931, v. 7, N 10.
- Buell R. L. Caribbean situation: Cuba and Haiti. «Foreign Policy Reports», 1933, v. 9, N 8.
- Buell R. L. Montevideo Conference and Latin American policy of the United States. «Foreign Policy Reports», 1933, v. 9, N 19.
- Calcott W. H. The Caribbean policy of the United States. 1890—1920. Baltimore, 1942.
- The Caribbean Area. Wilgus A. C. (Ed.). Washington, 1934.
- Chapman C. E. A history of the Cuban Republic. N. Y., 1927.
- Chapman C. E. Hispanic America: colonial and republican. N. Y., 1937—1938.
- Christensen A. N. The evolution of Latin American Government. N. Y., 1951.
- Corbitt D. C. Mercedes and Realengos: A survey of the public land system in Cuba «The Hispanic American Historical Review», 1939, v. 19, N 3.
- Corbitt D. C. Cuban revisionist interpretations of Cuba's struggle for independence. «Hispanic American Historical Review», 1963, v. 43, N 3.

- Cronon E. D. Interpretating the new Good Neighbor policy: the Cuban crisis of 1933. «Hispanic American Historical Review», 1959, v. 39, N 4.
- Cronon E. D. Josephus Daniels in Mexico. Madison, 1960.
- Cuadernos de historia habanera. Curso de introducción a la historia de Cuba. III. La Habana, 1938.
- Cuevas Cancino F. Roosevelt y la Buena Vecindad. Buenos Aires, 1954.
- Davis H. E. Makers of democracy in Latin America. N. Y., 1945.
- De Conde A. Herbert Hoover's Latin American policy. London, 1951.
- Diebold W. New directions in our trade policy. N. Y., 1941.
- Diez W. F. Opposition to american diplomacy in the Caribbean, 1898—1932. Chicago, 1948.
- Doyle H. G. The Conference of Montevideo. «Current History», I—1934, v. 39.
- Dozer D. M. Latin America: an interpretative history. N. Y.—London, 1962.
- Dubois J. Fidel Castro. Rebel-liberator or dictator? Indianapolis—N. Y., 1959.
- Duggan L. The Americas. N. Y., 1949.
- Duggan S. Latin America. Boston, 1936.
- Espin V. La mujer en la Revolución cubana. «Cuba Socialista», 1961, N 4.
- Fabela J. El caso de Cuba. México, 1960.
- Fabre-Luce. A. Révolution à Cuba. Paris, 1934.
- Facetas de la vida de Cuba republicana, 1902—1952. La Habana, 1954.
- Favio P. The military dictatorship in Cuba. «Communist», 1937, v. 16, N 4.
- Fergusson E. Cuba. N. Y., 1946.
- Ferrell R. H. American diplomacy in the great depression. Hoover—Stimson Foreign Policy, 1929—1933. New Haven, 1957.
- Feurlein W. and Hannan E. Dollars in Latin America. N. Y., 1941.
- Fitzgibbon R. H. Cuba and the United States, 1900—1935. Menasha, 1935.
- Frank W. Cuba: prophetic island. N. Y., 1961.
- Freeman T. The crisis in Cuba. N. Y., 1963.
- Friedlaender H. Historia económica de Cuba. La Habana, 1944.
- Edwards P. Economic conditions in Cuba. Washington, 1923.
- García Galló G. J. Biografía del tabaco habano. La Habana, 1961.
- Gill M. Nuestros buenos vecinos. México, 1958.
- Gonzales W. E. In darkest Cuba. Columbia, 1922.
- Gonzales W. E. Concerning dollar diplomacy. Columbia, 1937.
- Gonzales Pedrero E. La Revolución cubana. México, 1959.
- Graber D. A. Crisis diplomacy. A history of United States intervention policies and practices. Washington, 1959.
- Guerrant E. O. Roosevelt's Good Neighbor policy. Albuquerque, 1950.
- Guerra y Sánchez R. La industria azucarera de Cuba. La Habana 1940.
- Guerra y Sánchez R. Azucar y población en las Antillas. La Habana, 1942.
- Guerra y Sánchez R. La expansión territorial de los Estados Unidos. La Habana, 1964.
- Gunther J. Inside Latin America. N. Y., 1941.
- Gutierrez G. El desarrollo económico de Cuba. La Habana, 1952.
- Haring Cl. South America looks at the United States. N. Y., 1928.
- Harlow R. V. The growth of the United States, v. 2. Expansion of the nation, 1865—1943. N. Y., 1943.
- Healy D. F. The United States in Cuba, 1898—1902. Madison, 1963.

- Hernandes Sánchez-Barba M. Las tensiones históricas hispano-americanas en el siglo XX. Madrid, 1961.
- Herring H. Good Neighbors. N. Y., 1941.
- Herring H. America and Americas. An appraisal and a forecast. Claremont, 1944.
- Herring H. A history of Latin America. N. Y., 1955.
- Hill C. Recent policies of non-recognition. N. Y., 1933.
- Hill H. Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927.
- Hinton H. B. Cordell Hull. A biography. N. Y., 1942.
- Historia de la nación cubana. Publicada bajo la dirección de Ramiro Guerra y Sánchez, José M. Pérez Cabrería, Juan J. Remos, Emeterio S. Santovenia. T. I—IX. La Habana, 1952.
- Hopkins J. and Alexander M. Machine-Gun diplomacy. N. Y., 1928.
- Howland C. P. Survey of American foreign relations, 1928. New Haven, 1929.
- Huberman L. and Sweezy P. Cuba. Anatomy of revolution. N. Y., 1961.
- Humphrey J. P. The Inter-American system. A Canadian view. Toronto, 1942.
- Humphreys R. A. The evolution of modern Latin America. Oxford, 1946.
- Ichaso F. Sinopsis de la Revolución. «Cuadernos de la Universidad del aire». 30. 26 de agosto de 1933. La Habana.
- Infiesta R. Historia constitucional de Cuba. La Habana, 1951.
- Inman S. G. Problems in Pan-Americanism. N. Y., 1925.
- Inman S. G. Latin America. Its place in world's life. Chicago, 1942.
- Jenks L. H. Our Cuban colony, a study in sugar. N. Y., 1928.
- Jimenez Pastrana J. Los chinos en las luchas por la liberación cubana (1847—1930). La Habana, 1963.
- Johnson W. F. America's foreign relations, v. 1—2. N. Y., 1916.
- Johnson W. F. The history of Cuba. 5 vls. N. Y., 1920.
- Jones R. History of the foreign policy of the United States. N. Y., 1933.
- Jones C. L. Caribbean since 1900. N. Y., 1936.
- Jones T. B. An introduction to Hispanic American history. N. Y., 1939.
- Jones C. L., Norton H. K., Moon T. P. American policies abroad. The United States and Caribbean. Chicago, 1929.
- Kaye M. and Perry L. Who fights for a free Cuba? N. Y., 1933.
- Kennan G. F. American diplomacy 1900—1950. Chicago, 1952.
- Kepner C. D. and Soothil J. H. The Banana empire. A case study of economic imperialism. N. Y., 1935.
- Kirkland E. C. A history of American economic life. N. Y., 1951.
- Kirkpatrick F. Latin America. A brief history. Cambridge, 1938.
- Latane J. H. The United States and Latin America. N. Y., 1920.
- Latane J. H. and Wainhouse D. M. A history of American foreign policy, 1776—1940. N. Y., 1941.
- Lewis C. America's stake in international investments. Washington, 1938.
- Lieuwen E. Arms and politics in Latin America. N. Y., 1960.
- Lindley E. Roosevelt revolution. First phase. N. Y., 1934.
- Lindley E. Half way with Roosevelt. N. Y., 1936.
- Link A. S. A history of the United States since the 1890's. N. Y., 1955.
- Lippman W. Second thoughts of Havana. «Foreign Affairs», 1928, v. 6, N 4.
- Lippman W. The United States in world affairs, 1932. N. Y., 1933.
- Lippman W. U. S. Foreign policy: Shield of the Republic. N. Y., 1943.
- Lippman W. and Scroggs W. O. The United States in the world affairs, 1933. N. Y., 1934.
- Llitas J. A. Relations between Cuba and the United States. N. Y., 1934.
- Lockey D. Pan-Americanism. Its beginnings. N. Y., 1920.

- Lundberg F. 60 America's families. N. Y., 1938.
- MacGaffey W. and Barnett C. R. Cuba. Its people, its society, its culture. New Haven, 1962.
- Machado G. Nuestro principal enemigo. México, 1939.
- Manger W. Pan-Americanism and the Pan-American Conferences. Washington, 1950.
- Manual de capacitación cívica. La Habana, 1960.
- Mañach F. Revolution in Cuba. «Foreign Affairs», 1933, v. 12, N 1
- Marban E. y Leiva E. Curso de historia de Cuba. T. 1—2. La Habana, 1956—1957.
- Matthews H. L. The Cuban story. N. Y., 1961.
- Materiales para el estudio de la clase media en la América Latina, v. II. La Clase media en México y Cuba. Union Panamericana. Departamento de asuntos culturales. Washington, 1950.
- Mills C. W. Listen, Yankee. N. Y., 1960.
- Montague L. L. Haiti and the United States, 1714—1938. Durham, 1940.
- Moore D. R. A history of Latin America. N. Y., 1945.
- Munford C. J. Dollardiplomatie und Intervention. Zur Politik der U. S. A. gegenüber Kuba 1898—1934. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe», 1962, H. 1. Leipzig.
- Munro D. The United States and Caribbean area. Boston, 1934.
- Munro D. Latin American republics. N. Y., 1942.
- Munro D. Relations between Central America and the United States. N. Y., 1934.
- Myers W. S. The foreign policy of Herbert Hoover (1929—1933), v. 1—2. N. Y.—London, 1940.
- Nearing S. The American Empire. N. Y., 1921.
- Nelson L. Rural Cuba. Minneapolis, 1950.
- Nerval G. Autopsy of the Monroe Doctrine. The strange story of Inter-American relations. N. Y., 1934.
- Nevins A. America in world affairs. N. Y., 1941.
- Nevins A. and Hacker L. The United States and its place in world affairs, 1918—1943. Boston, 1943.
- Normano J. F. The struggle for South America. N. Y., 1931.
- O. Cuba and the United States. «Foreign Affairs», 1928, v. 6, N 2.
- Olson P. and Hickman C. Económica internacional Latinoamericana. México, 1945.
- Ordoqui J. Elementos para la historia del movimiento obrero en Cuba. La Habana, 1961.
- Ortiz F. Cuban counterpoint: tobacco and sugar. N. Y., 1947.
- Ortiz F. La decadencia cubana. La Habana, 1924.
- Pearson D. and Brown C. The American diplomatic game. N. Y., 1935.
- Pepin E. Le Panamericanisme. Paris, 1938.
- Perkins D. The Monroe Doctrine, v. 1—3. Cambridge — Baltimore, 1927—1938.
- Perkins D. Hands off: A history of the Monroe Doctrine. Boston, 1945.
- Perkins D. The United States and Caribbean. Cambridge, 1947.
- Perkins D. The evolution of American foreign policy. N. Y., 1950.
- Perkins D. The United States and Latin America. Baton Rouge, 1961.
- Perry L. The coming Pan-American Conference at Montevideo. «Communist», 1933, v. 12, N 11.
- Phelps W. Z. The international economic position of Argentine. Philadelphia, 1938.
- Pincus A. Terror in Cuba. N. Y., 1937.
- Pino Santos O. El Imperialismo Norteamericano en la economía de Cuba. La Habana, 1960.

- Pino Santos O. Aspectos fundamentales de la historia de Cuba. Pekin, 1963.
- Popper D. H. Latin-American policy of the Roosevelt administration. «Foreign Policy Reports», 1934, v. 10, N 21.
- Popper D. H. The Hull Trade Program. «Foreign Policy Reports», 1936, v. 12, N 5.
- Portell Vilá H. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España. T. I—IV. La Habana, 1938—1941.
- Portuondo del Prado F. Historia de Cuba. La Habana, 1957.
- Portuondo del Prado F. De la colonia a la colonia. La Habana, 1960.
- Portuondo Linares S. Los independientes de color. Historia del Partido Independiente de Color. La Habana, 1950.
- Pratt J. W. A history of United States foreign policy. Buffalo, 1957.
- Putnam S. Fascist penetration in Latin America. «Communist», 1938, v. 17, N 5.
- Quintanilla L. A Latin American speaks. N. Y., 1943.
- Raynery R. Colonel Batista and Cuba's Future. «Current History», IV—1939, v. 50.
- Revaloración de la historia de Cuba por los congresos nacionales de historia. La Habana, 1961.
- Riera M. Cuba política, 1899—1955. La Habana, 1955.
- Rippy J. F. Latin America in world politics. An outline survey. N. Y., 1929.
- Rippy J. F. Caribbean danger zone. N. Y., 1940.
- Rippy J. F. South America and Hemisphere defence. Baton Rouge, 1941.
- Rippy J. F. Historical evolution of Hispanic America. N. Y., 1944.
- Le Riverend Brusone J. La Habana (Biografía de una provincia). La Habana, 1960.
- Le Riverend Brusone J. República: dependencia y revolución. La Habana, 1961.
- Le Riverend J. Historia económica de Cuba. La Habana, 1963.
- Rivero Muñiz J. El movimiento obrero durante la primera intervención. La Habana, 1961.
- Rivero Muñiz J. El primer partido socialista cubano. La Habana, 1962.
- Rivero Muñiz J. El movimiento laborar cubano durante el period 1906—1911. La Habana, 1962.
- Rivero Muñiz J. Los Prolegómenos del socialismo en Cuba. «Cuba Socialista», 1962, N 7.
- Roa A. Roosevelt the executive dictator. Havana, 1933.
- Roa J. Positive and negative factors in Inter-American relations. Havana, 1940.
- Roberts W. A. The Caribbean: the story of our sea destiny. Indianapolis, 1941.
- Robertson W. S. History of the Latin American nations. N. Y., 1942.
- Robles A. G. Le Panamericanisme et la politique de bon voisinage. Paris, 1938.
- Rodriguez C. R. La «Misión Welles». La Lucha Anti-imperialista en Cuba, t. 2. La Habana, 1960.
- Rodriguez C. R. La Reforma universitaria. «Cuba Socialista», N 6, 1962.
- Rodriguez O. The growth of the revolutionary upsurge in the Caribbean. «Communist», 1932, v. 11, N 8.
- Roig de Leuchsenring E. Historia de la enmienda Platt. Una interpretación de la realidad cubana, t. 1—2. La Habana, 1961.
- Roig de Leuchsenring E. Los grandes movimientos políticos cubanos en la república: ingerencia, reacción, nacionalismo. La Habana, 1943.
- Roig de Leuchsenring E. Cuba no debe su independencia a los Estados Unidos. La Habana, 1950.

- Roi g de Leuchsenring E. Hostilidad permanente de los Estados Unidos contra la independencia de Cuba. La Habana, 1960.
- Roi g de Leuchsenring E. Los Estados Unidos contra Cuba republicana. La Habana, 1960.
- Roi g de Leuchsenring E. Tradición antimperialista de nuestra historia. La Habana, 1962.
- Roosevelt N. Wanted: Good Neighbours. The need for closer ties with Latin America. N. Y., 1939.
- Rowe L., Haring C., Duggan S., Munro D. Latin America in world affairs 1914—1940. Philadelphia, 1941.
- Rubens H. S. Liberty. The story of Cuba. N. Y., 1932.
- Sanguily M. Defensa de Cuba. La Habana, 1948.
- Santovenia E. S. Theodore Roosevelt y la soberanía de Cuba. La Habana, 1958.
- Schreyer W., Schumacher G. Vampire, Tyrannen, Rebellen. Berlin, 1963.
- Scott J. The Sixth Pan-American Conference. «The American Journal of International Law», 1928, N 2.
- Scott J. The Seventh International Conference of American States. «The American Journal of International Law», 1934, v. 28, N 2.
- Sears L. M. A history of American foreign relations, N. Y., 1938.
- Selected articles on intervention in Latin America. Beman L. T. (Ed.). N. Y., 1928.
- Semblanza de Luis Dias Soto. La Habana, 1964.
- Shepardson W. H. and Scroggs W. O. The United States in world affairs 1934—1935. N. Y., 1935.
- Showman R. K. and Judson L. S. The Monroe Doctrine and the growth of the Western Hemisphere solidarity. N. Y., 1941.
- Simons W. Background of recent events in Cuba. «Communist», IX—1933, v. 12, N 9.
- Simons W. Hands off Cuba. N. Y., 1933.
- Smith R. A. Your foreign policy: how, what and why. N. Y., 1941.
- Smith R. The United States and Cuba. Business and diplomacy. 1917—1960. N. Y., 1960.
- Soul G., Efron D. and Ness N. T. Latin America in the future world. N. Y., 1945.
- Spykman N. J. America's strategy in world politics. N. Y., 1942.
- Stewart M. S. Tariff Issues confronting the new administration. «Foreign Policy Reports», 1933, v. 9, N 2.
- Stokes W. S. The «Cuban Revolution» and the Presidential elections of 1948. «The Hispanic American Historical Review», 1951, v. 31, N 1.
- Stowell E. C. The New-Deal in intervention. «The American Journal of International Law», 1934, v. 28, N 2.
- Strode H. Kampf um Cuba. Die Geschichte einer Insel. München, 1938.
- Stuart G. H. Cuba and its international relations. N. Y., 1923.
- Stuart G. H. Our new Latin American diplomats. «World Affairs», 1933, v. 94, N 4.
- Stuart G. Latin America and the United States. N. Y., 1955.
- Survey of International Affairs, 1933—1938. Toynbee A. J. (Ed.). Royal Institute of International Affairs. London, 1934—1939.
- Taber R. M—26. The biography of a revolution. N. Y., 1961.
- Tansill C. C. Black door to war. The Roosevelt foreign policy, 1933—1941. Chicago, 1952.
- Taylor A. E. The New Deal and foreign trade. N. Y., 1935.
- Thomson C. A. The Seventh Pan-American Conference, Montevideo. «Foreign Policy Reports», 1934, v. 10, N 7.
- Thomson C. A. The Cuban revolution: fall of Machado. «Foreign Policy Reports», 1935, v. 11, N 21.

- Thomson C. A. The Cuban revolution: reform and reaction. «Foreign Policy Reports», 1936, v. 11, N 22.
- Thomson C. A. Toward a new Pan-Americanism. «Foreign Policy Reports», 1936, v. 12, N 16.
- Torra A. D., Aredondo A. Como cumple Batista su plataforma de gobierno. La Habana, 1943.
- Ugarte M. Destiny of a Continent. N. Y., 1925.
- Valdes-Miranda J. Cuba revolucionaria. La Habana, 1959.
- Valladarez Abreu A. La Universidad de la Habana en la Revolución Nacional. La Habana, 1944.
- Vega Cobiellas U. Nuestra América y evolución de Cuba. La Habana, 1944.
- Vega Cobiellas U. La personalidad y la obra del general Fulgencio Batista Zaldivar, presidente de la República de Cuba. La Habana, 1943.
- Verill A. H. Cuba of today. N. Y., 1931.
- Wakefield R. P. Some factors in Cuba's foreign trade. «Economic Geography», 1937, v. 13, N 2.
- Walling W. E. President Machado's administration of Cuba. Charges of dictatorship. «Current History», V — 1930, v. 32.
- Wertenbaker C. A new doctrine for the Americas. N. Y., 1941.
- Whitaker J. T. Americas to the South. N. Y., 1940.
- De Wilde J. C. Sugar: An international problem. «Foreign Policy Reports», 1933, v. 9, N 15.
- Williams B. H. Foreign Loan policy of the United States since 1933. N. Y., 1939.
- Williams B. H. American diplomacy. Policies and practice. N. Y., 1936.
- Williams M. The people and politics of Latin America. Boston, 1938.
- Williams W. A. The United States, Cuba and Castro. N. Y., 1962.
- Wilgus A. C. The development of Hispanic America. N. Y., 1941.
- Wilgus A. C. and d'Eca R. An outline history of Latin America. N. Y., 1941.
- Winkler M. Investments of United States capital in Latin America. Boston, 1929.
- Winkler M. America's stake abroad. «Foreign Policy Association. Information Service», 1931, v. 6, N 24.
- Winkler M. American foreign investments in 1931. N. Y., 1932.
- Wood B. The making of the Good Neighbour policy. N. Y., 1961.
- Woolsey L. H. The New Cuban treaty. «The American Journal of International Law», 1934, v. 28, N 3.
- Wright P. G. The Cuban situation and our treaty relations. Washington, 1931.
- Zeitlin M. and Scheer R. Cuba: tragedy in our hemisphere. N. Y., 1963.

Справочные издания

- Ефимов А. В., Нитобург Э. Л. Отклики на кубинскую революцию в советских изданиях. Сб. «Пять лет Кубинской революции». М., 1963.
- Капиталистические страны в 1913, 1928—1934 гг. Статистический сборник. М., 1935.
- Куба в советской печати. Сост. Брагинская Э. В., Шур Л. А. М., 1963.
- Мировой финансовый кризис. Статистические материалы 1929—1932 гг. М., 1934.
- Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., т. 1—3. М., 1939.
- Страны Латинской Америки. М., 1949.
- Шесть лет аграрного кризиса в цифрах и диаграммах. М., 1935.

- The Americana Annual. An Encyclopedia of Currents Events. N. Y., Chicago.
- Atlas de Cuba. Por G. Canet y E. Raisz. Cambridge, 1949.
- Cuba. Official standard names approved by the United States Board on Geographic Names. Washington, 1957.
- Current biography. Who's news and why, 1940. N. Y., 1940.
- Libro de Cuba. Una enciclopedia ilustrada... La Habana, 1954.
- National Income and Product of the United States, 1929—1950. Washington, 1951.
- Peraza Sarausa F. Diccionario biográfico cubano. T. I—VII. La Habana, 1953.
- Rama C. M. Mouvements ouvriers et socialistes (chronologie et bibliographie). L'Amérique Latine (1492—1936). Paris, 1959.
- Row L. S. The Pan American Union and the Pan American Conferences. Washington, 1940.
- República de Cuba. Censo de 1943. Atlas. La Habana [1944?].
- U. S. Department of State. Treaties in force. A list of treaties and other international acts of the United States in force on December 3, 1941. Washington, 1941.
- Who's Who in Latin America. Part VII. Stanford, Chicago, 1951.

ДОГОВОР 1934 г. ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ И КУБОЙ *

29 мая 1934 г.

Статья 1

Договор об отношениях, который был заключен между двумя договаривающимися сторонами 22 мая 1903 г., потеряет силу и будет аннулирован со дня вступления в силу настоящего договора.

Статья 2

Все акты, осуществленные на Кубе Соединенными Штатами Америки в течение военной оккупации ими острова, до 20 мая 1902 года, дня, когда была создана республика Куба, ратифицированы и остаются действительны; и все права, законно приобретенные благодаря этим актам, должны сохраняться и защищаться.

Статья 3

До тех пор, пока две договаривающиеся стороны не согласятся на изменение или отмену условий соглашения по поводу аренды Соединенными Штатами Америки земель на Кубе для угольных и военно-морских баз, подписанного президентом республики Кубы 16 февраля 1903 года и президентом Соединенных Штатов Америки 23 дня того же самого месяца и года, условия этого соглашения в отношении военно-морской базы Гуантанамо должны оставаться в силе. Дополнительное соглашение в отношении военно-морских или угольных баз, подписанное между двумя правительствами 2 июля 1903 года, также должно оставаться в силе, в той же самой форме и на тех же самых условиях, в отношении военно-морской базы в Гуантанамо. До тех пор, пока Соединенные Штаты не откажутся от указанной военно-морской базы Гуантанамо или пока два правительства не договорятся об изменении ее нынешних границ, база должна сохранять ту же территорию и те же границы, которые она имеет в момент подписания настоящего договора.

Статья 4

Если когда-либо в будущем возникла бы ситуация, которая бы явно свидетельствовала о вспышке на территории одной из договаривающихся сторон инфекционной болезни, то каждое из правительств ради своей собственной защиты и на период, который оно сочло бы целесообразным, было бы вправе свободно и по собственному усмотрению прекратить сообщение между теми из его портов, которые оно могло бы указать, и всей или частью территории другой стороны, причем действия его не должны рассматриваться как недружественные.

* *Пreamбула договора опущена. (Прим. наше.— Э. Н.).*

Статья 5

Настоящий договор должен быть ратифицирован договаривающимися сторонами согласно их соответствующим конституционным нормам и должен войти в силу в день обмена ратификационными грамотами, который должен состояться в городе Вашингтоне в самое ближайшее время.

В удостоверение чего настоящие уполномоченные подписали данный договор и приложили к нему свои печати.

Составлено в двух экземплярах, на английском и испанском языках, в Вашингтоне двадцать девятого мая тысяча девятьсот тридцать четвертого года.

Корделл Хэлл
Сэмнер Уэллес
М. Маркес Стерлинг

Публ. по: «*Congressional Record*», 73 Congress, 2 Session, v. 78, part 9, p. 9840

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ЛИСТОВКА КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ КОНФЕДЕРАЦИИ КУБЫ И РАБОЧЕЙ ФЕДЕРАЦИИ ГАВАНЫ

20 марта 1930 г.

МАНИФЕСТ К ТРУДЯЩИМСЯ

Товарищи!

Это наш ответ на открытое и наглое, и в то же самое время подлое и коварное наступление буржуазии.

Стачка в день 20 марта, о которой было объявлено заранее и о подготовке которой властям было известно, является демонстрацией решимости, энергии и готовности рабочих бороться за сохранение своих классовых профсоюзов, их готовности *всеми путями* заявить о своем протесте против безработицы — хронического, но с каждым днем все более тяжелого зла прогнившего капиталистического общества. Для пробуждающихся и все более сознательных масс рабочих нет ничего важнее, чем представлять, кто их эксплуатирует и обманывает, взывая на все лады к полиции (орудию буржуазии), уверяя через газеты (рупоры буржуазии), что протест в день 20 марта — это якобы инспирированный Коминтерном «коммунистический» протест, и стараясь всячески «оправдать» террор против рабочего движения. Рабочий класс Кубы, отвечая на призыв *Конфедерации профсоюзов Латинской Америки* отметить день 20 марта демонстрациями против безработицы, *хочет показать, что он* тесно связан с пролетариями стран Латинской Америки и всего мира и отнюдь не намерен, как этого хотелось бы желтым «патриотам» в рабочем движении, следовать за слепцами — поборниками деревенского провинциализма. Национальная рабочая конфедерация Кубы призвала 20 марта протестовать против безработицы. Но, *кроме того*, в связи с наступлением на Национальную рабочую конфедерацию, Рабочую федера-

цию Гаваны, Союз рабочих шпальной промышленности, Братство портовых рабочих Мансанильо и на местные рабочие федерации каждого города она призвала протестовать также против общей опасности, нависшей над классовыми профсоюзами.

Волей рабочего класса день протеста против безработицы превратился в день протеста против преследований, с помощью которых надеются раздавить рабочее профсоюзное движение на Кубе и допустить существование лишь нескольких, сведенных до уровня стада дурачков организаций, руководимых пятью или шестью предателями.

Буржуазная пресса, все ежедневные газеты уделили особое место этому агрессивному маневру, да иначе не могло и быть. Они публиковали всевозможные измышления, всякого рода угрозы и лживые сообщения о том, что Рабочий центр на Драгонес 114 уже закрыт, а связанные с ним профсоюзы распущены, что ни одна из крупных рабочих организаций к забастовке не примкнула и участвуют в ней только «красные» и т. д. Они опубликовали омерзительные по своему цинизму заявления Иуды Аревало, помещенные в слюнявом листке «Свобода рабочего движения», издающемся фашистской Кубинской федерацией труда — этим агентством Уолл-стрит на Кубе, возглавляемым тайной полицией и Аревало, а также его тезкой и партнером по предательству — Иудой Фабрегатом.

Но вот наш ответ: всеобщая забастовка в Гаване.

Желтые профсоюзные ренегаты и предатели, выдрессированная шайка штрейкбрехеров и подражателей фашизму: эта забастовка в день 20 марта — наш ответ!

Буржуазные газеты, господа журналисты, знаменитые редакторы, так много знающие о проблемах мира и Кубы! Вы, утаивавшие либо извращавшие правду о рабочем движении, обходившие молчанием либо фальсифицировавшие *нашу правду*, теперь вам придется помолчать. Сегодня вы не разосплете своих газет потому, что *мы этого не хотим*, потому, что *мы их не выпустим*. Наши руки — даже, когда они неподвижны — заставят замолчать ваши лживые рты.

Власти желающие уничтожить наши организации, знайте — мало подавить рабочее движение; необходимо уничтожить весь рабочий класс. А это невозможно потому, что он необходим для существования самой буржуазии. Тех, кто «следует инструкциям из Москвы», — как вы называете это в ваших вымыслах, — оказалось очень много, а вы в своих усердных нападках на Родину пролетариата, строящую социализм, оказались самыми пылкими пропагандистами ее. Таково небольшое противоречие, жертвой которого оказались вы сами.

Товарищи трудящиеся! Сегодня, в день 20 марта, вопреки воле, силе и пророчествам буржуазии, желтых соглашателей и властей, мы, рабочие Кубы, боремся за справедливые требования безработных:

1. Восьмичасовой рабочий день.
2. Выплата хозяевами и властями пособия безработным.
3. Против капиталистической рационализации во всех ее формах.
4. Против выселения безработных; за освобождение их от квартирной платы и всех долгов.
5. Бесплатный проезд для безработных и их семей до места, где они смогут найти работу.
6. Бесплатные столовые и места ночлега для безработных.

Мы боремся за сохранение наших лучших организаций самозащиты: Национальной рабочей конфедерации Кубы и Рабочей федерации Гаваны. Мы боремся за право на забастовки и демонстрации, за свободу слова, прессы, собраний и организаций, не существующие для трудящихся классов. *Мы боремся за освобождение брошенных в тюрьмы рабочих;*

против белого террора, который угрожает Кубе новыми жертвами; против фашистской Кубинской федерации труда!

Потребуем освобождения всех арестованных!

Да здравствует всеобщая забастовка в Гаване!

Да здравствует поддержка других городов!

Поддержим справедливые требования безработных!

Да здравствует Рабочая федерация Гаваны!

Да здравствует Национальная рабочая конфедерация Кубы!

Комитет защиты Национальной
рабочей конфедерации Кубы
и Рабочей Федерации Гаваны

(Государственный музей Революции СССР, 30207/643, Л-616-4з).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКАМ ОКРУЖНЫХ УПРАВЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ ПРОВИНЦИИ ПИНАР-ДЕЛЬ-РИО

21 января 1931 г

Сеньор!

Сбор сахарного тростника находится в полном разгаре. Между тем известно, что многие... рабочие отказываются выезжать из города на работу по резке тростника. Это доказывает наличие печальной склонности к бродяжничеству, всегда порождающей серьезные болезненные явления в социальной области. Поэтому я принял решение о том, чтобы полиция соответствующего муниципального округа провинции приняла немедленно энергичные и оздоровительные меры для задержания элементов, которые ведут жизнь паразитов и бродяг, остаются в рабочее время в кафе, а в случае преследования скрываются в так называемых меблированных домах, где находят себе защиту в лице женщин дурного поведения, а также у кухонной и иной прислуги. Этому разряду поистине негодных людей, ненавидящих труд и порядок, вы должны поставить на вид, что им предоставляется либо отправиться на уборку тростника, либо выехать из города, где они живут без работы.

После того, как вы задержите бродяг и паразитов в вашем городе, вы должны заключить соглашение с вербовщиками рабочей силы для сахарных плантаций на предмет направления туда рабочих, какими вы сможете располагать. Рассчитывая на ваше рвение, а также на естественное чувство ответственности в случае невыполнения вами настоящего циркуляра, надеюсь, что вы немедленно примете указанные меры и не будете обращать внимания ни на какие указания и объяснения, могущие отвлечь вас от тех целей, которые преследует настоящий циркуляр.

С совершенным уважением

капитан *Федерико Кинтеро* — капитан кавалерии национальных войск, провинциальный комиссар корпуса муниципальной полиции.

Публ. по: «Daily Worker» (N. Y.), 5.II 1931.

ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ КУБИНСКИХ КОММУНИСТОВ

3 августа 1933 г.

Коммунистическая партия призывает всех стачечников, рабочий класс в целом, все трудящиеся массы сочетать борьбу за выполнение своих ближайших требований с борьбой за осуществление изложенной ниже программы действий, разработанной коммунистической партией, и сохранять твердость в этой доблестной борьбе за ближайшие требования, выдвинутые рабочими различных отраслей промышленности:

За 8-часовой рабочий день в сахарной промышленности, в торговых и всех других предприятиях страны; за выплату задолженности по заработной плате рабочим сахарной промышленности, учителям и всем государственным служащим; за немедленное установление пособий по безработице; за рабочий контроль над осуществлением законов о пенсиях престарелым; за социальное страхование от безработицы за счет предпринимателей и правительства.

За выплату задолженности издольщикам (колонам); против расхищения крестьянских земель и за аннулирование долгов крестьян.

Против голодной квоты, установленной на потребление кубинского сахара в Соединенных Штатах; против пересмотра тарифов в пользу экспортеров-янки; против выплаты задолженности банкирам-янки; против нового налогового законодательства и действующего чрезвычайного закона о налогообложении...

Против кровавого режима Мачадо, против его террора; за немедленное освобождение политических заключенных; за свободу собраний и печати, за право на стачку и создание ассоциаций; за легальность всех революционных организаций, включая коммунистическую партию.

За поддержку борьбы повстанцев, против лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции, против «дипломатической» интервенции «посредника» Уэллеса и угрозы вооруженной интервенции, против поправки Платта, за вывод моряков-янки из Гуантанамо, за национальное освобождение Кубы.

* * * * *

Только правительство рабочих и крестьян освободит Кубу от ига империализма янки и его местных агентов.

Рабочие и крестьяне! Создавайте группы самозащиты, которые будут охранять ваши массовые мероприятия от нападений войск!

Солдаты и матросы! Братайтесь с вашими братьями по классу, рабочими и крестьянской беднотой, отказывайтесь выступать против них!

Рабочие!

Да здравствует всеобщая стачка с целью добиться удовлетворения ваших требований!

Все трудящиеся!

Демонстрируйте на улицах!

Да здравствует единый фронт масс против наступления на жизненный уровень, против террора и против империалистической войны, которую развязывают эксплуататоры!

Долой реформистских, анархистских и играющих провокационную роль лидеров, которые принимают участие в борьбе лишь для того, чтобы иметь больше возможностей предать ее!

Долой Мачадо и лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции!

Выбросим Уэллеса и моряков-янки с нашей территории!

Долой вооруженную интервенцию, которой угрожает империализм янки устами своего глашатая Уэллеса!

Да здравствует аграрная, антиимпериалистическая революция!

Вступайте в национальные рабочие союзы транспортников, рабочих сахарной и табачной промышленности, моряков и в ряды красной профсоюзной оппозиции, под знамя Национальной рабочей конфедерации Кубы!

Вступайте в Коммунистическую партию и в Коммунистический союз молодежи!

Организуйте коммунистические ячейки на фабриках и других предприятиях!

Центральный комитет
Коммунистической партии Кубы

Центральный комитет
Коммунистического союза молодежи Кубы

Публ. по *M. Kaye and L. Perry. Who Fights for a Free Cuba? New York, 1933, p. 34—36.*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

ЛИСТОВКА

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КУБЫ К СОЛДАТАМ И МАТРОСАМ

4 июля 1934 г.

Солдаты, матросы, полицейские, трудящиеся!

В Мансанильо, Медиа-Луна, Никеро, Пилоне, Вегита тысячи трудящихся поднимаются на грандиозную всеобщую забастовку против голода и безработицы, против террора, организованного в Медиа-Луна и Мансанильо военным наблюдателем Крус-и-Видадь и старшим лейтенантом Беккером — шакалами, которые топят в крови борьбу народа за хлеб, землю и свободу! Эта забастовка имеет особое значение в связи с моментом, когда она происходит и по характеру выдвигаемых требований, таких как улучшение условий службы для солдат и освобождение матросов канонерки «Куба», которым угрожает чудовищный Военный трибунал. Всеобщая забастовка полностью парализовала многие сентралы, порт, хлебопекарни, автотранспорт, мастерские и т. д. и грозит распространиться на сентраль Мобай, где имеются традиции активной борьбы. Бастующие сохраняют высокий боевой дух и решимость.

Клич протеста, мятежный дух трудящихся Ориенте должен найти отклик в сердцах солдат, матросов и трудящихся всего острова. Выразим нашу солидарность с этим движением! Потребуем от штаба армии отстранения от должности военного наблюдателя Крус-и-Видадь и старшего лейтенанта Беккера! Коллективно отказывайтесь от отправки в Мансанильо! Отказывайтесь стрелять в своих братьев по классу! Долой террор Батисты и правительства! Помешаем переброске войск в Мансанильо!

Не допустим, чтобы Военный трибунал осудил наших товарищей с канонерки «Куба»! Только совместная борьба солдат и рабочих вырвет наших товарищей из окровавленных рук Батисты!

За немедленное освобождение Орландо Виера и всех арестованных рабочих, солдат, матросов и полицейских! Поддержим голодовку политзаключенных Кастильо дель Принсипе! За землю для солдат! Поддержим борьбу безработных за пищу, и кров, борьбу крестьян и сельскохозяйственных рабочих за землю, борьбу за рабочий контроль на предприятиях! Против войны, интервенции и фашизма! Потребуем вывода эсминца «Омаха»! Создавайте комитеты солдат и матросов для борьбы за наши требования! За 30 песо жалованья при 8 часах службы и немедленную выплату трехмесячной задолженности, за ежегодный 30-дневный оплачиваемый отпуск, за лучшее питание и обмундирование!

Вступайте в Коммунистическую партию! Вперед, на аграрную и антиимпериалистическую революцию!

Коммунистические ячейки армии и флота

Гавана, 4 июля 1934 г.

(Государственный музей Революции СССР, 11104/5-2, Л-616-110).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

ЛИСТОВКА КОМПАРТИИ США К СОЛДАТАМ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ И МАТРОСАМ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ СУДОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В КУБИНСКИХ ВОДАХ

май 1935 г.

**МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ!
ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ СТРЕЛЯТЬ В КУБИНСКИЙ НАРОД!
ТРЕБУЙТЕ ВЫВОДА ВАШИХ СУДОВ ИЗ КУБИНСКИХ
ВОД — ЭТО ВАШ ДОЛГ ПЕРЕД НАРОДАМИ АМЕРИКИ
И КУБЫ!**

**К СОЛДАТАМ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США,
НАХОДЯЩИМСЯ В КУБИНСКИХ ВОДАХ!**

Братья:

Под гром орудий эсминцев США разворачиваются события, от которых даже у самых бессердечных людей стынет кровь в жилах. Происходят невероятные вещи!

Целый народ подвергается преследованиям; людей бросают в застенки, пытаются, убивают! Более 4 тыс. мужчин и женщин томятся в набитых до отказа кубинских тюрьмах. Военный трибунал выносит один смертный приговор за другим. Все новые и новые зверства обрушиваются на тех, кто пытается поднять голос против кровавого кубинского режима. Среди многих других были убиты два борца против империализма — Гитерас и Апонте. Шесть кубинских моряков, две женщины и девять рабочих предстали в настоящий момент перед военным судом в Матансас. Их ждет расстрел.

Мы, рабочие Америки, слышим крики о помощи, крики преследуемых и их семей, потерявших кормильцев, стоны раненых и пытаемых в

застенках. И мы призываем вас, наших американских братьев в военной форме, откликнуться на этот крик о помощи. На вас смотрит весь американский народ.

Уже много месяцев вы находитесь в кубинских водах. Вам сказали, что вы находитесь там для защиты жизни американских граждан. Но каждый американец знает, что это бессовестная ложь. Вас держат там совсем по другим причинам.

ПОДЛИННЫЕ ПРИЧИНЫ

Почему Вам не говорят правду!

Почему вам не говорят, что те же самые богачи, банкиры и миллионеры, которые делают несчастной жизнь ваших семей на родине, владеют на Кубе капиталовложениями в миллиард с четвертью долларов?

Почему вам не говорят, что эти банкиры и правительство Соединенных Штатов в погоне за еще большими прибылями в течение многих лет выжимали кровь и пот из кубинского народа? Они поработили кубинский народ!

Вы не верите, думая, что это еще один вид «красной» пропаганды? Но подумайте! Разве не факт, что нынешнее правительство Кубы, кровавый режим Мендиэты — Батисты, был поставлен у власти банкирами США? И разве не факт, что подлинным главой правительства, человеком за кулисами, является не кто иной, как посол Соединенных Штатов — Кэффери, тот самый Кэффери, который в 1929 г. руководил подавлением народного движения в Колумбии? Нужны ли какие-либо иные доказательства того, что нынешнее правительство было навязано кубинскому народу, чем тот факт, что Кэффери и Мендиэта боятся провести выборы и уже дважды откладывали их?

В 1898 г. американские рабочие и фермеры, солдаты и моряки боролись и умирали за то, чтобы освободить кубинский народ от испанского империализма. Теперь ясно, что они отдали свою жизнь напрасно. Кубинский народ был «освобожден» от испанцев только для того, чтобы быть поработленным и ограбленным «Нэйшнл сити банком», Д. Пирпонт-ом Морганом, сахарным трестом и другими владельцами акций с Уолл-стрит.

Если бы вы были кубинцами, то как бы поступили вы сами? Разве вы не боролись бы против мертвой хватки иностранных банкиров и правительств? Разве вы не боролись бы против лишения вас всех прав, куса хлеба и независимости? Разве вы не боролись бы за подлинно народное правительство, выражающее ваши интересы?

Именно это и делают кубинцы! Кубинский народ снова собирает силы, чтобы дать отпор начатому против него наступлению. А вас держат в кубинских водах потому, что банкиры с Уолл-стрит и американские сахарные бароны намерены использовать вас против народа Кубы. Вы должны стать наемными убийцами ради сохранения в рабстве целого народа, а они будут тем временем получать миллионы долларов прибыли...

ТРЕБУЙТЕ ВЫВОДА ИЗ КУБИНСКИХ ВОД...

РУКИ ПРОЧЬ ОТ КУБЫ!

Коммунистическая партия
и Лига коммунистической молодежи США.

(Государственный музей Революции СССР, 16656 26а, Л-786-11а).

E. L. Nitoburg
POLITICA DEL IMPERIALISMO AMERICANO
EN CUBA (1918-1939 rr.)

RESUMEN

Según testimonia la historia, Cuba atrajo, casi desde el momento de la formación de los Estados Unidos, la especial atención de los círculos gobernantes norteamericanos. Sus intentos por dominar, de una y otra manera, «la perla de Antillas» no cesaron durante todo el siglo XIX. No queriendo consentir la victoria del pueblo cubano, alzado en armas contra los colonizadores españoles, los imperialistas de los EE.UU., desencadenaron en 1898 la guerra contra España bajo el pretexto de «la liberación de Cuba». Al derrotar a la España semifeudal y conquistar una parte de sus colonias, se vieron obligados a consentir la formación de la República de Cuba, pero al mismo tiempo hicieron todo lo posible para convertir su independencia en vana formalidad. Imponiendo a la Cuba ocupada «la Enmienda Platt» incluida en la constitución de la República y en el Tratado Permanente norteamericano-cubano, y también el acuerdo comercial sobre la «base de reciprocidad» (1902) y la convención sobre la concesión a los EE.UU. de las bases militares marítimas (1903), en realidad, fue que el imperialismo norteamericano, convirtió la República de Cuba en su protectorado.

La dominación de los EE.UU. en Cuba se distinguió por el traspaso a manos de los bancos y de las compañías norteamericanos del control de las riquezas naturales y de la vida económica del país. La explotación de los trabajadores de Cuba dio enormes ganancias a los monopolios norteamericanos, y para continuar explotándolas sin ningún obstáculo, Washington se inmiscuía siempre en los asuntos interiores del país. En los casos, en que a los monopolistas les parecía que sus intereses en Cuba estaban amenazados por el movimiento antiimperialista de las masas populares, el Gobierno de los Estados Unidos, enviaba la fuerza militar para su aplastamiento, apoyándose en el «derecho de intervención según la Enmienda Platt».

La descarada utilización por los EE.UU. de la infantería de marina como su mayor «argumento», fue un rasgo característico de las relaciones norteamericano-cubanas hasta principios de la década de 1920. Y sólo la incesante lucha patriótica del pueblo cubano durante todo el período de la dominación de los Estados Unidos en Cuba, fue la fuerza decisiva que impedía los intentos expansionistas del imperialismo norteamericano y obligaba cada vez a Washington a retirar las tropas yanquis de Cuba.

La crisis general del capitalismo surgida en los años de la primera guerra mundial y a consecuencia de la Gran Revolución Socialista de Octubre, condujo a un auge de la lucha revolucionaria, jamás vista hasta antes en la América Latina. La victoria del proletariado de Rusia contribuyó, en enorme medida, al desarrollo de las ideas socialistas y al aumento del mo-

vimiento obrero y antiimperialista en Cuba. Resultado de ello fue que en 1925 se formó, por primera vez en la historia del país, el centro sindical nacional y el Partido Comunista de Cuba.

En condiciones de un crecimiento de la conciencia y organización de la clase obrera, en la situación de la agudización de las tendencias antiimperialistas que abarcaron las amplias masas populares, los medios gobernantes de los EE.UU. se vieron obligados a renunciar de la así llamada «política preventiva», es decir, a los métodos de un dictado descarado, y gobernar Cuba apoyándose en sus agentes lugareños. El Poder en la Habana fue entregado en manos del general Machado, «hombre riguroso», representante de los latifundistas cubanos y de los grandes businessmen y comerciantes, estrechamente enlazados con los monopolios de los Estados Unidos.

La crisis económica mundial de 1929—1933, provocó el nuevo aumento poderoso del movimiento liberador en la América Latina. En varios países, las masas populares derribaron los gobiernos proimperialistas (Chile, Perú, etc.). En tal situación, Washington, en su política latinoamericana, se vio obligado a hacer pequeñas concesiones, y después del advenimiento del Gobierno de F. Roosevelt, en marzo de 1933, declaró oficialmente que los EE.UU., en el futuro, «renunciarían al imperialismo» y a la política de intervención armada y efectuarían la llamada política del «buen vecino».

La crisis económica de los años 1929—1933 influyó en excesiva gravedad en la situación de Cuba, que, a consecuencia del dominio absoluto durante treinta años del «imperialismo yanqui» se convirtió en un país de monocultura, enteramente dependiente en el aspecto económico de los Estados Unidos. El paro forzoso llegó a enormes dimensiones. El hambre reinaba entre las masas populares. El régimen de terror sangriento, establecido por el dictador Machado, agravó la situación. El movimiento revolucionario en la isla alcanzó en 1933 una envergadura nunca antes vista y amenazaba a los propios fundamentos del dominio económico y político de los monopolios norteamericanos.

En relación con eso, la tarea planteada ante el Gobierno de Roosevelt, que vino al Poder en el apogeo de la crisis económica,—recuperar el mercado cubano para las mercancías norteamericanas— desde un principio estaba estrechamente enlazada con la de no consentir, por todos los medios, que venciese la revolución antiimperialista en Cuba. En Washington fue elaborado un plan para el derrocamiento «pacífico» del dictador Machado, incapaz en las nuevas condiciones de garantizar la «estabilidad», y la entrega «constitucional» del Poder a manos del siguiente títere proamericano. Sin embargo, este plan fue frustrado por la poderosa ola revolucionaria que barrió el régimen de Machado.

El desarrollo del movimiento antiimperialista en los países de la América Latina y en los mismos Estados Unidos, obligando a los dirigentes de Washington a proclamar la política del «buen vecino», excluyó la posibilidad de aquellos, para realizar, basándose en la «Enmienda Platt» sus planes de estrangulación de la revolución en Cuba por medio de una intervención armada abierta y la ocupación de la isla, como lo hicieron reiteradas veces. Sin embargo, persiguiendo tales fines, el Gobierno de los Estados Unidos, aprovechaba ampliamente la intervención económica, la diplomacia conspirativa, acuerdos con la reacción local, el chantaje valiéndose de la intervención armada, y, por fin, la creación de gobiernos-títere mediante los golpes de Estado militares.

El hecho, de que a pesar del empleo de todo este arsenal de «métodos de presión» imperialista, el Gobierno Provisional Revolucionario, surgido en Cuba en septiembre de 1933, existiese más de cuatro meses, testimonio de la envergadura y profundidad del movimiento revolucionario en la isla. Pero la revolución sufrió un fracaso temporal. El proletariado no estaba preparado para tomar la dirección de ésta en sus manos. En el país no había aún un partido marxista de masas, templado en las luchas de clase. El

joven Partido Comunista de Cuba, aunque jugaba un papel muy importante en los acontecimientos, empezó a ser tal partido sólo en los años postreros. La burguesía nacional, que intentaba encabezar la revolución, resultó débil económicamente e indecisa en su política. La cobardía de la burguesía nacional, que se asustó ante el no reconocimiento diplomático por parte de los Estados Unidos y ante el intensivo proceso de lucha de las masas, así como las vacilaciones de la pequeña burguesía, impidieron, en aquel período, la formación de un frente antiimperialista nacional, el que reuniría sobre una plataforma de lucha por la verdadera independencia a las amplias masas de obreros, campesinos, pequeña burguesía urbana y a los representantes de la burguesía nacional que intervenían contra el dominio del «imperialismo yanqui». Estas circunstancias facilitaron la lucha de las fuerzas reaccionarias contra la revolución.

La táctica cautelosa del Gobierno de los EE.UU., que por todos los medios disimulaba la esencia de su política respecto a Cuba y bien aprovechó la comunidad de los intereses de clase de los monopolistas americanos y de la cúspide burgués-terrateniente cubana en una revolución social, igualmente peligrosa para ambos, jugó su papel en la victoria de la reacción. Sin embargo, en relación con eso, hay que mencionar que, si en el Congreso de los EE.UU. la política del Gobierno de F. Roosevelt casi siempre encontraba el pleno apoyo, el pueblo norteamericano se oponía activamente. El apoyo de la lucha de los trabajadores de Cuba por parte de los obreros, farmers, estudiantes y de los intelectuales progresivos de los Estados Unidos, encontró su clara expresión en las manifestaciones y los mítines de protesta organizados por el Partido Comunista y por otras organizaciones democráticas de los Estados Unidos contra la intervención, el envío de los barcos militares y la actividad subversiva de los embajadores norteamericanos; este apoyo se manifestó en el envío de delegaciones sindicales; en una masa de peticiones y telegramas en defensa de los revolucionarios y activistas sindicales cubanos; en la recogida de medios para la ayuda a las víctimas del terror, etc.

En enero de 1934, estableciendo en la Habana el Gobierno del títere C. Mendieta y encontrando en Batista, jefe del Estado Mayor del Ejército, al pretorial que estaba dispuesto a servir en calidad del perro de cadena del capital americano en la isla, el Gobierno de Washington logró por cierto tiempo su objetivo, es decir, la derrota de las organizaciones democráticas y el aplastamiento del movimiento liberador en Cuba. En el país fue de nuevo establecida la dictadura militar, que no cedía en crueldad a la de Machado.

Sólo garantizando, de esta manera, los intereses de los magnates de Wall-Street, el Gobierno de los EE.UU. se decidió a renunciar, en apariencia «voluntariamente» a la «Enmienda Platt», para con ello convencer a los latinoamericanos de la «franqueza» de la política del «buen vecino» y enmascarar su intervención en Cuba. En realidad, esta renuncia no fue de ningún modo voluntaria, sino forzada, provocada, como toda la famosa política del «buen vecino», ante todo, por el reforzamiento brusco de la resistencia de los pueblos de Cuba y de toda la América Latina contra la expansión de los monopolios norteamericanos. Claro está, que después de renunciar a la «Enmienda Platt», el imperialismo norteamericano conservó todavía su dominio económico y político-militar en Cuba.

Sin embargo, el fracaso de las fuerzas democráticas a mediados de la década de 1930 fue temporal. La proximidad de la guerra mundial y la penetración, cada vez mayor, de las potencias fascistas en la América Latina, condujo a fines de la década de 1930 a la agudización brusca de las contradicciones americano-germánicas y al intento de Washington de utilizar en sus intereses las tendencias antifascistas de los pueblos de los países latino-americanos. Estas circunstancias que condicionaron los cambios tácticos determinados en la política de Batista, así como el potente desarrollo

del movimiento liberador de las masas populares, en vísperas de la segunda guerra mundial, obligaron a ceder a la reacción cubana: permitir la legalización del Partido Comunista y de los sindicatos revolucionarios, democratizar la vida política y tolerar la aprobación de la constitución progresiva.

Los combates revolucionarios de los años 1920—1930, las victorias obtenidas por el pueblo cubano y los fracasos sufridos, no fueron inútiles. En el período de experimentación el movimiento liberador se levantó a un nuevo nivel más alto.

Se aumentó notablemente la conciencia de clase y la organización de la clase obrera que se convirtió en la fuerza dirigente del movimiento revolucionario y antiimperialista. Las fuerzas democráticas de Cuba consolidaron considerablemente sus posiciones, crearon sus organizaciones combativas y alcanzaron la rica experiencia de la lucha antiimperialista y de clase. Creció la conciencia política y la actividad de todo el pueblo que logró, en el proceso de lucha una serie de conquistas importantes, incluidos la derogación de la «Enmienda Platt», que significaba el reconocimiento de la independencia de Cuba en el plano jurídico internacional, y la aprobación de la constitución democrática de 1940. Todo eso jugó, indudablemente, un papel muy importante en el desarrollo ulterior de la lucha liberadora en Cuba y de las relaciones cubano-norteamericanas, dejando huellas en la formación de la concepción de la nueva generación de cubanos, a la cual le cayó en suerte liberar a su patria.

La dependencia colonial de Cuba del imperialismo norteamericano se conservaba todavía a principios de la segunda guerra mundial y hasta aumentó en algunos aspectos en los años de guerra. La economía, el comercio exterior y las finanzas del país continuaban quedando, como anteriormente, bajo el control de los magnates de Wall-Street. Después de la guerra, el pueblo cubano continuó luchando por sus derechos, la libertad y la verdadera independencia. Sin embargo, tuvo que pasar aún por un camino largo y difícil antes de poder romper, por fin, las cadenas de la opresión imperialista y empezar a construir la nueva Cuba socialista que se convirtió en un faro de la libertad para los pueblos de toda la América Latina.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агпяр М. А. 119
 Акоста А. 120
 Альбанес У. 163
 Альварес, Лино 343, 346
 Андре А. 77
 Апонте, Карлос 355, 419
 Аревало, Хуан 33, 73, 86, 415
 Ариас, Армодио 266
 Арисменди, Родней 29, 329
 Ариссо Л. 85
 Артеага, Эмилио 18
 Астор, Винсент 81, 243

 Балиньо, Карлос 29, 30, 34, 40, 42, 75, 76
 Бальягас Э. 356
 Барбюс, Анри 121
 Барко, концессия 296
 Барнет, Хосе 361
 Барон, Х. 137
 Баррейро, Алехандро 34
 Баррерас А. 181
 Барсело Г. 85
 Барсело Х. 181
 Батиста-и-Сальдивар, Фульхенсио 202, 210—212, 214, 217, 220, 222, 233, 234, 236, 237, 252—261, 271—277, 294, 296, 297, 299—304, 308—310, 313, 314, 320, 322, 338, 339, 341, 342, 346—350, 352, 353, 355, 358—360, 362—371, 375, 377—381, 390, 418, 420, 422
 Беккер 418
 Беллягард, Дантес 89
 Бельт, Гильермо 196
 Берли А. А. 148, 240, 254, 321
 Билс, Карльтон 46, 92, 105, 112, 127, 190, 263
 Бингхэм Р. 188
 Блас Рока 49, 91, 213, 304, 319, 338, 344, 352, 365, 373, 389
 Блас Эрнандес, Хуан 261
 Боде А. К. 15
 Бора, Уильям 121, 231, 235

 Бош Мартинес А. 34, 36
 Браво, Хосе 33
 Брусон, Клаудио 90
 Бургос, Мануэль 187
 Бьюэл Р. Л. 147, 286, 318
 Бэбст, Эрл 337

 Вальдес Х. 42
 Ванденберг 325
 Варгас, Жетулио 265
 Варела, Альфредо 25, 66
 Варона, Энрике 39, 77
 Варона, Энрике Хосе 84, 92, 109
 Васкес Бельо, Клемент 118
 Венсан С. 281
 Виво, Хорхе 37
 Виера, Орландо 419
 Вилар, Сесар 338, 356, 362
 Вильсон, Вудро 24, 25, 143, 292
 Вильсон Э. 222
 Вльереаль 198
 Владимиров А. С. 8
 Вуд Б. 158, 178, 379
 Вуд, Леонард 11, 17
 Вудин У. 44, 86, 133, 145

 Гардинг, Уоррен 25, 154
 Гарсиа Барсеназ 209
 Гарсия Мерино 341
 Герра-и-Санчес, Рамиро 85, 98
 Геррант Э. 318, 366
 Герринг, Губерт 154, 179, 286, 301
 Гитерас, Антонио 85, 136, 253, 256, 258, 259, 270, 271, 273—275, 279, 298, 299, 301—303, 350, 352, 355, 419
 Гитлер 370
 Гомес, Мигель Мариано 116, 136, 163, 196, 237, 238, 254, 257—260, 275, 347, 359—365
 Гомес, Хосе Мигель 14, 24, 41, 47, 69
 Гомес, Хуан Висенте 76
 Гонсалес Карвахал Л. 113
 Гонсалес де Мендоса А. 261

Гонсалес Рубиера Х.М. 134, 135, 199
 Горький Максим 356
 Грант Т. 77
 Грау Сан Мартин, Рамон 110, 203, 212—214, 232, 235—240, 242, 248, 250—254, 256, 258—260, 263, 264, 266, 268—281, 294—303, 307, 308, 320—322, 339, 340, 349, 357, 371, 373, 381
 Григулевич И. Р. 374
 Грин, Грэхем 378
 Грин У. 77
 Гробарт, Фабио 31, 40
 Грю, Джозеф 68
 Грюнинг Э. 285, 286
 Губер А. А. 10
 Гувер, Герберт 21, 110, 121, 125, 126, 128, 129, 136, 142, 151, 265, 315
 Гугенхейм, Гарри Ф. 7, 99, 111, 113, 117, 118, 126—129, 135, 136, 150, 153, 315, 316
 Даггэн Л. 90
 Даггэн Стефэн 286
 Даниэльс, Джозефус 120, 187, 221, 224, 226, 230, 282, 339, 340
 Дауэс Ч. Г. 154
 Дельгадо, Эразмо 191, 193
 Джемс П. 54
 Дженкс, Лилэнд 17, 21, 22, 34, 44, 46, 49, 79, 95
 Джибсон, Хью 269
 Джонса—Костигэна билль 324—327
 Джудда, Нобль 91
 Диас О. 73
 Диас, Порфирио 76
 Доддс Г. У. 360—362
 Думениго К. 77
 Дэвис, Норман 24, 154—155
 Дюмон 274

Жпроди, Анхел Альберто 280, 283—285, 288

Зорина А. М. 8
 Зубок Л. И. 18, 79, 375

Иерресуэло, Хиль 343
 Икес, Гарольд 230, 365
 Инклан Г. 183, 193
 Инмэн, Сэмюэл Гай 89, 290
 Иррисари, Хосе М. 212
 Итуральде Р. 94, 261

Кальво М. А. 118
 Кальдерно, Франспеско см. Блас Рока

Кан, Альберт 81
 Карбо, Серхио 117, 210, 212—214, 232—233, 236, 253, 254
 Карденас, Ласаро 369, 379
 Карденас-и-Эчарте Р. 196
 Карпентьер, Алехо 85
 Кастильо Покорни Д. 196
 де Кастро, Жозуэ 66
 Кастро Рус, Фидель 6, 11, 12, 45, 92, 113, 210, 248, 252, 260, 261, 301, 317, 327, 346, 349, 355
 Келлог Ф. 86, 89, 91
 де Кесада Э. 233
 Кинг У. 110, 151, 264, 316, 325
 Кинтеро, Федерико 416
 Кирос Х. 120
 Кларк 326
 Кодаченко А. С. 140, 321, 322
 Кокрэн 325
 Кольясо 261
 Коунтер Д. Л. 323
 Краудер, Энох 14, 16, 24—29, 41, 83, 154, 360
 Крейг М. 378
 Кронон Э. 188
 Крус-и-Видадь 418
 де ла Крус К. 360, 361
 Кулидж, Кальвин 71, 87, 89, 91, 267
 Кьюдахы Д. 153
 Кэстль У. 125
 Кэтлин, Генри, 69, 70, 81
 Каффеи, Джефферсон 153, 156, 192, 199, 200, 203, 204, 215, 218, 221, 222, 232, 239, 268, 294, 296, 297, 299—303, 306, 307, 309, 311—314, 321, 336, 339, 346, 347, 350, 352—354, 358, 360—362, 364, 365, 420, 422, 423

Лайндли, Эрнст 229
 Ламар Швейер, Альберто 190
 Ламонт, Томас 86
 Ларедо Бру, Федерико 196, 362, 365, 368, 371, 376
 Легия, Аугусто 76
 Ленин В. И. 10, 13, 34, 36, 109, 222, 242, 249, 315, 329
 де Леон, Рубен 209, 214, 278, 301, 349
 Липпман, Уолтер 83
 Лисасо, Феликс 37
 Лонг, Хью 81
 Лопес, Альфредо 33, 77
 Лопес А. 369
 Лопес 284
 Лопес Валиньяс А. 92

Лопес Мигоя М. 210

Луначарский А. В. 38

Льюис, Клеона 139

Лэйкин, Герберт 41

Магун Ч. 14

Маймир Э. 210

Макбет М. 42

Мак-Бэйн, Д. 161, 166

Мариатеги, Хосе Карлос 36

Маринелью, Хуан 37, 43, 67, 85,
120, 247, 252, 254, 255, 368, 373,
382

Марк Твен 11

Маркес Стерлинг, Мануэль 89, 280,
299, 307, 316, 416

Марреро, Леви 23, 48, 49

Марсал М. 223

Марти, Хосе 6, 30, 40, 54, 76, 108,
178

Мартинес Вильена, Рубен 37, 42,
43, 74, 85, 108, 109, 162, 163, 173,
298, 314

Мартинес Саенс, Хоакин 118, 196,
202, 257, 323, 348

Мартинес Фрага А. 380

Маскадо Ф. 92

Масо Блас 77

Массиц, Сальвадор 120, 121

Мачадо, Густаво 37, 42, 88

Мачадо-и-Моралес, Херардо 45,
68—72, 74—92, 94, 95, 99, 100,
107—124, 124—131, 133, 135,
136—139, 147, 149—153, 156—
163, 165—173, 176—187, 189—
199, 201, 203—206, 208, 210, 218,
224, 232, 233, 243, 245, 248, 251,
260, 261, 272, 278, 280, 300, 305,
311, 313—315, 321, 323, 325, 343,
347, 348, 353, 354, 357, 359—361,
374, 375, 377, 380, 385, 386, 390,
417, 418

Медина Р. 307

Мелья, Хулио Антонио 6, 33, 37,
39, 40, 42, 74—76, 92, 93, 108,
133, 137, 198, 200, 252, 253

Мендес Пеньяте Р. 94, 313

Мендиэта-и-Монтефур, Карлос 70,
94, 116, 117, 136, 166, 202, 237,
254, 257, 258, 260, 275, 297, 300,
301, 303, 305—314, 316, 318, 320,
322, 323, 335, 338—340, 342—
344, 346—348, 350, 352—355,
358—361, 388, 420

Менокаль, Марио Г. 15, 16, 23, 24,
31, 41, 71, 94, 116, 117, 136, 162—
164, 202, 203, 208, 209, 254, 260,

261, 269, 360—362, 373, 378, 380,
381

Мессершмит Д. 377, 380

Митчел Ч. Э. 44, 126

Молэнфи М. В. 125

Монро доктрина 155, 282, 285, 288,
307, 315

Морган 25, 27, 28, 47, 72, 79, 323,
420

Морроу, Дуайт 27, 89

Мур А. 311

Мур Д. 82

Муссолини 370

Мэтьюз, Герберт 6

Мэтьюс Н. 314

Най Д. П. 375

Нервал Г. см. Медина Р.

Ниринг, Скотт 23

Нитобург Э. Л. 144, 220, 226, 375

Норден А. 27

Нуньес Хименес, Антонио 10, 37,
52, 84, 101, 157, 280, 301, 327, 382

Обрегон-и-Бланко Х. Э. 80, 81

Олден, Герман 66, 154

Ортис, Арсенио 120, 160, 171

Ортис, Фернандо 14, 42, 43

Пардо О. Д. 164

Педраса Х. Э. 210, 350

Пенья Вилабоа, Хосе 34, 40

Пенья Ласаро 362, 371, 372

Пепелин Лейва 209

Пердомо Х. 233

Перес Х. М. 34

Пик 147

Пино Сантос, Оскар 337

Питтмэн К. 231

Пичардо Т. Р. 343

де ла Пласа С. 42

Платт, Орвилл Г. 11, 12

Платта поправка 11—13, 17, 18,
25, 27, 42, 70, 83, 84, 89, 90, 95,
121, 124, 136, 149, 151, 157, 163,
175, 186, 221, 226, 231, 263, 268,
279, 285, 286, 288, 289, 294, 295,
303, 312, 314, 316—319, 340,
358, 359, 384, 386, 390

По, Эдгар 262

Портела, Гильермо 212

Портель Вила, Эрминьо 281, 285

Портер Р. 151

Портуондо дель Прадо, Фернандо
191

Пресно Х. А. 196

Прието Х. 370

Прио Сокаррос, Карлос 209, 214, 349

Пуиг Касауранк Х. М. 187, 224, 226, 229, 282, 286, 288

Райт Д. Б. 377

Райт Ф. 52, 53, 57, 62

Райт Ч. 77

Раско-и-Руис Ф. 210

Рего, Хосе 34

Рейес Спиндола, Октавио 296

Ривас Э. С. 364

Ривера, Диего 88

Ле Риверенд, Хулио 31

Рид 151

Ризра, Марио 70

Роа, Армандо 278

Роа Гарсиа, Рауль 37, 76, 113, 163, 247, 248

Родригес, Карлос Рафаэль 177, 371

Родригес, Пабло 210

Ройг де Леучсенринг, Эмилио 37, 85, 314, 319

Рокфеллер, Перси 243

Ропер, Даниэль 146

Рузвельт, Теодор 12, 267

Рузвельт, Франклин 44, 120, 133, 138, 139, 141—148, 150, 152—156, 158, 159, 161, 165, 168, 169, 173, 175, 176, 180, 182—187, 193—195, 199—200, 203, 207, 217—223, 226, 228, 229, 232, 235, 238, 243, 256, 262, 264, 266—268, 270, 274, 278, 281, 286, 287, 289, 290, 292, 294—296, 301, 306—308, 312, 315, 317, 319—323, 326—328, 330, 340, 357, 359, 362, 365, 366, 370, 374, 379, 380, 385, 387

Руис М. 88

Рэтбон А. 23, 25

Сааведра Ламас К. 226, 282—284, 288

Сагаро Б. 77

Сайяс, Альфредо 24—26, 28, 43—45, 68—70, 80, 194, 374

Сайяс Басан Р. 94

Саладригас, Карлос 118, 196, 202, 349

Салинас М. 33

Сангили, Мануэль 17

Сангили, Хулио 189, 190, 191, 193, 205, 208, 233

Сандино, Аугусто 75, 86, 355

Сантос Хименес, Рафаэль 196

Сарабиа А. 92

Санчес-де Бустаманте А. 13

Свэнсон, Клод 186, 200

де Сеспедес-и-Кесада, Карлос Мануэль 81, 181, 192—200, 202, 204, 205, 208—211, 213, 215, 216, 230, 232, 233, 236, 271, 276, 299, 305, 306, 321, 342, 360—362

Сильвериио Н. 196, 257

Симон Ф. 36

Синтас, Оскар 129, 133, 153, 164, 169, 182, 185

Слезкин Л. Ю. 8

Смит, Роберт 28, 32, 43, 44, 68, 71, 84, 125, 130, 318, 375, 378

Стимсон Г. 110, 125, 136, 148, 154

Стоун А. Ф. 13

Тальет, Хосе С. 37, 42

Тарафа, Мигель 44, 133

Тауссиг Ч. У. 148, 286,

Тафт У. 14

Техера, Диего Висенте 29

Томас А. 82, 88, 108

Томсон Ч. 124, 272, 286, 359

де ла Торре, Карлос 136, 152, 161, 166, 347

де ла Торре, Оскар 258

де ла Торриенте, Косме 94, 159, 196, 306, 307, 316, 324

де ла Торриенте, Лоло 173

де ла Торриенте Брау, Пабло 109, 113, 120, 247, 346, 370

Трехо Гонсалес, Рафаэль 109, 110

Трухильо, Рафаэль Леонидас 76, 144, 224

Уайт, Фрэнсис 68, 91, 117, 137

Убико Х. 224

Уиллер Б. К. 375

Уильгус А. 124

Уильямсон Г. 87

Уоллес, Генри 321, 325, 330

Уолш Д. 127

Уорбург Д. 153

Уэллес, Бенджамен Сэмнер 16, 121, 126, 137, 139, 141, 150, 152—171, 173—192, 194, 196—205, 207, 209, 212, 214—219, 221, 224, 226, 228—230, 233, 234, 236—240, 246, 247, 249, 252—254, 256—264, 268—271, 273—275, 281, 284, 286, 288, 289, 293—295, 299, 301, 305, 316, 317, 320, 321, 339, 357, 358, 360, 362, 376, 414, 417, 418

Уэргенбэйкер 140, 153, 154

Фабрегат, Луис 33, 73, 86, 415

Фернандес Ф. А. 357

Фернандес Медина Б. 269, 270
Фернандес Перес В. 343—344
Феррара, Орестес 84, 89, 90, 159,
181, 183, 184, 186, 187, 189, 198,
321
Феррер О. 189—191, 216
Фигероа И. 109
Филлипс, Руби Харт 82, 98, 99,
119, 127, 128, 160, 171, 178—180,
193, 198, 202, 234, 247, 248, 264,
268—271, 274, 302, 313, 314, 317,
331, 364
Филлипс У. 167—169, 186, 203, 220,
291, 299, 301, 331
Фитцджеральд Р. 12, 27
Фиш, Гамильтон 137, 151, 166, 316
Фонер Ф. С. 7
Форд Джеймс 156
Фостер, Уильям Зенон 70, 141, 145,
176, 197, 249, 312, 332
Франка-и-Альварес, Порфирио 212,
231
Фрейре де Андраде Г. 49
Фримэн Д. 23
Фрэнсис 224

Хайнтон Г. 220
Хардинг У. 25
Хаули 15
Херст Р. 228
Хорд Д. 25
Хунко, Сандалио 172, 198, 342
Хусто А. П. 265
Хэвмейер 126
Хэй Д. 10

Хэкетт Ч. 286
Хэлл, Корделл 89, 126, 145, 146,
148—151, 153, 155, 157—159,
161, 176, 180, 182, 185, 187, 188,
193, 201, 202, 207, 209, 212, 215—
221, 224, 226, 228—230, 236, 237,
239, 246, 247, 253, 256, 257, 259,
261, 263, 267—270, 281—285,
287—294, 296, 306, 307, 311,
315, 317, 318, 328—332, 335,
339, 340, 347, 362, 380, 414

Честер Э. А. 217, 236, 296, 299, 315
Чибас, Эдуардо Р. 85
Чибас, Эдуардо Х. 196
Чэдборн, Томас Линкольн 96, 98,
99, 126, 280, 300
Чэдборна план 96, 99, 100, 104,
105
Чэпмен Ч. 67

Шипстед Г. 77, 78, 91
Шоемэйкер 151
Штейнгардт Ф. 47

Эвиа А. 94
Эвиа, Карлос 177, 301—303, 363
Элиас Бергес Х. 113
Эрнандес О. 85
Эррера, Альберто 160, 191—193,
198
Эстрада Кабрера М. 76
Эстрада Пальма Т. 12, 14, 80, 95,
Юдикур, Пьер 89
Юз Ч. Э. 28, 41, 89, 154, 285

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	5
Глава I. Колония янки (1918—1929 гг.)	7
Глава II. В пучине экономического кризиса (1929—1933 гг.)	96
Глава III. Свержение диктатуры Мачадо	139
Глава IV. Интервенция под маской «добрососедства»	214
Глава V. «Наш человек в Гаване» (1934—1939 гг.)	305
Заключение	383
Источники и литература	391
Приложение № 1	413
Приложение № 2	414
Приложение № 3	416
Приложение № 4	417
Приложение № 5	418
Приложение № 6	419
Резюме на испанском языке	421
Именной указатель	425

Нитобург Эдуард Львович

**ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА НА КУБЕ
(1918—1939 гг.)**

*Утверждено к печати Институтом этнографии
Академии наук СССР*

Редакторы издательства **В. Г. Сироткин и Л. С. Кручинина**

Художник **А. И. Литвишко**

Художественный и технический редактор **Н. Д. Новичкова**

Сдано в набор 28/IV 1965 г.

Подписано к печати 17/VIII 1965 г. Формат 60×90^{1/4}.

Печ. л. 27. Уч.-изд. л. 27,9. Тираж 3200 экз.

Т-11453 Изд. № 129/65. Тип. экз. № 2441

Цена 1 р. 91 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
92	12—13 сн.	назвал имя Мельи	назвал Мелью
96	10 св.	увеличивала	увеличивали
189	27—28 св.	интервентов	интервентам
190	4 сн.	15.VI	15.IV
207	3—4 св.	Через месяц, 24 августа, после захвата	Через месяц после захвата 24 августа
222	10 сн.	конференции, многие	конференции и многие
259	1 св.	О них уже	Об этом уже
268	21 св.	оснащенном	уснащенном
271	4 св.	что факт трехмесячного пребывания	что трехмесячное пребывание
289	7 сн.	ту процедуру	эту процедуру
292	8 св.	поведение	проведение
320	3 сн.	Op. cit.	Op. cit., p. 141
332	7 св.	100	103
333	6 св.	взаимности» с Кубой	взаимности» — с Кубой
337	5 св.	с 1939	с 1934
348	23 св.	учреждений, в феврале	учреждений. В феврале
358	22 св.	было	была
429	7 св.	А. Л. Литвишко	И. А. Литвишко

1691.6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА НА КУБЕ

Э.А.НИТОВУРГ

1 p. 91 к.

Esta monografía trata de cómo Cuba «independiente» fue convertida en una colonia real del imperialismo norteamericano y cómo el pueblo cubano ha luchado por su libertad. En el libro se trata de la revolución de 1933 y la actividad del Gobierno revolucionario provisional de Cuba, de cómo cambiaban las formas y métodos de la política de los EE. UU. y cómo sus círculos gobernantes ahogaban el movimiento liberador en Cuba bajo la máscara de «buena vecindad», de cómo empezó su carrera sangrienta Batista, que penetró al poder en la cresta de la honda revolucionaria.

La obra está basada en diversas fuentes, entre ellas documentos archivados cubanos y otros hasta ahora inéditos, la correspondencia diplomática y una vasta literatura histórica, materiales de la prensa norteamericana, cubana, argentina y europea. Analizando estas fuentes, el autor pone al desnudo los motivos secretos y móviles de la política de Washington, muestra la propia «cocina» de la diplomacia norteamericana.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА НА КУБЕ

Э. Л. НИТО